

V ГОТЛИБОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И РЕГИОНОВЕДЕНИЕ
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА
В РУСЛЕ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ
РЕГИОНОЛОГИИ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ, ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

V ГОТЛИБОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И РЕГИОНОВЕДЕНИЕ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА В РУСЛЕ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ РЕГИОНОЛОГИИ

Материалы
Международной научно-практической конференции,
посвященной 70-летию со дня рождения
Олега Марковича Готлиба
Иркутск, 19–21 октября 2021 г.

Печатается по решению ученого совета ИФИЯМ ИГУ

Редакционная коллегия:

- Е. Ф. Серебренникова*, д-р филол. наук, проф. (отв. ред.);
О. В. Кузнецова, канд. филол. наук;
Е. В. Кремнёв, канд. социол. наук;
Е. В. Лесниковская, канд. социол. наук;
Е. В. Ли, канд. филол. наук;
О. Г. Кобжицкая, канд. филос. наук;
С. В. Стефановская, канд. филол. наук;
И. В. Шалина, канд. ист. наук;
Т. Е. Шишмарева, канд. филол. наук;
В. В. Ананьев; И. Н. Солсоев;
Ван Ланьцзюй, канд. филол. наук (Циндаоский приморский университет, КНР);
Е Хуэй (Цзянсийский финансово-экономический университет, КНР)

Г73

V Готтлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в русле трансдисциплинарной регионологии : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Олега Марковича Готтлиба. Иркутск, 19–21 октября 2021 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2021. – 439 с. <https://doi.org/978-5-9624-2002-8>. 2021.1-439
ISBN 978-5-9624-2002-8

Основной тематикой чтений, посвященных 70-летию со дня рождения выдающегося российского китаеведа Олега Марковича Готтлиба (1951–2016), стали фундаментальные и актуальные проблемы востоковедения и регионоведения стран Азиатско-Тихоокеанского региона, разрабатываемые в рамках регионологии, языкознания, лингводидактики, истории, культуры, философии, политологии, социологии и этнологии стран АТР.

Адресовано преподавателям, аспирантам, магистрантам, научным работникам, специализирующимся в области регионологии, регионоведения, восточного языкознания и лингводидактики, гуманитарных наук, связанных с комплексным изучением АТР.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Сборник включен в договор о размещении материалов в наукометрической базе «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

УДК 372.881.1
ББК Ш12/17(5)л0+Ш5(5)л0

Посвящается памяти
выдающегося российского китаевода

Олега Марковича Готлиба

(20.10.1951–08.06.2016)

РАЗДЕЛ I

**СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА, КУЛЬТУРЫ
И ОБЩЕСТВА**

УДК 811.581

М. П. Афанасьева

Иркутский государственный университет, Иркутск

**ИНТЕРПРЕТАЦИЯ «САКРАЛЬНОГО»
КАК ЦЕННОСТНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КИТАЙСКОГО
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО СООБЩЕСТВА
(НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ)**

Аннотация. Рассматриваются фразеологические единицы китайского языка посредством репрезентирующихся в них ценностей лингвокультурного сообщества в аспекте интерпретации сакрального. Затрагивается проблема изучения диады «сакральное – профанное». Анализируется система сакрализации ключевых аспектов китайской религиозной традиции: сакральное пространство, время, ритуалы на материале китайских фразеологизмов.

Ключевые слова: фразеологические единицы, китайская лингвокультура, сакральное, система ценностей, миф, религиозная традиция, ритуалы.

M. Afanaseva

Irkutsk State University, Irkutsk

**INTERPRETATION OF THE “SACRED” AS A VALUE COMPONENT
OF THE CHINESE LINGUISTIC AND CULTURAL COMMUNITY
(BASED ON THE MATERIAL OF PHRASEOLOGICAL UNITS)**

Abstract. The purpose of this article is to analyze the phraseological units of the Chinese language through the values of the linguistic and cultural community represented in them in the aspect interpretation of the Sacred. The problem of studying the dyad “Sacred-Profane” is touched upon. The system of the sacralization main aspects of the Chinese religious tradition (sacred space, time, rituals) is analyzed on the material of Chinese phraseological units.

Keywords: phraseological units, Chinese linguoculture, Sacred, value system, myth, religious tradition, rituals.

В настоящее время одной из актуальных проблем современной лингвистики является исследование фразеологического фонда языка в аксиологическом аспекте, который основывается на анализе языкового материала с точки зрения отражения в нем системы ценностей лингвокультурного сообщества.

Исследование ценностной сферы имеет ряд важных особенностей и характеристик, в ряду которых:

– глубинный, ментальный характер оценивания, его психологическая и когнитивная онтология, имеющая сопряженную индивидуальную и коллективную феноменологию, дискретное функциональное проявление и одновременную континуальную укорененность в инерционных меморизированных структурах «жизненного пространства» человека и общества;

– интерпретация сущностных смыслов, объективируемых в качестве ориентиров социального бытия и различного типа дискурсов/текстов, по своей сути имеет семантический характер, направленный на выявление значения тех символических форм, с помощью которых выражаются данные социально значимые смыслы;

– сущность смыслов социального бытия, составляющая социальный мир и аксиосферу общества, относится к сфере общего интереса [Серебренникова, 2011, с. 40].

Когнитивный подход к интерпретации специфики оценочной семантики в лингвистической аксиологии закономерно приводит к признанию существования особых типов аксиологических концептов, которые «не только имеют ценностную составляющую, но соотносятся с ценностями как их ментальные эквиваленты. Аксиологический концепт – это ментальный конструкт, сосредоточивающий в себе знания, представления, понятия о духовных ценностях – нравственных, эстетических, познавательных, религиозных (красота, свобода, праведность и грех, правда и истина и др.)» [Марьянчик, 2013, с. 11]. При этом отмечается, что ценностная составляющая аксиологического концепта может быть выявлена через анализ оценочных значений языковых единиц, паремий, прецедентных текстов. Наличие ценностного и оценочного компонентов в составе аксиологических концептов указывает на систему ценностей и ориентиров, закрепленную в коллективном сознании общества. Оценочный компонент является показателем положительного или отрицательного отношения общества к определенным явлениям жизни [Миронец, 2007, с. 10].

Цель данной статьи – анализ фразеологических единиц китайского языка через призму репрезентирующихся в них ценностей лингвокультурного сообщества в аспекте интерпретации сакрального.

Прежде всего, уточним особый статус фразеологических единиц в общем лексическом фонде языка. Каждая фразеологическая единица – это микротекст, т. е. хранитель культурной информации [Маслова, 2004, с. 75]. Как известно, фразеологическая семантика носит антропоцентрический характер. Фразеологизмы отражают в основном такие моменты действительности, которые связаны с существованием и деятельностью человека, с выражением им своего отношения к предметам, явлениям, событиям окружающего мира. Не оставляет сомнения тот факт, что во фразеологических единицах как элементах категоризации мира можно наблюдать

диалектику сакрального и профанного аспектов культуры, соотносящихся с мифологическим сознанием и познанием мира.

Понятия «сакральное» и «профанное», бесспорно, имеют аксиологическую социальную значимость. Проблема изучения данной диады является одной из сложных и малоизученных тем в лингвоаксиологии, затрагивается лишь в связи с философскими и религиозными направлениями исследования. Вместе с тем, помимо вышеуказанных направлений, существуют и другие подходы к пониманию сущности диады. В настоящее время диада «сакральное – профанное» рассматривается в трех аспектах: мифологии, религии, идеологии. При этом специальные исследования, затрагивающие тему, практически отсутствуют в отечественной лингвистике, фразеологии, что показывает низкую разработанность проблемы в лингвоаксиологическом плане анализа этих феноменов.

Изучение сакрального и профанного в лингвоаксиологическом аспекте целесообразно через призму установленной в культурологии системы сакрализации, которая состоит: а) из суммы священных для данного общества идей; б) психологических приемов и средств убеждения людей в безусловной истинности этих идей; в) специфически знаковых форм воплощения святынь, сакраментальных и враждебных символов; г) особой организации; д) специальных практических действий, обрядов и церемоний [Пивоваров, 1998, с. 757]. В связи с этим представляется целесообразным отнести к сфере сакрального ритуально-религиозные семиотические системы с учетом общего принципа лингвоцентризма, их объективации языком, в том числе и прежде всего паремиологическим фондом языка. Н. Б. Мечковская указывает, что «в филогенезе ритуальное действие было первым семиотическим процессом, который формировал мифологические представления первобытных людей и другие их семиотические возможности коммуникации – ритуальный танец, протомузыку... а впоследствии также и звуковой язык» [Мечковская, 2004, с. 279].

Ключевыми аспектами китайской религиозной традиции являются общая концепция строения мира и ее основные составляющие: сакральное пространство, сакральное время, символика сверхъестественного, ритуалы, гадание, экзорцизм, медитация, руководство и организация, а также этическое учение [Религиозные традиции мира, 1996, с. 435].

В Китае концепция сакрального пространства и времени имеет существенное отличие от западной. Данная особенность проявляется в том, что священным (сакральным) считается весь мир. О мощи и красоте земли свидетельствуют такие сакральные места, как горы, пещеры, особые ландшафты. Китай, согласно даосскому учению и религиозным воззрениям, разделен на так называемые области, над которыми господствуют священные горы. Данное разделение нашло свое отражение в следующих фразеологизмах:

泰山北斗 tàishān-běidǒu (букв. «гора Тайшань и ковш Большой Медведицы») – человек высокой морали и большой известности; недостижимое совершенство; корифей науки и искусства [Толмац, 2009, с. 322];

泰山鸿毛 tàishānhóngmáo (букв. «гора Тайшань и лебяжий пух») – несоизмеримые величины, о деле исключительной важности и о чем-либо пустяковом [<https://bkrs.info/slovo.php?ch=泰山鸿毛>];

泰山压卵 tàishānyāluǎn (букв. «горою Тайшань давить яйца») – сила солону ломит; сильный одолевает слабого [Толмац, 2009, с. 322].

В Китае гора Тайшань входит в число пяти священных гор даосизма наравне с 华山 *Huà Shān*, 衡山 *Héng Shān*, 恒山 *Héng Shān*, 嵩山 *Sōng Shān* и обладает огромной культурной и исторической ценностью. Тайшань традиционно считается местом обитания даосских святых и бессмертных, ассоциируется с восходом солнца, рождением и обновлением. Традиционно считается самой священной из пяти великих гор. Храм, расположенный на ее вершине, уже на протяжении 3000 лет является целью многочисленных паломников.

Наряду с сакральными местами в Китае существуют и сакрально отмеченные промежутки времени. Это, как правило, важные периоды и события в человеческой жизни, которые связаны как с жизнью конкретного человека, так и с жизнью коллектива, так как в китайской традиции индивидуальные праздники не играли важной роли. Первостепенное значение отводилось обрядам или ритуалам жизненного цикла семьи или коллектива: брачным и погребальным обрядам, Новому году по лунному календарю, когда, по мнению китайцев, обновлялись животворные силы космоса; «святым дням» для каждого времени года, а также в честь святых и основателей учений и т. д.

Каждый ритуал наделен тремя обязательными компонентами разной семиотической природы: 1) ритуальное (символическое) действие над определенными предметами или с помощью предметов; 2) мифологическое представление о значении совершаемого действия; 3) сопровождающие действия словесные формулы [Мечковская, 2004, с. 280]. Все это находит отражение в следующих фразеологизмах:

正月十五赶庙会–随大流 zhēngyuè shíwǔ gǎn miào huì – suí dàliú (букв. «пятнадцатого числа первого лунного месяца спешат на ярмарку при храме» – «идти вместе с потоком людей»). Данный фразеологизм связан с традиционным праздником фонарей: считается, что человек в этот день посещает ярмарку при храме, чтобы избавиться от болезней и неприятностей [温瑞, 2011, с. 635];

七日来复 qīrìláifù (букв. «7 дней вновь возвращаются») – 1) мужская сила космогонии (陽) возвращается через 7 дней (после ее убывания); 2) неделя, отрезок времени в 7 дней [Готлиб, Му Хуаин, 2007, с. 326];

黄道吉日 huángdàojí – счастливый день. Согласно гороскопу, такой день идеально подходит для совершения различных дел [Там же, с. 188].

Далее приведем примеры фразеологизмов, связанных со свадебными обрядами и ритуалами:

月下老人 yuèxiàlǎorén – Подлунный старец – «дух свадьбы, влюбленных». Согласно мифам, данное божество *связывает красным шнурком ноги будущих супругов* [Готлиб, Му Хуаин, 2007, с. 540];

割襟之盟 gē jīn zhī méng (букв. «заключить союз, обрезав полы одежды») – брачный союз детей до их рождения [Там же, с. 152].

Важная роль отводилась подаркам, которые дарили на рождение детей. Но существовала большая разница между подарками в честь рождения сына и дочери, о чем свидетельствуют следующие выражения:

弄瓦之喜 nòng wǎ zhī xǐ (букв. «дарить черепицу в качестве игрушки») – рождение дочери; поздравление по случаю рождения девочки [Готлиб, Му Хуаин, с. 307];

弄璋之喜 nòngzhāngzhīxǐ (букв. «дарить нефритовый скипетр в качестве игрушки») – рождение сына; поздравление по случаю рождения мальчика [Там же, с. 307].

В китайской мировоззренческой традиции не существует резкого различия между богами и людьми, как это принято на Западе. Люди, сверхъестественные существа и боги являются частью одной системы: человек может стать божеством, а боги принимают человеческий облик [Религиозные традиции мира, 1996, с. 443].

Во фразеологических единицах китайского языка часто упоминаются божества, которым поклонялись в старину китайцы, и связанные с ними обряды.

Рассмотрим на примере бога домашнего очага. Это божество называют по-разному: Цзао-ван 灶王爷 («князь очага»), Цзао-шэнь 灶神 («бог очага»), Цзао-цзюнь 灶君公公 («повелитель очага»), Цзао-пуса 灶菩萨 («бодхисатва очага»), в китайской мифологии – популярное божество домашнего очага. Само понятие «очаг» 竈 (в современном произношении «灶 цзао») записывается иероглифом, представляющим собой пещеру с сидящей в ней лягушкой. Хотя семантика древних представлений об очаге остается неразгаданной, можно предположить, что первоначально у китайцев существовала вера в духа очага в облике лягушки, затем в облике женщины (в период господства матриархата), а в более позднюю эпоху – в мужском облике. Согласно поздним преданиям, он следит за всем, что происходит в доме, и в конце года – 23-го или 24-го числа 12-го месяца по лунному календарю отправляется к Юй-ди («нефритовому государю»), которому докладывает обо всех делах, происшедших в своем доме. Считалось, что Цзао-ван возвращается обратно 1-го числа нового года. Его образ

чрезвычайно популярен в народном искусстве, бумажные картины с изображением Цзао-вана, его супруги и помощников печатались с досок в большом количестве экземпляров [Рифтин, 1990, с. 589].

Приведем примеры фразеологизмов, репрезентирующих данный образ:

灶君公公上天 – 有一句, 说一句 *Zàojūn gōnggong shàngtiān – yǒu yī jù shuō yī jù* (букв.: «Бог домашнего очага возносится на небо – что есть, то и говори») – говорить все как есть; высказываться без утайки [Прядохин, 2001, с. 205];

灶王老爷回家 – 一堂儿新 *Zàowánglǎoye huíjiā – yī táng er xīn* (букв.: «Бог домашнего очага возвратился домой – все как есть новое») – все новое; все как есть новое [Прядохин, 2001, с. 206].

Будды, согласно китайской религиозной традиции, также были когда-то людьми, поэтому и они могут понять нужды своих почитателей, что отражается в следующих фразеологизмах:

立地成佛 *lì dì chéng fó* (букв. «тут же стать Буддой») – сразу исправиться, в одночасье стать святым [Готлиб, Му Хуаин, 2007, с. 260];

菩萨低眉 *púsà dī méi* (букв. «бодхисатва опускает брови») – обр. в знач.: быть милостивым, ласково (мягко) взирать на окружающих; быть мягким (нежным) [Там же, с. 325];

醍醐灌顶 *tíhúguàndǐng* (букв. «чистое учение омыло голову») – наделение знанием (*буддизма*), посвящение в избранные Будды; довести до сознания, заставить осознать; сделать понятным, заставить опомниться [Там же, с. 412];

三生有幸 *sānshēng yǒuxìng* (букв.: «три жизни имеют счастье») – прекрасный, но труднодостижимый шанс. В буддийском учении «три жизни» означают прошлую, настоящую и грядущую жизни человека. Если человеку судьбой определено в трех жизнях прийти к учению Будды и познать его, то он должен воспринимать это как высшее благо и счастье и дорожить этим учением. Счастливый случай приведет человека к учению Будды, но в то же время потребует от него преодоления многих трудностей на пути к истинному познанию [Войцехович, 2007, с. 21–22].

Следует отметить и основную тему древнейших ритуалов, нашедшую свое отражение во фразеологизмах китайского языка, – сотворение космоса и миропорядка из хаоса. Китайский миф о сотворении мира – миф о Паньгу – послужил основой фразеологизма 开天辟地 *kāi tiān pì dì* «сотворить небо, сотворить землю». Этот миф гласит: «Вначале был первозданный хаос. В этом хаосе зародился первозданный великан Паньгу. Прошло 18 тысяч лет, и начала создаваться Вселенная. Все легкое в хаосе, все чистое (ян-ци) поднялось вверх и образовало Небо, все мутное, тяжелое (инь-ци) опустилось вниз и превратилось в Землю. Сам Паньгу остался посередине и менял свой облик по 9 раз в день. Находясь между небом и зем-

лей, он на небе был божеством, на земле – святым мудрецом. Небо со временем все выше поднималось над землей, и все более вырастал стоявший между небом и землей Паньгу. Когда же великан Паньгу достиг размеров в 90 тысяч ли – расстояние между землей и небом, он, прожив многие тысячи лет, наконец, умер. Один глаз Паньгу стал солнцем, другой – луной. Тело его превратилось в почву, дыхание стало ветром, кости – камнями и горами, волосы – травами. Из бороды взметнулись на небо звезды, а из обитавших на его теле насекомых произошли люди» [Васильев, 2001, с. 238]. Данный фразеологизм 开天辟地 приобрел переносно-образное значение «первозданный; впервые в истории; небывалый» [Готлиб, Му Хуаин, 2007, с. 231].

Рассмотренные выше фразеологические единицы позволяют нам выдвинуть гипотезу о том, что в них как элементах категоризации мира репрезентируется значимость системы сакрализации через призму традиционных и абсолютных ценностей. Это поддерживается в первую очередь связью с ритуально-религиозной семиотической системой. Религиозные воззрения, ритуалы и обряды оказываются отраженными в единицах языка, в частности во фразеологизмах, обладающих как контекстуальной, так и культурно-контекстуальной семантикой. Важным, на наш взгляд, является продолжение исследования на предмет выявления возможной десакрализации культурных традиций, что может отражаться в использовании фразеологизмов, репрезентирующих второй объект (компонент) диады «сакральное – профанное».

Литература

- Большой китайско-русский словарь. URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=泰山鸿毛> (дата обращения: 20.07.2021).
- Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. 2-е изд. М. : Вост. лит., 2001. 488 с.
- Войцехович И. В. Практическая фразеология современного китайского языка : учебник. М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. 509, [3] с.
- Готлиб О. М., Хуаин Му. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений. М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. 608 с.
- Марьянчик В. А. Аксиологическая структура медиа-политического текста (лингвистический аспект) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. Архангельск, 2013. 38 с.
- Маслова В. А. Культурно-национальная специфика русской фразеологии // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / отв. ред. В. Н. Телия. М. : Языки славян. культуры, 2004. С. 69–76. (Studia philologica).
- Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура. Курс лекций : учеб. пособие. М. : Академия, 2004. 432 с.
- Миرونцев Е. С. Эволюция и особенности языковой репрезентации аксиологического концепта «ДЕМОКРАСЫ» в инаугурационных речах президентов США : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Владивосток, 2007. 22 с.
- Пивоваров Д. В. Сакральное: Современный философский словарь / под общ. ред. В. А. Кемеров. 2-е изд., испр. и доп. Лондон ; Франкфурт-на-Майне ; Париж ; Люксембург ; М. ; Минск: ПАНПРИНТ, 1998. 1064 с.
- Прядохин М. Г., Прядохина Л. И. Краткий словарь недоговорок-иносказаний современного китайского языка. М. : Муравей, 2001. 224 с.
- Религиозные традиции мира. В 2 т. Т. 2 / пер. с англ. М. : Крон-Пресс, 1996. 640 с.

Рифтин Б. Л. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М. : Сов. энцикл., 1990 г. 672 с.

Серебрянникова Е. Ф. Ключевые понятия аксиологического анализа // Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов: коллективная монография / отв. ред. Л. Г. Викулова. М. : Тезаурус, 2011. 352 с.

Толмац К. В. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 2000 словосочетаний с иллюстративными примерами. М. : Вост. кн., 2009. 506 (6) с.

温端政.中国歇后语大词典 / 温端政. – 上海: 上海辞书出版社, 2011. 726 页.

УДК 81'42

Е. П. Баум

Московский городской педагогический университет, Москва

САЙТ ПОСОЛЬСТВА КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ ИМИДЖА СТРАНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ САЙТА ПОСОЛЬСТВА ЯПОНИИ ВО ФРАНЦИИ)

Аннотация. Анализируется сайт дипломатического ведомства как инструмент создания положительного образа страны. Рассматриваются маркетинговые стратегии и их применимость в рамках дипломатического дискурса на примере сайта Посольства Японии во Франции.

Ключевые слова: маркетинговая лингвистика, дипломатический дискурс, позиционирование страны.

E. Baum

Moscow City University, Moscow

EMBASSY WEBSITE AS A COUNTRY'S IMAGE-MAKING TOOL (ON THE MATERIAL OF THE JAPANESE EMBASSY IN FRANCE)

Abstract. The purpose of this article is the analysis of the diplomatic service's website as an image-making tool for the positive image of the country. The article addresses marketing strategies and their applicability in the frame of the diplomatic discourse using the example of the Japanese Embassy in France website.

Keywords: marketing linguistics, diplomatic discourse, country's positioning.

XXI в. ознаменовался развитием информационного общества, что повлекло за собой появление новых средств общения и других возможностей для воздействия на адресата. Одним из коммуникативных пространств, в рамках которого реализуются новые стратегии общения, стало интернет-пространство. Актуальность изучения его функционирования связана с растущей популярностью новых форм коммуникации, появляющихся на различных цифровых платформах.

Согласно Л. Г. Викуловой и соавторам, сайт дипломатического ведомства выступает официальным первоисточником информации в цифровом пространстве [Викулова, Макарова, Новиков, 2016, с. 55]. Таким образом, сайт становится основным доверенным источником и адресатом в коммуникативном процессе между посольством и гражданами того или иного государства. Именно по этой причине представляется, что подобное

коммуникативное пространство не ограничивается исключительно коммуникативно-информационной функцией, но также используется для создания положительного образа страны, так как сайт обеспечивает медийный диалог, направленный на формирование аттрактивного имиджа [Викулова, Агеева, 2021, с. 14], в нашем случае имиджа страны. Приемы, осуществляющие функцию его создания, являются предметом данной статьи.

Анализ подобного материала может упростить понимание таких процессов, как создание положительного образа страны и ее позиционирование на мировой арене. Есть предположение, что такое исследование поможет ориентироваться в коммуникативных целях, стоящих перед дипломатическими ведомствами, а также выделить успешные стратегии создания нужного образа страны в мировом сообществе.

Рассматриваемый в данной работе сайт Посольства Японии во Франции (далее – Посольство) [https://www.fr.emb-japan.go.jp/itprtop_fr/index.html] имеет три версии: франкоязычную, японоязычную и англоязычную. Франкоязычная и японоязычная версии сайта являются основными – язык и соответствующую ему версию сайта можно выбрать на главной странице. Англоязычная версия является вспомогательной и связана с деятельностью Министерства иностранных дел Японии.

В статье рассматриваются версии на французском и английском языках, так как японоязычная версия сайта согласно своему адресату – носителю японского языка и культуры – имеет несколько другую коммуникативную цель, т. е. не выполняет имиджевую функцию, которая является темой данной статьи.

Франкоязычная версия, как уже было указано, содержит основной контент сайта. На главной странице представлены заголовки с последними новостями японско-французских отношений (*Actualités*), объявлениями Посольства (*Annonces*) и основной информацией по организациям, имеющим отношение к сфере японско-французских отношений (*Informations générales*). Кроме того, на странице расположены ссылки на социальные сети Посольства (в *Twitter* и *Facebook*), ссылки на публикации в сети Интернет (например, новости Японии – *Les Nouvelles du Japon*), а также ссылка для перехода на страницу с приветственным словом действующего посла Японии во Франции Ихара Дзюнъити.

В самой же шапке сайта находится рубрикатор для простой навигации по сайту, включающий в себя следующие рубрики: *L'Ambassade* (Посольство), *Visas / Démarches* (Визы / Туризм), *Education / Formation* (Образование), *Culture* (Культура), *Actualités / Diplomatie* (Новости / Дипломатия), *Andorre / Monaco* (Андорра / Монако). Каждая из рубрик имеет свои под-рубрики, которые появляются на экране в поисковой строке сайта на конкретную рубрику. Таким образом, посетитель сайта имеет возможность ознакомиться с основным контентом сайта, все еще находясь на его главной странице, что, безусловно, облегчает поиск необходимой информации.

Семиотическим знаком привлечения внимания потенциальной аудитории выступает красный цвет, которым выделены последние новости, связанные с COVID-19 (*Actualités liées au COVID-19*) и имеющие несколько рубрик: *Conditions d'entrée au Japon et visas* (Условия въезда в Японию и визы), *La quarantaine* (Карантин), *L'Ambassade et l'accueil du public* (Посольство и прием населения). Из новостных рубрик следует, что Посольство оперативно реагирует на мировые события и предоставляет информационное сопровождение для посетителей сайта, извещая их о том, как можно вернуться в Японию ее резидентам (*Conditions de retour au Japon des résidents étrangers*) или о мерах безопасности, предпринимаемых самим Посольством в условиях пандемии (*Mesures de sécurité sanitaire appliquées au sein de l'Ambassade*).

В лингвистическом оформлении сайта важное место занимает направленность на целевую аудиторию, в частности переход на англоязычные страницы сайта возможен через франкоязычную версию, доступ предоставляется к определенным слоям контента не только для франкофонной, но и более широкой аудитории. На настоящий момент было насчитано всего лишь 9 ссылок для перехода, включая 5 из них, относящихся к вопросам пандемии COVID-19. То есть основных ссылок на англоязычные страницы всего 4: *Foreign Policy* (Внешняя политика), *Foreign Policy News* (Новости внешней политики), *Ministry of Foreign Affairs News* (Новости Министерства иностранных дел), *Prix International du Manga* (Международный конкурс комиксов *манга*).

Страницы новостей внешней политики и новостей Министерства иностранных дел дублируют друг друга, а также являются только частично англоязычными. Несмотря на англоязычный заголовок рубрики (*News from the Embassy* – Новости из Посольства), новости, входящие в нее, представлены на французском языке (обратная ситуация наблюдается со страницей, посвященной конкурсу комиксов *манга*, которая имеет франкоязычный заголовок, но англоязычный контент).

В то же время страница, посвященная внешней политике Японии, наполнена разнообразным тематическим содержанием – налицо имиджевая составляющая наряду с информационно-коммуникативной функцией: *Japan's Security / Peace & Stability of the International Community* (Безопасность Японии / Мир и стабильность международного сообщества), *Global Issues & ODA* (Мировые проблемы и ОПР), *Economic Diplomacy* (Экономическая дипломатия), *Public Diplomacy* (Публичная дипломатия), *Others* (Другое).

С точки зрения создания позитивного образа страны интересны вопросы, представленные в данных рубриках. Среди них есть такие, как *Disarmament and Non-Proliferation, Peaceful Uses of Nuclear Technology* (Разоружение и нераспространение ядерного оружия, мирное использование ядерных технологий); *Human Rights, Humanitarian Assistance, Refugees* (Права человека, гуманитарная помощь и беженцы); *International Law and*

Treaties (Международное право и договоры); *Japan and the United Nations* (Япония и ООН); *Women's Empowerment and Gender Equality* (Расширение прав и возможностей женщин и гендерное равенство); *Environment* (Окружающая среда); *Human Security* (Защита основ человеческой жизни); *The 2030 Agenda for Sustainable Development* (Программа устойчивого развития 2030); *Cultural Exchange* (Культурный обмен); *Cooperation with International Organizations (UNESCO, UNU)* (Сотрудничество с международными организациями (ЮНЕСКО, Университет ООН)); *Japan's orientation as a peace loving country* (Япония как миролюбивая страна) и многие другие вопросы, рассмотрение которых в рамках международного присутствия Японии создает привлекательный образ современной, развитой страны-пацифиста.

Создание имиджа страны, безусловно, отличается от обычных маркетинговых стратегий, потому что здесь нет конкретного товара или услуги, которые предлагались бы потенциальному покупателю. Несмотря на это, представляется возможным заимствование некоторых техник [Паршин, 2019, с. 74–84], которые бы оказались полезными в дипломатической сфере.

На главной странице сайта Посольства наверху страницы размещены фотографии первых лиц государств Франции и Японии, а также министров иностранных дел обоих государств, что сразу же придает определенную статусность тому коммуникативному пространству, которое формирует сайт. Справа от сменяющихся фотографий политиков, которые ведут стратегические диалоги ижимают руки (знак товарищества, согласия и сотрудничества), помещена фотография улыбающегося посла Японии Ихара Дзюнъити, что создает образ дружеских намерений дипломата. Вежливая японская улыбка и рукопожатие между Японией и Францией усиливают положительный коммуникативный эффект, а сообщение приобретает характер поликодового текста, в котором информация и коннотация образов передаются не только через язык, но и через визуальные образы (в данном случае фотографии). Использование фотографий позволяет донести идеи и мысли до адресата более доступным образом [Ковалева, 2017, с. 195], в частности представить деятельность главы ведомства, вызывающую положительные эмоции и тем самым способствующую положительному восприятию информации.

Таким же образом используются визуальные образы в разделе, посвященном японским садам во Франции (*Culture -> Jardins japonais en France*). При открытии соответствующей вкладки взгляду посетителя сайта предстает интерактивная карта, на которой видно распространение во Франции японских садов – символа японской культуры. При нажатии на отмеченные места на карте слева от нее появляется информационная справка с фотографией, запечатлевающей японские виды. Безусловно, сайт сохраняет выдержанность образов: помещены фотографии небольшие по размеру, главное внимание отводится географической карте – однако посетитель сайта благодаря тщательному отбору контента получает не только

вербализованную информацию, но также и аттрактивный визуальный образ, символизирующий совершенный мир земной природы Японии.

Следующий шаг, необходимый для создания позитивного образа, является базовым для маркетинга, но требует тщательной и кропотливой работы со стороны поставщика товаров и услуг. И если на рынке товаров и услуг достаточно понять, что нужно покупателю, то при создании образа страны необходимо большее – а именно **понимание базовых ценностей адресата**, которым является мировое сообщество, в первую очередь западный мир. Ценностями западного мира являются свобода личности, права человека, материальные блага, экономическая устойчивость, равенство полов, защита окружающей среды, в то время как ценностями Японии являются почитание и сохранение традиций и интересы коллектива.

Анализ англоязычных страниц сайта показал, что его организаторы обращаются ко всем этим вопросам, демонстрируя приобщенность Японии к общемировым процессам и ее солидарность с различными мировыми организациями. На странице, посвященной новостям внешней политики, отражена деятельность Японии в различных саммитах и форумах: *G7/G8* (Большая 7 / Большая 8); *Summit on Financial Markets and the World Economy* (Большая 20); *Organization for Economic Cooperation and Development* (Организация экономического сотрудничества и развития); *World Economic Forum* (Всемирный экономический форум); *World Trade Organization* (Всемирная торговая организация).

Участие Японии в подобных форумах и ее членство во всемирно признанных, элитных организациях уже само по себе делает ей имя, но более детальная информация, представленная на сайте, усиливает позитивную коннотацию образа. Япония – это миролюбивое государство, которое идет на сотрудничество, с которым можно договориться. По крайней мере, лексические единицы *cooperation* (сотрудничество), *agreement* (соглашение), *peace/peaceful* (мир/мирный) активно используются на странице новостей внешней политики (*Foreign News*). Так, транслируется образ пацифизма, солидарности с мировым сообществом, сайт использует тактику **позиционирования** – Япония представлена как одна из ведущих стран мира, которая использует мягкую силу дипломатии как элемент стратегии *национального брендинга* (nation branding) [Digital diplomacy ... , 2015, p. 90].

Следующим элементом позиционирования будет создание образа открытости Японии через различные **грантовые программы** для обучения в Японии и научных обменов с ней. Подробную информацию можно найти во франкоязычной версии сайта в рубрике, посвященной образованию (*Education / Formation*), в разделах *Etudier au Japon* (Учеба в Японии), *Faire de la recherche au Japon* (Проведение исследования в Японии), подразделы *Recherche de Bourses* (Поиск стипендии), *La vie d'étudiant au Japon* (Жизнь студента в Японии). Через подобное стимулирование исследователей Япония привлекает молодых ученых с высоким потенциалом, а также

продвигает изучение японского языка и культуры в самых разных странах, в данном случае во Франции. Стипендии предлагаются студентам, демонстрирующим отличные знания японского языка или научный потенциал в других сферах с высокой мотивацией овладеть японским языком в процессе обучения за границей.

Следующим немаловажным элементом создания образа является **аутентичность** и непохожесть Японии на другие страны. Япония – это не только член мирового сообщества, страна-пацифист, ведущая мировая держава и один из основных центров научного прогресса. Япония – это еще и особая культура, причем не только традиционная, но и современная. Несмотря на богатую культуру страны, сайт Посольства Японии использует всего лишь два культурных концепта на своем сайте. Это – японские сады как часть традиционной культуры и японский комикс *манга* как представитель современной культуры.

Подобный выбор неслучаен. Организаторы сайта тщательно отобрали две лингвокультуремы, чтобы показать традиционность и современность Японии – но самое главное ее аутентичность. Особенность культуры Японии не связана исключительно с древней культурой – поп-культура (в нашем случае *манга*) распространяется в разных странах мира, делая возможным организацию ежегодных международных конкурсов.

Все эти приемы кажутся вполне рабочими, однако возникает проблема, что сайт Посольства вряд ли является столь же часто посещаемой цифровой платформой, как, например, социальные сети, и, следовательно, тщательно продуманный и выстроенный образ, возможно, не получит должного продвижения в интернет-пространстве. Однако и с этим организаторы сайта справляются, размещая ссылки на аккаунты Посольства в *Twitter* и *Facebook*, что обеспечивает дальнейшее **информационное сопровождение** всех подписавшихся на страницы с постоянно повторяющейся ссылкой на сайт Посольства в указанных социальных сетях, что увеличивает шансы на повторное посещение сайта, который является одним из инструментов создания позитивного образа Японии.

Таким образом, сайт Посольства Японии во Франции реализует не только информационно-коммуникативную функцию, но также является инструментом создания имиджа Японии. Рассмотренный сайт является трехязычным, и каждая версия сайта имеет свои функции. В представленной статье рассмотрены вопросы позиционирования страны на мировой арене и продвижения культуры страны на определенной территории (в данном случае во Франции).

В ходе анализа сайта выявлено, что он обладает поликодовостью и использует определенные стратегии для создания положительного образа Японии, а именно: апеллирование к базовым ценностям мирового сообщества; акцент на участии в мировых экономических, политических и соци-

альных процессах; привлечение студентов и молодых специалистов к изучению японского языка и культуры посредством экономического стимулирования; акцент на аутентичность японской традиционной и современной культуры. Для закрепления созданного образа организаторы сайта предлагают дальнейшее информационное сопровождение в иных, более популяризованных форматах социальных сетей.

Литература

Викулова Л. Г., Макарова И. В., Новиков Н. В. Институциональный дискурс цифровой дипломатии: новые коммуникативные практики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2016. Т. 15, № 3. С. 54–65.

Викулова Л. Г., Агеева Н. С. Формирование сетевой идентичности японского университета Цукуба в мультязычном медийном пространстве // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Т. 7, № 1. С. 13–21.

Ковалева Л. А. Место и роль фотоизображений в современных методах передачи информации // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 3 (25). С. 193–197.

Паршин П. Б. От лингвистики рекламного сообщения к семиотике маркетинговой коммуникации: дистанция неясного размера // Маркетинговая лингвистика / под ред. Е. Г. Борисовой, Л. Г. Викуловой. М.: Флинта, 2019. С. 72–96.

Сайт Посольства Японии во Франции. URL: https://www.fr.emb-japan.go.jp/itprtop_fr/index.html (дата обращения: 21.06.2020).

Digital Diplomacy: theory and practice / ed. by C. Vjola, M. Holmes. Routledge new diplomacy studies, 2015. 238 p.

УДК 81

Ван Сюэцзяо

Ляонинский университет, Шэньян

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «ЗДОРОВЬЕ» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аннотация. Рассматривается концепт «здоровье», относящийся к универсальным и занимающий одно из ведущих мест в языковой картине мира. Отмечается, что исследование этого концепта дает возможность проанализировать структуру мировоззрения русского народа, а также сформировать представление о русской национальной этнокультуре.

Ключевые слова: человек – язык – культура, лингвокультурология, концепт, языковая картина мира, менталитет.

Wang Xuejiao

Liaonin University, Shenyang

LINGUOCULTUROLOGICAL ANALYSIS OF THE “HEALTH” CONCEPT IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Abstract. Cultural linguistics as a science has points of contact with linguistics and cultural studies. One of the key conceptions of this science is the concept. The concept of “health” is a universal concept of culture, which occupies the most important place in the linguistic picture of the world. The study of the concept of “health” will make it possible to find out the structure of the worldview of the Russian people, and the Russian national mentality of the ethnoculture.

Keywords: man – language – culture, cultural linguistics, concept, the linguistic picture of the world, mentality.

Лингвокультурология как научное направление тесно соприкасается с лингвистикой и культурологией, одним из ее ключевых понятий является концепт. Взаимное изучение концептов социокультуры [Кремнёв, 2005] и лингвокультуры России и Китая дает возможность народам двух стран полнее понимать происходящие друг у друга процессы.

Китайские коллеги также интересовались лингвокультурологией и концептом. К значимым трудам в этой области можно отнести работы «Лингвокультурология» Пэн Вэньчао [彭文钊, 2006], «Сопоставительный анализ концептов» Ян Минтяня [杨明天, 2009], «Лингвофилософия» Чэнь Цзяина [陈嘉映, 2003], «Лингвострановедение» У Гохуа [吴国华, 2005] и т. д.

Концепт «здоровье» – это универсальный культурный концепт, его место в языковой картине мира невозможно переоценить. Изучение концепта «здоровье» позволит выявить структуру мировоззрения русского народа и русский национальный менталитет этнокультуры.

В современной лингвистике в течение последних десятилетий особой популярностью пользуются описательный и аналитический методы исследования, которые являются основными в данной работе. Их применение базируется на инструментарии для реконструкции языковых картин мира [Шишмарева, 2008].

Концепт «здоровье» формирует двойную структуру (здоровье – болезнь). Он нередко воспринимается как целостная комбинация двух частей, обе из которых не уступают друг другу в значимости, так как здоровье и болезнь являются предельными основаниями состояния человеческого бытия.

Концепт здоровья образуется на основе понятия «здоровье», оно же, в свою очередь, есть конгломерат лексических значений соответствующего слова.

Этимологию слова «здоровье» связывают с деревом. Древнерусское – съдоровый. Старославянское – съдравъ. Лексическая единица образуется при помощи префикса от общеславянского существительного *dorvъ* – дерево. Другими словами, такие лексемы, как «здоровье», «дерево», «дрова», предположительно, имеют общую основу.

Если проанализировать происхождение слова «здоровье», то можно выявить такие элементы его первоначального значения, как «сходный с деревом, столь же сильный, крепкий, высокий», «не страдающий заболеваниями, не имеющий отклонений в физическом развитии (для человека)».

В словаре Даля лексема «здоровье» толкуется так: «Здоровье, или здравие, – состояние животного тела (или растения), когда все жизненные отправления идут в полном порядке; отсутствие недуга болезни» [Даль].

На современном этапе развития русского языка лексема «здоровье» определяется как:

- 1) состояние здоровья;
- 2) отсутствие недуга;
- 3) прекращение болезни;
- 4) благополучие.

Языковое осмысление наполнения концепта «здоровье» может быть описано как многозначное, что детерминировано самой сутью здоровья как явления и состояния. Структура значения лексемы «здоровье» включает в себя четыре основные семы: 1) правильное функционирование организма, 2) благополучие, 3) конец болезни, 4) отсутствие недуга. Здоровье – это синоним жизни, который также является ее показателем (рис.).

Рис. Семантическое поле «здоровья»

Субстантив здоровья занимает одно из центральных мест в ряду культурных концептов. Эта лексема представляет собой важную единицу и для отдельных носителей русского языка и культуры, и для всех людей мира. Посредством лингвокультурологического анализа концепта «здоровье» в текстах разных жанров в работе выявлено представление о здоровье.

Русские пословицы и поговорки – важный элемент русского языка, они представляют собой одни из наиболее красочных и экспрессивных языковых лексических единиц; в них заключены дух русского национального языка, специфика русской национальной культуры. Они непосредственным образом связаны с языковой картиной мира русского человека и

ее значимыми частями, например культурой питания, гастрономией, медициной и их отражением в языке [Динамика и статика ... , 2021], культурой счета, идеологией религии, дихотомией «вредно – полезно» [Кузнецова, 2004] и т. д. В пословицах и поговорках прослеживается народная мудрость, а их семантика несет в себе важные сведения о социокультуре и лингвокультуре русского человека:

1. Русские считают, что здоровье – это ценность, равносильная жизни, и его необходимо беречь. И это воплощается в следующих русских пословицах.

Без болезни и здоровью не рад.

Береги честь смолоду, а здоровье под старость.

Аптека не прибавит века.

Береги платье снову, а здоровье смолоду.

Болезнь не красит человека, а старит.

Болен – лечись, а здоров – берегись.

Деньги потерял – ничего не потерял, время потерял – многое потерял, здоровье потерял – все потерял.

Здоровье – всему голова, всего дороже.

Здоровье уходит пудами, а приходит золотниками.

Здоров буду – и денег добуду.

Кто не болел, тот здоровью цены не знает.

Здоровье не деньги – займы не выпросишь.

Здоровье не купишь – его разум дарит.

Здоровье приходит днями, а уходит часами.

Здоровье растеряешь – ничем не наверстаешь.

В добром здоровье и хворать хорошо.

2. Периферию концепта «здоровье» составляют синонимы «благополучие», «хорошее самочувствие», «благосостояние». Все они участвуют в образовании сочетаний, обозначающих здоровье как процесс и как единовременное состояние. Базовое наполнение концепта, как нам кажется, было обобщено самим русским народом в суждениях о собственном здоровье и здоровье близких, родных, друзей, что отражено в самых разных формах, например в стихах.

Концепт здоровья для русского народа неразрывно связан с благополучием. Таких пословиц тоже много. Они представлены далее.

В здоровом теле – здоровый дух.

Где здоровье – там и красота.

Дал бы бог здоровья, а счастье найдем.

Здоровье – первое богатство, а второе – счастливое супружество.

3. Концепт здоровья выражает стойкость русского духа как стереотипа, отражающего уникальные черты менталитета русских в сравнении с иностранцами.

Кроме смерти от всего вылечишься.
Кто не боится холеры, того она боится.
Ребенком хил, так взрослым гнил.
Больной лечится, здоровый бесится.
Быстро да ловкого болезнь не догонит.
Дух бодр, да плоть немощна.
Здоров – скачет, захворал – плачет.
Здоровьем слаб, так и духом не герой.

Важность концепта «здоровье» детерминирована мировоззренческими идеями носителей русского языка и культуры об универсальных процессах трансформации человека и природы, в рамках которых здоровье выступает базовой ценностью.

Концепт «здоровье» воплощается в русской традиционной жизни в пословицах и поговорках. Обобщая изложенное выше, мы пришли к следующим выводам: здоровье – это синоним жизни, но при этом здоровье – это не только процесс (хорошее самочувствие, благоденствие), но и показатель сиюминутного состояния индивида в конкретный момент времени (обладает крепким здоровьем, здоровья нет совсем).

Литература

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <http://slovarda-lja.net/word.php?wordid=10712>

Динамика и статика в познании реальности языка: подходы, феномены, способы репрезентации : монография / отв. ред. Е.Ф. Серебrenникова. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2021. 285 с.

Кремнёв Е. В. Китай в контексте социокультурных проблем. Чита : ЧитГУ, 2005. 121 с.

Кузнецова О. В. Что полезно одному, то вредно другому // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2004. № 3. С. 46–52.

Шишмарева Т. Е. Опыт реконструкции языковой картины мира на основе древнего лексикографического источника : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Иркутск, 2008. 19 с.

陈嘉映.《语言哲学》. 北京大学出版社, 2003 年版。

彭文钊, 赵亮,《语言文化学》, 上海外语教育出版社, 2006 年版。

吴国华.《语言国情学》. 上海外语教育出版社, 2005 年版

杨明天.《观念的对比分析: 以俄汉具有文化意义的部分抽象名词为例》. 上海译文出版社, 2009年版。

КОНФЛИКТНЫЕ СИТУАЦИИ В АМЕРИКАНСКОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Аннотация. Описываются особенности конфликтных речевых ситуаций, маркированных категорией *incompetence*, функционирующей в различных видах дискурса в американском коммуникативном пространстве. Анализируется актуализация категории, дается характеристика говорящих, их ролей и интенций, представлены динамические модели ситуаций.

Ключевые слова: категория, коммуникативная ситуация, коммуникативная модель, конфликтные речевые практики, некомпетентность.

S. Gartung

Maritime State University named after Adm. Nevelskoy, Vladivostok

CONFLICT SPEECH PRACTICES IN AMERICAN COMMUNICATIVE FIELD

Abstract. The article aims to describe the features of conflict speech situations marked by the category of Incompetence, functioning in various types of discourse in the American communicative space. The paper presents term of actualization of the category, the characteristics of speakers, their roles and intentions and dynamic models of situations.

Keywords: category, communicative situation, communicative model, conflict speech practices, incompetence.

В сложном поликодовом коммуникативном пространстве современный индивид, настроенный на многозадачность, неизбежно находится в поиске оптимальных решений в дискурсе. Одновременно с этим происходит переоценка ценностей и смыслов, а эпоха постправды, накладывая особый отпечаток, неизбежно приводит к возрастанию роли *Homo competens*, контактирующего и конкурирующего с *Homo incompetentens* в любых типах речевого общения. Находясь в непосредственной связи с получением, накоплением и передачей знаний и опыта, категории компетентности/некомпетентности человека служат отражением его лингвокогнитивной деятельности, в том числе порождаемых в ней оценочных смыслов [Болдырев, 2010] и замыслов. Сопрягаясь с социокультурными механизмами адаптивности и успешности, включая и механизмы эффективной коммуникации, компетентность и некомпетентность актуализируются при наличии запроса на профессионализм в различных сферах общества [Competence in Communication, 1984]. При этом, оставаясь дискурсивно нейтральной, компетентность не становится причиной коммуникативных сбоев, в отличие от некомпетентности, маркирующей конфликтные речевые практики.

Категория *incompetence* более частотна в английском языке (~4 раза согласно корпусным данным), чем *некомпетентность* в русском языке.

Вариативность тем также выше: общественная жизнь, политика, администрирование, судебное делопроизводство, политические партии и персоналии. Появляется категория в статьях, интервью и форумах, посвященных общественно-политической жизни, в электронной коммуникации, личной переписке и художественной литературе. Распределение частотности по хронологической шкале показало особое место категории в культуре и сознании – она отражает положение дел в обществе, а ее частотность является показателем кризисов тех или иных аспектов жизнедеятельности. В межличностной коммуникации категория *incompetence* выступает маркером конфликтных речевых практик. Об этом свидетельствует наличие в американском интернет-пространстве (Twitter, Facebook, Reddit) таких хэштегов, как #covid19incompetence, #incompetence, #ignorance, #ignorant_idiot, #incompetent_idiot, #inept, #ineptgovernment и прочих подобных. Монологические высказывания, отмеченные схожими тэгами, строго негативны, имеют пропозицию обвинения и/или оскорбления. В публицистике можно наблюдать схожую ситуацию: статьи с такими тэгами содержат отрицательную оценку и порождают конфликтные ситуации в комментариях и обсуждениях.

В целом конфликтные речевые практики могут быть представлены в виде нескольких моделей, имеющих при этом общие базисные компоненты: говорящие (адресант, адресат), сообщение, коммуникативные барьеры [Якобсон, 1985; Habermas, 1987]. В качестве основных моделей таких практик можно выделить: конечную, имеющую конечный результат, циклическую, незавершенную ситуацию и раздвоенную, зависящую от реакции адресата. Важно отметить роли коммуникантов: авторитетным говорящим является тот, кто делает заявления о некомпетентности, при этом не всегда это адресант.

Для коммуникативного пространства США наиболее актуальна конечная модель, поскольку большая часть конфликтов происходит по следующей схеме: адресант выражает критику/недовольство и/или оскорбление и/или обвинение; адресат понимает пропозицию и выражает критику/недовольство и/или оскорбление и/или обвинение в ответ; происходит коммуникативная неудача; коммуникация обрывается.

Рассмотрим диалогическую ситуацию, произошедшую между двумя женщинами, на форуме о здоровье и лечении CureZone (curezone.com). Коммуниканты не знакомы друг с другом лично, но по их сообщениям видно, что общаются они не в первый раз, так как обращаются друг к другу по именам. Поскольку разговор происходит посредством компьютера, высказывания формируются дольше, чем в реальности, и ответные сообщения приходят с некоторой задержкой. Автор публикации рассказывает о своем методе лечения герпеса – с помощью оливковых листьев, однако вместо ожидаемого восхищения и поддержки получает комментарии, пол-

ные недоверия и обвинений во лжи. Статус коммуникантов изначально не равен – инициатором общения выступает первый говорящий; интенцией сообщения не были ни критика, ни оскорбление, только предоставление информации. Однако нейтральной коммуникативную ситуацию назвать нельзя: участники нарушают речевой этикет, используют экспрессивы и сниженную лексику.

S1: I successfully treat herpes with olive leaf. Where do I get my organic olive leaf from? My own back yard. I have around 20 trees.

S2: Come on Mo. I mean really.....I mean....wtf. Now you just don't have an organic garden..... Popycock is Popycock.

S1: Do you want photos Barb? Would you then believe. I have 20 olive trees, 4 fig trees, 1 pomegranate, 2 orange, 3 grapefruit, 1 lemon, 5 grape veins, etc. This is not poppycock.

S2: Well..... you got like an organic stand of trees. Um. And I was a forester for 20/ys..... I mean come on. Don't insult my intelligence.

S1: Well basically you are calling me a liar and no one and one can do that. I will post photos of my trees tomorrow on my forum.

S2: Is this what curezone has come to????? Incompetent people cutting off twigs and raking leaves from a backyard tree in the middle of Jordan and pawning it off as an incredible herpes or cancer treatment??? The whole notion is just absurd.

Общение прекращается, и мы видим, что коммуниканты потерпели коммуникативный провал. Коммуникатор, оскорбленный неверием реципиента, пытается доказать свою правоту, но реципиент не только не верит, но и не желает продолжать общение, оскорбляя адресанта. В данном примере содержание «ты некомпетентный» полностью не раскрывается в высказываниях адресата. Сообщение адресовано первому говорящему, но прямой направленности нет. Уличение в отсутствии знаний и здравого смысла (*absurd*) направлено на людей в целом, а не конкретного индивида (*incompetent people*), тем не менее можем заключить, что первый говорящий принял это сообщение на свой счет и счел дальнейшую коммуникацию излишней. Адресат достаточно резко сменил интенцию с уточнения информации и обвинения во лжи (*Come on Mo. I mean really. Now you just don't have an organic garden*) на критику и оскорбления (*Is this what curezone has come to? Incompetent people*). Адресант считает коммуникатора некомпетентным не только потому, что у того отсутствуют необходимые для лечения знания, но и потому, что коммуникатору, по мнению адресата, не место на форуме, т. е. он является неподходящим автором/комментатором. Таким образом, понимание вторым говорящим некомпетентности сводится к отсутствию знаний (*lack of knowledge*) и неуместности (*inadequacy*). Помимо этого, делая заключения о некомпетентности, адресат берет на себя роль авторитетного говорящего, хотя изначально она была у коммуникатора.

Для большинства монологических высказываний, особенно в интернет-пространстве, характерна раздвоенная модель речевой ситуации. Такая модель не циклична, при наличии одной пропозиции коммуникатора имеет два варианта обратной связи с разными интенциями реципиентов: согласие и несогласие (конфронтация). Барьеры в данном случае влияют не на всех участников ситуации. Говорить о коммуникативной неудаче в таких речевых ситуациях можно только со стороны реципиентов, которые не согласны с пропозицией коммуникатора из-за различных смыслов категории. С соглашающимися же реципиентами коммуникативная ситуация вполне успешна.

Рассмотрим пример интернет-опосредованной коммуникации на форуме Datalounge (datalounge.com). В выдержке из форума автор первоначального сообщения сетует на нехватку отзывов для получения желаемой должности.

S1: One of my references couldn't be reached. Ugh! Usually this person is great and really responsive. The manager just got a hold of me and said they want to move forward on the job now, so could I figure out a way to get in touch or send in another reference.

S2: "The manager just got a hold of me". A choke hold? A bear hug? AHOLD. And don't reply that "it was a typo". You don't know the difference. Hopefully the job doesn't involve much typing or use of English grammar; otherwise you're incompetent.

S3: That happened to me, they couldn't contact one of my references (turned out she had left the place). I called and tried to find someone else there that knew me (and liked me) and would give a good reference. I got the job. Good luck, OP.

S1 to S2: You and your comment are just useless.

Среди комментирующих можно наблюдать два варианта обратной связи: одни реципиенты согласны с автором и сочувствуют ему, предлагают варианты выхода из ситуации (*Good luck*), в то время как другие (второй говорящий) не просто не согласны с переживаниями автора, но и обвиняют его в недостаточной компетентности для искомой должности (*Hopefully the job doesn't involve much typing or use of English grammar*), оскорбляют его (*You're incompetent*). Интенцией адресанта было получение сочувствия либо информации, однако части адресатов понять эту пропозицию помешал коммуникативный барьер – сложность восприятия неграмотного текста, – что и привело к коммуникативному провалу данными коммуникантами.

В следующем примере с форума Quora (quora.com) адресант спрашивает, как ему перестать чувствовать себя некомпетентным. Это ситуация, где коммуникатор сам признает себе некомпетентным, строя на этом коммуникацию. Это ситуации просьбы о помощи, совете. Адресаты на пропозицию «я некомпетентен» отвечают схожими высказываниями. Все они в

форме директива. Кроме того, реципиенты полноценно раскрывают категорию, указывая на недостаток знаний, навыков, опыта у коммуникатора. Также они подчеркивают важность качественного выполнения работы (*If you don't then you should leave*) и уверенности в себе (*stop judging yourself*). Все говорящие избегают грубых, сниженных слов и критических замечаний.

S1: How do I stop feeling incompetent?

S2: It requires you to learn to stop judging yourself. Understand that it is enough when you do your best with what you have, where you are and when you can. You don't need to pressure yourself further, or try to make things happen when it is not conducive to do so. It is also worth reminding yourself that it is most unkind and unhelpful when you label yourself incompetent.

S3: First you don't tolerate it. Know what the job is, know what a good result is, work to this result. Test by asking others if necessary. The best is when it is just you, so you can do all this faster and iteratively and quickly. Of course you can be somewhat incompetent when you start but the good ones, quickly adjust and become competent and better. If you don't then you should leave.

Коммуникация заканчивается на обратной связи адресатов. В диалоге возможны уточняющие вопросы и ответы, тем не менее подобная схема будет сохраняться для всех ситуаций, где коммуникатор признается в собственной некомпетентности. Важно отметить, что в такого рода коммуникативных ситуациях практически исключены критика и оскорбления, в сравнении с другими ситуациями, поскольку некомпетентность первого говорящего констатируется сразу. Успех коммуникации обеспечен доброжелательным эмоциональным фоном и желанием говорящих понять друг друга и поделиться знаниями.

Циклическая модель конфликтной ситуации представляет собой некоторое количество интеракций между участниками, которые характеризуются нарастающим негативным фоном, образованием все новых коммуникативных барьеров и интенций участников. Конфликт, развивающийся по данной схеме, сложно завершить и самим участникам и даже прекратить его с помощью сторонних индивидов, поскольку в процессе коммуникации с каждым новым циклом каждый коммуникант считает некомпетентным, искажающим смыслы другого. Подобная модель встречается в американском коммуникативном пространстве нечасто, поскольку говорящие предпочитают не развивать проблемную ситуацию, а закончить, «оборвать» коммуникацию.

Функциональное выражение категории *incompetence* различно в дискурсах: в первичных это лишь оценочная функция, во вторичных – дескриптивно-характеризующая и инвективная. Коммуникативные ситуации в большинстве случаев заканчиваются коммуникативной неудачей по ряду причин: несовпадения социокультурных ролей, негативного эмоционального фона говорящих, неспособности понять цель высказывания и

настроиться на дискурсивный мир оппонента, ориентированный на иной набор категориальных признаков *некомпетентности*.

Изучение различных речевых ситуаций в американском коммуникативном пространстве позволило обнаружить их структуру и модели, паттерны поведения и пропозиции говорящих. Несмотря на негативный фон маркирующей конфликты категории, англоязычное коммуникативное пространство более доброжелательно, нежели российское. Говорящие не игнорируют цель и/или просьбы говорящего, в большинстве своем не критикуют/оскорбляют его без причины, отвечают строго на заданный вопрос в соответствии с целью. Коммуникативные же ситуации подобного типа в российском коммуникативном пространстве характеризуются агрессией, непониманием целей и пропозиций коммуникатора, использованием сниженной и просторечной лексики. Также они намного чаще закачиваются неудачей, дискредитацией одной из сторон.

Культурные и социальные особенности индивидов США, такие как толерантность, терпимость, вежливость, делают конфликтные речевые ситуации менее агрессивными и более сдержанными. Такие ситуации чаще обрываются, не доходя до пика конфликта, что говорит о частотности конечной модели. Лексическая сторона подобных ситуаций менее инвективна и зачастую сглажена нейтральными единицами. Тем не менее категория *incompetence*, будучи негативно-оценочной, подразумевает постановку коммуникантами не всегда положительных целей, использование агрессивных и/или критичных форм высказывания.

Литература

- Болдырев Н. Н. Исследование оценочных смыслов в контексте познавательных процессов // Язык. Текст. Дискурс. 2010. № 8. С. 24–37.
- Якобсон Р. О. Избранные работы. М. : Прогресс, 1985. 460 с.
- Competence in Communication: A Multidisciplinary Approach / ed. Robert N. Bostrom. Beverly Hills, CA : Sage, 1984. 271 p.
- Habermas J. The theory of communicative action. Vol. 2. London : Polity press, 1987. 464 p.

社论语篇的功能分析

摘要: 本文从语言功能的角度研究社论的语篇。小句生成篇章的功能主要表现在概念功能 (ideational function)、人际功能 (interpersonal)、语篇功能 (textual) 三个方面。要分析社论的语篇, 就得从其概念功能、语篇功能、人际功能三方面入手, “而语言的概念功能是通过语义的及物性系统 (transitivity system) 来实现; 篇章功能则包含于组成篇章的话语的结构之中, 这种结构分为主位结构和信息结构; 人际功能则是通过语气—剩余语 (mood-residue) 来实现。” (Jonathan J. Webster, 2001) 所以从小句的及物性结构特征、主位结构特征、语气三个方面分析社论语篇在衔接上的特点。

社论的语旨是由媒体向公众传递信息、表明观点与态度, 以便影响公众, 所用的几乎都是陈述语气, 故而本文在语气方面不作分析, 而分析社论语篇的及物性结构特征和主位特征。

关键词: 社论 语篇 概念功能 人际功能 语篇功能 语气

Ye Hui

Jiangxi University of Finance and Economics, Nanchang

AN ANALYSIS OF THE FUNCTIONS OF EDITORIALS' DISCOURSE

Abstract. This article studies the discourse of editorials from the perspective of language functions. The function of clauses to generate text is mainly manifested in three aspects: ideational function, interpersonal function and textual function. To analyze the text of an editorial, one must start with its conceptual function, textual function, and interpersonal function. “The conceptual function of language is realized through the semantic transitivity system (transitivity system); the textual function is included in the composition. In the discourse structure of the text, this structure is divided into thematic structure and information structure; interpersonal function is realized through the mood-residue.” (Jonathan J. Webster, 2001) So the sub-clause The characteristics of editorial discourse cohesion are analyzed in three aspects: transitive structural characteristics, theme structural characteristics, and tone.

The purpose of the editorial is to convey information, express opinions and attitudes to the public by the media in order to influence the public. Almost all the statements used are declarative. Therefore, this article does not analyze the tone, but analyzes the transitive structural features and themes of the editorial discourse. Features.

Keywords: editorial, discourse, conceptual function, interpersonal function, textual function, tone.

Е Хуэй

Цзянсийский финансово-экономический университет, г. Наньчан

АНАЛИЗ ФУНКЦИЙ ДИСКУРСА ПЕРЕДОВЫХ СТАТЕЙ

Аннотация. Исследуется дискурс передовых статей с точки зрения языковых функций. Текстопорождающая функция выражается в трех ее аспектах: идеационной, межличностной и текстуральной.

Ключевые слова: передовая статья, дискурс, концептуальная функция, межличностная функция, текстуральная функция, модальность.

Halliday (2000) 说, “为了了解篇章的意义和运用, 话语语法必须以功能和语义为主导, 同时按照语义模式来解释其语法范畴”。¹为了进一步描写社论语篇在衔接上的特点, 本文尝试从语言功能的角度研究社论的语篇。Halliday 认为, 小句“通过推理逐步形成作为模型的篇章, 并

¹ 参见卫真道 (2002) 《篇章语言学》, 北京, 中国社会科学出版社。

能在各个方面表现出篇章的意义”，从而生成篇章（1981：44）。小句这种生成篇章的功能主要表现在概念功能（ideational function）、人际功能（interpersonal）、语篇功能（textual）三个方面。要分析社论的语篇，就得从其概念功能、语篇功能、人际功能三方面入手，“而语言的概念功能是通过语义的及物性系统（transitivity system）来实现；篇章功能则包含于组成篇章的话语的结构之中，这种结构分为主位结构和信息结构；人际功能则是通过语气—剩余语（mood-residue）来实现。”（Jonathan J. Webster, 2001）所以从小句的及物性结构特征、主位结构特征、语气三个方面分析社论语篇在衔接上的特点。

由于社论的语旨是由媒体向公众传递信息、表明观点与态度，以便影响公众，所用的几乎都是陈述语气，故而本节在语气方面不作分析，而分析社论语篇的及物性结构特征和主位特征。

同时，为保证本文的可靠性，也为了探索研究次语体的途径，我们在语料的选择上尽可能地多考虑情景语境因素的可变性，因此从《人民日报》（1995—2004年）是选取8篇有关国内外重大事件的社论，主要包括：

1. 《实现祖国统一是中国人民的崇高使命——纪念台湾光复五十周年》，《人民日报》1995年10月25日第一版

2. 《发扬抗洪精神 促进各项工作——国庆献辞》，《人民日报》1998年10月1日第一版

3. 《祖国万岁——热烈庆祝中华人民共和国成立50周年》，《人民日报》1999年10月1日第一版

4. 《中华民族的光辉史篇——热烈庆祝澳门回归祖国》，《人民日报》1999年12月20日第三版

5. 《抓住历史机遇 加快西部开发》，《人民日报》2000年3月18日第一版

6. 《谱写奥运史上最壮丽的篇章》，《人民日报》2001年7月14日第一版

7. 《依靠科学 依法办事 夺取防治非典斗争的全面胜利》，《人民日报》2003年5月13日第一版

8. 《奋进在全面建设小康社会征程上》，《人民日报》2003年12月31日第一版

1 社论语篇的及物性结构特征分析

社论语体可涉及社会活动各个领域的事件，包括政治、经济、军事、社会、体育、教育、科技和艺术等，也包括在本地区或其它地区乃至其它国家发生的事件或问题（Newsom&Wollert, 1985）。当然，社论主要针对较重要、有影响的事件（Riversetal, 1988）。而这种语场制约着社论语篇对概念意义的选择，主要表现在语篇的及物性结构特征上。以下就本节所选的 8 篇社论语篇的及物性结构特征进行分析，来探讨社论语篇在及物性系统上会首选哪些“过程”（动词词组）来实现其概念意义的一般规律。

对小句的及物性结构进行分析后得到：

表 1： 概念功能——及物性结构特征的分析结果

社论序号	过程总数	物质过程		心理过程		关系过程		行为过程		话语过程		存在过程	
		个数	比例%	个数	比例%	个数	比例%	个数	比例%	个数	比例%	个数	比例%
1	33	15	45.5	1	3.0	11	33.3	0	0	5	15.2	1	3.0
2	36	19	52.8	1	2.8	7	19.4	0	0	4	11.1	5	13.9
3	38	24	63.2	1	2.6	12	31.6	0	0	0	0	1	2.6
4	26	15	57.7	1	3.8	9	34.6	0	0	1	3.8	0	0
5	39	22	56.4	3	7.7	7	17.9	0	0	7	17.9	1	2.6
6	26	15	57.7	1	3.8	9	34.6	0	0	1	3.8	0	0
7	19	15	78.9	0	0	3	15.8	0	0	1	5.3	0	0
8	23	9	39.1	1	4.3	10	43.5	0	0	0	0	3	13.0
平均	31.6	17.5	55.9	1.4	4.0	8.5	27.4	0	0	2.6	7.6	1.8	1.2

从表 1 看，过程总数平均为 31.6%，在六种过程类型中，物质过程占比例最高，平均为 55.9%，这是符合语场需要的，因为物质过程能够体现客观世界中所发生的一切——已发生的、正在发生的和可能发生的。其次是关系过程，平均占 27.4%，除了用来表述事与事、人与人以及人与事之间的关系之外，还能体现某种观点或态度，因而不仅符合语场的需要，也符合社论功能语旨的需要，即对事件进行评论。正因为这一点，关系过程的出现率偶尔也会（如在第八篇中）比物质过程的出现率还高。此外，上述两种过程加起来占绝大多数，为 83.3%，这也是由功能语旨决定的，因为社论在分析和评论事件的同时不可能不提及事件本身，也就是说，社论需要论中有叙、叙中有论。相比之下，其它过程在社论中所占比例都不大。话语过程占 7.6%，有时用于叙述领导人或官方对事件发

表的言论，虽属国际政治的组成部分，但很少单独直接构成事件，不是社论的语场；有时也用于提供消息来源，但其作用在社论中不是主要的，这也是社论的功能语旨决定的。事实上，8篇社论中有两篇里根本没有出现话语过程，有两篇仅各出现了一次。存在过程同样只占很小比例，为5.2%，在8篇中各出现一次，在两篇中没有出现，证明社论的语场是当前出现的重要事件或重大问题，而不是长期存在的事物。此外，这些事件或问题应当是客观事实，而不是个人的主观感受或想象，因此心理过程的比例仅为4%，而且在8篇中都仅各出现一次，在一篇中没有出现。同样，行为过程中只有一个参与者，体现的是个人行为，在社论中根本没有出现。这还说明国际政治这一语场不是由个人行为，而是由国家行为来实现的，而国家行为主要通过物质过程来实现。

2 社论语篇的主位结构特征和主位推进方式分析

2.1 社论语篇的主位结构特征分析

社论语体活动的参与者是媒体与公众；（：）媒体向公众提供信息——主要是对重要事件或问题进行解释和评论，以表明媒体的态度和立场，起到感染和说服公众的作用（Riversetal, 1988）。此外，社论面对的公众主要是对某一问题有足够兴趣且受教育程度略高的人（Bogart, 1981）。同时，社论作为报社或杂志社在自己报刊上发表的评论当前重大问题的文章，是以书面渠道传播的；它在叙述事实的同时还要论理。因而，社论的语篇在谋篇意义——即真正可以实施概念意义和人际意义的语义——上的选择，主要表现在对主位结构和主位推进方式的选择上。以下就本节所选的8篇社论语篇的主位结构特征和主位推进方式进行分析，来探讨社论语篇将其概念意义和人际意义有效组织起来的一般规律。对小句的主位结构特征分析得到：

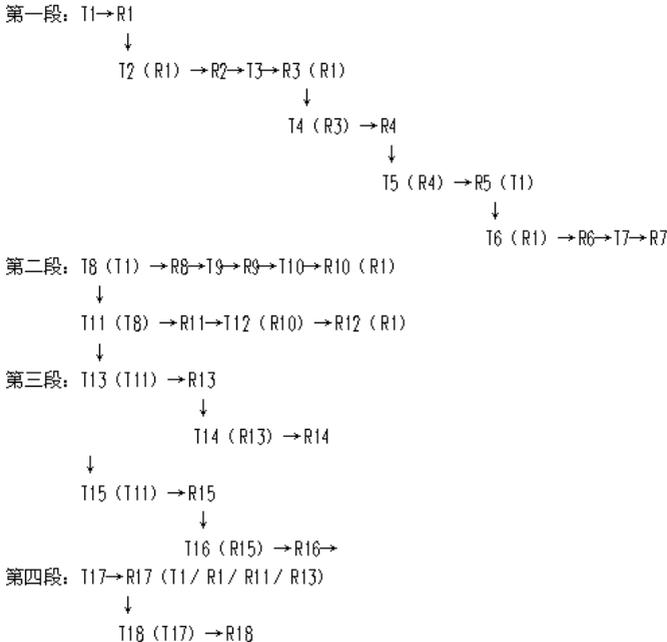
表 2：语篇功能——主位结构特征的分析结果

语篇序号	主位总数	有标记主位						无标记主位		连接主位	
		总数	比例 (%)	宾语	比例 (%)	状语	比例 (%)	个数	比例 (%)	个数	比例 (%)
1	29	3	10.3	1	33.3	2	66.7	26	89.7	6	20.7
2	33	7	21.2	0	0	7	100	26	78.8	6	18.1
3	35	6	17.1	0	0	6	100	29	82.9	2	5.7
4	22	2	9.1	1	50	1	50	2	90.9	5	22.7
5	33	4	12.1	1	25	3	75	19	87.9	4	11.4
6	25	4	16	0	0	4	100	21	84	6	24
7	18	1	5.6	0	0	1	100	17	94.4	4	22.2
8	34	5	14.7	1	20	4	80	29	85.3	9	26.5
平均	28.9	4.0	13.2	0.5	16	3.5	84	24.9	86.8	5.3	18.9

从表 2 看，社论中 86.8%小句的主位和主语相同，为无标记主位。也就是说，大多数小句的语序是正常的，符合提供信息的需要。有标记主位在社论中也存在，所占比例为 13.2%。其中以状语主位为主，占有标记主位的 84%，多用来表示让步、原因、条件以及时间，突出了逻辑关系，体现了说理的需要。宾语主位的出现率较低，占有标记主位的 16%。这是因为宾语主位将语序完全颠倒，戏剧色彩较浓，虽能发挥强烈对比和强调作用，但社论毕竟重理性而非重情感，注重说理而不是描写。与此同时，有 18.9%小句的主位中含有连接成分这一谋篇主位，可称之为“连接主位”，如“但是、事实上”等，体现扩展、证实、相反等逻辑关系。连接主位可以有效建立本句与前一句之间的意义联系，这意味着社论中有 37.8%的小句之间有逻辑关系，有利于说理。

2.2 社论语篇的主位推进方式分析

体现谋篇意义的另一个方面是语篇的主位推进方式（the *maticprogression*），大体上可分为三大类：链式、平行式和层次式（李战子 1992；张德禄 1998）。从 8 篇社论中随机选出了第一篇，并对其主位推进方式进行分析后，得以下结果（T 表示主位；R 表示述位；T 或 R 右边的阿拉伯数字为小句序号；括号表示部分或全部重复关系）：

这里出现了链式和平行式兼而有之的主位推进方式。在第一段中，链式比较典型，层层递进地摆出事件以及观点。同时观察该段 7 个小句的限定成分，会发现其中 4 句用了现在第一时态动词，另 3 句用了情态动词，可进一步证明第一段的中心是社论的论点。在第一段与第二段之间以及第二段中都出现了平行式，段中可见信息沿两条横线向前发展，其间通过词汇重复手段与第一段中的某些主、述位保持一种松散的链式联系。这说明第二段是对前一段的发展。事实上，两条横线正好与两个句号单位相吻合，对第一段中提到的事件（T1 R1）作了叙述和解释。第二段中所有小句的第一时态动词均为过去时，所有“过程”均为物质过程，也证明了这一点。第三段显然与第二段有相似的特征，即在段内以及与前段间存在平行式，但该段更多地表现出平行式与链式的融合，而且段中既存在物质过程也存在关系过程，既出现了过去第一时态也出现了将来第一时态，这都说明该段有叙也有论。第四段呈平行式，通过大量词汇重复，起到总结全文与强调的作用。

纵观本篇社论的主位推进方式，不难看出其中链式多出现在段内，平行式多出现在段落之间，二者结合则表现了社论中信息不断向纵深发展的趋势，符合社论的功能语旨以及语式的需要。另外，观察本篇中使用的衔接手段，可见省略和替代手段几乎没有出现；逻辑连接手段在以上“连接主位”中已提到，在句子中间则几乎不出现；但词汇重复与指称两种手段常常结合而形成“指称链”（referential chain，见 Halliday, 2000），不仅有效地保证了社论的连贯，而且实现了其主位推进。事实上，社论的上述主位推进方式在很大程度上正是依赖于“指称链”所导致的部分主位的高频率出现。

参考文献

- Halliday, M.A.K. An Introduction to Functional Grammar. 北京：外语教学与研究出版社, 2000
- 陈茂新. 衔接理论与翻译. 北京第二外国语学院学报, 1996, (2).
- 胡壮麟. 有关语篇衔接理论多层次模式的思考[J]. 外国语, 1996, (1).
- 胡壮麟. 语篇衔接和连贯. 上海：上海外语教育出版社, 1994.
- 杨雪燕. 社论英语的文体研究. 外语教学与研究, 2001, (5).
- Дюндик Ю. Б., Кузнецова О. В. Совершенствование навыков критического мышления посредством анализа новостного контента современных СМИ: из опыта работы // Гуманитарные науки и образование. 2019. Т. 10, № 2 (38). С. 57–62.
- Кремнёв Е. В. Китай в контексте социокультурных проблем. Чита : ЧитГУ, 2005. 121 с.
- Садовникова О. Н. Отграничение понятия «дискурс об инновациях» с точки зрения типологического подхода к дискурсу // Концепт. 2017. № Т 37. С. 229–232.

ДАОССКАЯ СИМВОЛИКА В ПОЭЗИИ КИТАЙСКИХ ПОЭТОВ ЭПОХИ ТАН (唐) В КОНТЕКСТЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ МИРА

Аннотация. Рассматривается даосская символика в поэзии китайского поэта эпохи Тан (唐) (618–907 гг.) – Чэнь Цзи-ана (陈子昂) в плане выражения и переживания категорий пространства и времени. Исследуется, чем обусловлено обращение этого автора к даосской философии, и выявляются связь и особенность соотнесения даосских символов с пространственно-временной символикой.

Ключевые слова: танская эпоха, даосизм, даосская символика, пространственно-временная символика, алхимия.

T. Yu. Zhikhareva

Tyumen State University, Tyumen

TAOIST SYMBOLISM IN THE POETRY OF CHINESE POETS OF TANG DYNASTY (唐) IN THE CONTEXT OF SPACE-TIME PERCEPTION OF THE WORLD

Abstract. In the present article we put an aim to observe the Taoist symbols in the poetry of a Chinese Tang (唐) poet (618–907) – Chen Zi-an (陈子昂) – as far as his perceiving and expressing the Space and Time categories are concerned. It is necessary to trace what this author's turning to Taoism is caused by, also we are interested in the correlation between the Taoist symbols and the Space and Time ones.

Keywords: Tang Dynasty, Taoism, Taoist symbols, Space and Time symbols, alchemy.

Даосизм является достаточно сложным, неоднозначным феноменом: изучение его представляет интерес для многих философских школ на протяжении десятилетий. Е. А. Торчинов отмечает, что в Европе в свое время лидировала французская даологическая школа – изучение ментальности и проблем коллективного бессознательного и народной культуры (французские историографы М. Блок, Л. Февр, синологи М. Кальтенмарк, К. М. Скиппер, А. К. Зайдель, Н. Сиван, Н. Жирардо и др.); японская школа изучения даосизма представлена именами Офути Ниндзи, Есиока Еситое, Исии Масако и др. В СССР и России наиболее известно имя основателя советской синологической школы В. М. Алексева, эта школа представлена именами его учеников: К. К. Флуга, А. А. Петрова, Ю. К. Шуцко-го, Л. С. Васильева, И. С. Лисевича, В. В. Малявина, Л. Е. Померанцевой и др. [Торчинов, 1993, с. 9].

Эпоха Тан (唐) (618–907 гг.) считается в истории Китая эпохой расцвета, возвышения науки, искусства, литературы, свидетельствует о небывалом подъеме государственной жизни. Ряд исследователей – В. М. Алексеев, Г. Б. Дагданов, И. С. Лисевич, Е. А. Торчинов, Л. З. Эйдлин и др. – отмечают это в своих работах. В это время процветают различные фило-

софские направления, основным же остается конфуцианство. Время танской династии считается временем наивысшего расцвета даосизма. Указывается тот факт, что именно в танский период даосизм переживает наиболее сильное влияние со стороны буддизма, что проявляется в оформлении института монашества, а также в становлении традиции «внутренней алхимии» [Торчинов, 1993, с. 213–214].

Мы сосредоточили внимание на поэзии Чэнь Цзы-ана (陈子昂) (661–702), известного поэта и крупного государственного деятеля, который, как и Ли Бо, мечтал «помочь народу», «упрочить мир в империи», являл собой образ последователя даосизма и странника [Серебряков, 2008, с. 324]. Активные деятели у Чэнь Цзы-ана – меркнущая луна и быстро восходящее солнце – элементы космоса. Свет воплощен в символе *круга*, который напрямую связан с вечностью, имеет сакральный смысл. Прошлое и будущее – категории времени – соединены у Чэнь Цзы-ана с безбрежностью небес и земли – с пространством, что порождает грусть, скорбь по утерянным моральным нормам, по забытому человеческому достоинству.

Противопоставляя вневременное даосское начало мирской жизни, мелочной и суетной, Чэнь Цзы-ан намекает на даосскую символику: великий предел (инь и янь - 阴阳 yīnyáng), символические числа три и пять¹. Он обращается к трем священным началам, которым присущи расцвет и увяданье (Е. А. Торчинов дает ссылку на универсальную космическую триаду, которая важна для китайского учения о гармонии всего сущего: Земля – Небо – Человек, в которой Человек занимает центральное место [Торчинов, 1993]. Также, возможно, имеются в виду начала *инь – ян* (阴阳 yīnyáng) и энергия *ци* (气): именно взаимодействие этих трех основных начал дает импульс развитию жизни. Прагматическому восприятию времени, сосредоточению своего внимания на себе, на суете, Чэнь Цзы-ан противопоставляет постижение бытия в нефритовом (яшмовом) чайнике дао (玉壺). Человек, постигший дао, может только разочароваться в земном, уйти от предела в беспредельность.

¹ 三清 sānqīng – три чистых – высших – мира (даос.), 三密 sānmì – три тайнства: тело, уста и разум Будды как всеобщая истинная сущность, проявляющиеся в звуках и мыслях (буд.), 二五 èrwu – в китайской космогонии: две жизненные силы и пять стихий, 五岳 wuyue – пять священных пиков Китая, 五荤 wuhun – пять овощей, не употребляемых буддийскими и даосскими монахами, 五行 wuxíng – пять первоэлементов в китайской космогонии: металл (золото), дерево, земля, огонь, вода, сокровенную истину (нефрит) (玉 – yu), яшмовый чайник дао (玉壺 yùhú – яшмовый сосуд для вина) [7].

В трактате «Дао де-цзин» (道德经) можем найти идею уравнения единичного с целым, «уравнивания сущего», отказа от индивидуального, принесения индивидуального в жертву всеобщему: такая жертва, отказ от собственного «я», и приведет человека к совершенству, к бессмертию, к слиянию с дао. Е. А. Торчинов, впрочем, подчеркивает, что здесь речь идет не о деперсонализации, не об уничтожении субъекта, но о максимальном устранении противоположности между субъектом и объектом. Превращения были как раз характерны для даосской алхимии: в процессе работы с веществами алхимик имел дело с космологическими сущностями – с силами инь и ян – 阴阳, хаосом (混沌 hùndùn – Хунь дунь, мифологическое существо, олицетворяющее хаос), пятью первоэлементами – пятью фазами циркуляции *инь-ян* в реторте-универсуме [Торчинов, с. 47, 52]. М. Элиаде [1988, с. 44] в своей книге об азиатской алхимии отмечает, что мужское начало *ян* (阳) в даосских кругах со временем было отождествлено с *дао* (道): предполагалось, что чем больше *ян* или *дао* содержит субстанция, тем больше в ней добродетели, благородства, чистоты, «абсолюта». Нефрит является средоточием элемента *ян* и борьбы с распадом, а именно с функцией элемента *инь*, сущностью которого является вечное превращение, сведение жизни к праху и тлену [Там же, с. 45–47]. Он фигурирует во всех древнекитайских легендах о героях и императорах, например об императоре Хуанди говорится, что он принимал жидкий нефрит [Там же, с. 48].

Таким образом, рассмотрев некоторые моменты поэзии китайского поэта эпохи Тан Чэнь Цзы-ана, где можно проследить обращение автора к даосской символике, мы попытались вычленить пространственно-временные особенности китайского восприятия мира этой эпохи: это перемещение в направлении горизонта (путешествие к границе), преодоление пространства в горизонтальном, а также вертикальном направлениях (восхождение на башню) в сочетании с символами круга (луна, солнце), пути (道), который связан с мужским началом *ян* (阳) и является одним из принципов постижения космоса. Нематериальная вневременная беспредельность противопоставляется реальной суетной жизни, является результатом череды превращений и реализуется в таких языковых единицах, как «яшма», «нефрит» (玉), «яшмовый чайник дао» (玉壺). Именно *яшмовый чайник* является таким символом, моделью, иллюстрирующей даосское восприятие и постижение пространства и времени.

Литература

Китайская литература: [III–XIII вв.] / А. Н. Желуховцев, И. С. Лисевич, Б. Л. Рифтин, И. И. Соколова, В. Т. Сухоруков, Л. Е. Черкасский, Л. З. Эйлин // История всемирной литературы : в 8 т. / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М. : Наука, 1983–1994. Т. 2. 1984. С. 96–147.

Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М. : Худож. лит., 1977. 926 с.

Серебряков Е. А. Ли Бо. Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока РАН. М. : Восг. лит., 2006. [Т. 3] : Литература. Язык и письменность. М., 2008. 855 с.

Торчинов Е. А. Даосизм. Опыт историко-религиоведческого описания. СПб. : Андреев и сыновья, 1993. 309 с.

Эйдлин Л. З. Китайская классическая поэзия // Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М. : Худож. лит., 1977. 926 с.

Элиаде М. Азиатская алхимия : сб. эссе. М. : Янус-К, 1998. 605 с.

УДК 316.6:615.371(73)

О. А. Каверина

Иркутский государственный университет, Иркутск

ПРОЯВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В ПЕРИОД ВАКЦИНАЦИИ ОТ COVID-19 В США (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА СООБЩЕНИЙ В СЕТИ INSTAGRAM)

Аннотация. Выявляются индикаторы социальной напряженности в США на материале сообщений в Instagram. В ходе анализа комментариев пользователей были выделены такие состояния социальной напряженности, как недоверие, тревожность, беспокойство, агрессия, конфликтность и другие. Сделаны выводы, что подобные реакции коммуникантов свидетельствуют о напряженном состоянии общественного сознания и поведения, особых восприятии и оценке кампании по вакцинированию американского населения.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, напряженность, дискурс реагирования, индикаторы социальной напряженности.

O. A. Kaverina

Irkutsk State University, Irkutsk

THE MANIFESTATION OF SOCIAL TENSION DURING THE COVID-19 VACCINATION CAMPAIGN IN THE USA (ON THE ANALYSIS OF INSTAGRAM POSTS)

Abstract. The article is aimed at identifying indicators of social tension in the United States based on the material of posts on Instagram. During the analysis of user comments, such states of social tension as distrust, anxiety, worried feelings, aggression, conflict and others were identified. The Instagram users' responses testify to the tense state of public consciousness and behavior, special perception and assessment of the campaign for vaccinating the American population.

Keywords: COVID-19 pandemic, tension, response discourse, indicators of social tension.

11 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявила об эпидемии мирового масштаба (пандемии). Несмотря на неоднозначное принятие человечеством эпидемии с момента фиксирования первых случаев заражения в китайском городе Ухань, в настоящее время прослеживается все большее осознание существования коронавирусной инфекции COVID-19, вызванной вирусом SARS-CoV-2. Вместе с тем, как любое массовое событие, пандемия остается предметом споров как на уровне выс-

шей власти, так и среди населения, являясь источником социальной напряженности. Социальная напряженность представляет собой междисциплинарный феномен, область знания которого покрывают такие науки, как социология, психология, конфликтология.

В социологии социальная напряженность рассматривается в рамках теории социальных изменений как неотъемлемый атрибут социальной системы. Идея формирования теории социальных изменений принадлежит Т. Парсонсу, американскому социологу, который усматривал в напряженности (*tension*) нарушение постоянства социальных систем, изменение баланса между группами как элементами социальной системы и, как следствие, органичное возникновение социальных противоречий [Parsons, 1964]. Социальная напряженность возникает в результате противостояния нового и старого, противоречий между новым и старым опытом [Жеримзаде, 2010, с. 7]. Основными характеристиками социальной напряженности являются неудовлетворенность существующей ситуацией в той или иной области жизнедеятельности, утрата доверия к властям, стихийно-массовые действия (от панической скупки товаров до митингов, демонстраций, забастовок) [Самушкин, 2010, с. 10].

Психологи определяют социальную напряженность «как массовый адаптационный синдром, отражающий степень физиологической, психофизиологической и социально-психологической адаптации/дезадаптации групп людей или общества в целом к различным социальным изменениям» [Социальная психология, 2001].

С позиции конфликтологии социальная напряженность рассматривается как стадия социального конфликта; изучаются типология конфликтов, их причины и способы урегулирования [Социальная психология, 2001].

Социальная напряженность реализуется как в виде активных действий (митингов, пикетов, и др.), так и посредством индивидуальных реакций людей на то или иное событие. Подобные реакции измеряют с помощью анализа: анкетных данных, опросов, экспертных мнений в средствах массовой информации, сообщений пользователей в социальных сетях. Таким образом, социальная напряженность напрямую связана с таким социальным явлением, как язык, посредством которого происходят объективация и интерпретация действительности [Шаховский, 2015, с. 8]. Язык является способом формирования определенной модели социальной напряженности в сознании людей, а также индикатором всех ее состояний и возможных изменений.

Значительную ценность для понимания присутствия социального напряжения в американском обществе может представлять когнитивно-дискурсивный анализ данного понятия. В английском языковом сознании существует концепт *tension*, поэтому целесообразно рассмотреть языковую репрезентацию данного концепта. Вместе с тем язык изучается в рамках дискурсивной/коммуникативной деятельности, которая предполагает

выявление социального контекста, а именно взаимосвязь языка с таким социальным явлением, как напряженность.

З. В. Луковцева [2020, с. 16] называет пандемию COVID-19 социальным стрессором, представляющим собой специфические и неспецифические факторы риска. К специфическим факторам автор относит тяжесть эпидемиологической обстановки, серьезность заболевания, социальную изоляцию. Неспецифические факторы риска – неопределенность ситуации, «информационное загрязнение», угроза социально-экономическому благополучию, потеря индивидуальности человека. Неясность истинной природы опасности, большое количество информации о случаях заражения, тяжелых симптомах, шокирующих последствиях, смертности и другие факторы дестабилизируют эмоциональное состояние человека, вызывая чувство напряжения и тревоги.

Необходимо также отметить, что социальное напряжение в период пандемии носит флуктуальный характер. Так, «высокими точками» напряжения в обществе с момента начала пандемии стали паническая скупка товаров первой необходимости, введение ограничительных мер на передвижение, социальные контакты и доступ к общественным местам (lockdown), социальная дистанция, масочный режим.

В настоящее время особенно остро стоит вопрос о вакцинации населения. Согласно исследованиям, США являются страной с наибольшим количеством авторов сообщений в социальных сетях, выступающих против обязательной вакцинации – 12 % среди всех англоязычных стран [Miashkova, 2020] и вплоть до 25 % в отдельных штатах [BBC]. Количество авторов публикаций на ведущих медиаплатформах, которые не поддерживают идею обязательного вакцинирования, следующее: Twitter (15 %), Facebook (10 %), Instagram (8 %) [Miashkova, 2020].

Помимо американцев, придерживающихся определенных религиозных убеждений (например, последователи индуистских вероучений отрицают вакцины из-за содержания в них коровьего белка, который запрещает употреблять их Бог), и приверженцев ЗОЖ (вакцинация – зло), чьи мотивы вполне объяснимы ввиду норм, правил, канонов, морально-этических учений и т. д., которым они следуют, часть жителей США скептически или негативно относятся к кампании по вакцинированию. Одной из причин этого является противоречивая информация в социальных сетях, где вокруг определенного топика (вакцинация) создается коммуникативное пространство, участники которого по-разному реагируют на происходящее, формируя дискурс реагирования.

С. Н. Плотникова [2005] определяет дискурс реагирования как любой дискурс, произведенный в качестве реакции на какой-либо первичный дискурс. В «ответном» дискурсе акцентируется наличие самостоятельного содержания и креативности реагирующего человека как говорящего или пишущего. Подобная форма общения реализуется в синхронной (процесс

общения двух и более участников в один момент времени) и асинхронной коммуникации (неодномоментной), участники которой преследуют различные цели и следуют определенным стратегиям.

О. С. Иссерс [2003, с. 100, 102] в своих исследованиях приводит следующие определения стратегии: «Стратегия представляет собой комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели»; «Стратегия – это план речевого воздействия, влияния на собеседника, это своего рода “насилие” над адресатом, направленное на изменение его модели мира» и т. д. Таким образом, любой порождаемый коммуникантами дискурс приобретает определенный стратегический характер.

Дискурс, порождаемый каждым из адресантов, представляется как последовательность речевых актов. Речевой акт состоит из конвенционального языкового смысла предложения и наслаивающегося на него смысла говорящего – иллокутивной силы. В соответствии с типами иллокутивных смыслов выделяется пять базовых типов речевых актов: ассертив (информация о состоянии дел), директив (говорящий пытается заставить слушающего совершить что-либо), комиссив (говорящий возлагает на себя обязательство совершить какое-то действие), экспрессив (говорящий выражает свое эмоциональное состояние) и декларатив (говорящий совершает неречевое действие, внося этим изменение в положение вещей в мире) [Searle, 1999].

Начнем с лексикографических источников и выделим концептуальные признаки концепта *tension*:

- nervous feeling: a nervous worried feeling that makes it impossible for you to relax; no trust: the feeling that exists when people or countries do not trust each other and may suddenly attack each other or start arguing [LDCE];
- stress: a state of mental or emotional strain or suspense; latent hostility: feelings of hostility that are not manifest [GWG];
- inner striving, unrest, or imbalance often with physiological indication of emotion [WD];
- a situation in which people feel unfriendly towards each other, and that may cause them to attack each other; a situation in which the fact that there are different needs or interests causes difficulties [OD];
- the feeling that is produced in a situation when people are anxious and do not trust each other, and when there is a possibility of sudden violence or conflict [Collins].

Как показывают лексикографические данные, концептуальные признаки концепта *tension* – нервность, беспокойство, волнение, недоверие, стресс, скрытая враждебность, несовпадение потребностей и интересов, тревожность, агрессивное поведение, конфликтность.

Эмпирический материал работы составили публикации инстаграм-аккаунтов американцев, которые представляют собой реакции на один из

случаев негативного действия вакцины от COVID-19, а также комментарии на кампанию по вакцинированию в целом. Анализируя публикации, мы ставим перед собой цель выявить индикаторы напряженности, которые намеренно или случайно создаются в дискурсах реагирования.

Американка Мара Джонсон на своей инстаграм-странице пишет о дочери, Мэдлин, которая, будучи студенткой медицинского колледжа, работая в «красной зоне» (*frontline worker at the hospital*), была обязана вакцинироваться. После получения вакцины Мэдлин диагностировали синдром Шона Скелтона, который сопровождался такими симптомами, как нарушение мелкой моторики, высокая температура, тошнота, опухшие конечности, проблемы с дыханием и случайные приступы паралича в различных частях тела.

Тревога, беспокойство. Мара Джонсон выступает в роли адресанта, а ее первое сообщение является исходным/первичным дискурсом, дискурсом-стимулом. Вместе с тем в процессе коммуникации роль адресанта сменяется ролью адресата. В первом посте Мара пишет: **First I want to preface this post by saying this is not an anti vax post. This is a we need all the risks known post. This is “the side effects are real post” this is a we are asking ... no we are begging to help post” ...** Anyone else having similar symptoms. **Please share. Any nuggets of info or insight might help us; We just want TRANSPARENCY. And help** (*marah_johnson*). Адресант начинает с ассертивов, сообщая об истинности своих мотивов – знать правду о побочных явлениях вакцины. Использование адресантом глаголов *need, want* свидетельствует о недостаточности, отсутствии должной информации о побочных действиях вакцины. Формы *Continuous ask, beg* свидетельствуют о непосредственном контакте говорящего и адресата, при этом иллюкутивная сила предложения увеличивается, так как говорящий хочет подчеркнуть ситуацию восприятия, в которой наблюдателем выступает адресат (*Вы же видите нашу просьбу о помощи*). Посредством императива *share* говорящий выражает свою волю и пытается воздействовать на адресата (вызвать со стороны адресата действия). Отсутствие полной информации о побочных действиях вакцины вызывает чувство обеспокоенности, тревожности, непонимания, как действовать в подобной ситуации.

Эмоциональные состояния адресатов объективированы с помощью признаковой лексики – прилагательными *sad* (печальный), *worried* (озабоченный, тревожный), *heartbroken* (убитый горем), *baffled* (недоуменный), *horrified* (шокированный), например: **I can’t like it. It makes me both angry and incredibly sad** (*momzthelukage*); **Omg I’m going to get my Pfizer done on Friday I’m worried now** (*noraabdullar19844*).

Недоверие. Недоверие к безопасности вакцины актуализировано в номинациях *poison* (яд), *bioweapon* (биологическое оружие), *evil* (зло), например: **Dear Jesus, flush the poison from this sweet girls body!** (*linzi-boo77*); **This is why I have been trying to warn our young men and women to**

stay away from this **poison** (dianabalayan); Now people are starting to see why people are NOT taking this **poison!** (frieda_brest) Look what this **bioweapon** has done to your daughter! (hensleyjo); Its **EVIL & SICK** what these jabs are doing to people! (lindseyabbie7). Выбор адресатами лексики с «разрушительной» семантикой для именованной вакцины вкуче с экспрессивными речевыми актами свидетельствует о негативном отношении и недоверии к ее безопасности.

Упрек, обвинение, недовольство. Большая часть комментариев представлена речевыми актами сострадания, поддержки, пожеланий скорейшего выздоровления, однако присутствуют и недружелюбные высказывания, направленные в адрес Мары. В примерах ниже посредством экспрессивных выражений *That's what* (Вот что ...) создаются речевые акты упрека, например: **That's what you get** for trusting the government (glory-boy.mat); **That's what happens** when people listen to the gov't and their neighbors Karen and Richard to get the covid vax as soon as possible (therealdon). В следующем примере адресат пытается модифицировать поведение адресанта, навязывая свою стратегию поведения, например: **If instead you start reading books and scientific papers on the process of mass vaccination you certainly would start to question the current COVID mass vaccination** (therealdon). Схожий манипулятивный упрек виден и в следующих высказываниях: Completely her own fault. No sympathy and no emotion. **Play stupid uneducated games get these outcomes** (irelandtom); **Play stupid games and win stupid prizes** (president_f4zio).

Различного рода обвинения направлены и в адрес правительства и медицинских организаций, например: When you truly do the research you will uncover the **disgusting, inhumane deception, and lies**, the government and CDC (a vaccine company **masked** as a health organization) have allowed to take place on American citizens (bigharma.is.lying2you); Everything that has happened during covid has been **in the interests of the powerful**. The biggest **wealth gap between the poor to the rich** the world has ever seen ... funnily enough just before a **great depression** (domi.a7x). I also **blame the government** and media for **peddling fear** (ross1970_rc). Использование адресатами асертивных высказываний свидетельствует об их вере в то, что государство распространяет ложную информацию, центр по контролю и профилактике заболеваний только маскируется под организацию здравоохранения, пандемия работает в интересах власть имущих, налицо высокий уровень социального неравенства, средства массовой информации инициируют страх. Здесь же находим мнения, в которых вакцины связывают с теорией заговора, например: Vaccine injury is not new its labeled as a **conspiracy theory** by society (mrs_kendall). Подобные столкновения взглядов приводят не иначе как к состоянию замешательства, смятению, дисбалансу – интегральным составляющим напряженности.

Агрессия. Речевая агрессия преследует цель выразить неприязнь, недоверие, враждебность посредством оскорбления, обвинения, обидного обращения, высказанного в сторону адресанта. Основными индикаторами речевой агрессии выступают стилистически маркированные языковые и речевые средства (экспрессивно окрашенная лексика, инвектива, просторечные слова, брань и т. д.). Наиболее частотным оказалось существительное *sheep* (овца; безвольный человек), например: This is a side effect of being a **sheep** and following the crowd cause you were too busy to use logic and not inject yourself with an experimental drug (will_72082); Wake the hell up and quit being a **damn sheep!** (drainbolt); DO YOU SEEE NOW!!! WAKE UP **SHEEP!!!** (frieda_brest); So all the **sheep** getting this vaccine should've known the risks when getting a vaccine (leckcg). Использование оценочного существительного *sheep* актуализирует агрессивный настрой адресатов. Особо выраженный экспрессивный характер приобретают графически маркированные высказывания.

На одну из нападок Мара реагирует довольно жестко, например: So perhaps think to ask before **ASSuming** (marah_johnson). Автор прибегает к намеренному графическому изменению слова – языковой игре, одним из пространственных приемов которой является капитализация. Таким образом, говорящий намеренно использует достаточно агрессивную стратегию, выражая свое отрицательное отношение к автору комментария.

Конфликтность. Следует отметить, что в когнитивной лингвистике, особенно в исследованиях, посвященных когнитивной метафоре, для обсуждения дискурса, связанного со здоровьем, включая COVID-19, используют «военные метафоры» [Wicke, 2020]. Метафорическая вербализация пандемии COVID-19 как войны представлена в обильном использовании милитаристической лексики *battle, fight, combat, struggle* (*сражаться, бороться*), *attack* (*нападать, атаковать*), *advocate* (*защитить*), *hero* (*герой*), *warrior* (*воин, боец*), *jab* (*удар*) и т. д. В комментариях к посту Мары Джонсон также присутствует военный сценарий «нападение – защита». Так, в одном из сообщений Мара размещает изображение пумы (*puma*) и сообщение: Right now I feel like this **puma mama**. I will **NOT put up with anyone or anything attacking my child** (marah_johnson). Один из адресатов также использует метафорическое имя для Мары – *Mama bear* (медведица), например: **Mama bear** you're doing so much to help her!!! (tiffany_michele), и сама Мара называет себя подобным именем, например: I'm just incredibly stressed out and in full **mama bear** mode (marah_johnson). Таким образом, проявляется еще один признак напряженности в вопросе о вакцинации в Америке – конфликтность, противоборство сторон. С одной стороны – люди, не желающие вакцинироваться и обвиняющие других в глупости, безвольности (*sheep, stupid*); с другой – те, кто принимают вакцинацию, но желают знать как можно больше о побочных явлениях вакцин и их последствиях.

Итак, наряду с различного рода локальными изменениями в мире, пандемия COVID-19 привнесла глобальные перемены практически во все сферы жизнедеятельности человека. Население США не одобряет и часто противостоит большей части этих перемен, так как они связаны с запретами, ограничениями, принуждениями, которые порождают социальную напряженность в стране. В частности, вакцинация от COVID-19 явилась источником социальной напряженности, особого состояния общественного сознания и поведения, восприятия и оценки действующего положения дел. На примере инстаграм-сообщения, опубликованного американкой Марой Джонсон, касаемо состояния ее дочери после получения вакцины, в комментариях пользователей можно наблюдать такие состояния, как тревожность, беспокойство, недоверие к медицинским работникам и правительству, агрессия, конфликтность, и другие проявления социальной напряженности.

Литература

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М. : Эдиториал УРСС, 2003. 284 с.

Керимзаде И. Т. Социальная напряженность как научная проблема / Проблема социальной напряженности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. 5–6 июня 2010 г. Пенза ; Ереван ; Прага : Социосфера, 2010. С. 6–9.

Луковцева З. В. Пандемия COVID-19 как социальный стрессор: факторы психолого-психиатрического риска (по материалам зарубежных исследований) // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11, № 4. С. 13–25.

Плотникова С. Н. Политик как конструктор дискурса реагирования // Политический дискурс в России: Святые без житий : материалы постоянно действующего семинара. М. : МАКС Пресс, 2005. Вып. 8. С. 22–26.

Самушкин А. И. Социальная напряженность как общественно-политическое явление // Проблема социальной напряженности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. 5–6 июня 2010 г. Пенза ; Ереван ; Прага : Социосфера, 2010. С. 10–13.

Социальная психология : учеб. пособие для студентов вузов. М. : Academia, 2001. 600 с.

Шаховский В. И. Меняющаяся картина мира в динамике языка и речи: Развитие и функционирование русского языка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2015. № 1(25). С. 7–20.

BBC. URL: <https://www.bbc.com/news/av/world-us-canada-57686717> (дата обращения: 03.08.2021).

Collins. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 01.08.2021).

GWG. URL: <https://www.goodwordguide.com> (дата обращения: 27.07.2021).

LDCE. URL: <https://www.ldceonline.com> (дата обращения: 27.07.2021).

Miashkova J. The anti-vax movement on social media: an analysis. URL: <https://awario.com/blog/anti-vax-social-listening-analysis/> (дата обращения: 21.07.2021).

OD. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 27.07.2021).

Parsons T. Essays in Sociological Theory. New York: Free Press, 1964. 460 p.

Searle J. Mind, Language and Society. Philosophy in the Real World. N. Y. : Basic Books, 1999. 192 p.

Wicke P., Bolognesi M. M. Framing COVID-19: how we conceptualize and discuss the pandemic on Twitter. URL: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/2004/2004.06986.pdf> (дата обращения: 11.07.2021).

WD. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 27.07.2021).

А. М. Карапетьянц

Московский государственный университет, Москва

ВОПРОСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТЕКСТОВ СЮЙ ШЭНЯ, СОПРЯЖЕННЫХ С КЛЮЧАМИ СЛОВАРЯ ШОВЭНЬ

Аннотация. Исследуются ключи Шовэня в их сопряжении с текстами словаря, поясняющими значения этих ключей. В результате анализа указанных текстов сделан вывод, что на уровне концептуально нагруженного набора пятиста сорока ключей имеет место очевидный примат символизации над фонетизацией, что опровергает понимание синографа прежде всего как знака-фоноидеогаммы.

Ключевые слова: Сюй Шэнь, Шовэнь, синограф, ключ, символизация, фонетизация.

A. M. Karapetyants

Moscow State University, Moscow

TO THE INTERPRETATION OF XU SHEN'S TEXTS CONJUGATED WITH THE SHUOWEN DICTIONARY RADICALS

Abstract. The article is devoted to the study of the Shuowen dictionary radicals in their conjugation with the texts of the dictionary, explaining the meanings of these radicals. As a result of the analysis of these texts, the author concludes that at the level of a conceptually loaded set of five hundred and forty keys, there is an obvious primacy of symbolization over phonetisation, which refutes the understanding of the sinograph as a phonoideogram sign.

Keywords: Xu Shen, Shuowen, sinograph, radical, symbolization, phonetisation.

Основной текст Шовэня в версии ctext.org представляет собой список из 9831 синографа, разделенный на 540 отделов, возглавляемых определенным иероглифом (ключом), который входит в состав всех синографов данного раздела. Количество синографов в разделе распределено весьма неравномерно, но большинство из них обладает низкой продуктивностью.

Каждому синографу сопоставлен текст, в общем случае содержащий три части. Первая – подобие определения значения синографа, его объяснение. Вторая – мотивация значения, обычно посредством указания на символизацию-изображение, т. е. подобие (маркер 象) или состав (маркер 从). Третья, «дежурная» часть – указание на то, что любой синограф, входящий в данный раздел, имеет в своем составе данный ключ вида 凡某之屬皆从某. Наряду с этими обязательными частями, сопряженный текст может содержать дополнительные сведения о разнописях и отсылки к другим трактовкам (обычно после «дежурной» части, составляя таким образом дополнительный постпозиционный текст), цитаты и достаточно протяженные тексты, в которые переходят определения значений по мере движения от слова к синтагме и далее к пропозиции и тексту. В исключительных случаях, которые мы рассмотрим в первую очередь, подобные тексты мо-

гут представлять собой трактаты по поводу, в которые переходят объяснения или которые даже замещают объяснения. Примером этому служит уже первый ключ

一: 惟初太始, 道立於一, 造分天地,

化成萬物。凡一之屬皆從一。弌, 古文一。

Здесь вместо обеих препозитивных частей содержится «философское» четверостишие: «И в начале было Великое начало, Дао установилось в единице (горизонтали), создало и разделило Небо и Землю, трансформировало и сформировало тьму вещей». В рамках подобной трактовки горизонтальная черта (линия горизонта) понимается как обозначение исходного числа «один», так как согласно «Даодэцину» (§ 42) «Дао породило единицу, единица породила двойку, двойка породила тройку, а тройка породила тьму вещей». Правее – дежурная часть и замечание о написании *зுவэнь*, совпадающем с современной прописной единицей.

Примером иного рода является ключ 005 «ван». Сначала идет обычное объяснение: «то, к чему обращается и направляется Поднебесная» (天下所歸往也), построенное на созвучии и частичном графическом совпадении синографов 王 «правитель» и 往 «направляться» (в последнем верхней правой точки первоначально не было). Далее помещена цитата из Дун Чжуншу: «Создатели письма древности три черты со связкой между ними назвали ваном (三畫而連其中謂之王)。Эти три черты – Небо, Земля, Человек, а троично пронизывающее их – правитель (而參通之者王也)». Конфуций сказал: «Одно, пронизывающее три, – это ван (一貫三為王)». Этот текст соотносится скорее с аспектом «мотивация», а не «объяснение».

Следующий случай подобного рода – ключ 006 «яшма», в тексте к которому после объяснения «прекрасный среди камней (石之美)» следует: «У нее имеется пять благодатей (五德): [она] смачивает и увлажняет для отепления (潤澤以溫) – а это тактика гуманности; когда снаружи из чешуйчатых узоров можно познать середину (鯁理自外, 可以知中) – это тактика справедливости; ее звук, спокойный и приподнятый, задает разборчивость, позволяющую слышать издали (其聲舒揚, 專以遠聞), – а это тактика мудрости; [она], не сгибаясь, ломается (不撓而折) – а это тактика храбрости; [она] заострена и чиста без хитростей (銳廉而不技) – а это тактика целомудрия» (два последние члена не совпадают со стандартным пятиместным набором). Далее следует вторая составляющая: «Знак подобен связке (или “символизирует связку”) из трех яшм (ср. цитату из Дун Чжуншу). Вертикальная черта – это то, что их пронизывает (象三玉之連。丨, 其貫也)».

Более простой, но схожий текст сопоставлен ключу 054 «десять», представляющему собой прямой крест 十: «Комплект чисел. Горизонталь – это восток-запад, вертикаль – это юг-север, так оказываются в полном наличии четыре стороны света и центр (數之具也。一為東西，丨為南北，則四方中央備矣)».

Следующий текст особого рода – ключ 161 «барабан». Его значение указывается посредством приравнивания в объяснительной части к синографу 郭 (так и написано: 郭也), который сходно звучит и предполагает представление о внешней оболочке. Это фонетическое приравнивание (комментирование), естественно, разъясняется: «Звук весеннего равноденствия. Тьма вещей, оказываясь снаружи скорлуп и панцирей, испускается (春分之音，萬物郭皮甲而出). Поэтому-то и называется 郭». Далее следует смешанное объяснение состава: правая часть знака предполагает, что по нему бьют руками (здесь возможно и фонетическое уподобление). Завершает основную часть справка из «Чжоу ли» по поводу шести разновидностей барабанов (при ключе 338 содержатся аналогичные объяснения по поводу бирок).

Следующий нестандартный текст соотнесен с ключом 250 «треножник». После дефиниции «драгоценный сосуд с тремя ножками и двумя ручками для гармонизации вкусов (三足兩耳，和五味之寶器)» здесь располагается повествование: «Некогда Юй, прибрав металл 9-ти пастбищ, отлил колокол под цзиньскими (т. е. чускими) горами, входил в горы и леса, реки и водоемы, и никто из оборотней и теней не был в силах вместить это, чтобы совместно воспринять благодати Неба (昔禹收九牧之金，鑄鼎荆山之下，入山林川澤，螭魅罔兩，莫能逢之，以協承天休)». Далее следуют не совсем понятная цитата из «Книги Перемен» и весьма интересное указание, что в письме чжоувэнь для обозначения треножника использовался знак 貞 (это подтверждают гадательные надписи). Все эти тексты, имеющие эпиграфические подтверждения, не могут рассматриваться как обоснования графики или семантики синографа.

В следующем нестандартном тексте к ключу 344 包 «заворачивать» интересно обращение к циклическим знакам. «Подобен человеку, несущему в себе плод, в середине 巳. Символизирует форму еще не сформировавшегося младенца (или “символизирует то, что ребенок еще не сформировался”). Изначальные пнеумы-ци начинаются с циклического знака 子, 子 – это то, что рождается людьми (象人裹妊，巳在中，象子未成形也。元氣起於子。子，人所生也). Мужчин в левом ряду (男左行) 30, женщин в правом ряду 20, оба [пола] устанавливаются в циклическом знаке 子, становятся мужем и женой. Плод возникает в 子 (裹妊於巳), 子 – это 子 (одновременно точка отсчета, циклический знак и “ребенок”), проходит 10 месяцев и рождается (十月而生). Мужчины начинают с 子 и доходят до

циклического знака *инь*, женщины начинают с *сы* и доходят до циклического знака *шэнь*, поэтому мужские годы (男季) начинаются с *инь*, женские годы начинаются с *шэнь*». В этом тексте, для нас пока еще не совсем понятном, примечательно очевидное совмещение звучаний, семантики и числений.

Следующая аномалия – ключ 427 «дракон». «Начальник чешуйчатых гадов. Может быть скрытым и ясным, тонким и огромным, коротким и длинным. В весеннее равноденствие поднимается на небо, в осеннее равноденствие погружается в пучину. Из мяса (не дракон, а знак!), форма полета, 童 (“ребенок”) – сокращенный фонетик (从肉, 飛之形, 童省聲)». Здесь странно как само указание на форму, так и редкое для ключа указание на фонетик (фактическое смешение стандартных форм 从肉, 象飛之形 и редкой для ключа формы 从肉, 童省聲).

С этим случаем сопряжен текст к ключу «гад» (471): «Еще называется 蝮 (fu4, ср. совпадающий текст в «Эрья»), 博 (ba2) три цуня, голова по размерам похожа на палец с определением 擘 (bo4, согласно комментариям к «Эрья» это «большой палец»). Подобен его лежащей форме» (ср. в предыдущем случае 象飛之形). Далее идет текст, подобающий ключу: «Мельчайшее и тончайшее из вещей, некоторые двигаются, некоторые волосатые, некоторые паразиты (весьма условный перевод, удивительна рифма с 行), некоторые с панцирем, некоторые с чешуей, их образом является 虫».

Необычны и тексты, сопряженные с циклическими знаками, как 10-местный набор 天干, так и 12-местный набор 地支.

513 甲: 東方之孟, 陽气萌動。从木戴孚甲之象。

一曰人頭宜為甲, 甲象人頭。

514 乙: 象春艸木冤曲而出, 陰气尚彊, 其出乙乙也。

與丨同意。乙承甲, 象人頸。

515 丙: 位南方, 萬物成, 炳然。陰气初起, 陽气將虧。

从一入门。一者, 陽也。丙承乙, 象人肩。

516 丁: 夏時萬物皆丁實。象形。丁承丙, 象人心。

517 戊: 中宮也。象六甲五龍相拘絞也。戊承丁, 象人脅。

518 己: 中宮也。象萬物辟藏詘形也。己承戊, 象人腹。

520 庚: 位西方, 象秋時萬物庚庚有實也。庚承己, 象人齋。

521 辛: 秋時萬物成而孰; 金剛, 味辛, 辛痛即泣出。

从一从辛。辛, 皃也。辛承庚, 象人股。

- 523 壬：位北方也。陰極陽生，故《易》曰：「龍戰于野。」
戰者，接也。**象**人裹妊之**形**。承亥壬以子，生之敘也。
與巫同意。壬承辛，**象**人脛。脛，任體也。
- 524 癸：冬時，水土平，可揆度也。
象水從四方流入地中之**形**。癸承壬，**象**人足。
- 525 子：十一月，陽氣動，萬物滋，人以為偁。**象**形。
- 529 丑：紐也。十二月，萬物動，用事。**象**手之**形**。時加丑，亦舉手時也。
- 530 寅：饋也。正月，陽氣動，去黃泉，
欲上出，陰尚彊。**象**宀不達，饋寅於下也。
- 531 卯：冒也。二月，萬物冒地而出。**象**開門之**形**。故二月為天門。
- 532 辰：震也。三月，陽氣動，雷電振，民農時也。物皆生。
从乙、匕，**象**芒達；厂，聲也。
辰，房星，天時也。从二，二，古文上字。
- 533 巳：巳也。四月，陽氣已出，
陰氣已藏，萬物見，
成文章，故巳為蛇。**象**形。
- 534 午：𠂔也。五月，陰氣午逆陽。冒地而出。此予矢同意。
- 535 未：味也。六月，滋味也。五行，木老於未。**象**木重枝葉也。
- 536 申：神也。七月，陰氣成，體自申束。
从白，自持也。吏臣鋪時聽事，申旦政也。
- 537 酉：就也。八月，黍成，可為酎酒。**象**古文酉之**形**。
- 539 戌：滅也。九月，陽氣微，萬物畢成，陽下入地也。
五行，土生於戌，盛於戌。
- 540 亥：菱也。十月，微陽起，接盛陰。
从二，二，古文上字。一人男，一人女也。
从乙，**象**裹子咳咳之**形**。《春秋傳》曰：「亥有二首六身。」

Примечательны и цифры, также сконцентрированные к концу словаря:

- 479 二：地之數也。从偶一。
- 004 三：天地人之道也。从三數。
- 503 四：陰數也。**象**四分之**形**。

- 507 五: 五行也。 从二, 陰陽在天地間交午也。
- 508 六: 《易》之數, 陰變於六,
正於八。 从入从八。
- 509 七: 陽之正也。 从一, 微陰从中袞出也。
- 016 八: 別也。 象分別相背之形。
- 510 九: 陽之變也。 象其屈曲究盡之形。
- 054 十: 數之具也。 一為東西,
 | 為南北, 則四方中央備矣。

Приведенный материал свидетельствует о существовании стандартных моделей описания, переходящих друг в друга, что видно из преобразования редкой формы ...象 (ср. кл. 471) в обозначение категории 象形 и далее в 象之形:

- 177 井: 八家一井。 象構韓形, 巽之象也。 古者伯益初作井。
- 422 雨: 水从雲下也。 一象天, 冂象雲, 水霽其間也。

Насчет же 諧聲字 существуют следующие данные: стандартная форма 从某某聲 имеется при 34 ключах, форма 从某从某尤, 某聲 при пяти ключах, форма 从某, 某省聲 при восьми ключах, форма ... 某亦聲 при десяти ключах, стандартная форма в сочетании с 象 при 11 ключах. Таким образом, к фонетической категории относится не более 10 % ключей. В то же время в тексте к четырем из 11 ключей последней группы содержится помета 象形, которая имеется еще у 115 ключей: 008, 022, 023, 073, 076, 077, 088, 099, 102, 108, 109, 112, 119, 120, 121, 133, 135, 137, 142, 143, 144, 145, 163, 164, 165, 168, 170, 171, 185, 200, 210, 214, 216, 217, 222, 223, 228, 231, 237, 240, 244, 246, 247, 248, 252, 259, 262, 266, 267, 269, 271, 293, 301, 303, 311, 325, 331, 347, 350, 354, 357, 360, 365, 367, 368, 371, 374, 377, 379, 382, 385, 391, 392, 395, 406, 408, 424, 426, 428, 431, 432, 433, 434, 437, 438, 439, 440, 441, 443, 449, 454, 455, 459, 461, 462, 463, 477, 478, 492, 493, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 502, 504, 505, 511, 516, 519, 525, 526, 533. Это дает более 20 %.

Таким образом, на уровне концептуально нагруженного набора 540 ключей наблюдается явное преобладание символизации над фонетизацией, противоречащее представлению о иероглифе по умолчанию как знаке фоноидеограмме.

ФОРМИРОВАНИЕ КИТАЙСКОЙ ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ (ПАМЯТИ О. М. ГОТЛИБА)

Доклад заслуженного профессора Московского университета, доктора филологических наук Артемия Михайловича Карапетьянца, посвященный памяти сибирского синоведа Олега Марковича Готлиба (1951–2016), прочтен 11 мая 2021 г. в Институте филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета в рамках открытия Иркутского регионального отделения Ассоциации преподавателей китайского языка.

1. Общетеоретические предпосылки

1.1. *Сомнения по поводу постулатов фонетической и лексической организаций языка*

1.1.1. В фонетической сфере – это необходимость противопоставления звука речи (фонемы) и слога в материальном (единое звукопредставление) и структурном аспектах. В последнем случае речь идет об оппозиции признаков или линейной интерпретаций. Фонема мыслится как *пучок* признаков, а слог – как *последовательность* фонем. Но китайский слог монолитен, организован и может непротиворечиво интерпретироваться только признаковым образом: поскольку его необходимую суперсегментную принадлежность «тон» можно считать только признаком, а «фонемы» в понимании Румянцева (а это всего-навсего буквы 注音字母, была бы русская транскрипция – были бы другие фонемы) ничто не мешает (а многое помогает, ср. обнаружение дифтонгов и трифтонгов) тоже понимать как признаки. При таком единообразном подходе естественно и материально (или, как сказал бы Маяковский, весомо, грубо, зримо) возникает представление о слогафонеме, которое получило разработку прежде всего при интерпретации китайской фонетики ведущим лингвистом-теоретиком своего времени Поливановым.

1.1.2. В лексической сфере – это необходимость противопоставления морфемы и слова. Общеизвестно, что в КЯ со словом в европейском понимании дела обстоят неблагополучно. Самый удобный словарь для этого языка (до сих пор!) – словарь иероглифический. Составление нормативного словаря в нашем понимании было подвигом (и не только потому, что новый литературный язык складывался на глазах). И словарь оказался странным: для иероглифов одним, для слов – другим, как можно убедиться из сравнения иероглифических и словарных статей 現代漢語詞典. Насто-

ящими словами оказываются только периферийные сочетания с настоящими суффиксами (了, конечно же, не суффикс, поскольку сочетания с ним в словарь не входят). Дальше начинаются в общем случае семантически прозрачные сочетания, причем даже совершенно непривычные для европейской лингвистики. Наряду с бинарными, т. е. биномами (их прообраз – ИГ), имеются тернарные, т. е. гуаньюньюи (а за ними ГИС), или даже квартнарные – чэньюи (а это уже в общем случае параллельные качественные предикации). И даже про пресловутые биномы трудно сказать, к чему они относятся, – к речи или языку, производимы они или воспроизводимы?

1.1.2.1. И здесь представляется уместным применить единый подход, в данном случае аналитический: вывести и служебные и значимые лексические единицы на уровень предложения, минуя уровень слова. Этому способствует еще и определенная изоморфность организации словоподобных, синтагмоподобных и фразоподобных единиц. Это позволяет видеть как некое синтагмоподобное целое совокупность *лексических* единиц типа слов, словосочетаний и фразеологизмов (биномов, терномов и квартномов) и *синтаксических* единиц типа ИГ и ГИС.

1.1.3. И тут, как в конце «Подлинной истории А-Кью», возникает 大團圓: основные единицы фонетического и лексического уровней совмещаются друг с другом (хотя бы по границам), находят друг на друга: вниз, в фонетику, это основные фонетические единицы типа звуков речи (в нашем обыденном сознании буквы), а вверх – это основные единицы плохо стратифицируемого лексико-синтаксического уровня значения. И эти основные единицы однозначно, имманентно могут быть зафиксированы *только* особыми *графическими* символами из организованного (графически, фонетически и семантически) набора – *синографами*. Остальные способы фиксации (естественно, импортные) относительно настолько же, насколько относительно чтение буквы «а» в русском языке, а уж если выйти на просторы кириллицы или даже вообще латиницы, то тут получится совершенно изумительная диалектология.

1.1.4. Итак, специфика китайских лексических единиц состоит в том, что в общем случае это однослоги, занимающие промежуточное положение между морфемами и словами в принятом у нас образе лингвистического мышления, а в китайском менталитете фиксируемые как [漢]字. Среди них худо-бедно могут быть выделены особые – *служебные*. Значения их достаточно расплывчаты, но условно их можно разделить на *предикативные* (с дополнительным делением на *лагольные* и *качественные*) и *именные* (с дополнительным подразделением на *конкретные* и *абстрактные*). Из этих *мономов* строятся единицы вышележащих уровней:

1) *биномы* (*копулятивные, атрибутивные, результативные* и проч.), которым в проекции на синтаксис соответствуют именные группы (ИГ);

2) *терномы* 慣用語, которым синтаксически соответствуют глагольно-объектные сочетания (ГИС);

3) *квартномы* (это в общем случае 成語) и даже далее;

4) фразы-фразеологизмы 句, прообразами которых служат 5- и 7-значные «стихотворные» строки 句, в которых три последние знака отделяются цезурой.

Мономы *разворачиваются* в биномы, биномы – в квартномы (это – левая часть строки 句), терномам соответствует правая часть строки. Это частный случай общей двоично-троичной модели, лежащей в основе устройства китайского интеллекта. В данном же случае важно, что все это – системные следствия символической системы записи, а именно конкретной формы символического письма, которую я называю *синографией*.

1.1.5. Как подобный механизм работает? Возьмем известную строку: 遠芳侵古道. Она состоит из атрибутивного бинорма и стандартного тернома строения 1+2. Левую часть можно сделать квартномом (тогда получится 7-значная строка). Для этого качественное 遠 разумно развернуть в копулятивный бинорм 遙遠, а именное 芳 – в копулятивный бинорм 芳香.

1.1.5.1. В правой части глагольное 侵 так и просится превратиться в侵犯. В свою очередь, атрибутивное 古道 может быть свернуто в именное 道 (последнее можно развернуть в копулятивное 道路) или развернуто в 古老道路, но в этом случае по правилам синтаксиса современного нормативного языка понадобится (но не всегда появится) 的.

1.1.6. С моей точки зрения, здесь речь зашла скорее о стилистике, и сбрасывать Пушкина с корабля современности нет никакой необходимости. Это просто разные стилистики – живая (речевая) и классическая (литературная). В подтверждение этому приведу известные строки (連) Ли Цинчжао: 只恐雙溪舴艋舟, 載不動許多愁! Это уже 詞 с «современными» 只怕, 許多 и даже с потенциальной конструкцией.

1.1.7. Синографический механизм словотекстообразования можно продемонстрировать и в синхроне на так называемых кальках, которые обычно оказываются просто осмысленными (членораздельными) обозначениями соответствующих понятий средствами синографии.

1.1.7.1. Вот четыре способа передачи нашего слова/понятия «микрофон» синографическими средствами, перечисленные в порядке следования в 大俄汉词典 (этот порядок, вероятно, отражает уменьшение нормативности):

傳聲器 (оно нашлось в фонетическом вводе «Ворда»);

微音器 (первоначально я набирал нестандартное сочетание 微聲器 (ср. путаницу 只怕 и 只恐), а для его ввода пришлось набирать копулятивные биномы 微小, 聲音 и 器械);

話筒 (есть во вводе);

麥克風 (есть во вводе, а если бы не было, мне пришлось бы вводить совершенно бессмысленные с точки зрения «микрофонности» сочетания 小麥, 剋服, 颶風).

1.1.7.2. Очевидно, что калька – это второе слово 微音器: *mīcō* = 微 (чтобы это набрать, мне понадобилось 微妙), *phōne* = 音, 器 же (опять понадобилось 器械) относится к микроразряду конкретных имен, приближающихся к служебным синографам и обзываемых по-разному: классификатор, полусуффикс и проч. Благодаря появлению этого компонента обозначение 微音器 оказалось значительно более емким семантически, чем его прототип. Третье – покомпонентно понятный вульгаризм (опять же с семантически прозрачным классификатором: ср. русское «матюгальник»), а четвертое – фонетическое заимствование, чуждое природе КЯ.

1.1.6.3. Как видно, здесь важна «стандартность», связанная с расхожим представлением о «самостоятельном употреблении». Другая сторона этой проблемы – соотношение со словом в нашем понимании. Очевидно, что с таким словом по умолчанию изолирующего языка (для нас – с базовой лексической единицей) соотносится только дикий 麥克風. Подобного в лексике КЯ немного, но построенные таким образом единицы (особенно в разговорном и международном общении) достаточно частотны. К остальному уж совсем не следует относиться как к русским словам.

1.1.8. Точку соприкосновения двух образов базовых лексических единиц можно найти в стандартности обозначения определенного понятия. Ведь принято употреблять 只怕, но объявление этого объекта единицей языка подобно рекомендации писать «играть роль» и «иметь значение»: благодаря семантическому согласованию «играть значение» действительно неудачно, но «иметь роль» приемлемо. Таким образом, то, что мы называем 詞典, это, по сути дела, словарь штампов, принятых в определенной языковой среде. Если говорить о 现代汉语词典 – это нормативный язык КНР, используемый интеллигенцией.

1.2. Проблема грамматических категорий

1.2.1. Для аналитического слогоморфемного (а попросту говоря, слогословного) языка понятие морфологической грамматической категории типа существительного, прилагательного или глагола теряет смысл. Здесь можно говорить только о семантико-синтаксических категориях. Разумеется, синографы можно делить на служебные и значимые (но даже здесь граница размыта). Классификация служебных синографов возможна, а классификация значимых проблематична. Конечно, можно вспомнить об именной и глагольной семантике, но и здесь граница со всех точек зрения

размыта. Ведь очевидно, что предметы обозначают только существительные с терминологическим уклоном, а «изнасилование» – это действие ровно настолько же, насколько немецкая девушка не среднего рода. Да и другие границы зыбки, например, между глаголами и предлогами. Это было ясно уже фон Габеленцу и, как мне кажется, подсознательно послужило толчком к постановке вопроса об основах лингвистической типологии.

1.2.1.1. И только на уровне текста появляются *речевые* части речи, поскольку обозначения предметов чаще функционируют в предложении как существительные, обозначения действий – как глаголы. И это *синтаксические* части речи, производные от некоторых, по-нашему, *морфологически* обусловленных абстракций (а в КЯ морфологические формы в слог не «впихиваются»). И первой из этих «частей речи» нам представляется имя, и возникает философская оппозиция вещей и дел. Мы представляем слова вещами, но ведь важны не слова, а дела, да и сокровенная пружина языка заключена в предикации.

1.2.2. Проекция части речи в нашем понимании на КЯ – это функционирование в естественном семантико-синтаксическом окружении, так сказать, в окружении по умолчанию (ср. наше слово по умолчанию типа «кошка»). В отличном от этого окружении появляется не конвертив, а та же лексическая единица, только, как говорил Яхонтов, в необычном употреблении (это для нас необычно, но для китайцев вовсе не необычно). Ведь представление слова по умолчанию в виде «стол» – это представление о слове как обозначении вещи в виде существительного мужского рода единственного числа, да еще и именительного падежа. Отсюда и возникает спорная философская трактовка подлежащего как главного члена предложения.

1.2.2. Конечно, часть речи, как, впрочем, и время, можно представлять как семантическую категорию, такую, как, например, род (но семантический признак пола применим к достаточно ограниченному числу имен) или число, но оно опять же действительно только для имен. Для имен оно, в отличие от рода, даже кажется естественным, но тут уже бродит по Европе призрак неисчисляемости. А вот такие вещи, как падеж или вид, плохо поддаются семантической интерпретации – это морфосинтаксические выкрутасы конкретных языков в попытках передать смысл в рамках предикации. Подобными выкрутасами прежде всего интересовалась привычная школьная грамматика. Смысл же, главный аспект синографа, только в недавнее время стал объектом европейского лингвистического исследования и, как оказалось, даже превратился в ту отправную точку, которой ранее служила фонетика. А смыслу часть речи присуща не в большей мере, чем падеж.

1.3. Языковая естественность и неестественность

1.3.1. Естественный (бытовой) язык понимается как средство человеческого общения, причем прежде всего в устной форме. Но письменная форма языка по мере развития цивилизации приобретает все большую роль. И все более осознается тот факт, что язык – это средство не только (и даже не столько) передачи, сколько организации и фиксации информации. Будучи продуктом сознания, язык это сознание материализует и организует. И существует важная грань не только между неговорящей обезьяной и говорящим человеком, но и между неграмотным (необразованным) и грамотным (образованным, культурным) человеком.

1.3.2. Процесс достижения грамотности, кажется, прост – надо выучить буквы. Тогда можно *читать* вывески, распоряжения, интернет, книги, но *понимать* ли их? Вспомним лакея Петрушку у Гоголя или русских барышень, которые бойко болтали по-французски, естественно, знали латиницу, но не могли читать французские книги. Все это – преимущества (или недостатки?) фонетического письма. Китайское же письмо – семантическое. При его чтении задействуются другие участки мозга и действуют иные филогенетические и онтогенетические механизмы, приводящие к внутренне естественным, но для нас достаточно непривычным последствиям.

1.3.3. Я буду говорить только о филогенезе. Как получилось записывать речь буквами, мы примерно представляем, и этот процесс нам кажется естественным. Но первоначальный текст и в нашей, и в китайской цивилизации был сакральным и записывался сакральными письменами. Однако синографы, введенные в оборот иньскими жрецами, были прежде всего графически и фонетически дискретными (слоговыми) и осмысленными. Возможность альтернативного подхода от смысла очевидна: ведь фиксировать звучание не менее разумно, тем более, что смысл в гораздо большей мере изобразим, чем звук. Что уж то говорить о фонетически организованном смысле.

1.3.3.1. Конечно, подход от смысла возможен только при ограниченности числа знаков (сферы применения) и числа пользователей. А внутри ограниченного числа организованных знаков неизбежно возникает системность. Все это достаточно очевидно на примере единственной развитой системы символической записи – слоговых символов химических элементов, к которой мы еще вернемся. Как при наличии звука можно в какой-то мере обходиться без смысла (это было показано выше), так и при наличии символа можно в какой-то мере обходиться без звука, тем более что сакральные символы должны были иметь особые сакральные чтения (ср. чтения химических символов или шумерские чтения у ассирийцев).

1.3.4. Изобретение синографии на севере повлекло за собой формирование Китая, доминирующее распространение на юг, населенный другими этносами и говорящий на других (но слоговых!) языках, на тот самый

якобы не китайский юг, который и по сю пору пишет иероглифами (не считая вьетнамцев, которые, будучи обучены французами неграмотности, тем не менее сохранили китайское отношение к пробелам). Тут-то и проявляются первичность письма и вторичность обиходного языка для *культурного общества*, что можно понять через призму первичности *осознанной* компетенции и вторичности исполнения.

2. Частные коррективы относительно языка

2.1. Вернемся к различию понимания языка как средства общения (передачи информации) или средства упорядочения и фиксации информации.

2.1.1. В первом случае (т. е. в случае бытового языка) в принципе можно было бы обойтись зуботычинами, но во втором речь идет о сложной, осмысленной и не слишком конкретной информации. Именно поэтому возможность общаться на языке, как и буквенная грамотность, не обязательно влечет за собой адекватное понимание текста.

2.2. Способ фиксации неизбежно влияет на форму текста и его емкость. Достаточно сравнить традиционный и современный вьетнамский текст. Запись дискретными квадратными символами порождает многомерность (параллелизм) и многоуровневость составляющих текста (о ней говорилось выше). Для синографического текста на первый план выходит, если можно так выразиться, грамматика текста, а не абсолютная внетекстовая ранжированность его составляющих. Ключ к пониманию текста заключается в его разбивке на составляющие, в установлении их иерархии, а не в конструировании текста из определенных составляющих.

2.3. Все же необходимо заметить, что символическая фиксация столь же условна, что и устная. Достаточно вспомнить наличие разнописей местоимения 3-го лица 他、她、它、牠、牠。 Разумеется, это одно слово с 他的, ведь в КЯ бессмысленно разграничивать личные и притяжательные местоимения. Еще менее целесообразно различение личных местоимений 2-го лица 你 и 妳. В рамках подобных рассуждений мы остаемся на уровне семантических, а не грамматических рода и падежа.

2.4. Выше мы уже применяли понятие умолчания к числу, роду и падежу, когда говорили об оппозициях единственное vs. множественное, мужской vs. женский, номинатив vs. аккузатив (эта оппозиция также важна, поскольку связана с проблемами эргативности и главного актанга). Синограф, достаточно далекий от имени собственного (когда он не конкретное обозначение), – это термин массы, нечто неисчисляемое наподобие русской «воды» (и поэтому нужны 量詞, которые, конечно, не называются 數詞). Это нечто качественное, заменяемое в общем случае не на местоимение, а на местопрдикатив 然. Поэтому глагол и прилагательное сливаются в понятие предикатива. Понятие «имя прилагательное» для КЯ чудовищно, а числительное, не оформленное счетным словом, в нем глагольно.

2.4.1. В этом отношении примечательна обязательность при исполнении счетных слов у конкретных существительных (а других в разговорном практически нет) при их отсутствии в вэньяне. Здесь мне кажется продуктивной параллель между счетным словом и артиклем, занимающим промежуточное положение между служебным словом и частью слова. Все же артикли считаются отдельными словами и отделяются пробелами.

2.5. Полноценный символ – это прежде всего обозначение сущности или состояния со стороны качественности. Языковой символ (будь то наше *конкретное* слово или китайская *абстрактная* морфема), а также химический символ или синограф 漢字 являются семантическими представлениями; их совокупность может быть зафиксирована как семантическими, так и фонетическими способами. В китайском случае слогослово передается одним графемно (в общем случае бинарно) и пространственно (квадрат постоянной площади) организованным символом.

2.5.1. Но это не слово в нашем понимании. Это видно уже из странности утверждения, что древние китайцы выражались односложно. И получается, что был прав акад. Конрад, который под мудрым руководством тов. Сталина показал неодносложность китайских слов, разоблачив таким образом принижение буржуями немногословного китайского народа, идущего к коммунизму.

2.6. Синографы условны и размыты во всех отношениях. Но у них есть идеальная графическая фиксация, хотя и в этом отношении есть вариативность и существуют различные стили письма (шрифты). Указанная условность сопоставима с соотношением символов химических элементов со словами или даже с их чтениями. Китайские иероглифические аналоги химических символов адекватны латинским (с их помощью можно записывать формулы) и одновременно являются синографами (т. е. единицами универсального естественного письменного языка), их бытовые реализации совпадают с научными и в отличие от «меди» и «купрума» не различаются. Более того, химические формулы можно писать универсальными синографами, и в обоих случаях необходимо применять одну и ту же двухбайтовую кодировку.

2.6.1. В этой связи примечательно, что у китайцев не было графических (арабских) цифр, как и ухищрений, неизбежных при линейности, типа нижних (и верхних) [числовых] индексов (эту тему можно было бы развивать дальше, но это завело бы нас в дебри сопоставления графики вида «двадцать» и «20» и репрезентации гексаграмм). Поэтому химические формулы могли бы состоять из одних синографов, но тогда утратилась бы международная составляющая. И это при том, что в этом случае вместо ограниченного числа условных символов использовались бы исключительно знаки гораздо более мощного и универсального набора символов естественного семантического письма.

3. Возникновение письма и текста в Китае

3.1. Первоначальный синографический текст выступал одновременно и как составляющая ритуала, и как его фиксация. Надписи имели строгий формуляр, их лексика и содержание были специальными. Светский текст формируется только к V в. до н. э. через социологическое осмысление знаков этих специфических текстов в сопряженных текстах-чужаях и в коротких структурно организованных фрагментах квазифилологического содержания. Еще один источник письменной традиции – хронологическое расположение ритуальных записей как хроники с сопряженными текстами в виде комментариев, записей речей и исторического повествования. Ритуальные знаки должны были иметь ритуальные, престижные, первоначальные чтения. Это обстоятельство, в частности, обусловило нормативность, а не объективность китайской лингвистической традиции (ее, в частности, интересовало не то, как что-то звучит, а то, как оно должно звучать).

3.2. Наиболее значимые древнейшие синографические тексты многомерны, их репрезентация необходима в графическом, а не в текстовом формате. Эти тексты не предназначены для последовательного восприятия на слух, их нельзя без существенной перестройки «переложить» на средневековый китайский текст (я не говорю уже о байхуа или европейских языках). Они сформулированы по законам логики, а не естественного языка в нашем понимании. В этом отношении примечательно немислимое для естественного языка отсутствие в гадательных надписях средств выражения вопроса.

3.3. Синографы берут начало от иконических символов (которым придавалось символическое значение) и символических знаков (насечек), в общем случае восходящих к цифрам и обозначениям ячеек классификационных схем (последние могли задаваться не специальными символами, а стандартными заполнениями). Фонетический аспект включался в значение через фонетические заимствования. Он органично вошел в систему после осознания необходимости учета как семантического, так и фонетического аспектов (эти аспекты отражены в противопоставлении ключей и фонетиков) в ходе «насаживания» письма на живой язык и его унификации.

3.4. Символичность предполагала понимание синографа как числа. Отсюда берет начало традиционное представление о науке как об исчислении. Ср. также соображения о числительных, изложенные выше.

3.5. Первоначальная лексика вне терминологического пласта была ограничена и системна (ср. бытовой мат; и в этом отношении примечательна сексуальность основы ицзинистики). Первоначальные единицы отличались емкостью и размытостью, затем происходила их постепенная внутренняя и внешняя семантическая и графическая дифференциация. Все это отразилось в наличии значения у фонетиков, во взаимозаменяемости и специализации первоначальных синографов.

3.6. В конечном итоге это привело к восприятию синографа как языкового инварианта с аспектами: графика, семантика и фонетика – и формированию концепции 六書 как отражения генезиса письма. При этом примечательна «нечеткость» каждого аспекта. В графике она связана с наличием разных стилей письма, с разнописями и «местными» знаками. В семантике – с вариативностью членения семантического пространства (ср. «неправильные» употребления иероглифов). А для фонетики – с языком применения, «диалектом», на который проецируется синография. В последнем отношении примечательно стирание грани между языком и диалектом вплоть до «китаизации» вьетских языков (ср. соотношение кантонского диалекта и вьетнамского языка) и появления такого «языка», как синояпонский.

3.7. В этом плане предстает естественной иррелевантность точного, конкретного произношения, условность среднекитайской реконструкции и одновременное использование в настоящее время двух в корне различных наборов рифм: северного, определяемого фонетикой НКЯ, и южного (система 106 рифм): ведь для синографа значимо место в системе чтений (сходство звучаний), а не конкретное звучание. Система рифм – это приблизительная и наддиалектная фонетическая нотация на уровне слога, возникновение которой объясняется слоговостью и уподобительной фиксацией произношения.

3.8. Вышеизложенное делает понятным совпадение границ синодиалектов с границами зон распространения языков и этносов и возникновение подобных «диалектов» в результате не отделения, а [при]соединения, а именно распространения синографии, в частности ее фонетической составляющей. Также становится яснее невозможность вписания в бинарную систему «язык и диалект» такой сложной системы, в которой присутствуют и оппозиция устной и синографической компетенции, и синодиалекты (Mandarin, Cantonese), и понятие о НКЯ, и синоязыки.

4. Заключение

4.1. Проблема грамотности. Может создаться впечатление, что высказанные здесь соображения нарочито изображают китайский язык эдаким искусственным и письменным. И действительно, при таком движении от письма (понимаемому как компетенция) к речи (исполнению) возникает вопрос о языке неграмотных. У них бытовой язык, разумеется, есть, но его понимает ограниченный круг людей (носителей *определенного* языка такого рода, ср. в некотором смысле обратную ситуацию с синографической записью химических формул). На Дону население даже довольно близко расположенных станиц не понимает друг друга, когда говорят по-местному (но не матерно). Но все они говорят по-русски и могут культурно общаться благодаря наличию русского литературного языка, который был

сознательно создан и существует именно благодаря письменной форме (как и церковнославянский). И благодаря наличию такого литературного языка даже появляется возможность строить тексты, *стилизованные* под народные. Но это скорее кодифицированная (упорядоченная) устная речь, но никак не мат, поскольку мат – это уже подобие символьной системы «Ицзина».

4.2. В связи с графической фиксацией возникает множество важных семантических вопросов. Есть, например, проблемы кошки по имени Кошка, кавычек, употребления больших и маленьких букв. Простейший, но кардинальный вопрос: как писать слово «бог» – с большой или с маленькой буквы? (Логически написанное в кавычках неправильно и невыразимо.) Дальше уже идет ныне осознанная необходимость писать слово black с большой буквы (но тогда получается фамилия), а тогда уже и white надо писать с большой буквы и, двигаясь дальше по цветам, прийти к «голубому» с большой буквы. У нас, пожалуй, Голубого с большой буквы не будет, но там Веселому с большой буквы суждено светлое будущее. И все это весьма важные и в лингвистическом, и в бытовом отношениях проблемы, существующие (эксплицируемые) только в письменном виде.

4.3. Вьетнамцы благодаря благотворному воздействию «света» с Запада перешли на фонетическое письмо и стали неграмотны в той же мере, как химически неграмотен рабочий химического завода или человек, читающий в химических формулах символы химических элементов словами. К сожалению, примерно то же происходит при замещении синографов диалектизмами или словами местного языка. Что же говорить об использовании **拼音**.

УДК 811.521

O. G. 阔布日茨卡娅

O. A. 霍

伊尔库茨克国立大学, 伊尔库茨克

汉语熟语中的人名翻译难点

摘要: 本章主要研究汉语熟语中的人名翻译俄语的难点。

人名是研究汉语与中国文化中很重要的部分。为了提供人名翻译的技巧, 笔者通过翻译, 包括直译、使用同等功能相似词的比喻性翻译等方法对典故与概念化人名做出翻译与解释。

关键词: 人名, 汉语熟语, 语言文化共同体, 文学人物, 称呼词。

THE TRANSLATION DIFFICULTIES OF ANTHROPNOMS IN CHINESE PHRASEOLOGICAL UNITS

Abstract. In the article, the issue of the Russian translation of Chinese anthroponyms, which are parts of phraseological units, is being analyzed. The anthroponyms are an essential part in terms of learning both the Chinese language and culture. Using the examples of phraseological units, the author provides a literal translation, as well as a figurative one, with the help of functional counterpart.

Keywords: anthroponyms, Chinese phraseological units, linguistic and cultural community, literary characters, appeal words.

О. Г. Кобжицкая
О. А. Хо

Иркутский государственный университет, Иркутск

ТРУДНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ АНТРОПОНИМОВ В КИТАЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Аннотация. Рассматривается проблема перевода на русский язык китайских антропонимов в составе фразеологизмов. Отмечается, что антропонимы являются важным компонентом в изучении китайского языка и культуры Китая. На примерах фразеологизмов дается буквальный перевод, а также образный перевод с помощью функционального аналога.

Ключевые слова: антропонимы, китайские фразеологизмы, лингвокультурное сообщество, литературные персонажи, слова-обращения.

本章主要研究汉语熟语中的人名翻译俄语的难点。人名是研究汉语与中国文化中很重要的部分。为了提供人名翻译的技巧，笔者通过翻译，包括直译、使用同等功能相似词的比喻性翻译等方法对典故与概念化人名做出翻译与解释。

人名翻译一直是文学翻译中的焦点和难点 [Хамаева, 2016]。在翻译过程中翻译员经常遇到古典或概念化的人名，看起来似乎很容易处理，只要照音直译就行了。然而这种方法只是一个笼统的原则，实际做起来远非这么简单。

为了比较完整的翻译汉语中的典故或概念化的人名，翻译员应该有文化背景，同时在翻译过程中翻译员也能够加深对中国文化与传统风俗的了解，学习文学创作与历史事件的知识，掌握中华文化价值观的含义。

汉语熟语包含的人名大部分是神话、文学、历史人物以及普通人的性姓名。翻译任何包含人名的中文文本时翻译员一定会碰到很多困难。众所周知，在西方语言中先写名，后写姓。在汉语中则相反，先写姓，后写名。中国姓氏通常是由一个字组成的，名字是由一个或者两个字组成的。例如王力是现代著名的语言学家。他的原名祥瑛，祥是单音节的姓氏，瑛是单音节的名字。但是有的姓氏还暗藏着玄机，比如诸葛亮、字孔明、号卧龙等。在三国时代的统帅诸葛亮的姓名中，诸葛是双音节姓氏，亮是单音节的名字。对于诸葛亮姓名的问题，很多中国人都会毫不犹豫的说，姓诸葛。非母语翻译人会以为姓诸。

诸葛亮说周瑜——请将不如激将

诸葛亮辅刘禅——聪明帮糊涂

诸葛亮帮蜀国——鞠躬尽瘁

诸葛亮华容道上用关羽——有意放曹

“三国志”中对诸葛家族，有明确的记载：“其先葛氏，本琅邪诸县人，后徙阳都。阳都先有姓葛者，时人谓之诸葛，因以为氏”。意思是诸葛瑾的祖上，本是姓葛的，并且他的老家在琅邪诸县，在葛家族来到阳都之前，这里已经有了葛姓，但两个葛姓是没有任何血缘关系的两个家族，所以为了区分两个葛氏家族的人，就将外来的葛姓一族，在姓氏前面加了以前的地名“诸”。所以说非母语翻译人员如果没有中国文化背景，也不做出这个人物的探索和研究，那姓名就会翻译错误。

翻译中文文本时也能碰到用汉字写的外国姓名，比如亚历山大（Александр），约翰·维尔逊（John 是名，Wilson 是姓），又如爱德华·亚当·戴维斯（Edward Adam Davis）等。外国人的姓名与中国人的姓名大不相同。除了字的区别之外，姓名的组成，排列顺序都不一样，还会带有冠词，缀词等。常听到的名字可以在词典里查到，但还有很多相对陌生的人名，碰到这些名字，只要按照“姓名音译表”或“姓名附录”等方法来翻译。汉语写的外国人名翻译成俄语也是一个难点。

根据俄罗斯汉学家 В. Ф. Шичко [2007, с. 31] 的说法，翻译人名的另一个问题在于汉语中存在一字多义（或一字多音）的现象。一个字能表示某种意义也可以专门用作人名的字。例如，庄子这两个字用于中国古代哲学家的名字，也用于表示村庄的意思。这个现象不太熟悉的人很容易理解错误，他会把哲学家的名字直接翻译成村庄的意思。

孟子表示战国时孟轲 Мэн-цзы (китайский философ, представитель конфуцианской традиции)，也表示书名《Мэн-цзы》(трактат, входящий в конфуцианский канон)。

译者还应该注意到在中国使用的称呼形式的特点。例如，“老”的意思是“年老”，“可敬”。这个称呼词可以放在姓氏前或姓氏后：“老王”不仅表示“可敬的王先生”的意思，也表示中年或渐近老境年龄的熟悉人的称呼。例如，老王，你怎么最近没给我打电话来？

在熟语中可以看到放在姓氏后面的称呼词“公”，它的意义是“先生”。例如，“叶公好龙” Е-гун любит драконов (любить понаслышке; любить лишь на словах)。这个成语一般比喻口头上说爱好某事物，实际上并不真爱好它，甚至畏惧它。公：古爵位名；对平辈的敬称；上对下的敬称；对尊长的敬称；一般的敬称（вежл. господин；гун (первый ранг придворных или чиновников)。翻译包含这个词的熟语时，非母语翻译员也

会判断错误，把这两个字翻译成人的姓和名。在下面的成语也使用“公”字：愚公移山 Юй-гун передвигает горы (терпенье и труд все перетрут).

中国语言学家马国凡提出四类熟语：成语、谚语、歇后语、惯用语。笔者选择包含人名最常见的熟语为例。

一、成语是中国传统文化的一大特色，有固定的结构形式和固定的说法，表示一定的意义，在语句中是作为一个整体来应用的，承担主语、宾语、定语等成分。成语有很大一部分是从古代相承沿用下来的，它代表了一个故事或者典故。有些成语本身就是一个微型的句子。按照熟语研究专家马国凡先生的说法，成语是汉语词汇中的“成品”，是“人们相沿习用的一种固定词组，形式较固定，一般不能改变词序或替换其中的某个成分”[王德春，2000年，74页]。

因成语具有丰富多彩的历史文化来源，所以成语的文化含义更丰富，文化功能更突出。它们包含不少需要特别解释的跟历史文化有关的人名。例如，优孟衣冠、元龙高卧、大智若愚、愚公移山、向平之愿、塞翁失马、孟母三迁等。

“班门弄斧” «перед дверью дома Баня демонстрировать искусство владения топором» (ученого учить – только портить)，意思是在鲁班门前舞弄斧子。比喻在行家面前卖弄本领，不自量力。鲁班是著名的战国时代木工大师。对外国人来说学习、理解或翻译这个成语非了解成语的故事不可。这个成语的核心是班字——姓班的木工大师。一知道他是什么人，就能明白整个成语包含的意思。

二、谚语是人们口头上常用的。它们通俗易懂，含义深刻，多富有一定的哲理和教育意义 [王德春，2000年，79页]。谚语在群众中间流传的固定语句，用简单通俗的话反映出深刻的道理。

例如，“情人眼里出西施” «в глазах влюбленного появляется Сиши» (каждому своя милая – самая красивая)。这个谚语早在宋朝时期就出现了。比喻由于有感情，不论对方外表如何，都会觉得对方外表美。西施是春秋时期的美人。这个谚语的核心也是一个人物的名字。为了了解这个谚语的意思应该知道西施是中国历史上的四大美人之一，也是美人计的主角。西施同时还是历史上著名的舞蹈家。她是春秋（公元前 770—公元前 476）时期著名的宫廷舞蹈家。

含有先例名称的汉语熟语研究专家 Н. Н. Воропаев [2013, с. 89] 把包含人名的熟语看作确定民族文化特性、反映人民历史文化和民族性格的先例现象。根据学者的说法，这种熟语是对大量的神话、文学和历史事件进行分析和反思的表现。。

三、歇后语的言语形式比较特殊，跟其他的熟语不同，是中国古人在长期的生产和生活实践中创造的。许多歇后语通俗易懂，幽默风趣，是人们喜闻乐用的修辞手段成品 [王德春，2000年，81页]。歇后语包括两个部分：第一部分用于比喻，第二部分揭示寓言的含义。两个部分之间有破折号：

阿斗的江山——白送

包公断案——认理不认人

晁盖的军师——无（吴）用

陈世美做附马——喜新厌旧

成吉思汗的兵马——所向无敌

楚霸王困垓下——四面楚歌

韩湘子出家——一去不复返

比如，孙悟空的眼睛——火眼金睛 глаза Сунь Укуна – огонь и металл. 原指“西游记”中的孙悟空能识别妖魔鬼怪的眼睛。后比喻眼光十分犀利；能识别真伪 [汉语大辞典]。这种歇后语也有先例名称——孙悟空 (Сунь Укун, Царь обезьян – китайский литературный персонаж, известный по роману «Путешествие на Запад»)。孙悟空是中国著名的神话人物之一，孙悟空生性聪明、活泼、忠诚、嫉恶如仇，在中国民间文化中代表了机智和勇敢。

四、汉语中还有一种三音节的修辞手段成品——惯用语，它们是人们口头上相沿习用的固定词组。惯用语一般具有两层含义，一层是字面意思，一层是比喻，引伸意义或文化含义。如，“炒鱿鱼”本是一道菜，而其比喻义意则是“解雇”，较为通俗的解释是，鱿鱼被炒后往往卷起来，有“滚”的意思。惯用语的主要来源是口语。熟语其他的类型也能做它们的来源。无论来源如何，这些词组是对自由短语比喻反思的结果。例如，“张三李四” Чжан-третий, Ли-четвертый (тот и этот; любой, всякий)，意思是假设的名字，泛指某人或某些人。出自王安石“拟寒山拾得”：“张三裤口窄，李四帽檐长” [百度百科]。这种惯用语里有两个姓氏——张和李。使用这两个姓氏的原意是什么？中国100大姓氏排名：1) 李，2) 王，3) 张，4) 刘，5) 陈，6) 杨，7) 赵，8) 黄，9) 周，10) 吴等。“李”、“王”、“张”、“刘”、“陈”是中国的最大姓氏。李姓是中国第一大姓，分布很广，约占全国汉族人口的7.94%。张姓是我国分布很广、人口众多的姓氏之一，约占全国汉族人口总数的7.07%，中国人口第三大姓。这种惯用语之所以表示某人或某些人的意思，是因为这两个姓氏是最常见的也很普遍的。

姓氏反映中国传统亲属制度的特点。中国家庭重视兄弟的年龄顺序。他们在家庭中的地位，相互义务和父系继承权都取决于这一点。因此，姓氏后面增加男性在他家庭中的顺序指定。例如，张三是张氏第三个儿子；李四是李氏第四个儿子。

这两个特点反映在以下熟语的翻译中：“张三推李四” *Чжан-третий толкает Ли-четвертого (Иван кивает на Петра)*。这种惯用语翻译成俄语时最好使用两个俄罗斯的名字——伊万和彼得。这两个名字在俄罗斯人中很常见，就像上述的中国姓氏一样，因此它们进入了具有“男人”意思的普通名词范畴。

在分析一部分含有人名的汉语熟语过程中，我们做出如下结论：汉语熟语只有通过研究和理解中国人名的文化，才能比较准确翻译或充分解释熟语的含义。译者在翻译熟语时应该弄清楚真正含义，采取适当的翻译方法。碰到词汇空缺、词义冲突、语义联想等熟语翻译难点的情况，要好好考虑原字的字面义、形象义以及隐含义。同时也要注意到风格、文语体、具体语境等。据 Т. Г. Попова [2015, с. 404] 的说法，“翻译不但是语言的互动，更是文化的互动，因此翻译过程不仅跨越语言的界限，也跨越文化的界限”。翻译的质量和成功的跨文化沟通取决于翻译员的知识、文化背景和经验。

参考文献

Воропаев Н. Н. Функционирование прецедентных имен китайскоязычного дискурса в составе и в качестве фразеологических единиц китайского языка // Вестник Казахского национального педагогического университета им. Абая. 2013. № 4. С. 84–91.

Попова Т. Г. Перевод как взаимодействие культур // Международный журнал экспериментального образования. 2015. № 12-3. С. 403–404.

Хамаева Е. А., Шишмарева Т. Е., Кремнёв Е. В. Транслингвографический перевод как способ экспертного перевода (на материале переводов «шань хай цзин» и «эрья») // *Среде Experto: транспорт, общество, образование, язык*. 2016. № 4. С. 69–79.

Щичко В. Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 608 с.

王德春. 对外汉语修辞学 / 陈汝东, 王德春主编. 1版. 南宁: 广西教育出版社, 2000. 368 页.

В. И. Коваль

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, Гомель

КИТАЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СО «СКРЫТОЙ» ВНУТРЕННЕЙ ФОРМОЙ В «КИТАЙСКО-РУССКОМ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ»

Аннотация. Анализируются утратившие внутреннюю форму фразеологические единицы китайского языка с точки зрения связи их семантики и компонентного состава с традиционной китайской культурой. Приводятся иллюстративные примеры из исторических, фольклорных, мифологических и литературно-художественных источников.

Ключевые слова: фразеологизмы, семантика, внутренняя форма, происхождение, традиционная культура.

V. Koval

Gomel State University named after F. Skarina, Gomel

CHINESE PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A “HIDDEN” INTERNAL FORM IN THE “CHINESE-RUSSIAN PHRASEOLOGICAL DICTIONARY”

Abstract. The article analyzes the phraseological units of the Chinese language that have lost their internal form from the point of view of the connection of their semantics and component composition with traditional Chinese culture. Illustrative examples from historical, folklore, mythological and literary and artistic sources are given.

Keywords: phraseological units, semantics, internal form, origin, traditional culture.

«Китайско-русский фразеологический словарь», авторами которого являются О. М. Готлиб и Му Хуаин, включает значительное количество фразеологизмов-чэньюй, обладающих «затемненной», «скрытой» внутренней формой – исходным мотивирующим образом, положенным в основу семантики устойчивого словосочетания при его возникновении. Китайские чэньюй, как и фразеологизмы других языков, по своему содержанию и изобразительным свойствам гораздо богаче отдельных слов, поскольку они используются прежде всего для выражения оценки высказывания. Употребляясь в речи как эквиваленты отдельных слов и выполняя соответствующие грамматические функции, фразеологизмы-чэньюй «обладают экспрессивностью (эмоциональностью), отрицательной или положительной оценкой (окраской)» [Лю Линь, 2012, с. 157]. Такие «темные» (с точки зрения синхронии) китайские фразеологические единицы представляют большой интерес как особого рода языковые знаки – носители уникальной этнокультурной информации.

Цель данной работы заключается не только в выявлении внутренней формы китайских фразеологизмов (как правило, она в большей или меньшей степени известна китаистам), но и в «погружении» рассматриваемых оборотов в более широкий культурно-исторический контекст, что позволяет более отчетливо выявить первоначальную образную основу устойчивых словосочетаний.

Рассмотрим в качестве иллюстрации фразеологизм 北面称臣 [bèi miàn chēng chén] (*стоять на север и признавать себя вассалом*) ‘подчиняться, признавать себя побежденным’ [Готлиб, Му Хуаин, 2019, с. 35], внутренняя форма которого выявляется, в частности, с учетом комментария, помещенного во втором томе «Исторических записок» Сыма Цяня: «Император или князь сидел обычно лицом к югу, а приближенные должны были стоять перед ним лицом к северу (это правило соблюдалось и на пиршествах). Отсюда выражение *сидящий лицом к югу* иносказательно означало ‘правитель’, а *стоящий лицом к северу* – ‘подданный, слуга’» [Сыма Цянь, 2003, с. 429].

В названном известном произведении – фактической летописи, отражающей картину мира древних китайцев, – можно встретить значительное количество устойчивых словосочетаний, в которых так или иначе используется образ персонажа (как правило, слуги или подчиненного, подданного) «в позе подчиненного», обращенного лицом к северу. Сравн.: *Поднебесная сообща поставила у власти императора И-ди и служила ему как своему повелителю, обратясь лицом на север* [Сыма Цянь, 2003, с. 177]; *Хуайнаньский ван ответил: «Обратившись лицом к северу, я служу чускому правителю как подданный; Вы же на помощь Чу послали четыре тысячи человек. Разве так действует тот, кто стоит лицом к северу и выполняет обязанности подданного?»* [Сыма Цянь, 2002, с. 102]; *Все военачальники, как и император, были простыми людьми, занесенными в подворные списки, но в настоящее время они стоят лицом к северу, как его подданные, что постоянно вызывает их недовольство* [Сыма Цянь, 2003, с. 197].

Вместе с тем ситуация «стояние лицом к северу» может восприниматься говорящим как унижительная, не соответствующая его социальному статусу и даже оскорбляющая его достоинство: *Я – внук Гао-цзу! Так неужели же я стерплю, что престол займут младшие родственники?! Сколько бы лет ни прошло, я не смогу, обратившись лицом к северу, безропотно прислуживать этим мальчишкам!* [Сыма Цянь, 2010, с. 137].

Если в приведенных выше контекстах словосочетание *лицом к северу* используется именно в переносно-образном, оценочном значении (как фразеологизм), то в следующем случае выражение *стать лицом к северу* воспринимается буквально, хотя оно и отражает ритуальное поведение, свидетельствующее о признании персонажем своей подчиненности: *В момент предстоящего заключения договора о союзе Цао Мо, схватив кинжал, стал угрожать Хуань-гуну, сидевшему на возвышении, и сказал ему так: «Верните захваченные луские земли!» Хуань-гун согласился. После этого Цао Мо спрятал кинжал и вернулся на свое место, став лицом к северу* [Сыма Цянь, 1987, с. 46].

Небезынтересно помещенное в одном из разделов «Каталога гор и морей», в «Каталоге великих пустынь Севера», свидетельство о запрете стрелять из лука, повернувшись лицом к северу, т. е. по направлению к военна-

чальнику или правителю: *На горе Преемства поколений имеется жертвенник Бога Разливов (Гунгуна). Стреляющие [из лука] не смеют обернуться лицом на север* [Каталог гор и морей, 1977, с. 124].

Рассматриваемый фразеологизм может приобретать более широкую семантику, не отражающую строгие иерархические отношения между подданными и верховными властителями. Так, в одном из «Рассказов Ляо Чжяя о необычайном» (переводчик и автор комментариев – академик В. М. Алексеев) – «Хэннян о чарах любви» – женщина, обращаясь к своей собеседнице, говорит: *Какой, скажите, сударыня, у вас секрет? Если б вы могли мне его вручить, то я готова, как говорится, стать к северу лицом и сделаться ученицею*. В комментарии к данному словосочетанию не только выявляется определяющая его семантику образная основа – ‘быть подданным, находиться в подчиненном положении’, но и отмечается расширение значения – ‘быть учеником, учиться’: «Государь сидел, по ритуалу древнего Китая, лицом на юг, а придворные стояли лицом к нему, то есть на север. Точно так же, из крайнего уважения к учителю, столь характерного для Китая, делали в отношении его и ученики».

Более сложную внутреннюю форму имеет чэньюй 绿衣黄里 [lǜ yī huáng lǐ] (*зеленая (дешевая) одежда на желтой (дорогой) подкладке*) ‘ставить низкое на место благородного’ [Готлиб, Му Хуаин, 2019, с. 269], поскольку в данном случае необходимо учитывать национально маркированную цветовую символику и «статусный» характер зеленого и желтого цветов.

Общеизвестен, в частности, высокий, «императорский» статус желтого цвета в древнем Китае. Сравн. чэньюй 黄袍加身 [huáng páo jiā shēn] (*надеть на себя желтый халат*) ‘стать правителем; прийти к власти; взойти на престол’ [Готлиб, Му Хуаин, 2019, с. 189]. Один из наиболее почитаемых культурных героев Китая – Хуан-ди (Желтый император) – «считался олицетворением магических сил земли, отсюда его связь с желтым цветом лессовых почв» [Рифтин, 2007б, с. 663].

Согласно воззрениям древних китайцев, великая богиня Нюйва не только избавила мир от потопа, но и вылепила из желтой глины людей: «По этой земле бродил великий дух – Нюйва. В сердце своем она ощущала ужасное одиночество и понимала, что, для того чтобы оживить землю, необходимо еще что-то создать. Как-то раз присела она на берегу пруда, взяла горсть желтой глины, смочила ее водой и, глядя на свое отражение, вылепила нечто вроде маленькой девочки. Как только она поставила ее на землю, вдруг – и сказать-то странно – эта маленькая фигурка ожила, закричала “уа-уа” и радостно запрыгала» [Юань Кэ, 1987, с. 48].

По данным китайской фразеологии, желтый цвет в китайской лингвокультуре реализует такие значимые символические значения, как ‘счастье’

‘успешность’ ‘долголетие’, ‘высокие моральные качества’, ‘благоденствие, процветание’, ‘нечто ценное, благородное’ [Лю Юйхуэй, Ян Хайюнь, 2020, с. 38].

В легенде времен династии Хань рассказывается о том, что дух, посланный с небес – «пожилой незнакомец, *одетый в желтые одежды*», – рассказал выдающемуся историку и текстологу Лю Сяну о тайнах пяти элементов мироздания и пояснил некоторые трудные места в классических текстах [Леве, 2005, с. 149].

За зеленым цветом в традиционной китайской культуре закрепились противоположные, «социально сниженные» коннотации, что выразительно проявляется в песенном тексте «Одежда зеленого цвета», включенном в «Шицзин» – сборник древних китайских песен и культовых гимнов. Текст представляет собой исполненный горести и отчаяния монолог женщины, оставленной мужем, который предпочел ей наложницу. Обращаясь к мужу, героиня аллегорически использует «цветовую» оппозицию: социально «низкая» зеленая верхняя одежда мужа, символизирующая соперницу, противопоставлена подкладке из красивого желтого шелка, который является символом ее самой. В комментарии к рассматриваемому песенному тексту отмечается: «Жалобы жены на мужа, отдавшего предпочтение наложнице, что так же не подобает ему, как ношение зеленого поверх желтого» [Шицзин, 1987, с. 316]. Приведем для иллюстрации первые два куплета этой песни в переводе А. А. Штукина:

*Одежда на вас зеленого цвета,
Вы желтый мой шелк для подкладки избрали.
Печаль моего одинокого сердца –
О, где же конец постоянной печали?
Супруг мой, одежду зеленого цвета
На желтой сорочке вы носите всюду.
Печаль моего одинокого сердца –
О, как же тоску и печаль позабуду?* [Шицзин, 1987, с. 38].

В связи с рассмотрением символики цветообозначения **зеленый** как компонента китайских устойчивых словосочетаний целесообразно остановиться на характеристике внутренней формы фразеологизмов 戴绿帽子 [dài lǜ mào zi] (*надеть зеленую шапку*) ‘наставить рога, изменить мужу’ [Надеть зеленую шапку ...] и 给丈夫戴绿帽子 [gěi zhàng fū dài lǜ mào zi] (*надеть зеленую шляпу на мужа*) ‘сделать мужа рогоносцем’ [Чан Чжань, 2011, с. 41].

В виртуальном «Большом китайско-русском словаре» содержится весьма исчерпывающая информация относительно внутренней формы рассматриваемых устойчивых словосочетаний: «Изначально в древнем Китае закон требовал от проституток, их мужей и мужчин, состоящих с ними в родстве, носить зеленые головные уборы» [Большой китайско-русский ...].

Логично при этом предположить, что данные устойчивые словосочетания возникли на базе выражения 绿头巾 [lǜ tóu jīn] (*зеленый головной платок*) ‘о рогах, наставленных обманутому мужу’ [Большой китайско-русский ... , 1984, с. 821], поскольку в древнем Китае мужчины носили именно платки, концы которых завязывались на затылке.

Представления о зеленом платке как постыдном социально-этическом маркере подтверждаются документально:

«Юаньские уложения. Министерство Церемоний, часть вторая. Цвета одежды»: «Государственной Канцелярии необходимо спустить нижестоящим чиновникам указание на то, что члены семей певичек и проституток носят одинаковую одежду с чиновниками, служивыми и простолюдинами, затрудняя разделение на людей благородных и худородных. С сегодняшнего дня предлагается разным рангам певичек и проституток носить блузы черно-фиолетового цвета и головные уборы. *Главам семей певичек и проституток, а также относящимся к ним мужчинам носить зеленые платки*»;

«Государственные Уложения и Семейные Правила»: «В период Весен и Осеней просители подаяния, за деньги отдававшие своих жен и дочерей, назывались “запевалы”. *Они обвязывали голову зеленым платком, чтобы можно было отличить людей благородных от людей худородных*» [В китайском языке ...].

Выразительный пример использования в тексте фразеологизма *зеленый платок* в значении ‘головной убор мужчины, указывающий на статус обманутого мужа’, встречаем в сборнике Пу Сунлина «Рассказы Ляо Чжяя о необычайном». Мужчина, служивший сыщиком и потому часто бывавший в отъезде, уличил жену в прелюбодеянии и, рассердившись, велел ей покончить с собой через повешение. Жена согласилась, но попросила разрешения умереть нарядной, и муж ей это позволил. «Наконец жена вышла, сияя нарядом, поклонилась ему и сказала, еле сдерживая слезы: “Господин мой, неужели ты и впрямь допустишь, чтобы твоя раба умерла?” Сначала оскорбленный муж “с грозным и надутым видом цыкнул на нее”, но потом, решив, что лучше носить зеленый платок, чем быть виновником трагической смерти жены, все же проявил великодушие: “Ну ладно, вернись! *Зеленый платок на голове* вряд ли может насмерть раздавить меня!”»

В содержащемся здесь же комментарии академика В. М. Алексеева к выделенному словосочетанию отмечается: «В древности человеку, продававшему за деньги жену, *обертывали голову зеленым полотенцем* и называли его проститутком (мужем проститутки). Так гласит предание. Надо заметить, что зеленый цвет считается цветом роконосцев и тщательно избегается. Причиной этого странного соединения представлений является, вероятнее всего, цвет черепахи, которая, по поверью, совокупляется со змеем и является, таким образом, прототипом мужей-рогносцев».

В новелле «Чародейка Ляньсян» из упомянутого сборника употребляется эвфемизм *зеленый терем* в значении ‘публичный дом’: «Раз ночью к нему постучала какая-то дева. Сан решил, что это опять проделка приятеля. Открыл дверь, пригласил войти. Видит – перед ним головокружительная красота, из тех, что могут опрокинуть царство. Изумленный, стал он расспрашивать ее, откуда она такая пришла. Дева сказала, что она гетера Ляньсян [<http://lisologa.ru/ru-cunlin - fn16>], живет по соседству с ним. Сан поверил, так как в порту было много этих *зеленых теремов*» [<http://lisologa.ru/ru-cunlin - fn17>].

Лиса-оборотень в названном сборнике фантастических рассказов представлена в антропоморфном виде – как карлик, одетый в плащ зеленого цвета: «Как-то раз Ли разговаривал со своими во дворе. Вдруг появился какой-то человек и уселся лицом к северу. Ростом он был весь фута три. *Одет был в зеленый халат* и белые чулки. Все тут бывшие стали смотреть на него, указывая пальцами, но тот не шевелился. “Это – лисица”, – сказал Ли, быстро схватил лук и стрелу, прицелился и хотел стрелять, но карлик, увидев это, охнул, словно дразня его, и стал невидим. Ли схватил нож, полез наверх, бранясь и ища, но так-таки ничего и не увидел. Вернулся. Чертовщина после этого прекратилась».

В «Книге гор и морей» сообщается о том, что в находящемся на Севере Царстве демонов живет «собака Тао *зеленого цвета*», которая «пожирает людей, начиная с головы» [Каталог гор и морей, 1977, с. 106]. Сравн.: рус. (диал.) *зеленый* ‘по суеврным представлениям – дьявол’. *Зеленый те убей!* [Словарь русских народных говоров, 1976, с. 250].

Вместе с тем многие цветообозначения характеризуются амбивалентностью символических значений, что находит отражение применительно и к зеленому цвету. Известно, например, что зеленый дракон является символом Востока – стороны света, имеющей устойчивые позитивные, жизнеутверждающие ассоциации. Сравн. также: 绿文 [lǜ wén] (*зеленый документ*) ‘счастлирое предсказание’ [Большой китайско-русский словарь, 1984, с. 820].

В традиционной китайской свадебной обрядности невесту помещали в отведенную для нее зеленую комнату, что, как можно предположить, связано с символикой зеленого цвета, отождествляемого с молодой растительностью и с молодостью человека, что подтверждается кит. 绿蚁 [lǜ yǐ] (*зеленый муравей*) ‘молодое вино’ [Большой китайско-русский словарь, 1984, с. 820] и рус. *зеленый* ‘очень юный, неопытный по молодости’ [Большой толковый словарь русского языка, с. 362]. Символизируя молодые, растущие, незрелые растения, зеленый цвет противопоставляется желтому – цвету созревших плодов: 青黄不接 qīng huáng bù jiē (*зеленое (новый урожай) и желтое (старый урожай) не сходятся*) ‘не дотянуть до нового урожая’; ‘не сводить концы с концами’ [Готтлиб, Му Хуаин, 2019, с. 342].

В русском диалектном фразеологизме *зеленый год* ‘неурожайный год, когда все посеянное, посаженное не успевает вызреть из-за недостатка тепла, солнца’ [Словарь русских народных ... , 1976, с. 250] рассматриваемое цветообозначение также является негативно коннотированным.

Сравним отрывок из сборника «Рассказы Ляо Чжэя о необычайном» и содержащийся там же комментарий академика В. М. Алексеева к словосочетанию *зеленая комната*: *Когда настал этот день, студент убрал комнаты, подмел дорожки и поочередно со слугой смотрел вдаль и ждал. Подошла полночь, но все еще было тихо. Студент уже потерял всякую надежду, но сейчас же за дверями раздались крики. Он бросился к туфлям, вышел взглянуть, а расшитая повозка уже стояла во дворе, и две служанки помогли молодой сесть в ее зеленую комнату* [[http://lisologa.ru/ru-cunlin - fn247](http://lisologa.ru/ru-cunlin-fn247)]¹.

Не менее сложна внутренняя форма фразеологизмов-чэньюй, в которых роль смыслообразующего компонента выполняет слово 桑 [sāng] – *тутовник*: 桑中之约 [sāng zhōng zhī yuē] (*свидание в тутовнике*) ‘тайный стговор’; ‘романтическое свидание’ (заметим, что в «Большом китайско-русском словаре» указано значение, подчеркивающее аморальность свидания в тутовнике, – ‘тайное свидание любовников’ [Большой китайско-русский словарь, 1983, с. 727]); 桑间濮上 [sāng jiān pú shàng] (*в зарослях тутовника на берегу реки Пу*) ‘развратный, аморальный, распущенный’; ‘место порока’; ‘место тайного свидания’ [Готлиб, Му Хуаин, 2019, с. 372].

Героиня стихотворения По Циня «Стихи о сдерживании чувств», мечтающая о «законном» свидании с любимым, стремится забыть запретные, греховные встречи с ним в тутовнике: *Грежу, как он в укромную спальню войдет, / Приготовлю постель, помогу снять одежду, головную повязку. / Никаких теперь средь тутовника встреч, / Стал единственным этот случайный прохожий* [Алимов, Кравцова, 2014, с. 389].

Связь представлений о тутовнике (шелковице) с любовно-эротической сферой, в частности – с мотивом любовного свидания, отчетливо прослеживается в песенном тексте «В тутах», опубликованном в сборнике древнекитайского фольклора «Шицзин» (раздел «Песни царства Юн»). В этой песне молодой человек, занимающийся сбором трав или уборкой урожая (пшеницы и репы), думает о встрече с разными девушками (одну зовут Цзян, другую – Юн, имя третьей – Прекрасная), которые ждут с ним встречи в роще туюв:

...Но о ком я тоскую, мои думы о ком? / Ах, прекрасную Цзян ту подругу зову. / Цзян меня поджидает в роще туюв одна, / Цзян в Шангуне сегодня встретит друга должна.

¹ Древний брачный обычай велит молодой на все время брачного пира сидеть в зеленой палатке и принимать поздравления, не выходя из нее.

...Но о ком я тоскую, мои думы о ком? / И Прекрасная, верно, имя милой моей. / И меня поджидает в роще тутов одна, / И в Шангуне сегодня встретить друга должна.

...Но о ком я тоскую, мои думы о ком? / Юн красавицу эту называют у нас! / Юн меня поджидает в роще тутов одна, / Юн в Шангуне сегодня встретить друга должна [Шицзин, 1987, с. 53].

В китайской культурной традиции хорошо известна песня балладного типа «Мо ша сан» («Туты на меже»), относящаяся ко времени династии Хань (202 г. до н. э. – 220 г.). В песне рассказывается о замужней красавице Ло Фу, собиравшей тутовые листья – корм для шелковичных червей и отвергшей притязания проезжавшего мимо вельможи, который предложил ей стать его наложницей, руководствуясь, очевидно, привычным для него представлением о том, что находящаяся в тутовнике девушка или женщина может быть легкодоступной, поскольку сбором тутовых листьев занимались в основном девушки-служанки. Однако слуге, передающему женщине непристойное предложение своего хозяина, Ло Фу с достоинством отвечает: *Как глуп, хотя богат и знатен, вельможа твой! / Есть у богатого вельможи своя жена. / Есть у Ло Фу супруг желанный – я не одна.* Совершенно закономерно, что в китайской культуре “Ло Фу” стало нарицательным именем добродетельной красавицы» [Кравцова, 2008, с. 360].

В стихотворении «Цзые весенняя» выдающегося китайского поэта Ли Бо, творчество которого относится к эпохе династии Тан, также обыгрывается сюжет древней баллады «Туты на меже». Главная героиня стихотворения – красавица Ло Фу – отказывает во взаимности проезжающему богачу, ссылаясь, однако, не на моральные устои, а лишь на свою занятость: *Сударь! Незачем тут останавливать быстрых коней: / Мне пора уходить, накормить шелковичных червей.*

Связь тутового дерева с женской детородной сферой отражена в древнекитайском мифе о чудесном рождении легендарного мудреца И-иня: «Однажды ночью матери И-иня явилось во сне божество и сказало, что, когда по реке приплывет деревянная ступка, женщина должна уйти из селения и не оборачиваться. Женщина так и сделала. Часть соседей последовала за ней. Пройдя 10 ли, женщина обернулась и увидела, что позади нее все залито водой. В то же мгновение женщина превратилась в тутовое дерево, в дупле которого нашли младенца и дали фамилию И по названию реки Ишуй» [Рифтин, 2007а, с. 467].

Таким образом, немотивированные китайские фразеологизмы, рассматриваемые в их органической связи с традиционной духовной культурой и древними памятниками письменности Поднебесной, более отчетливо выявляют свою внутреннюю форму, что, в свою очередь, наглядно иллюстрирует связь единиц языка с внеязыковой действительностью.

Литература

- Алимов И. А., Кравцова М. Е. История китайской классической литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза : в 2 ч. СПб. : Петерб. Востоковедение, 2014. 1408 с.
- Большой китайско-русский словарь : в 4 т. / под ред. И. М. Ошанина. М. : Наука, 1983. Т. 2. 1100 с.
- Большой китайско-русский словарь : в 4 т. / под ред. И. М. Ошанина. М. : Наука, 1984. Т. 3. 1104 с.
- Большой китайско-русский словарь URL: <https://bkrs.info/slovo.php?ch=%E6%88%B4%E7%BB%BF%B8%90> (дата обращения: 25.06.2019).
- Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед. ; сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 1998. 1534 с.
- В китайском языке существует выражение *носить зеленую шапку* URL: <http://www.daokedao.ru/2014/09/29/v-kitajskom-yazyke-sushhestvuet-vyrazhenie-nosit-zelenuyu-shapku> (дата обращения: 25.06.2019).
- Готлиб О. М., Му Хуаин. Китайско-русский фразеологический словарь. Около 3500 выражений. 2-е изд., стереотип. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. 596 с.
- Каталог гор и морей (Шань Хай Цзин) / предисл., пер. и коммент. Э. М. Яншиной. М. : Наука, Гл. ред. вост. лит., 1977. 235 с.
- Кравцова М. Е. Мо шан сан // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока. М. : Вост. лит., 2008. Т. 3 : Литература. Язык и письменность. С. 359–360.
- Лю Линь. Китайский фразеологизм – 成语 (чэньюй) // Вестник КРСУ. 2012. № 8. С. 157–159.
- Лю Юйхуэй, Ян Хайюнь. Культурные коннотации желтого цвета в китайской культуре // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. Vol. 6-1 (45). С. 38–41.
- Леве, Майкл. Китай династии Хань. Быт, религия, культура / пер. с англ. С. Федорова. М. : Центрполиграф, 2005. 224 с.
- Надеть зеленую шапку – рога наставить URL: https://pikabu.ru/story/nadet_zelyonuyu_shapku_goga_nastavit_4687344 (дата обращения: 25.06.2019).
- Рифтин Б. Л. И-инь // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока. М. : Вост. лит., 2007а. Т. 2 : Мифология. Религия. С. 467.
- Рифтин Б. Л. Хуан-ди // Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко ; Ин-т Дальнего Востока. М. : Вост. лит., 2007б. Т. 2 : Мифология. Религия. С. 663–665.
- Словарь русских народных говоров. Вып. 11. Зароситься – Зубренка / гл. ред. Ф. П. Филин. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1976. 362 с.
- Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. 2 / пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина, В. С. Таскина ; под общ. ред. Р. В. Вяткина. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Вост. лит., 2003. 567 с.
- Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. 5 / пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина ; вступ. ст. Р. В. Вяткина. М. : Вост. лит., 1987. 364 с.
- Сыма Цянь. Исторические записки : Ши цзи. [В 9 т.]. Т. 8 / пер. с кит. Р. В. Вяткина и А. М. Карапетьянца, коммент. Р. В. Вяткина, А. Р. Вяткина и А. М. Карапетьянца, вступ. ст. Р. В. Вяткина. М. : Вост. лит., 2002. 510 с.
- Сыма Цянь. Исторические записки : Ши цзи. [В 9 т.]. Т. 9 / пер. с кит. и коммент. под ред. А. Р. Вяткина ; вступ. ст. А. Р. Вяткина. М. : Вост. лит., 2010. 623 с.
- Чжан Чань. Эвфемизмы сексуальных отношений в русском и китайском языках // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Филологические науки. 2011. № 10 (64). С. 38–42.
- Шицзин: Книга песен и гимнов / пер. с кит. А. Штукина ; подгот. текста и вступ. сл. Н. Федоренко; коммент. А. Штукина. М. : Худож. лит., 1987. 351 с.
- Юань Кэ. Мифы древнего Китая / пер. с кит., послесл. Б. Л. Рифтина. М. : Наука, 1987. 527 с.

**В. В. Круглов
Д. В. Русак**

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России, Москва

ИЗДАНИЯ А. П. ХИОНИНА КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ ОБ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКЕ ОФИЦИАЛЬНОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Аннотация. Рассматриваются вопросы исследования источников общественно-политической лексики официального китайского языка первой трети XX в. Основным материалом для исследования послужили лексикографические и учебно-практические издания Алексея Павловича Хионина. Анализируются отечественные и зарубежные труды по лексикографии официального китайского языка, которые послужили основными источниками работ А. П. Хионина. В ходе исследования был привлечен обширный материал архивных фондов Восточного факультета СПбГУ, Института восточных рукописей РАН и Синологической библиотеки ИДВ РАН. Проведен комплексный анализ лексикографических изданий официального китайского языка первой трети XX в., что позволило актуализировать важнейшие труды российских синологов в области исследования общественно-политического дискурса и провести компаративный анализ западных и отечественных трудов рассматриваемого периода.

Ключевые слова: официальный китайский язык, лексикографические источники, общественно-политический дискурс, новые термины, А. П. Хионин.

**V. Kruglov
D. Rusak**

Moscow State Institute of International Relations, Moscow

PUBLICATIONS OF A.P.KHIONIN AS A SOURCE OF THE SOCIO-POLITICAL VOCABULARY OF THE OFFICIAL CHINESE LANGUAGE OF THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY

Abstract. The article is devoted to the research of the sources of the socio-political vocabulary of the official Chinese language of the first third of the XX century. The main material for the study were lexicographic and educational-practical publications of Alexey Pavlovich Khionin. The article also analyzes Russian and foreign works on the lexicography of the official Chinese language, which served as the main sources of A. P. Khionin's works. In the course of the study, the authors attracted extensive material from the archives of the Eastern Faculty of St. Petersburg State University, the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences and the Sinological Library of the IFES RAS. The authors conducted a comprehensive analysis of lexicographic publications of the official Chinese language of the first third of the XX century, which has updated the most important works of Russian sinologists in the field of socio-political discourse research. Moreover, the comparative analysis of Western and Russian works of the first third of the XX century was conducted.

Keywords: official Chinese language, lexicographic sources, socio-political discourse, new terms, A. P. Khionin.

В фокусе исследования российских синологов изучение общественно-политического дискурса китайского языка и феномен возникновения новой политической лексики всегда занимали видное место. Экспликация и последующая систематизация лексического аппарата общественно-политического дискурса зафиксированы в лексикографических источниках соответствующего периода. В первой трети XX в. в китайском обществе про-

исходили существенные трансформации, вызванные Синьхайской революцией, новым политическим устройством государства и проникновением западных идей, поэтому изучение лексики этого периода представляется крайне актуальным.

Тем не менее в отечественной синологии комплексных лексикографических трудов, посвященных проблематике общественно-политического дискурса первой трети XX в., не так много. Одними из наиболее полных и раскрывающих особенности общественно-политической лексики официального китайского языка того периода являются лексикографические и учебно-практические издания Алексея Павловича Хионина, которые представляют собой библиографическую редкость и не получили достаточного освещения в истории синологической науки.

Алексей Павлович Хионин родился в марте 1879 г. в семье крестьянина во Владимирской губернии, позднее семья переехала в г. Астрахань, где юный Алексей Павлович окончил Астраханское духовное училище, а затем в 1899 г. и Астраханскую духовную семинарию, аттестат об окончании которой позволил ему быть зачисленным в Восточный институт во Владивостоке – первое открывшееся в том же 1899 г. высшее учебное заведение Дальнего Востока – с содержанием за счет средств государства. Алексей Павлович обучался на китайско-монгольском отделении и к четвертому курсу овладел китайским языком на высоком уровне. За выдающиеся достижения в знании китайского языка был командирован в качестве переводчика Приамурского генерал-губернатора Н. И. Гродекова во время поездки по Китаю в октябре 1902 г., который высоко оценил работу талантливого студента.

После успешного выпуска из института в мае 1903 г. А. П. Хионин по собственной просьбе был оставлен в вузе для приготовления к профессорскому званию по кафедре монгольской словесности, однако в силу напряженной политической ситуации и последовавших событий Русско-японской войны находился сначала в распоряжении Временного штаба заместника в Порт-Артуре «для исполнения некоторых секретных поручений», затем был мобилизован и назначен секретарем коменданта главной квартиры Полевого штаба заместника в Мукдене «с приказанием исполнять обязанности драгомана¹ китайского и монгольского языков», в 1905 г. был назначен на должность старшего драгомана военного комиссара Мукденской провинции. Вследствие огромного количества работы на службе в военное время А. П. Хионин был отчислен из института по собственной просьбе. Далее он занимал различные военные и государственные посты, начиная от драгомана до управляющего Российским генеральным консульством в Урге. В 1921 г. А. П. Хионин отправился в Маньчжурию, где

¹Драгоман – переводчик при дипломатических представительствах и консульствах, преимущественно в странах Востока [Большой энциклопедический ... , 2001].

работал в конторе Русско-китайско-японского лесопромышленного общества, а затем экономистом в правлении Южно-Маньчжурской железной дороги [Каневская, 2001, с. 20–25].

Вскоре А. П. Хионин вернулся к академической деятельности. В 1925 г. в Харбине был открыт Институт ориентальных и коммерческих наук, одним из инициаторов создания которого и бессменным директором до 1940 г. был А. П. Хионин. Целью института была подготовка востоковедов-практиков, ответственных сотрудников для правительственных и частных учреждений, а также преподавателей. Ученый преподавал китайский язык и экономику стран Дальнего Востока. Одновременно состоял профессором монголоведения в Японско-китайском институте в Харбине. По воспоминаниям одного из его учеников, Алексей Павлович лично сделал подборки текстов, изучение которых позволяло студентам полностью усвоить юридические, административные и коммерческие термины, познакомиться с газетным стилем и различными течениями общественной мысли дальневосточных стран [Русский Харбин ... , 2015, с. 136–137]. Наряду с преподавательской деятельностью А. П. Хионин вел активную научную и организационную деятельность в Обществе русских ориенталистов, будучи его вице-президентом, публиковал свои работы в журнале «Вестник Азии».

В конце 1950-х гг. Алексей Павлович с семьей переселился в Австралию, где и прожил вплоть до своей смерти в 1971 г. Будучи в преклонном возрасте, А. П. Хионин и в Австралии продолжал свою научную деятельность. Им был подготовлен к печати «Новейший китайско-английский словарь», который насчитывал 9060 отдельных иероглифов и более ста тысяч словосочетаний, однако изданием не заинтересовались ни в Австралии, ни в СССР. Судьба данного лексикографического источника в настоящее время неизвестна [Каневская, 2001, с. 26].

В своей научной деятельности А. П. Хионин добился выдающихся результатов: им был издан «Русско-китайский словарь юридических, международных, экономических, политических и др. терминов» (1927); «Новейший китайско-русский словарь» (1928–1930); «Монгольско-русско-японский словарь», который был опубликован совместно с переводчиком К. Исида в 1941 г. в Токио.

В фокусе данного исследования – «Новейший китайско-русский словарь» А. П. Хионина, поскольку в нем зафиксирован срез языка общественно-политического дискурса официального китайского языка первой трети XX в. Первый том словаря был издан в 1928 г. Обществом изучения Маньчжурского края, второй – в 1930 г. Институтом ориентальных и коммерческих наук. В «Новейший китайско-русский словарь» вошло более 10 000 отдельных иероглифов и около 60 000 словосочетаний. Предпочтительные составитель отдал «разговорным и новейшим юридическим, политическим, международным, экономическим, торговым и пр. выражениям,

классические же и вообще выражения устаревшие выпущены» [Хионин, 1928, с. VII]. Структурно словарь состоит из «Предисловия» и словарных статей, в конце второго тома имеется «Дополнение», а также «Перечень всех иероглифов, вошедших в настоящий словарь» и «Важнейшие печатки». Словарь составлен по графической системе, созданной профессором В. П. Васильевым, которая, по мнению составителя, наиболее отвечает научным требованиям и практическим удобствам. В соответствии с данной системой, все иероглифы, вошедшие в словарь, распределены по 18 разделам. Словарные статьи содержат транскрипцию иероглифов, которая записана с помощью букв русского алфавита (по системе архимандрита Палладия), перевод и объяснение значения иероглифа, а также примеры употребления в многосоставных словах.

В предисловии к своему «Русско-китайскому словарю» А. П. Хионин отмечает, что после революции 1911 г. китайский язык «с жадностью воспринимает новые понятия и выражения», а «словари П. С. Попова и Русской Духовной Миссии в Пекине устарели и совершенно не удовлетворяют современным запросам» [Хионин, 1927, с. I]. В Маньчжурии словари были чрезвычайно востребованы в практической деятельности, например были необходимы для обеспечения функционирования КВЖД и других технологических объектов. Издание словарей А. П. Хионина заполнило лакуны в русской синологии и было полезно как студентам-восточникам, изучавшим китайский язык и китайскую культуру, так и лицам, имеющим деловые отношения с китайскими правительственными учреждениями и торговыми предприятиями [Кленин, Щичко, 2013, с. 260–261].

Особый исследовательский интерес представляют источники, по материалам которых А. П. Хионин составил «Новейший китайско-русский словарь». В основу данного лексикографического труда были положены: «Китайско-русский словарь (по графической системе)» Д. А. Пешурова (1891 г.), китайско-английский словарь *A New Chinese-English Dictionary* Ли Юйвэнь (1925 г.), «Китайско-русский словарь юридических и политических терминов» Н. Ф. Колесова и И. С. Бруннера (1923 г.), и его собственный «Русско-китайский словарь» (1927 г.), также ученым использовались: английско-китайский словарь *English-Chinese Dictionary of the Standart Spoken Language* К. Гемелинга (1916), лексикографический труд *New Terms for New Ideas* (1922) А. Матир, словарь *Dictionnaire de Mots et Phrases de Droit International et de la Diplomatie* (1925), *Chinese New New Terms* (1926) Э. Моргана и учебник *Current Chinese or Shih Yung Hsin Chung Hua Yu* (1928) Дж. П. Ратая.

«Китайско-русский словарь (по графической системе)» Д. А. Пешурова был выпущен в свет в 1891 г. по распоряжению факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета. Д. А. Пешуров занимал должность драгомана дипломатической миссии, с 1867 г. работал преподавателем восточных языков в Санкт-Петербургском университете.

давателем китайского языка в Санкт-Петербургском университете. Составлен словарь на основе графической системы, разработанной академиком В. П. Васильевым. Преимущество выбранной составителем системы заключается в том, что благодаря ей в словаре можно найти требуемый иероглиф, не зная его произношения. При определении значений вошедших в словарь иероглифов Д. А. Пещуров [1891, с. 6–7] использовал лексикографические труды академика В. П. Васильева, архимандрита Палладия, П. Попова, Уильямса, Медхерста и других известных синологов.

Лексикографический труд Н. Ф. Колесова и И. С. Бруннерта [1923, С. III] собрал в себе политические и юридические термины из подлинных законодательных актов Китая, а также «новые выражения» из области государственного и международного права, философии, медицины, учебного и военного дела. Китайские иероглифы в словаре расположены в русском алфавитном порядке, согласно транскрипции архимандрита Палладия. Также возможен поиск иероглифов по ключевой системе благодаря особому указателю, помещенному в конце труда. Словарь был издан в Пекине Правлением общества Китайско-Восточной железной дороги. По словам составителей, данный лексикографический труд стал первой в европейской синологической литературе попыткой собрания китайских юридических терминов. Его составители служили драгоманами дипломатической миссии. Н. Ф. Колесов в 1907–1920 гг. служил генеральным консулом Российской империи в Пекине, в совершенстве владел письменным и устным китайским языком. О Китаеведе Бруннерте известно, что он окончил восточный факультет Санкт-Петербургского университета, продолжил учебу в Пекине, где и остался работать переводчиком, а позже стал профессором Бейнинского университета [Хисамутдинов, 2014, с. 7]. По словам составителей, данный лексикографический труд стал первой в европейской синологической литературе попыткой собрания китайских юридических терминов.

Более ранний труд А. П. Хионина, «Русско-китайский словарь», был издан в Харбине Обществом ориенталистов. Выход словаря был обусловлен не только научными, но и чисто практическими соображениями. Предназначен для юристов, международников, коммерсантов, экономистов, преподавателей, студентов, драгоманов и других лиц, осуществляющих деловые сношения с китайцами [Хионин, 1927, с. I].

Издание *Current Chinese or Shih Yung Hsin Chung Hua Yu* Дж. П. Ратая [Ratay, 1927б] является учебником для изучения разговорного китайского языка, необходимого в повседневной жизни иностранцу. Отдельным изданием к данному учебнику вышел «Перевод собранных текстов на английский язык» с полным глоссарием терминов, выражений и фраз, которые особенно полезны для изучения китайского языка на начинающем уровне [Ratay, 1927а]. Использование перевода текстов Дж. П. Ратая в процессе обучения китайскому языку минимизирует необходимость пользования

словарями. Ссылки на полях издания отсылают к номерам страниц издания на китайском языке. В приложенный к изданию глоссарий вошло более 3800 терминов, выражений и фраз, использованных в текстах издания на китайском языке. Слова в глоссарии расположены по фонетическому принципу с использованием системы романизации китайского языка пунтуна, разработанной британским дипломатом и лингвистом Томасом Уэйдом [Ratay, 1927б].

Труд А. Матир *New Terms for New Ideas*¹ представляет собой сборник широко используемых в общении терминов китайского языка. В предисловии составитель отмечает, что издание не предназначено для преподавателей, но является временным пособием переводчиков для правильного определения значения «новых» терминов, коими составитель называет те, которые использовались в газетных статьях и в речах публичных ораторов во время сбора лексики [Mateer, 1913, с. 1]. Издание 1913 г. интересно тем, что сбор лексики осуществлялся во время начала Синьхайской революции. Цель издания – обучение иностранцев чтению газет на китайском языке, а также написание газетных статей на китайском языке [Mateer, 1913, с. 4]. Актуальность данного лексикографического источника и его практическую востребованность подтверждает тот факт, что в 2016 г. было осуществлено его переиздание.

Лексикографический труд *Chinese New Terms* Э. Моргана [Morgan, 1932] представляет собой сборник терминов, собранных из газет, журналов и книг. Авторам исследования было доступно лишь переработанное издание данного труда. В предисловии к изданию составитель отмечает, что новые термины в языке появляются вслед за появлением новых идей в обществе. Первая треть XX в. для Китая была именно таким временем: новые взгляды на жизнь общества, новые веяния в философии, религии, изменения в политических взглядах, оживление образования, что существенно обогатило лексический запас языка. Для современного читателя требовался актуальный словарь терминов, так как словари прошлого являлись уже неполноценными.

Обзор лексикографических источников, составивших основу труда А. П. Хионина, показывает, что «Новейший китайско-русский словарь» вобрал в себя актуальную общественно-политическую лексику и был призван удовлетворить практические потребности людей, работающих с китайским языком.

Кроме составления словарей, научная деятельность А. П. Хионина включала переводы изданий с иностранных языков на русский. Алексей Павлович перевел и опубликовал ряд работ по экономике и культуре Ки-

¹ Авторам данного исследования было доступно лишь издание 1913 г. Тем не менее это позволило определить принципы и цели составления трудов А. Матир.

тая, которые были напечатаны в журнале «Вестник Азии». Первой печатной работой ученого стал перевод с французского языка сборника официальных китайских документов Куврера, опубликованного в 1903 г. во Владивостоке. Данный труд был подготовлен и издан совместно с В. Надаровым. В предисловии к французскому изданию, переведенному на русский язык А. П. Хиониным, отмечается, что «книга составлена с целью дать ключ к официальному стилю и доставить о Китае подлинные, поучительные и интересные события» [Надаров, Хионин, 1903, с. 1]

Материал издания А. П. Хионина изложен следующим образом: оно состоит из пяти частей с текстами общественно-политического содержания (первая часть – официальные и полуофициальные письма; вторая – прокламации или рескрипты императоров и донесения трону; третья – эдикты или рескрипты императоров и донесения трону; четвертая – примечания о «Пекинской газете» и две тетрадки этого издания; пятая – объявления и некоторые другие сочинения); после текстов в издании помещен словарь («Слова к сборнику официальных документов Куврера»), содержащий иероглифы и фразы на китайском языке с их прочтением (с помощью букв русского алфавита) и переводом на русский язык. Пользуясь словами, представленными в данном словаре, читатель может восстановить оригинальное содержание текстов на китайском языке, используя актуальную лексику того времени, без необходимости обращения к другим лексикографическим источникам. Таким образом, перевод «Сборника официальных китайских документов Куврера» является своего рода учебным пособием по изучению общественно-политического перевода китайского языка.

Таким образом, исследование лексикографических и учебно-практических трудов А. П. Хионина позволяет реконструировать общественно-политический слой лексики официального китайского языка первой трети XX в. Источники, послужившие основой для его изданий, также представляют определенный исследовательский интерес. Комплексный подход к анализу структуры и содержанию отечественных и зарубежных лексикографических источников общественно-политической лексики во многом заполняет лагуну в истории синологической науки и актуализирует диахроническую составляющую исследования лексического состава официального китайского языка.

Литература

- Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Большая Рос. энцикл. ; СПб. : Норинт, 2001. 1456 с.
- Каневская Г. И. Оправдавший надежды приамурского генерал-губернатора // Известия Восточного института. 2001. № 6. С. 20–27.
- Кленин И. Д., Щичко В. Ф. Лексикология китайского языка. М. : Вост. кн., 2013. 272 с.
- Колесов Н. Ф., Бруннерт И. С. Китайско-русский словарь юридических и политических терминов. Пекин : Тип. Рус. Духов. миссии, 1923.

Надаров В., Хионин А. Перевод с французского сборника официальных китайских документов Куврера (Choix de Documents lettres officielles, proclamations, édits, mémoriaux, inscriptions, ... Texte Chinois avec traduction en français et en latin par S. Couvreur S.J. Deuxième édition. Ho Kien Fou Imprimerie de la Vissin. Catholique. 1898.) с изменениями в переводах, сделанными при чтении курса в Восточном Институте за 1900–1903 гг., и с подстрочным словарем к китайскому тексту. Владивосток, 1903.

Пещуров Д. А. Китайско-русский словарь (по графической системе). СПб. : Тип. Император. акад. наук, 1891.

Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта / А. А. Забияко, А. П. Забияко, С. С. Левашко, А. А. Хисамутдинов ; под ред. А. П. Забияко. Благовещенск : Амур. гос. ун-т, 2015. 462 с.

Хионин А. П. Новейший китайско-русский словарь. (Более 10 000 отдельных иероглифов и около 60 000 сочетаний) (по графической системе). Т. 1–2. Харбин : Коммерческая Пресса, 1928–1930. 559 + 561-1302 с.

Хионин А. П. Русско-китайский словарь юридических, международных, экономических, политических и др. терминов. Харбин : Коммерческая Пресса, 1927. 400 с.

Хисамутдинов А. А. Русский литературный Пекин : монография / [науч. ред. Т. В. Прудкогляд]. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. 44 с.

Mateer A. H. New Terms for New Ideas. A study of the Chinese Newspaper. Shanghai, 1913. 148 p.

Morgan E. Chinese New Terms. Revised and Enlarged. Shanghai, 1932. 184 p.

Morgan E. Colloquial Sentences with New Terms. Chinese and English Texts. Shanghai, 1922. 170 p.

Ratay J. P. Current Chinese, a translation of the Shih Yung Hsin Chung Hua Yu. Shanghai, 1927a. 295 p.

Ratay J. P. Current Chinese or Shih Yung Hsin Chung Hua Yu. London : Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., 1927b. 237p.

УДК 81'37+811.111

Л. В. Кульгавова

Иркутский государственный университет, Иркутск

MUSTARD В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ: ДИНАМИКА ЯЗЫКОВЫХ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ

Аннотация. Рассматриваются лингвокультурологические предпосылки динамики концептуальных смыслов и языкового содержания слова *mustard* на некоторых этапах развития языка. Особое внимание уделено сленговым употреблениям слова. Утверждается, что когнитивным основанием для метафорических переносов выступает образ горчицы с ее разнообразными свойствами, такими как цвет, внешний вид, консистенция и др.

Ключевые слова: культурные практики, код культуры, метафорический перенос, сленговое значение, этимология.

L. Kulgavova

Irkutsk State University, Irkutsk

MUSTARD IN AMERICAN LINGUACULTURE: DYNAMICS OF ITS LINGUISTIC AND CONCEPTUAL SENSES

Abstract. The article is devoted to the consideration of the linguistic and cultural prerequisites for the dynamics of the conceptual senses and linguistic content of the word *mustard* at some stages of language development. Special attention is paid to the slang uses of the word. It is argued that the cognitive basis for metaphorical transfers is the image of mustard with its various properties, such as color, appearance, consistence, etc.

Keywords: cultural practices, culture code, metaphorical transfer, slang meaning, etymology.

Использование горчицы в различных культурных практиках, например в гастрономической сфере, медицине, повседневной бытовой коммуникации с ее эмоциональными и рецептивно-аксиологическими аспектами, обуславливает функциональную разноплановость слова *mustard*, которая объективируется в его сочетаемости (атрибутивной, предикативной видах связи, фразеологических единицах и др.).

Бытование слова *mustard* связано в первую очередь с гастрономическими практиками и пищевым кодом культуры. Имя *mustard* происходит от старофранцузского слова *mostarde*, от *moust must*, берущего начало от латинского *mustum new wine*. Этимология слова отражает первоначальную рецептуру приправы: горчичная смесь (паста) приготавливалась из молотых семян и муста, виноградного сусла, свежвыжатого сока винограда (*must*) [Online Etymology ...].

Тот, кто впервые пробует кресс-салат, может почувствовать его сходство с горчицей и хреном (или их смесью) и описать его вкус как мягко-горчичный. Данная особенность вызвала к жизни иную версию происхождения слова *mustard*: основой для него послужило испанское слово *mastuerzo cress* (кресс-салат) для обозначения растения с острым терпким горчичным вкусом. Однако в справочной литературе указывается, что эта интерпретация неверна.

В XVII в. слово *mustard* стало метафорически употребляться для обозначения чего-то превосходного, самого лучшего – a superlative, the best. Эти смыслы передаются, например, во фразе *as keen as mustard* со значениями *very eager and interested in something, very enthusiastic about something, very sharp, clever, extremely keen*. Сравните примеры современного употребления данного выражения: *Still – there’s the kids. And they’re as keen as mustard to learn the business...* [Prichard, 1945, с. 203]. *She’s as keen as mustard. She always gets here first in the morning and she’s the last to leave work in the evening* [TheFreeDictionary ...].

Происхождение выражения *as keen as mustard* гипотетично. В «Англо-русском фразеологическом словаре» А. В. Кунина [1984, с. 522] приводятся следующие данные: (*as*) *keen as mustard* ‘полный энтузиазма, одержимый (чем-либо)’ [выражение основано на игре слов *keen* ‘острый’ и *keene’s mustard* ‘горчица Кина’ (по названию фирмы)]. Заметим, что в словаре А. В. Кунина представлено неверное правописание *keene’s mustard*, видимо, по аналогии с более ранним вариантом написания *keen*.

Действительно, *Keen’s Mustard* – это знаменитая торговая марка горчицы, существующая с 1742 г. Однако название фирмы не могло послужить основанием для возникновения *as keen as mustard*, поскольку выражение *the keenest mustard* было зафиксировано в языке в 1658 г. [The Oxford English ... , 1933, с. 660], а выражение *as keen as mustard* – в 1672 г. [The Phrase Finder]. Этим же можно опровергнуть утверждения, опубликованные в газете *Independent* от 3 ноября 1993 г.: Томас Кин (*Thomas Keen*),

похороненный на Вестнорвудском кладбище вблизи Лондона, и есть тот самый человек, чья фирма производила горчицу и чья деятельность привела к образованию фразы *keen as mustard*.

Когда в конце XIX в. американец использовал фразу *the real mustard*, то подразумевал то, что сегодня выразил бы с помощью *the real deal* или *the real soufflé* [Keyes, 2010, с. 135–136].

В конце XIX – начале XX в. горчица была популярным продуктом, а горчичные смеси и паста хорошо продавались. Например, в 1904 г. Джордж Т. Френч из рочестерской компании R.T. French Co разработал популярную сегодня марку мягкой «салатной» горчицы French's Cream Salad Mustard, ставшей своеобразным стандартом для большинства видов американской горчицы [Баканов, Синельников].

В этом же году на ярмарке St. Louis World's Fair в США была представлена горчица в бутылках. По данным энциклопедий, до принятия закона 1909 г. о продуктах и лекарствах (Pure Food and Drug Act) в США в них постоянно использовали примеси, например сухую горчицу смешивали с измельченной горчичной шелухой и красителями. Фермеры, чтобы сэкономить, нередко снабжали летние кухни такими продуктами. Чтобы различать «настоящую» и «ненастоящую» еду, ковбой стали использовать выражение *the proper mustard one with real bite, anything of top quality*. В это время слово *mustard* стало синонимом всего отличного, превосходного.

В начале XX в. у слова развиваются сленговые значения. В это время американцы употребляли *mustard* по отношению к умным и храбрым людям [Word..., 2006, с. 66]. Слово *mustard* встречалось в значениях *courage, spirit*. Также американцы начали использовать *mustard* в значениях *something that adds zing to life, zest*. Возникли выражения *the proper mustard (the genuine article, the real thing)* и *all the mustard/all to the mustard (a sharp-witted or keen person)*, относящиеся к отличному качеству (O. K., fine and dandy, very good, great). Все эти выражения встречаются в произведениях О. Генри. Он использовал слово *mustard* в значении *something excellent* в *Cabbages and Kings* (1904): *I'm not headlined in the bills, but I'm the mustard in the salad dressing just the same* [Online Etymology Dictionary]. На этом основании некоторые ученые, в частности М. Квинион, делают вывод о том, что, вероятно, именно О. Генри мы обязаны популяризацией, а может быть, даже изобретением выражения *to cut the mustard* [Quinion, 2006, с. 94].

В выражениях, подобных вышеприведенным, когнитивным источником для метафорического сдвига (переноса) служит образ горчицы, перенесенный на неодушевленный предмет или человека. Одобрительная характеристика осуществляется через образ положительно оцениваемых свойств горчицы – 1) улучшение вкусовых качеств блюд; 2) пикантность, острота. Последнее свойство объективируется посредством атрибутивной

сочетаемости и совместной контекстной встречаемости с такими прилагательными, как *hot, sharp, spicy, tangy, pungent*. Например: *Spices, tangy mustard and a bit of vinegar give this sauce the down home flavor of the South* [Cookies].

Рассмотрим некоторые другие фразеологические единицы, содержащие имя *mustard*.

Выражение *mustard gas* обозначает иприт, горчичный газ (бета-дихлордиэтилсульфид). Он был получен химическим путем и использовался преимущественно во время Первой мировой войны. Он назывался так потому, что имел запах горчицы.

Первое значение *mustard plaster* – «горчичник» (смесь горчичного порошка, муки и воды наносится на бумагу или материю и используется при различных недугах). Синонимом этого выражения, тоже имеющим в качестве компонента *mustard*, является *mustard poultice*. Второе, метафорическое, значение «прилипчивый человек» (то, что в русском языке передается с помощью *банный лист*) основано на функциональных особенностях горчичника, а именно его хорошей прилипаемости.

Есть одну горчицу не очень вкусно, однако, если добавить ее к мясу, эффект будет совсем другим. Этот смысл и лег в основу выражения *after meat, mustard*. В более широком смысле фразеологизм относится к ситуациям, когда что-либо пришло слишком поздно и теперь бесполезно, не может быть использовано и т. п.

В онлайн-новых словарях сленга, учитывающих окказиональные употребления и речетворческие образования, со словом *mustard* приводятся различные выражения, прямо или косвенно связанные с пищевым кодом культуры. Приведем ряд примеров: *mustard cubes* the frozen form of mustard often used by body-builders for an extra boost of energy; very healthy and full of protein; *mustard on yo onions* quick or fast pace describing an action; *mustard sandwich* a delicious sandwich containing mustard; *mustard shart* the liquid that shoots out of a mustard container when you are expecting mustard, and not mustard juice/liquid; *mustard snack* a perfect in between meals snack; *Mustard Tiger* someone who enjoys eating and that is why fat and lazy [Urban Dictionary].

В настоящее время слово *mustard* передает огромное количество различных сленговых смыслов и их оттенков, число которых растет. Помимо вышеупомянутых сфер оно относится: к деньгам, играм (something that makes you lose the game); к наркотикам (marijuana); к национальностям (Asian, Mexican, Muslim). Интересно заметить, что цвет горчицы послужил основой для сленгового обозначения мулатов *mustard-yellow* а mulatto в американском английском начала XX в. [Spears, 2001, p. 237]. *Mustard* также может передавать отрицательные эмоционально-оценочные смыслы (bad) (см., например, online словарь Urban Dictionary [Urban Dictionary]).

Слово *mustard* имеет ряд сленговых значений, относящихся к сексуальной, физиологической сферам человека. Эти значения базируются на

различных свойствах горчицы (ее внешний вид, консистенция, цвет и др.). В числе лингвистических факторов возникновения подобных употреблений можно отметить созвучность *mustard* со словами из области секса и физиологии. Здесь вступает в действие языковая игра, основанная, в частности, на фонетическом сходстве слов. Кроме того, использование *mustard* в таких случаях может быть продиктовано эстетическими соображениями. Иными словами, имеет место эвфемизация лексики, обозначающей те или иные явления сексуальной жизни человека.

США занимает одно из первых мест в мире по употреблению горчицы в пищу. Одним из факторов, обуславливающих данное положение, является присутствие горчицы в качестве ингредиента в таких типичных блюдах-символах американской культуры, как хот-дог и гамбургер. Горчица и кетчуп стоят на каждом столе в общепитовских местах.

О популярности горчицы свидетельствует, например, тот факт, что каждую первую субботу августа страна отмечает Национальный день горчицы. Во всех городах проводятся фестивали горчицы с бесплатными хот-догами. В этот день у крупных магазинов можно наблюдать раздачу хот-догов населению на улице. Столицей горчичных фестивалей является г. Маунт Хорб в штате Висконсин. В этом городе находится Американский колледж горчицы, в котором готовят горчицеведов, и Музей горчицы, в котором представлено 5000 экспонатов горчицы из 50 штатов [Ли].

Жители США делают горчицу менее острой, чем в России, из семян белой горчицы с сахаром, уксусом (реже вином) и порошком из куркумового корня, что придает ей своеобразный ярко-желтый цвет и обуславливает ее название – *American yellow*. Она слаще и нежнее, чем другие виды, и американцы часто называют ее *ballpark mustard*. Слово *ballpark* обозначает стадион, где проводятся различные игры с мячом: футбол, регби и т. п. *Ballpark* используется в атрибутивной функции к названиям продуктов и блюд, продающихся с лотков на массовых спортивных мероприятиях. Поскольку наиболее распространенной в подобных местах приправой к горячим сосискам является желтая горчица, имя *ballpark* применимо и по отношению к ней.

Подытожим лингвокультурологические предпосылки динамики концептуальных смыслов и собственно языкового содержания слова *mustard*. С одной стороны, она обусловлена экстралингвистическими (историческими) причинами, в частности коммерческой популярностью горчицы в определенные периоды. Д. Фелдман пишет о том, что распространение готовой горчицы в начале двадцатого века способствовало популярности всех «горчичных выражений» [Feldman, 1990, p. 175]. Культурологической предпосылкой служит популярность, широкая распространенность горчицы в культуре американцев: горчица – это один из пищевых символов Америки. С другой стороны, определенное влияние оказали лингви-

стические факторы. Когнитивным основанием для метафорических переносов выступает образ горчицы с ее разнообразными свойствами (особенно ее цвет(а), внешний вид, консистенция и др.).

Литература

Баканов В., Синельников С. И все-таки она – овощ! URL: http://cooking.ru/interesting/cooking_journals/chief/october2004/#mustard2003-10 (дата обращения: 14.05.2011).

Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / лит. ред. М. Д. Литвинова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1984. 944 с.

Ли Л. Горчица: что в ней особенного? URL: <http://shkolazhizni.ru/archive/0/n-28442/> (дата обращения: 15.08.2021).

Cookies. URL: <https://www.cookiesbbq.com/product/tangy-mustard-bbq-sauce/> (дата обращения: 10.09.2021).

Feldman D. Who Put the Butter in Butterfly? New York, Grand Rapids, Philadelphia, St. Louis, San Francisco, London, Singapore, Sydney, Tokyo, Toronto: Perennial Library. Harper & Row, Publishers, 1990. 209 p.

Keyes R. I Love It When You Talk Retro: Hoochie Coochie, Double Whammy, Drop a Dime, and the Forgotten Origins of American Speech. New York: St. Martin's Griffin, 2010. 310 p.

Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/search?q=mustard> (дата обращения: 20.08.2021).

Prichard K. S. Haxby's Circus. London: Jonathan Care; Sydney: Angus & Robertson Ltd, 1945. 269 p.

Quinion M. Ballyhoo, Buckaroo, and Spuds: Ingenious Tales of Words and Their Origins. New York: Smithsonian Books; Collins. An Imprint of HarperCollinsPublishers, 2006. 280 p.

Spears R. A. Slang and Euphemism. New York: A Signet Book, 2001. 412 p.

The Oxford English Dictionary. Oxford: At the Clarendon Press, 1933. Vol. 5: H – K. 516 p. (H), 530 p. (I), 646 p. (J), 758 p. (K).

The Phrase Finder. URL: <https://www.phrases.org.uk/meanings/as-keen-as-mustard.html> (дата обращения: 09.09.2021).

The Free Dictionary by Farlex. URL: <http://idioms.thefreedictionary.com/mustard> (дата обращения: 10.09.2021).

Urban Dictionary. URL: <http://www.urbandictionary.com> (дата обращения: 15.05.2011).

Word Lore: The History of 200 Intriguing Words. New York: Gramercy Books, 2006. 344 p.

УДК 81'373.612.2

В. А. Курдюмов

Московский городской педагогический университет, Москва

МЕТАФОРА НА СТЫКЕ КИТАЙСКОГО И ЕВРОПЕЙСКОГО МИРОВ. ВВЕДЕНИЕ В ПРОБЛЕМУ

Аннотация. Разъясняется феномен «банальной» метафоры в ходе контрастивно-типологических исследований и обучения носителей китайского. Отмечается, что дальнейшее изучение метафоры – либо применительно к китайскому (и другим топиковым/изолирующим языкам), либо контрастно применительно к сравнению с русским, – должно опираться на оппозицию банальности/небанальности. Сделан вывод, что обучение русскому должно осуществляться с учетом типологии родного (китайского) языка, «банальность» исключающего.

Ключевые слова: метафора, типология русского языка, типология китайского языка, обучение русскому языку, обучение китайскому языку.

**METAPHOR AT THE JUNCTION OF THE “CHINESE” AND “EUROPEAN” WORLDS.
INTRODUCTION TO THE PROBLEM**

Abstract. Among the studies of metaphor, in fact, there is no one that would concern the typology of languages: usually what seems to be significant for a particular language is transferred to others as something universal. In addition, in most cases, the “explicit” metaphor is explored – more often, in a literary text. The metaphors that G. Lakoff called “linguistic”, and we examine as “banal”, did not become the object of research, despite the fact that they play an important role in teaching (at least) Russian to native Chinese speakers. So this text is about the phenomenon of “banal” metaphor in contrastive typological studies and in teaching Russian to native Chinese speakers.

Keywords: metaphor, typology of the Russian language, typology of the Chinese language, Russian language teaching, Chinese language teaching.

1. Отправными пунктами для данного исследования, которое ведется в рамках предикационной концепции языка [Курдюмов, 1999, 2020 и др.], послужили: 1) защита в МГУ кандидатской диссертации Чжан Жуй-чэна [Чанг, 2016], 2) ролики в интернете, где носители китайского языка сетуют на «невыносимость» русского языка.

2. По умолчанию в среде отечественных русистов принято считать, что русский – язык великой литературы, изучение которого доставляет эстетическое удовольствие студентам со всего мира, при этом изучать его и вести диссертационные исследования следует именно на материале литературных произведений. Кроме того, студентам и аспирантам из других стран внушается, что система описания, выработанная на материале русского же языка, является единственно верным стандартом лингвистического исследования, невзирая на исходный язык обучаемых, о котором, чаще всего, преподаватели не имеют представления (и обычно не обсуждают это со специалистами). Далее мы будем говорить о носителях китайского языка в вариантах *путунхуа* и *гоюй* (т. е. о континентальных китайцах и тайваньцах, условно объединяя их в понятие 華人 *huá rén* «китайцы» – за неимением иного русского эквивалента).

Применительно к «китайскому» (тайваньскому, в данном случае) взгляду на метафору в российской художественной литературе одним из наиболее обстоятельных и значимых исследований является уже упоминавшаяся выше диссертация Чжан Жуй-чэна [Чанг, 2016], где анализируются русский и переводной тексты «Мастера и Маргариты».

Часто китайские студенты-русисты впоследствии становятся преподавателями китайского, который описывают и объясняют с позиций усвоенных догм, подгоняя категории родного языка под «русистские». С другой стороны, китайские обучаемые-нерусисты (в технических, театральных и пр. вузах) достаточно остро воспринимают контрастные отличия китайского и русского языков, тесно связанные с типологией.

3. Согласно системологии Г. П. Мельникова [1990] в любой системе под воздействием обусловленного влияния извне (внешней детерминанты)

формируется внутренняя детерминанта, определяющая уже частные типологические признаки. Со времен А. Шлейхера и В. фон Гумбольдта внутренними детерминантами считались морфологические типы, поскольку европейское языкознание строилось как описание всего, что связано со словами, – в рамках продолжения греко-латинской парадигмы. Китайский язык описывался как аморфный (А. фон Шлейхер), изолирующий (В. фон Гумбольдт), гораздо позже – как корнеизолирующий [Мельников, 1990]. При этом в XIX в. классики языкознания имели в виду не *байхуа*, постепенно ставший литературным стандартом лишь с 1920-х гг., а классический литературный язык *вэньянь*. «Аморфность» быстро вышла из употребления, что связано как с дискуссией о языкознании после разгрома марризма в СССР (1950 г. и далее), так и с трудами В. М. Солнцева (к примеру: [Солнцева, Солнцев, 1978]), который настаивал на принципиальности противопоставления «аморфность – изоляция». В русле преодоления марристских представлений об аморфности (= первобытности) для В. М. Солнцева и в целом исследователей 1950–1970-х гг. огромное значение имело выявление в китайском и морфологии, и каких-то очевидных параллелей с «нормальными» европейскими языками. Такая тенденция достигла своего пика в СССР в 1980-е гг. и, в силу массовости современных исследований (не требующих теоретической сложности), поддерживается и в настоящее время. Кроме того, отчего-то считается важным и необходимым переносить на изучение китайского языка достижения направлений, сосредоточенных на лексическом описании флективных языков, к примеру, московской семантической школы.

Таким образом, в современном «вузовском» или «массовом» языкознании китайский язык является изолирующим (с возможной тенденцией к сентенциальной агглютинации), а русский – флективным (с явной тенденцией к аналитизации), против чего в целом мы не возражаем – если речь идет об описании, но не сущности.

4. Мы исходим из того, что более сущностной является синтаксическая типология. К сожалению, «традиционная», т. е. морфологическая, классификация подразумевает оперирование понятиями не только морфемы, но и «слова», что неприменимо к китайскому, где лексический уровень «слабый»/незначимый [Ефремов, 1987], представленный единицами, которые легко соединяются и распадаются по правилам микросинтаксиса (но не морфологии: [Карапетьянц, 1986]).

Наиболее ясно основы синтаксической классификации изложены в трудах Чжао Юань-жэня [Chao, 1968] и Чарльза Ли / Сандры Томпсон [Li, 1976, 1981], о чем мы неоднократно упоминали. При этом, поскольку «топиковая» теория (после периода резкого отрицания) достаточно серьезно укоренилась в западной и китайской науках, часто доминируют формальные синтаксические трактовки (вплоть до генеративных: [Shi, 2000]) в ущерб типологическим (обзор см.: [Коцик, 2019]).

Чжао Юань-жэнь [Chao, 1968] говорил о том, что «подлежащее» (subject) в китайском языке фактически таковым не является, будучи топиком (topic), т. е. тем, что описывается (а не «деятелем»), Ли и Томпсон [Li, 1976, 1981] предложили ряд формальных признаков, отличающих подлежащее от топика (пауза, рассогласованность, распределенность референции и пр.), и, что самое важное, – синтаксическую классификацию **языков**, основанную на противопоставлении выдвигания топика и выдвигания подлежащего (*topic prominent vs. subject prominent languages*).

Соответственно, литературный русский язык (далее речь только о нем) может быть описан как язык с ярко выраженным выдвиганием подлежащего (вследствие чего он является флективным: спаянное предложение с гибкими позициями составляющих требует согласования форм), китайский же – типичный язык с выдвиганием топика (и поэтому – изолирующий: рассогласованное «слабое» предложение не требует ни согласования форм, ни их наличия на уровне элементарной синтаксемы).

Таким образом, подлежащее и сказуемое в русском языке (равно как и в английском, французском и др.) всегда имитируют деятеля и действия, включая описания как акции, так и состояния или соответствия: *Человек идет по дороге; Время бежит быстро; На собрании стоял вопрос; Телефон лежит у окна; Он является инженером; He was a teacher*. Даже связки во флективных языках «деятельны»: если вдуматься, они несут идею проявления или бытия (*to be a...*), что исключено в китайском, как бы единицы 是 / 係 *shì / xì* ни называли «**глаголами-связками**» или «особыми глаголами» (термин, к примеру, из [Liu Yuehua, 2003], хотя еще Ван Ли [Ван Ляо-и, 1954] писал о недопустимости такого подхода).

5. Перечисленные выше русские или английские высказывания невозможны в китайском: предметы или абстракции не могут буквально «стоять», «лежать», «существовать в качестве», «являть себя как...». Что, кстати, достаточно сложно объяснить азиатской аудитории, воспитанной на генеративном или ином формальном подходе: такие глаголы автоматически зачисляются в «формальные» или «пустые». Возможно, это вполне удобный способ «синхронного» объяснения вне типологии и диахронии, но апелляция к наименованию не является объяснением. Кроме того, «пустые» не «отдельные» глаголы и не «набор» глаголов, а в целом способ или типология говорения.

6. Проблема становится достаточно ясной при проекции на обучение русскому языку. К примеру, в ютьюб-роликах живущая в России китайская поп-исполнительница Ян Гэ (с театральным, но не филологическим образованием) справедливо спрашивает, к примеру: *Почему ложки, вилки – лежат, а стакан – стоит?* [<https://youtu.be/Pu3mq8G4pOc>]; *Почему птички <на ветке> сидят, а не – стоят?* [https://youtu.be/L5_9VrJHziY], и вообще, почему надо употреблять глаголы действия там, где в китайском языке для них нет места.

Даже когда в китайском языке речь идет о «подлинных» действиях, топик не становится подлежащим: в предложении нет согласования и деятель/«деятель» максимально отстранен от реального и мифического действия.

我的手機在充電的時候不小心從大約高45cm的距離水平摔下，是背面朝下，這樣手機會不會有問題？或壞掉？

Wǒ de shǒujī zài chōngdiàn de shíhòu bù xiǎoxīn cóng dàyuē gāo 45cm de jùlí shuǐpíng shuāi xià, shì bèimiàn cháo xià, zhèyàng shǒujī huì bù huì yǒu wèntí? Huò huài diào?

Мой мобильный телефон случайно упал с высоты около 45 см во время зарядки задней стороной, <направленной> вниз. **Возникнет** ли в этом случае проблема с мобильным телефоном? Или он **сломается**?

В данном предложении достаточно русских «безусловных» действий: «телефон **упал**», «задняя сторона **направлена**» (можно рассматривать и как предлог, что неважно: любой китайский предлог суть глагол), «возникнет ли» (букв. «...может или не может **иметь**...»), «**сломается**» («сломает себя»). В китайской речи, как бы ни казалось обратное, «телефон», его части, «проблема» – не совершают действий, от них не исходит никакой динамики. Предложение лишь описывает ситуацию, состояние, является характеристикой вне акторов и акций. И это типичный китайский способ осознания мира: все характеризуется, описывается, и синтаксемы – топикальные.

7. Безусловно, такие русские глаголы «действия» метафоричны (образны по отношению к реальной ситуации), и так же безусловно, что для носителя они не маркированы: их не замечают. В работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона [2004] о метафоре (стандарте, на который обычно опираются современные исследователи) такие варианты упоминаются, но им не уделяется слишком большого внимания, автор называет их «языковыми», подчеркивая «стертость». Мы предпочитаем именовать такие метафоры «банальными» и полагать, что «банальность метафоры» является типологической чертой русского языка, вытекающей из общей детерминанты: «подлежашности», т. е. «деятельности»: стремления при описании любой ситуации имитировать действие, причем в силу диахронных факторов сложившееся очень и очень давно (видимо, на праиндоевропейском или ностратическом этапе), – «действие», уже «стертое». В другой формулировке: литературный флективный язык с его «правильностью» требует постоянных «действий» как чего-то «естественно» присущего предметно-номинативам, которые неизменно воплощаются в слова/имена. В топиковом языке типа китайского доминирует максимальная отстраненность от действия в пользу характеристики, при этом лексические единицы не являются «словами» в европейском понимании.

8. Следовательно, дальнейшее изучение метафоры – либо применительно к китайскому (и другим топиковым/изолирующим языкам), либо контрастивно применительно к сравнению с русским, – должно опираться на оппозицию банальности/небанальности.

Кроме того, обучение русскому должно осуществляться с учетом типологии родного (китайского) языка, «банальность» исключающего.

Безусловно, значительный интерес могли бы представлять исследования метафоры в «промежуточных» (по Ч. Ли и С. Томпсон) синтаксических типах (соответствующих классическому агглютинативному): японском, корейском, тюркских и пр., где предположительно значимы и топик, и подлежащее (или «переход первого во второе» – что до сих пор не изучено и не обосновано) – именно на основе системного типологического подхода.

Литература

- Ван Ляо-и. Основы китайской грамматики. М. : Изд-во иностр. лит., 1954. 261 с.
- Ефремов А. М. Связность китайского текста в сравнительно-типологическом аспекте : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. М., 1987. 166 с.
- Карапетянц А. М. О специфике грамматического строя китайского языка // III Конференция по китайскому языкознанию : сб. тез. М. : Наука, 1986. С. 30–34.
- Коцик К.Э. Топиковые структуры в современных лингвистических парадигмах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. М., 2019. 308 с.
- Курдюмов В. А. Идея и форма. Основы предикационной концепции языка. М. : Воен. ун-т, 1999. 194 с.
- Курдюмов В. А. Китайский язык и проблемы философской онтологии // IV Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в контексте трансдисциплинарного знания : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 7–9 дек. 2020 г. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 127–134.
- Лакофф Дж, Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М. : Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
- Мельников Г. П. Принципы и методы системной типологии языков : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. М., 1990. 406 с.
- Солнцева Н. В., Солнцев В. М. Теоретическая грамматика китайского языка (Проблемы морфологии). М. : ВКИ, 1978. 152 с.
- Чанг Джуй Ченг Метафоризация в художественном тексте (на материале произведений М. Булгакова и их переводов на китайский язык) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. М., 2016. 332 с.
- Chao Y. R. A Grammar of Spoken Chinese. Berkeley : Univ. of California Press, 1968. XXXI, 848 p.
- Li Ch. N., Thompson S. A. Subject and Topic: A New Typology of Language // Charles N. Li (ed.). Subject and Topic. London. New York : Academic Press. 1976. P. 483–485.
- Li Ch. N., Thompson S. A. Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar. Berkeley : Univ. of California Press, 1981. 691 p.
- Liu Yuehua, Pan Wenyu, Gu Wei 劉月華, 潘文娛 實用現代漢語語法(增訂本) [Shi yong xian dai han yu fa = Modern Chinese grammar] 北京 : 商務印書館, 2003. 1005 頁.
- Shi Dingxu. Topic and topic-comment constructions in Mandarin Chinese // Language. 2000. N 76 (2). P. 383–408.

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИДЕОЛОГИИ

Аннотация. Если рассматривать китайский язык не только как частный объект изучения, но и (обусловленную исследованиями и фактами) основу для пересмотра языкознания в целом, то результатом может стать новое универсальное представление. Лингвистические концепции XX в. позволяют заявить, что «китайский/нефлективный язык может стать идеальным объектом». Тогда и лингвистические парадигмы, в основе которых лежат убеждения, т. е. идеологии, могут быть подвержены критическому анализу.

Ключевые слова: парадигмы языкознания, научная идеология, типология китайского языка, статика и динамика в языке.

V. Kurdyumov

Moscow City University, Moscow

CHINESE LANGUAGE AND IDEOLOGIES IN LINGUISTICS

Abstract. If to consider the Chinese language not only as a partial object of study, but also (due to the accumulated research and facts) the basis for the revision of linguistics as a whole, a new universal theory can be formed. Linguistic concepts of the 20th century let it possible to state that “the Chinese / non-inflectional language may become an ideal object”. Then the linguistic paradigms, which are based on beliefs, i.e. ideologies, can be critically viewed.

Keywords: paradigms of linguistics, scientific ideology, typology of the Chinese language, statics and dynamics in language.

1. В 2005 и 2006 гг. в России издавался первый том нашей «Грамматики...» [Курдюмов, 2005, 2006], в которой справочное изложение основ языка предварялось несколькими достаточно обширными теоретическими главами как об истории китаистики, так и об идейных основах научного подхода. В финале книги приводился обзор наиболее значимых классических источников: главных книг по китайской грамматике в XX и XXI столетиях. По прошествии почти двадцати лет (два тома писались пять лет, начиная с 2002 г., второй том так и не издан, издание 2006 г. – стереотипное) становится очевидным, что книгу необходимо было сделать намного более концептуальной, полностью исключить реверансы разным частным учениям, а прилагаемый обзор школ – расширить и снабдить более подробными объяснениями. Текст ниже можно рассматривать как новый комментарий к Приложению V «Грамматики...» [Курдюмов, 2006, с. 552–557].

2. Обычно принято говорить о парадигмах, но они часто базируются на отправных идеях и убеждениях, кардинально влияющих на научные результаты/интерпретации, благо в лингвистике, в отличие от физики, результаты, даже в эпоху наукометрии, могут свидетельствовать о совершенно разных реальностях. Безусловно, парадигмальные идеи могут строиться на основе и заблуждений, поскольку научное сознание неохотно отказывается от догм, стереотипов и «европейского здравого смысла».

Итак, лингвистическими идеологиями мы будем называть системы взглядов, построенные на основе неких достаточно элементарных (как правило, «само собой разумеющихся») идей-постулатов. То есть парадигмы, объясненные как дискурсы, – сводимые к идеям и развертываемые от идей.

3. «Идейное» объяснение трактовок китайского языка (КЯ) чрезвычайно значимо. Во-первых, потому, что в России уже де-факто предана забвению система постулатов постмарристской лингвистики, связанная с именами китаеведов 1950–1980 гг. Эти авторы могут упоминаться, цитироваться, провозглашаться гениями, но, как правило, – упрощенно и вне контекста лингвистических дискуссий того времени. Во-вторых, практическое обучение КЯ после 1990-х гг. строится на основе китайских континентальных источников, которые, в принципе, не стремятся объяснить язык и его закономерности, ограничиваясь минимумом терминов, эклектично заимствованных из генеративистики, функциональных и дескриптивных направлений, а также – некоторой «самодеятельностью». При этом очевидно, что обучение «китайского» (равно как и «тайваньского») типа строится на запоминании и хаотическом описании лексических частных, вследствие чего российский студент не может объяснить то или иное явление, а отечественный преподаватель (если он добросовестен и озабочен качеством обучения как совместного со студентами труда) вынужден дописывать «объяснительные»/грамматические фрагменты, базируясь на собственных эмпирических представлениях. Даже применительно к начальному этапу обучения КЯ: эпоха классического учебника Т. П. Задоненко образца 1977 г. с его завершенной концептуальностью (усвоение за год-полтора структуры элементарного высказывания; неверное, но хотя бы целостное) ушла в прошлое (несмотря на то, что учебник в том варианте переиздавался [Задоненко, 2002]). Проблему представляет собой и качество преподавательского корпуса, где достаточно много специалистов, прошедших лишь курсы, и, к примеру, русистов из Китая. В-третьих, китайское языкознание постоянно бросало из крайности в крайность, особенно в СССР, где от лингвистических теорий требовались законченная идеологичность и следование линии партии. Процесс смены типов описания КЯ можно охарактеризовать как бесконечно делящуюся «трагедию», где сущность подменяется случайными трактовками и уподоблениями.

4. Безусловно, при постановке проблемы значимой является типично (пост)советская дихотомия объекта и предмета описания, к сожалению, часто непонятная студентам и иностранным коллегам. Напомним, объект – это сам КЯ, предмет – исторически/идеологически обусловленные варианты его рассмотрения.

5. Китайское языкознание, по идее, должно быть связано с новейшими тенденциями и достижениями в общей лингвистике. Тем не менее до 1990-х гг. восточное языкознание в целом рассматривалось научной об-

шественностью как нечто замкнутое, частное и «провинциальное», занятое деталями и далекое от фундаментальных обобщений. Некоторое исключение в СССР представляли труды В. М. Солнцева [1977], стремившегося создать свой вариант структурализма, а в США – работы Чжао Юаньжэня [Chao, 1968] и затем, Ч. Ли и С. Томпсон [Li, Tompson, 1976, 1981], которые во многом смогли стать основой новых идейных движений. В настоящее же время, если говорить о массовом «диссертационном» языкознании в России, то чаще всего методологические основы, связанные, скорее всего, с русистикой: «концепты», «языковая картина мира», «когнитивность» (приравненная к фразеологии) и пр. – автоматически переносятся в/на КЯ, что часто порождает недоразумения и парадоксы. Отдельную проблему представляют диссертации китайских аспирантов: при отсутствии консультаций с востоковедами результаты приобретают оттенок курьезности.

6. Что понимать под объектом: самим КЯ? К сожалению, современные студенты сосредотачиваются лишь на термине *путунхуа*, который не отличают от *гуаньхуа* или *байхуа*. *Гоюй*, региональные варианты и государственные стандарты, «диалекты», акценты, исторические состояния и стилистические варианты остаются вне сознания обучаемых (или вызывают отторжение). До «Движения 4 мая» и появления грамматики Ли Цзинь-си в 1924 г. [黎錦熙, 2007] под китайским понимался либо классический литературный язык *вэньянь*, либо некий микс из *вэньяня* и южного *байхуа* – как в грамматике Мартини Мартино XVII в. [衛匡國, 2009]. К сожалению, характеристики, данные *вэньяню* в XIX в. классиками индоевропеистики, часто переносятся на современный язык (опять же стилистически неоднородный). С нашей точки зрения, КЯ, подлежащий изучению в вузе и после, – системная совокупность *путунхуа/гоюй* (\pm основы Юэ), которая закономерно обязывает обучаемых и обучающихся иметь базовые представления о региональных, стилистических и исторических вариантах (объект становится ядром формирования предмета: концептуальной базы изучения – как в школах, так и в вузах). Иными словами, кроме основ разговорного КЯ, специалист обязан уметь читать и трактовать классические тексты, также – понимать и использовать закономерности общения на языках Юэ или Хокло, которые либо лежат в основе госстандартов в отдельных регионах (Гонконг), либо на такие стандарты влияют (Тайвань), уметь устно и письменно переводить в ситуации бесконечного варьирования региональных акцентов и говоров. И иметь представления об общем языкознании, все это объясняющем.

7. Одна из наиболее значимых проблем в теории КЯ – непонимание его типологической специфики: учащиеся либо интуитивно считают, что категории русского языка автоматически переносятся на КЯ (чему, кстати,

способствуют консервативность и единообразность ЕГЭ по *всем* иностранным языкам; во время участия в работе над ЕГЭ мы хотя бы смогли создать рубрикатор с современной терминологией), либо склонны доверять элементарным догмам из учебников введения в языкознание. Но КЯ, в принципе, язык другой типологии (изолирующий и топиковый).

8. Ранние описательные грамматики КЯ создавались, как правило, миссионерами, чаще всего это были иезуиты. Грамматики были комплексными, речь шла и о письменности, и о фонетике, и достаточно простом описании системы частей речи. Примечательна «Грамматика Мартини» [衛匡國, 2009] – относительно небольшая «брошюра» XVII в. В собственно «грамматической» части DE NOMINIBUS ET EORUM DECLINATIONE автор, известный как «падре Вэй Куан-го», отмечал: EADEM VOX PRO VARIA POSITONE SUBSNTANTIVUM ADJECTIVUM ET VERBUM ESSE POTEST (= 由於位置的變化, 同一個詞可分別做名詞、形容詞和動詞 [衛匡國, 2009, с. 109]): «Одни и те же слова в зависимости от изменения позиции могут становиться существительными, прилагательными и глаголами», видимо, впервые «научно» обрисовав проблематику позиционной морфологии. В соответствии с целями описания, никакой особой научной предзаданности в этой и более поздних книгах не прослеживается, содержание подчинено практике.

9. *Идеология* 馬氏文通 «Ма Ши Вэнь Тун» 1898 г. Авторы книги Ма Цзянь-чжун и Ма Сян-бо были сотрудниками миссии во Франции, благодаря чему грамматика, созданная китайцами, так или иначе отражала приверженность прогрессивным на то время рационалистическим взглядам Пор-Рояля. «Ма Ши Вэнь Тун» [馬建忠, 1898] – первый манифест «европеизации» анализа китайского языка (на вэньяне и про вэньянь): авторы описывают систему значений частей речи, при этом заявляя: 字無定義, 故無定類 «У иероглифа (=лексемы) нет определенного значения, следовательно, нет (фиксированных) частей речи» [馬建忠, 1898, с. 24]. Таким образом, задается идеология грамматик в Китае на весь XX в.: «В китайском языке нет категорий, подобных европейским, однако будем находить их и описывать – поскольку так принято».

10. *Идеология* 黎錦熙. «Грамматика» Ли Цзиньси 1924 г. [黎錦熙, 2007] – знаковый труд, выдержавший массу изданий. Автор описывает разговорный язык, не слишком углубляется в «высокую» теорию, показывает правила в виде графических схем. Общий пафос: та же «европеизация», с единственным, но крайне важным нюансом: 句本位 – «примат синтаксиса»: значение определяется позицией (= но не словарной принадлежностью). Как и все важные тезисы в лингвистике и философии, данное утверждение часто цитируется, но вряд ли столь же часто осознается. Ли

Цзин-си как бы говорит: да, поскольку так повсеместно принято, мы используем «европейские» категории, но подчеркиваем специфику китайского языка.

11. *Основные парадигмы и идеологии: XIX в.* Создатели морфологической типологии языков В. фон Гумбольдт и А. Шлейхер исходили из того, что единственно доступный для изучения КЯ – это *вэньянь* (а иначе и быть не могло), поэтому в нем либо «ничего нет» (т. е. форм слова) и, следовательно, язык – аморфный (А. Шлейхер), либо – в нем особым образом проявляется дух народа (изолирующий тип В. фон Гумбольдта). Предполагаемая стратегия обучения и изучения, скорее всего, укладывалась в рамки традиционной индоевропеистики, затем – младограмматики, затем примитивно понятого соссюрианства (то, что ныне является основой пока еще существующего «вузовского» курса языкознания).

12. *Практические грамматики китайского языка в России и на Западе.* Такие грамматики строились как универсальные (которые принято возводить к принципам «Граматики Пор-Рояля» [Арно, Лаксло, 1998]) и воспроизводили систему описания того или иного родного для автора языка (обзор см.: [Курдюмов, 2005, с. 44–53]).

13. Система взглядов Н. Я. Марра, известная как яфетидология / «новое учение» (архаично противопоставленная даже не Ф. де Соссюру, а индоевропеизму), предполагала «надстроечность»/классовость языков и стадильность их движения во времени – в соответствии с историческим материализмом 1920–1930-х гг. КЯ рассматривался как «аморфный», следовательно, подразумевался как «первобытный»; шлейхеровские пояснения насчет неизбежной аналитизации флективного типа (= движению к изоляции) не принимались во внимание. Н. Я. Марр (археолог и библиист по основной специальности) провозглашал динамику, которая носила лишь примитивно-исторический характер. Следствием марризма был, как известно, расстрел выдающегося востоковеда Е. Д. Поливанова в 1937 г. В плане реальной лингвистической идеологии в трактовках КЯ интересен не столько сам марризм, сколько дискуссии, последовавшие за его разгромом (равно как и трагедии в судьбах целого поколения китаистов – в 1930–1940-х гг.).

14. После финального взлета в 1948–1949 гг. (сам Н. Я. Марр скончался в 1934 г.) марризм был разгромлен Сталиным в 1950 г. при деятельном участии грузинского лингвиста А. С. Чикобава. Разгром привел к «нормализации» исследований и трактовок, возвращению лингвистики в «мировое» русло. Статьи Сталина в газете «Правда» не блистали новациями и были близки, скорее всего, к идеологии младограмматизма: «Все очень просто, “классично”, теория применяется предельно упрощенно, внимание сосредотачивается на “минимальных” открытиях, глобальные обобщения идеологически опасны, язык суть слова и правила». Вследствие этого в 1950-е гг. доминирующее влияние приобретает «мэйнстрим»

советской китаистики, сводимый к общей установке: «Да, китайский язык несколько экзотичен, да, типология накладывает отпечаток, но КЯ – “не первобытный”, а “нормальный”, следовательно, в нем есть все, что присуще и русскому языку», мейнстрим, доминировавший в СССР вплоть до начала 1990-х гг. На начальном этапе представители этого направления, помимо, действительно, плодотворных исследований, отстаивали идеи наличия согласования в китайских предложениях, падежей существительного и пр. и пр. (что не было бы абсурдом, если бы вопросы ставились так: «Что именно соответствует в КЯ “европейскому” сентенциальному согласованию?» (согласование текстовое/дискурсивное, что сейчас уже очевидно), «Что именно соответствует падежам в КЯ?» (явно – предлоги или предложно-послеложные рамки, собственно, ранний В. М. Солнцев, как он рассказывал на лекциях и предполагал: «падеж» как сочетание имени с послелогом). Нельзя сказать, что представители направления были единодушными, а их труды – единообразными, но пафос был общим. Поэтому неудивительно, что в первой (на самом деле – второй, первая, синтаксическая, была издана гораздо позже) части известной грамматики А. А. Драгунова [1952] внушительная часть текста (предисловие) посвящена достаточно откровенной резкой критике проф. И. М. Ошанина за его марристские взгляды в докторской диссертации. Б. Г. Мудров, который преподавал у нас в вузе, в то же самое время был вынужден переписывать свою кандидатскую, чтоб исключить яфетидологическую подоплеку. В. М. Солнцев и Н. В. Солнцева до конца своей жизни достаточно ожесточенно отстаивали «морфологичность» КЯ и боролись с «американизацией». Им принадлежат идеи о «нулевой форме слова», стабильных частях речи и перенос на КЯ идеи конверсионной морфологии Смирницкого, в рамках которой предполагалось, что переход из одной части речи в другую предполагает формирование пары омонимов [Солнцева, Солнцев, 1978]. Кроме того, В. М. Солнцев считал, что смог создать новую типологию языков, в рамках которой возможно разделение (лишь) на изолирующий и неизолирующий типы, а агглютинация и пр. являются лишь техниками: «КЯ – изолирующий по типу и агглютинативный – по технике» [Солнцев, 1995], хотя в реальности агглютинативность КЯ (в которую не поверит никакой китаец) находится в зачаточном состоянии. Достаточно показательна монография Н. Н. Короткова [1968], где он то признает доминирующую специфичность КЯ, то пафосно ее отрицает. В русле уподобления русскому языку созданы известная «школьная» грамматика В. И. Горелова и учебник Т. П. Задоевко.

15. После сталинской развернулась дискуссия между советскими и китайскими учеными о природе частей речи («вечный», но вполне решаемый вопрос), где советские коллеги навязывали «младшим братьям» из КНР существование фиксированных «словарных частей» речи. Единственным, кто отстаивал иную природу КЯ, был китайский лингвист Гао

Минкай. Результатом стали «доказанность» частей речи и окончательное закрепление этой категории в континентальных учебниках: идея «китайский язык подобен европейским» стала доминирующей в языкознании КНР.

16. В грамматиках, издаваемых на Тайване, обычно обходятся какими-либо глобальными теоретическими обобщениями. Возможно, исключением является профессор Дэн Шоу-синь, но мы недостаточно знакомы с его трудами. Достаточно неортодоксальны идеи относительно роли и специфики тайваньского языка *гоюй* (который массовая китаистика, следуя стереотипам, приравнивает к *путунхуа*), что тоже лингвистическая идеология, хотя и достаточно локального плана [One-Soon Her, 2010]. Современные фундаментальные грамматики КЯ на Тайване часто пишутся профессорами английского языка, вследствие чего как единственно возможные копируются структура и направленность американских или европейских трудов (к примеру: [湯廷池, 2016]).

17. В 1970-е гг. в СССР появились знаковые труды А. М. Карапетьянца и Тань Аошуан. В плане идеологии наиболее важными нам представляются известная статья «о птичности» (лексема «словарно» обобщенно-абстрактна; конкретное значение обретается лишь в контексте) и концепция микросинтаксиса: формирование многосложных лексических единиц исходит из правил синтаксиса (атрибутивность, копулятивность, предикативность и пр.), а не моделям «аффиксы-корни-аффиксы» [Карапетьянц, 1986]. Известная монография Тань Аошуан о «скрытой грамматике», с нашей точки зрения, является более дескриптивистской по духу, следуя моделям московской семантической школы.

18. Неизменно упоминаемые нами труды Чжао Юань-жэнь / Ч. Ли и С. Томпсон стали новым этапом в теории КЯ. Чжао обосновал сущностное определение топика («НЕ выражение идеи деятеля-действия»), Ч. Ли и С. Томпсон предложили формальные методики описания в рамках американской функциональной лингвистики. Безусловно, появление сборника под редакцией Ч. Ли [Li, Tompson, 1976] имело эффект разорвавшейся бомбы, но предполагаемая революция так и не была закончена в силу двух причин: общей методологии «американских» направлений, избегающих абстрактных теоретических обобщений на стыке с философией («не наукой»), и обструкции «топиковым» идеям со стороны ведущих китаеведов (особенно в странах соцлагеря, где, напротив, теоретизация часто приветствовалась). Тем не менее Чжао и Ли смогли заявить, что КЯ отличен от «европейских» – по синтаксису и типологии. Но резонный вывод: если китайский не подходит под критерии «общего» языкознания, то не пора ли пересмотреть и само языкознание, так и не был предложен (или был отложен).

19. Труды белорусского лингвиста проф. А. Н. Гордея, которому принадлежит ведущая роль в формировании современных как китаеведения, так и системы обучения КЯ в этой стране, базируются на идеях так называемой комбинаторной семантики, подразумевающей последовательную

дихотомию языка и речи (напр.: [Гордей, 1997]). Подобный подход, скорее всего, является достаточно продуктивным в ряде областей, а в плане идеологии, как мы полагаем, восходит к идеям «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра, будучи при этом близким и к постулатам более позднего («экстремального»/«копенгагенского») структурализма – глоссематики.

20. В континентальном Китае, как и, в значительной степени, на Тайване, в настоящее время распространен генеративный подход, базирующийся на идеях З. Харриса и Н. Хомского. В обучении КЯ применяется наиболее доступная его составляющая – парсинг: выделение групп непосредственно составляющих («деревья», они же «ступеньки»), в основах теории – присущий данному направлению научный аппарат, связанный с математизированным описанием трансформаций «от глубинной (ГС) к поверхностной структуре (ПС)» и обратно. Главный постулат: единственность/ступенчатость глубинной структуры (многочисленные этапы реального порождения-восприятия исключаются) и действия в рамках логики и математических преобразований. Наиболее значимым представителем данного направления, с нашей точки зрения, является профессор Ши Динсюй [Shi Dingxu, 2000]. Безусловно, данная школа уже не возвращается к философским рассуждениям времен работы Н. Хомского «Язык и мышление» и дискуссии о «врожденных структурах».

21. Вузовское обучение китайскому языку в той или иной степени требует обращения к теории. Если основы таких представлений в советский и чуть более поздний период формировались в ходе обще- и частнотеоретических курсов, то сейчас теория вымывается из программы. Поскольку язык может преподаваться и преподавателями-лишь-практиками, то складывается «вузовская эклектика» с причудливым смешением направлений и идеологий, при этом неизменной остается установка «китайский язык НЕ отличается от европейских». Часто добавляются эмоциональные призывы «не осквернять память» основоположников классического советского китаеведения, «не забывать постулаты учебников по языкознанию» и тому подобное.

22. Начиная с XIX в. (трудов В. фон Гумбольдта, его предисловия к книге «О языке кави на острове Ява») историю языкознания можно представить как формирование двух тенденций: статической и динамической. «Статическое» языкознание («язык как система используемых знаков») не слишком отличается от банального понимания языка (которым человек «пользуется») и в наиболее явном виде сложилось в постулатах «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра, затем достигло крайней формы в виде глоссематики. На динамическое же понимание языка указывает одна из главных антиномий В. фон Гумбольдта «эргон/энергейя», где «эргон» – статика, привычное «язык как продукт деятельности» (у Соссюра – «склад», что не так важно), а «энергейя» – процесс, движение, причем не столько «во времени», сколько в синхронии: постоянное «совершение» –

процессы порождения-восприятия (если формулировать по-современному). Однако это лишь намек, и сам Гумбольдт в целом описывал факты языка достаточно консервативно. XX в. в лингвистике – одновременно и становление разных школ структурализма, и его преодоление. Революционными вполне могли стать и Пражская школа (открытие коммуникативного членения), и психолингвистика, и лингвистика текста, и генеративная лингвистика, но всегда что-то мешало сделать окончательный шаг и заявить, что язык суть процесс, все иное – поверхностно, несущестно, перейти к реальной онтологии. Лингвисты как будто постоянно боялись обвинений в неэмпиризме. К динамичному пониманию языка приближались: системная динамика языка Е. В. Сидорова («процесс может быть систем, язык суть речевая деятельность») в конце 1980-х [Сидоров, 1987], разгромленная в СССР семиодинамика (преодоление гегелевских бинарностей и опора на триады, тетрады и пр., где особняком стоит системологическое учение Г. П. Мельникова [1990]), теория текста как актуализационного процесса Ю. В. Попова [1984]. Кроме того, язык как форма потока бытия, «дом бытия» – одно из основных положений философии Хайдеггера после 1946 г., изложенной в серии статей. После 1990 г. языкознание, как отечественное, так и зарубежное, достаточно резко отказалось от онтологии: западные исследователи еще более ушли в эмпирику и описание мелких фактов (что сейчас достигло крайности из-за наукометрии), в России пошли путем распространения понятий герметичной русистики.

23. *Предикационная концепция языка.* Если исходить из базовых положений учений Г. П. Мельникова, Е. В. Сидорова, Ю. В. Попова, Чжао Юань-жэня и Ч. Ли, достижений психолингвистики и перенести фокус онтологических изысканий с европейских языков на китайский, то легко обнаружить: 1) КЯ не подчиняется нормам и моделям, построенным на материале поверхностных категорий «образцовых» языков, 2) КЯ вполне может самостоятельно рассматриваться как идеальный объект языкознания, 3) языкознание в целом может быть расширено и пересмотрено, учитывая реальность нефлективных языков, 4) такое языкознание неизбежно становится динамическим: язык рассматривается как совокупность процессов порождения и восприятия. Важно подчеркнуть, что предикационная концепция (или теория) языка, которой посвящены несколько наших книг [Курдюмов, 1999, 2005, 2006 и др.], а также множество статей и выступлений, это *НЕ теория о китайском языке, а общая концепция языка в целом*, основу которой составляет убеждение, что «атомарные» понятия лишь поверхностны и частичны. И безусловно, предикационная концепция может лечь в основу и преподавания, и дальнейшего исследования КЯ (равно как и всех других).

24. Предикационная (динамическая) концепция языка, или динамический структурализм, – это одно из новых направлений в лингвистике, в русле которого языковые явления, категории и единицы рассматриваются

как процессы или результаты процессов последовательного структурного преобразования, общая теория, построенная путем расширения и пересмотра положений традиционной лингвистики на основе анализа данных изолирующих/топиковых языков.

25. Сущность концепции сводится к следующему:

- Топик и комментарий (Т-С) – универсальные понятия, при помощи которых можно исчерпывающе описать остальные понятия и категории языка (как производные от Т-С).

- Основа динамики языка: предикация суть движение (перманентное преобразование) бинарных предикативных структур (...Т-С_n → Т-С_{n+1}...): предикационная сеть.

- *Язык суть процесс: совокупность предикационных цепей, бесконечных цепей порождения и восприятия.*

- Язык возникает там и тогда, где возникает подлежащая заполнению и утверждению бинарная рамка (характеризация «Т-С»).

- Характеризация «Т-С» суть идея или форма идеи, язык, таким образом, есть движение идеи и в то же время форма форм.

- Генезис языковых единиц любого уровня (от фонемы до «всеобщего говорения») суть предикация в диахронии, любая единица свертывается или развертывается до идеи.

- Недискретная модель уровней языка моделируется как система порождения-восприятия («горизонталь») и идеоцентричных собственно уровней («вертикаль»), которые, в зависимости от типологии, в разных языках не совпадают по значимости.

- Предикационное движение последовательно реализует три цели: координацию деятельности, совершенствование знания, достижение прозрачности мира-языка.

- Лингвистика может быть представлена как высшая философия: коммуникант как частное сущее (и такой же «знак языка») не соприкасается с «миром», находясь в потоке языка; *язык суть бытие.*

26. Изучение китайского языка европейцем – в любом случае – постижение иной реальности и способа бытия, иначе процесс обучения лишен смысла: исследование КЯ направлено к предельно абстрактным выводам о сущности языка/бытия.

27. Те или иные парадигмы в лингвистике неизбежно существуют как идеологии, опираясь, казалось бы, на эмпирические результаты, хотя в целом, скорее, – на «европейский здравый смысл», чаще всего – на базе греко-латинских лексикоцентричных категорий. Движение языкознания к онтологии, включая преодоление промежуточных форм типа генеративизма и эклектики, во многом может плодотворно опираться на «кардинальное отрицание», т. е. на факты китайского языка.

Литература

- Арно А., Лансло Кл. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. М. : Прогресс, 1998. 272 с.
- Гордей А. Н. Преодоление дедуктивной теории языка (на материале китайской речи). Минск, 1997. 48 с.
- Драгунов А. А. Исследования по грамматике современного китайского языка. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 232 с.
- Задоев Т. П., Хуан Шуин. Учебник китайского языка. М. : Цитадель, 2002. 768 с.
- Карапетьянц А. М. О специфике грамматического строя китайского языка // III Конференция по китайскому языкознанию : сб. тез. М. : Наука, 1986. С. 30–34.
- Коротков Н. Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка. М. : Наука, 1968. 400 с.
- Курдюмов В. А. Идея и форма. Основы предикационной концепции языка. М. : Воен. ун-т, 1999. 194 с.
- Курдюмов В. А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика М. : Цитадель, Лада, 2005. 576 с.
- Курдюмов В. А. Курс китайского языка. Теоретическая грамматика М. : Цитадель-Трийд : Вече, 2006. 576 с.
- Мельников Г. П. Принципы и методы системной типологии языков : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. М., 1990. 406 с.
- Попов Ю. В., Трегубович Т. П. Текст: структура и семантика. Минск : Вышшая школа, 1984. 189 с.
- Сидоров Е. В. Проблемы речевой системности. М. : Наука, 1987. 140 с.
- Солнцева Н. В., Солнцев В. М. Теоретическая грамматика китайского языка (Проблемы морфологии). М. : ВКИ, 1978. 152 с.
- Солнцев В. М. Язык как системно-структурное образование. М. : Наука, 1977. 341 с.
- Солнцев В. М. Введение в теорию изолирующих языков. М. : Вост. лит., 1995. 352 с.
- Chao Y. R. A Grammar of Spoken Chinese. Berkeley : Univ. of California Press, 1968. 848 p.
- Li Ch. N., Thompson S. A. Subject and Topic: A New Typology of Language // Charles N. Li (ed.). Subject and Topic. London ; New York : Academic Press. 1976. P. 483–485.
- Li Ch. N., Thompson S. A. Mandarin Chinese: A Functional Reference Grammar. Berkeley : Univ. of California Press, 1981. 691 p.
- Shi Dingxu. Topic and Topic-Comment Constructions in Mandarin Chinese // Language. 2000. N 76 (2). P. 383–408.
- One-Soon Her 何萬順 論台灣華語的在地化 (On the Indigenization of Taiwan Mandarin) // 澳門語言學刊 = Journal of Macau Linguistics Association. 2010. Vol. 35, N 1. P. 19–29.
- 黎錦熙 新著國語文法。長沙：湖南教育出版社，2007，374 頁。
- 馬建忠 馬氏文通。上海-北京：商務印書館，1898，273 頁。
- 衛匡國 中國文法。華東師範大學出版社，2009，176 頁。
- 湯廷池 華語語言分析入門。台北：致良，2016，450 頁。

М. В. Новоселова

Иркутский государственный университет, Иркутск

АНАЛИЗ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА: ЭКОЛОГИЯ КАК ИСТОЧНИК СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В США

Аннотация. Рассматривается современное состояние окружающей среды и экологических проблем в контексте социальной значимости для американской культуры: в аспекте отражения проблем изменения окружающей среды в дискурсе СМИ и связанных с этим усилением социальных реакций. Характеризуются общие черты экологического дискурса в американских медиа, анализируются лексические средства выражения экотревоги в СМИ как намеренно вызывающие угрозу благополучию общества и источник напряженности и стресса. Описываются такие явления современного экодискурса, как «экологический разрыв между поколениями», «зеленый камуфляж», приводятся примеры искажения фактов в медиадискурсе, приводящие к неравенству в благосостоянии американцев и расовой дискриминации.

Ключевые слова: экологический дискурс, медиадискурс, социальная напряженность, экотревога, «зеленый камуфляж», экологический разрыв поколений, экологическое потребление.

M. Novoselova

Irkutsk State University, Irkutsk

ANALYSIS OF ENVIRONMENTAL MEDIA DISCOURSE: ECOLOGY AS A SOURCE OF SOCIAL TENSION IN THE USA

Abstract. The current state of the environment has become socially significant. The problem of increasing social reactions to environmental changes is on the list of serious social problems Americans are facing today. The American media present environmental issues as a threat to the well-being of the society and a source of tension and stress. Deteriorating environmental conditions lead to eco-anxiety, environmental generational gap, greenwashing, distortion of facts, inequality in wealth, and racial discrimination.

Keywords: ecological discourse, media discourse, social tension, eco-anxiety, greenwashing, environmental generation gap, green consumption.

Изучение медиадискурса помогает определить скрытые установки авторов сообщений и, основываясь на этом, уровень воздействия сообщений на восприятие информации. Анализ языковых средств, используемых для вербализации социальной напряженности в экологическом дискурсе, является социально значимым, поскольку фокусируется на выявлении индикаторов напряженности в медиатекстах.

Основная функция средств массовой информации состоит в наиболее объективном отражении существующего положения вещей, тенденций и процессов в современном мире. Вместе с тем СМИ в некоторой степени задают вектор событиям, частично определяют направление и характер развития ситуаций, поскольку артикулируют мнения тех или иных сторон, формируя «нужную» картину происходящего. Таким образом, почти в любом медиасообщении можно обнаружить попытку повлиять на сознание адресата.

Средства массовой информации повествуют об окружающей среде, используя два вида метанарратива: поэтический и апокалиптический [Петрова, 2018, с. 77]. Поэтический нарратив повествует о природе как об одушевленной, властвующей миром, а о человеке, как о части природы. Апокалиптический нарратив основан на недавних работах экологов, которые в основном говорят об экологическом кризисе. Этот кризис можно назвать «болезнью планеты», ведущей к ее гибели, если не будут предприняты срочные меры [Hannigan, 2006].

Экологический дискурс представлен всей совокупностью устных и письменных материалов, программ, подкастов, обсуждений, которые в той или иной степени формируют сознание человека относительно экологии [Громорушкина, 2020]. Не только ученые формируют экологический дискурс, но и те, кто в той или иной мере занимается экологическими вопросами или высказывается по поводу проблем окружающей среды, а именно политики, чиновники, руководители корпораций, юристы, журналисты и обычные граждане [Dryzek, 2005].

В последнее время изменение климата, природы, природные катастрофы приобрели огромную социальную значимость [Баньковская, 1991]. Именно поэтому в списке серьезных социальных проблем, с которыми сталкиваются сегодня американцы, присутствует «усиление социальных реакций на изменения окружающей среды» [Stress in America, 2020]. Социальная напряженность проявляется в недовольстве, недоверии власти, конфликте в обществе, тревоге, экономической и психической депрессии, демографических проблемах, агрессивных и стрессовых отношениях [Aronson, 2010].

Средства массовой информации США изобилуют сообщениями о последствиях изменения климата – лесные пожары в Айдахо, Монтане и Калифорнии, рекордные температуры во всех штатах, участвовавшие ураганы, смерчи, наводнения. До недавнего времени экологические проблемы были задачей экологов, а не социальных работников, но изменение климата влияет на благополучие целых сообществ, из-за него испытывают психологическую нагрузку простые граждане.

Пытаясь привлечь внимание людей к экологическим проблемам и побудить людей изменить свой образ жизни, средства массовой информации используют привлекающие внимание заголовки с прилагательными и глаголами с негативной эмоционально-экспрессивной коннотацией: *kill, dead, catastrophic, disastrous, dangerous, devastating, destroying* и т. д. Эти статьи не могут не передать общий негативный посыл, заставляя людей чувствовать тревогу и депрессию по поводу экологических проблем. Лексемы *kill, dead* и их производные часто встречаются в заголовках, посвященных проблемам окружающей среды, и вызывают сильные эмоции, поскольку убийство и смерть – это то, что вызывает беспокойство и тревогу у всех людей. Данные слова в основном используются в криминальных, военных

или террористических контекстах, поэтому экологически небезопасные районы будто бы сравниваются с полями сражений или преступлениями: *Pesticides Are Killing the Organisms That Keep Our Soils Healthy*; *Will NEON Kill Ecology?*; *Heat Wave Death Toll Will Rise With Thorough Count*; *Why Extreme Heat Is So Deadly*.

Еще один языковой способ сделать информацию более релевантной и, следовательно, вызвать у аудитории большее беспокойство и сочувствие – это использование местоимений первого лица во множественном числе *we*, *our*, *us*. Когда американские журналисты говорят об ущербе, нанесенном окружающей среде человеком, они реализуют принцип обобщения. Это предполагает идею глобального человечества, разрушающего планету: *We Have Just Two Years to Stop Deep-Sea Mining from Going Ahead*; *If We Dig out All Our Fossil Fuels, Here's How Hot We Expect It to Get*. Стратегия глобализации часто реализуется СМИ для того, чтобы каждый почувствовал себя причастным к проблеме, и это сказывается на психике людей – осознание того, что проблема коснется каждого, может вызвать сильнейший стресс и напряженность в обществе.

Судя по темам и заголовкам в СМИ, экологические проблемы являются огромным источником стресса и беспокойства для американцев: *Therapists Are Reckoning with Eco-anxiety*; *Climate anxiety in young people: a call to action*; *5 Ways to Cope If You're Dealing with Eco-Anxiety*; *Eco-anxiety: the psychological aftermath of the climate crisis*. Несмотря на то что слово *eco-anxiety* появилось в английском языке сравнительно недавно, является неологизмом, этот концепт уже занял значительную нишу в психологических исследованиях по всему миру и, очевидно, в повседневной жизни некоторых людей. Термин был определен Американской психологической ассоциацией в 2017 г. как «хронический страх экологической гибели» [Clayton, 2017].

Стоит отметить, что широкое употребление неологизмов является характерной чертой экологического дискурса в силу того, что появляются все новые аспекты экологических проблем, которые требуют именования, ср.: *trashion* (*trash* и *fashion*), *ecocide* (*ecology* и *suicide*), *ecomagination* (*ecology* и *imagination*).

Опросы, проведенные в США в 2018 г., показали, что почти 30 % американцев очень обеспокоены экологическими проблемами, что вдвое больше, чем в аналогичном исследовании 2015 г. Заболевание *eco-anxiety* стало особенно распространенным среди детей и молодежи – в некоторых университетах более 70 % студентов описывают себя как страдающих от эко-тревожности [Stewart, 2021].

Сильные негативные эмоции от последствий климатических изменений особенно распространены среди молодежи. Повышенная чувствительность молодого мозга к воздействию стрессоров является одной из при-

чин; другая причина состоит в повышенной вероятности того, что молодые люди столкнутся с более серьезными последствиями, связанными с климатом. Таким образом, существует еще одна причина напряженности и стресса, вызванная экологическими проблемами, а именно экологический разрыв поколений (the environmental generation gap), который широко освещается СМИ: *The Environmental Generation Gap; Ecology: the clash of generations; The Age Gap in Environmental Politics*. Опрос Техасского университета в 2016 г. показывает, что миллениалы и пожилые люди расходятся во многих вопросах. Использование угля хотят сократить около 60 % миллениалов, что вдвое превышает процент американцев старше 65 лет. Примечательно, что половина миллениалов поддерживает налог на выбросы углерода, что тоже вдвое превышает процент пожилых людей, согласных с данной инициативой. Больше половины миллениалов и только 37 % пожилых людей считают изменение климата одним из приоритетных вопросов, требующих скорейшего решения [Farber, 2018].

Экологическое потребление (green consumption) является выгодной стратегией в контексте все большего внимания к экологичному образу жизни. В то же время это проблемная концепция, не в последнюю очередь потому, что словосочетание представляет собой явный оксюморон. *Green* означает сохранение ресурсов природы, в то время как *consumption* предполагает их использование, уничтожение. *Green consumption* является проблематичной концепцией еще и из-за нечестных деловых и политических практик, многочисленных случаев «зеленого камуфляжа» (greenwashing) и сомнительного маркетинга. Особенно во время пандемии компании пытаются показать миру, насколько они заботятся о людях и планете, но довольно сложно отличить настоящий экологичный курс от «зеленого камуфляжа». Термин «зеленый камуфляж» появляется в средствах массовой коммуникации как средство выявления компаний и брендов, которые используют такие слова, как *green, sustainable, eco-friendly* или *vegan*, как маркетинговый ход, без какого-либо глубокого понимания того, что означают эти термины, и, что самое печальное, без какой-либо ответственности за свои действия.

Группа американских сотрудников Deloitte Insights пишет о сокращении разрыва в доверии, когда речь идет об окружающей среде, поскольку бренды, которые прикрываются экологическим камуфляжем, ложно продвигают свои продукты или услуги как экологически безопасные, фактически не применяя методы ведения бизнеса, которые бы сократили отрицательное влияние на природу. По словам исследователей, это не только представляет собой нечестный маркетинг, но и мешает добиться ощутимого прогресса в борьбе с изменением климата [Deloitte, 2021].

Согласно исследованию, проведенному в апреле 2020 г. среди граждан в 14 странах, в том числе в США, с распространением пандемии более

70 % считают изменение климата столь же серьезным долгосрочным кризисом, как COVID-19. Американцы, в частности поколение Z, бросают вызов быстрой моде, выбирая одежду и аксессуары, сделанные из старых или переработанных вещей (trashion); сокращая количество производимых ими отходов (zero wasters) и выбирая экологически чистые бренды (eco-friendly brands).

Использование экологических проблем в качестве средств политической пропаганды и продвижения политического курса, искажение фактов ради собственной политической выгоды, независимо от реального положения дел, являются еще одним источником беспокойства и стресса для многих американцев. Решение экологических проблем сегодня более проблематично, потому что характер проблем изменился: раньше экологические проблемы были, прежде всего, научными и технократическими, но теперь они являются почти исключительно проблемами политики.

Таким образом, нередки случаи, когда СМИ освещают одно и то же событие с противоположных точек зрения: *The Biden administration is taking steps against climate change by proposing a greenhouse gas emission plan that would push some drivers to use electric vehicles by 2030* и *Biden administration is skewing carbon numbers to push regulations*. Эти поляризованные взгляды подрывают доверие людей к правительству, средствам массовой информации и науке, а недоверие к государственным учреждениям является ярко выраженной характеристикой социальной напряженности: «Недоверие к правительству может быть одним из основных препятствий на пути эффективных действий по охране окружающей среды» [Kamarck, 2019].

Ущерб от изменения климата стал причиной социальной напряженности из-за увеличивающегося финансового неравенства и расовой дискриминации в Соединенных Штатах. По мере увеличения ущерба, причиняемого природными катастрофами, растет и неравенство в благосостоянии, особенно в вопросах, касающихся расовой принадлежности, образования и здравоохранения. При любом уровне локального ущерба чем больше помощи регион получает от Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям США, тем больше растет это неравенство. Эта хроническая, повсеместная и все более дорогостоящая реальность стихийных бедствий делает их важной социальной проблемой. Социологические исследования стихийных бедствий давно документально подтвердили, что менее привилегированные жители часто несут потери в экономических, а также социальных и культурных ресурсах после стихийных бедствий, а более привилегированные, напротив, имеют тенденцию быстрее восстанавливаться и даже могут получить финансовую выгоду [Howell, 2018].

Средства массовой информации прослеживают связи между ухудшением экологических условий и расой, благосостоянием людей: *How Communities of Color Are Hurt Most By Climate Change; Unequal Impact: The*

Deep Links between Racism and Climate Change; How Climate Change Exacerbates Gender Inequality Across the Globe. Мужчины и женщины оказывают неравное воздействие на окружающую среду, что находит отражение в подобных статьях в СМИ: *Men have a bigger carbon footprint than women, thanks to their appetite for cars and meat.* Заголовки содержат мысль о том, что изменение климата является чем-то большим, чем только экологический кризис, – это социальный кризис, который заставляет людей решать проблемы неравенства на разных уровнях: между богатыми и бедными в Соединенных Штатах; между людьми разных рас, между мужчинами и женщинами и между поколениями.

Таким образом, американские СМИ представляют экологические проблемы, в частности изменение климата и все его возможные последствия, как огромную угрозу благополучию общества и, как следствие, источник напряженности и стресса для жителей Соединенных Штатов. Ухудшение экологических условий приводит к экотревоге, экологическому разрыву между поколениями, «зеленому камуфляжу», искажению фактов, неравенству в благосостоянии, гендерной и расовой дискриминации.

Литература

- Баньковская С. П. Инвайронментальная социология. Рига : Зинатне, 1991. 128 с.
- Громорушкина А. А. Экологический дискурс как комплексное явление // Вестник МГЛУ. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 3 (832). С. 36–46.
- Петрова А. Е. Социологические рефлексии «новых» экологических катастроф: теоретико-методологический анализ : дис. ... канд. соц. наук : 22.00.01. М., 2018. 205 с.
- Aronson E. *Social psychology*. 2010. UCLA, 600 p.
- Deloitte. URL: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/topics/strategy/trust-in-corporate-climate-change-commitments.html> (дата обращения 20.07.2021).
- Dryzek J. *The politics of the Earth: Environmental Discourses*. Oxford : Oxford University Press, 2005. 261p.
- Farber D. *The Environmental Generation Gap* // *Legal Planet*. 2018. UCLA.
- Hannigan J. *Environmental Sociology*. Abingdon : Routledge, 2006. P. 90–91.
- Howell J., Elliott J. *Damages Done: The Longitudinal Impacts of Natural Hazards on Wealth Inequality in the United States* // *Social Problems*. 2018. Vol. 66, N 3. P. 420-448.
- Kamarck E. *The challenging politics of climate change*. Washington DC : Brookings, 2019.
- Mental Health and Our Changing Climate* / S. Clayton, C. Manning, K. Krygsman, M. Speiser. Washington DC. : American Psychology Association, 2017. 70 p.
- Stewart E. *Psychometric Properties of the Climate Change Worry Scale* // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021. Vol. 18, N 2, 494 p.
- Stress in America. URL: <https://www.apa.org/news/press/releases/stress/2020/sia-mental-health-crisis> (дата обращения: 24.07.2021).

Т. А. Пруцких, Е. А. Меркулова

Санкт-Петербургский государственный
экономический университет, Санкт-Петербург

ВЛИЯНИЕ ТРАДИЦИИ «СОХРАНЕНИЯ ЛИЦА» НА КИТАЙСКУЮ СИСТЕМУ ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Представлены лингвокультурологические особенности понятия «лицо» и устоявшиеся сочетания с синонимами 面 и 脸, проведено сравнение некоторых отличительных характеристик системы образования Китая в разные исторические периоды и описано влияние традиции «сохранения лица» на китайскую систему образования.

Ключевые слова: Китай, китайский язык, «лицо», традиция, социальное поведение, система образования.

T. Prutckikh, E. Merkulova

Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg

THE INFLUENCE OF THE FACE SAVING TRADITION ON THE CHINESE EDUCATION SYSTEM

Annotation. The article presents the linguistic and cultural features of the concept of “face” and the established combinations with the synonyms 面 and 脸, compares some of the distinctive characteristics of the Chinese education system in different historical periods, and describes the influence of the tradition of “saving the face” on the Chinese education system.

Keywords: China, the Chinese language, “face”, tradition, social behavior, education system.

Норма регламентированного социального поведения всегда была и остается прочным фундаментом культуры Китая. И хотя в последние десятилетия темпы торгово-экономического роста и научно-технического прогресса набирают обороты, изменения в китайском менталитете происходят значительно медленнее. Мы предлагаем на примере традиции «сохранения лица» рассмотреть перемены, происходящие в китайском обществе.

Согласно модели Э. Холла, Китай – высококонтекстуальная культура [Hall, 1976, p. 91]. Что это значит? Китай – страна с выраженной сетью социальных взаимодействий, причем вся необходимая информация оказывается заключенной не только в речи, но и в самом человеке, либо же в условиях, в которых протекает коммуникация. Важной оказывается каждая деталь: то, как человек смотрит, какой длины паузы он выдерживает между предложениями, как он стоит, как держит руки, а также в каких условиях, в каком месте и в какое время происходит коммуникация. Данный вид культуры также отличает наличие богатого, многовекового опыта, проверенных временем традиций и правил, в большинстве своем соблюдающихся и по сей день. Высококонтекстуальная культура однородна, стабильна и целостна, обладает множеством скрытых норм и правил поведения, которые будут, скорее всего, непонятны для представителей других культур.

Китайское общество практически всегда функционировало на основе личных отношений. Каждому человеку для обеспечения хорошего уровня жизни необходимо было создавать свою сеть личных связей. Многие в жизни китайца, в том числе его благосостояние, зависело именно от наличия «социального доверия». Все, что могло привести к «потере лица», негативно сказывалось на «социальном доверии». Ответственность людей друг за друга и за себя была крайне высока: «Не делай другим того, чего не желаешь себе, и тогда не будет обиженных ни в государстве, ни в семье» (Лунь Юй, XII-2) (цит. по: [Мартынов, 2001]). Именно так, согласно конфуцианству, следует относиться к людям.

Важным методом воспитания детей в Китае является воздействие на чувство стыда. Применение подобных методов формирует эмоциональный комплекс отношений, связанных с концептом «лицо». В результате складывается такая общественная система, в которой «лицу», как своему, так и окружающих и имеющих к вам какое-либо отношение, уделяется пристальное внимание. Родственники, друзья, коллеги должны стремиться к лояльности, чтобы выполнять обязательства по отношению друг к другу. Быть нелояльным индивидом означает потерю «лица» [«Лицо» как базовый ...].

«Забота о “лице” другого человека представляет собой нечто большее, чем просто социальную норму, в соответствии с которой каждый старается не затронуть “лицо” другого и в результате сохраняется “лицо” каждого. Не заботиться о чужом “лице” уже означает причинить в какой-то степени вред своему “лицу”» [Тертицкий, 1994, с. 53].

Также следует обратить внимание, что современное китайское государство, сохраняя древние конфуцианские ценности, такие как 礼 lǐ «этикет, ритуал, благопристойность», заботится об усвоении молодым поколением правил этикета. Причем важным теперь, в условиях быстро изменяющейся ситуации на международной арене, становится изучение не только отечественного этикета, но и этикета тех культур, с которыми необходимо поддерживать сотрудничество. В школьную образовательную программу уже включены уроки этикета, а «для взрослых появляются разнообразные “школы этикета и хороших манер”, выпускаются популярные издания о правилах приличного поведения, проводятся специальные тренинги» [Даниленко, 2016, с. 68]. По результатам проведенного эмпирического исследования приоритетности разных функций этикета в сознании китайских студентов, авторами делается вывод о присутствии в сознании современной китайской молодежи традиционных нравственных принципов, а именно – стремления обеспечить «сохранение лица» всем участникам общения [Даниленко, 2016, с. 75–76].

В современном китайском языке есть два основных иероглифа, обозначающих «лицо»: «мянь» (面 miàn), или «мяньцзы» (面子 miànzi), – лицо как социальная репутация, престиж, доброе имя, достоинство и честь,

и «лянь» (脸 liǎn) – лицо как часть тела, передняя часть, облик. Со временем различия между «мянь» и «лянь» несколько стерлись, и теперь каждое из этих слов может употребляться в близких контекстах. Обратимся к формулировкам словарных дефиниций.

脸
liǎn

形声字。从月(肉),表示两颊上部的肌肤;𠂔(qiān)声。声旁简化。本指两颊上部颧骨部分。引申指整个面部。

①面孔:~色|圆~|洗~。②某些物体的前部:门~|鞋~。③面子;情面:~面|要~|丢~。

~盆 ~皮 ~谱 变~ 翻~ 鬼~ 红~ 露~
赏~ 笑~ 嘴~ 愁眉苦~ 死皮赖~ 嬉皮笑~

脸 liǎn. Иероглиф фонетической категории. Состоит из ключа «мясо», обозначает мышцы и кожу на верхней части щек; созвучно с иероглифом 𠂔 qiān («всеобщий, совместный»). Упрощенная инициаль. Основной смысл – часть лобной кости, расположенной над двумя щеками. Переносное (более широкое) значение – целое лицо.

- 1) *Лицо, физиономия: выражение лица, круглое лицо, умываться.*
- 2) *Передняя часть какого-либо предмета: фасад, верх (обуви).*
- 3) *Лицо, репутация; достоинство: лицо, стремиться сохранить лицо, потерять лицо.*

Умывальный таз, раковина умывальника; кожа лица; маска; бянь лянь (китайское оперное искусство); обратная сторона; маска демона; красное, стыдливое лицо; показать лицо, появиться на глаза; хвалить; улыбка; лицо, наружность; хмурить брови и измученное лицо; бесстыжий; смайлик хиппи [字源查询 zìyuán cháxún Поиск происхождения слова].

脸 古汉语字典解释 Объяснение 脸 из древнекитайского словаря [词典网 cídiǎn wǎng Сеть словарей]:

- 1) <名>面颊的上部 *верхняя часть щек;*
- 2) <名>指整个面部 *указывает на все лицо целиком;*
- 3) <名>面子: *颜面 лицо, наружность, внешность; совесть, репутация.*

Иероглиф 面 miàn в надписях на гадательных костях (Цзягувэнь) просто похож на портрет, нарисованный современным западным художником-абстракционистом: выделяется только глаз, затем добавляется ромбовидная рамка. Шовэнь: «лицо, выражение лица». Традиционный иероглиф 麵 поменялся на упрощенный 面 [字源查询 zìyuán cháxún Поиск происхождения слова].

面古汉语字典解释 Объяснение 面 из древнекитайского словаря [词典网 cídiǎn wǎng Сеть словарей]:

- 1) <名>脸 *лицо*;
- 2) <动>面向; 面对着 *повернуться лицом к ... , стоять перед лицом*;

- 3) <副>当面 *в лицо, лично, с глаза на глаз*;
- 4) <名>方位; 方面 *сторона, местоположение, направление, аспект*;
- 5) <名>平面; 表面 *плоскость, поверхность, внешняя сторона*;
- 6) <量> *сч. слово со значением «сторона».*

Несмотря на то что иероглифы 面 и 脸 являются синонимами, они могут описывать достаточно разные образные характеристики. Предлагаем рассмотреть некоторые устоявшиеся сочетания с изучаемыми иероглифами (табл. 1).

Культурно-психологический феномен «лицо» играет важнейшую роль в китайском социальном этикете. «Лицо» – это оценка обществом того, насколько человек соответствует социальным нормам. Это его социальный статус, его способность соответствовать не столько нормам внутреннего контроля, сколько внешним нормам общества. Из-за потери «лица» китаец может лишиться своего социального статуса, связей, поддержки, перестать чувствовать себя в безопасности. Наличие «лица» традиционно считалось даже более значимым, чем владение профессиональными навыками [Маслов, 2010, с. 39–40].

Устоявшиеся сочетания с иероглифами 面 и 脸

Равнозначное использование иероглифов	
丢脸 diū liǎn потерять лицо, опозориться; опозорить, навлечь позор, поставить в неловкое положение	丢面子 diū miànzi потерять лицо, опозориться
红脸 hóngliǎn красное (смущенное) лицо; смущенный (пристыженный) вид	愧无面目见人 не знать, куда деться от стыда, бояться смотреть людям в лицо от испытываемого стыда
给脸 gěiliǎn поддержать (чей-л.) престиж	给面子 gěi miànzi уважать чувства (кого-либо), оказать (делать) честь (кому-л.); уважить; из уважения к (чьему-л.) достоинству
Различия в использовании иероглифов	
翻脸不认人 fānliǎn bùrènrén изменить отношение и перестать узнавать; поссориться и перестать здороваться; рассориться и начать нос воротить; больше не общаться	外面 wàimiàn внешний вид, внешность; наружная сторона; наружность, внешняя сторона
不要脸的人 бесстыжий человек	无面目 wú miàn mù безликий
脸皮厚 liǎnpíhòu бесстыжий, наглый, нахальный; толстокожий; непрошибаемый	留面子 liú miànzi сохранять лицо, оставаться при прежней репутации
长脸 zhǎng liǎn придавать, добавлять значимости	侵面 qīn miàn «вторгаться в лицо», портить репутацию

Традиция «сохранения лица» влияет на все сферы жизнедеятельности в Китае, образование не исключение. Отношение китайцев к образованию менялось на протяжении десятилетий вслед за его доступностью и обязательностью. Китайская система образования по праву считается одной из лучших в мире, поскольку Китай готовит выдающихся специалистов во всех областях, в особенности в прикладных точных науках. С каждым годом все больше людей изучают китайский язык и готовятся получать ученую степень именно в Китае. Китай уже давно не только древняя восточная цивилизация, а мощная индустриальная держава, которая идет по пути развития, модернизации, научного прогресса и сотрудничества.

Основу развития любого общества составляет система образования, поэтому, несмотря на различие в продолжительности рассматриваемых периодов, представляется целесообразным сделать краткий обзор особенностей китайского образования до середины XX в. и с середины XX в. по настоящее время (табл. 2).

Качественное образование остается престижным во все времена, оно гарантирует успешность трудовой карьеры, достаток и благополучие, поэтому китайские родители, вне зависимости от достатка семьи, вкладывают в обучение ребенка больше всего средств, потому что он новое «лицо» семьи, которое должно быть лучшим. Китайские дети с малых лет усваивают жизненный принцип «сохранения лица», ведь они представляют не только свое собственное, но и «лицо» всей семьи: опозорить себя – значит опозорить честь семьи. Дети рано усваивают урок, что им в жизни

будет тяжело устроиться и нужно все время «бороться за место под солнцем», показывать лучшие результаты, не отставать от других.

Таблица 2

Сравнение некоторых особенностей китайской системы образования в разные исторические периоды

До середины XX в.	С середины XX в. по настоящее время
Считалось престижным, было доступно только привилегированным семьям или семьям с достатком. Образование определялось общественным и имущественным положением человека	Доступ к получению образования открыт всем, основная цель государства – сделать образование общедоступным (с 1986 г. бесплатное обязательное 9-летнее образование)
Женщины не могли получить образование, если только они не были из богатой семьи (женское образование отличалось от мужского)	Любой человек в любом возрасте может получить образование (учреждение в стране специальных профессиональных учебных заведений для взрослых)
Процесс обучения в Древнем Китае предусматривал подготовку начитанного, вежливого, умеющего себя правильно вести в обществе, имеющего гармонию в своей душе [Обучение в Древнем Китае]	Необходимо подготовить высококвалифицированного специалиста, лучшего в своем деле
Дети из богатых семей обучались грамоте (читать, писать, считать), пению, чтению стихов и игре на музыкальных инструментах. Естественные и точные науки игнорировались. Знания об арифметике были скудные и формальные [Калюжный, 2002, с. 165]	Сначала обучают всем основным предметам для расширения кругозора и для понимания того, чем будешь заниматься более углубленно в дальнейшем. В программе обязательные дисциплины: математика, физика, химия, биология, география, иностранные языки
Детям не рассказывали ничего о других странах, им внушалась мысль, что «Китай – это и есть весь мир» [Калюжный, 2002, с. 165], «срединное государство»	Китайцы активно изучают иностранные языки, чтобы поехать учиться за границу, чтобы установить крепкие связи с другими странами. Китай не весь мир, но одна из могучих держав, а для утверждения ее статуса необходимы развитие и сотрудничество
Первостепенная задача – усвоить письменность, иероглифику. Люди, обладающие письменностью, очень ценились, их было мало, поэтому из даже называли пишущими «жрецами». Знания о каллиграфии передавались из поколения в поколение, вместе с письменными принадлежностями	Читать и писать должны уметь все, каллиграфия – обязательный предмет. Незнание иероглифов – показатель самой настоящей безграмотности
Основным способом обучения является «зубрежка», обучающиеся очень много заучивают наизусть. Ученик, отвечая урок, поворачивается спиной к тексту и старается воспроизвести его по памяти – китайский иероглиф 背 bèi одновременно означает «повернуться спиной» и «учить наизусть».	
Преподаватель – человек, достойный высочайшего почтения, поставленный в один ряд по значимости с государством и родителями. Раньше преподаватель становился духовным наставником школьника на все годы обучения. В честь учителя зажигали курительные свечи и троекратно низко кланялись ему – этим выражали уважение и готовность к беспрекословному повиновению. В современном обществе сохраняется уважение и престижность профессии лаоши (老师 làoshī «учитель»)	

Любое явление следует рассматривать комплексно, мы постарались выделить основные положительные и отрицательные стороны влияния традиции «сохранения лица» на китайскую систему образования (табл. 3).

Таблица 3

Влияние традиции «сохранения лица» на китайскую систему образования

Положительное влияние	Отрицательное влияние
Широкий кругозор, разносторонне развитая личность	Подавление индивидуальности, все как один
Чувство коллективизма, патриотизма	Система доносов, постоянное подсматривание друг за другом
Ученики показывают высокие результаты, в будущем становятся действительно высококвалифицированными специалистами	Много внимания уделяется зубрежке, собственным же рассуждениям отводится второстепенное место
Воспитанность, дисциплинированность, субординация	Отсутствие личной жизни, поздние браки, нежелание иметь детей
Умение держать себя, сдержанность в эмоциях	Перенапряжение, переутомление, психические заболевания
Уважение старших, почитание традиций	Образование «для родителей», чтобы «родители мной гордились»

Конкуренция, стресс, ориентирование на мнение окружающих, поиск выгоды, интенсивность жизни, эпидемии – это все спутники прогресса и жизни в стремительно изменяющейся цивилизации. Мы все, вне зависимости от своего культурного наследия, люди современного мира, носим общественные «лица»-маски, чтобы приспособиться, защитить себя и добиться успеха.

Китай всегда отличали верность традициям, уважение к прошлому, осторожность и неторопливость в принятии нового, поэтому изменения в жизни и в менталитете китайцев происходят постепенно – поиск разумного компромисса между «сохранением лица», связанного со сверхусилиями в погоне за лидерством, и возможностью заниматься любимым делом, проявляя свою индивидуальность и творчество. Китай всегда считал, что нужно развиваться, опираясь на собственные силы, но при этом невозможно закрыться от внешнего мира. Осуществив исторический переход от изолированности к всевекторной открытости, Китай щедро делится своим опытом, знаниями и достижениями, искренне надеется осуществить цель совместного уважения, процветания и благоприятного взаимодействия между разными странами мира [Мирное развитие Китая].

Традиция «сохранения лица» и все, что касается социального статуса человека в Китае, имеет множество нюансов. Данная тема переплетается со знаменитыми китайскими «связями» (关系 guānxi) – личными, деловыми, хозяйственными, – которые устанавливаются только благодаря «лицу». Можно продолжить изучение «лица» в рамках особенностей ведения бизнеса в Китае, делового этикета, дарения подарков, туристических поездок и т. д. – все это открывает дальнейшие перспективы в исследовании концепта «лицо».

Литература

Даниленко О. И., Ли Ц. Оценка значимости функций этикета китайскими студентами // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16, Психология. Педагогика. 2016. Вып. 2. С. 67–78.

Каложный Д. В. Другая история науки. От Аристотеля до Ньютона. М., 2002. 950 с.

«Лицо» как базовый концепт концептосферы китайского языка. URL: https://www.synologia.ru/a/%C2%AB%D0%9B%D0%B8%D1%86%D0%BE%C2%BB_%D0%BA%D0%B0%D0%BA_%D0%B1%D0%B0%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9_%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%82 (дата обращения: 08.09.2021).

Мартынов А. С. Лунь Юй // Конфуцианство. «Лунь Юй»: в 2 т. СПб.: Петерб. Востоковедение, 2001. Т. 2. С. 209–370.

Маслов А. А. Наблюдая за китайцами. Скрытые правила поведения. М.: Рипол-классик, 2010. 288. URL: http://www.cn888ru.com/media/maslov_a_a_nablyudaya_za_kitaicami_skrutyue_pravila_povedeniy.pdf (дата обращения: 06.09.2021).

Мирное развитие Китая. URL: <http://by.china-embassy.org/rus/zt/zfbps/t868717.htm> (дата обращения: 09.09.2021).

Обучение в Древнем Китае. URL: https://spravochnik.ru/pedagogika/obuchenie_v_drevnem_kitae/ (дата обращения: 08.09.2021).

Тертицкий К. И. Китайцы: Традиционные ценности в современном мире. М., 1994. 347 с.

Hall Edward T. Beyond Culture. URL: https://monoskop.org/images/6/60/Hall_Edward_T_Beyond_Culture.pdf (дата обращения: 08.09.2021).

词典网. URL: <https://www.cidianwang.com/guhanyu/lian2877.htm> (дата обращения: 08.09.2021).

字源查询. URL: <http://qiyuan.chaziwang.com/etymology-7477.html> (дата обращения: 08.09.2021).

УДК 791.3

С. П. Сагатчук

Центр культуры и творчества «Родники», Волоколамск

НРАВСТВЕННЫЕ ОРИЕНТИРЫ ТВОРЧЕСКОГО ПОИСКА В. М. ШУКШИНА

Аннотация. Предпринята попытка рассмотрения творчества В. М. Шукшина с позиции его жизненного и художественного кредо «Нравственность есть правда». В связи с этим автор обращается к литературным, режиссерским и актерским работам В. М. Шукшина. Отмечается, что среди главных нравственных критериев Шукшин выделяет: любовь к родине, любовь к людям, честность, сопереживание, доброту, великодушие, готовность прощения. Сделан вывод, что для Шукшина коренное русло русской жизни связано с обостренным чувством справедливости, которая не может существовать без правды, и не просто правды, а Правды.

Ключевые слова: отечественное киноискусство, художественное творчество, нравственные ценности, эстетическая триада «писатель – режиссер – актер».

S. Sagatchouk

Center for Culture and Creativity “Rodniki”, Volokolamsk

MORAL GUIDELINES CREATIVE SEARCH OF V. M. SHUKSHIN

Abstract. The article attempts to consider the work of V. M. Shukshin from the position of his life and artistic credo “Morality is truth”. In this regard, the author refers to the literary, directing and acting works of V.

M. Shukshin. Among the main moral criteria, Shukshin highlights: love for the motherland, love for people, honesty, empathy, kindness, generosity, willingness to forgive. For Shukshin, the root channel of Russian life is associated with an acute sense of justice, which cannot exist without the truth, and not just the truth, but the Truth.

Keywords: domestic cinema art, artistic creativity, moral values, aesthetic triad “writer-director-actor”.

И вот я какой вывод для себя сделал: немца, его как с малолетства на середку нацелили, так он и живет всю жизнь – посередке. Ни он тебе не напьется, хотя и выпьет, и песню даже затянет. Но до края он никогда не дойдет. Нет. И работать по-нашенски – чертоломить – он тоже не будет: с такого-то часа и до такого-то, все. Дальше, хоть ты лопни, не заставишь его работать... На другого я без уважения глядеть не могу, аж слеза прошибет иной раз: до того работает, сердешный, до того вкалывает, что придет с пашни – ни глаз, ни рожки не видать, весь черный. И, думаешь, из-за жадности? Нет – такой характер.

В. Шукшин. Наказ

Сегодня как, пожалуй, никогда Россия действительно катастрофически теряет свою культуру: выхолощены или в значительной степени деформированы нравственные чувства любви к отчужденному дому, к родной природе, к своему народу, к России и всему тому, что связано с ней в жизни каждого человека. Ценности великой отечественной культуры, как народной, так и классической, вытесняются схематизированными стереотипами героев западного киноискусства и современными отечественными образцами поп- и массовой культуры.

Именно сегодня мы должны использовать свой последний шанс сохранить и передать будущим поколениям все наше многовековое духовное наследие, чтобы, перефразируя слова песни Высоцкого, нам было с чем предстать перед Всевышним, чем оправдаться перед ним...

Духовная жизнь народа требует памяти о прошлом и сохранения памяти на будущее. А. С. Пушкин в «Наброске статьи о русской литературе» пишет: «Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости». Будто продолжая эту мысль, звучат слова великого русского мыслителя, ученого, подвижника земли русской, академика Д. С. Лихачева: «Россия будет жива до тех пор, пока смысл ее существования в настоящем, прошлом и будущем будет оставаться загадкой и люди будут ломать себе голову: **зачем Бог создал Россию?..**»

Где же искать ответ на этот непростой вопрос? Сегодня книжные лавки полны, а стоящей, умной высоконравственной литературы мало. Человечество скоро почувствует голод по высоким истинам. Да, сейчас влияние литературы на общество заметно слабее, чем было в прошлом. Россия всегда была литературно-центричной страной, **слово** здесь значило очень много. Литература создавала некий духовный парламент страны, который правил сердцами и умами. То, что недодавалось политической системой, компенсировалось творениями Пушкина, Толстого, Достоевского, Лескова...

В центре внимания советского киноискусства всегда находилась личность человека, рассматриваемая художником во всей полноте проявлений характера, во всех сложных взаимосвязях с окружающей жизнью.

В 2020 г. отмечалось 115 лет со дня появления самого массового из искусств – кинематографа. Конечно, это самый молодой вид мирового искусства, но, согласитесь, один из самых зрелищных.

«...Из всех искусств для нас важнейшим...» – этот лозунг мы видели на стенах почти каждого из 150 тысяч кинотеатров, кинозалов и клубов всех родов и сел Советского Союза.

У нас действительно было **великое кино**.

У каждой из известных стран – свой исторический путь. Таким же своим и только своим путем проходит и каждый художник.

Таким, прошедшим только свой собственный путь, путь ошибок и сомнений, радости и огорчений, поиска ответа на самый главный, пожалуй, философский вопрос – что есть правда, предстает перед нами русский человек и художник **Василий Макарович Шукшин**.

Если бы Василий Шукшин был только актером, только режиссером, только сценаристом, драматургом и, наконец, только прозаиком, то и тогда, в этом каждом отдельном случае, мы имели бы перед собой выдающееся дарование.

Но все эти дарования принадлежали одному человеку.

Наше искусство, пожалуй, еще не знало такого поразительного сочетания.

Полная драматизма и утверждения судьба В. Шукшина не случайно принадлежала сразу двум искусствам – литературе и кино, высказала себя в четырех ипостасях творчества – в прозе, сценарной драматургии, режиссуре и актерском исполнении.

Близость к повествовательному, словесному, актерскому, бытовому, тому, что в искусстве прочно связано именно с традициями С. Герасимова, делало их единомышленниками. Эпизод в фильме «Журналист», роль Черныха в фильме «У озера» – наверное, лучшее из сделанного Шукшиным-актером с другими режиссерами.

В фильмах 70-х гг. «Печки-лавочки» и «Калина красная» он достроил, наконец, здание авторского фильма, сыграв в них главные роли. Раньше этого срока Шукшин-режиссер не мог встретиться с Шукшиным-актером потому, что Шукшин-драматург не давал соответствующего материала, а главное, Шукшин-человек не чувствовал за собой права на исповедь, нравственно не считал себя готовым к авторскому искусству в его абсолютном проявлении [Огнев, 2004, с. 5].

Он предьявлял экрану своих крестьянских героев как носителей непреходящих нравственных ценностей, которые сам разделял и исповедовал. Конфликт между патриархальными и коллективистскими началами крестьянской жизни и сознания как генеральный он решал по-своему.

В экранной прозе, через обыденность, в философско-драматическом жанре, с неоднозначной авторской оценкой патриархальных основ, с большим вниманием к нравственным сторонам конфликта, к современным его особенностям.

«...У Шукшина прежде всего и во всем – доверие реальности, с годами крепнущее убеждение, что только полнотой правды, как бы горька ни была она порой, можно звать вперед, оптимизм, вырастающий из пережитого, обостренного чувства глубокого понимания и положительных, и негативных явлений национальной психологии и быта. Чувства, владевшие Шукшиным, были незащищенными, но трезвыми, сознающими сложность многих современных ситуаций.

Вечное и современное, земное и духовное, социальное и нравственное опираются одно на другое, переплетаются неразрывно – таков проблемный мир шукшинских произведений...» [Заболоцкий, 1999, с. 45].

В мгновения драматические, напряженные Шукшин как бы стеснялся слова, понимая, что не все уместно выражать через него, и тогда чисто кинематографическая, пластическая деталь, жест актера вмещали целые страницы диалогов, описаний. «Незабываемы в фильме “Калина красная” эти жесты-монологи натруженных тяжелых рук Егора, то судорожно вцепившихся в траву на пригорке, то нежно глядящих белые стволы берез...» [Фомин, 1976, с. 311].

Казалось бы, этот человек должен был обладать искусством перевоплощения из одной своей ипостаси в другую, но так только казалось, в действительности же самым высоким искусством его природы были умение и внутренняя необходимость неизменно оставаться самим собою.

И даже когда мы смотрели его фильмы или фильмы с его участием, мы все равно встречались не с актером, а с ним самим, с тем человеком, который был Шукшиным. И вот уже нам кажется, будто снимается не Шукшин, а кто-то другой снимает Шукшина закрытой камерой, чтобы затем он увидел себя сам.

Увидел и рассудил: так ли, по-человечески ли он поступил? Не обнаружил ли скрытая камера какого-то ложного поступка с его стороны? В любом кадре, в любой сцене Шукшин – это только он, а больше никто. Никому, никогда, ни на одну минуту он не передоверит самого себя.

Вопросы, над которыми он бился, редко были ясны ему до конца, и он это, не таясь, выкладывал. Более того, им владела какая-то тяга к раздумью именно о трудных, нерешенных, не решаемых легко вещах.

Ни один известный в истории мировой мысли философ не стал бы задумываться над каким-нибудь сиюминутным вопросом (да это и не нужно!), каждого мыслителя волнуют общечеловеческие проблемы... Так и Шукшин. С легких, ясных вопросов, ему иногда предлагавшихся, он медленно соскальзывал в мучительные бездны.

Его суждения полны открытых и осознанных противоречий (легко узнаваемы здесь антиномии великого гуманиста И. Канта), и оттого может показаться, что в работах его нет главного, что делает творчество творчеством, – системности. Но на самом деле это не так, хотя сам Шукшин, пожалуй, легко согласился бы с такой оценкой – и по его всегдашней склонности сосредотачиваться на собственных слабостях, и по тому, что его публицистика **внешними** признаками действительно напоминает мозаику: это либо статьи, написанные по заказам редакций, а значит, каждый раз по новому, извне продиктованному поводу; либо беседы, где вопросы интервьюеров тоже попадают к тебе извне. Высказывания Шукшина исходят не из системы изучения того или иного вопроса, как это принято у публицистов, а именно из ситуации: обсуждается фильм, попалась книжка, пришел корреспондент, прислали письмо или записку...

В пестрой мозаике шукшинского публицистического и кинематографического наследия сокрыта последовательная и глубокая система воззрений. И вот ведь какая странность: сунься к нему при жизни с таким определением – прикрыл бы неловкость злой издевкой: еще не хватало! система воззрений! да оставьте вы меня с системами... у меня болит – я пишу, нет у меня никакой системы!.. Есть.

Более того. Шукшин был, конечно, – по нравственному отношению к вещам – настоящим, прирожденным философом. Но не в западной ученой традиции, когда философ непременно профессионал, и создает учение, и дает своей системе рациональный строй. Шукшин был философ в русской традиции, когда система воззрений выявляется в «окраске» самого жизненного пути, когда она растворена в творчестве и изнутри насыщает, пропитывает его, не кристаллизуясь в «профессорскую» систему. Все крупные русские писатели были философами, не строя систем... Можно даже сказать, что они до той поры и были настоящими философами, пока не строили систем. И уж точно: без глубокого философского переживания подлинное писательство и творчество вообще в России, в сущности своей, были невозможны – они просто не оставляли заметных следов.

В записках Ф. М. Достоевского находим такую глубокую и по-библейски мудрую мысль: «**“Не люби ты меня, а полюби ты мое”**», – вот что вам скажет народ, если захочет увериться в искренности вашей любви к нему».

Нужны ли комментарии к этим словам, когда другой русский гений М. А. Шолохов говорит так о Шукшине: «Не пропустил он момент, когда народу захотелось сокровенного. И он рассказал о простом, негероическом, близком каждому так же просто, негромким голосом, очень достоверно. Отсюда взлет и тот широкий отклик, какой нашло творчество Шукшина в сердцах многих тысяч людей...»

Коренной вопрос Шукшина к реальности: как сохранить, защитить, укрепить достоинство человека? В меняющемся, текучем, подвижном современном мире. В каждодневности работы. В ситуации, когда вековые

традиции отмирают, а новые еще не укрепились, как сейчас! В ситуации информационного взрыва, когда человек чуть ли не оглушен воздействием массовых коммуникаций, когда само Искусство, сама русская Литература превращаются во что-то совершенно новое и невиданное.

В этом динамичном, стремительно обновляющемся мире на что опереться человеку внутри себя?

Как быть?

И он делает именно то, что должен делать писатель своего народа, прирожденный философ его и искатель правды, – он делится своей болью.

А вот то самое: **боль**. Нет боли душевной – значит, и живого нет в людях. Кто-то же должен все время говорить об этой боли, напоминать о ней.

Это – Шукшин. Он размышляет о социальной ориентации индивида в изменившемся мире.

Можно определить эту тему и под углом зрения нравственности: речь идет об этическом обеспечении личности на очередном этапе нашего общественно-исторического развития.

Вся наша литература думает над этим. Шукшин стоял на главном направлении.

Наконец, последнее: его взгляды на роль литературы и искусства в этическом воспитании современного человека.

Работая на стыке литературы и кино (в самые последние годы, когда Шукшин начал писать для сцены, сюда прибавился и театр), он все время сопоставлял эти сферы, сравнивал их возможности. Драматизм его раздумий имел источником отнюдь не теоретические балансы, равновесие которых часто позволяет строить искусствоведческие модели, где каждому жанру бесстрастно отдается должное, – здесь задавало тон другое: практические решения, которые Шукшин пытался принимать со страстью максималиста.

Литература или кино? Он не разделял обычной для кинематографистов уверенности во всемогуществе экрана, прекрасно понимая, к примеру, что никакая экранизация никогда в принципе не достигнет духовной глубины и тонкости классического подлинника. Не в силах отказаться ни от того, ни от другого, Шукшин терзался чуть ли не гамлетовскими сомнениями и все же не решался сделать окончательный выбор, потому что не терял надежды убить двух зайцев: соединить беспредельную глубину духовной правды с мощью воздействия этой правды на огромное количество людей, коей обладает кинематограф. Шукшин так и не сделал выбора. Он не решил для себя «жанровой проблемы»; его крайние идеи на этот счет не могут быть признаны бесспорными (например, заведомое отрицание экранизаций классики). Однако своими раздумьями Шукшин обозначил некий «жанровый идеал», который – в соединении с его собственной художественной практикой, получившей, как известно, признание и у знатоков, и в широких кругах народа, – может стать существенным ориентиром для современной теоретической эстетики.

Но жанровая проблема для Шукшина не самое существенное.

Самое главное – соотношение этических целей и эстетических средств в искусстве.

Шукшин и эту проблему решал со страстью максималиста и в одну сторону: в пользу целей.

«На съемках фильма (“Калина красная”) у многих возникло какое-то жутковатое ощущение, что никакие это не съемки, не актер Шукшин, а просто какой-то человек плачет, корчится от страшной муки. Это ощущение, что перед тобой не киносъемки, а нечто реальное как будто ударило током. И, честное слово, забыв, где все это происходит, я поймал вдруг себя на мысли, что хочу то ли броситься к безутешно рыдающему на земле человеку, то ли бежать от всего этого ужаса прочь...» [Тюрин, 1986, с. 293].

«Калина красная». Судьба Егора Прокудина. Сама по себе – она уже молчаливый и мучительный вопрос, который задан нам с экрана. Но и она же – горький и мужественный ответ Шукшина...

Это «переселение» в героя, абсолютное в нем растворение Шукшин меньше всего достигал чисто актерской техникой, которая, кстати сказать, была у него великолепной. Тут было другое: судьба Егора Прокудина и все, что за ней стояло, настолько волновали, настолько ранили самого Шукшина, что он был поглощен ею весь без остатка.

В «Калине красной» тоже имеет значение, и даже, пожалуй, очень определяющее для художественной концепции фильма, – способность «увидеть мир со сторонь» и ощутить «ряженность», нарочитость, театральность его.

Критики хвалили «Калину» за удивительную, «шукшинскую» достоверность, только вот сцены в «малине» и вообще воровская компания производили на многих впечатление некоторой ненатуральности, в столь правдивом фильме слишком заметной. Между тем «малина» и должна была быть у Шукшина такой, слегка опереточной, показной, разыгрываемой. Первый же эпизод, выполняющий функцию заставки-ключа, с хором заключенных и «конферансье из лагерных», снятый в кричащих, аляповатых цветовых тонах, – этот эпизод разве не отдает тоже чем-то бутафорским? Он, этот эпизод, сознательно ироничен, он вызывает смех, но не слишком веселый, потому что все шаржировано без нажима, вроде самую малость. Посмеявшись, призадуматься. В фильме есть еще одно выступление самодеятельности – в сельском клубе перед районным смотром – и тоже заводное, омертвелое. И еще раз возникает хор лагерников, но уже в черно-сером цвете, уже без шутовской подмалевки; мы видим, насколько нешуточно то, что скрывается за театральным задником.

Егор Прокудин прожил противостоественную, бездарную жизнь, поэтому в «Калине красной» – своя художественная антиидея, которая требует сопротивления, которая рассчитана на ответное напряженное усилие героя и зрителей. Чтобы идея не была облегченной, чтобы не погрешили

мы бодрым легкомыслием, и антиидея дана, как она того заслуживает, массивно, всерьез.

Здесь, в этой ленте, как представляется, мастер достигает апогея своего творчества. Центральной темой видим нравственное потрясение человека, через сомнения и муки уходящего своего прошлого. «Падший ангел» своего рода! В повести Шукшина была заложена идея нравственного кризиса как решающая для концепции произведения в целом.

Для понимания трагической судьбы, логики характера Егора, каким он выведен автором, важно отметить социальные истоки его биографии, принадлежащие к крестьянству.

Здесь вновь и вновь прослеживается эта устойчивая привязанность Шукшина – честно исследовать мир русского крестьянства. Егор вырос в селе, и эту связь с родной землей, с родными местами не сумела оборвать в нем даже воровская мораль. Егора в «малине» окрестили в Горе! Позже, когда Егор будет истекать кровью среди майских березок, Губошлеп равнодушно скажет о нем: «Он и человеком-то не был. Он был мужик. А их на Руси много...»

Творческий метод режиссера обладал одной личностной особенностью. Создание сценария не являлось для Шукшина конечным результатом. Осмысление сценического материала происходит у него во время съемок и даже во время монтажа.

Лишь потом, по окончании просмотра, вдруг приходит на ум вопрос: как же могла Люба из крепкой крестьянской семьи заочно, по переписке, полюбить вора-рецидивиста?..

Но ведь у зрителей не возникает даже тени сомнения насчет правомерности доверия к такому человеку, как Егор Прокудин!.. Вот такова сила доброты и доверия нашего народа, сила, способная открыть все сердце всякому, кто нуждается в теплоте этого сердца!

Фильм снимался на Вологодской земле, а у нее свои меты. Один из эпизодов вряд ли бы мог состояться, если бы его снимали где-нибудь еще: кадр выхода Егора на свободу из исправительно-трудовой колонии (съемки проходили в Кирилло-Белозерском монастыре).

Драматической вершиной, напряжением верхней точки, конечно же, является сцена встречи Егора с матерью. Двадцать лет не видел он свою мать. Не мог он допустить, чтобы мать узнала правду о нем. Егор судим собственной совестью – вот что ломает его душу. Здесь все – откровение. И музыка здесь дополняет и усиливает мощь воздействия на зрителя: сначала эск исполняет есенинское «Письмо к матери», и последние кадры, где Люба узнает, что приезжал Губошлеп... И вступает музыка, сумбурная, нарочито громкая. Этой музыкой режиссер все объясняет – весь драматизм и даже трагизм происходящего... А когда душа Егора отлетела, набежал ветерок, растеребил волосы. И жутко завывла Люба, упав ему на грудь. И снова режиссер включил музыку, теперь уже отпевающую героя. Далее

следует авторский суд – Петро расправляется с убийцами, как со всем злом человеческим, унося в воду...

Режиссер оставляет за собой право вершить суд. И в этом – весь гуманистический пафос «Калины красной», выражающийся через утверждение доброты, жертвенной любви – как лучших качеств человеческого бытия. Зло, по Шукшину, не могло торжествовать победу, оно подлежит искоренению. Гибель Егора, вновь изломанная судьба Любы – режиссер (и зритель тоже!) нуждается здесь в некоей разрядке, и зритель испытывает чувство удовлетворения – наказание убийц примиряет нас с трагическим исходом фильма и повести. Катарсис шукшинской картины сравним с ранними экранными шедеврами – «Броненосцем “Потемкиным”», «Чапаевым»...

Финал картины: Люба вспоминает письма Егора из колонии. Его голос: «Надо жить, только жить, Любушка...» И она соглашается...

Секрет личности Шукшина, феномен его искусства – в запредельной искренности, «обнаженности» его души.

На экране Шукшин всецело продолжал свою же прозу. Это было естественным проявлением единства его яркой творческой личности. И именно единство личности, а не единство профессий. Шукшин дал советскому экрану неопценное – неожиданные, сочные человеческие характеры, раскрыв себя как в поступке, так и в слове! Тему душевных поисков он перенес и в кинематограф, тем самым обогатив искусство кино животворной традицией русской классической литературы. Это умение – говорить серьезно об обыденном и простом – великое умение русской прозы, «чеховское, буинское умение...» [Толченова, 1982, с. 97].

«Для Шукшина диалектика была первым законом творчества, – подчеркивал Герасимов, – он видел мир таким, как он есть. Он понимал, что все движется, все меняется, все существует в постоянном столкновении. Такая диалектика искусства присутствует у него в каждом образе, в каждой строке, в каждом слове, и это есть главная ценность его художественного труда» [Коробов, 1977, с. 129].

Шукшин не хочет думать о зрителе как о зрителе. Ракурс, нажим, прием, форсаж – он отрицает все это, ибо рассуждает не по логике зрелища, а по логике прямой нравственной исповеди. Нажимать на зрителя нельзя потому, что это нечестно... Позиция Шукшина глубоко понятна и достойна уважения, но она опять-таки не универсальна. Шукшин верит, что если не кривить душой, то все, что касается эстетики и профессиональности, делается как бы само собой. Эта последовательно отстаиваемая позиция приводит Шукшина к формуле, в которой решающие для него понятия замыкаются сами на себе в простом и самодостаточном тождестве: «Нравственность есть Правда».

Спорить с этой формулой невозможно – она бесспорна, потому что во многом отвлеченна. Можно поменять понятия местами, и опять получится

бесспорно. «Минующая эстетику» система воззрений вряд ли может сработать за пределами творческой практики самого Шукшина: он эту систему вырабатывал, исходя из своих возможностей. Так ведь нужно обладать врожденным чувством формы, нужно, подобно Шукшину, быть природным художником, нужно «от Бога» иметь интуицию мастера, чтобы позволить себе не заботиться обо всем этом и сразу же ориентироваться на такое высокое светило, как Правда! Но если убрать из этой формулы шукшинский нерв, получим расслабленные исповеди «лирических героев», которые как раз в ту пору – в конце 60-х гг. – разговорились в нашей прозе: в этих «разводях» было полно слов и о Нравственности, и о Правде, и было даже искреннейшее желание постичь и то и другое, но не было духовного сюжета, не было драматизма судьбы, не было проблемной резкости. Здесь с готовностью «утонули» в лирическом «половодье» и «мастерство», и «профессиональные секреты»... [Сагатчук, 2010, с. 111].

Так что в эстетических его воззрениях ни в коем случае не следует видеть универсальную истину. Эти воззрения есть версия конкретной практики, и роль их в нашей эстетической теории может быть конкретно-практическая: высечь истину в столкновении с другими версиями.

Какова же эта роль? Каково может быть место шукшинской апологии Правды – Нравственности в сложном организме нашего искусствоведения?

Есть такое правило: дальше уходишь – чаще оглядываешься.

Усложняется реальность – усложняется искусство. Никто не остановит развитие эстетики, которая все дальше и дальше будет забираться в тонкости «профессиональных секретов», «завязок-развязок», систем стилистических, знаковых и иных еще неведомых систем воздействия на читателя-зрителя вплоть до продуманного манипулирования им. Однако по мере дифференциации эстетических знаний, в сфере которых человек предстает лишь как индивид, растет и нужна в непрерывном осознании человека как личности. Когда он осознается не как объект воздействия, а как субъект, не как «воспринимающий механизм», а как целостный микрокосм, не как частица в круговороте жизни, а как средоточие ее смысла: ее Правды, ее Нравственности.

На каждом новом этапе своего усложнения эстетика должна находить новые слова для этого непрерывного возврата к личности, к целостному духовному плану в человеке. Именно так нашел эти слова Василий Шукшин.

Да, он не хотел думать о зрителе, который усаживается перед экраном в ожидании «шедевра», но именно потому не хотел, что постоянно думал об этом зрителе как о человеке, жизнь которого решается отнюдь не во время киносеансов.

Вот поразительный, ежесекундно ощущаемый нерв шукшинских раздумий: а вдруг слово его не достигнет в человеке того личностного ядра, которому адресовано?

Не о впечатлении читательском или зрительском думает, не о потрясении от увиденного или прочитанного, а туда, в корень устремлен, в суть бытийную, в реальность, которая за текстом, за сценой, за пленкой, за писательством, за искусством...

И от этой устремленности в корень души человеческой – уникальность Шукшина-художника, у которого деловое обсуждение жгучих проблем современности преобразуется в исповедь о смысле бытия и окрашивается страстью большого мастера.

Как окрашивается этим исканием смысла всякая книга его. Всякая роль. Всякая кинокартина.

Это и есть **Шукшин**.

Есть ли в вопросах искусства кино свой путь у России? Думается, всегда был и должен быть: оставаясь мировой кинематографической державой, наша страна, как и во многом другом, шла собственным путем, и очень часто именно он приводил к великим победам – история тому подтверждение!

Литература

- Коробов В. И. Василий Шукшин. Творчество. Личность. М.: Сов. Россия, 1977. 192 с.
Заболоцкий А. Шукшин в жизни и на экране // Роман-газета. 1999. № 10. С. 3–48.
Огнев А. В. Шукшин: «Всю жизнь мою несу Родину в душе» // Отечественные записки. 2004. С. 2–7.
Сагатчук С. П. Феномен художественной правды в советском киноискусстве второй половины XX в. (на примере творчества В. М. Шукшина): дис. ... канд. филос. наук. М., 2010. 179 с.
Толченова Н. Т. Слово о Шукшине. М.: Современник, 1982. 160 с.
Тюрин Ю. Кинематограф Василия Шукшина. М.: Сов. Россия, 1986. 317 с.
Фомин В. И. Василий Шукшин // Фомин В. И. Пересечение параллельных. М., 1976. С. 291–359.

УДК 81

徐静

江西师范大学, 南昌

江西永修方言人称代词研究

摘要: 永修方言三身代词分为单音节和带“依”尾的双音节两套形式, 人称代词的复数形式有添加复数词尾“儿”“些人”等多种形式; 第一人称复数“俺”是“我”“尔”的合音, “依”尾是吴语的底层。

关键词: 永修方言; 代词; 复数。

Xu Jing

Jiangxi Normal University, Nanchang

A STUDY OF PERSONAL PRONOUNS IN JIANGXI YONGXIU DIALECT

Abstract. The three-person pronouns in Yongxiu dialect are divided into two sets of forms: monosyllable and double-syllable with “依” tail. The plural forms of personal pronouns have multiple forms such as adding

plural endings ”几” and “些人”; the first person plural “俺” is the combination of “我” and “尔”, and the suffix “依” is the bottom layer of Wu dialect.

Keywords: Yongxiu dialect, pronoun, plural.

Сюй Цзин

Цзяньский педагогический университет, Наньчан

ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНЫХ МЕСТОСЛОВИЙ В ДИАЛЕКТЕ ЮНСЮЮ ПРОВИНЦИИ ЦЯНСИ

Аннотация. Рассматриваются личные местоимения в диалекте Юнсюю, среди которых выделяются односложные и двусложные с постфиксом 依. Отмечено, что множественные формы личных местоимений имеют несколько форм, таких как добавление окончаний множественного числа 几 и 些人; первое лицо множественного числа 俺 – это комбинация 我 и 尔, а постфикс 依 относится к нижнему слою группы диалектов У.

Ключевые слова: диалект Юнсюю, местоимение, множественное число.

一、人称代词的基本形式

永修方言属于赣语昌都片，人称代词和普通话一样，主要分为三身代词、反身代词和旁指代词这几类。具体情况详见下表：

表 附录 1-1 永修方言人称代词

	单数	复数	
		排除式	包括式
第一人称	我 [ŋo ²¹²] 我依 [ŋo ²¹² 1En ⁰]	我几 [ŋo ²¹² tci ⁰] 我些人 [ŋo ²¹² sE ² nin ³³]	俺 [ŋan ³³]
第二人称	尔 [n ²¹²] 尔依 [n ²¹² 1En ⁰]	尔几 [n ²¹² tci ⁰] 尔些人 [n ²¹² sE ² nin ³³]	
第三人称	渠 [hE ³⁴] 渠依 [hE ³⁴ 1En]	渠几 [hE ³⁴ tci ⁰] 渠些人 [hE ³⁴ sE ² nin ³³]	
反身代词	自家人 [ts ¹³ kan ²¹²] 自己 [ŋo ²¹² tci ⁰]		
旁指代词	人家/人家里/别个 [p ³¹ ie ³ nin ³³ ka ⁰] E ²⁴ k ³³]		

单数三身代词有两种形式，分别是单音节的“我、尔₁、渠₁”和带词尾的“我依、尔₁依、渠₁依”，但这两组人称代词在使用中并不存在严格主宾格区分。赣语昌靖片中除永修外，还有星子、都昌、湖口、安义四地的三身代词也存在单音和复音两种形式。

肖萍、陈昌仪（2004）指出江西境内赣方言人称代词单数“格”的分布类型有两种，即主、宾格严格区分类和不严格区分类；从分布地域来看，人称代词有两式区分的方言点主要集中于信江流域板块和鄱阳湖流域板块。从地理位置上看我们认为永修方言人称代词单数“格”属于鄱阳湖流域板块中主、宾格不严格区分类。这一特点和与之临近的南昌市郊尤口乡、进贤县城、进贤张公乡、南昌市区的类型特点一致。但不同的是南昌市郊尤口乡、进贤县城、进贤张公乡、南昌市区方言中只有第三人称代词有主格和宾格两种形式，而永修话中三称代词都存在两种形式。安义⁶、都昌、余干、南丰⁷等地的赣语中人称代词的基本情况和永修方言相同。在江西北部赣语中除了永修方言，还有都昌话⁸、彭泽定山话⁹中三身代词的单数都有单音节和带“依”尾的双音节两套人称代词，而且两套人称代词也都不区分主宾格。

江西境外的赣语中宿松话¹⁰也有“依”尾，和永修方言一样，三身代词后的“依”尾并不表示主宾格的对立。除此以外，吴语区的海盐话、宁波老城区方言中也有“依”尾。¹¹关于赣语中词尾“依”的来源，卢继芳（2012）、黄晓雪（2014）都认为“依”尾是吴语的底层。肖萍、陈昌仪（2004）否定了“吴楚底层说”，认为赣语产生三身代词主宾格的对立的原因主要是受上古时期北人南迁带来的中原汉语的影响，通过“依”尾表现这一对立则是受吴语词缀的启发。我们还是比较赞成“吴语底层说”的观点。江西自古以来被称为“吴头楚尾”之地，春秋战国时期，先后分属吴、越、楚三国。所以至今在赣语中还能发现一些古吴语的成分。（黄晓雪 2014）另据曹志耘（2008）人称代词单数词缀“依”主要就集中于吴语和赣语区。据潘悟云、陈忠敏（1999）“依”是一个保留在吴语中的古百越语的底层词，本义指“人”，古吴语中用如第一人称代词；后从北方话中又传来了“我”，“我”和“依”在吴语中共

⁶ 万波：《安义方言的人称代词》，《方言》1996年第2期。

⁷ 肖萍，陈昌仪：《江西境内赣方言人称代词单数的“格”之考察》，《南昌大学学报》（人社版）2004年第6期。

⁸ 卢继芳：《都昌方言人称代词“依”尾及其历史来源》，《语文建设》2012年第2期。

⁹ 陶小青：《定山话的人称代词》，《上海大学学报》（社科版）2001年第2期。

¹⁰ 黄晓雪：《宿松方言语法研究》，北京，中国社会科学出版社 2014。

¹¹ 黄伯荣：《汉语方言语法类编》，青岛，青岛出版社 1996。

存，甚至互相影响，形成叠床架屋的形式“我侬”，“我侬”和“我”可以在一个方言中并存；因为受到了“我侬”的感染，第二、第三人称也有了“汝侬”“渠侬”的形式；后随着北方话影响的深入，“我”最终替代了“我侬”。

潘悟云、陈忠敏（1999）设想吴语中第一人称代词经历了以下一个发展历程：

古吴语

现代吴语

侬>侬/我>侬/我侬 >

我侬/我>我/我侬>我

（松江仓桥）（17世纪上海）（宁波、松江、海盐）（现代上海市区）

根据这一设想，我们认为永修方言中的“侬”目前处于“我/我侬”这一阶段，从当下“侬”的使用情况来看，随着普通话影响的深化，“侬”一定会退出历史舞台，“我、尔₁、渠₁”最终会完全取代“我侬、尔₁侬、渠₁侬”。

和其他很多方言一样，永修方言中三身代词也同调。方言中三身代词同调是由于代词语音互相影响、感染而引起的。“我、尔”古上声次浊声母，读上声是常例；“渠”古平声群母，今音本该读为阳平；但因“我、尔”两字读为阳上，“渠”受到感染也读为阳上。（李荣 1996，1980）旁指代词“人家”也存在主、宾格两种形式，即“人家”“人家里”；和三身代词不同的是，“人家”的主宾格形式严格对立，虽然“人家”既可以作宾语，也可以作主语；但“人家里”只能作宾语；而且在作宾语时，“人家里”的使用频率远高于“人家”。

三身代词的复数形式多是在单数后加上词缀“几”或“些人”。“几”只能加在人称代词后表复数，功能相当于普通话的“们”，但不能和“们”一样放在名词后表复数。普通名词的复数主要通过量词表达，如“些同学、些佬、些客、些书、些桌子”“尔₁两个、俺几个、渠₁几个”；双音节人物名词的复数还可以通过第三人称复数形式复指，如“老师渠₁几、领导渠₁几”。永修方言中人称代词的复数形式还存在叠床架屋现象，“些人”既可以放在单数人称代词后，又可以放在复数人称代词后表复数，如“我几些人、尔₁几些人、渠₁几些人”，其中“我几、尔₁几、渠₁几”已经表示复数了，还在其后叠置词缀“些人”。总的看来，“几”和“些人”的意义和用法几乎一致。一种语法意义由多种语法形式来表现，是违背语言经济性原则的，那么产生这种现象的原因是什么呢？据曹志耘（2008）复数词缀“几”在赣语昌靖片仅存在于永修方言中，在整个赣语区甚至全国范围内也不多见。而“些人”在昌

靖片中还出现在与永修相邻的德安方言中；其次，永修方言中复数词缀“几”的使用频率比“些人”的使用频率高出很多；由此我们认为“几”是永修方言固有的复数词缀，而“些人”应该是受德安话影响而产生的叠置现象。

第二、三人称没有尊称形式，对年长者的称谓可以在第二、第三人称代词后加“老人家”，构成“尔₁老人家”、“渠₁老人家”。尊称的复数形式是“尔₁（几）些老人家”“渠₁（几）些老人家”。

第一人称复数有包括式和排除式的区别。不包括听话人的是“我几”，包括说话人的是“俺”和“俺几”“俺些人”。

(1) 尔不去，我几我们去哦。

(2) 十一渠不来，俺就到渠屋去。

反身代词有两个，老派多用“自家人”，新派多用“自己”，很明显“自己”是受普通话影响而产生的叠置代词。

旁指代词有“人家、别人、别个、别一二个”，“别一二个”是个强调形式，意思相当于“除某人之外的任何人”。这四个旁指代词都有任指用法，前三个除了表任指外，还可以表示定指。

二、人称代词的意义和用法

(一) 我、我侬，尔₁、尔₁侬，渠₁、渠₁侬

1、三身代词作主、宾语

三身代词的两种形式“我、尔、渠”和“我侬、尔₁侬、渠₁侬”，在使用中并不存在主、宾格的严格对立，都可以作主语、宾语，任何情况都可以互换。

(3) 我明日会跟渠打电话个我明天会给他打电话的。

(4) 我侬劲是筒样躁渠呢我故意这样惹他呢。

(5) 我来筒里我就是禁止尔侬我在这儿就是要禁止你，不准打。

以上例句中的“我、尔₁、渠₁”和“我侬、尔₁侬、渠₁侬”都可以互换。但根据调查和自己的实际使用情况，我们发现，在实际应用过程

中，“我依、尔₁依、渠₁依”主要出现在老派方言中，而且经常用在宾语的位置上，新派方言中则很少使用。

2、三身代词作定语

“我、尔、渠₁”及“我依、尔₁依、渠依”也都可以作定语，同样作定语时大部分情况下也可以互换，但“我、尔₁、渠₁”的使用频率远高于“我依、尔₁依、渠依”，“我依、尔₁依、渠₁依”作定语只出现在老派方言中，而且使用频率也非常低。人称代词作定语，主要表示领属关系，其结构形式比较复杂。

如果中心词是亲属名称或者其他人物名词，常用“人称代词+屋+人物名词”格式，这时的人称代词只能用“我、尔₁、渠₁”而不能用“我依、尔依、渠依”。该结构中的“屋”相当于普通话的“家”，但在此格式中的人物名词并不一定都是家庭成员。

(6) 俺话赛凤啊，箇是哪个嘛我说赛凤啊，这是谁啊？尔屋孙里啊是你孙子吗？

(7) 渠屋女要嫁到老安，俺不出面时，还不消要得酒席钱他女儿如果果要嫁给老安，我们如果不出面，都不用花钱办酒席。

(8) 尔屋老师箇样跟尔话个啊你们老师这样评价你的啊？

(9) 渠屋领导要渠₁一起去出差他的领导要和他一起出差。

例(6)中是一般的人名，例(7)中是亲属名词，例(8)、例(9)中都是普通的人物名词。

“人称代词+屋+人物名词”中间还可以加入量词，形成“人称代词+屋+(一)+量词+人物名词”格式，其中“(一)+量词”结构并不表示具体的量的概念，增加了量词后整个格式往往用在表示主观情绪和评价的语境中。

(10) 尔屋只女你女儿哦不晓得几吵人家。

(11) 渠屋些佬他家孩子该现在都恶很有出息啊。

(12) 我屋些人全部去看着渠₁诶，对渠还不好啊！

亲属名词如果用于面称时，一般其前不需要人称代词；亲属名词前如果有人称代词往往表达的是一种不满、无奈的负面情绪，这个时候人称代词和亲属名词之间只能用结构助词“个”。

(13) 我個崽耶，不要箇样吵啊孩子啊，别这么吵啊！

(14) 我個老娘诶，尔该什郎箇兜人家里哩你现在怎么这么难缠呢！

“人称代词+屋+名词”中还可以出现处所名词，但这类处所名词一定和家庭所在地有密切联系。

(15) 我屋屋堂后生家我们村子年轻人_都来外底打工。

(16) 我屋小区里箇个东西结撒好很多我家小区里好多这个东西。

(17) 我屋尔个广场夜里好多人来尔跳舞呢我家那个广场晚上好多人在那跳舞呢。

人称代词和处所名词也可以直接组合，构成“人称代词+处所名词”格式。

(18) 不是，来我屋堂，来我归里，来我闵家跟我夹界个尔里不是，在我们村子，在我家里，在我们闵家和我交界的那里。

(19) 我是话晏我到渠尔里去个啦，我还有荷包滴钱我是说待会我去他_那的，我口袋还有点钱。

如果中心词是事物名词，定语和中心词之间可以直接组合，也可以用结构助词“箇”或者“屋”，甚至可以二者连用来强调领属关系。

(20) 我屋地比尔屋箇肥些我家地比你家的肥些。

(21) 我箇作业还有写呢。

(22) 尔屋箇房子刚装修，哈啦莫急到搬进去你家房子刚装修，千万不要急着搬进去。

(23) 渠衣服他衣服来在哪里嘛？

人称代词和事物名词之间还可以用数量词。

(24) 我滴高东西长的东西冇有哪放到处我那点东西没地方放。

(25) 我一只手机人家打电话冇有铃声个。

(26) 渠屋把桌子打来箇里，我屋把桌子打来箇边，我等渠屋滴菜欠饞啊欠死着他家那把桌子摆在这里，我家桌子摆在那里，我被他家菜都饞死了。

“NP₁+家+NP₂”始见于魏晋南北朝时期¹²，NP₁主要是人物名词和人称代词，NP₂往往是人物名词、亲属名词、事物名词，NP₂为NP₁所领有，或者与NP₁为亲属关系。如：

(27) 孔指以示儿曰：“此是君家果。”儿应声答曰：“未闻孔雀是夫子家禽。”（刘义庆《世说新语·杨氏之子》）

(28) 郑玄家奴婢皆读书。（刘义庆《世说新语·文学第四》）

(29) 他家不用我家剑，世上高低早晚平？（《祖堂集》卷九）

人称代词还可以直接放在指示代词前，构成“人称代词+指示代词”的格式，表示处所义或者领属义。

(30) 还走俺箇过个啊还路过我们这啊？

(31) 尔箇个质量不行啊你这个质量不行啊，不要用着。

(32) 帮我拿我尔个拿来帮我把我的那个东西拿来。

(33) 渠尔个带去着么啰他那个东西带去了吗？

3、第三人称代词的用法

第三人称代词“渠”既可以表人，也可以表物；表物时，只能用来复指前面的事物。

(34) 箇只录音笔什郎用个嘛这录音笔怎么用的啊？——亮着红灯，渠就来箇录亮了红灯，它就在录。

(35) 我屋爷个叔伯婶子屋里拿渠个烈士牌挂到渠屋去着，该等小红拿渠搞来着我爸的堂婶子家把他的烈士证挂到他家去了，刚被小红把证要回来了。

吕叔湘（1985：24）提到了“他”在旧时有一个突兀用法，即用于丈夫和妻子在人前提到他的配偶之时。永修方言中的“渠”仍然保留了此用法，不同的是，该情境下的“渠”不可以单用，一定要放在第一、第二，甚至是第三人称代词后专门表示配偶的另一方。

¹² 王苗：《论结构助词“家”的来源和演变》，《古汉语研究》2015年第3期。

(36) 佬孩子冇来啊? ——渠屋爸他爸爸带。 ——尔屋渠也带得住
啊你家那口子也带得了孩子啊?

(37) 我屋渠日日来屋里不做事个我家那口子天天在家不干活的, 好噢懒
做。

(38) 等我屋渠来着我跟渠话啲等我那口子来了我跟他说话。
第三人称代词还有虚指用法。“渠”没有任何指称对象。

(39) 管渠不管他, 忍气吞声, 自家也不是个好东西, 管渠, 无所
谓, 反正又不吃亏。

(40) 尔是不管渠尔样多个呢你是不管他那么多的呢, 月月发工资, 钱
都用得精光个; 我能跟尔一样破啰我能和你一样吗?

第三人称代词还经常出现在詈语中。如:

(41) 渠屋绝刮个詈语, 先恶太平个呢, 该不是箇里, 就是箇里以
前很好的, 现在不是这里不舒服, 就是那里不舒服。

(42) 渠屋死人个, 长得恶好呢。

“渠”在赣语中分布很广, 赣北方言中除了湖口, 其他地区第三人
称代词都用“渠”(刘纶鑫 1999, 476)。

(二) 人称代词的复数形式

人称代词的复数形式比较多, 基本形式是由复数词尾“几”构成的
“我/俺/尔/渠+几”; 除此以外还有由词尾“些人”构成的“我/俺/尔/渠
+些人”, 由数量词构成的“我/俺/尔/渠+数词+个人”, 由基本式和数量
词构成的“我几/俺几/尔几/渠₁几+数词+个人”这三种形式。“我几”是
第一人称复数的排除式, 不包括听话人; “俺、俺几、俺几个人”是第
一人称复数的包括式, 包含听话人。从构词角度来看, “俺几、俺些人”
等是复数词缀在三身代词后用法的类推, “俺几个人”等是两个词缀的
叠床架屋。

复数标记 *ji* 在长江中下游地区很常见, 如江淮官话区安徽阜阳、桐
城、枞阳, 赣语区江西永修, 安徽潜山、宿松、太湖、岳西, 湖北麻城、
罗田, 中原官话区山西汾西、吉县, 吴语区的丹阳等等; 这些地区的复
数标记 *ji* 读音相似, 但用于记录它的汉字并不完全相同, 主要有“几”

“己”“侪”等形式。（许宝华、宫田一郎 1999：2713，2715；汪化云 2011）

吕叔湘（1985：89）指出丹阳方言中复数标记 *ji* 的本字是“家”，这里的“家”语音已经变化到很难辨认的程度，甚至可以出现在名词后头表示复数。黄伯荣（1996：450）把丹阳话中的 *ji* 记作“己”，认为从语音上已经很难判断本字是什么，但根据临近方言可以推断“己”就是“家”。就此，汪化云（2011）提出了异议。他指出虚化的“家”在长江中下游大部分方言区一般都读[kɑ]，实义的家读[jia]；丹阳话中“家”无论虚实都读为[ko]；如果 *jia* 来源于“家”，那么就是虚化的“家”声母发生了腭化，这与长江中下游地区的实际情况是不相符的。

汪化云（2008：268；2011）指出复数标记 *ji* 的本字就是“几”，“几”就是“几个”的省略。具体依据有三：

一是把 *ji* 记为“几”有音义基础，从意义上看，数词“几”本身就表示大于一的概数，这与复数词尾的语义是一致的；从读音上看，各方言区词尾 *ji* 一般都读为轻声，声韵和“几”的声韵完全一致。

二是“几个”用于人称代词后表复数的现象早在宋代就已经出现了。

三是有的方言中“几”和“几个”并用表示复数概念，更是直接证明了“几”来自“几个”的省略。

关于“几”的来源汪先生的解释很有说服力，我们认为永修方言的复数标记“几”就是数量短语“几个人”的省略。至今“几个人”还可以放在单数单音节三身代词后头表示复数。

1、复数基本形式的意义和用法

人称代词的复数形式和单数形式一样，经常作主语、宾语、定语。

(43) 俺几小时间_{小时候}下放，一亩田只收得三百罗斤谷。

(44) 尔你比我几_{我们}拿工资不晓得多拿几多钱。

(45) 澳门带来个渠些_{那些}喫个吃的全部拿给渠_几他们喫啊。

人称代词复数形式做定语主要有下面几种格式。如果中心词是处所名词，复数代词和名词直接组合。

(46) 渠硬要到俺广场去捏_{他非要到我们广场去玩。}

(47) 我几园里一滴菜来尔里烂刮着_{我们菜园里一点菜在那烂掉了，喫不赢。}

如果中心词是亲属名词，复数代词和亲属名词间加“屋”。

(48) 渠不是尔几屋公他不是你公公，是破？

(49) 俺总要先管俺屋我们家佬孩子起啰。

如果中心词是普通人物名词，复数代词和名词直接组合；如果是其他事物名词，一般要加上助词“个”或者加上量词。

(50) 我几领导要我几我们箇一样这样做，我有哪个办法哩？

(51) 俺床我那床被服放来在哪里嘛？

(52) 尔几你们个钱呢？

2、人称代词复数其他形式的用法

除基本式外的其他几种复数形式的用法基本一致，都可以作主语、宾语、定语。如：

(53) 明日俺几个人我们一下到渠₁屋他家去坐一下。

(54) 我日日等渠些人他们一起去买菜个。

(55) 尔几个人你们都考得蛮好。

作定语时，定语和中心词之间一定要有结构助词“个”或“屋”。

(56) 尔两个人个钱你们俩的钱都跟尔打到卡上去着。

(57) 我几个人屋佬我们这些人家的孩子是不跟渠₁一样无聊。

(三) 自家人

据李如龙(2001)“自家人”后两个音节合音的形式，通行于赣语区。“自家”可以单独作主语、宾语、定语、状语，表示“你自己或你们自己”的意思；还经常放在其他三身代词和旁指代词、任指代词后面构成同位结构，复指其前成分。作定语时要带上结构助词“个”，当中心词是亲属名词时，则用“屋”。“自己”的用法和“自家”完全一样，它应该是普通话用法在方言中的叠置。

(58) 饭赶快自家人喫刮嘴。

(59) 自家人屋佬自己孩子自家人管好，不要去刮着丢失了来找我。

(60) 各人自家喫饭，自家人添嘴。

(61) 我自家人個东西自家管我自己的东西自己管，尔管尔样多做哪个你管那么多干嘛？

梅祖麟（1986）指出“自家”最初的意思是“自己家”，后和“谁家”“我家”“你家”“他家”一样经历了从领格到非领格的用法，称为代词词尾。据吕叔湘（1985：93）在吴语区通行的与“人家”相对的“自家”，比“人家”产生的时间早得多；早期跟“自家”相对的并不是“人家”，而是“他家”，此处的“他”并不实指，意思相当于“人”“别人”；实体的“他”直至中古才用起来。“自家”用于代词后作同位词的用法起源很早。如：（转引自吕叔湘，1985）

(62) 夸道自家能走马，团中横过觅人看。（王建《宫词》）

(63) 不知他命苦，只取自家甜。（寒山 17）

（四）人家 别人 别个 别一二个

这四个旁指代词，都可以泛指其他人。前三个旁指代词还可以代指具体的某人，也可以任指，还可以用于说话者自指，经常作主语、宾语、定语，在意义和用法上前三个代词几乎没有区别。而“别一二个”没有这种定指用法，它只能表示除某人之外的任指，作主语、定语，不能作宾语，使用“别一二个”时往往有强调、突出的意味，传达了说话人不满、否定的主观情绪。作定语时，如果中心词是普通名词，就要带上助词“個”；如果中心词是亲属关系名词，要加上助词“屋”；如果中心词是处所名词，助词“個”则可要可不要。

(64) 尔₁怕啥里哟，尔怕人家拿尔₁捉走啊你怕什么啊，你怕别人把你抓走啊？

(65) 别个别人一年四季早上吃姜都行，还啥不能喫还有什么不能吃的说法。

(66) 别人個东西不要动！

(67) 尔什郎日日跑到人家归里去呀你怎么天天跑别人家去啊！

“别一二个”是“别个”的强调形式，是个任指代词，强调的是除了某人之外的其他任何人；它不会单独使用，只出现在对比的语境，突出的是某人和其他任何人的差异；使用“别一二个”时总是体现出说话人比较鲜明和强烈的主观情绪。

(68) 渠结撒好很小气啊，什郎怎么讨要都讨不到，别一二个其他任何人都拿到我着。

(69) 别一二个都会帮尔，渠尔就不要指望其他任何人都帮你，他，你就别指望了。

上面例子中的“别一二个”可以换成“人家、别人、别个”，但是换后语气都没有用“别一二个”强。

“人家”还可以自指，指代说话人自己。如：

(70) 赶快接一下啰，尔你以为人家搬得不累啲。

(71) 我滴东西全部等尔你拿去着，就尔长着牙齿，别个冇有牙齿！
“人家”还经常和其他名词一起构成同位语。如：

(72) 尔你什郎怎么做哪个什么都不认真，人家隔壁个人几认真法子多认真。

(73) 人家我箇屋堂些人话个我们村里那些人，买得起房子啊还到箇这里住啊。

(五)“人家”的格

旁指代词“人家”有两种形式，即“人家”及“人家里”。其中“人家”可以作主语、宾语、同位语，而“人家里”只能作动词和介词宾语。

(74) 人家尔样那么好欺负啲？

(75) 人家不来不要催人家里，等丫待会人家嫌尔你。

(76) 来外底外面好好照顾人家女搭里女孩。

(77) 东西都拿还到人家里，别人箇东西莫要。

(78) 三更半夜，渠他拿用手电筒来照人家里别人。

后两种意义和用法往往伴随着语用移情，体现了较强的主观性。

(六) 我几

“我几”的基本意义和用法是第一人称复数的排除式，即不包括听话人在内的第一人称复数，相当于普通话中的“我们”。经常作主语、定语、宾语。作定语时，一定要结构助词“个”或者“屋”。

(1) 我几我们先去，尔几你们等丫待会赶快来呢。

(2) 快滴拿我几个东西拿到我几。

(3) 我几屋菜我们家菜都是自己去买个。

在实际语用中“我几”还可以作为第一人称单数形式。这种用法往往用来表达说话人鲜明的态度和立场，带有不屑的语气。

(4) 要去尔你去，我几我们时不去。

(5) 尔样那样个人少见，我几我们搭都不搭渠都不搭理他。

三、人称代词的来源

(一) “俺”的来源

关于东南方言中第一人称代词的包括式的本字和来源，不少学者进行过探讨，基本形成了一致的结论：东南方言中的“俺”和北方话中的“俺”并不是同一个字。平话、湘语、粤语中没有“俺”的使用现象。

(汪化云 2008: 287) 包括式代词“俺”主要集中于闽语区的福建邵武、顺昌、松溪、将乐、三明、政和、南平峡阳，广东潮州、潮汕、汕头、揭阳等地；赣语区的江西永修，福建建宁、泰宁；客家话的福建永定下洋、蒲城忠信、连城庙前；徽语区的安徽徽州、屯溪；吴语区的浙江常山。(许宝华、宫田一郎 1999: 4917, 4918) 施其生(1999: 304) 认为闽语中的“俺”和北方话中的“俺”不同，并不是“我们”的合音。汪化云(2008: 287—296) 提出上述赣语、徽语、客家话中的“俺”从读音上看，本字很像是“俺”，但它和北方话中的“俺”并不相同，因为这些方言中不存在复数标记“们”，所以“俺”不可能是“我们”的合音，“俺”应该和闽语中的“俺”来源相同。他继而进一步地分析了闽语中“俺”的来源，认为闽语中的“俺”应该是第一人称自指的“依”和第二人称代词的合音。万波(1996) 也指出安义话中“俺”的本字是第一人称单数“我”和第二人称单数“尔”的合音。我们赞成前辈学者

的观点，永修话的“俺”和安义话以及其他东南方言中的“俺”一致，从意义上看，“俺”指的就是听说双方；从读音上看，“俺”读作 [ɔn³³]，也恰好是“我” [ŋŋ²¹²] 和“尔” [n²¹²] 的合音形式。

（二）“渠”的来源

太田辰夫（1958：99）指出“渠”是从“其”变化而来的。“其”在古汉语中不仅可以在名词前作领格，还可以在动词、形容词、句子前，使其名词化。因为经常出现在句首，其独立性逐渐增强，后发展为独立的主语了。“其”具备独立性，称为第三人称代词后，就写作“渠”。

据吕叔湘（1985：14）在“他”发展为第三人称代词过程中，“渠”跟它产生过竞争，但最后“渠”在官话区完全消失，仅存在于部分方言中。

“渠”和“其”同源，“其”写成“渠”初见于《三国志》，在唐代较近语体的材料中还能见到。

（1）女婿昨来，必是渠所窃。（吴志 18，赵达）

在《汉将王陵变》中又把“渠”写成了“居”。

（2）号令三军，怨寡人者，任居上殿，寡人者，送与西楚霸王。

（变，36）

宋以后“渠”只在官话区以外的方言区使用。粤语中的第三人称单数还用“渠”，吴语中宁波、诸暨、衢县、余姚、黄岩都是“其”的一系；永康、金华都是“渠”的一系。

李荣（1980）、张振兴（2010）也都探讨了“渠”的来源。张先生指出第三人称代词“渠”甚至覆盖了除闽语区外的东南方言的其他地区。

李先生和张先生都认为“渠”的本字是“𨾏”。《集韵》去声鱼韵：“𨾏，吴人呼彼称，通作“渠”求於切。张先生还指出魏晋时期的“其”和“渠”其实是同音字。

（三）“侬”尾的来源

肖萍、陈昌仪（2004）指出江西境内赣方言人称代词单数“格”的分布类型有两种，即主、宾格严格区分类和不严格区分类；从分布地域来看，人称代词有两式区分的方言点主要集中于信江流域板块和鄱阳湖流域板块。从地理位置上看我们认为永修方言人称代词单数“格”属于鄱阳湖流域板块中主、宾格不严格区分类。这一特点和与之临近的南昌

市郊尤口乡、进贤县城、进贤张公乡、南昌市区的类型特点一致。但不同的是南昌市郊尤口乡、进贤县城、进贤张公乡、南昌市区方言中只有第三人称代词有主格和宾格两种形式，而永修话中三称代词都存在两种形式。安义、都昌、余干、南丰等地的赣语中人称代词的基本情况和永修方言相同。在江西北部赣语中除了永修方言，还有都昌话、彭泽定山话中三身代词的单数都有单音节和带“侬”尾的双音节两套人称代词，而且两套人称代词也都不区分主宾格。

江西境外的赣语中宿松话也有“侬”尾，和永修方言一样，三身代词后的“侬”尾并不表示主宾格的对立。除此以外，吴语区的海盐话、宁波老城区方言中也有“侬”尾。关于赣语中词尾“侬”的来源，卢继芳（2012）、黄晓雪（2014）都认为“侬”尾是吴语的底层。肖萍、陈昌仪（2004）否定了“吴楚底层说”，认为赣语产生三身代词主宾格的对立的原因主要是受上古时期北人南迁带来的中原汉语的影响，通过“侬”尾表现这一对立则是受吴语词缀的启发。我们还是比较赞成“吴语底层说”的观点。江西自古以来被称为“吴头楚尾”之地，春秋战国时期，先后分属吴、越、楚三国。所以至今在赣语中还能发现一些古吴语的成分。（黄晓雪 2014）另据曹志耘（2008）人称代词单数词缀“侬”主要就集中于吴语和赣语区。据潘悟云、陈忠敏（1999）“侬”是一个保留在吴语中的古百越语的底层词，本义指“人”，古吴语中用如第一人称代词；后从北方话中又传来了“我”，“我”和“侬”在吴语中共存，甚至互相影响，形成叠床架屋的形式“我侬”，“我侬”和“我”可以在一个方言中并存；因为受到了“我侬”的感染，第二、第三人称也有了“汝侬”“渠侬”的形式；后随着北方话影响的深入，“我”最终替代了“我侬”。

潘悟云、陈忠敏（1999）设想吴语中第一人称代词经历了以下一个发展历程：

古吴语	现代吴语
侬>侬/我>侬/我侬 >	我侬/我>我/我侬>我

（松江仓桥）（17世纪上海）（宁波、松江、海盐）（现代上海市区）

根据这一设想，我们认为永修话中的“侬”目前处于“我/我侬”这一阶段，从当下“侬”的使用情况来看，随着普通话影响的深化，“侬”一定会退出历史舞台，“我、尔、渠”最终会完全取代“我侬、尔侬、渠侬”。

(四) “几”的来源

复数标记 *ji* 在长江中下游地区很常见，如江淮官话区安徽阜阳、桐城、枞阳，赣语区江西永修，安徽潜山、宿松、太湖、岳西，湖北麻城、罗田，中原官话区山西汾西、吉县，吴语区的丹阳等等；这些地区的复数标记 *ji* 读音相似，但用于记录它的汉字并不完全相同，主要有“几”“己”“侂”等形式。（许宝华、宫田一郎 1999：2713，2715；汪化云 2011）

吕叔湘（1985：89）指出丹阳方言中复数标记 *ji* 的本字是“家”，这里的“家”语音已经变化到很难辨认的程度，甚至可以出现在名词后头表示复数。黄伯荣（450）把丹阳话中的 *ji* 记作“己”，认为从语音上已经很难判断本字是什么，但根据临近方言可以推断“己”就是“家”。就此，汪化云（2011）提出了异议。他指出虚化的“家”在长江中下游大部分方言区一般都读[kɑ]，实义的家读[jia]；丹阳话中“家”无论虚实都读为[ko]；如果 *jia* 来源于“家”，那么就是虚化的“家”声母发生了腭化，这与长江中下游地区的实际情况是不相符的。

汪化云（2008：268；2011）指出复数标记 *ji* 的本字就是“几”，“几”就是“几个”的省略。具体依据有三：

一是把 *ji* 记为“几”有音义基础，从意义上看，数词“几”本身就表示大于一的概数，这与复数词尾的语义是一致的；从读音上看，各方言区词尾 *ji* 一般都读为轻声，声韵和“几”的声韵完全一致。

二是“几个”用于人称代词后表复数的现象早在宋代就已经出现了。

三是有的方言中“几”和“几个”并用表示复数概念，更是直接证明了“几”来自“几个”的省略。

关于“几”的来源汪先生的解释很有说服力，我们认为永修方言的复数标记“几”就是数量短语“几个人”的省略。至今永修方言中的“几个人”还可以放在单数单音节三身代词后头表示复数。

参考文献

- [1] 肖萍、陈昌仪. 江西境内赣方言人称代词单数的“格”之考察[J]. 南昌大学学报(人社版), 2004, 35(6): 156-159
- [2] 邵慧君. “依”字称代演化轨迹探论[J]. 中国语文, 2004, 298(1): 46-52
- [3] 卢继芳. 都昌方言人称代词“依”尾及其历史来源[J]. 语文建设, 2012. 22(6): 74-75
- [4] 陈昌仪. 赣方言概要[M]. 南昌: 江西教育出版社, 1991
- [5] 陈敏燕, 孙宜志, 陈昌仪. 江西境内赣方言指示代词的近指和远指[J]. 中国语文, 2003, 297(6): 496-504

М. А. Титова

Государственный музей искусства народов Востока, Москва

ИССЛЕДОВАНИЕ МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ ГУАНЬИНЬ ЭПОХИ ДИНАСТИИ МИН ИЗ ФОНДА НАСЛЕДИЯ РЕРИХОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ВОСТОКА

Аннотация. Исследуется атрибуция металлической статуэтки Гуаньинь из фондов Государственного музея Востока (Гуаньинь – особая форма бодхисатвы Авалокитешвары, распространенная в Восточной и Юго-Восточной Азии). Рассматривается история адаптации образа бодхисатвы милосердия в Китае. На примере статуэтки исследуются иконографические и стилистические особенности изображения Гуаньинь в китайской металлической скульптуре периода правления династии Мин.

Ключевые слова: буддизм, китайский буддизм, китайская мифология, Гуаньинь, династия Мин, буддийская иконография, скульптура эпохи Мин, бронзовая скульптура Китая, Рерихи.

M. Titova

The State Museum of Oriental Art, Moscow

A STUDY OF MING DYNASTY GUANYIN METAL SCULPTURE FROM THE HERITAGE OF ROERICH FAMILY IN THE STATE MUSEUM OF ORIENTAL ART

Abstract. The report addresses the attribution of a metal figurine of Guanyin from the State Museum of Oriental Art. Guanyin is a special form of Avalokiteshvara, common in East and Southeast Asia. The report examines the history of the adaptation of the image of the bodhisattva of mercy in China. The iconographic and stylistic features of the image of Guanyin in the Chinese metal sculpture of the Ming Dynasty period are studied on the example of the figurine.

Keywords: Buddhism, Chinese Buddhism, Chinese mythology, Guanyin, Ming dynasty, buddhist iconography, Ming dynasty sculpture, Chinese bronze sculpture, Roerich family.

В фондах Государственного музея Востока (ГМВ) представлена металлическая статуэтка Гуаньинь, которая входит в состав мемориальной коллекции предметов декоративно-прикладного искусства и этнографии, принадлежавших семье Рерихов. В 1977 г. этот предмет был получен музеем в дар от гражданки США Кэтрин Кэмпбелл-Стиббе, которая являлась доверенным лицом семьи Рерихов.

Статуэтка занесена в Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации под № 4434675, учетные номера музейного предмета: ГМВ КП 25956, инв. № 8264 II. Произведение опубликовано в каталоге О. В. Румянцевой [2014, с. 206–207] «Щедрый дар. Коллекция Рерихов из собрания К. Кэмпбелл в Государственном музее Востока».

Статуэтка цельнолитая, полая, выполнена из бронзы, декорирована гравировкой и цеканкой. На фронтальной стороне металл покрыт лаком золотистого цвета. На волосах сохранились следы синего пигмента. Размеры статуэтки – 26 × 13 см. Пьедестал утрачен.

Божество изображено сидящим в позе медитации дхьяна с руками, сложенными в жесте медитации дхьяна-мудра. Одевание и украше-

ния божества представляют собой свободно подпоясанный халат с широкими свисающими рукавами, ажурную корону в виде кокошника с зубцами, плоские круглые серьги с остроконечными подвесками, двойное ожерелье с тремя нитями подвесок.

Статуэтка представляет собой изображение Гуаньинь (пиньинь Guanyin). Гуаньинь – это особая форма бодхисатвы Авалокитешвары, распространенная в Восточной и Юго-Восточной Азии.

Появление изображений бодхисатв в искусстве Китая связано с проникновением буддизма в первых веках нашей эры. Первые центры буддизма в Китае совпадают с местами окончания Великого шелкового пути, потому что первый маршрут распространения новой веры проходил из Индии через Среднюю и Центральную Азию. Второй путь проходил из Северного Вьетнама через территорию современной китайской провинции Гуандун. Этот торговый путь связывал Южный Китай с Индией [Титаренко, Кобзев, Лукьянов, 2007, с. 22].

Интересно то, что буддизм по своим ценностным ориентациям был чужд мировоззрению жителей Китая. Например, в китайской духовной культуре отсутствовали какие-либо аналоги таких понятий, как «карма» и «сансара». В то же время идея сансары носила в глазах представителей китайского общества положительный характер, поскольку была сопоставима с даосской доктриной бессмертия.

Весомой точкой соприкосновения буддизма с конфуцианством и даосизмом являлось отсутствие представлений о божетворце. Также стоит принять во внимание то, что национальные религии Китая не предполагали абсолютной догматичности, и это позволило сформировать такое уникальное в истории религий явление, как религиозный синкретизм трех учений: конфуцианства, даосизма и буддизма [Стрелков, 2006, с. 282–285; Титаренко, Кобзев, Лукьянов, 2007, с. 23–24].

Одним из важных эпизодов, который характеризует особую пластичность религиозных убеждений жителей Китая и стремление обосновать близость буддизма китайским религиозным представлениям, является церемония жертвоприношения, проведенная в 165 г. императором Хуань-ди. Во-первых, церемония была посвящена одновременно Лао-цзы и Будде. Во-вторых, в китайской культуре существуют два типа алтарей – алтари предков и алтари, посвященные высшим силам; поскольку ни Лао-цзы, ни Сиддхартха Гаутама не являлись предками императора, то они удостоились почитания в качестве канонизированных и равнозначных представителей высших сил [Стрелков, 2006, с. 286; Титаренко, Кобзев, Лукьянов, 2007, с. 261].

Первые буддисты, которые проповедовали в Китае, относились к традиции Махаяны. Духовным идеалом и ролевой моделью последователей Махаяны является бодхисатва – тот, кто достиг просветления, но не пожелал уйти в нирвану, дав обет спасти все живые существа от уз перерожде-

ний [Ганевская, Дубровин, Огнева, 2004, с. 312; Irons, 2008, p. 17–18]. Образы буддийских бодхисатв в качестве «главных помощников людей» на пути к духовному совершенству были восприняты не только в китайском варианте буддизма, но также вошли в пантеон конфуцианства и даосизма.

Одним из главных бодхисатв является Авалокитешвара, который олицетворяет сострадание всех просветленных существ, и его китайская «натурализация» интересна тем, что этот персонаж обрел не только новые варианты иконографии, но и женскую ипостась.

Трансформации Авалокитешвары в глазах жителей Китая отражались в произведениях искусства. Обращаясь к произведениям, опубликованным в каталогах музейных собраний, частных коллекций и аукционных домов, необходимо отметить, что в китайской металлической скульптуре наиболее ранние из обнаруженных изображений бодхисатвы Авалокитешвары датированы VI в. [Hsiao-i Ch., 1996, p. 26]

Вплоть до X в. Авалокитешвара почитался только как мужское божество [Елихина, 2014, с. 181–182]. В иконографии бодхисатвы милосердия одним из отличительных атрибутов становится калаша, сосуд для воды с овальным туловом и прямым горлом [Ганевская, Дубровин, Огнева, 2004, с. 309–337; Hsiao-i Ch., 1996, p. 56–63].

Следующим этапом, который становится переходным для формирования женской формы Авалокитешвары, является период с X по XIV в. Исследователи по-разному атрибутируют изображения бодхисатвы милосердия, относящиеся к этому периоду. В одних случаях персонажа идентифицируют как Авалокитешвару, в других – как Гуаньинь или же как Авалокитешвару-Гуаньинь.

Образцы китайской металлической скульптуры, изображающие бодхисатву милосердия и относящиеся к периоду с VI по XIV в., представлены в собраниях Метрополитен-музея / The Metropolitan Museum of Art (США), Азиатского музея искусств / Asian Art Museum of San Francisco (США), Чикагского института искусств / The Art Institute of Chicago (США), Музея императорского дворца / National Palace Museum (Тайвань) и др.

По-видимому, к XV в. в период правления династии Мин женская форма бодхисатвы милосердия окончательно отделяется от образа Авалокитешвары, становясь самостоятельным персонажем и приобретая собственный изобразительный канон. Особая женская форма Авалокитешвары становится богиней милосердия Гуаньинь, чье имя переводится как «слышающая плач этого мира», «внимающая зову мира» и «наблюдающая за звуками мира» [Титаренко, Кобзев, Лукьянов, 2007, с. 399, 422; Токарев, 1980, с. 279]. Наиболее ранние произведения металлической скульптуры, которые можно без сомнений идентифицировать в качестве Гуаньинь, относятся к XV в.

Образ Гуаньинь, таким образом, обнаруживает в себе переключку с одним из наиболее популярных персонажей тибетского буддизма – Зеленой Тарой, бодхисатвой, в чью «зону ответственности» входит немедленное оказание помощи всем, кто к ней обращается. Зеленая Тара рядом исследователей интерпретируется в качестве одной из женских ипостасей бодхисатвы Авалокитешвары [Кычанов, Савицкий, 1975, с. 38; Ганевская, Дубровин, Огнева, 2004, с. 327].

Китайский буддизм продолжал перерабатывать женскую форму бодхисатвы милосердия, применяя историзацию: Гуаньинь отождествляется с принцессой Мяо-шань, дочерью одного из китайских князей XII в., которая отказалась выйти замуж и ушла в монастырь вопреки воле отца. Пройдя через многочисленные испытания, связанные с недовольством отца, Мяо-шань встретила с Буддой Шакьямуни и стала бодхисатвой Гуаньинь [Титаренко, Кобзев, Лукьянов, 2007, с. 22].

Из тибетского буддизма была позаимствована традиция выявления и почитания земных воплощений бодхисатв. Например, вдовствующая императрица Ли, мать Ванли, императора династии Мин (годы правления 1573–1620), почиталась как земное воплощение Гуаньинь [Елихина, 2014, с. 181–182].

Еще одним способом адаптации буддийского персонажа в условиях китайского религиозного синкретизма стало слияние образа Гуаньинь с богинями народного пантеона. Например, это относится к Сун-цзы нян-нян (Матушка, приносящая сыновей) и У-шэн лао-му (Почтенная матушка, вышедшая из перевоплощений). Также Янь-гуан нян-нян (Матушка зрения), согласно народным представлениям, входила в свиту Гуаньинь.

В период правления династии Мин в иконографии Гуаньинь появляется форма чадоподательницы, в которой богиня изображается с маленьким ребенком на руках. Образцы подобных металлических статуэток представлены в собраниях ГМВ (инв. № 16174/1 I), Музея императорского дворца / National Palace Museum (Тайвань) [Hsiao-i, 1996, p. 82–83], Миннеаполисского института искусства / Minneapolis Institute of Art (США) (учетный номер 97.134.1).

Образ бодхисатвы милосердия, таким образом, нашел точки соприкосновения с традиционными ценностями жителей Китая, к которым относится культ семьи. Таким образом, в своей окончательной «редакции» Гуаньинь в глазах китайских буддистов, конфуцианцев и даосов становится богиней-спасительницей, покровительницей профессий, связанных с опасностями, и подательницей детей [Титаренко, Кобзев, Лукьянов, 2007, с. 279, 575, 637, 769].

В металлической скульптуре эпохи Мин для образа Гуаньинь были характерны стилистические особенности, которые можно рассмотреть на примере статуэтки из фонда наследия Рерихов ГМВ.

В китайском декоративно-прикладном искусстве с древности существовало деление на две основные категории – официальное и народное искусство. Официальное искусство соответствовало запросам правителя и правящей элиты, эти произведения являются эталонными образцами художественной традиции, в которые вкладывались наиболее значительные ресурсы. Произведения официального искусства создавались по единым шаблонам. Также считается, что минские и цинские императоры лично инспектировали придворные мастерские, заботясь о том, чтобы выпускаемые ими произведения соответствовали высоким стандартам [Горбатова, 2018, с. 14; Стужина, 1970, с. 139; Неглинская, 1999, с. 18].

По уровню исполнения рассматриваемая статуэтка Гуаньинь сопоставима с образцами официального китайского искусства и стилистически соответствует статуэткам Гуаньинь периода правления династии Мин.

Для образа Гуаньинь в металлической скульптуре этого периода характерно следующее: полные фигуры и округлые лики с классическими пропорциями черт, стилизованные под китайский этнический тип с продолговатым разрезом глаз; линия верхнего века слегка изогнута; в свободном одеянии богини особое внимание уделено драпировке ткани и изображению складок [Ганевская, Дубровин, Огнева, 2004, с. 65–66, 82].

Обращаясь к деталям, необходимо отметить специфические типы короны и украшений, задействованные в данном образе Гуаньинь.

Корона, по форме напоминающая кокошник, украшенная растительными мотивами, с перевязью на затылке встречается в ранней буддийской скульптуре Западных Гималаев (совр. Северная Индия и долина Сват в Пакистане) (см. образец из Метрополитен-музея / The Metropolitan Museum of Art, учетный номер 1978.536). Серьги в виде плоских круглых розеток характерны для древнеиндийской скульптуры. Окрашенные синей краской волосы с тонкими прядями, которые следуют по линиям плеч, характерны для металлической скульптуры, относящейся к индийской художественной традиции Пала-Сена (VIII–XII вв.) и ее подражаниям (см. образцы из ГМВ: инв. 5143 I, 5176 I, 5178 I). Впоследствии эти декоративные детали будут встречаться в буддийской металлической скульптуре Тибета и Китая [Ганевская, Дубровин, Огнева, 2004, с. 66].

Одной из наиболее важных деталей при идентификации данного божества является стилизованное изображение в центре короны. Будда Амитабха на голове в виде украшения прически или короны является традиционным иконографическим признаком бодхисатвы Авалокитешвары [Елихина, 2014, с. 173].

Амитабха – наиболее почитаемая форма будды в буддизме Махаяны. Согласно представлениям буддистов, Амитабха принимает под свое покровительство любого человека вне зависимости от добродетелей и происхождения, что делает этого будду олицетворением высшей формы милосердия. Будда Амитабха изображается сидящим в позе медитации дхьяна-асана и с руками, сложенными в жесте медитации дхьяна-мудра.

Среди различных буддийских легенд о появлении бодхисатвы Авалокитешвары, существует представление о том, что он был рожден из белого луча, источником которого был Амигхоса [Елихина, 2010, с. 28]. Поэтому одним из признаков принадлежности к культуре Авалокитешвары является стилизованное изображение этого будды в виде декоративной детали. Образ Гуаньинь является производным от иконографии Авалокитешвары, и этот отличительный признак перешел в китайскую скульптуру.

В образе Гуаньинь из наследия семьи Рерихов задействовано традиционное для китайской культуры двойное ожерелье с тройной подвеской. Подобные ожерелья являются характерной чертой изображений китайских божеств с древнейших времен. Как отмечают исследователи китайского ювелирного искусства, в периоды правлений династий Мин и Цин (1644–1912) использование подвесных подвижных деталей остается отличительной чертой китайских украшений [Неглинская, 1999, с. 47]. Данный тип ожерелья с его симметричными геометризованными формами в некоторой степени отражал ментальность жителей Китая, выражая стремление к гармонизации окружающей среды.

У рассматриваемой статуэтки отсутствует пьедестал. Обращаясь к аналогам, можно сделать предположение о том, как он мог выглядеть. Для минских статуэток Гуаньинь характерны округлые лотосовые пьедесталы, в которых лепестки лотосов расположены по всей поверхности в несколько рядов и имеют приподнятые кончики [Hsiao-i, 1996, p. 82–83]. Минский лотосовый пьедестал может расширяться в верхней части подобно чаше [Hsiao-i, 1996, p. 88–89]. Также в статуэтках Гуаньинь периода правления династии Мин возможен вариант, в котором лотосовый пьедестал закреплен штырем на шестиугольной подставке, создавая иллюзию парящего в воздухе божества [Hsiao-i, 1996, p. 82–83].

В отношении датировки данного произведения целесообразно опираться на стилистику, метод сравнительного анализа и провенанс произведения.

Стилистика, в которой выполнена статуэтка Гуаньинь из наследия семьи Рерихов, включает в себя как индийские изобразительные мотивы, которые воспроизводились в тибетской металлической скульптуре, так и китайские. С точки зрения особенностей стилистики и уровня исполнения рассматриваемая Гуаньинь, вероятно, относится к позднему периоду правления династии Мин, т. е. к XVII в.

Как отмечают исследователи, для этого периода характерен определенный набор украшений: круглые серьги с клиновидной подвеской, корона с шестью зубцами, ленты по бокам короны и ожерелье, а также спадающие на плечи локоны [Елихина, 2003, с. 226–227].

Также, обращаясь к аналогам, можно отметить, что для позднеминских металлических статуэток Гуаньинь XVII в. свойственно наименьшее разнообразие декоративного оформления. Гуаньинь становится наиболее

почитаемым женским персонажем китайского буддизма, и в условиях повышенного спроса на скульптуры образ богини милосердия приобретает строгую нормативность.

Наиболее точные аналоги Гуаньинь из коллекции семьи Рерихов представлены в собраниях ГМВ (инв. № 16175 I), Метрополитен-музея / The Metropolitan Museum of Art (учетный номер 12.37.160), а также в каталогах аукционных домов: «Кристис» / Christie's (аукцион 7639 11 декабря 2012 г., лот 1384; аукцион 12037 8 июня 2016 г., лот 65; аукцион 16311 19 июля 2018 г., лот 248; аукцион 3450 4–18 декабря 2013 г., лот 41) и «Сотбис» / Sotheby's (аукцион Important Chinese Art, Лондон, 10 мая 2017 г., лот 183; аукцион Arts d'Asie, Париж, 11 мая 2020 г., лот 37; аукцион Arts d'Asie, Париж, 10 декабря 2019 г., лот 154).

В отношении провенанса необходимо принимать во внимание Маньчжурскую экспедицию, предпринятую Рерихами в 1934–1935 гг. В эпистолярном наследии семьи Рерихов практически не встречаются упоминания о конкретных находках. Однако в письмах Ю. Н. Рериха, относящихся к дневниковым записям Маньчжурской экспедиции, есть упоминания о приобретениях бронзовых фигурок, предметов этнографии и археологии [Рерих, 2012, с. 168–169].

Литература

- Ганевская Э. В., Дубровин А. Ф., Огнева Е. Д. Пять семей Будды. Металлическая скульптура Северного буддизма IX–XIX вв. из собрания ГМВ. М. : Едиториал УРСС, 2004. 368 с.
- Горбатова И. В. Книга Династия Мин. Сияние Учености. М. : Моск. Кремль, 2018. 240 с.
- Елихина Ю. И. Иконография бодхисаттвы Авалокитешвары в искусстве буддизма // Тибетология в Санкт-Петербурге : сб. ст. Вып. 1. СПб. : Петерб. Востоковедение, 2014. С. 173–191.
- Елихина Ю. И. Культы основных бодхисаттв и их земных воплощений в истории и искусстве буддизма. СПб. : Филол. факультет СПбГУ ; Нестор-История, 2010. 292 с.
- Елихина Ю. И. Обитель милосердия. Искусство тибетского буддизма. СПб. : Гос. Эрмитаж, 2003. 512 с.
- Кычанов Е. И., Савицкий Л. С. Люди и боги Страны снегов. Очерк истории Тибета и его культуры. М. : Наука, 1975. 319 с.
- Неглинская М. А. Китайские ювелирные украшения периода Цин (XVII – начала XX веков). История, семантика, эстетика. М. : Спутник, 1999. 164 с.
- Неглинская М. А. Шинуазри в Китае: цинский стиль в китайском искусстве периода правления трех великих правлений (1662–1795). М. : Изд-во ИВ РАН, 2015. 468 с.
- Рерих Ю. Н. Тибет и Центральная Азия. Статьи. Дневники. Отчеты. Т. 2. Дневник Маньчжурской экспедиции (1934–1935). М. : Рассанта, 2012. 284 с.
- Румянцова О. В. Щедрый дар. Коллекция Рерихов из собрания К. Кэмпбелл в Государственном музее Востока. М. : Государственный музей Востока, 2014. 400 с.
- Буддизм. Каноны. История. Искусство / А. М. Стрелков, Е. А. Торчинов, М. В. Монгуш, С. В. Рябов. М. : Дизайн. Информация. Картография, 2006. 600 с.
- Стужина Э. П. Китайское ремесло в XVI–XVIII веках. М. : Наука, 1970. 264 с.
- Титаренко М. Л., Кобзев А. И., Лукьянов А. Е. Духовная культура Китая. Т. 2. Мифология. Религия. М., 2007. 869 с.
- Токарев С. А. Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М. : Сов. энцикл., 1980. 1147 с.
- Hsiao-i. Ch. A Special Exhibition of Recently Acquired Gilt-Bronze Buddhist Images. Каталог. Taipei : National Palace Museum, 1996. 102 p.
- Irons E. Encyclopedia of Buddhism. (Encyclopedia of world religions). New York : Facts On File, Inc., 2008. 634 p.

Н. Ю. Тразанова

Иркутский государственный университет, Иркутск

В НАЧАЛЕ БЫЛО СЛОВО, ИЛИ КОНЦЕПЦИЯ КОТОДАМА В ЯПОНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Аннотация. Изучается феномен котодама «душа слова» в японской лингвокультуре в рамках аксиологического подхода. Рассматриваются зарождение, развитие и статус понятия «котодама», выявляются группы языковых единиц, в которых содержится «душа слова». Выделяются характеристики японского языка, связанные с явлением «котодама».

Ключевые слова: котодама «душа слова», японская фонетическая азбука, табуированная лексика, топонимы, имена собственные, невербальная коммуникация, японская лингвокультура.

N. Trazanova

Irkutsk State University, Irkutsk

IN THE BEGINNING WAS THE WORD, OR THE CONCEPT OF KOTODAMA IN JAPANESE LINGUOCULTURE

Abstract. The purpose of this article is to study the phenomenon of kotodama in Japanese linguoculture in terms of axiological approach. In the process of the research it is essential to consider the origin, the evolution and the status of the concept "kotodama". The words and language expressions which are believed or supposed to contain "kotodama" are identified and divided into groups. On the basis of "kotodama" the characteristics of Japanese language are revealed.

Keywords: kotodama "the soul of the word", Japanese phonetic alphabet, taboo, toponyms, proper names, non-verbal communication, Japanese linguoculture.

Почтительное отношение к букве и слову наблюдается в традициях языков и культур с самых древних времен. Библейский текст говорит о том, что началом всех начал было слово, изреченное Богом, т. е. слово наделяется сакральными свойствами творения сущего. В санскрите сочетание звуков «ом» или «аум» считается священным проявлением божественного начала, обладает исцеляющей энергией, имеет множество значений в зависимости от отправной точки толкования. Корейский алфавит *хангыль* является общепризнанным культурным наследием Кореи, и ежегодно 9 октября отмечается День корейской письменности, что подтверждает высокий статус корейской азбуки.

Японская традиция бережного отношения к слову и ее основы во многом восходят к явлению 言霊 *котодама* «душа слова» (также используется написание 言魂). Подобно тому, как в синтоизме обожествлялись объекты окружающего мира, слово виделось наполненным определенной силой творения или изменения бытия. Первые упоминания о «душе слова» встречаются в поэтической антологии 万葉集 *Манъе:сю*: «Собрание мириад листьев», которое датируется второй половиной VIII в.

По данным «Манъесю», *котодама* представляется как «одна из славных и исключительно положительных характеристик земли Ямато, связанной с синтоистскими божествами и императором (потомком богов)» [Мещеряков, 2015, с. 11]. Тем самым подчеркивается происхождение идеи и феномена *котодама*, который возник и развивался именно на территории Японии и в исконно японском языке еще до появления китайской письменности.

Изначально носителями *котодама* считались императоры, священнослужители и поэты, поскольку в те времена верили, что «душа слова» обитает в молитвах *норито*, императорских указах *сэмме* и японских стихах *вака*. При этом следует отметить, что молитвы и императорские указы излагались в стихотворной форме.

Отсюда следуют признаки устной речи, в которых содержится *котодама* [Мещеряков, 2015, с. 14]:

- 1) слова, с помощью которых разговаривали синтоистские божества;
- 2) слова, которые перешли к людям, живущим на территории Ямато;
- 3) слова, которые употребляются при совершении синтоистских ритуалов, в делах и речах императора, в поэтической речи;

- 4) адресатом этих слов являются люди либо боги и будды, к которым обращены молитвы, наполненные словами, обладающими духом *котодама*;

- 5) слова имеют особую силу воздействия на адресата, силу, которая в том числе может продлить жизнь императора.

С течением времени вера в магическую силу слова не угасла, но укрепилась и даже оформилась в *言霊学 котодамагаку* – учение о «душе слова». И в настоящее время данная проблема привлекает внимание как японских исследователей, так и зарубежных ученых. Распространенность изучения явления *котодама* объясняется уникальностью самого японского языка, территориальной ограниченностью, оригинальностью мировидения японцев, тесно связанного с синтоистскими верованиями.

Термин *котодама* впервые появился в литературе эпохи Нара (710–784 гг.). Известный японский этнолог, фольклорист, литературовед и педагог Оригути Синобу в своих трудах [Origuchi, 1927, 1935, 1943] представил три этапа изменений в значении явления *котодама*. Древнейшее толкование отсылает к божественному могуществу, которое содержится в молитвенных ритуалах *норито* и связано с верованиями людей в духов *ками*. Затем произошли первые изменения и уже сами молитвы *норито* стали считаться одухотворенными. На заключительном этапе обрели «душу» слова, слоги, язык и речь ([Kazuya Naga, 2001, p. 281], перевод с английского – автора статьи, Н. Ю. Тразановой).

В дальнейшем оформление концепта *котодама* развивалось в рамках лингвистического подхода, а именно: *котодама* рассматривается как вер-

бальное действие (слово непосредственно приводит к событию, реализации сказанного в действительности). Предположительно, это связано с древними ритуальными действиями *ことあげ* *котагэ* «осуществление слов», процессом обращения к богам, произнесения слов и переносом их души в реальную жизнь.

Поскольку существовало поверье о том, что словами изреченными творится судьба, ритуалов *котагэ* избегали и данные манипуляции считались табуированными [Матвеев, 2016, с. 187].

Кроме того, в соответствии с исследованиями Тоеды, для древних японцев не существовало различий между двумя значениями слова *こと* *кото* «слово» и «предмет», и, следовательно, предполагалось, что произнесенные слова воплощаются в реальную действительность [Toyoda, 1980].

В современных исследованиях вопрос о статусе «души слова» в японском языке и влиянии учения *котадамагаку* на формирование японского языкознания остается открытым. Так, исследование Кадзуя Хара посвящено изучению роли *котадама* в коммуникации [Kazuya Hara, 2001–2002]. В ряде примеров подтверждается имплицитное воздействие верований, связанных с *котадама*, на процессы как вербальной, так и невербальной коммуникации. Автор указывает на то, что суеверия и предрассудки, имеющие отношение к *котадама*, могут оказаться препятствием для коммуникации. Но вместе с тем бережное и обдуманное употребление слов в речи необходимо и ценно.

С точки зрения герменевтики *котадама* рассматривается как явление, отражающее способ японского миропонимания. Отсутствие четких границ между словом и действием позволяет поставить вопрос о языке как метафизическом акте, благодаря которому происходит постоянное становление бытия-в-мире и присутствие человека в нем [Матвеев, 2016, с. 191].

С опорой на данные и результаты исследований как отечественных, так и зарубежных лингвистов, предпринимается попытка выделить разновидности языковых единиц, которые могут содержать *котадама*.

Одним из древнейших пластов лексики японского языка, наполненной *котадама*, считается *忌み言葉* *имикотоба* «подставное слово», «запретное слово». Существование запрещенных для произнесения вслух слов в древнеяпонском языке было обусловлено верованиями в то, что животные, рыбы и птицы понимают человеческий язык и сами умеют говорить. Поэтому вместо табуированных названий промысловых живых существ, орудий лова, наименований охотников и рыболовов употреблялись *имикотоба*. Например, *けだもの/けもの* *кэдамоно/кэмоно* (букв. «волосатое существо»), *さち* *сати* «удача» и вместе с тем «орудие лова», *うみさち* *умисати* «удочка» (букв. «морская удача»), *やまさち* *ямасати* «орудие

охоты» (букв. «лесная удача»), *とりのあそび* *тори но асоби* «охота на птиц» (букв. «птичье развлечение») [Сыромятников, 2002, с. 57].

Группы запрещенной лексики не ограничиваются словами, связанными с охотой и рыболовством. К табу относятся числительные, имена божеств, вождей, жрецов, императоров, правителей, а также ряд слов, которые связаны с дорогой, путешествиями, смертью, родами, кровью, загрязнением.

О числительных следует упомянуть более подробно, так как поверья и приметы, связанные с ними, существуют и в сегодняшней повседневной жизни в Японии. Так, например, цифры *四* *си* «четыре» и *九* *ку* «девять» считаются «несчастливыми» из-за омонимичного созвучия со словами *死* *си* «смерть» и *苦* *ку* «страдание». Именно поэтому японец едва ли поднимет лежащую на дороге расческу: имя этого предмета представляет собой неудачное сочетание обоих знаков – *くし* *куси* [Kazuya Nara, 2001–2002, p. 409].

«Счастливыми» в японской лингвокультуре являются числа три, пять, семь, восемь. Число три обладает сакральным и магическим значением. Религиозные и бытовые ритуалы совершаются троекратно. На удачу в кошельке носят монетку достоинством в пять иен, поскольку звучание совпадает со словом *ご縁* *гоэн* «удача, судьбоносная связь», а также имеет непосредственное отношение к выражению *縁がある* *эн га ару* «быть удачливым». Праздник *七五三* *Сити го сан* «Три, пять, семь» – знаковое событие для детей, достигших возраста трех, пяти и семи лет, которые в этот день отмечают своеобразную инициацию, переход на новую ступень роста и развития. Число восемь по очертаниям уподобляется раскрытому вееру, что символически означает подъем, развитие и процветание.

Поскольку «одушевленными» признаются не только слова, наименования чисел, но и слоги, фонетическая азбука японского языка также обладает определенной силой. Показательным примером может послужить азбука, предположительно созданная в начале IX в. Слоги в ней располагаются в порядке *いろは* *ироха* и образуют связное и широко известное стихотворение, которое помогает усвоить последовательность всех слоговых сочетаний:

<i>いろはにほへと</i>	<i>И ро ха ни хо хэ то</i>	Красота блистает, миг –
<i>ちりぬるを</i>	<i>Ти ри ну ру о</i>	и увяла вся.
<i>わかよたれそ</i>	<i>Ва ка е та рэ со</i>	В нашем мире что, скажи,

<i>つねならむ</i>	<i>Цу нэ на ра му</i>	пребывает ввек?
<i>うみのおくやま</i>	<i>У ви но о ку я ма</i>	Грани мира суеты
<i>けふこえて</i>	<i>Кэ фу ко э тэ</i>	ныне перейди,
<i>あさきゆめみし</i>	<i>А са ки ю мэ ми си</i>	Брось пустые видеть сны
<i>ゑひもせす</i>	<i>Вэ хи мо сэ су</i>	и пьянеть от них!

(Пер. Н. Конрада)

Вышеизложенное стихотворение позволяет не только запомнить все слоги азбуки, но и познать суть бытия в свете японского мировидения. Сквозь призму буддийской терминологии в рифмованной мантре видятся оппозиция «деяние – недеяние», иллюзорность и бренность человеческого бытия, мимолетность и скоротечность сущего. Также следует обратить внимание на слово *いろ* *иро*, с которого стихотворение начинается, поскольку оно имеет несколько значений: «цвет», «любовь», «страсть». Отсюда исходит возможность многозначности толкования стихотворения, наличия существующих одновременно параллельных смыслов интерпретации.

Ироха ута представляет собой культуuroобразующий текст, и тому есть несколько причин. С помощью этого текста детей обучали азбуке, перечисляли предметы (*И, ро, ха* и т. д.), располагали в данном порядке словарные статьи в справочниках и энциклопедиях, составляли акротелестихи (разновидность *言葉遊び* *котоба асоби* «словесных игр»), которые были очень распространенным явлением в то время [Штейнер, 2008].

Помимо порядка слогов *ироха*, существуют и другие панграммы, которые называются *手習い歌* *тэнараи ута* «учебные песни». Среди них известна 「あめつちのうた」 *Амэ цути но ута* «Песнь о небе и земле»:

あめ つち ほし そら やま かは みね たに くも きり むろ こけ
ひと いぬ うへ すゑ ゆわ さる おふせよ えのえを なれみて *Амэ цути*
хоси сора яма кава минэ тани кумо кири мурао кокэ хито ину уэ суэ...
«Небо, земля, звезды, воздух, горы, реки, хребты, долины, облака, туман, пещеры, люди, псы, начало, конец...».

Это стихотворение представляет собой некое перечисление того, что существует во Вселенной, имеет символическое значение и включает в себя момент обучения представлению об устройстве окружающего мира.

Таким образом, до окончательного формирования современного *сособа* и порядка организации азбуки *五十音* *годзю:он* (букв. «пятьдесят слогов») в XX в. порядок слогов в фонетических азбуках подчинялся принципам символизации, сакрализации, удобного для запоминания порядка следования знаков. «В Японии вплоть до самого последнего времени господствовал поэтически-метафорический способ организации алфавита посредством ритмических панграмм, которые были осмысленны и передавали и смысл, и чувства, и мировоззренческую глубину» [Штейнер, 2008].

К категории слов и словосочетаний, которые отмечены духом *котадама*, относится большая группа имен собственных. С древних времен и по сей день существует поверье о «счастливых» и «несчастливых» иероглифах, которые традиционно соотносятся с представлением о предметах и символах, приносящих удачу или несчастье. Оберег, который считается

благоприятным, имеет название 縁起物 *энгимоно* «вещь, дарующая судьбу».

При выборе имени человека нередко руководствуются символическим значением, заложенным в иероглифических знаках. Поэтому в японской лексикографической традиции составление словарей имен собственных занимает особое место.

Что касается топонимов, многообразие и подавляющее большинство названий городов и деревень, которые содержат знаки с «хорошим» значением, подтверждают идею о магической силе слова и влиянии имени на жизнь и развитие конкретного места. Среди наиболее распространенных иероглифов, используемых в географических названиях, первенство принадлежит знаку 富 *томи* «богатство» [Садокова, 2018]. Очевидно, что достаток и изобилие лежат в основе благополучного роста и развития любого географического объекта. Примерами могут послужить такие известные имена, как 富士山 *Фудзисан* «гора Фудзи», 富山県 *Тоямакэн* «префектура Тояма» и др.

Также распространенными для именованя считаются такие иероглифы, как 福 *фуку* «счастье, благополучие, удача» (например, в названиях префектур 福岡 *Фукуока*, 福島 *Фукусима*, 福井 *Фукуи*), 和 *ва* «мир, согласие» (префектура 和歌山 *Вакаяма*, город 和泉 *Идзуми*, город 和光 *Вако*), 豊 *хо*: «изобилие» (в названиях городов 豊田 *Тоэта*, 豊川 *Тоэкава*, 豊岡 *Тоэока*). Для того чтобы «закрепить» благоприятное значение, применялись прием повтора знака либо усиление с помощью добавления знаков в качестве компонентов слова: 大 «большой, великий», 新 «новый», 上 «верх», 高 «высокий», 喜 «радостный» и т. д.

Напротив, к «плохим» знакам, которых старались избегать при назывании географических объектов, относили: 下 «низ», 北 «север», 死 «смерть», 禍 «беда, несчастье», 病 «болезнь». Нередко «несчастливые» топонимы подвергаются переименованию. Например, название города シコツ *Сикоцу*, которое на языке айну означало «большая впадина (низина)», по причине неудачного омонимичного созвучия 死骨 *сикоцу* (букв. «смерть и кости») в 1805 г. было изменено на прямо противоположное 千歳 *Титосэ* «тысяча лет». Идеей для переименования послужило то, что в этой местности обитают журавли, символ долголетия, который закреплен в пословице 鶴は千年、亀は万年 *Цуру ва сэnnэн, камэ ва маннэн* «Журавль живет

тысячу лет, черепаха – десять тысяч лет» (千歳市オフィシャルサイト *Титосэси офисьяру саито* «Официальный сайт г. Титосэ»).

Река в этом городе имеет то же название 千歳 *Титосэ*, а озеро сохранило свое название, но записывается оно другими знаками – 支笏 *Сикоцу*. В старые времена ходили легенды о том, что на этом озере водятся духи и случаются самоубийства (北海道ファンマガジン *Хоккайдо: фан магадзин* «Журнал Хоккайдо-фан»).

Просьбы на переименование «несчастливых» географических объектов продолжают поступать и в настоящее время, и городская администрация рассматривает их, как и другие важные проблемы [Садокова, 2018].

Издавна традиции предписывают особенно бережное и осторожное отношение к слову в торжественных случаях, важных поворотных и решающих событиях в жизни. На свадьбе рекомендуется избегать таких слов, как 離れる *ханарэру* «расставаться», 別れる *вакарэру* «отделяться», 終わる *овару* «заканчиваться», 切れる *кирэру* «рваться», 失う *усинау* «терять», 避ける *сакэру* «избегать», 捨てる *сутэру* «выбрасывать», 去る *сару* «уходить», 帰る *каэру* «возвращаться», 返す *каэсу* «возвращать», 断つ *тацу* «отрезать», ほころびる *хокоробиру* «распарываться», 解ける *токэру* «развязываться» и др.

Следующая группа слов и выражений, которые содержат *котодама*, состоит из клише, речевых оборотов и устойчивых сочетаний, которые следует произносить в определенных ситуациях. Речевые формулы, употребляемые в готовом виде, довольно распространены в японском речевом этикете, поскольку они удобны в воспроизведении, позволяют, не задумываясь, выбрать из перечня имеющихся вежливых выражений наиболее подходящее к конкретной ситуации. Кроме того, такие речевые клише легко считываются адресатом общения, позволяют «сохранить лицо» собеседника, избежать неловких моментов, категоричности. Например, когда прощаются в конце рабочего дня, используют речевые формулы: お先に失礼します *Осаки ни сицурэй симасу* «Извините, что ухожу раньше вас», お疲れ様です *Оцукарэ сама дэсу* «Спасибо за ваш труд». Содержание этих выражений не только предписывает и демонстрирует безукоризненную учтивость собеседников по отношению друг к другу, но и добавляет оттенков благодарности и извинения к формальному прощанию.

Минимализм в использовании слов в японской лингвокультуре является хорошим тоном, поэтому речевые клише обычно сформулированы в сжатой лаконичной форме, часто используются опущения в разговорной

речи. Практикуется незавершенность предложений, когда собеседнику предлагается прочитать между строк, извлечь «содержимое» фразы, додумать и правильно среагировать, т. е. так, как ожидает отправитель сообщения.

В связи с некоторой степенью незаконченности фраз, вспоминаются такие «говорящие» характеристики речи на японском языке, как 曖昧な *аймайна* «неясный, неопределенный, туманный» и 微妙な *биме: на* «тонкий, деликатный». И в самом деле, представители иных культур часто селят по поводу размытости и двусмысленности японских предложений. Но, с другой стороны, в общении между собой у японцев не возникает проблем. Напротив, недостаток прямоты и содержательности для европейца превращается в создание комфортного коммуникативного пространства для обоих собеседников, что для японцев является наиболее ценным. Удобство общения в кругу «своих» объясняется взаимной заботой друг о друге, угадыванием уже на уровне лингвокультурного кода содержания недоговоренных реплик, стремлением дать возможность выбора собеседнику, не ограничивая его категоричностью.

Что касается второй отличительной черты, то, помимо значения «тонкий, деликатный», слово 微妙な *биме: на* имеет другой вариант написания – 美妙な *биме: на* «изящный, прекрасный», который вполне может послужить в качестве еще одной существенной характеристики японского языка. Во-первых, потому что в японской речи нередко звучат так называемые 美化語 *бикаго* (букв. «красивые слова», слова, используемые с префиксами вежливости) и 上品な言葉 *дзе: хинна котоба* «изящные слова». Во-вторых, потому, что японский язык произрастает из японской культуры, пронизанной чувством прекрасного, и имеет свойство живописания окружающего мира поэтическим языком, исполненным восхищения природными явлениями.

Наивысшим искусством общения в японской лингвокультуре считается невербальная коммуникация, или 以心伝心 *Исиндэнсин* «От сердца к сердцу», которая предполагает создание единого пространства с собеседником, со-существование в гармонии, единодушии, «на одной волне», когда возможно понимание, чувствование друг друга «без слов».

В соответствии с исследованиями Нагаямы Хисао, пословицы обладают магической силой, а само слово «пословица» ранее соответствовало понятию 呪言 *дзюгон* «заклинание», «заговор» [永山久夫, 2014, p. 2].

Особенно показательны в этой связи пословицы-приметы: 茶碗を箸で叩くと貧乏神が来る *Тяван о хаси дэ татаку то бимбо:гами га куру* «Если

стучать палочками о (чайную) чашку, придет бог бедности»; 米をこぼすと、火事になる *Комэ о кобосу то, кадзи ни нару* «Если просыпать рис, случится пожар»; 秋なすは嫁に食わずな *Акинасу ва емэ ни куvasу на* «Не давай невесте осенних баклажанов».

Подводя итог данному исследованию, мы приходим к размышлениям о том, что 言霊 *котадама* «душа слова» представляет собой редкий самобытный феномен, зародившийся на японской земле и, благодаря сохранению и преемственности традиций, существующий по сей день. О *котадаме* можно говорить в узком смысле, подразумевая лишь истоки его возникновения в древнеяпонском языке. В этом случае мы ограничиваем данное явление текстами молитв *норито*, императорских указов и японских стихотворений.

Вместе с тем актуальные на современном этапе исследования указывают на необходимость изучения явления *котадама* в более широком смысле, что позволяет наблюдать постоянное влияние концепции *котадама* на становление и развитие как японского языка, так и японской культуры. Отношение к слову как ценности, осознание его весомости и осязаемости, почтительное отношение к другому, стремление избежать категоричности, прямолинейности, жесткости в коммуникации – все эти характерные черты японского языка так или иначе напоминают о том, что слово имеет душу.

Литература

Матвеев В. А. О душе слов: герменевтика как способ японского миропонимания // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 4 (36). С. 184–194.

Мешеряков А. Н. Зарождение концепции «душа слова» (котадама) в древней Японии / Статьи. Интерпретативные модели в культуре. Шаги. 2015. С. 10–18.

Садокова А. Р. Японские «счастливые топонимы» // Актуальные проблемы филологии : материалы III Междунар. науч. конф. Казань, май, 2018 г. Казань : Молодой ученый, 2018. С. 18–URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/301/14121/> (дата обращения: 1.09.2021).

Сыромятников Н. А. Древнеяпонский язык. 2-е изд. М. : Вост. лит., 2002. 176 с.

Штейнер Е. Азбука как культурный код: Россия и Япония. Текст лекции от 14 февраля, 2008. URL: <https://polit.ru/article/2008/02/14/azbooka/> (дата обращения: 31.08.2021).

Kazuya Hara THE WORD “IS” THE THING: the “Kotodama” Belief in Japanese Communication // ETC: A Review of General Semantics. Vol. 58, N 3 (Fall 2001). P. 279–291. URL: <https://www.jstor.org/stable/42578117> (дата обращения: 31.08.2021).

Kazuya Hara. The word “is” the thing: the “Kotodama” Belief in Japanese Communication: PART 2 // ETC: A Review of General Semantics. Vol. 58, N 4 (Winter 2001–2002). P. 408–419. URL: <https://www.jstor.org/stable/42578117> (дата обращения: 01.09.2021).

Origuchi S. The Folklore in Shinto. In Origuchi hakushu kinen kodai kenkyujo (Ed.). (1971). The Noted Complete Works of Origuchi Shinobu: 3. Tokyo : Chukoronsha, 1927. P. 145–173.

Origuchi, S. The Belief in Kotodama. In Origuchi hakushu kinen kodai kenkyujo (Ed.). (1971). The Noted Complete Works of Origuchi Shinobu: 1. Tokyo : Chukoronsha, 1935. P. 145–157.

Origuchi, S. The Belief in Kotodama. In Origuchi hakushu kinen kodai kenkyujo (Ed.). (1967). The Noted Complete Works of Origuchi Shinobu: 2. Tokyo : Chukoronsha, 1943. P. 245–252.

Toyoda K. The Japanese Kotodama Belief. Tokyo : Kodansha, 1980.

北海道ファンマガジン. URL: <https://hokkaidofan.com/shikotsuko/>. (дата обращения: 06.09.2021).

千歳市オフィシャルサイト. URL: <https://www.city.chitose.lg.jp/docs/gaiyou.html>. (дата обращения: 06.09.2021).

1. 永山久夫 和食ことわざ辞典. 東京: 堂出版, 2014. 2–80 ページ.

УДК 811.581

Е. А. Хамаева

Московский государственный институт международных отношений (университет), Москва

СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОТИВИРОВАННОСТЬ ФАМИЛИИ И ИМЕНИ В КИТАЙСКОЙ И РУССКОЙ ОНОМАСТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

Аннотация. Рассматриваются форманты фамилии и имени в составе китайских и русских антропонимов с точки зрения их функциональной нагрузки, а также их способности обладать прозрачной внутренней формой. Показывается, что ономастические системы китайского и русского языков в определенный исторический период были мифологическими, но эволюция этих систем пошла разными путями, в некоторых аспектах даже противоположными.

Ключевые слова: мифологическая ономастическая система, китайский антропоним, фамилия, имя.

E. Khamaeva

Moscow State Institute of International Relations University, Moscow

SEMANTIC MOTIVATION OF THE SURNAME AND NAME IN THE CHINESE AND RUSSIAN ONOMASTIC SYSTEMS

Abstract. The purpose of the article is to consider formants - a surname and a name in the Chinese and Russian anthroponyms in terms of their functional yield, as well as their ability to have a transparent inner form. Despite the fact that the onomastic systems of the Chinese and Russian languages were mythological in a certain historical period, the evolution of these systems went in different ways, in some aspects even opposite.

Keywords: mythological type of onomastic system, Chinese anthroponym, last name, first name.

Первый признак того, что ономастическая система того или иного народа является мифологической, – это мотивированность антропонимов, прозрачная внутренняя форма имени, вера в магию имени. С этой точки зрения китайская система имен является практически чисто мифологической – китайское личное имя всегда мотивировано, и все устройство этой системы нацелено на то, чтобы гармонизировать отношения Макрокосма (окружающий мир, Вселенная) и Микрокосма (человек, носитель имени),

а значит, принести ему удачу, благополучие и т. д. В связи с этим китайское имя имеет определенные особенности: прозрачная внутренняя форма, сложная многослойная семантика (существуют имена-пожелания, имена-обереги, имена-табу и пр.).

Например, антропоним Пан Шилу (庞诗璐) состоит из фамилии Пан и имени Шилу, в котором Ши (诗) значит «стих, стихотворение», Лу (璐) «лучший (белый) нефрит». Связь между элементами имени сочинительная, т. е. имя можно перевести как «стихи и нефрит». Впрочем, интерпретация может быть и более широкой: «стихи прекрасные, как нефрит» и т. п. По замечанию носителя антропонима, имя Шилу (诗璐) также обладает дополнительным смыслом. В частности, оно является омонимом слов «учитель» (ши (教) 师) и «дорога» (лу 路), что обусловлено тем, что его мама работает учителем, а папа ремонтирует дороги [Хамаева, 2019, с. 97].

Вместе с тем китайский антропоним, с одной стороны, целостен, но с другой – дискретен, так как состоит из частей – фамилии и имени. Сам факт существования частей внутри антропонима, вероятно, говорит об их различной природе и функциональной направленности. Фамилии, по мнению исследователей в области ономастики, появляются исторически позже и обычно «вторичны по отношению к именам личным и прозвищам, производны от них» [Теория и методика..., 1986, с. 56].

Китайский иероглиф 姓 «фамилия» предположительно возник в период матриархата. Об этом, в частности, говорит внутренняя форма знака «фамилия», которая состоит из смысловых элементов 女 «женщина» и 生 «рожать». Подобная семантика связана с тем, что фамилия изначально передавалась по материнской линии – от матери детям. Кроме того, большая часть древних китайских фамилий содержит в себе смысловой элемент «женщина».

Появление фамилий в китайской ономастической системе, по замечанию китайских исследователей, объясняется необходимостью в различении родственных связей, отношений, что для людей древности имело большое значение, так как представители одного рода не могли вступать в брак. Носители одной фамилии в Китае до недавнего времени считались родственниками. Таким образом, китайская фамилия внутри китайского антропонима наделена самостоятельной функциональной нагрузкой.

Так как фамилия в Китае выполняла важную роль в обществе – являлась знаком кровных родственных отношений и символизировала преемственность поколений, она не могла изменяться, корректироваться, это было равносильно отказу от предков. Такое трепетное отношение к фамильному знаку является отличительной чертой многих мифологических обществ, для которых свойственен культ предков – поклонение духам умерших людей, которые считаются родственниками (хотя некоторые из них могут быть мифическими личностями).

Вопрос о количестве китайских фамильных знаков в настоящее время остается открытым. Согласно исследователю Чжан Цзялиню, в самой известной китайской книге о фамильных знаках «Бай цзя син» насчитывается 504 фамилии, в книге сунской эпохи «Син Цзе» (姓解) («Толкование фамилий») приводится 2568 фамилий. В современных изданиях число фамилий также разнится. Например, в книге 中国姓氏大全 («Полное собрание сведений о китайских фамилиях») указывается более 5600 фамилий, в сборнике 中国姓氏汇编 («Собрание китайских фамилий») – 5730, в книге 中国姓符 («Китайские фамильные знаки») – 6363, в словаре 姓氏辞典 («Словарь фамилий») – более 8000, в словаре «中华姓氏大辞典» («Большой словарь китайских фамилий») – 11969, а в 中华古今姓氏大辞典 («Большой словарь древних и современных китайских фамилий») – более 12 000 [张家林, 2002, 页 28]. Однако парадокс современной ономастической ситуации в Китае заключается в том, что наряду с существованием большого числа фамилий распространенными из них являются лишь пять: Ли (李), Лю (刘), Ван (王), Чжан (张), Чжао (赵).

Особая функциональная нагрузка в сочетании с высоким процентом повторяемости привели к тому, что китайские фамилии стали развиваться несколько иначе, чем имена. В частности, некоторые фамилии стали утрачивать свою семантику. Данный факт, вероятно, говорит о том, что китайские фамилии развиваются в направлении все большей системности, приобретения свойств «классических» имен собственных, у них «понятийные первичные связи разрушаются, а остается новая предметная закрепленность» [Теория и методика ... , 1986, с. 106].

Вместе с тем общая характеристика китайской системы имен как системы мифологического типа, безусловно, накладывает определенную печать на функционирование всего антропонима и на стремящуюся к асемантичности фамилию: далеко не все китайские фамилии утратили первичную семантику. Во-первых, наличие идеографического знака позволяет семантику фамилии установить. Во-вторых, многие «стремящиеся к асемантичности» китайские фамилии обычно мифологически наделяются значением какого-нибудь омонимичного данной фамилии знака. Таким образом, входя в состав антропонима и образуя с ним единое смысловое (часто и грамматологическое, фонетическое) целое, фамилия способна выполнять функциональную нагрузку, характерную для имени в целом, т. е. оказывать влияние на судьбу. Например, фамилия Пань (潘 «вода после промывки риса, рисовая вода») часто наделяется значением таких знаков, как пань (盼) «надеяться; ждать» или пань (攀) «цепляться, карабкаться». К примеру, антропоним Пань Дэн 潘登, в котором фамилия Пань имеет значение «вода после промывки риса», а имя Дэн «подниматься, восходить».

Значение фамилии Пань (潘 «вода после промывки риса») заменяют значением омонимичной фамилии Пань (攀 «цепляться, карабкаться»). В результате данный антропоним в совокупности имени и фамилии составляет двусложное слово «подниматься, взбираться; лезть вверх» (攀登) [Хамаева, 2019, с. 97].

Русская, как и любая другая, ономастическая система в определенный период также являлась мифологической, а значит, имена были мотивированы. В русском именнике можно заметить обратную тенденцию, когда личные имена в силу объективных обстоятельств утратили первичную семантику (связь со значением апеллятивной основы, от которой произошло имя), а фамилии – нет. Это может объясняться тем, что большая часть русских имен иностранного происхождения была заимствована при распространении христианства. При заимствовании из иностранных языков уделялось большое внимание сохранению формальной оболочки имени святого. Этим объясняются минимальные различия в написании и произношении христианских имен в разных языках (Екатерина, Анна, Павел, Виктор). При этом заимствованное имя в первую очередь соотносилось с личностью определенного святого, первичное же значение имени, его этимологическое значение в процессе заимствования нивелировалось. Например, первичная семантика имени Петр – «камень». Однако эта семантика не является актуальной в функционировании имени Петр в современном русском языке и в языках иных этнокультур.

По словам Ю. А. Рылова, «почти весь русский православный именник является заимствованным (за исключением канонизированных имен Владимир, Мстислав, Ростислав, Вячеслав, Людмила). Заимствованные германские имена были на Руси и в дохристианский период (Олег, Ольга, Игорь, Глеб); в древности их было довольно много» [Цит. по: Рылов, 2006, с. 89].

Все эти причины: распространение иностранных по происхождению имен, их ограниченный святыми список, высокая повторяемость привели к тому, что европейские имена действительно становятся особыми языковыми знаками, которые «имеют гипертрофированную номинативность, а их семантическая или семасиологическая функция, наоборот, предстает в редуцированном виде» [Реформатский, 1964, с. 17]. Внутренняя форма многих русских имен не является прозрачной.

Рудимент мифологичности в русском именнике – это фамилия. Такой антропонимический формант, как фамилия, появился в русском именнике достаточно поздно, приблизительно в XVI в. Большая часть русских фамилий по существу – это бывшие личные имена или прозвища, которые несут в себе определенный смысл и только впоследствии перешли в разряд фамилий. По словам С. Н. Смольникова, дохристианские русские имена, как правило, имели прозрачную семантику, по которой можно было определить их мотивировку. «Мотивировка древнерусских имен могла быть

обусловлена как индивидуальными субъективными чертами своего носителя, так и объективными обстоятельствами (например, *анотропеической функцией*, использовавшейся для защиты младенца от сглаза, порчи): Нехорошей/Нехорошко, Невер/Неверко, Неклюд/Неклюдко, Некрас/Некраско, Несвитайко, *Невежко, Ненашко, Найденко, Гостюнко, Прибыток, Пасынок, Друганко, Другашка, Дружина и т. д.*» [Смольников, 2005, с. 121].

В современной русской антропонимической формуле имя приобретает системные свойства классических имен собственных, становится асемантическим. В отличие от русских фамилий, которые и по сей день часто являются семантически прозрачными, даже с учетом сложности их семантики, которая может быть неоднозначной, многослойной и пр. Например, Конюхов, Кузнецов, Сапогов, Некрасов и пр.

Развитие китайской и русской антропонимических систем происходит, таким образом, в некоторой степени полярно, противоположно. Это обусловлено экстралингвистическими причинами и особенностями развития ономастических систем двух культур. В Китае как стране с древнейшей традицией, в которой чрезвычайно сильны родовые связи и присутствовал культ предков, фамилия является не просто знаком, обозначающим конкретного человека, а священным, особым знаком, обозначающим человека как представителя того или иного рода или клана. Идея того, что человек не один, что за его спиной стоят многие и многие поколения его предков, была всегда сильна в Китае. В связи с этим фамилия становится, прежде всего, знаком дифференциации, приобретая черты «классических имен собственных», семантическое содержание которых уходит на второй план. Например, такие фамилии, как 王, 张, 李, на каждую из которых приходится по несколько десятков миллионов носителей, по нашему мнению, уже практически утратили свою исходную семантику. Лишь в редких случаях она учитывается при выборе личного имени.

В то время как в русском именнике, напротив, семантику утратили имена, а не фамилии. В основе образования русских фамилий, например, «лежат имена (Трифонов, Иванов, Александров, Тимофеев), прозвища (Дроздов, Кушаков, Дураков), профессии (Кузнецов, Плотников, Поваров, Гончаров), географические названия (Европин, Пензин, Киевский, Свирский) и др.» [Фуникова, 2013, с. 204].

Общее универсальное ономастическое начало – мифология имени и мифологические системы имен – в китайской и русской культурах реализовались по-разному, получили неодинаковое развитие. Китайская ономастическая система так и осталась мифологической. Лишь с той оговоркой, что китайские фамильные знаки в некоторой степени стремятся к асемантичности и признакам классических имен собственных. В русском же именнике асемантическим стало имя, в то время как фамилия часто остается мотивированной и семантически прозрачной.

Литература

Реформатский А. А. Топономастика как лингвистический факт // Топономастика и транскрипция : сб. ст. М. : Наука, 1964. С. 9–34.

Рылов Ю. А. Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика: курс лекций по межкультурной коммуникации. М. : АСТ : Восток – Запад, 2006. 311 с.

Смольников С. Н. Функциональные аспекты исторической антропонимики (на материале деловой письменности Русского Севера XVI–XVII веков) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. СПб., 2005. 392 с.

Теория и методика ономастических исследований / под ред.: А. В. Суперанской, В. Э. Сталтмане, Н. В. Подольской, А. Х. Султанова. М. : Наука, 1986. 250 с.

Фуникова С. В. Русские фамилии как элемент лексической системы русского языка и социальный знак // Язык и культура (Новосибирск). 2013. № 7. С. 200–204.

Хамаева Е. А. Китайские антропонимы: монография. 3-е изд., испр. и доп. М. : Издат. дом ВКН, 2019. 270 с.

张家林.起名学 / 张家林主编.呼和浩特:特内蒙古人民出版社, 2002. 401 页.

УДК 811.521

О. А. 霍

O. G. 阔布日茨卡娅

伊尔库茨克国立大学, 伊尔库茨克

汉语中包含“爱”的成语研究

摘要: 本章对包含“爱”的汉语成语进行研究, 即分析“爱”在具体语境里包含的意义。因此展示汉语在各自的语境画面中, 如何以表示心理活动的词汇语句为表达载体, 在语言语境中反映其民族价值观念和传统文化内涵。

关键词: 语言与文化、汉语、成语、心理词汇、“爱”。

O. Kho

O. Kobzhitskaya

Irkutsk State University, Irkutsk

ANALYSIS OF CHINESE IDIOMS WITH THE “LOVE” COMPONENT

Abstract. This article studies Chinese idiomatic units (chengyu) containing the “love” component. The authors analyze linguistic means of expressing emotions in the Chinese language, using linguistic and cultural analysis of the emotional concept of “love” in a specific context, try to reveal the national-cultural specificity of the Chinese ethos.

Keywords: linguistic and cultural, the Chinese language, idioms, psychological words, “love”.

O. A. Хо

O. Г. Кобжицкая

Иркутский государственный университет, Иркутск

АНАЛИЗ ИДИОМАТИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ С КОМПОНЕНТОМ «ЛЮБОВЬ» В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Анализируются китайские идиоматические единицы (чэньюй), содержащие компонент «любовь». Рассматриваются языковые средства выражения чувств в китайском языке, проводится лингвокультурологический анализ эмоционального концепта «любовь» в конкретном контексте, тем самым предпринимается попытка раскрыть национально-культурную специфику китайского этноса.

Ключевые слова: лингвокультурология, китайский язык, идиома, эмотивная лексика, любовь.

中俄熟语单位不同，俄语熟语是相对稳定的，可复现的，表达的语法组合具有整体意义的词组) [Мокиенко, 1980, с. 204]。俄语熟语是语义上不自由的单词组合，从语义内容和词汇语法的角度来看是在语言使用中的一个整体的单位。在俄语语言学中，出现几个流派，但无论如何，各家对熟语中诸范畴的划分，总体来说，无非是“广义之分”与“狭义之分”。“狭义”者认为，在俄语中成语只分为两种，即“接合性”与“融合性”，而“组合性的成语”、“联合性的成语”、谚语、俗语与典故在熟语学的外围，这些成分被认为是“接合性的成语”与“融合性的成语”的来源 [Башиева, 1996, с. 316]。

汉语熟语是指常用的固定短语。熟语用词固定、结构紧密、语音和谐，是语言中独立运用的词汇单位。它包括成语、谚语、歇后语和惯用语。熟语一般具有三个特点：结构固定；意义明确完整，表达充分。熟语常常描述广大人民社会生活的传统习俗、生活特点、历史事件等，充分反映民族文化，蕴含丰富的哲理智慧。其完整而固定的语言语句，从古代延续到现在，保留着它们的独特形式。正如俄罗斯汉学家 А. С. Семенов指出，汉语熟语语义完整、结构稳定、词汇不可分割、形式多样、其构成形态各有不同的特点 [Семенов, 2005, с. 113]。

成语是指一般有四个字的稳定性的富于表情的根据中国古代语言组成的词组。其语义整体，包含中国传统文化的特色。多来源于古典文学：经典、哲学论文、历史的编年史、小说、传说、神话、诗词、俗语、谚语等。

惯用语是按照现代口语规范建立起来的一种重要的中文词组单位。这种短语是具有稳定性与转义性的，通常是三音节，富含表情的简洁的语言单位。

谚语和俗语以句子形式为主，可以有直义或转义。谚语具有判断性与启发性，是富有表情的语言表达手段。谚语代表生命中多样化的现象，是具有生动性的一句话（简单的或复杂的），其特点是特定的节奏与语音设计。俗语被认为比较准确地确定任何生命现象的喻言。其形式简洁，跟谚语相反没有直接的启发意义，并不一定具有完整句子的形式。

歇后语由两部分组成：第一部分是寓言，第二部分是意义的揭示。歇后语第二部分通常是独立使用的。歇后语是一种具有民族性的话语，是在各个历史时期中国各地由不同行业的民族创造的很有特色的语言结构，其第一部分一般使用神话图像创造寓意的背景。

本文对汉语中包含“爱”的成语进行分析。首先列出一些包含“爱”的汉语熟语，俄语翻译与解释：

1. 爱才如命

爱惜人才就像爱惜自己的生命一样。

翻译与解释: Любить таланты, как жизнь.

Беречь талантливых людей, как собственную жизнь.

2. 爱才若渴

才: 贤才, 人才。爱慕贤才就象口渴想喝水一样, 形容十分珍惜人才。

翻译与解释: Любить таланты, словно испытывать жажду.

Быть жадным до талантливых людей.

3. 爱富嫌贫

嫌: 厌恶。嫌弃贫穷, 喜爱富有。指对人的好恶以其贫富为准。

翻译与解释: Любить богатство, испытывать отвращение к бедности.

Неравное отношение к людям в зависимости от их материального состояния: любовь к богатым, презрение к бедным.

4. 爱莫之助

虽然同情, 却限于条件无从帮助。

翻译与解释: Любить, не помогать.

Несмотря на испытываемое сочувствие, симпатию и желание помочь, быть не в силах это сделать.

Любила, а ничего не подарила.

5. 爱生恶死

爱: 喜爱; 恶: 厌恶。喜爱生存, 厌恶死亡。

翻译与解释: Любить существование, питать отвращение к смерти.

6. 兼爱无私

泛爱大众, 对人没有私心。

翻译与解释: Любить всех беспристрастно.

Питать всеобъемлющую любовь к людям, не испытывать эгоистических желаний в отношениях с людьми.

7. 爱别离苦

佛家语, 指亲爱的人离别时的痛苦。

翻译与解释: Страдания разлуки с любимым.

Буддистское выражение: страдания от разлуки с любимым человеком (одно из восьми страданий бытия) 笔.

笔者一共翻译与分析 74 个成语。

下一步本文列出的包含“爱”汉语成语可以根据其色彩做出分类, 笔者估计由于爱本来有积极的意义, 所以大多数包含“爱”的成语也会属于表示正面的成语, 见表格 1。

表 1 包含“爱”的汉语成语色彩分类

正面（积极）	中性	负面（消极）
1. 爱人好士 Любить людей, дорожить учеными	1. 爱别离苦 Страдания разлуки с лю- бимым	1. 爱富嫌贫 Любить богатство, испыты- вать отвращение к бедности
2. 爱如珍宝 Любить, словно драгоцен- ность	2. 男欢女爱 Мужчина обожает, жен- щина любит	2. 爱财如命 Любить богатство, как жизнь
3. 爱憎分明 Любовь и ненависть ясно различать	3. 爱屋及乌 Любить крышу и ворона	3. 爱毛反裘 Любить мех, перевернуть шубу
4. 爱才如命 Любить таланты, как жизнь	4. 爱惜羽毛 Любить, дорожить опере- нием	4. 爱鹤失众 Любить журавлей, потерять народ
5. 爱才若渴 Любить таланты, словно ис- пытывать жажду	5. 楚楚可爱 Чистота достойна любви	5. 爱钱如命 Любить деньги, как жизнь
6. 爱生恶死 Любить существование, пи- тать отвращение к смерти	6. 谈情说爱 Разговаривать о чувствах, говорить о любви	6. 嫌贫爱富 Испытывать отвращение к бедности, любить богатство
7. 兼爱无私 Любить всех беспри- страстно	7. 孝子爱日 Почитающий родителей сын дорожит временем	7. 爱势贪财 Любить могущество, жаж- дать богатства
8. 爱国如家 Любить страну, как семью	8. 爱口识羞 Говорить осторожно, по- нимать стыд	8. 色衰爱弛 Цвет поблек, любовь остыла
9. 爱日惜力 Любить время, жалеть силы	等	等
10. 爱人利物 Любить людей, оказывать милость		
11. 爱民如子 Любить народ, словно ре- бенка		
等		
45	13	16
60%	18%	22%

从表格可见，包含“爱”的成语正面的有 45 个，占 60%。中性的有 13 个，占 18%。负面的有 16 个，占 22%。其中大部分是正面的。即使“爱”在日常用语中多表示积极的含义，但是仍然有一部分成语的“爱”是消极的（消极的成语数量比中性的多一点）。

笔者根据“爱”的对象作出分类并统计（见表 2）。

表 2“爱”的对象分类结果

“爱”的对象	数量	频率
对象无确定 / Объект любви не назван (爱别离苦)	11	19 %
男女之间 / Любовь к мужчине/женщине (男欢女爱, 相亲相爱)	9	12 %
才华, 指人 / Любовь к талантливым, мудрым людям (爱人好士, 爱才如命)	7	9,4 %
财富与权利 / Любовь к богатству и власти (爱富嫌贫, 爱财舍命)	7	9,4 %
动物 / Любовь к животным (屋乌推爱)	6	8 %
人民或下属 / Любовь к народу, подчиненным (爱民如子)	6	8 %
无生命的物体 / Любовь к неодушевленному предмету (乐山爱水)	6	8 %
自己/自己身体 / Любовь к себе (洁身自爱)	6	8 %
时间 / Любовь ко времени (敬时爱日)	3	4 %
所有的人 / Любовь к людям (爱人利物)	2	2,7 %
祖国, 故乡 / Любовь к стране, государству (爱国如家)	2	2,7 %
生命 / Любовь к жизни (爱生恶死)	1	1,3 %
朴质或古物 / Любовь к простоте (爱素好古)	1	1,3 %
礼仪 / Любовь к церемониям (爱礼存羊)	1	1,3 %
孩子 / Любовь к детям (尊老爱幼)	1	1,3 %
纯洁 / Любовь к чистоте (楚楚可爱)	1	1,3 %
老年人 / Любовь к старшим (пожилым) (爱老慈幼)	1	1,3 %
«爱»的对象总量 / Объекты любви (общее количество)	74	100 %

从表格可见,“爱”的对象一共有 16 类,其中有表人的(男、女、人民、老人、孩子等),也有表物的(抽象的:生命、礼仪、财富和权力等,具体的:无生命的物体、动物等)。对象无法确定的频率最高,对象频率比较高的还有男女、才华、财富、人民等。

笔者根据“爱”在具体语境包含的意义做出分类并统计(见表 3)。

表 3 汉语成语“爱”的含义分类结果

“爱”表示的含义	数量	频率
爱作为关心、照顾（爱莫之助）Любовь как сочувствие, забота	14	18,9 %
爱作为珍惜与重视 Любить в значении ценить, дорожить（爱惜羽毛）	14	18,9 %
男女之间的爱 Любовь как чувство между мужчиной и женщиной（男欢女爱）	10	13,5 %
爱作为生命的激情/完整地保存所爱对象的愿望 Любовь как страсть к жизни, стремление сохранить в целостности объект любви（爱生恶死）	5	6,7 %
爱作为一种贬意的行为 Любовь как пагубное чувство（爱毛反裘）	6	8 %
爱作为对自身好的态度（洁身自爱）Любовь как хорошее отношение к себе	5	6,7 %
爱作为讨厌与仇恨的反面 Любовь как противоположность ненависти（爱富嫌贫）	4	5,4 %
相关的（盲目的）爱 Любовь как чувство, влекущее за собой любовь к связанным объектам（屋乌推爱）	3	4 %
爱作为应得的感情 Любовь как милость（冬日可爱）	3	4 %
爱作为攫取的愿望 Любовь как желание оставить себе, присвоить（爱不忍释）	2	2,7 %
爱作为善良和美德 Любовь как доброта	2	2,7 %
爱作为对孩子的无限的爱 Безграничная любовь к детям（舐犊之爱）	2	2,7 %
爱作为一定的行为或态度 Любовь как противоположное отношение（холодность, игнорирование）（爱答不理）	2	2,7 %
爱作为痛苦 Любовь как страдание（爱别离苦）	1	1,3 %
爱作为欣赏风景或大自然的心情 Любовь как любование природой（乐山爱水）	1	1,3 %

在分析包含“爱”的汉语成语过程中我们获得如下结果：1）包含“爱”的汉语成语色彩分类里正面意义的成语占 60%，中性的成语占 18%，负面的占 22%。虽然“爱”被认为属于正面的感情，但是成语色彩分析显出 22% 负面的成语，其意义是过分的爱或对财富的爱，都不是良好的感情；2）大部分的成语含义的“爱”相当于关心与照顾、重视、珍惜、男女之间的爱，作为痛苦的“爱”只有 1%；3）爱的对象一般都是男女，人民，人才（人），比较特殊的是礼仪，朴质或古物。

通过以上的分析，我们可以看出爱的词类在心理动词研究中占有比较大的成分，很多情感的细化与爱有联系。在汉语中，爱除了表示明确

的情感之外，往往可以跟恨融合和转化。在很多成语中有这种表达方式，比如爱恨交织，爱极生恨等。人们通常将一切美好事物赋予爱的含意，家与国，幸福与爱情，所以在心理动词中这种情感表达是很强烈的，比其他心理动词更有影响力。通过成语的分心本章试图找出中文“爱”的在详解词典找不到的意义，揭示其在具体语境里表达隐藏含义与反映中国民族的价值观念和传统文化内涵。

参考文献

- Башиева С. К. Стилистический компонент фразеологического значения : дис. ... д-ра филол. наук. Нальчик : КБГУ, 1995. 318 с.
- Мокиенко В. М. Славянская фразеология : уч. пособие для филол. специальностей университетов. М. : Высшая школа, 1980. 207 с.
- Семенов А. Л. Лексика китайского языка. М. : Восток-Запад, 2005. 288 с.
- 王勤. 汉语熟语论(精). 山东教育出版社, 2006. 522 页
- 汉语成语词典. 李华等. 成都: 四川辞书出版社, 1992. 1168 页

УДК 821.5

朱佑伦（江西）

江西财经大学

南朝以文为笔现象略谈

摘要：南朝文学发展中，一方面人们对文笔的辨析日益精密，另一方面普遍存在重文轻笔的观念，乃至在实际创作中往往混淆文、笔之间的界限，尤其是在“笔”的创作中引入“文”的辞采，从而呈现出以文为笔的面貌。

关键词：南朝；文笔；破体；重文轻笔；以文为笔

Zhu Youlun

Jiangxi University of Finance and Economics, Nanchang

THE STUDYING OF “YI WEN WEI BI” IN SOUTHERN DYNASTIES

Abstract. In the development of literature in the Southern Dynasty, on the one hand, people's discrimination of wen and bi is becoming more and more precise. On the other hand, there is a common concept of emphasizing wen over bi. In the actual creation, the boundary between wen and bi is often confused, especially in the draw the Literary Grace of “wen” into “bi”, so as to show the appearance of “yi wen wei bi”.

Keywords: Southern Dynasty; wenbi; Broken Style; emphasizing wen over bi; “yi wen wei bi”.

Чжу Юлунь

Цзянсийский финансово-экономический университет, Наньчан

ИЗУЧЕНИЕ ФЕНОМЕНА «И ВЭНЬ ВЭЙ БИ» ПЕРИОДА ЮЖНЫХ ДИНАСТИЙ

Аннотация. Анализируется деление литературы на «вэнь» (изящную словесность) и «би» (деловую и очерковую литературу) в период Южных династий. Описывается процесс превознесения «вэнь» и презрения к «би» («чжун вэнь цин би»). Исследуется взаимосвязь этих жанров в реальном литературном процессе, в частности, заимствование приемов «вэнь» и использование их при создании произведений «би». Приводится обоснование термина «и вэнь вэй би».

Ключевые слова: Южные династии, изящная словесность «вэнь» (文), очерковая словесность «би» (笔), нестандартное письмо, «чжун вэнь цин би» (重文轻笔) и «вэнь вэй би» (以文为笔).

在南朝文学的发展中，有这样一个有趣的现象：一方面，人们对于文笔的辨析日益精细，“文学”的特质逐渐得到了比较清晰的认识。另一方面，人们在实际创作中又往往混淆非实用性的“文”与实用性的“笔”之间的界限，尤其是在“笔”的创作中引入“文”的辞采，从而呈现出以文为笔的面貌。

一、

这种重文轻笔的观念比较典型地反映在萧绎的《金楼子·立言》中：“笔退则非谓成篇，进则不云取义，神其巧惠，笔端而已。”这里“成篇”的“篇”当即是“篇什之美”的“篇”，指具有辞采、声韵、抒情特质的“文”。这句话是说笔退一步来说没有篇什之美，进一步来说又不能阐发义理，不过是一点小巧的心思。因此萧绎“性不耐奏对”，又在《金楼子》中说到：“刘备叛走，曹操使阮瑀为书与备，马上立成。有以此为能者，吾以为儿戏耳。”[萧绎，1986，c.38]他在《金楼子·立言》中引用王充《论衡》的一段文字也体现出了他的态度：“夫说一经者为儒生，博古今者为通人，上书奏事者为文人，能精思著文连篇章为鸿儒，若刘向扬雄之列是也。盖儒生转通人，通人为文人，文人转鸿儒也。”[萧绎、许逸民，2011]“上书奏事”自然是“笔”，而“精思著文连篇章”则近似于“文”。在这样的等级序列中，“文”显然要高于“笔”。

重文轻笔是当时人的普遍看法。范晔就提出了“手笔差易”之说，认为笔的写作难度要低于文，又认为要获取文名就要多致力于“事外远致”，体现出时人普遍重文之风。颜延之提出言、笔、文三个依次递进的等级，重文轻笔的意思也很明确。《南史·任昉传》：“（任昉）既以文才见知，时人云‘任笔沈诗’。昉闻甚以为病。晚节转好著诗，欲以倾沈，用事过多，属辞不得流便，自尔都下士子慕之，转为穿凿，于是有才尽之谈矣。”[李延寿，1975]任昉不满于时人“沈诗任笔”的评价，而一心想要在诗歌上超过沈约，结果招致才尽之谈，也充分体现了诗歌在时人心目中的分量要远远超过笔。

二、

在这种重文轻笔观念的影响下，人们在写作笔体时往往会吸取文之特质，从而突破传统的文笔界限，形成以文为笔的破体。当时人详于序文的写法正是这种以文为笔情况的体现。

如沈约的《齐故安陆昭王碑序》萧统歌颂萧缅在姑苏的政绩，在以“姑苏奥壤，任切关河，都会殷负。提封百万”描写姑苏之繁华后，又加之以“全赵之袷服从台；方此为劣，临淄之挥汗成雨，曾何足称”；在以“乃鸿蹇旧吴，作守东楚。弘义让以勳君子，振平惠以字小人，抚同上德，绥用中典，疑狱得情而弗喜，宿讼两让而同归”叙述萧缅治理姑苏的政绩后，又加之以“虽春申之大启封疆，邓攸之缉熙萌庶，不能尚也”；这样的铺陈将客观冷静地叙述变为了热情洋溢地赞美，在辞采华美的同时增

强了文章的抒情性。沈约此文在声律上也颇为讲究。笔者统计其声病情况，发现上尾比例只有2.0%，隔句上尾比例为7.6%，不合律的散句比例1.5%，总和11.1%，可见沈约在写作此文时有意识地避忌声病以求声韵的和谐。由此可见，萧绎提出的辞采、声韵、抒情三大文之特质在沈约的这篇碑序中都有不同程度的体现。《文心雕龙·诔碑》：“夫属碑之体，资乎史才，其序则传，其文则铭。”[刘勰，1958]可见碑序的写法本应近于史传，讲究客观冷静地叙。沈约等在碑序之中大量引入赋笔之铺排，正是以文为笔的具体表现。

三、

南朝文章创作中的以文为笔并不仅仅体现在序文的写作中，更表现在赋对其他各类笔体的渗透、影响上。赋一直是“文”中最重要的文体之一，南朝文人以文为笔，往往吸取赋体的结构手法。这里略举数例，以见当时各类笔体在赋的影响下所呈现出的赋化特征。

首先来看鲍照《登大雷岸与妹书》。这是鲍照于元嘉十六年秋前往江州赴任临川国侍郎途中写给妹妹鲍令暉的家书。这类家书本应写得明白简易，不过鲍照此文却大量吸取了赋体的表现手法，铺文摘采，描写深密，展现了极强的文学性。

文中按照“南则”、“东则”、“北则”、“西则”的方位铺排罗列，正是典型的赋体结构。其铺排之纵横驰骋不仅极富气势，且能淋漓尽致地描绘景物的各种情态。如“腾波触天”以下连续铺排十四个整齐的四字句，每一句都描绘出江水奔涌过程中的不同情态，又在层层推进的语势中，将其汹涌澎湃的气势推上了顶峰。因此许榭赞之曰：“句句锤炼无渣滓，真是精绝。”大量的铺陈排比中亦不乏细致生动的景物描写，如“争气负高”以拟人化的笔触生动地描绘出山峰之间各仗高峻，相互争雄的气势；“含霞饮景”又以夸张的手法表现出诸峰上接云霞，超然于众景之上的高耸之状，巍峨的高山因而有了飞动的气势。前四句写诸峰之高耸，五六句则重在表现诸峰连绵之广，最后两句则综合纵横两个方面加以总括，又从不同的角度完成了对“积山万状”的铺写。许榭评曰：“历言形胜之奇，运意深婉，铸词精缛。”由此看来，《登大雷岸与妹书》虽然是一封家书，但却通篇赋笔，辞采华美，刻画精工，体现了当时书信这一文体在赋体影响下所呈现出的赋化特征。

其次来看刘孝标的《广绝交论》。《文心雕龙·论说》：“述经叙理曰论。”又：“是以论如析薪，贵能破理。”[刘勰，1958]论本应为说理性的议论文字，刘孝标此文却展现出更多的赋体特征。

《广绝交论》的赋体特征首先表现在纲目张举，分类铺叙的赋式结构。全文总体而言可以分为三个部分：开头假托主客问答引出主题，并总述当时“素交尽，利交兴”的情形。第二部分将“利交”细分为势交、贿交、谈交、穷交、量交五类，分别加以铺叙并在最后予以总结。最后联

系实际抨击昔日受到任昉恩惠的友人在任昉故去后不照顾其生活艰难的遗孤。如果去掉最后对现实的抨击的话，这样的结构与江淹的《别赋》、《恨赋》¹十分相似。

《广绝交论》的赋体特征还表现在辞采的铺陈排比。如其论“势交”，前半段极力渲染掌权者权势之滔天，后半段则从各个角度铺写众多趋炎附势者极力依附、阿谀之状。在这种夸张地铺排描写中，趋炎附势者的交游心理得到了生动形象的刻画。孙月峰评曰：“议论纵横，不及《辨命》，而工细过之。撰语绝工妙，不慌不忙，逐节描写，皆得其神，盖议论中之赋。”这一评价指出了《广绝交论》在“论”之分析说理上有所不足，却在“赋”之铺陈描写上颇具特色，因而被称为“议论中之赋”，这也正体现了《广绝交论》受赋体影响之深。

最后来看吴均的《饼说》。据《文心雕龙·论说》，“说”之文体出于战国辩士之游说上书，与“论”类似而同为说理性文字。吴均此文借刘裕与程季的对话说饼，其核心内容就在于中间程季的一段铺排。他从原料、工序等各方面铺叙饼之制作过程及饼之色、香、口感，颇得体物之妙。不过这种写法纯为赋笔，与说理议论已经没有太大关系了。

总而言之，随着文学的发展，南朝文人对“文学”的特质逐渐得到了比较清晰的认识，他们在讲究文笔之辨的同时又产生了重文轻笔的观念。在此影响下人们在写作笔体时往往会吸取文之特质，从而突破传统的文笔界限，形成以文为笔的破体，这尤其表现在赋对于其他文体的渗透、影响上。这种情况实质上是时代文学愈发兴盛的表现，为梁陈之际宫体文的兴起奠定了基础。

参考文献

- 萧绎、许逸民.金楼子校笺.北京:中华书局,2011,1540页
李延寿.南史.北京:中华书局,1975,1008页
萧统、李善.文选.上海:上海古籍出版社,1986,2610页
刘勰、范文澜.文心雕龙注.北京:人民文学出版社,1958,632页

¹ 《文选》卷十六。

РАЗДЕЛ II

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

УДК 94(470+571)

Ю. Г. Благодер

Кубанский государственный технологический университет
Краснодар

СУДЬБА ПАМЯТНИКОВ СТАРИНЫ В КИТАЕ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)

Аннотация. Представлен анализ публикаций газет и журналов, издававшихся в России в конце XIX – начале XX в., делопроизводственных документов, путевых заметок и дневников европейцев и россиян, живших в Китае. Основное внимание уделено изучению проблемы сохранения памятников культуры в период военных действий. На примере истории Китая конца XIX – начала XX в. (восстание ихэтуаней, революция, начало гражданской войны) показана трагическая судьба уникальных произведений искусства и отношение общества к культурному наследию прошлых эпох.

Ключевые слова: Китай, памятники культурного наследия, восстание ихэтуаней, революция в Китае, гражданская война в Китае.

Y. Blagoder

Kuban State Technological University, Krasnodar

THE FATE OF ANTIQUE MONUMENTS IN CHINA (LATE XIX – BEGINNING OF XX CENTURY)

Abstract. The article provides an analysis of articles from newspapers and magazines published in Russia in the late 19th - early 20th centuries, office documents, travel notes and diaries of Europeans and Russians living in China. The main attention is paid to the study of the problem of preserving cultural monuments during the wars. On the example of the history of China in the late XIX - early XX century (the uprising of the yihetuanians, the revolution, the beginning of the civil war) shows the tragic fate of unique works of art and the attitude of society to the cultural heritage of past eras.

Keywords: China, monuments of cultural heritage, rebellion of the yihetuanians, the revolution in China, the civil war in China.

Проблема сохранения памятников культурного наследия народов, живущих в различных регионах мира, привлекает к себе внимание просвещенной общественности на протяжении многих столетий. Природные катаклизмы, войны и восстания уничтожали в прошлом и не щадят сегодня не только людей, но и ценнейшие произведения искусства, созданные та-

лантом и упорным трудом мастеров. Цель данного исследования – обратиться к истории Китая конца XIX – начала XX в., наполненной трагическими событиями (восстание ихэтуаней, революция, начало гражданской войны), и показать, изменилось ли в этот период отношение общества к тому, что ранее представляло большую ценность.

В качестве исторического источника использованы высокоинформативные публикации газет и журналов, издававшихся в России в конце XIX – начале XX в., делопроизводственные документы, путевые заметки и дневники, составленные европейцами и россиянами, жившими в Китае. Среди авторов действительный статский советник, чрезвычайный посланник и полномочный министр в Пекине (1909 г.) Иван Яковлевич Коростовец, российский эмигрант, в период гражданской войны в Китае служивший в армии генерала Чжан Цзунчана, Иван Иванович Штин, французский путешественник и журналист Жан Род. Часть материалов, собранных известным востоковедом Н. В. Кюннером, сегодня находятся в архиве Музея антропологии и этнографии Российской академии наук.

Произведения китайского искусства, попав в Европу, поражали своей неповторимой красотой, каноны которой не соответствовали привычным и понятным. Не избежала увлечения Востоком и Россия. Фарфоровая посуда, вазы и статуэтки, изделия с лаковой поверхностью, резьба по кости, нефриту и дереву, вышивки и прочее становятся экспонатами бесценных коллекций в домах правителей и знати. Владение восточными вещами превращается в символ благосостояния и утонченного вкуса. В XVIII–XIX вв. немногие аристократические семьи могли наполнить дорогами диковинками собственный «китайский кабинет» [Благодер, 2009 b, с. 74–82]. Есть исторические свидетельства о собирании китайских произведений искусства и предметов утвари царем Алексеем Михайловичем и его венценосными потомками. Крупные коллекции размещают в своих стенах Кунсткамера [Благодер, 2009 а, с. 35–37] и Эрмитаж, небольшие собрания можно было увидеть и в провинциальных музеях. В настоящее время экспозиции продолжают пополняться.

Известный немецкий исследователь, автор научно-популярных статей об эволюции человека и культуры Эрнст Краузе (псевдоним Карус Штерне) на страницах журнала «Нива» отмечал, что европейцы напрасно относятся к китайцам с презрением, так как они «в области многих искусств и ремесел не только предупредили нас, но и до сего дня далеко оставляют нашу промышленность» [Штерне, 1891, с. 767]. Он выделял предметы декоративно-прикладного искусства, в которых воплотились талант и утонченный вкус мастеров, и называл их образцами «удивительного терпения и ловкости, в которых навык превзошел науку» [Штерне, 1891, с. 767].

Многовековая и вполне самодостаточная культура народов Китайской империи начала претерпевать трансформацию под натиском оружия европейских армий, с помощью них государства, которые ранее не могли

беспрепятственно властвовать на территории Китая, пытались реализовать свои экономические проекты. Под влиянием европейских колонизаторов, чья алчность отражена во многих сюжетах мировой истории, в Китае разрушается мощная административная система. Это приводит к изменению привычного уклада жизни местного населения, вызывает коррозию их нравственных принципов.

В конце XIX в. Китай посетило достаточно много европейских миссионеров, ученых, публицистов, которые, вернувшись на родину, отдавали в печать статьи или публиковали отдельным изданием свои воспоминания об увиденном на Востоке. На страницах газеты «Далекая окраина» Жан Род дает негативную оценку слепому подражанию европейской культуре, которое можно было наблюдать в Китае на стыке столетий. Реформисты «обезличивали города, уничтожая прекраснейшие виды» [МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 70. Л. 7], позволяли возводить здания «ужасного выставочного характера» [МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 70. Л. 7], не замечая варварский диссонанс архитектурных решений, закрывали глаза на царящее разорение и осквернение культовых центров, продажу иностранцам сокровищ, в том числе скульптурных изображений Будды, хранившихся в пагодах и монастырях.

На протяжении многих веков в Китае вырабатывалось особое отношение к древности, которая воспринималась в качестве непререкаемого источника мудрости. В период восстаний, войн и революции все меньше внимания уделялось воспитанию у подрастающего поколения бережного отношения к наследию предков, ответственности за его сохранность. Революционно настроенное молодое поколение китайцев проявляло неуважение к старине. Следует отметить, что большая часть из них не понимала и потому превратно истолковывала принципы и понятия европейской культуры. По их мнению, все, что не поддавалось модернизации по европейским стандартам, должно уйти в прошлое. В результате началась деформация или полное уничтожение памятников, которые не соответствовали канонам современного стиля. Этим пользовались иностранцы, стремившиеся пополнить частные коллекции экзотическими восточными предметами древности, «при этом уродуя памятники, которые не удавалось увезти целиком» [МАЭ РАН. Ф. 40. Оп. 1. Д. 37. Л. 3].

Наибольшие потери миру искусства принесли военные действия. Как отмечал И. Я. Коростовец, во время карательных экспедиций иностранных армий безжалостно уничтожались огромные собрания старинных произведений искусства, скупались за бесценок и отправлялись за границу драгоценности [Коростовец, 1910, с. 280]. Военные силы западных держав и Японии, США жестоко подавили восстание ихэтуаней. В ходе боев гибли тысячи китайцев, подвергались разрушению архитектурные шедевры. Захватывая Пекин, коалиционные войска (России, Японии, США, Франции, Британской империи) использовали всю мощь современного

оружия. Артиллерийский огонь велся и по императорскому дворцу. В течение месяца город подвергался разграблению. Об этом трагическом событии существует много свидетельств. К примеру, князь Э. Э. Ухтомский писал С. Ю. Витте об осквернении святынь, варварском уничтожении богатств, хранящихся в залах резиденции Сына Неба; Н. П. Линевиц ставил в известность А. Н. Куропаткина о том, что видел у британских подданных комнаты, до потолка наполненные награбленными сокровищами, которые отправляли в Индию или продавали на аукционе в своей миссии. При этом захватчики обвиняли друг друга в чрезмерной жестокости и корыстолюбии.

Преподаватели Восточного института (г. Владивосток), выдающие представители российской школы китаеведения Н. В. Кюнер, А. В. Рудаков, а также их студенты неоднократно посещали Китай с научными целями. К примеру, профессор А. В. Рудаков изучал в Мукдене, Цицикаре, Хуньчуне книгохранилища и архивы, которые размещались в резиденциях императоров династии Цин. Часть книг из этих хранилищ пострадала в ходе тяжелых боев в период восстания ихэтуаней. Свидетельства о запустении хранилищ книг, самых ценных и чтимых сокровищ в Китае, находим в его научных трудах. Ученым было обследовано состояние более 30 000 экземпляров [Рудаков, 1901b, с. 1–56], которые «заботливо сокрыты вековой пылью, заволакивающей все своим однообразным серым покровом» [Рудаков, 1901a, с. 18]. Как отмечает исследователь, многие ящики рассохлись, вследствие чего «книги вывалились и явились приютом сороконожек и скорпионов» [Рудаков, 1901b, с. 18].

Как писал в своем донесении российский дипломат И. Я. Коростовец, цинское правительство поглощено решением политических проблем, восстановлением порядка в стране. Между тем для того, чтобы пробудить в народе патриотические чувства и веру в возрождение могущества империи, был подготовлен проект Положения об охране уникальных произведений. В нем говорится о том, что губернаторы должны нести ответственность за сохранность древних памятников: во-первых, восстанавливать разрушения за счет средств органов местного самоуправления и пожертвований частных лиц; во-вторых, контролировать судебные органы, которые обязаны взимать штрафы и подвергать более тяжелым видам наказания «разных негодяев, в том числе и монахов кумирен и часовен, которые воровали предметы древности и продавали их иностранцам» [Коростовец, 1910, с. 282].

Огромные потери мир китайского традиционного искусства понес в годы революции (1911–1912 гг.). Как писали российские газеты того времени, «китайцами овладела страсть к разрушению всего китайского и самобытного» [МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 37. Л. 14]: по европейскому и японскому (ранее модернизированному европейцами) образцу реорганизовывали правительственные учреждения, изменяли социальные устои и нравственные принципы. «Этот иконоборческий пыл коснулся и памятников старины, которые теперь считались символами национального застоя» [МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1.

Д. 37. Л. 14]. В последующие годы гражданской войны общество проявляло все меньше внимания и заботы к памятникам старины.

Низвергнут Сын Неба, который был традиционным символом единства и мощи Китайской империи на протяжении многих столетий. Гражданская война расколола Срединную империю и ее жителей на несколько лагерей. Лидер каждого из них стремился к власти, не щадя жизни своих солдат. Один из наиболее влиятельных военачальников Фэн Юйсян в российской публицистике часто именовался «христианский генерал». Между тем его военная политика не соответствовала принципам христианской религии, которую он принял, но в полной мере копировала поведение европейцев-христиан, варварски уничтожавших и своих противников, и великие творения их культуры. И. И. Штин отметил в своем дневнике (запись от 15 января 1926 г.), что после свержения монархии «китайцы оставили в неприкосновенности пекинский дворец и молодого императора со всем штатом его придворных, жен, прислуги» [Дневник майора ... , 1910], но «христианский генерал» Фэн Юйсян, захватив город, сразу выселил из покоев Пу И и его семью, издевался над всеми, кто находился рядом с ними. Факт демонстрации презрения к поверженному правителю, неуважение к древней традиции для новой власти послужил сигналом о том, что настало время безнаказанной расправы с прошлым: дворцы вновь подверглись разграблению, «драгоценнейшее имущество распродалось христианским проповедникам любви и мира – методистам-американцам» [Там же]. Солдаты армий других китайских милитаристов также не щадили творения культуры собственного народа, вскрывали могилы, «растаскивали спрятанные в них сокровища: драгоценные камни, изделия из золота и серебра, замечательные изделия культуры» [Там же].

Как отмечал И. Я. Коростовец, несмотря на привязанность китайцев к старине, идеализирование древности и превращение почитания мудрецов прошлых веков в настоящий культ, в тяжелые годы восстаний, войн и революций произведения искусства, запечатлевшие важнейшие моменты истории Китая и достижения его уникальной культуры, «обречены на неизбежное разрушение» [Коростовец, 1910, с. 280].

Подводя итог, следует отметить, что анализ публикаций российских печатных периодических изданий и дневников очевидцев исторических событий позволил определить уровень осведомленности россиян (дипломатов, ученых, военных) о влиянии политических процессов, происходящих в конце XIX – начале XX в. в Китае, на сохранение культурного наследия народов, проживающих на его территории. Вмешательство иностранных государств в дела Китая привело к массовому уничтожению и разграблению памятников культуры завоевателями и запустило процесс трансформации не только политической и социально-экономической систем, но духовных ценностей. По данным китайских специалистов, несколько миллионов лучших произведений искусства бесследно исчезли в годы восстаний, революции и войн.

Литература

Архив Музея антропологии и этнографии Российской Академии наук (МАЭ РАН). Ф. 8. Кюнер Н. В. Оп. 1. Д. 37. Охрана памятников старины в Китае. Л. 1–20.

Благодер Ю. Г. Произведения китайского декоративно-прикладного искусства в фондах Кунсткамеры (XVIII в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009а. № 3 (4). С. 35–37.

Благодер Ю. Г. Формирование академических и частных коллекций предметов китайского прикладного искусства в России (XVIII–XIX вв.) // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2009б. Т. 151, № 2-2. С. 74–82.

Дневник майора И. И. Штина // С. С. Балмасов Белоэмигранты на военной службе в Китае. URL: <https://istorja.ru/forums/topic/1855-dnevnik-mayora-ii-shtina-1924-1926-gg/> (дата обращения: 31.05.2021).

Короستовец. Донесение. Высочайше утвержденное положение о порядке отыскания и охраны древностей в Китае // Известия Академии наук. 1910. № 4. С. 280–284.

МАЭ РАН. Ф. 8. Оп. 1. Д. 70. О прогрессивных изменениях в Китае. [1909–1920]. Л. 1–20.

Рудаков А. Богдыханские дворцы и книгохранилища в Мукдене // Известия Восточного института. 190 а. Т. 3. Вып. 1. С. 1–40.

Рудаков А. Каталог важнейших произведений китайской литературы, хранящихся в Мукденской библиотеке // Известия Восточного института. 1901б. Т. 3. Вып. 1. С. 1–56.

Штерне К. Китайские волшебные зеркала (с рис) // Нива. 1891. № 35. С. 767–768.

УДК 929

А. Л. Верченко

Институт Дальнего Востока РАН, Москва

КИТАЙСКИЕ СТУДЕНТЫ КУТК: РЕКОНСТРУКЦИЯ ОДНОЙ БИОГРАФИИ (ВЕРА, НАДЕЖДА, ЛЮБОВЬ НАДЕЖДЫ НЕВЕРОВОЙ)

Аннотация. На основе российских архивных документов и материалов китайского происхождения восстановлена в полном объеме биография студентки второго набора Университета им. Сунь Ятсена Ли Ханьфу (Неверовой). Отмечается, что ее судьбу можно считать типичной для китайских студентов, обучавшихся в СССР в 1920-е гг., демонстрировавших целеустремленность в овладении революционной теорией и практикой.

Ключевые слова: китайские студенты в СССР, Коммунистический университет трудящихся Китая (КУТК), Неверова.

A. Verchenko

Institute of Far Eastern Studies, RAS, Moscow

CHINESE STUDENTS OF SUN YAN-SEN UNIVERSITY: RECONSTRUCTION OF ONE BIOGRAPHY (FAITH, HOPE AND LOVE OF NADEZHDA NEVEROVA)

Abstract. The article bases on the Russian archive documents and materials of Chinese origin, reconstructs the biography of a student of the second enrollment of Sun Yat-sen University Li Hanfu (Neverova). Her fate can be considered typical for Chinese students in the Soviet Union in the 20s of the XX century who demonstrated a commitment to mastering revolutionary theory and practice.

Keywords: Chinese students in the USSR, Sun Yan-sen University, Neverova.

В 2008 г. издательстве «Крафт+» вышла книга «Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена в Москве и китайская революция» [Шэн Юэ, 2009], на обложке которой помещена фотография группы китайских студентов (рис.). Повторно фотография появилась на обложке альбома «Китайские революционеры в Советской России (1920–1930-е годы)» [Аринчева, 2015]. Расшифровкой имен участников и обстоятельств фотосессии занимались А. Л. Верченко и В. Ц. Головачев. По результатам исследования опубликована статья [Верченко, Головачев, 2021].

Рис. Фотография группы китайских студентов: первый ряд слева направо: Каналов (Сунь Цзиминь, Сунь Цзимин), Воробьева (Шэнь Ляньчунь), Бородин (Шэнь Чжюань), Мицкевич (Шэн Чжунлян, Шэн Юэ); второй ряд слева направо: (?), Гришин (Се Цзяньминь), Неверова (Ли Ханьфу), (?), Васильев (Ян Сун)

На оборотной стороне фотографии синими чернилами написаны русские фамилии некоторых персонажей. При поступлении в университет китайским студентам в целях конспирации давали русские фамилии. В ходе изучения архивных документов и многих других материалов на русском, китайском, английском языках были идентифицированы семь из девяти персонажей на фотографии.

Фотография была сделана в Москве, скорее всего, летом 1928 г., в год, когда в Подмоскowie проходил VI съезд КПК (18 июня – 11 июля). Многие студенты выполняли на нем вспомогательную работу. Все молодые люди с фотографии имели хороший уровень русского языка и еще во время учебы неоднократно привлекались к письменным и устным переводам. Так, Воробьева работала с вдовой Сунь Ятсена Сун Цинлин, с известным профсоюзным деятелем Дэн Чжунся; Бородин переводил лекции и семинары в университете; переводчиками в КУТК, Профинтерне, издательстве

университета во время учебы работали Мицкевич, Гришин, Неверова. Предметом исследования в данной статье является биография Неверовой (Ли Ханьфу), в которой до последнего времени оставались белые пятна.

Документы, хранящиеся в РГАСПИ, дают представление об учебе китайских студентов в университете и годы их работы в СССР. Благодаря книгам, статьям, воспоминаниям, устным историям стало возможным установить дальнейшую судьбу запечатленных на фото молодых юношей и девушек, тем самым расширить сведения о содержании обучения китайских студентов, состоянии советско-китайского взаимодействия в годы национально-революционного движения в Китае, а также о той роли, которую подготовленные в КУТК кадры сыграли в истории Китая.

Девушка во втором ряду не была опознана автором надписей на обороте фотографии. Ее имя определил случайно увидевший фотографию бывший воспитанник Ивановского интернационального детского дома Анатолий (Ли Доли). Он был знаком с сыном героини, Владимиром¹, также воспитанником Ивановского интердома², и видел фотографию его матери. Так стало известно имя еще одного участника (участницы) фотосъемки. До сих пор не установленной остается личность молодого человека рядом с Неверовой. Его рука на плече девушки может свидетельствовать об их близких отношениях. Так, обнявшаяся пара в первом ряду – муж и жена. Хотелось бы по аналогии предположить, что и молодой человек рядом с Неверовой – ее муж. Однако документального подтверждения этой гипотезы пока не имеется. Зато, зная имя девушки, стало возможным изучить подробнее ее биографию. По разным сведениям, она погибла в Китае вскоре после возвращения на родину. Однако обстоятельства и время этого события оставались в области домыслов и предположений. В рамках данной статьи освещается путь поиска материалов о Неверовой из российских и китайских источников. В результате удалось реконструировать ее полную биографию.

На московском фото видно, что молодые люди уже адаптировались к новой среде. На них естественно сидят западные костюмы, модные по тому времени рубашки. Торжественность моменту придают галстуки у юношей. Бородин сидит в рубашке, не в костюме, возможно, потому что «пиджак зеленого цвета из японского материала, сшитый по английскому фасону» [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 1144. Л. 34] у него украли в июне 1928 г. Прически юношей также изменились по сравнению с тем временем, когда будущие студенты снимались на документы в фотоателье в

¹ Сын Неверовой – Неверов Владимир (Шэнь Линьжу) (1927–2020). После отъезда матери в Китай воспитывался в Ивановском интердоме, закончил Ленинградский технологический институт.

² В Ивановском интернациональном детском доме воспитывались дети китайских революционеров, в том числе Мао Цзэдуна, Чжу Дэ, Лю Шаоци и многих других.

Шанхае. Девушки захотели запечатлеть себя не в традиционной китайской одежде и даже не в привычных для китайок того времени светлых блузках и темных юбках, а в европейских платьях с модными короткими стрижками, с популярными в то время длинными, почти до глаз, челками. Косынка на голове Неверовой делает ее похожей на советских комсомолок-активисток 1920-х гг.

Пожалуй, этой девушке легче других было привыкнуть к новым условиям и распорядку жизни в Москве, потому что она четыре года училась в миссионерской школе, где преподавали иностранные учителя и где она познакомилась с западным образом жизни.

Неверова, китайское имя Ли Ханьфу (Ли Сюцин при рождении), появилась на свет в 1906 г. в Нинбо, провинция Чжэцзян, в бедной семье. Начальную школу помогли закончить братья и соседи. Учебу девочка продолжила в миссионерской школе Riverside Girls' Academy, благо обучение было бесплатным. К этому времени семья уже не могла ей помогать. В школе ее звали Pearl Lee.

После первой опиумной войны по условиям Нанкинского договора порт Нинбо стал одним из пяти портов, открытых для международной торговли. Вместе с деловыми иностранцами в город потянулись миссионеры. Усилиями баптистской и пресвитерианской церквей в 1857 г. в городе открылась школа для девочек, которая, по данным книги Лю Инцзе «Основные события в образовании в Китае», считается первой миссионерской средней женской школой в Китае. Когда туда поступила Ли Ханьфу, она называлась Юнцзянской женской средней школой. Директором работала американка китайского происхождения Сюй Мэйчжэнь. Девочкам давали знания по английскому языку, педагогике, биологии, естествознанию, учили шитью и вышивке. Помимо классных комнат и общежития, в школе имелись лаборатория, библиотека, музыкальный и спортивный залы. Бинтование ног девочкам было препятствием для поступления в школу. Представляется, что миссионеры более строго выполняли правительственные предписания, чем сами китайцы, повсеместно бойкотировавшие указания властей. Ли Ханьфу рано стала самостоятельной, надеялась только на себя. Во время учебы она вынуждена была подрабатывать то дежурной по столовой, то помощницей в библиотеке. Без поддержки семьи она нуждалась в деньгах, хотя школа и обеспечивала учениц самым необходимым – общежитием, формой и питанием [甬江]. Ли Ханьфу проучилась в школе четыре года, была председателем ученической организации. В автобиографии в 1927 г. она напишет, что в 1925 г. «закончила американскую гимназию», бросила ее, потому что «почувствовала ее вред», в период обучения «читала литературу по общественным вопросам» [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 2986. Л. 2]. В июле 1924 г. девушка вступила в Социалистический союз молодежи Китая (ССМК), который имел определенное влияние в

школе, и группа молодежи, в том числе Ли Ханьфу, в его рядах участвовали в молодежном движении.

Как следует из хранящейся в личном деле в РГАСПИ анкеты, заполненной Ли Ханьфу при поступлении в КУТК в 1927 г., она начала политическую деятельность в 1923 г., т. е. практически с момента поступления в Юнцзянскую школу, когда ей было 14 лет. Тогда же она присоединилась к Гоминьдану. Однако точных сведений, в какую именно организацию она вступила, нет. Гоминьдан как правящая партия имел разветвленную сеть низовых организаций, в отличие от КПК действовал легально. Если учесть, что на I съезде Гоминьдана в январе 1924 г. было принято решение об усилении работы с женщинами, ячейка Гоминьдана могла существовать в женской школе. Если руководство школы допускало работу ССМК, то деятельность организации правящей партии была совершенно естественной. Достоверно известно, что в КПК Ли Ханьфу вступила в 1925 г. после событий 30 мая в Шанхае по рекомендации секретаря Чжэцзянского провинциального комитета КПК Чжан Цюжэня и секретаря Нинбоского комитета КПК Ян Мэйшаня. Поручительство партийных руководителей провинциального и городского уровня свидетельствует о том, что партия ценила достижения Ли Ханьфу в порученной ей работе среди грузчиков, текстильных рабочих и студентов. Шанхай в 1925 г. был центром стачечного движения, положившего начало китайской революции 1925–1927 гг. – крупнейшего события в новейшей истории Китая. Ли Ханьфу поддержала выступления рабочих за свои права, активно включилась в национально-революционное движение, участвовала в антиимпериалистических демонстрациях и митингах, распространяла листовки. Работая учительницей английского языка и музыки в школе, она нелегально выполняла партийные поручения в Шаосине, Шанхае, потом в Нанкине, работала в издававшемся Шанхайским местным партийным комитетом журнале «Сюаньшэ» (1925 г.); участвовала в праздновании первой годовщины событий 30 мая (1926 г.), в рабочих забастовках, в акциях против христианства; в комсомоле была секретарем ячейки, в Шаосине организовала женскую ассоциацию, работала в женских комитетах Гоминьдана и КПК провинции Цзянсу [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 2986. Л. 8, 9]. Отличительной чертой первого единого фронта КПК и Гоминьдана (1924–1927 гг.) было то, что многие коммунисты на индивидуальной основе вступали в Гоминьдан, продолжая отстаивать линию КПК. Так, женщины – члены КПК раннего периода занимали одновременно должности в женских комитетах и КПК, и Гоминьдана (первая китайская коммунистка Мяо Боин, известные деятельницы женского движения Цай Чан, Сян Цзиньюй и др.). После апреля 1926 г. Ли Ханьфу преподавала в средней школе при Шанхайском университете, в это же время окончила один класс средней школы второй ступени, специализировалась на биологии, продолжала партийную работу. Многие девушки в то время видели свое предназначение в просвещении, в

первую очередь в преподавании естественно-научных дисциплин, рассматривая их как основу для технического прогресса страны и выхода Китая из кризиса. Многие из приведенных выше подробностей из биографии Ли Ханьфу известны лишь из анкет или автобиографий, хранящихся в ее личном деле в РГАСПИ, и не нашли отражения в посвященной ей статье на китайском языке на сайте Байкэ. Кроме того, отдельные детали изложены по-разному в анкетах, заполненных в разные годы. Частично это вызвано языковыми проблемами. Так, в сведениях о семье Неверова, не разобравшись в разнице в значении слов *купец* и *кассир*, написала, что ее брат был купцом, хотя на самом деле он был кассиром. Эта ошибка обернулась критикой за непролетарское происхождение на одном из собраний в КУТК. Пришлось объясняться. В другой анкете она пишет, что вступила в Гоминьдан по рекомендации партии, хотя членом Гоминьдана она стала в 1923 г., а членом КПК – в 1925 г. Даже месяц рождения указан по-разному: то апрель, то сентябрь, то ноябрь 1906 г.

Ли Ханьфу, как многие передовые молодые люди в Китае, под впечатлением завоеваний Октябрьской революции и достижений социалистического строительства в СССР мечтала попасть в Советский Союз на учебу. После установления дипломатических отношений между СССР и Китайской Республикой в 1924 г. сведений о северном соседе стало поступать больше, чем в определенной степени способствовало также установление единого фронта между Гоминьданом и КПК. Одним из направлений сотрудничества была подготовка кадров китайских революционеров, для чего в Москве в 1925 г. открыли Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена. Ли Ханьфу была включена во вторую группу студентов, направлявшихся на учебу в Университет трудящихся Китая по решению Шанхайского городского комитета КПК от 29 января 1927 г., утвержденному ЦК партии. Ли Ханьфу оказалась в одной группе с Шэн Чжунляном, одним из участников будущей фотосъемки [孙耀文, 1996, с. 51]. Следует отметить, что в связи с возникновением принципиальных разногласий в едином фронте между КПК и Гоминьданом во вторую группу набирали в основном членов КПК в отличие от первой, где было немало гоминьдановцев. П. Миф отмечал, что с 1928 г. «в смысле студенческого состава, учебных программ и воспитательных планов полностью перешли на рельсы коммунистического ВУЗа» [РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 48. Л. 49]. Будущие студенты ехали отдельными группами. Ли Ханьфу добиралась на пароходе из Шанхая до Владивостока, куда прибыла 2 февраля, а 18 марта приехала поездом в Москву [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 2986. Л. 9].

При поступлении в университет Ли Ханьфу получила студенческий билет № 620 на фамилию Неверова. Можно предположить, что фамилию выбрали исходя из того, что девушка сразу заявила о непримиримости к христианской вере. Русские фамилии студенты должны были использовать в период учебы. Именно по фамилиям они обращались друг к другу

на занятиях, на собраниях в университете. Имена китайцы выбирали себе сами, руководствуясь личными соображениями. Так, Мицкевич звался Федор Адамович, Васильев – то Николай Иванович, то Никифор Васильевич, Гришин – Василий Демьянович, Воробьева – Варвара Алексеевна. Ли Ханьфу взяла себе имя Надежда Николаевна.

Надежда со свойственным китайской нации упорством осваивала русский язык и другие общественные дисциплины, была задействована на организационной работе в качестве старосты, секретаря кружка (так назывались учебные группы), на 2-м курсе – старосты партийной группы, старосты хорового кружка. Она активно участвовала в клубной работе, выступала на сцене, сопровождала как переводчица студенческие экскурсии.

В период массовых чисток в КУТК в 1929–1930 гг. Ли Ханьфу не избежала критики со стороны одноклассников за сочувствие троцкистам, отсутствие навыка работы с массами, аристократические привычки, остатки миссионерского влияния, нерешительность, поверхностный подход. В объяснительных записках в руководство университета и в проверочную комиссию она писала, что никогда «не имела ни малейшего отношения к контрреволюционным троцкистам и никогда не была колеблющейся», осуждала сокурсников за антимарксистские взгляды и поддержку Чэнь Дусю, писала в стенгазету статьи с критикой позиции Бухарина по китайскому вопросу. Она указывала, что «не умеет выступать резко, а товарищам это кажется примиренческой позицией». [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 298б. Л. 3] Неверова доказывала, что не участвовала в деятельности так называемого Цзянсу-Чжэцзянского землячества (она родом из Чжэцзяна, владела пекинским и шанхайским диалектами), которое критиковали за «групповую замкнутость, антипартийную позицию», за то, что «дружбу ставили выше партии». Следует отметить, что у китайцев традиционно крепки земляческие связи, которые усиливаются в незнакомой среде, особенно за рубежом. Кроме того, многие из приехавших студентов говорили только на своем местном диалекте и не могли свободно общаться со студентами из других провинций, потому что в начале XX в. объединяющий все китайские говоры язык *путунхуа* не был широко распространен на всей территории Китая. Тем не менее деятельность землячеств, которая главным образом сводилась к взаимопомощи, не поощрялась и даже осуждалась как фракционная.

За время пребывания в Москве Неверова закончила обучение в КУТК, работала на производстве (в московской типографии, на электрозаводе), училась в Международной Ленинской школе (МЛШ) работала переводчицей в Восточно-колониальной секции Профинтерна, переводила лекции, сама выступала с лекциями.

В МЛШ она демонстрировала серьезное отношение к учебе, показывала хорошие результаты. В ее характеристике были отмечены активность

и интерес к общественно-политическим вопросам, а также то, что «политически развита, чистку прошла» [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 2986. Л. 59]. Представляется, что вынесенное на собрании кружка в 1929/30 учебном году определение «для самостоятельной политической работы в китайских условиях данных недостаточно» [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 2986. Л. 6] послужило основанием для командирования Неверовой на Дальний Восток в целях приобретения необходимого практического опыта. В 1931 г. Надежду направили в Хабаровск, в Дальневосточный коммунистический университет (Далькомвуз), где готовили партийных и профсоюзных работников из числа «восточников», в том числе китайцев, в основном для угольных шахт и золотодобывающих районов [Залесская, 2007, с. 125]. В качестве доцента она читала лекции, была пропагандистом, проводила политзанятия с китайскими рабочими на Сучанских угольных шахтах, убедила нескольких китайских рабочих вступить в партию. Она работала в коммунах «Зірка» («Звезда») и «Искра», установила дружеские отношения с советскими девушками, позже переписывалась с ними. Китайцев-выпускников КУТК направляли на Дальний Восток (район активного взаимовлияния и синтеза различных цивилизаций) для ведения культурно-просветительской и политико-идеологической работы, для вовлечения китайского населения в социалистическое строительство и приобщение к новой жизни. Неверова работала в Сучанском районе, где корейцев и китайцев было больше всего. Они составляли до 50 % местного населения при среднем уровне в 21 % по области [Исаев, 2018, с. 104]. Секретарь партийной организации Сучанской шахты № 2 А. Базыль хорошо отзывался о работе Неверовой с рабочими и характеризовал ее как активного, дисциплинированного, выдержанного члена партии¹, у которого не было «отклонений от генеральной линии» [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 2986. Л. 35].

Хранящиеся в РГАСПИ документы личного дела Неверовой, в котором собраны анкеты, личные письма, характеристики, протоколы заседаний кружков и другие документы дают представление о том, как проходила ее учеба, общественная работа и личная жизнь. Ее биография типична для китайских студентов и может быть с полным основанием проецирована на других китайских студентов КУТК, которые демонстрировали стремление китайской молодежи в преддверии мировой революции и революции в своей стране получить общественно-политические знания и навыки работы с массами, чтобы применить их в будущем в условиях китайской действительности. Молодые люди познавали советскую реальность: работали на предприятиях, выезжали за пределы Москвы с чтением лекций, на экскурсии по достопримечательностям, на юг на отдых (Неверова неоднократно лечилась в санатории, так как страдала пороком

¹ Неверова вступила в ВКП(б) в 1932 г. Партбилет № 2459117 сдан на хранение в ЦК ВКП(б) 10 января 1936 г.

сердца). Китайцы, как и советские студенты, вступали в кассы взаимопомощи, кооперативные союзы, профсоюзы, МОПР, ОСОАВИАХИМ и прочие организации, платили членские взносы, оплачивали содержание детей в детских садах. Неверова в Москве состояла членом профсоюза работников просвещения СССР, на Дальнем Востоке была членом Хабаровского отделения секции научных работников. По ходатайству ректора университета Мифа студенты получили право присутствовать на заседаниях VI конгресса Коминтерна, слушать выступления докладчиков, расширять таким образом знания о внешнем мире, о советско-китайских отношениях, о национально-революционном движении в Китае.

Не до конца выясненной остается личная жизнь Неверовой. В университете отмечали, что она с большим вниманием относится к личной жизни, чем к жизни коллектива. В Китае у нее был роман и в заполненной по приезде в Москву анкете на бланке 1926/27 учебного года в графе «семейное положение» она написала *замужем*. [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 2986. Л. 8]. Из архивных документов явствует, что в сентябре 1927 г. в Москве она родила сына. В анкете, заполненной при поступлении на работу в Профинтерн, в мае 1930 г. она пишет, что замужем, имеет сына 2 лет [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65а. Д. 9130. Л. 1]. Установить, когда она вышла замуж за Бородин, не представляется возможным, так как браки в то время чаще всего не оформлялись документально. Пара жила в общежитии в комнате Бородина в Гагаринском переулке в Москве. Предположительно, в это время ребенок находился в доме малютки или в детском саду, а с матерью проживал время от времени. (Шэнь Чжюань дал мальчику свою фамилию, во время пребывания в Москве платил за детский сад, после образования КНР содействовал его возвращению на родину.) В 1931 г. Шэнь Чжюань (Бородин) уехал в Китай. Позже Ли Ханьфу вышла замуж за Ли Лисаня, став его четвертой женой. В одном из писем Мифу в 1933 г., находясь в Москве, она пишет: «Я люблю Ли Мина¹, но не могу жить как иждивенка. Без борьбы и без труда это не наша жизнь... Считаю нецелесообразно задерживать меня в СССР» [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 2986. Л. 34].

Неоднократные просьбы, обращенные к руководству КУТК и китайской делегации в Коминтерне, в которых Неверова утверждала, что невозможно считаться «хорошим партийцем» без «закалки и революционной практики», закончились отправкой Неверовой в Китай. Неверова, как многие молодые китайцы, не отличалась крепким здоровьем, у нее был порок сердца. Тем не менее почти все они стремились вернуться домой, чтобы «бороться и участвовать в революции». Они ясно понимали, что условия

¹ Ли Мин – Ли Лисань (1889–1967) – китайский революционер, видный деятель рабочего и профсоюзного движения.

работы в Китае несравнимо тяжелее и опаснее, чем в СССР, однако считали своим долгом «пережить всякие трудности» [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 2986. Л. 34].

В отечественных архивных документах подробно освещен жизненный путь Неверовой до конца 1933 г., до ее отъезда на родину. В последнем сообщении о ней, полученном от жены Чжоу Эньлая Дэн Инчао и Розы¹ в 1940 г., сообщалось о гибели Ли Ханьфу «после поражения советского района в северной Фуцзянь» [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 2986. Л. 1]. По сведениям китайской Википедии, она умерла по дороге на родину [李立三]. Шэн Юэ в своей книге пишет, что она была послана на работу в советский район в Цзянси и пропала [Шэн Юэ, 2009, с. 261].

Введение в исследование новых китайских источников позволило восстановить, хотя лишь в общем виде, последний период жизни Неверовой (Ли Ханьфу) в Китае. Новые подробности стали известны из сообщения в китайской сети Вэйсинь, опубликованного учительницей Дааньской начальной школы г. Уишань (пров. Фуцзянь) Чжан Чжэньсю. Она в свободное время изучает революционную историю своего района, реконструирует биографии людей, воевавших в северной части провинции Фуцзянь. Изучая изданную в 2005 г. Кабинетом истории партии комитета КПК г. Наньпин книгу «История партии северной Фуцзяни в лицах» [中共, 2005, с. 225] и другие китайские исторические документы о революционной опорной базе на стыке провинций Цзянсу-Чжэцзян-Фуцзянь, Чжан Чжэньсю обратила внимание на имя Ли Нацзе (李娜杰). Сопоставление данных о Ли Ханьфу и Ли Нацзе дало ей основание предположить, что это одно и то же лицо и продолжить исследование. Ли Ханьфу изменила имя в целях конспирации, так как она вернулась на родину в период ожесточенной борьбы Гоминьдана против КПК. Если бы Чжан Чжэньсю знала, что в Советском Союзе Неверова носила имя Надежда, созвучное китайскому Нацзе, она бы быстрее утвердилась в правильности своего предположения. Ее поискам помогло обнаруженное в одном из источников упоминание о том, что Ли Нацзе была женой Ли Лисаня.

О встрече с Ли Нацзе, «высокой, полноватой девушкой», в конце 1933 г. писал в мемуарах участник партизанского движения на юге Китая Хуан Чжичжэнь². Она направлялась в Жуйцзинь, столицу советского района, на II съезд Советов, однако не смогла добраться до места. Дорога была перерезана гоминьдановскими войсками, и Ли Нацзе вынуждена была остаться в северной Фуцзяни. Она работала в отделе пропаганды Северо-

¹ Роза – Цай Чан (1900–1990) – известная деятельница женского движения.

² Хуан Чжичжэнь (1920–1993) – участник партизанских действий на юге Китая, сын Хуан Дао, который был членом ЦИК Центрального советского правительства (1931–1934 гг.).

фуцзяньского районного комитета КПК, успешно совмещала политическую и культурно-просветительскую работу. Секретарь парткома Уишань (в то время Чуньань) Лу Жуйин в воспоминаниях, опубликованных в 1986 г. в «Бюллетене по истории партии в Чуньяне», писал, что она ставила хореографические номера, готовила реквизит, шила костюмы по своим эскизам, выступала на сцене. Партия рассматривала культурно-массовую работу как часть политического воспитания народа и придавала ей большое значение. Весной 1936 г. Ли Нацзе (Ли Ханьфу) погибла в одном из боев.

Таким образом, после дополнения документов РГАСПИ историческими материалами китайского происхождения удалось восстановить биографию Ли Ханьфу (Неверовой, Ли Нацзе) в полном объеме. Этот частный пример доказывает важность и плодотворность объединения исследований, проводимых в России и Китае, соединения воедино материалов из разных источников, тщательного изучения, анализа, сравнения и сопоставления всего комплекса фактов и событий.

Литература

Аринчева Д. А. Китайские революционеры в Советской России (1920–1930-е годы). М. : Весь мир, 2015. 192 с.

Верченко А. Л., Головачев В. Ц. Опыт расшифровки «китайских силуэтов»: старое фото из архива университета имени Сунь Ятсена в Москве // Проблемы Дальнего Востока, 2021. № 2. С. 83–96. <https://doi.org/10.31857/S013128120014726-9>

Залеская О. В. Основные направления в образовании и обучении китайского населения на советском Дальнем Востоке в 20–30-е годы XX в. // Вестник ДВО РАН. 2007. № 5. С. 115–129.

Исаев А. А. Политико-идеологическая работа среди китайского и корейского населения Дальнего Востока СССР в 1930-е гг. (на примере Приморской области) // Гуманитарные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 3. С. 101–109.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 65а. Д. 9130.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 1144.

РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 225. Д. 2986.

РГАСПИ. Ф. 530. Оп. 1. Д. 48.

Шэн Юэ. Университет имени Сунь Ятсена в Москве и китайская революция. Воспоминания / пер. с англ. Л. И. Головачевой и В. Ц. Головачева. М. : ИВ РАН : Крафт +, 2009. 320 с.

李立三. URL: <https://zh.wikipedia.org/wiki/%E6%9D%8E%E7%AB%8B%E4%B8%89> (дата обращения: 24.07.2021).

孙耀文. 风雨五载: 莫斯科中山大学始末. 北京: 中央编译出版社, 1996. 453 p.

中共. 闽北党史人物. 福州: 中央文献出版社, 2005. 826 p.

甬江女子中学. URL: <https://other-wiki.zervice.io>. (дата обращения: 11.07.2021).

**В. А. Ворошилова
И. В. Шалина**

Иркутский государственный университет, Иркутск

ФЕНОМЕН ХИКИКОМОРИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ЯПОНИИ

Аннотация. Рассматривается феномен хикикомори как один из составляющих социальных проблем, ведущих Японию к демографическому кризису. В связи с этим исследуются основные вопросы: кто такие хикикомори, почему ими становятся, как и на какие средства ведут свою затворническую жизнь хикикомори. Анализируются причины и выявляются следствия проявления данного феномена в Японии.

Ключевые слова: хикикомори, добровольное затворничество, социальные проблемы Японии.

**V. Voroshilova
I. Shalina**

Irkutsk State University, Irkutsk

THE HIKIKOMORI PHENOMENON AS A SOCIAL PROBLEM OF JAPAN

Annotation. The purpose of the article is to consider the phenomenon of “hikikomori” as one of the components of social problems leading Japan to a demographic crisis. In this regard, the main questions are considered: who are hikikomori, why do they appear, how and with what means they lead their reclusive life. The situation of the existence of hermits in Japan today is no less relevant. In the work it is made an attempt to analyze the causes and identify the consequences of the appearance of this phenomenon in Japan.

Keywords: hikikomori, voluntary retreat, social problems of Japan.

Япония – страна, где уровень ВВП является высочайшим в мире, страна с развитой экономикой и высоким уровнем жизни. Несмотря на это, в Японии существует ряд социальных проблем, разрабатываемых в том числе в рамках трансдисциплинарной регионологии [Кремнёв, 2020а; 2020б]: быстрое старение нации, отказ молодых японок и японцев завести семьи, рожать детей, высокий уровень суицидов (на фоне других развитых стран). Не менее острой проблемой, которая также неминуемо ведет страну к демографическому кризису, является существование так называемых хикикомори.

Хикикомори (引きこもり), или в просторечии хикки, – японский термин, описывающий людей, отказавшихся от жизни в обществе, стремящихся к изоляции и уединению вследствие личных и социальных факторов. Глагол *引きこもる хикикомору* переводится как «самоизолироваться», «сидеть безвыездно взаперти».

«Хикикомори» как термин создал психолог Тамаки Сайто. Он столкнулся с этим феноменом, работая психотерапевтом. Родители добровольных затворников приезжали и просили совета, как им справиться с апатичным и асоциальным настроем у детей, которые запирались в своих комна-

тах. В 1998 г., после нескольких лет наблюдений за такими пациентами, психолог написал о них книгу под названием «Хикикомори: вечные подростки». В своих работах он также утверждает, что первые случаи подобной изоляции молодых людей были зафиксированы уже в конце 1970-х гг.

Спустя несколько лет после выхода книги в Японии произошла серия скандалов, связанных с добровольными затворниками, вследствие чего тема хикикомори получила широкий резонанс в Японии и остальном мире.

Что же представляют собой хикикомори? Министерство здравоохранения Японии определяет хикикомори как лиц, отказывающихся покидать родительский дом, изолирующих себя от общества, а в некоторых случаях и семьи, в отдельной комнате более полугода и не имеющих какого-либо заработка. Течение явления зависит от индивидуальных особенностей, некоторые хикикомори пребывают в изоляции несколько лет, в редких случаях – десятилетия. Некоторые могут возвращаться в социум, но позже снова запираются в родительском доме [Миллион исчезнувших японцев ...].

Из практики Тамаки Сайто стало известно, что за помощью чаще всего обращались представители обеспеченных семей, которые сталкивались с проблемой затворничества их сыновей. Чаще всего речь шла именно о мальчиках. Они запирались в своих комнатах, не хотели ничего делать и ни с кем общаться. Изоляция, изначально воспринимавшаяся как протест ленивого подростка, длилась месяцами, в отдельных случаях годами [Хикикомори. Не выходи ...].

Необходимо отметить, что развитая экономика страны выступила как фактор усугубляющий феномен хикикомори, дав возможность японским семьям из среднего и высшего класса содержать своих детей фактически бесконечно. Иногда хикикомори получают пособие по безработице от правительства или же государственное пособие по инвалидности (это порядка 65 тыс. иен в месяц). В семьях с достатком ниже среднего явление хикикомори встречается редко.

Чем занимаются хикикомори? В основном смотрят фильмы, сериалы, аниме, видео на You Tube, занимаются серфингом различных сайтов. С распространением интернета жизнь хикки сильно изменилась, и они стали стремиться к общению друг с другом. Самой популярной площадкой для общения хикикомори стали форумы – имиджборды, позволяющие пользователям сохранять анонимность. Помимо развлекательного интернет-контента, хикикомори интересуют материалы эротического и порнографического характера.

В редких случаях добровольные затворники начинают удаленно зарабатывать. Примером может служить случай Такаси Котэгавы. Он начал торговать на бирже JASDAQ Securities Exchange в 2000 г. с капиталом 14 тыс. долл. США и за семь лет сумел увеличить его до 152 млн. Из-за ошибки одного из сотрудников инвестиционного банка Mizuho Securities

трейдеры, в числе которых оказался и Такаси Котэгава, разбогатели в одиночестве – Котэгава получил 20 млн долл. за 10 мин [Отаку одиночества ...].

Почему становятся хикикомори? Как было сказано ранее, причин много и все они разные, но к основным можно отнести две: стресс от взаимодействия с окружающим миром, а также отсутствие четких жизненных и карьерных ориентиров. Люди не чувствуют себя частью общества, не знают какое они место занимают в нем и не могут подстроиться к уже существующим порядкам. К причинам добровольного затворничества относят также наличие психических нарушений и заболеваний.

Нежелание контактировать с окружающими сложно однозначно назвать болезнью, однако затянувшееся инфантильное и антисоциальное поведение может привести к серьезным последствиям, чаще всего такими последствиями становятся аддиктивное (т. е. зависимое) поведение, депрессия и суицидальные наклонности, что может привести к увеличению статистики самоубийств по стране.

В японском обществе хикикомори рассматриваются как тунеядцы, живущие за счет родителей, они не вызывают сочувствия, и обычные японцы не задумываются об истинных причинах их изоляции. Наличие в семье хикикомори считается позором, вследствие чего родители затворников зачастую не обращаются к психологам. Японские власти стремятся сократить число хикикомори. В 2020 г. во всех японских префектурах действовали государственные центры поддержки, оказывающие хикикомори помощь: консультации психолога, содействие в поиске работы и др. Однако хикикомори в основном не обращаются в эти центры.

По данным отчета правительства Японии от 2010 г., в стране насчитывалось порядка 700 тыс. японцев, ведущих затворнический образ жизни, чей средний возраст составил 31 год. Можно выделить и группу возрастных затворников, им более 40 лет, их принято называть первым поколением. К текущему моменту они имеют стаж изоляции более 20 лет. Установить точное число хикикомори трудно. По данным правительства Японии за 2019 г., в Японии было 1,15 млн хикикомори в возрасте от 15 до 64 лет (около 1 % населения страны). По сообщениям 2020 г., больше половины всех хикикомори были уже старше 40 лет. Существуют трудности с интеграцией хикикомори в общество, когда их родители начнут уходить из жизни, а самим хикикомори будет по 60 лет и они будут иметь стаж изоляции по 40 лет. По предположениям правительства Японии, еще порядка 1,55 млн человек находятся на грани превращения в хикикомори. Данная проблема получила название «вызов 2030 года» [Здоровые люди годами ...].

Также в 2020 г. в Японии встала «проблема 8050» – содержание 80-летними родителями 50-летнего хикикомори. Отношение родителей к хикики различно: одни учат готовить пищу, другие – взаимодействовать с государственными учреждениями. Но есть и печальные случаи. В 2016 г.

в префектуре Ниигата 70-летняя мать убила 50-летнего сына-хикикомори долгое время находящегося на ее иждивении.

Согласно прогнозам Национального института исследований населения и социального обеспечения, к 2036 г. каждый третий человек в Японии будет пожилым (65 лет и старше). Это означает, что доля пожилого населения будет продолжать расти в течение следующих 50 лет [Здоровые люди годами ...]. Эта проблема носит название 高齢化社会 *ко:рэйка сякай* (проблема старения общества), и она является первоочередной для японцев. Жители Японии не устают искать выход из сложившейся ситуации, обращаясь к мировому сообществу, проводя форумы и конференции соответствующей тематики.

На сегодняшний день смертность в стране превышает рождаемость. 1 % от населения, который составляют хикикомори (в дальнейшем прогнозируется увеличение числа добровольных затворников), возможно, не сможет повлиять на проблему демографии в целом. Тем не менее в большинстве своем это люди работоспособные, которые могут стать высококвалифицированными рабочими кадрами. Это люди, способные завести семью и детей, а значит, быть полноценной ячейкой японского общества. Хикикомори – огромный пласт людского потенциала, который необходимо вернуть в социум, оказать необходимую психологическую помощь, а также помощь в социализации, поиске работы и остальных важных аспектах жизни человека.

Литература

Здоровые люди годами не выходят из комнат. Они боятся не вирусов. URL: <https://ria.ru/20200503/1570797058.html> (дата обращения: 05.09.2021).

Кремнёв Е. В. Региональные исследования в Японии : монография / [под науч. ред. Е. Ф. Серебrenниковой]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020а. 181 с. (Трансдисциплинарная регионология).

Кремнёв Е. В., Кузнецова О. В., Лесниковская Е. В. Трансдисциплинарная регионология: теория и методология : монография / [под науч. ред. Е. Ф. Серебrenниковой]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020б. 155 с. (Трансдисциплинарная регионология).

Миллион исчезнувших японцев: все о феномене хикикомори. URL: [//perito-burrito.com/posts/hikikomori](https://perito-burrito.com/posts/hikikomori) (дата обращения: 05.09.2021).

Отаку одиночества. Почему в мире стало модно быть хикки. URL: [//lenta.ru/articles/2014/01/30/hikikomori/](https://lenta.ru/articles/2014/01/30/hikikomori/) (дата обращения: 05.09.2021).

Хикикомори. Не выходи из комнаты. URL: www.youtube.com/watch?v=eHAI0d1aIWA (дата обращения: 01.09.2021).

**«ДАЙ ЦИН ХУЭЙДЯНЬ»:
МЕСТО В СТРУКТУРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ИМПЕРИИ ЦИН
И ОТРАЖЕНИЕ В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ
И ЗАПАДНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ¹**

Аннотация. Предпринята попытка определить место одного из ключевых кодифицированных нормативных правовых актов империи Цин в системе ее законодательства – «Дай Цин Хуэйдянь». Объясняется, почему этот акт, так и не переведенный ни на один из европейских языков, кроме русского, остается неисследованным как в отечественных, так и в зарубежных гуманитарных науках.

Ключевые слова: Дай Цин Хуэйдянь, империя Цин, Русская духовная миссия в Пекине, А. Л. Леонтьев, Н. Я. Бичурин.

P. Dudin

East Siberia State University of Technology and Management, Ulan-Ude

“DA QING HUIDIAN”: PLACE IN THE LEGISLATION STRUCTURE OF THE QING EMPIRE AND REFLECTION IN THE WORKS OF DOMESTIC AND WESTERN RESEARCHERS

Abstract. The article attempts to determine the place of one of the key codified normative legal acts of the Qing Empire in the system of its legislation – “Da Qing Huidian”. An explanation is given of why this act, which was never translated into any of the European languages, except for Russian, remains unexplored both in domestic and foreign humanitarian sciences.

Keywords: Da Qing Huidian, Qing Empire, Russian Spiritual Mission in Beijing, A. L. Leontiev, N. Ya. Bichurin.

Актуальность заявленной проблематики определяется той ролью, которую отечественное востоковедение и отечественная синология сыграли в исследовании имперского Китая, его государственного, правового и социального развития. Одновременно с этим имеет место существеннейшая недооценка этой роли не только в среде международного научного сообщества, но и в среде наших соотечественников. Констатируемая недооценка вызвана, как это не покажется странным, грандиозностью и колоссальным объемом научного знания, воспринять и переосмыслить которое иногда не под силу в течение даже нескольких веков. Именно это и случилось в отношении одного из двух грандиозных пластов организации империи Цин – ее правового оформления. И сегодня гуманитарные науки, такие как юриспруденция, история, политология и другие, лишь слегка касаются этого аспекта. Тем уникальнее вклад в его изучение нашими соотечественниками, первопроходцами XVIII–XIX вв., которые, не обладая ни средствами, ни инструментами, имеющимися в распоряжении современных

¹ Работа подготовлена при поддержке Гранта Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления для молодых ученых, 2021 г.

исследователей, не только произвели перевод и осмысление ключевого нормативно-правового массива Китая той эпохи, но и оставили массу подсказок для работы с ним, которыми нам и надлежит воспользоваться.

Вряд ли среди наших соотечественников-востоковедов вообще и синологов в частности найдется человек более известный и авторитетный, чем отец Иакинф Бичурин. Причем авторитетный как среди потомков, так и среди современников. Несмотря на все разногласия среди современников касательно его образа жизни и стиля научных исследований, он не запятнал себя ни сделками с совестью, ни малодушием. Отчасти это объясняется тем, что научное сообщество того времени можно считать в достаточной степени автономным: не было тогда ни ВАКов, ни Диссернетов, ни других структур, возлагающих на себя функцию мерила степени научности или в целом самой научности, тогда как само научное сообщество, весьма неоднородное, справлялось с задачей обеспечения объективности вполне успешно.

Творчество И. Бичурина исследовано более подробно, чем любого из иных ученых или государственных деятелей, пытавшегося внести свой вклад в пополнение научного знания: труды великого исследователя начали публиковаться еще при жизни их автора и не прекращают переиздаваться и по сей день, в канун дня рождения основоположника мировой синологии и уроженца Чувашского края из года в год на базе Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева проводятся традиционные «Бичуринские чтения», на базе Института востоковедения РАН в рамках ежегодной научной конференции «Общество и государство в Китае» звучат доклады о деятельности как самого отца Иакинфа, так и его соратников по присутствию в Китае, предшественников и последователей, а его наследие систематизируется и обобщается на страницах диссертаций на соискание ученых степеней [Андреевская, 2006], что избавляет нас от необходимости воспроизводить как перечень хотя бы основных трудов выдающегося китаеведа, так и работы по изучению его творчества.

Однако, несмотря на все обилие научной информации, многое еще остается не охвачено исследовательским взглядом, и это касается не только заметок или очерков, которые в виде черновиков хранятся в коллекциях отечественных и зарубежных архивов, но и фундаментального труда, на основе которого была построена работа над важнейшими и известнейшими произведениями, – «Изложения китайского законодательства», подготовленного и отправленного Н. Я. Бичуриным в 1837 г. в адрес Азиатского департамента Министерства иностранных дел Российской Империи [Хохлов, 2002, с. 10]. Предысторию, историю создания и попытки опубликовать эту многотомную работу описывает в ряде своих работ советский и российский синолог Александр Николаевич Хохлов, а «Изложения китайского законодательства» есть перевод одного из двух вещей кодифицированных актов империи Цин – «Дацин (Дай Цин / Да

Цин) Хуэйдянь» в редакции 1818 г. В связи с тем, что данный акт на сегодняшний день не переведен ни на один из европейских языков и фактически выпал из исследовательского поля не только юристов, но и в целом востоковедного сообщества, необходимо на его характеристике остановиться более подробно.

Не вдаваясь в детали иерархии и соотношение между собой различных норм и нормативных правовых актов ранне- и позднимперского Китая, что весьма подробно и в высшей степени верно отразили в своих работах В. М. Рыбаков [Уголовные установления ... , 1999; Рыбаков, 2003] и Н. П. Свистунова [Законы Великой династии ... , 1997], отметим лишь, что в империи Цин вплоть до 1912 г. действовали два крупных кодифицированных акта:

1. «Дай Цин Люй Ли», или Свод уголовных законов Великой династии Цин, определяющий запрещенные деяния, меры наказания при их нарушении и порядок их наложения, редакции:

I – 1645 г.;

II – 1725 г.;

III – 1768 г.;

IV – 1910 г.

2. «Дай Цин Хуэйдянь», или Свод установлений о государственной системе Великой династии Цин, определяющий перечень, статус, состав, полномочия и другие вопросы в области управления государственного механизма империи Цин, редакции:

I – 1690 г.;

II – 1732 г.;

III – 1764 г.;

IV – 1818 г.;

V – 1886 г. и дополнение 1899 г.

Не имея цели давать характеристику этим актам либо каждому в отдельности, обратим внимание лишь на их отличия друг от друга, которые имеют принципиальное значение для нашего исследования, и сделаем это как можно короче и яснее.

По устоявшемуся в научной и околонучной (прежде всего, учебной) литературе мнению, «Дай Цин Люй Ли» представлял собой своеобразный уголовный кодекс – свод законов уголовного характера, карающий за преступления, тогда как «Дай Цин Хуэйдянь» выступал своеобразным актом административно-управленческого характера. Ни то ни другое утверждение в действительности оказывается неверным.

Ключевая проблема китайского права имперского периода, приведшая большинство ученых к существенным методологическим ошибкам как в его исследовании, так и в трактовке, заключается в том, что выбранные подходы опирались на принципы построения римского права с его публичным и частным интересом, соответствующим делением права на

публичное и частное и отсюда – отраслевой характеристикой его норм: нормы уголовного, семейного, гражданского и других отраслей права. Вместе с тем китайское право до начала XX в. выстраивалось по другим принципам и представляло собой совершенно иную систему, требующую изучения в рамках отдельного исследования. Здесь же мы отметим, что правовые нормы имперского периода преимущественно представляло собой три вида:

1. Нормы-установления, закрепляющие принципы, статус, положение какого-либо органа и т. п. Например, в одном из статутов второго цзюаня «Дай Цин Хуэйдянь» устанавливалось, что главнейшим после императора государственным органом был Дорги Ямунь (или Ямэнь, Ямынь). Норма определяла требуемое государством состояние, фактического нарушения не предполагалось, а попытки изменить установленный порядок трактовались как государственная измена и карались, исходя из положения другой нормы права.

2. Нормы-предписания, указывающие на меры должного поведения. Например, в одном из статутов первого цзюаня «Дай Цин Хуэйдянь» относительно императорских родственников предписывалось, что возведение в звание как мужчин, так и женщин предполагалось по достижении ими 15-летнего возраста с разрешения императора. Норма содержала указание к действию, а его невыполнение или неправильное исполнение предполагало наказание, однако санкция, как правило, в том же статуте отсутствовала, имея бланкетный характер и подразумевая отсылку к одной из норм-запретов. Так, в одном из статутов тридцать первого цзюаня «Дай Цин Хуэйдянь» предписывались правила добычи меди и свинца, устанавливались меры поощрения относительно норм выработки и предписывалось «жестоко наказывать» тех чиновников, кто будет уличен в лихоимстве или жестком обращении с рабочими, однако самой санкции не предполагалось, подразумевалась отсылка к нормам-запретам.

3. Нормы-запреты, формулирующие модели нежелательного поведения. Основной состав норм «Дай Цин Люй Ли» включал в себя действия, совершать которые запрещалось под угрозой наказания. Исключение составлял лишь небольшой набор норм в начале Свода, который устанавливал виды преступлений, меры наказаний и общие принципы их наложения.

Таким образом, как такового уголовного правонарушения в императорском Китае существовать не могло, а нарушения правовых норм можно условно разделить на криминальные, совершение которых было присуще частным лицам, не обремененным государственным статусом (убийство, кража, драка, разбой), и должностные, совершение которых было связано с исполнением той или иной публичной функции. Из этого также следует, что в имперском китайском праве отсутствовало в традиционном восприятии

континентального права отраслевое деление, а нормы объединялись в зависимости от ведомственной принадлежности, образуя костяк из шести «квотиотраслей» и одной «полуотрасли» (совокупность норм-установлений).

Ошибочным является и утверждение о том, что лишь в «Дай Цин Люй Ли» содержались меры наказания. Показательным в этом плане является один из статутов тридцать третьего цзюаня «Дай Цин Хуэйдянь», в котором содержалось предписание купцам по обороту соли. Одновременно с этим содержались виды наказания за нарушение установленного порядка как бланкетного характера (если будет установлено, что соль украдена, предписывалось наказывать как вора без указания меры ответственности), так и с определением конкретного вида ответственности, от битья палками до отсечения головы.

Подобные ошибки в интерпретации «Дай Цин Люй Ли» и «Дай Цин Хуэйдянь», помимо опоры исследователей на «континентальный», римский, подход в характеристике китайского имперского права, объясняются рядом особенностей переводов китайского имперского законодательства на европейские языки, о которых упомянем ниже.

Первой особенностью является то, что именно «Дай Цин Люй Ли» получил преимущественное внимание со стороны научной общественности, в связи с чем длительное время право имперского Китая воспринималось как карательное, суровое и даже жесткое. Так, в среде западных синологов востоковедное сообщество отдает пальму первенства в исследовании права империи Цин сэру Джорджу Томасу Стэнтону (Стаунтону) с его знаменитым «Дай Цин Люй Ли: основные законы и подборка дополнительных статутов Уголовного кодекса Китая», опубликованным в 1810 г. [Ta Tsing Leu Lee ... , 1810]. За ним следует французский монах Ги де Булэ с его «Руководством по Китайскому Кодексу и многообразием разновидностей [источников уголовного права]», опубликованном уже после смерти автора в 1924 г. [Manuel du Code Chinois ... , 1924]. Далее следует упомянуть чуть менее известных французских комментаторов: военного переводчика Габриеля (Луи Габриель Гальдерик) Обаре, издавшего в 1865 г. двухтомник, именуемый «Кодекс Аннама. Законы и постановления царства Аннам; перевод с китайского оригинала текста» [Code annamite. Lois..., Tome Premier, 1965; Code annamite. Lois..., Tome Second, 1965], и дипломата Поля Луи Феликса Филастра (P. L. F. Philastre, или иногда встречающееся – Пиластр), опубликовавшего в 1876 г. первое (в 1909 г. уже посмертно вышло второе) издание работы под названием «Кодекс Аннама: полный новый перевод, включая впервые переведенные официальные комментарии Кодекса» [Code annamite: nouvelle..., Tome Premier, 1909; Code annamite: nouvelle..., Tome Second, 1909]. Несмотря на то что их труды были посвящены вьетнамскому уголовному праву, в своей сути они (как и сам аннамский кодекс) воспроизводили китайскую правовую тради-

цию, о чем и делали специальную оговорку. И наконец, среди современников следует упомянуть американского юриста и профессора Вашингтонского университета Уильяма Джонса, в 1994 г., который перевел «Дай Цин Люй Ли» с более подробной и детальной структуризацией, нежели у Дж. Т. Стэнтона [The Great Qing Code, 1994].

Второй особенностью является то, что «Дай Цин Хуэйдянь», несмотря на его фундаментальный характер, практически не получил отражения в западной научной литературе, в связи с чем не мог «разбавить» уголовного «привкуса» китайского имперского права другими видами норм. Одним из немногочисленных ученых, обращающих внимание на этот Свод законов и исследующих как его содержание, так и обстоятельства его разработки, утверждения и применения, является Макабе Келихер (Masabe Keliher), Ph.D, доцент Гарвардского университета, крупный специалист по эпохе имперского и современного Китая. Значительный интерес представляет третья глава его докторской диссертации «Маньчжурское преобразование Ли: ритуалы, политика и закон в становлении цинского Китая, 1631–1690 гг.» [Keliher, 2015], защищенной в апреле 2015 г. в Гарварде, в которой подробно рассматриваются как сам процесс кодификации «Дай Цин Хуэйдянь», так и управленческая структура империи Цин. Обращает внимание тот факт, что в качестве источников указан только материал на китайском языке, что подтверждает тезис о том, что Свод законов на европейские языки не переводился.

Из этого вытекает третья особенность, заключающаяся в том, что в распоряжении синологов по сей день имеется только один русскоязычный вариант перевода «Дай Цин Хуэйдянь» и это существенно ограничивает исследовательские возможности. При этом речь идет не о переводе И. Бичуриным IV редакции 1818 г. седьмого маньчжурского императора Цзяцина (правил 1796–1820 гг.), а о более ранней, I редакции эпохи четвертого маньчжурского императора (правил 1661–1722 гг.) Канси 1690 г., переведенной Алексеем Леонтьевичем Леонтьевым. Судьба этого перевода крайне интересна, в связи с чем остановимся на ней более подробно. А. Л. Леонтьев (1716–1786) был в числе учеников Третьей духовной миссии в Пекине (1736–1743 гг.), однако ему было позволено остаться и при Четвертой миссии (1744–1755 г.). Биография Алексея Леонтьевича и его вклад в развитие мировой синологии подробно описаны П.Е. Скачковым [Скачков, 1977, с. 66–76], однако аспекты изучения цинского права Петром Емельяновичем оказались упущены.

Прежде всего, А. Л. Леонтьев известен широкой научной общественности по работе «Китайское уложение» в двух частях [Китайское уложение, 1778; Китайское уложение, 1779], являвшейся сокращенным переводом «Дай Цин Люй Ли» II редакции эпохи пятого маньчжурского императора (правил 1722–1735 гг.) Юнчжена (Иньчжэна), опубликованном 9 сен-

тября 1725 г., о чем указано в предисловии первой части [Китайское уложение, 1778, с. 6]. Подробный анализ этого перевода показал, что, несмотря на его отличие в структурировании (книги, части, главы, разделы) от переводов Дж. Т. Стэнтона 1810 г., Г. де Булэ 1924 г. и У. Джонсона 1994 г., а также тот факт, что А. Л. Леонтьев работал с версией Юнчжэна 1725 г., тогда как Стэнтон, Булэ и Джонсон – с III редакцией шестого маньчжурского императора (правил 1735–1796 гг.) Цяньлуна 1765 г., содержательная часть и последовательность статуты всех четырех переводов совпадают.

Вместе с тем менее известным, но не менее важным переводом является его трехтомный перевод под названием «Тайцин гурунь и Ухери коли, то есть Все законы и установления Китайского (а ныне Маньчжурского) правительства» [Тайцин Гурунь, 1781; Тайцин Гурунь, 1782; Тайцин Гурунь, 1783]. В предисловии императора указывается дата принятия этого акта – 26 апреля 1690 г. [Тайцин Гурунь, 1781, с. 16], что соответствует дате принятия I редакции «Дай Цин Хуэйдянь». Смущение вызывает тот факт, что в оригинальном варианте 1690 г. – 80 разделов, тогда как в переводе А. Л. Леонтьева их 85. Сопоставительный анализ переведенного А. Л. Леонтьевым «Китайского уложения» и глав 56–85 третьего тома «Тайцинь Гурунь...» [Тайцин Гурунь, 1783, с. 83–584] показал, за небольшими изъятиями, их идентичность. Имеющееся в нашем распоряжении недатированное издание на китайском языке, представляющее собой либо IV, либо V редакцию, состоит из 8 книг, отражающих описанную нами выше структуру китайского имперского права из шести квазиотраслей и одной полустраны, тогда как книги 6 (1506 листов) и 7 (1357 листов) содержат нормы о наказаниях и совпадают в содержании с «Китайским уложением» А. Л. Леонтьева.

Четвертой особенностью переводов китайского имперского законодательства на европейские языки является тот факт, что, несмотря на первенство наших соотечественников в этом вопросе, об их работах в среде европейских ученых-синологов никто ничего не знает. Беглый анализ иностранной научной литературы относительно китайского имперского права показывает весьма немногочисленный круг исследователей, постепенно изучающих данную сферу. Так, в среде китайских ученых следует упомянуть Чжан Лихуна (Zhang Lihong), профессора права Восточно-Китайского университета политологии и права (г. Шанхай, КНР), в своей работе «Сравнительное правоведение в Китае» [Zhang Lihong, 2013] раскрывающего исторические предпосылки перехода правовой системы империи Цин к европейской континентальной системе в середине XIX в., где он приводит перечень трудов иностранных ученых, повлиявших на обновление взглядов среди китайских юристов, однако о российских исследователях упоминаний нет. В среде западных ученых отметим профессора Уни-

верситета Триеста Гвидо Аббаттисту (Guido Abbattista), отдающего должное вкладу в развитие юридической синологии Дж. Т. Стэнтона. Содержательным и с точки зрения научного представительства, и спектра докладов является сборник «Закон, правосудие и кодификация в цинском Китае. Европейская и китайская перспективы. Очерки истории и сравнительного правоведения» [Law, Justice and Codification ... , 2017], в котором присутствует и упоминаемый выше Чжан Лихун. Однако и здесь сведения о вкладе наших соотечественников в исследуемую сферу отсутствуют. Сместе предположить, что подобный пробел возник отнюдь не по злому умыслу, а в результате слабого позиционирования достижений нашей науки.

Отчасти это подтверждается и тем, что и внутри российского/советского научного сообщества достижения по переводам имперского законодательства А. Л. Леонтьева и Н. Я. Бичурина тоже воспринимаются весьма сдержанно. Показательным в этом отношении является характеристика, даваемая как деятельности, так и трудам этих людей в уже упоминаемой выше работе П. Е. Скачкова «Очерки истории русского китаеведения». Забегая вперед, отметим, что во многих аспектах Павел Емельянович остается едва ли не единственным, кто пишет не в общих чертах, а с глубоким осознанием исследуемого предмета, например, о Кяхтинской школе китайского языка или подобном опыте, предпринимаемом столетие ранее Чжоу Гэ, об А. Л. Леонтьеве и его вкладе в синологию и др. Но вот леонтьевским «Китайскому уложению» и «Тайцин Гурунь...» уделено всего по абзацу общих описательных фраз [Скачков, 1977, с. 74–75], а относительно «Изложения китайского законодательства» И. Бичурина во всем обширном разделе на 33 страницы нет ни слова [Скачков, 1977, с. 90–123]. Современная юридическая наука также скромна как на обзорный, так и на аналитический или исследовательский материал о китайском имперском праве. Среди относительно небольшой плеяды юристов-синологов следует упомянуть канд. юрид. наук заведующего кафедрой теории и истории государства и права Кемеровского института (филиала) РЭУ им. Г. В. Плеханова А. В. Даньшина и его работы о русских ученых в области права империи Цин [Даньшин, 2014; Даньшин, 2016], который вслед за бывшим министром продовольствия правительства адмирала А. В. Колчака И. И. Серебренниковым раскрывает знаковые моменты в изучении права империи Цин [Серебренников, 1941, № 3; Серебренников, 1941, № 4; Серебренников, 1941, № 5; Серебренников, 1941, № 6]. Других работ по исследуемому предмету в отечественных гуманитарных науках нами не обнаружено.

Таким образом, проведенное исследование подводит нас к двум ключевым выводам. Во-первых, оно позволяет нам утверждать, что первым и до настоящего времени единственным опубликованным переводом на европейский язык «Дай Цин Хуэйдянь» I редакции 1690 г. является перевод

А. Л. Леонтьева. Во-вторых, оно позволяет нам предположить, что основной набор статутов «Дай Цин Лю Ли» входил в состав «Дай Цин Хуэйдянь». Доказательство данного предположения на основе перевода IV редакции, сделанного И. Бичуриным, подтвердит важнейшее положение среди нормативных правовых актов империи Цин, которое занимал «Дай Цин Хуэйдянь». Дело остается лишь за малым – извлечь рукопись И. Бичурина в объеме около 2,5 тыс. листов из архивов, расшифровать, исследовать и опубликовать как сам текст, так и результаты его изучения.

Литература

Андреевская С. И. Деятельность Н. Я. Бичурина в качестве главы IX Российской духовной миссии в Китае: 1801–1821 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. СПб., 2006. 182 с.

Даньшин А. В. Вклад Российской духовной миссии в исследование права Китая // *Lex russica*. 2016. № 8. С. 152–167.

Даньшин А. В. История права традиционного Китая в рукописном наследии М. Д. Храповицкого // *Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2014. № 83, ч. 2. С. 17–20.

Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли). В 2 ч. Ч. 1 / пер. с кит., прим. и прил. Н. П. Свистунова. М. : Вост. лит., 1997. 573 с.

Китайское уложение / перевел сокращенно с манжурского на русский язык Коллегии иностранных дел майорского ранга секретарь Алексей Леонтьев. СПб. : При Император. акад. наук : [изд. Собрания, старающегося о переводе иностранных книг], 1778. Ч. 1. 291 с.

Китайское уложение / перевел сокращенно с манжурского на русский язык Коллегии иностранных дел майорского ранга секретарь Алексей Леонтьев. СПб. : При Император. акад. наук : [изд. Собрания, старающегося о переводе иностранных книг], 1779. Ч. 2. 239 с.

Рыбаков В. М. Танская бюрократия. Ч. 1. Правовое саморегулирование. Т. 1. СПб. : Петербур. Востоковедение, 2013. 496 с.

Серебренников И. И. Синологическая деятельность Русской духовной миссии в Пекине (библиографический очерк) // *Китайский благовестник*. 1941. № 3. С. 46–55.

Серебренников И. И. Синологическая деятельность Русской духовной миссии в Пекине (библиографический очерк) // *Китайский благовестник*. 1941. № 4. С. 26–40.

Серебренников И. И. Синологическая деятельность Русской духовной миссии в Пекине (библиографический очерк) // *Китайский благовестник*. 1941. № 5. С. 31–40.

Серебренников И. И. Синологическая деятельность Русской духовной миссии в Пекине (библиографический очерк) // *Китайский благовестник*, 1941. № 6. С. 47–50.

Скачков П. Е. Очерки истории русского китаеведения., М. : Наука, 1977. 507 с.

Тайцин гурунь и Ухери коли, то есть Все законы и установления Китайского (а ныне Манжурского) правительства. Т. 1 / пер. с манжур. на рос. язык Коллегии иностр. дел надворной советник Алексей Леонтиев. СПб. : При Император. акад. наук, 1781. 16, [5], XLV, [11], 398 с.

Тайцин гурунь и Ухери коли, то есть все законы и установления китайского (а ныне манжурского) правительства. Т. 2. СПб. : При Император. акад. наук, 1782. [9], 377, XXX, [1] с.

Тайцин гурунь и Ухери коли, то есть Все законы и установления Китайского (а ныне Манжурского) правительства. Т. 3 / пер. с манжур. на рос. язык Коллегии иностр. дел надворной советник Алексей Леонтиев. В Санктпетербурге : При Император. Акад. наук, 1783. [26], 584, XXIII, [1] с.

Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). Цзюани 1–8 / введение, пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. СПб. : Петерб. Востоковедение, 1999. 384 с.

Хохлов А. Н. Свод законов маньчжурской династии Цин – документальная основа публикаций Н. Я. Бичурина о современном ему Китае// Китай в гражданском и нравственном состоянии / Н. Я. Бичурин. М. : Вост. дом, 2002. 432 с.

Code annamite : nouvelle traduction complète, comprenant les commentaires officiels du Code, traduits pour la première fois ; de nombreuses annotations extraites des commentaires du Code chinois / P. L. F. Philastre. Tome Premier. Paris : Leroux 1909. 792 p.

Code annamite : nouvelle traduction complète, comprenant les commentaires officiels du Code, traduits pour la première fois ; de nombreuses annotations extraites des commentaires du Code chinois / P. L. F. Philastre. Tome Second. Paris : Leroux 1909. 778 p.

Code annamite. Lois et règlements du royaume d'Annam; traduits du texte chinois original par G. Aubaret ... Pub. par ordre de Chasseloup-Laubat, ministre de la marine et des colonies. Tome Premier. Paris: Imprimerie impériale, 1865. 394 p.

Code annamite. Lois et règlements du royaume d'Annam; traduits du texte chinois original par G. Aubaret ... Pub. par ordre de Chasseloup-Laubat, ministre de la marine et des colonies. Tome Second. Paris : Imprimerie impériale, 1865. 309 p.

Keliher M. Administrative Law and the Making of the Da Qing Huidian // Late Imperial China. 2016. 37, № 1. P. 55–107.

Keliher M. The Manchu Transformation of Li: Ritual, Politics, and Law in the Making of Qing China, 1631-1690. Doctoral dissertation, Harvard University, Graduate School of Arts & Sciences. Cambridge, Massachusetts, April 8, 2015. 468 p.

Law, Justice and Codification in Qing China. European and Chinese Perspectives. Essays in History and Comparative Law/ edited by Guido Abbattista, Trieste, EUT Edizioni Università di Trieste, 2017. 234 p.

Manuel du Code Chinois / par Père Guy Boulais, S. J. // Variétés sinologiques n° 55, Imprimerie de la Mission catholique à l'orphelinat de T'ou-sé-wé, Zi-ka-wei, 1924. Shanghai, Imprimerie de la Mission Catholique, 1924. Reprinted by Ch'eng Wen Publishing Co, Taipei, 1966. Deux fascicules. 8+VI+740+VIII p.

Ta Tsing Leu Lee: being the fundamental laws, and a selection from the supplementary statutes, of the Penal code of China; originally printed and published in Peking, in various successive editions, under the sanction, and by the authority, of the several emperors of the Ta Tsing, or present dynasty. Translated from the Chinese; and accompanied with an appendix, consisting of authentic documents, and a few occasional notes, illustrative of the subject of the work; by Sir George Thomas Staunton, bart. / Staunton, George Thomas Sir, London : Printed for T. Cadell and W. Davies [by Strahan and Preston], 1810. lxxvi, 581 p.

The Great Qing Code. Translated by William C. Jones, with assistance of Tianquan Cheng and Yongling Jiang. Oxford : Clarendon Press. 1994. xxx, 412, (Glossary) 11 and (Index) 17 p.

Zhang Lihong. Comparative Law in China // New frontiers of comparative law. Univariate of Macau, Hong Kong – Singapore – Malaysia, 2013. P. 89–102.

**Э. Э. Имамкулиева
К. С. Кондакова**

Институт востоковедения РАН, Москва
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва

СУЭЦКИЙ КАНАЛ И АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МАРШРУТЫ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ГРУЗОПЕРЕВОЗОК (НА ПРИМЕРЕ КНР – ЕС)

Аннотация. Произведена оценка перспектив диверсификации торговых маршрутов из КНР в ЕС, представлены преимущества и недостатки альтернативных Суэцкому каналу транспортных путей, что представляется особенно актуальным в связи с блокировкой канала судном Ever Given, вновь выявившей опасности концентрации грузопотоков на данном маршруте для мировой торговли и цепочек поставок.

Ключевые слова: Суэцкий канал, морской транспорт, морские перевозки, логистические поставки товаров из Китая, Северный морской путь.

**E. Imamkulieva
K. Kondakova**

Institute of Oriental Studies RAS
National Research University Higher School of Economics
Moscow

SUEZ CANAL AND ALTERNATIVE ROUTES (EXAMPLE OF CHINA – EU CARGO TRANSPORTATION)

Abstract. The purpose of this article is to assess the prospects for diversification of trade routes from China to the EU, present the advantages and disadvantages of alternative transport routes. It is especially relevant in connection with the six-day blockage of the Suez Canal by a megaship “Ever Given”, which revealed the dangers of freight flow concentration on this route for world trade and supply chains.

Keywords: the Suez Canal, maritime transport, maritime transportation, cargo transportation routes, China, Northern Sea Route.

Морские перевозки были и остаются наиболее востребованными и среди четырех способов транспортировки, имеют большое значение в торговле между Европой и Азией: на сегодняшний день около 80 % международной торговли товарами осуществляется по морю [Review of maritime transport], а в направлении КНР – ЕС доля грузоперевозок этим видом транспорта составляет 90 % [Nekhoroshkov, Aroshidze, Nekhoroshkov, 2021]. При этом более 60 % китайских товаров, отправляемых в Европу, проходят через Суэцкий канал [马章安].

Суэцкий канал играет важную роль не только в товарообороте между КНР и ЕС, но и в мировой торговле в целом. Через него проходит около 12 % мирового объема морских грузоперевозок [Nearly 19,000 ships ...]. Его история в международном судоходстве насчитывает более полутора веков, статус канала как «открытого для плавания судов всех стран на рав-

ных основаниях» в мирное и военное время был провозглашен Константинопольской конвенцией еще в 1888 г. [Авгопуло, 2021]. Поэтому выбор грузоотправителями Суэцкого канала объясняется не только расположением и инфраструктурой в качестве беспшлюзового судоходного канала, соединяющего Средиземное и Красное моря, но и исторически выработанной привычкой грузоотправителей отдавать предпочтение данному маршруту, надежностью и уже выстроенными цепочками поставок.

Однако севший на мель 23 марта 2021 г. контейнеровоз Ever Given, зафрахтованный тайваньской компанией Evergreen Marine, вновь спровоцировал волну дискуссий и обсуждений альтернативных Суэцкому каналу логистических маршрутов доставки товаров из Азии в Европу. Канал не могли разблокировать в течение шести дней, каждый день простоя приводил к потерям товаров на сумму более 9 млрд долл. США (около 400 млн долл. США в час) [Stevens]. Проведенная в 2014–2015 гг. модернизация Суэцкого канала значительно расширила пропускные возможности данной транспортной артерии, позволила одновременно проходить судам в два направления, однако не ликвидировала риски возникновения аварии и блокировки канала.

Возрастающая нагрузка на этот транспортный коридор связана также с ростом товарооборота между ЕС и КНР. В 2020 г. Китай вышел на 1-е место в списке важнейших торговых партнеров ЕС (рис. 1), а ЕС занял 2-е место по объемам торговли с КНР (рис. 2). Важно отметить, что пандемия COVID-19 выявила не только необходимость диверсификации транспортных маршрутов, но и потребность в более активном использовании альтернативных морским видам перевозок в кризисных ситуациях. Очередной грузовой кризис спровоцировала вспышка коронавируса в провинции Гуандун в мае 2021 г. – центре контейнерной торговли, что привело к частичному закрытию терминала Яньтянь в Шэньчжэне и новым нарушениям в цепочке поставок.

Китай среди торговых партнеров ЕС, 2020

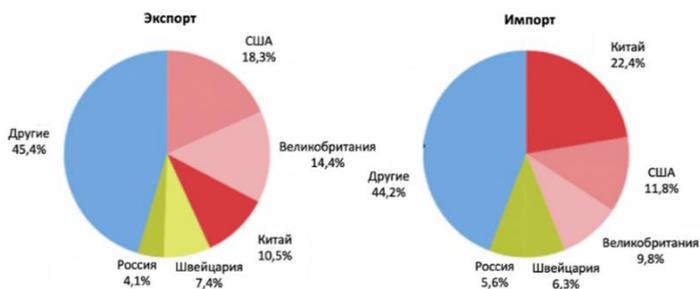

Рис. 1. Китай среди торговых партнеров ЕС в 2020 г. [China-EU – international ...]

ЕС среди торговых партнеров КНР, 2020

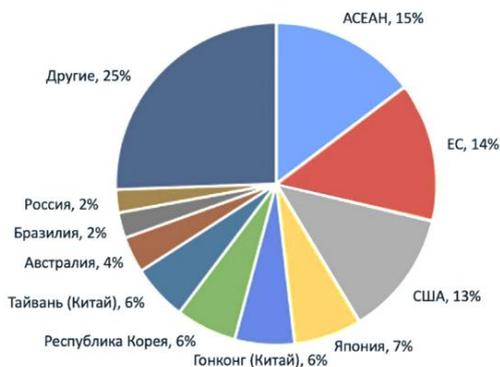

Рис. 2. ЕС среди торговых партнеров КНР в 2020 г. [RCEP]

В связи с этим любые препятствия в движении по данному торговому маршруту существенно влияют на двустороннюю торговлю и могут быстро приводить к дефициту некоторых видов товаров в странах ЕС.

Другой важный факт состоит в том, что в период пандемии COVID-19 объемы перевозок через Суэцкий канал не сократились. Количество судов, проходящих через Суэцкий канал, стабильно увеличивалось и в период пандемии. В 2019 г. произошел некоторый спад, но в 2020 г. вновь был отмечен рост грузоперевозок, а по данным за первую половину 2021 г. наблюдался рост числа прошедших через Суэцкий канал судов – до 9763 судов (за аналогичный период в 2020 г. прошло через этот морской коридор 9 546 судов (рис. 3). Таким образом, хотя наблюдалось общее снижение объемов морских грузоперевозок в период пандемии COVID-19, Суэцкий канал по-прежнему оставался востребованным логистическим маршрутом.

Поиск альтернатив

Для анализа возможностей диверсификации транспортных путей нами были рассмотрены наземные (автомобильные и железнодорожные) и воздушные перевозки, а также предлагаемый Россией альтернативный морской логистический маршрут – Северный морской путь (СМП).

К грузам, перевозимым в евро-азиатском сообщении различными видами внутреннего транспорта, относятся высокоценные и малообъемные грузы, в частности контейнеропригодные. Кроме того, в последние годы в структуре экспорта из КНР наблюдаются изменения: экспорт высокотехнологичной продукции растет (рис. 4), в 2020 г. самой продаваемой товарной группой в торговле между КНР и ЕС было телекоммуникационное

оборудование. Как правило, для данных категорий товаров перевозка морским транспортом слишком продолжительна, повышенная влажность является отрицательным фактором, влияющим на грузы. Учитывая значительную волатильность цен на морской и воздушный виды транспортировки в период пандемии COVID-19, наземные перевозки стали вызывать все больший интерес грузоотправителей.

Количество проходящих через Суэцкий канал судов, 2016 – 2021 гг.

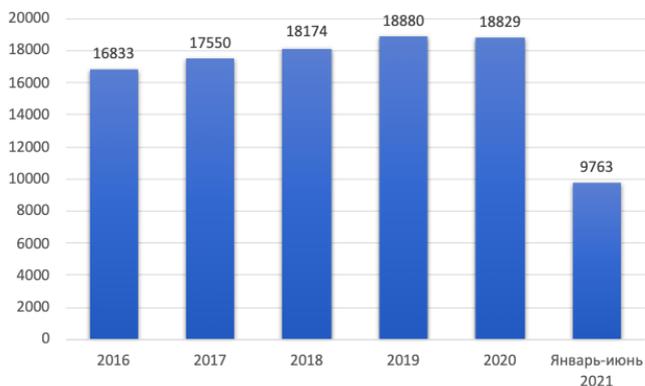

Рис. 3. Количество проходящих через Суэцкий канал судов, 2016–2021 гг. [Suez Canal Authority, Statista, Reuters]

Китай - Экспорт высокотехнологичных товаров, долл. США (долл. США)

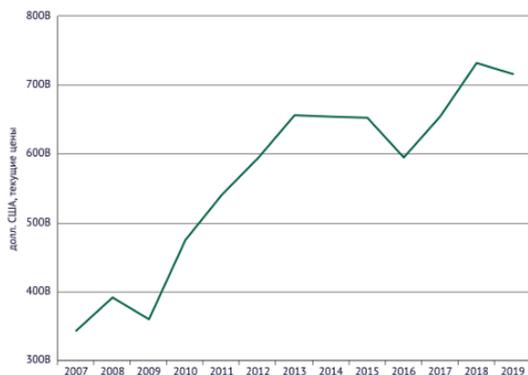

Рис. 4. Китай: экспорт высокотехнологичных товаров, долл. США [Мировой атлас данных]

Несмотря на это, темпы роста использования *автомобильных грузоперевозок* оставались сравнительно низкими (рис. 5). Причина заключается не только в ограничительной системе разрешений на автомобильные грузоперевозки КНР¹, но и в мерах, введенных в связи с пандемией (строгих проверках, заменах водителей и др.), что существенно замедляло доставку грузов и увеличивало ее стоимость. Тем не менее в перспективе автомобильные грузоперевозки также будут способствовать диверсификации маршрутов доставки грузов: согласно данным на 2018 г., в Китае открыто более 50 пунктов пересечения границы для международных сухопутных грузовых перевозок, и численность дорог для транзита грузов в Поднебесную и из нее неуклонно увеличивается [Международные перевозки ...]. Кроме того, заключаются соглашения о международных автомобильных перевозках².

Рис. 5. Темпы роста объемов торговли между Китаем и ЕС: распределение по видам транспорта (январь – апрель 2020 г.) [The coronavirus pandemic ...]

¹ Согласно данной ограничительной системе [7]:

- перевозка грузов должна осуществляться строго по намеченным маршрутам, есть ограничения в плане расстояния, на которое они могут заезжать на территорию Китая;
- исключается возможность транзита через китайскую территорию для транспортных операторов из стран Евразии;
- исключается возможность въезда на территорию Китая для транспортных операторов какой-либо страны, причем даже при наличии у нее двустороннего соглашения с Китаем, через другую страну;
- исключается возможность перевозки грузов между Китаем и соседними с ним государствами – перевозчиками третьих стран.

² По состоянию на май 2017 г. были подписаны двусторонние соглашения о международных автомобильных перевозках с Казахстаном, Кыргызстаном, Российской Федерацией, Таджикистаном и Турцией, в 2018 г. – трехстороннее соглашение между Китаем, Монголией и Российской Федерацией «Межправительственное соглашение о международных автомобильных перевозках по Сети азиатских автомобильных дорог», четырехстороннее соглашение между Казахстаном, Китаем, Кыргызстаном и Пакистаном о транзитных грузоперевозках через Центральную Азию.

В период пандемии главным «конкурентом» Суэцкого канала для транспортировки товаров на исследуемом направлении были также *железнодорожные перевозки*. Все больше грузоотправителей стремятся перейти на железнодорожный транспорт, так как этот вид является промежуточным вариантом между морским и воздушным по стоимости и срокам доставки. Он обладает рядом преимуществ: точность железнодорожного расписания, адресность и примерно в три раза меньшие сроки доставки по сравнению с морским транспортом. Номенклатуру грузов, перевозимых в железнодорожном сообщении из Китая в Европу, составляют главным образом электронные товары, тогда как из Европы в Китай все в больших объемах следуют комплектующие узлы для автомобилей, автомашины, фармацевтическая продукция, химические продукты и пищевые продукты (в том числе замороженные) [Suez Canal blockage ...].

В сообщении между КНР и ЕС особое значение имеет Транссибирская железнодорожная магистраль. Она является самой протяженной в мире железной дорогой, обеспечивает выход на сеть железных дорог Северной Кореи, Китая и Монголии, а на западе – через российские порты и пограничные переходы вдоль территорий бывших республик СССР – в европейские страны. Реконструкция восточной ветки Байкало-Амурской магистрали после введения дороги в эксплуатацию к концу 2024 г. также нарастит пропускную способность магистрали и объем транзитных перевозок. Однако на сегодняшний день регион Восточной Азии и Тихого океана все еще отличается более длительными сроками доставки. В связи с этим особенно актуальна инициатива «Один пояс, один путь», которая может сократить время доставки товаров для стран-участников в среднем на 3,2–4 % (по некоторым экономическим коридорам на 8,5–12 %) [Экономика Одного пояса ...].

Авиационные грузоперевозки остаются важным звеном в цепочке поставок между Европой и Китаем благодаря более коротким срокам доставки грузов, но высокий уровень ставок на транспортировку пока не позволяет им выйти в число лидеров среди предпочитаемых видов транспортировки и позволяет перевозить только товары с высокой добавленной стоимостью или скоропортящуюся продукцию. Мировой спрос на грузовые авиаперевозки в 2020 г. снизился на 10,6 % в годовом исчислении, что является самым большим спадом с 1990 г. [Air Cargo ...].

Россия также способна предложить еще один альтернативный Суэцкому каналу маршрут – *Северный морской путь (СМП)*. Более активное использование СМП может быть связано с совместной реализацией инициативы «Полярный шелковый путь». Помимо сокращения времени на транспортировку и решение проблемы диверсификации маршрутов, развитие СМП связано с китайской стратегией получения более широкого доступа к арктическому региону. Однако непредсказуемые погодные условия, технологические сложности и экологические последствия развития

судоходства в регионе становятся существенными препятствиями для использования СМП в качестве альтернативы морскому пути через Суэцкий канал. Кроме того, несмотря на однозначную позицию России в вопросе, иностранными партнерами неоднократно поднимался вопрос о придании СМП статуса международного транспортного маршрута, что выявляет необходимость окончательного урегулирования правовых аспектов движения судов по данному маршруту в системе мирового права [Котлова, 2019].

Таким образом, на сегодняшний день Суэцкий канал по-прежнему занимает ведущую роль в грузоперевозках между Китаем и ЕС и обладает существенными преимуществами перед альтернативными логистическими маршрутами. Более того, пределы максимальной пропускной способности Суэцкого канала еще не достигнуты: в сутки по нему могут пройти до 106 судов, сейчас среднее количество составляет около 51 [Евро-азиатские транспортные связи]. В связи с этим другие виды грузовых перевозок в среднесрочной перспективе остаются вспомогательными и служат заменой при технических проблемах в движении по Суэцкому каналу. Однако в условиях увеличивающегося спроса поиск альтернатив для диверсификации логистических маршрутов становится объективной необходимостью. В качестве альтернативных Суэцкому каналу маршрутов доставки товаров из КНР в ЕС могут выступать как СМП, так и железнодорожные маршруты развивающиеся при поддержке России и китайских партнеров (маршруты РЖД, «Один пояс, один путь» и др.) и становящиеся все более привлекательными для грузоотправителей в условиях увеличения экспорта высокотехнологичной продукции из КНР.

Литература

Авгопуло А. Ю. Правовой статус и режим международных морских каналов // Законность и правопорядок: история, современность, актуальные проблемы : материалы V межвуз. студ. науч. конф. М. : Моск. пед. гос. ун-т, 2021. С. 684–689.

Евро-азиатские транспортные связи. Введение в действие наземных транспортных. URL: <https://unece.org/fileadmin/DAM/trans/doc/2019/wp5eatl/ECE-TRANS-265r.pdf> (дата обращения: 10.08.2021).

Котлова А. В., Веренина Л. В. Правовой статус Северного морского пути: французская доктрина // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. Т. 21, № 3. С. 70–76.

Международные перевозки в Китай. Новые возможности для роста Вашего бизнеса. Ч. 2. URL: <https://www.urvest.ru/novosti/mezhdunarodnye-perevozki-v-kitaj-novye-vozmozhnosti-dlya-rosta-vashego-biznesa-chast-2> (дата обращения: 10.08.2021).

Мировой атлас данных // Кноема. URL: <https://knoema.ru/atlas/Китай/Экспорт-высокотехнологичных-товаров?compareTo=US>

Экономика Одного пояса, одного пути. Возможности и риски транспортных коридоров. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/31878/211392RU.pdf?sequence=12&isAllowed=y> (дата обращения: 10.08.2021).

Air Cargo Market Analysis. URL: <https://www.iata.org/en/iata-repository/publications/economic-reports/air-freight-monthly-analysis---december-2020/> (дата обращения: 10.08.2021).

China-EU – international trade in goods statistics. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=China-EU_-_international_trade_in_goods_statistics&oidid=520429

Nearly 19,000 ships passed through the canal during 2020, for an average of 51.5 per day, according to the Suez Canal Authority. URL: <https://www.cnb.com/2021/03/29/suez-canal-traffic-resumes-after-cargo-ship-ever-given-is-re-moved.html#:~:text=Nearly%2019%2C000%20ships%20passed%20through,bulk%20carriers%20and%20oil%20tankers> (дата обращения: 10.08.2021).

Nekhoroshkov V., Aroshidze A., Nekhoroshkov E. Transport Support of Europe-Asia Trade: Structural Shifts // Transportation Research Procedia. 2021. Vol. 54. P. 182–190. <https://doi.org/10.1016/j.trpro.2021.02.063> (дата обращения: 10.08.2021).

RCEP | 结构性不平衡问题及展望. URL: http://m.thepaper.cn/wifiKey_detail.jsp?contid=10563132&from=wifiKey#

Review of maritime transport. URL: <https://unctad.org/topic/transport-and-trade-logistics/review-of-maritime-transport> (дата обращения: 10.08.2021).

Stevens P. Another attempt to clear ship blocking Suez Canal fails as economic impact mounts. URL: <https://www.cnb.com/2021/03/26/ship-blocking-suez-canal-is-beginning-to-affect-the-global-economy.html> (дата обращения: 10.08.2021).

Suez Canal blockage is delaying an estimated \$400 million an hour in goods. URL: <https://www.cnb.com/2021/03/25/suez-canal-blockage-is-delaying-an-estimated-400-million-an-hour-in-goods.html> (дата обращения: 10.08.2021).

The coronavirus pandemic has boosted the emergence of new options for the supply chain between Asia and Europe. URL: <http://www.uirr.com/en/news/mediacentre/1586-china-europe-rail-freight-growth-long-lasting-trend-or-flash-in-the-pan.html>

马章安. 青年学者圆桌:苏伊士运河堵塞,世界经济喊痛—张茂荣刘晓伟二人谈. URL: http://124.133.228.83/articleContent/2733_859606.html (дата обращения: 10.08.2021).

УДК 910.3

А. Д. Калихман

ФГБУ «Заповедное Прибайкалье»

Т. П. Калихман

Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, Иркутск

МАНЗЫ И ХУНХУЗЫ В ДНЕВНИКАХ БЕНЕДИКТА ДЫБОВСКОГО

Аннотация. Приводятся фрагменты из дневниковых книг Бенедикта Дыбовского, возглавлявшего более полувека «польский период» в изучении Байкала. Показываются дневниковые описания событий, связанных с манзами и хунхузами на Дальнем Востоке в второй половине XIX в.

Ключевые слова: манзы, хунхузы, Дальний Восток, «манзовская» война.

I. D. Kalikhman

FSBI “Zapovednoe Pribaikalie”

T. P. Kalikhman

Sochava Institute of Geography of SB RAS, Irkutsk

MANZY AND HUNKHUZ IN THE DIARIES OF BENEDIKT DYBOVSKY

Abstract. The author's first complete translation from Polish into Russian of three diary books by Benedikt Dybovsky, who led the "Polish period" in the study of Lake Baikal for more than half a century, allows us to identify fragments in the texts related to the Manz and Hunkhuz in the Far East in the second half of the XIX century. The diary descriptions of several events given in the article, which allow them to be attributed to the historical narrative, make it possible to significantly supplement the already well-known historiography about the Manz and Hunkhuz.

Keywords: Manzy, Hunkhuz, the Far East, the “Manz” war.

Ссылный польский ученый Бенедикт Дыбовский, стоявший во главе более чем полувекового «польского периода» в изучении оз. Байкал, долгое время занимался также изучением природы Дальнего Востока. Свои дневники о пребывании в Сибири и на Дальнем Востоке с 1864 по 1883 гг. он издал в виде нескольких книг на польском языке в начале прошлого века [Benedykt Dybowski, 1900; Dr. B. Dybowski, 1912; Pamiętnik ... , 1930]. Книги эти больше не переиздавались, а на русский язык три упомянутые книги были впервые полностью переведены авторами настоящей статьи и изданы в виде двух сборников дневниковых трудов Бенедикта Дыбовского [Дневник Дыбовского ... , 2020; Дневник Дыбовского ... , 2021].

Введение в научный и культурный оборот полных дневниковых текстов на русском языке, связанных с описаниями людей и событий того времени в Сибири и на Дальнем Востоке, позволяет выделить их существенную часть, не связанную с профессиональными научными интересами доктора Бенедикта Дыбовского. В используемых в философии постмодерна терминах эти тексты можно определить как нарратив или исторический нарратив. Именно так представляются события в дневниках Дыбовского, когда манзы и хунхузы были тесно вовлечены в продолжавшееся освоение Россией пограничных с Китаем территорий по рекам Уссури и Сунгачи и береговой полосы от Посьета до Владивостока.

Манзами называли населявших Уссурийский край китайцев во второй половине XIX – начале XX в., как оседлых, так и сезонных работников. Правовое положение их определялось статьями Айгунского (1858 г.), а затем Пекинского (1860 г.) договоров, заключенных с Циньской империей. В дневнике о названиях сказано: «Русские звали китайцев “манза”, а те звали русских “мауза”, что означало “носящий шапку на голове”, в то время как манза означало “носящий шляпу”. За точность перевода я ругаться не мог бы» [Дневник Дыбовского ... , 2020, с. 525].

В настоящее время принято считать, что «манза» произошло, скорее, от 蛮子 (кит. mánzi, мань-цзы) – пренебрежительное древнее название, которое в Китае жителям юга давали жители севера. Таких названий для окружающих племен у северян было много, во многих морфограммы были уничижительные, отсылающие к мелким животным, ползающим, пресмыкающимся, например, «червяк», «змея», «птица». В данном случае это 虫 «червяк, насекомое». Отдельного значения у иероглифа 蛮 (мань) в современном китайском языке нет или оно утеряно, но в целом это слово сейчас означает «варвары с юга». Видимо, оно использовалось в Приморье переселенцами или оказавшимися на территории России китайцами. «Мауза» – это предположительно 毛子 (máozi, мао-цзы), или «мохнатый, волосатый», так называли русских на севере Китая из-за обильной растительности на лице, не свойственной китайцам. С шапками оба названия, вероятно, никак не связаны. Путаница, возможно, произошла из-за того, что слово «мао-цзы» произносится похоже на 帽子 (кит. màozi), т. е. «шапка, головной убор».

Отношения со своим сезонным работником Б. Дыбовский описывает так: «Нашего работника китайца в память о бурятах мы называли “Кукуй”. Каждого из нас он называл “капитаном”, добавляя еще слово для отличия. Так Хоека он называл “полный капитан”, меня “доктор капитан”, Годлевского “капитан, капитан”, мы разговаривали с ним чаще всего мимикой и жестами или придумывали новый язык. Когда нужно было растопить печь, то говорили ему “огонь еще”. Когда нужно было принести дрова, то говорили “палка еще”. Он называл ствол дерева “большая палка”, а остальное “маленькая палка”. Этот тихий человек, преисполненный доброты к нам, говорил о нас “хороший капитан”. Женщин он называл “папушка”. Курил опиум один раз в день, перед послеобеденным отдыхом. На вопрос о том, что ему снится после курения опиума, отвечал, что “жирная папушка”. Он должен был служить у нас до декабря, а на зиму возвратиться к себе, был женат, имел детей, говорил, что живут они ‘мало худо’. Работал охотно, хотя и медленно, никогда не бездельничал. Его интересовало все, что он видел в первый раз, просил объяснений, умел читать по-китайски, не воровал, одевался чисто; во всяком случае, являлся образцовым работником. Были с ним в очень дружеских отношениях. Платили ему в месяц по 5 рублей серебром, заработанные деньги он берег для дома» [Дневник Дыбовского ... , 2020, с. 520–521].

Очень показателен врачебный опыт Дыбовского: «Вскоре по прибытию китайцы сообщили, что среди них разразилась сильная эпидемия оспы. Я тут же обследовал наше ближайшее окружение, решив сделать “вакцину”, то есть коровьянку, материал для прививки от оспы. На ферме Йохансона был годовалый теленок, которому я привил материал оспы китайца, а полученный из теленка материал, разбавленный глицерином, как мы это делали с доктором Германом Фудаковым в Дерпте, использовался для прививки. ...Нашему рабочему китайцу я сделал прививку от оспы, и она привилась» [Дневник Дыбовского ... , 2020, с. 520–521].

Примеры сложных и даже недружественных отношений с манзами также упоминаются в дневнике в ситуации с участием Виктора Годлевского, коллеги Бенедикта Дыбовского и Фридольфа Хоека, капитана парусника, доставившего в Находку финнов, не очень успешно пытавшихся создать колонию, поддавшись уговорам Фурухельма, брата адмирала, главы Николаевска. «Капитан Хоек имел в собственности предоставленную ему территорию у бухты Стрелок с фермами финнов, но наряду с этим он взял на себя обязанность защищать всю местность от нападений манзов. Так, например, он заявлял претензии на скалу Унковского и запрещал китайцам охоту на морских собак; поведение его с манзами было очень деспотичным. Капитану сообщили, что группа манзов без разрешения приступила к мытью золота неподалеку. ...Наше появление было воспринято с полнейшим равнодушием со стороны китайцев, они спокойно сидели в кругу и курили табак. Хоек на повышенных тонах начал говорить с ними,

но на эту речь ответа не получил, и, разозлившись, стал кричать, подтверждая жестами рук выразительность своих угроз. Манзы начали смеяться, тогда капитан подскочил к костру, сильно ударил ногой по котлу, тот перевернулся и упал с треноги, а затем прокричал “прочь отсюда”, и в этот момент китайцы вскочили на ноги и начали убежать. Тогда он окликнул их, чтобы они вернулись, забрали котел и треножник, что они и сделали, потом велел костер залить водой, и этот приказ был исполнен, мы терпеливо ждали, когда манзы соберутся в путь. Еще несколько таких выступлений Хоека прошло при нас в течение лета. Рассказывая нам о своих поступках, он был убежден, что более трусливых людей, чем китайцы, нет на свете, презирал их, относился к ним как к “не людям” и, несмотря на это, пользовался ими для выполнения разных работ. Наше отношение к ним было другим, Янковского манзы любили, Хоека боялись, а наш работник покидал нас с сожалением» [Дневник Дыбовского ... , 2020, с. 529].

Другой случай был связан с посещением острова Аскольде: «Отдохнув после состоявшегося торжества на Аскольде, при восточном ветре, теперь благоприятном, Годлевский отправился обратно. На лодке, китайской джонке, находились два манзы, и один из них, владелец лодки, хвастался своим мужеством и мастерством мореплавателя. Плавание шло успешно, но к вечеру ветер усилился, угрожая сорвать парус. Сидевший на руле китаец велел спустить парус и отправился отдыхать на дно джонки, повторяя означающие страх слова. Увидев это, Годлевский прикрикнул, как нам позже рассказывал, словами “поднимай парус, трус ты окаянный”, сам поднял парус наполовину, а на свернутую часть посадил китайцев, сам сел у руля, прикрикивая время от времени на испуганных манзов “сиди смирно”, и счастливо доплыл до нашего порта. ... Хоек говорил нам, что китайцы обычно трусливы перед лицом опасности в море, и поэтому являются плохими моряками. Манза на своей джонке, видя грозящую опасность, сворачивал парус и ложился на дно, прикрыв голову парусом» [Дневник Дыбовского ... , 2020, с. 526].

Тяжело воспринимаются описания сцен уничтожения животных, которые с натяжкой можно назвать охотой как с той, так и с другой стороны: «Хоек вышел на берег и, вернувшись, сказал, что, видимо, манзы собрались здесь, чтобы отплыть к островку Унковского для охоты на морских собак; джонок на берегу уже нет, и осталось несколько дубинок, называемых “дрыгалками”, используемых для убийства молодых “нерп”. Надо спешить, говорил он, иначе они уничтожат всех нерп, а они принадлежат мне. Быстро схватили все наши вещи, достали свои ружья, забрали дрыгалки, столкнули лодку со льда на воду, прыгнули в нее и на веслах понеслись к скале Унковского; прибыли вовремя, потому что там, где остановились, еще нашли нерп. Годлевский и Хоек успели убить с десятков дрыгалками, я оставался у лодки, удерживая ее и частично вытаскивая на береговой

лед. Когда закончилась бойня глупых нерпят и нескольких взрослых экземпляров, Хоек отправился разыскивать манзов, часть которых уже с добычей успела отойти, а у оставшихся не было убитых нерпят. Одного из манзов Хоек заставил подъехать туда, где мы остановились, и обработать половые органы нерпят, которые дорого продавались в Китае, имея там якобы большой медицинский спрос. Манза очень мастерски препарировал яички и яичники нерпят, заворачивая каждый орган в отдельную бумагу, располагая запасом бумаги для этой цели. Хоек знал способ подготовки препаратов для продажи, так как уже несколько лет занимался торговлей ими. Мы дождались, когда отплынут манзы. Затем мы уложили убитых нерп, накрыли их толстыми обломками ледяных глыб, чтобы, вернувшись с Аскольда, забрать их с собой» [Дневник Дыбовского ... , 2020, с. 527].

Хунхузы упоминаются Дыбовским первый раз в следующем контексте: «Когда мы прибыли в Николаевск, то Амур показался мне как бы большим морским заливом. ... У места нашего причаливания было скопление публики. Адмирал Фурухельм, друг и коллега эскадр-майора Сколкова, его адъютант Баранов, будущий губернатор Уссурийского края, Пржевальский, будущий известный путешественник по Центральной и Южной Азии, Тихменев, знаменитый победитель манзов и хунхузов» [Дневник ..., 2020, с. 364]. Встреча экспедиции Сколкова проходила через год после того, как «в 1868 году здесь случилась так называемая “манзовская” или “хунхузская” война, в которой принимали участие не только военные, но и лица из моряков, штурманов и других» [Дневник Дыбовского ... , 2020, с. 384]. Одно из наиболее полных описаний войны принадлежит Н. М. Тихменеву, сыну упомянутого генерала М. П. Тихменева, тоже генералу, в нескольких статьях в журнале «Военный сборник» за 1908 г. [Тихменев, 1908].

Слово «хунхуз» 红胡子 (кит. *hóng húzi*, кхун-ху-цзы) в дословном переводе с китайского языка «красная борода» или «рыжая борода». Дыбовский поясняет, что «хунхуз в русском переводе означал “рыжебородый”, а название связывали с тем, что при зарядке порохом оружия они держали в зубах паклю, забиваемую в ствол карабина» [Дневник Дыбовского ... , 2020, с. 525]. Хунхузами называли организованные бандитские группировки, состоявшие из этнических китайцев, занимавшихся разбоем в Маньчжурии и на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX вв. [Ершов, 2010].

Во время участия в экспедиции И. Г. Сколкова по Сибири и Дальнему Востоку Дыбовский познакомился с Н. М. Пржевальским и поддерживал с ним не только дружеские, но и профессиональные контакты. О встречах в Иркутске он писал: «Двери наших квартир располагались напротив, и почти каждый вечер господ Бабкиных посещал Пржевальский, часто заходивший и к нам, и мы имели возможность слушать его длинные рассказы о войне с хунхузами» [Дневник Дыбовского ... , 2020, с. 398]. В другом

дневнике сказано: «Пржевальский, когда бывал в компании “героев” так называемой “манзовской” войны, и сам принимал участие в этой “знаменитой” войне – имел намерение описать всех героев вместе с главнокомандующим, полковником Марковым. Этот Марков, пьяница и негодяй, называл себя “Фабий Кунктатор”. Очень жаль, что Пржевальский не реализовал свой замысел» [Дневник Дыбовского ... , 2021, с. 227].

Дыбовский опирался на рассказы Пржевальского, излагая события войны: «Прежде чем перейти к описанию военных действий Маркова, я сначала в нескольких словах упомяну о комических эпизодах, сопровождавших поджог станции Дубининской. Марков, в ожидании боя с хунхузами, как осторожный командир приказал устроить на этой станции скорую врачебную помощь, или “перевалочный пункт” под руководством врача Плаксина (этот персонаж взяточника, негодяя, карточного игрока и врача-пьяницы описан в биографии Пржевальского). На станции скорой помощи находились Плаксин, фельдшер-еврей, хозяйка станции и собачка. Вдруг хозяйка заметила, что лагерь хунхузов тащится по дороге к станции, и она сразу разбудила спящих Плаксина и фельдшера; разбуженные схватили свои вещи, и все вместе убежали в ближайшие кусты, где и спрятались. Плаксин от страха не знал, что делать, присел за одним из них и держал собаку за пасть, чтобы она не выдала свое присутствие лаем. Пришли хунхузы, подожгли станцию и двинулись дальше по дороге. Вслед за ними по той же дороге пошло и войско Маркова. Плаксин вышел из укрытия с хозяйкой и фельдшером и пожаловался командиру, что все его вещи и хирургические инструменты сожжены; присутствовавшая на его отчете хозяйка, сказала, что все вещи сохранились в целостности, затем сходила за ними и принесла коробку с какими-то старыми инструментами и хламом из одежды. Вот так хотел патриотический доктор “надуть казну”, впрочем, кто ее не надувает в святой православной России» [Дневник Дыбовского ... , 2021, с. 444].

Далее в дневнике сказано: «Возвращаясь к “дубинскому” бою следует сказать, что Марков решил не вступать в бой с хунхузами, не доверяя собственной отваге и героизму войска, которым командовал; по этому плану он медленно двинулся по следу врага и, увидев горящие костры в лагере хунхузов, засел в зарослях недалеко от лагеря. Началась “перестрелка”, но пули с обеих сторон не долетали, и Зотиков, уставший от этой бессмысленной стрельбы, предложил план. Он попросил себе отряд добровольцев, во главе с которым совершит маневр, имитирующий желание обойти вражеский лагерь с фланга. Марков согласился с этим; Зотиков направился на их центр, описав полукруг в сторону хунхузов. Напуганные этим маневром, они в панике начали бежать, а их тяжелые “арбы”, запряженные быками, медленно двинулись, и за ними поспешили в беспорядке воины. Казаки, увидев отступление врага, не устояли и также в беспорядке бросились вслед за хунхузами; а те, дойдя до моста, въехали на него со всем грузом, и мост под

ними рухнул, возникла еще бóльшая паника, часть отступавших бросилась в реку, но большинство из них опрометчиво побежало по берегу; тут их достигли казаки, началась “бойня”, наконец, приехал командир отряда и стал убивать пленных из револьвера. Битва окончена, победа осталась за доблестными воинами и их блестящим командующим» [Дневник Дыбовского ... , 2021, с. 445].

Драматические и даже трагические описания приводит Дыбовский по письмам своего коллеги Михаила Янковского: «Михаил собрал свои вещи и отправился на шхуне капитана Хоека на вожделенную “Славянку”. Оба, Янковский и Хоек, хорошо знали о том, что выбранное ими место опасно из-за набегов китайских хунхузов или мерзких разбойников. Поэтому собираясь в свое новое поместье, Михаил выезжал хорошо вооруженным, взяв лучших стрелков из числа своих рабочих, а сам стал во главе отряда. Капитан Фридольф Хоек был человек необыкновенной храбрости, несколько раз выступая во главе вооруженных отрядов русской армии, всегда победоносно прогоняя разбойничьи банды хунхузов. На шхуне увезли скот, лошадей, все значительное имущество, осталась только жена Михаила, дочь и необходимые вещи для их пребывания на Аскольде. Они уезжали, не думая в тот момент, что судьба может готовить им страшную трагедию» [Дневник Дыбовского ... , 2020, с. 495].

И еще из писем Янковского: «Когда “Анна” подошла к бухте “Славянской”, став перед домом Хоека на якоре, навстречу из дома никто не вышел. Выстрелили с палубы несколько раз: но на сигнал отклика не было. Предчувствуя неладное, Янковский со своими вооруженными рабочими поплыл на лодке к берегу. По виду следов многочисленных лошадиных копыт было ясно, что банда хунхузов хозяйничала здесь во время отсутствия Хоека. Войдя в сени, увидели следы крови, а когда открыли дверь слева от сеней, то представилось страшное зрелище, на крюке от лампы в центре потолка висел окровавленный и изуродованный труп хозяйки, а вся комната и большой стол, стоявший посреди комнаты, были залиты кровью. Осмотрев другие комнаты, обнаружили, что вход в подвал открыт, а на его дне два изуродованных трупа работников Хоека. Труп мальчика не нашли, хунхузы видимо забрали его с собой» [Дневник Дыбовского ..., 2020, с. 496].

В дневнике приведена и картина боя с хунхузами: «Они разделились на две группы по пять человек, пытаясь обойти фанзу с боков и укрываясь за деревьями и скалами. Двинулись вперед осторожно к китайской фанзе и приблизились к ней так близко, что увидели хунхузов, выезжающих на лошадях. Приблизившись на расстояние выстрела к фанзе, начали стрелять по хунхузам, несколько их упало, но сразу же выбежали из фанзы с десяток вооруженных и, прячась за деревья, начали отстреливаться от нападающих, а другие торопливо уводили за фанзу похищенных лошадей.

Теперь Янковский хотел убить главу банды, который громко отдавал команды своим подчиненным. Это ему удалось, потому что, когда тот чуть боком высунулся из-за дерева, ранил его в бок пулей, прошедшей насквозь, и хотя тот пытался забить рану мхом, но вскоре упал замертво. Вся шайка поспешно бежала, и преследовать ее было невозможно из-за слишком небольшого количества стрелков» [Дневник Дыбовского ... , 2020, с. 496].

В дневниковых книгах Бенедикта Дыбовского, впервые вышедших на русском языке и ставших доступными для русскоязычного читателя, даются также многочисленные описания положения китайцев в Сибири после того, как вступил в силу Пекинский договор России с Китаем, детально описывается его пребывания в Айгуне с миссией И. Г. Сколокова через 10 лет после подписания Айгунского договора. С интересом читаются страницы, где излагаются мнения и отношение сибиряков к присутствию китайских торговцев на рынках городов Забайкалья, о скупке ими украденного на приисках золота, о торговле водкой, о русских «хозяйках» китайских лавок, о выращивании овощей на образцово обрабатываемых огородах и продаваемых в кредит овощах.

Приведенные цитаты из дневниковых книг Дыбовского показывают его строгое следование классике жанра, когда изложение факта или явления, дополненное персоналиями, не переходит в их исторические и тем более в политические оценки. При этом очевидно отношение автора к описываемым событиям и людям, в данном случае к манзам и хунхузам. Такой независимый взгляд наблюдателя, а временами и участника описываемых событий, мог бы существенно дополнить уже известную историографию о манзах и хунхузах.

Благодарность. Глубокая признательность Евгению Владимировичу Кремнёву за помощь в интерпретации содержащейся в дневниковых книгах Бенедикта Дыбовского китайской терминологии, а также морфограмм, связанных с семантикой слов «манзы» и «хунхузы».

Литература

Дневник Дыбовского : сб. тр. / сост. А. Д. Калихман, Т. П. Калихман. Иркутск : Оттиск, 2020. 575 с.

Дневник Дыбовского: О Сибири и Камчатке. Сборник дневников / сост. А. Д. Калихман, Т. П. Калихман. Иркутск : Оттиск, 2021. 487 с.

Ершов Д. В. Хунхузы: необъявленная война: этнический бандитизм на Дальнем Востоке. М. : Центрполиграф, 2010. 253 с.

Тихменев Н. М. Манзовская война. Первое вооруженное столкновение русских с китайцами в Южно-Уссурийском крае в 1868 г. // Военный сборник. 1908. № 2-6.

Benedykt Dybowski. O Syberji i Kamczatce. Lwów: Nakładem "Kurjera Lwowskiego". Drukarnia Udziałowa (K. Wiesnera), Lwów, Lindego 8, 1900. 252 p.

Dr. B. Dybowski. O Syberji i Kamczatce. Część I. Podróż z Warszawy na Kamczatkę. Warszawa: Gebethner i Wolff, Kraków: G. Gebethner i Spółka. Druk W. L. Anczyca i Spółki, 1912. 562 p.

Pamiętnik Dra Benedykta Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878. Lwów: Wydawnictwa załadu narodowego imienia Ossolińskich pod zarządkiem Wierzbickiego, 1930. 628 p.

Т. П. Калихман

Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, Иркутск

С. Энх-Амгалан

Исследовательский институт географии и геоэкологии МАН

Улан-Батор

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОХРАНА ПРИРОДЫ В СИБИРИ И МОНГОЛИИ

Аннотация. Обсуждаются значительные по площади внутриконтинентальные территории российской Сибири и Монголии, которые сходны по физико-географическим и социально-демографическим параметрам, а также по отношению к ним как к «ресурсным колониям». Отмечается их существенное политическое различие, которое сказывается на их институционально-управленческих характеристиках и на формировании структуры территориальной охраны природы. Анализируются сложившиеся системы особо охраняемых природных территорий Сибири и Монголии, их структуры, законодательные основания.

Ключевые слова: особо охраняемые природные территории, законодательная база, институциональные различия, структура системы охраняемых территорий.

T. Kalikhman

V. B. Sochava Institute of Geography of SB RAS, Irkutsk

S. Enkh-Amgалан

Research Institute of Geography and Geoecology MAS, Ulaanbaatar

TERRITORIAL NATURE PROTECTION OF SIBERIA AND MONGOLIA

Abstract. The large inland territory, including Russian Siberia and Mongolia, discussed in the article, has similarities in physical, geographical, and socio-demographic parameters, as well as the attitude to them as “resource colonies”. But these Siberian and Mongolian components differ significantly politically, which affects their institutional and managerial characteristics, which in turn affects the process of forming the structure of territorial nature protection. The article analyzes the existing systems of protected areas in Siberia and Mongolia, their structure, and legislative bases.

Keywords: protected natural areas, legislative framework, institutional differences, PA’s system structure.

Территориальная охрана природы или «деятельность для сохранения, поддержания и восстановления природной среды на специально выделенных участках при существенном ограничении использования природных ресурсов» обычно связывается с функционированием особо охраняемых природных территорий (ООПТ). В исследовании охватывается единый и значительный по площади участок Азиатского континента, включающий российский макрорегион Сибирь и страну Монголию. Сибирь и Монголия схожи своим континентальным расположением, климатом, ландшафтами, месторождениями полезных ископаемых и способами их освоения, низкой плотностью и численностью населения, в основном сосредоточенного в городах. Присоединение Сибири к Российскому государству, названное «внутренней колонизацией», было очень точно определено в конце XIX в. Н. М. Ядринцевым в книге «Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия». Само ее название дало основу для понимания природоохранной по-

литики России с конца XVII в. и до нашего времени [Ядринцев, 1882; Зубаревич, 2017]. Монголия также более ста лет рассматривалась как ресурсная колония двух мощных государств, между которыми она географически зажата [Каяхара, 2014; Жаргал, 2019]. Цель исследования – анализ деятельности ООПТ в Сибири и Монголии путем сравнения институциональной, законодательной и структурной основы.

Институциональные основы

Длительный период существования Советского Союза и Монгольской Народной Республики в едином политическом русле привел к тому, что в современных России и Монголии на начальном этапе основы законодательства в отношении использования и охраны земель и деятельности ООПТ во многом оказались сходными и были приняты почти одновременно в 1990-х гг. За прошедшие два десятилетия пути развития стран стали заметно расходиться, что отразилось на содержании действующих законодательных актов и определило появление ряда отличных особенностей в анализируемых системах ООПТ из-за внесенных изменений.

Законы о земле. В России действует Земельный кодекс (№ 136-ФЗ от 25.10.2001), а в Монголии – закон «О земле» (Монгол улсын хууль «Газрын тухай» от 07.06.2002). Российский кодекс существенно объемнее и сложнее для применения, поскольку он регулярно подвергался изменениям. Земельный закон Монголии заметно короче, строже по структуре, а вносимые изменения касаются только налогообложения, неразделимости земельных участков и размещенных на них строений. В законе Монголии так называемый Единый земельный фонд включает несколько типов земель, в том числе и «земли особого назначения», к которым относятся и земли ООПТ (ст. 16). Для создания ООПТ своим решением «Великий Хурал... может изъять и освободить землю для особых нужд государства» (ст. 17, п. 17.1.3). Центральный административный орган по земельным вопросам имеет полномочия вносить в Правительство предложение о приобретении или передаче земельного участка для создания ООПТ. Если при создании новой ООПТ выясняется, что земли не относятся к государственным, то «аймаки, столица страны, сомоны и округи могут приобрести земли для местных особых нужд» в области охраны природы с выплатой компенсации собственнику (ст. 20, п. 20.1.3.). Закон разрешает иностранным организациям и компаниям временное пользование землями Монголии. Например, Ассоциация охраны окружающей среды Монголии (некоммерческая общественная организация) на средства иностранных фондов осуществила начальный этап восстановления ограниченной популяции исчезнувшей лошади Пржевальского (*Equus ferus przewalskii* Groves, 1986 г.) в конце 1960-х гг. в Монголии. Впоследствии на этом участке в

1993 г. был создан сначала природный резерват, позже с 2003 г. – национальный парк «Хустай нуруу», управлявшийся неправительственной организацией Hustai National Park Trust [Wurts, 2013]. В России такие эксперименты были возможны только в 1990-х гг., например, в Якутии – ресурсный резерват «Чаруода (WWF-Саха)» (1997 г.).

В российском Земельном кодексе декларируется «приоритет охраны земли... перед использованием земли» (ст. 1, п. 2), но на практике приоритетность часто не соблюдается. Например, при проектировании новой ООПТ в первую очередь анализируется наличие разведанных месторождений полезных ископаемых, что часто тормозит или полностью исключает природоохранные задачи. Кроме того, установлен приоритет сохранения особо ценных земель и земель ООПТ, и изменение целевого назначения земель особо охраняемых природных ООПТ для иных целей ограничивается или запрещается (ст. 1, п. 6), что также часто не соблюдается на практике. Наиболее ярким примером стало внесение специальной статьи (ст. 38, п. 3, введен законом от 27.12.2009 № 379-ФЗ) в Федеральный закон «Об особо охраняемых природных территориях» от 14.03.1995 № 33-ФЗ, когда под объекты для зимней Олимпиады 2014 г. в Сочи были выведены земли из состава Сочинского национального парка: «Аренда земельных участков, расположенных в границах соответствующих функциональных зон, на которые делятся территории национальных парков, осуществляется в соответствии с настоящим Федеральным законом, если иное не предусмотрено Федеральным законом от 01.12.2007 № 310-ФЗ “Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г.”». Для Сибири предусмотрен свой пункт по нарушению общего духа закона об ООПТ для исключения из границ ООПТ земель, необходимых для расширения инфраструктуры Байкало-Амурской и Транссибирской железнодорожных магистралей (ст. 38, п. 5, введен законом № 254-ФЗ от 31.07.2020).

В российском Земельном кодексе в общем перечне категорий земель приведены и «земли ООПТ» (гл. XVII), а также предусмотрено «резервирование земель» (ст. 9, п. 5; ст. 70.1) и «принудительное отчуждение земель» (ст. 52) для различных государственных нужд, включая создание ООПТ. В действительности резервирования земель для ООПТ не происходит, хотя к нему прибегают, например, при строительстве различных сооружений. Важно отметить, что большинство земель в границах части категорий российских ООПТ (заказники, природные парки и др.) не относятся к «землям ООПТ», в основном они представлены «землями лесного фонда» и реже «землями сельскохозяйственного назначения», что часто приводит к очевидным юридическим противоречиям. Находящиеся в государственной или муниципальной собственности земли предоставляются

в постоянное (бессрочное) пользование исключительно органам государственной власти и органам местного самоуправления, а также государственным и муниципальным учреждениям (бюджетным, казенным, автономным), в ведении которых находятся ООПТ. Земли могут быть изъяты на основании решения о создании или расширении ООПТ.

Закон о территориях традиционного природопользования. В отличие от Монголии, где вся скотоводческая деятельность местного населения признана традиционной, независимо от национальной принадлежности, в России принят специальный закон о территориях традиционного природопользования (ТТП) коренных малочисленных народов (№ 49-ФЗ от 07.05.2001). Природоохранные цели закона – сохранение на ТТП биологического разнообразия (ст. 4) и ограничение природопользования. ТТП признаются «особо охраняемыми территориями» федерального, регионального или местного значения (ст. 5). Здесь допускается хозяйственная деятельность, не нарушающая правовой режим ТТП (ст. 13).

Законы об ООПТ в обеих странах являются основными, определяющими формирование территориальной охраны природы (№ 33-ФЗ от 14.03.1995; Монгол улсын хууль «Тусгай хамгаалалттай газар нутгийн тухай», 15.11.1994). В России и Монголии принята похожая классификация для общегосударственных ООПТ, но региональные или местные ООПТ в России имеют свою классификацию, а в Монголии – одну категорию для каждого уровня. Общегосударственные ООПТ включают соответственно заповедники / строго охраняемые территории, национальные парки, заказники федерального значения / природные резерваты, памятники природы федерального значения / памятники; а региональные ООПТ представлены природными парками, заказниками и памятниками природы регионального значения / ООПТ аймака. К местным охраняемым территориям отнесены категории, определяемые региональными законами об ООПТ / ООПТ сомона.

В России охранные зоны вокруг ООПТ предусмотрены только для «заповедников, национальных парков, природных парков и памятников природы» (ст. 2, п. 10), их создано мало из-за трудностей согласования с местными властями. В Монголии принят специальный закон о буферных зонах ООПТ (Монгол улсын хууль «Тусгай хамгаалалттай газар нутгийн орчны бүсийн тухай», 23.10.1997). Они могут быть созданы вокруг любых ООПТ, причем для совместного управления представителями всех землепользователей создается специальный совет буферной зоны и фонд для ее финансирования для учета всех заинтересованных сторон.

Функциональное зонирование в России предполагается только для национальных и природных парков, а в Монголии – для строго охраняемых территорий и национальных парков. Таким образом, монгольские заповедники больше похожи на международные биосферные резерваты с

дифференцированием природоохранного режима на зоны: 1) нетронутая (неизменная); 2) особо охраняемая (возможна биотехническая деятельность, устранение ущерба от стихийных бедствий); 3) ограниченного доступа (разрешены санитарная рубка, строительство кемпингов временного пребывания, сбор отдельных лекарственных и пищевых растений и плодов местными жителями, посещение святых мест). В качестве негативного примера для ООПТ можно привести вхождение в границы самого крупного города Монголии заповедника «Богд-хан уул», эта близость привела к существенным нарушениям природоохранного режима этой ООПТ: возникли целые городские микрорайоны, поля для гольфа, горно-лыжные трассы, значительно увеличилось число туристских баз и баз отдыха. Здесь изменились природные условия [Эрдэнэчимэг, Белозерцева, Энхтайван, 2017], сократились площади и качество лесов [Цэндсүрэн, 2009]. Для российских «биосферных заповедников» (ст. 10) может выделяться специальный биосферный полигон «в целях проведения научных исследований, государственного экологического мониторинга (государственного мониторинга окружающей среды), а также апробирования и внедрения методов рационального природопользования, не разрушающих окружающую среду» (ст. 10, п. 2).

Все памятники в Монголии подразделяются на «памятники природы» и «памятники истории и культуры» (ст. 23). В России памятники природы ранее классифицировались по соответствующим профилям: геологический, геоморфологический, ботанический, зоологический, гидрологический, ландшафтный, комплексный. Подобная норма из закона об ООПТ в настоящее время исключена, хотя в границах национальных и природных парков могут выделяться «памятники истории и культуры» как участки с особой охраной (ст. 16, п. 5).

В России в границах ООПТ могут находиться населенные пункты (ст. 3.1, п. 1), что вызывает сложности как в управлении охраняемой природной территорией, так и проблемы с развитием поселков. Такая ситуация наблюдается, например, в Прибайкальском национальном парке (Иркутская область), но в наиболее характерном виде проявляется в Тункинском национальном парке (Республика Бурятия) [Калихман, 2007]. В Монголии населенные пункты в состав ООПТ не включаются.

Посещение российских ООПТ физическими лицами, не проживающими в их границах, может быть как бесплатным, так и с оплатой, причем размер оплаты определяется Министерством природных ресурсов и экологии РФ. В Монголии за посещение любых общегосударственных ООПТ взимается плата.

В обоих законах декларируется приоритет международного права над национальным. Монголия строго придерживается установленного приоритета, тогда как Россия совсем недавно решила им пренебречь, приняв

закон о приоритете Конституции РФ над решениями международных организаций и судов [Одобренны законопроекты ... , 2020]. В законе об ООПТ Монголии специальная статья посвящена трансграничным и приграничным ООПТ, а также привлечению к их охране пограничников (ст. 5). Между Сибирью и Монголией есть функционирующие и планируемые трансграничные ООПТ [Бардаш, Калихман, 2020], но в российском законодательстве они не упоминаются, в отношении них не оговорены условия их сохранения, участия в охране пограничной службы и другие вопросы функционирования.

В монгольском законе об ООПТ к финансированию охраняемых территорий, помимо бюджетных и полученных от посетителей средств, которые год от года увеличиваются [Оюунгэрэл, 2007], могут привлекаться любые законные пути экономической поддержки, включая международные фонды и зарубежные частные пожертвования. В России с недавнего времени зарубежное финансирование ООПТ полностью прекращено (№ 481-ФЗ от 30.12.2020). В российском законе об ООПТ и в целом в природоохранном законодательстве нет полноценного обсуждения функционирования охраняемых природных территорий международного значения в соответствии с международными конвенциями, ратифицированными нашей страной (объекты Всемирного природного наследия, биосферные резерваты, трансграничные ООПТ, ключевые орнитологические, ботанические, почвенные территории), исключение – Постановление Правительства РФ «О мерах по обеспечению выполнения обязательств Российской Стороны, вытекающих из Конвенции о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение главным образом в качестве местообитаний водоплавающих птиц, от 2 февраля 1971 г.» в соответствии с Рамсарской конвенцией, в котором просто приведен их перечень без обсуждения особого природоохранного режима (№ 1050 от 13.09.1994). Режим упомянутых ранее «биосферных заповедников» не имеет общих правил, отдан для принятия самостоятельного решения дирекциями ООПТ и отражается только в их положениях.

Структура системы ООПТ

Общее представление о сложившейся системе ООПТ, их структуре и размещении в каждой из рассматриваемых стран дают картографические материалы, а также специальные атласы. Впервые ООПТ Сибири и Монголии единообразно были представлены в атласе бассейна оз. Байкал [Савенкова, 2002], для которого были составлены ландшафтные карты каждой ООПТ. Развитый при создании атласа «одноаспектный» метод тематического картографирования лег в основу следующих двух атласов ООПТ Сибирского и Дальневосточного федеральных округов (в последний теперь вошли «перемещенные» сугубо сибирские территории – Республика Саха

(Якутия), Республика Бурятия и Забайкальский край) [Калихман и др., 2012, 2018]. Картографическая информация по ООПТ Монголии размещена в последнем по времени издании атласа Монголии [Монгол улсын, 2009; Оюунгэрэл, 2010], а обновленная по состоянию на 2021 г. – на сайте Министерства окружающей среды и туризма Монголии.

Сформированная при подготовке атласов база данных о современной структуре систем ООПТ содержит статистическую информацию о каждой из охраняемых территорий в Сибири и Монголии: расположении, категории, времени создания, площади, особенностях управления (например, особом международном статусе) и территориальной дифференциации (функционального зонирования, наличия охранных зон, числа кластеров). Анализ картографической информации позволяет оценить распределение ООПТ по природным зонам и административным единицам РФ и Монголии. Сложившиеся системы ООПТ этих стран существенно отличаются. Большая часть ООПТ Сибири сосредоточена в ее южных пределах, вдоль транспортных путей и в районах расселения. Исключением в смысле равномерности распределения ООПТ можно назвать ситуацию в Якутии и отчасти в Тюменской области (с автономными округами Ямало-Ненецким и Ханты-Мансийским). Особенно ярко тенденция неравномерности выражена в отношении заказников регионального значения. Распределение ООПТ по физико-географическим регионам Сибири также не является равномерным. Горные и южно-сибирские типы ландшафтов широко представлены в границах ООПТ Сибири, а арктические, субарктические ландшафты, северо- и среднетасежные леса охвачены недостаточно и отмечаются только в нескольких крупных ООПТ федерального значения в северной части Сибири [Калихман и др., 2012, 2018]. В Монголии распределение ООПТ более равномерно как по территориям, определяемым административным делением страны, так и по природным зонам и высотным поясам, начиная с гольцовых ландшафтов и горных лесов и заканчивая степями и пустынями. Заметно отличаются ООПТ категории «памятники» в Монголии от памятников природы в России. Монгольские памятники немногочисленны, имеют общегосударственный статус, их площадь обычно сравнима с площадью природных резерватов.

Площадь Сибири примерно в пять раз превосходит площадь Монголии. При этом сложившаяся структура ООПТ сопоставима. Детальный анализ распределения ООПТ по категориям для каждого из сибирских региональных субъектов и аймаков Монголии возможен с использованием данных табл. 1 и 2.

Таблица 1

Особо охраняемые природные территории Сибири по состоянию на 01.01.2021

Субъекты РФ***	Категории особо охраняемых природных территорий						Общее число	Общая площадь, тыс. га	Доля от площади субъекта РФ, %	Доля от площади Сибири, %
	Заповедники	Национальные парки	Заказники федерального значения	Природные парки	Заказники регионального значения	Полигон*, ресурсные резерваты**				
Алтай, р.	2	1		4	2		9	2296	24,79	0,24
Алтайский, к.	1	1		1	37		40	926	5,51	0,10
Бурятия, р.	3	2	3	1	13		22	3098	8,82	0,32
Забайкальский, к.	2	3	2	2	16		25	3053	7,08	0,31
Иркутская, о.	2	1	2		13		18	2634	3,43	0,27
Кемеровская, о.	1	1			12		14	1135	11,88	0,12
Красноярский, к.	6	2	3	1	40		52	14696	6,28	1,52
Новосибирская, о.	1/2		1		24		25,5	1675	9,40	0,17
Омская, о.			2	1	13		16	629	4,46	0,07
Томская, о.	1/2				17		17,5	1063	3,38	0,11
Тыва, р.	2			1	14		17	1891	11,09	0,20
Тюменская, о.	4		5	5	49	*1	64	11738	8,02	1,22
Хакасия, р.	1		1	1	5		8	905	14,61	0,09
Якутия, р.	3	2		5	12	**62	84	65803	21,34	6,81
Общее число	28	13	19	22	267	63	412	111542		11,55
Общая площадь, тыс. га	20138	7050	3592	9680	24270	46812	111542	–	–	–
Доля от площади Сибири, %	2,09	0,73	0,37	1,00	2,51	4,85	11,55	–	–	–

* Сокращения: р. – республика, к. – край, о. – область.

Таблица 2

Особо охраняемые природные территории Монголии по состоянию на 01.01.2021

Аймаки, столица государства	Категории особо охраняемых природных территорий					**Общее число	***Общая площадь, тыс. га
	Строго охраняемые территории	Национальные парки	Природные резерваты	Памятники	*Аймачные ООПТ		
Архангай		6		1	23	30	7483,08
Баян Өлгий	1	5			12	18	1563,60
Баянхонгор	1	5	2	1	21	30	4333,76
Булган	1	1	2	1	6	11	715,49
Говь Алтай	2	1	4	1	56	64	5192,68
Говьсүмбэр			1		12	13	88,19
Дархан Уул					7	7	0,018
Дорноговь	1		7	2	47	57	2065,03
Дорнод	3	1	10		48	62	4556,11
Дундговь		2	2	1	19	24	729,41
Завхан	1	4	1		2	8	1734,80
Орхон					1	1	–
Өвөрхангай		3	2	1	1	7	447,73
Өмнөговь	1	1	2		48	52	4541,12
Сүхбаатар	1	1	5	1	47	55	2096,55
Сэлэнгэ	2	1			50	53	847,54
Төв	3	2	2		155	162	984,98
Увс	1	2	3	1	3	10	1248,17
Ховд	2	5	3		5	15	4087,96
Хөвсгөл	2	3	1	1	127	134	3080,67
Хэнтий	2	3	1	1	269	276	3340,13
Улаанбаатар	1	1	1		1	4	309,26
Общее число**	15	34	45	13	952	1059	41 834,10
Общая площадь, тыс. га	13 341,99	12701,25	5252,89	104,19	10433,78	41 834,10	–
Доля от площади Монголии, %	8,53	8,12	3,36	0,07	6,67	26,75	–

* В официальных сведениях Министерства охраны природы и экологии Монголии не для всех аймачных ООПТ определена площадь. **Часть общегосударственных ООПТ Монголии являются трансграничными и входят в указанные аймаки частично, поэтому общее число ООПТ по категориям отличается от суммы ООПТ по аймакам. *** Учитывается часть площади ООПТ, входящая в границы аймака.

Из табл. 1 и 2 следует, что число ООПТ в Сибири в 2,5 раза меньше, чем в Монголии. Доля общей площади ООПТ от площадей Сибири и Монголии составляет соответственно 11,55 % и 26,75 %, т. е. приходящаяся на ООПТ часть площади Монголии также почти в 2,5 раза превышает сибирскую. Следует также отметить, что заметная часть ООПТ, официально представленных в кадастре Министерства окружающей среды и туризма Монголии, пока дана без указания их площади. Например, из 21 региональной ООПТ аймака Баянхонгор площадь указана только для двух, из 48 аймака Өмнөговь – для 26, из 47 аймака Сүхбаатар – для 13, из 155 аймака Төв – только для 10, из 128 аймака Хөвсгөл – для 23, а в аймаках Булган и Ховд – ни для одной. Понятно, что реальная площадь аймачных ООПТ существенно выше указанной в табл. 2, и при последующем определении пространственных показателей их доля в площади аймаков и в целом в Монголии может существенно возрасти.

Заметно, что даже в таком «усеченном» виде площадь аймачных ООПТ сопоставима с площадью строго охраняемых территорий или национальных парков. Природные резерваты и памятники представлены в меньшей степени. Из перечисленных аймаков три территории, по сути, являются городскими округами: Столица государства Улаанбаатар; Дархан-Уул; Говь-Сумбэр. Доля ООПТ относительно площади этих округов со статусом аймака существенно разнится: соответственно 42,36 %; 0,01 %; 15,91 %.

В Сибири функционирует 412 ООПТ основных категорий. Из них 60 ООПТ федерального значения и 352 ООПТ регионального значения. Видно, что наибольшее число ООПТ, в том числе и ООПТ регионального значения, размещено в Якутии, Красноярском крае и Тюменской области, но это и самые значительные по площади субъекты России. Максимальное число ООПТ федерального значения представлено в Красноярском крае (11) и Тюменской области (9), причем на севере первого располагаются три крупнейших по площади заповедника страны. Максимально охвачена природоохранным режимом Республика Алтай (1/4 от площади субъекта РФ) и Якутия (более 1/5), в наихудшей ситуации – Иркутская и Томская области (менее 4 %).

Заповедники в Сибири занимают значимую часть рассматриваемой территории (2,09 %) и почти 1/6 от площади всех ООПТ Сибири. Наименее представленными пока остаются природные парки. Несмотря на небольшую площадь каждого федерального и регионального заказника, их общая площадь значительно превышает общую площадь заповедников. Но наиболее существенными по площади как внутри субъекта, так и для всей Сибири стали 62 ресурсных резервата Якутии – почти 42 % от площади всех ООПТ, что в 2,5 раза превышает площадь всех заповедников и занимает почти 1/20 от площади всей Сибири. Природные резерваты – ООПТ

с не самым строгим природоохранным режимом, которые допускают ведение на части территории традиционных видов хозяйственной деятельности, предотвращая при этом появление интенсивных видов природопользования и объектов промышленности.

Заметно, что сибирские ООПТ практически никогда не преодолевают границы субъектов РФ (исключение – заповедник «Васюганский» между Новосибирской и Томской областями). В Монголии очень широко представлены трансграничные межрайонные ООПТ (например, из 15 строго охраняемых территорий межрегиональными являются 7, из 34 национальных парков – 15). С другой стороны, отсутствие информации о доле этих охраняемых территорий в каждом аймаке затрудняет определение точной площади ООПТ внутри этих административных единиц.

Территориальную охрану природы Сибири и Монголии объединяют трансграничные охраняемые природные территории (ТГОПТ) межгосударственного уровня. В частности, это действующие ТГОПТ: «Алтай» (включает казахстанский национальный природный парк «Катон-Карагайский» и российский биосферный заповедник «Катунский»; пока не вошли в его состав монгольский национальный парк «Алтай Таван Богд» и китайский строгий природный резерват «Ханас»); «Убсунурская котловина» (входят российский заповедник «Убсунурская котловина» и монгольские строго охраняемая территория «Увс-Нуур» и подчиненный ей резерват «Тэсийн голын сав газар»); Даурия (заповедник «Даурский» с подчиненными заказниками федерального значения «Цасучейский Бор» и «Долина Дзерена», монгольская строго охраняемая территория «Монгол дагуур» и китайский строгий резерват «Далайнор»). На финише процесса организации находится ТГОПТ «Истоки Амура» (российские биосферный заповедник «Сохондинский» и заказник регионального значения «Горная Степь», а также монгольский национальный парк «Онон-Балдж»). Между Россией и Монголией планируются следующие ТГОПТ: «Сайлюгем», «Дэлгэр-Мурэн», «Саянский перекресток», «От Хубсугула до Байкала», «Селенга», «Хэнтей-Чикойское нагорье» [Бардаш, Калихман, 2020].

В остальном развитие и структура размещения ООПТ заметно отличаются. Очень важное отличие – Монголия наделяет Министерство окружающей среды и туризма полной ответственностью за ООПТ. Целью развития системы ООПТ объявлено достижение 30 % от площади страны [Оюунгэрэл, 2007]. Все, что относится к освоению и добыче природных ресурсов остается в рамках других ведомств, а возникающие пересечения и противоречия решаются на высоком правительственном уровне. Такая самостоятельность позволяет на регулярной основе в течение двух десятилетий создавать новые ООПТ, иметь планы и государственные программы развития сети ООПТ, последовательно реализующиеся. В результате можно отметить постоянное выполнение работ по расширению действующей

щих и обоснованию организации новых ООПТ. Например, в регионе монгольского Алтая запланировано для организации 42 ООПТ, в регионе Хангайского хребта и озера Хубсугул – 62 ООПТ, в Южно-Гобийском регионе – 64 ООПТ [Монгол Алтайн нуруу ... , 2017].

Статья подготовлена в рамках выполнения проекта РФФИ и Министерства окружающей среды и туризма Монголии № 20-55-44023

Литература

Бардаш А. В., Калихман Т. П. Картографическое обоснование трансграничной территориальной охраны природы в Сибири и на Дальнем Востоке // Геодезия и картография, 2020. Т. 81, № 4. С. 51–64.

Жаргал С. Россия – Монголия. Потерять легко, вернуть невозможно // Монголия сейчас. 01.08.2019. URL: <http://www.mongolnow.com/rossiya-mongoliya-poteryat-legko-vernuto-nevozmozhno/> (дата обращения: 21.03.2021).

Зубаревич Н. В. Развитие российского пространства: барьеры и возможности региональной политики // Мир новой экономики. 2017. № 2. С. 46–57.

Калихман Т. П. Тункинский национальный парк: люди или природа // Заповедное дело, 2007. Вып. 12. С. 92–111.

Особо охраняемые природные территории Дальневосточного федерального округа / Т. П. Калихман, А. В. Бардаш, В. Н. Богданов, Л. Ю. Огородникова, Е. М. Климина, В. Н. Бочарников. Иркутск : Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2018. 588 с.

Калихман Т. П., Богданов В. Н., Огородникова Л. Ю. Особо охраняемые природные территории Сибирского федерального округа. Иркутск : Отгиск, 2012. 384 с.

Каяхара И. Бедственное положение Монголии. Страна зажата между великими державами – Китаем и Россией // Россия сегодня. 26.11.2014. URL: <https://inosmi.ru/foreast/20141126/224510834.html> (дата обращения: 21.03.2021).

Монгол Алтайн нуруу, их нууруудын хотгор, нууруудын хөндийн экологийн бүс нутагт «Хөгжлийг байгаль орчинд нөлөө багатай төлөвлөх нь». Хамгаалах шаардлагатай, экологийн хувьд чухал ач холбогдолтой газар нутгийн хүрээлэн буй орчны тодорхойлолт. Улаанбаатар: Байгаль орчин ногоон хөгжлийн яам, 2017. 353 х.

Монгол улсын үндэсний атлас. II хэвлэл. Улаанбаатар : Газарүйн хүрээлэн, 2009. 248 х.

Одобрены законопроекты о приоритете Конституции РФ над решениями международных организаций и судов // Государственная дума Федерального собрания Российской Федерации, 27.10.2020. URL: <http://duma.gov.ru/news/49849/> (дата обращения: 21.03.2021).

Оюунгэрэл Б. Состояние и перспективы охраны природы в Монголии // Бюллетень Ботанического сада-института ДВО РАН, 2007. Вып. 1 (1). С. 88–93.

Оюунгэрэл Б. Система особо охраняемых природных территорий Монголии и перспективы ее развития // Аридные экосистемы. 2010. Т. 16, № 3 (43). С. 57–66.

Савенкова Т. П. Охраняемые природные территории бассейна озера Байкал. Атлас. Иркутск : Отгиск, 2002. 96 с.

Цэндсүрэн Д. Состояние лиственных насаждений (*Larix sibirica* Ledeb.) зеленой зоны г. Улан-Батор и перспективы их рекреационного использования : автореф. дис. ... канд. сельхоз. наук. СПб., 2009. 24 с.

Эрдэнэчимэг Н., Белозерцева И. А., Энхтайван Д. Современная ситуация в организации и управлении особо охраняемыми природными территориями Монголии (на примере горы-заповедника Богдхаан) // Успехи современного естествознания. 2017. № 1. С. 121–126. URL: <http://natural-sciences.ru/ru/article/view?id=36353> (дата обращения: 21.03.2021).

Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия: современное положение Сибири, ее нужды и потребности, ее прошлое и будущее. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. 471 с.

Wurts K. Mongolian National Parks: Competing Interests and Institutional Viability in a Still Emerging Protected Areas System. Ulaanbaatar : SIT Study Abroad, 2013. 44 p.

Е. В. Карпенко

Сибирский федеральный университет, Красноярск

ВОСПРИЯТИЕ РУССКИМИ ПУТЕШЕСТВЕННИКАМИ САНИТАРНО-ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ МОНГОЛОВ ЭПОХИ ЦИН

Аннотация. С позиции имагологического подхода анализируются некоторые материалы дневников и отчетов членов Императорского Российского географического общества по вопросу об условиях быта монголов.

Ключевые слова: Цинская империя, Монголия, санитарные условия, русские путешественники в Монголии.

E. Karpenko

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

SANITARY AND EPIDEMIOLOGICAL CONDITION OF MONGOLIA OF THE QING DYNASTY THROUGH THE EYES OF RUSSIAN TRAVELERS

Abstract. This article is devoted to the issues of perception by Russian travelers of the sanitary and epidemiological state of Mongolia of the Qing dynasty. From the point of view of the imagological approach, an analysis of some materials of diaries and reports of members of the Imperial Russian Geographical Society on the issue of living conditions of the Mongols was carried out.

Keywords: Qing Empire, Mongolia, sanitary conditions, Russian travelers to Mongolia.

Современные проблемы человечества актуализируют вопросы, связанные с переосмыслением исторического опыта взаимодействия и взаимного восприятия разных культур. Принципы санитарно-эпидемиологического контроля, гигиеническое состояние определенных народов находятся в постоянной связи с традициями их культуры и быта. Понимание особенностей образа жизни народа, его представлений о санитарно-гигиенических нормах составляют важную часть стереотипа об этносе. В рамках теории межкультурной коммуникации становится возможным изучение взаимодействия разных культур, взаимного восприятия друг друга, исследование процесса формирования стереотипов друг о друге.

Согласно Ю. С. Степанову [1997, с. 126], образ «чужого» является неотъемлемой частью коллективного, национального мироощущения в культуре. В современной науке на фоне процессов глобализации стали особенно актуальными вопросы, связанные с образом «другого», «инового», «чужого». Выделилась отдельная сфера научного знания – имагология. Российские исследователи (В. А. Хорев, А. Р. Ощепков) определяют основную задачу имагологии как изучение образа «чужого», исследование представлений и стереотипов о жизни других народов. В основе имагологического подхода лежит образ «чужого» как совокупность истинных и ложных представлений, стереотипов и предубеждений, существующих в общественном сознании, относительно жизни других народов [Поляков, Полякова, 2013, с. 7].

В настоящем исследовании на первый план выступает отношение русских путешественников к санитарным условиям и гигиеническим принципам, существовавшим в монгольском обществе эпохи Цин. Применение имагологического подхода в данном исследовании заключается в выявлении характеристик санитарно-эпидемиологических условий и гигиенического состояния Монголии эпохи Цин как «другой» по отношению к воспринимающим ее представителям русского этноса в лице русских путешественников.

Согласно Л. Н. Гумилеву, образ «чужого» раскрывается через противопоставление «мы – не-мы». Именно «чужой» позволяет осознать и утвердить собственную исключительность. В основе противопоставления «свой» – «чужой» лежат этнические стереотипы, т. е. стандарты поведения. Стоит отметить, что понятия «другой», «чужой» и «иной» в данном исследовании имеют разные значения. Наиболее нейтральное понятие «иной», которое подразумевает такие характеристики, как неопределенный, некий. О «другом» говорят как о противоположности «я», внешнем «другом», имея в виду образ иностранца. Понятие «чужой» имеет более выраженный характер противопоставления. Л. З. Копелев в статье «Чужие» (1993 г.) связал образ «чужого» с первобытным «пралогическим мышлением», в котором любой иной представлялся врагом и даже не человеком, а потусторонней силой [Козлова, 2015, с. 117].

В основу данной статьи легли заметки русских путешественников XIX в. о путешествии по Монголии. В качестве источников были выбраны наиболее известные в России дневники Е. Ф. Тимковского, А. М. Позднева, М. В. Певцова, П. Я. Песецкого. Стоит отметить, что в процессе анализа обобщенных представлений о «чужом» отражаются особенности национального сознания и национальной системы ценностей. Человек в процессе освоения мира привыкает к определенным установкам. Когда привычные схемы ориентации в мире не действуют, возникает восприятие других условий как «не своих». Заметки русских путешественников о санитарных условиях и принципах гигиены, существовавших в монгольском обществе, являются ярким примером.

Для русских путешественников уровень санитарии и гигиены монгольских поселений вызывал культурный шок и свидетельствовал о так называемом культурном несовпадении. М. В. Певцов в своих заметках представлял этнографические сведения, касающиеся преимущественно монголов Халхи. Автор путевых заметок отмечал низкий уровень санитарии и гигиены монгольских поселений. М. В. Певцов описывал неопрятность жилища: «внутренняя поверхность юрты переполнена копотью, которая вместе с пылью образует на куполе и перекладинах целые пряди» [Певцов, 1951, с. 112]. Путешественника удивляла нечистоплотность монголов и их антисанитарные условия приготовления пищи: для вытирания

посуды часто используют сухой аргал¹, одними и теми же щипцами подкладывают аргал в очаг и затем мешают ими же кушанье в котле или вынимают из него сварившееся мясо [Там же, с. 112]. В свое время Е. Ф. Тимковский [1824, с. 29] указывал на распространенность аргала в отоплении монголами юрт. Он объяснял предпочтение аргала перед дровами именно их свойствами: аргал горит тихо и практически без искр, дрова по преимуществу сырые (по причине кочевого образа жизни монголов) дают много искр и их употребление является менее безопасным. Таким образом, восприятие некоторых норм санитарного состояния у русских путешественников зависело не только от различий санитарно-эпидемиологических принципов обоих народов, но и от уровня осведомленности об общем укладе кочевников Халхи.

А. М. Позднеев, автор известного труда «Монголия и монголы» отмечал повсеместную бедность монгольских поселений. В связи с тем, что «человеколюбие монголов призывает у себя всех» [Позднеев, 1896, с. 137], большое количество нищих в монгольских городах можно увидеть только в очень трудные годы. Повсеместная бедность оказывала значительное влияние на восприятие монгольских традиций гигиены русскими путешественниками. Бедность кочевника приводила к употреблению в пищу мяса погибших по разным причинам животных (в том числе и в результате неизвестных болезней): «когда у них падет корова, баран, верблюдов или лошадь; в таком случае монгол ни за что не допустит, чтобы такое добро пропало и съест дохлую скотину» [Песецкий, 1880, с. 43]. П. Я. Песецкий отмечал, что условия приготовления пищи у монголов неприемлемые для русского человека: «Все, подаваемое монголами, надо пить и есть не при очень ярком освещении, и не всматриваясь, иначе, пожалуй, ничто в горло не пойдет, – до такой степени у них грязно, – да при их обстановке иначе и быть не может» [Там же, с. 37]. Для путешественника блюда монгольской кухни вызывают восхищение и интерес, однако бытовая обстановка и санитарные условия воспринимаются П. Я. Песецким как иные, чуждые его привычкам и натуре. Но общее впечатление о монголах не носит негативной окраски: «Дети, совершенные дети, – эти вольные, полуголодные и полуодетые добряки» [Песецкий, 1880, с. 37].

В гигиеническом отношении, по словам М. В. Певцова, монголы имели весьма неопрятный вид, одежда была покрыта слоем грязного жира, традиции омовения тела отсутствовали. Стоит отметить, что, несмотря на большие отличия в традициях ведения быта и разности взглядов на гигиену, М. В. Певцовым монгольский народ определяется в концепте «дру-

¹ Аргал – сухой навоз, используемый монгольскими народами для отопления. Аргал предпочитали сырым дровам, так как дрова далеко отбрасывают искры, что небезопасно для одежды и вещей в юрте.

гой», но не «чужой». О данном факте свидетельствует его заключение после описания санитарных условий монгольских юрт и принципов гигиены монголов. М. В. Певцов [1951, с. 112] подчеркивает: «такая непривлекательная, по нашим понятиям, внешность монгола со всей домашней обстановкою с избытком искупается... его внутренней чистотой».

Важной характеристикой санитарно-эпидемиологического и гигиенического состояния цинской Монголии в заметках русских путешественников являются записи об отношении к умершим, их телам. Е. Ф. Тимковский обращал внимание на обычаи погребения монголов: «Обыкновеннейшее погребение состоит в том, что покойника отвозят на широкую степь и там оставляют его на съедение диким зверям и птицам воздушным» [Тимковский, 1824, с. 309]. Согласно монгольским традициям, тело умершего выносили за город и укладывали на землю. Если в течение нескольких дней животные (преимущественно собаки и птицы) не съедят труп, то родственники покойного выражают огорчение, полагая что умерший прогневал богов. Подобного рода традиция создавала угрозу возникновения эпидемий и формировала антисанитарные условия на территории города и в его окрестностях.

Многие русские путешественники писали в своих записках о стае одичавших собак в окрестностях Урги, которые питались трупами людей, брошенных на окраине города [Певцов, 1951, с. 55]. Большинство из них оценивали данную ситуацию как негативную: бродячие собаки не только создавали неблагоприятную санитарно-эпидемиологическую обстановку, но и являлись серьезной угрозой безопасности населения, «они очень злы и иногда нападают на живых людей и даже всадников» [Там же, с. 55]. Наряду с этим А. М. Позднеев [1896, с. 148] полагал, что традиции погребения монголов на земле за городом или селением не представляют санитарно-эпидемиологической опасности: собаки разрывают и съедают труп практически сразу. А. М. Позднеев так охарактеризовал общую санитарно-гигиеническую обстановку в монгольских городах: «Чистоту их достаточно может охарактеризовать то, что монголы всех званий, возрастов и полов не стесняются где бы то ни было отпращиванием своих естественных потребностей... считает за невозможное вылить в своем дворе какие-либо нечистоты и тотчас выходит для этого на улицу» [Позднеев, 1896, с. 114]. Однако А. М. Позднеев подчеркивает, что, несмотря на нечистоплотность, в Урге довольно чистый воздух, что он связывает с наличием климатических условий местности и стаями голодных собак, «пожирающих не только всякие нечистоты, но и трупы своих покончивших с жизнью собратий».

Русские путешественники видят в монголе «другого», но не «чужого», зачастую примеряя на себя условия кочевой жизни и окружающую обстановку. Взгляд русских путешественников на быт кочевников определял их оценку санитарного состояния и правил гигиены монголов. Прием

пищи один раз в день во время пути, «на ночь, перед самым сном», русские путешественники воспринимали как «степной закон». П. Я. Песецкий [1880, с. 62], имея медицинское образование, отмечал, что «степные законы» противоречат принятым в русском обществе правилам гигиены и вообще сомневался в существовании подобных норм. Русские путешественники видели иной уклад жизни, отличный от традиционного русского быта, гигиенические принципы и санитарные нормы, имеющие большие различия с принятыми в русском обществе, также относили к особенностям монгольской культуры. Несмотря на достаточно низкий уровень санитарно-эпидемиологического состояния Монголии, русские путешественники видели в этом лишь «национальную черту», характерную для монголов, которым такое устройство быта мало вредит.

Профессиональные исследователи относились к данному вопросу иначе. Г. Е. Грумм-Гржимайло [1926, с. 306] констатировал, что в связи с тяжелыми условиями кочевой жизни и отсутствием медицинской помощи число выживающих младенцев едва приближается к половине от общего числа родившихся. Главной причиной детской смертности в Монголии исследователь называет частые эпидемии чумы и особенно оспы [Грумм-Гржимайло, с. 307]. Г. Е. Грумм-Гржимайло следующим образом оценивал уровень развития медицины в Монголии: «Медицинская наука... представляет сводку некоторых эмпирических средств и методов лечения, действительно полезных, и самого беззастенчивого знахарства, имеющего своим источником полное незнание врачующих лам с тем организмом, который они берутся лечить» [Там же, с. 404].

О состоянии медицины в Монголии А. М. Позднеев оставил также неудовлетворительный отзыв. Автор книги «Монголия и монголы» отмечал, что медицинскую помощь монголы получают от лам, уровень подготовки большинства которых оставляет желать лучшего. Кроме того, дети и женщины в Монголии являются наиболее беспомощными, «так как ни в детских, ни в женских болезнях, ни еще более в акушерстве ламы уже ничего не понимают» [Позднеев, 1896, с. 148].

Русские путешественники отмечали неудобное устройство монгольских колодцев, которое становилось причиной низкого качества воды [Певцов, 1951; Песецкий, 1880; Позднеев, 1896]. А. М. Позднеев, общаясь с русскими почтосодержателями станции Бильгих урочища Мушка, узнал, что они вынуждены были перенести станцию с прежнего места, потому что там «плоха вода» [Позднеев, 1896, с. 169]. На станции Лусь воду из колодца А. М. Позднеев определил так: «Чиста и приятна на вкус, но в то же время, она имеет чрезвычайно затхлый запах» [Там же, с. 183]. П. Я. Песецкий выделял низкое качество воды в колодцах как причину возможных заболеваний среди монголов [4].

Таким образом, большинство русских путешественников в Монголии воспринимали санитарные условия и установки гигиены монголов как отражение иной культуры, негативной окраски в их суждениях не было. Монгольский быт воспринимался как быт иного народа, обусловленный рядом национальных особенностей и религиозных традиций. П. Я. Песецкий в своих заметках о монгольском быте отмечал, что если европейца одномоментно перенести из его комнаты в монгольскую юрту, то навряд ли он решился бы прилечь в ней, сесть или выпить чего-нибудь из туземной посуды. Настолько разные взгляды и привычки на чистоту и гигиену у монголов и европейцев. Тут же автор замечает, что уклад жизни монгола при всем желании не позволяет соблюдать чистоту на европейском уровне. Постепенное знакомство с бытом и традициями монгольского народа уже не отталкивает и даже сглаживает общее впечатление об антисанитарии и нарушении правил гигиены, предписанных европейским укладом жизни, «привычки делают свое дело» [Песецкий, 1880, с. 41].

В целом записки русских путешественников отмечают низкий уровень гигиенического состояния на всей территории Монголии, который они связывают с традициями кочевого образа жизни. Что касается санитарно-эпидемиологического положения Монголии XIX в., то в Урге и окрестностях города, согласно запискам русских путешественников, оно было значительно хуже, чем в остальных районах монгольских степей.

В настоящее время историческая конфронтация различных культур переживает новый этап, на содержание которого заметное влияние оказывает глобализация. Активное взаимодействие народов в процессе глобализации ведет к трансформации стереотипов. В основе формирования образа «другого» лежит опыт взаимодействия народов на протяжении длительного исторического периода. Непривычное, незнакомое являются факторами оценки другой культуры и определения границ «чужого». Исследование исторической основы формирования этнических принципов способствует процессу трансформации образа «чужого» в образы «другой», «иной» без оттенка вражеского настроя и антагонизма. В связи с этим изучение восприятия русскими путешественниками различных сторон монгольской культуры является важным элементом в понимании процесса формирования образа монгола и Монголии в эпоху Цин, составляет основу для проведения имагологических исследований по различным направлениям истории межкультурной коммуникации народов Монголии, Китая и России.

Литература

Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 3. Вып. 1. Антропологический и этнографический очерк этих стран. Л. : Гос. Рус. Геогр. о-во, 1926. 414 с.

Козлова А. А. Имагологический метод в исследованиях литературы и культуры // Обсерватория культуры. 2015. № 3. С. 114–118.

Певцов М. В. Путешествия по Китаю и Монголии. М. : Гос. изд-во геогр. лит., 1951. 283 с.

Песецкий П. Я. Путешествие по Китаю в 1874–1875 гг. Т. 1. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1880. 560 с.

Позднеев А. М. Монголия и монголы. Т. 1. Дневник и маршрут 1892 г. СПб. : Тип. Император. акад. наук, 1896. 696 с.

Поляков О. Ю., Полякова О. А. Имагология: теоретико-методологические основы. Киров : Радуга-ПРЕСС, 2013. 162 с.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Языки рус. культуры, 1997. 824 с.

Тимковский Е. Ф. Путешествие в Китай через Монголию. Часть первая: переезд до Пекина. СПб. : Тип. Медицинского Департамента МВД, 1824. 388 с.

УДК 1(510) + 294.3(510)

Т. Г. Мазур

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ

ОБ ОТНОШЕНИИ ХАНЬ ЮЯ К БУДДИЙСКОЙ САНГХЕ И МОНАХАМ¹

Аннотация. Показывается отношение Хань Юя, вошедшего в историю своей критикой буддизма, к буддийской сангхе и монахам. Предпринят анализ сочинений Хань Юя. Выявлено, что, критикуя буддийскую сангху с позиций служилого сословия (чиновничества), Хань Юй как частное лицо – поэт и философ – лояльно относился к буддийским монахам.

Ключевые слова: эпоха Тан, Хань Юй, буддизм, буддийская сангха, буддийские монахи, конфуцианство, служилое сословие (чиновничество).

T. Mazur

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude

ABOUT HAN YŪ'S ATTITUDE TO THE BUDDHIST SANGHA AND MONKS

Abstract. The purpose of this article is to demonstrate the attitude of Han Yū, known for his criticism of Buddhism, to the Buddhist Sangha and monks. The article analyzes the works of Han Yū. It is revealed that, criticizing the Buddhist Sangha from the position of the service class (bureaucracy), Han Yū as a private person – a poet and a philosopher – was loyal to the Buddhist monks.

Keywords: Tang epoch, Han Yū, Buddhist community (Sangha), Buddhist monks, Confucianism, service class (bureaucracy).

Хань Юй (768–824) – мыслитель, поэт, чиновник-конфуцианец эпохи Тан, вошедший в историю как непримиримый критик буддизма. Его творческое наследие, в силу характера и тематической направленности произведений, является ценным источником для изучения мировоззрения слу-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Трансформация направлений и школ буддизма: история и опыт взаимодействия с религиями и верованиями России, Центральной и Восточной Азии с периода распространения буддизма до современности. Россия – XVIII–XXI вв.; Китай – II–XXI вв.; Тибет – VII–XXI вв.; Монголия – XVI–XXI вв., № 121031000261-9.

жилого сословия (чиновничества) эпохи Тан. Поэтому анализ его творчества, несмотря на то что к нему неоднократно обращались как отечественные, так и зарубежные исследователи [Гусаров, 1977; Желоховцев, 1974; Кириченко, 2018; Конрад, 1966; Старостина, 2020; Терехов, 2018; Hartman, 1986; 卞孝萱, 1998; 羅克典, 1982; 羅聯添, 1981; 譚繼山, 1983; 韩愈研究 ... , 1988], остается актуальным.

Эпоха Тан, известная как золотой век китайского буддизма, – это время превращения буддизма в мощный фактор экономической, политической, социальной жизни китайского общества. Это, с одной стороны, закономерно вызывало негативную реакцию со стороны танских чиновников, с другой – не мешало им увлекаться буддизмом, принимать монашество либо тесно общаться с носителями буддийской религии.

В данной работе на основе анализа сочинений Хань Юя [韩愈, 1997] показано отношение Хань Юя как чиновника и поэта-философа к буддийской сангхе и монахам. На страницах своих произведений Хань Юй резко критикует буддийскую сангху. Справедливости ради, надо отметить, что здесь под удар попадают и современные ему даосы. Хань Юй критикует и тех и других за проповедуемую ими ориентацию лишь на личностное самосовершенствование. Так, в своем знаменитом трактате «Истоки пути» (原道) он пишет: «[А] нынче в их законах говорится: не надобно ни государей, ни чиновников, не надо ни отцов, ни сыновей, и запретить порядок помощи взаимной. А то, что надобно, зовут они [по-новому]: спокойствием с нирваной» [Хань Юй 1977, 205]. Буддисты и даосы, как считает Хань Юй, не только проповедуют социальную пассивность, но и мешают народу исполнять свой «высший долг»: «Слагался из кого народ, тех было в древности четыре (т. е. земледельцы, ремесленники, торговцы и ученые, главным образом, конфуцианцы. – Т. М.), [и] из шести [из таковых] народ слагается сегодня (добавились сторонники даосизма и буддизма. – Т. М.). Кто в древности учил народ – одним из четырех являлся, теперь же трое [из шести] наставниками оказались. Семья крестьянствует одна, но шесть – ее зерно съедают, одной ведется ремесло, но шесть – изделия потребляют, торгует [тож] одна семья, но шесть – с того приобретают. Ну как народу не нищать и как разбоем не заняться?» [Хань Юй 1977, 204]. В создавшейся ситуации Хань Юй видит только один выход: ликвидировать буддийское и даосское монашество. В завершении своего трактата «Истоки пути» он требует обратить монахов в мирян, просветить их в правильном дао-пути, сжечь их книги, превратить храмы в жилища [Хань Юй, 1977, с. 206–207].

В другом известном произведении «О кости Будды» (论佛骨表) Хань Юй сначала восхваляет императора за то, что тот, взойдя на престол, «не потворствовал желавшим удалиться в монашество, будь то буддийское

или даосское» [Хань Юй, Лю Цзуньюань, 1979, с. 32], а далее так описывает бесцельность и бесполезность образа жизни монахов: «И станут себе прижигать макушки, обжигать пальцы рук, сгрудившись по десять, по сто человек, отдадут свое платье, растратят все деньги, и будут друг другу от зари до зари подражать, вон лезть из кожи... <...> Непременно найдутся те, которые руки себе отсекут, будут изнурять свое тело – все Будде в угоду» [Хань Юй, Лю Цзуньюань, 1979, с. 32–33].

В подобных высказываниях Хань Юй предстает, прежде всего, как типичный чиновник, выражающий позицию своей социальной группы в этот исторический период. В то же время как частное лицо – поэт и философ – Хань Юй не был свободен от влияния буддизма, что, к примеру, подтверждается его личными контактами с буддийскими монахами, которые нашли отражение в его творчестве.

Одним из таких буддийских монахов является монах Чэн Гуань (738–839), четвертый патриарх школы Хуаянь. О Чэн Гуане известно, что он очень рано начал изучать буддизм, поступив в возрасте одиннадцати лет в чаньский монастырь Шаолинь [百度百科]. Помимо буддизма, Чэн Гуань знакомился с конфуцианскими и даосскими сочинениями, изучил санскрит, много путешествовал по стране, пользовался большим покровительством императоров [Янгутов, 1982, с. 24]. В творчестве Хань Юя этому монаху посвящено стихотворение «Провожая монаха Чэн Гуаня» (送僧澄观). Стихотворение написано в 800 г., в то время, когда Хань Юй, оставшись без работы, проживает в г. Лоян [卞孝萱, 1998, с. 541]. Из контекста понятно, что Хань Юй высоко ценит Чэн Гуаня и, по всей видимости, Чэн Гуань отвечает ему тем же, так как посещает его перед своим отъездом [韩愈, 1997, с. 12].

Работа Хань Юя «Предисловие, преподнесенное буддийскому наставнику Вэнь Чану» (送浮屠文畅师序) написана в 803 г. В этот период Хань Юй сначала проживает в Лояне и состоит в должности доктора в школе Сымэнь сюэ Императорской Академии (Гоцзыщзянь), а позже, к концу года, назначается на должность инспектора Цензората и переезжает в Чаньянь [卞孝萱, 1998, с. 541–542]. Весной 803 г. наставник Вэнь Чан уезжает из Чаньяни на юго-восток Танской империи и по просьбе Лю Цзуньюаня Хань Юй пишет для него данное предисловие. Эта работа Хань Юя, по мнению исследователей его творчества, является более ранней и более сжатой вариацией его знаменитого трактата «Истоки пути» (原道) [Hartman, 1986, с. 147]. В предисловии Хань Юй восхищается наставником Вэнь Чаном, в особенности его склонностью и интересом к литературе, и пытается донести до него смысл и содержание истинного конфуцианского дао-пути [韩愈, 1997, с. 12; Hartman, 1986, с. 147–149].

Стихотворения «Провожая наставника Хуэя» (送惠师) [韩愈, 1997, с. 18] и «Провожая наставника Лина» (送灵师) [韩愈, 1997, с. 19] написаны в 804 г., в период проживания Хань Юя в Яншане (провинция Гуандун) [卞孝萱, 1998, с. 542], где он отбывал ссылку за поданную на имя императора «Памятную записку Трону от Цензората с суждениями относительно засухи и голода в Поднебесной» [Хань Юй, Лю Цзунъюань, 1979, с. 27–30]. В Яншане Хань Юй поддерживал контакты с местными буддийскими монахами, при этом, как отмечает Ч. Хартман, судя по его работам, написанным в это время, контакты были далеко не светскими [Hartman, 1986, с. 60]. Так, наставник Хуэй и наставник Лин – оба буддийских монаха, по мнению Хань Юя, наделены выдающимися способностями и талантами, именно поэтому по поводу их отъезда он и посвятил им свои стихи [卞孝萱, 1998, с. 108].

Стихотворение «Расставаясь с Ин Шанжэнем» (别盈上人) написано после посещения Хань Юем монастыря Хэньюэсы в 805 г. Известно, что, получив новое назначение в г. Цзянлин и покинув Яншань, Хань Юй вместе с другом-поэтом Чжан Шу в октябре 805 г. отправился к новому месту службы. Однако по дороге они специально заехали посетить священные места горы Хэншань [Hartman, 1986, с. 61–65], где и проживал буддийский монах Ин Шанжэнь. Это стихотворение представляет собой небольшое четверостишие, пронизанное чувством грусти от расставания с монахом. В нем Хань Юй называет себя мирянином, скованным суетным миром, который вряд ли сможет прийти сюда еще раз; спустившись с вершины горы, оглядывается назад; понимает, что это расставание навсегда [韩愈, 1997, с. 26].

Сочинение «Предисловие, преподнесенное шанжэню Гао Сяню» (送高闲上人序) написано Хань Юем в последние годы жизни, после ссылки в Чаочжоу [Hartman, 1986, с. 222], где он в конечном счете оказался за свою знаменитую записку «О кости Будды». Это сочинение посвящено буддийскому монаху Гао Сяню, о котором известно, что он сначала был монахом монастыря Кайюаньсы в Хучжоу, а затем жил в монастырях Чаньани [百度百科]. Гао Сянь был знаменит своим стилем каллиграфии (скорописью) и уже после смерти Хань Юя попал под покровительство императора Сюань-цзуна (846–859) [Hartman, 1986, с. 222]. В своей работе Хань Юй также отдает должное каллиграфии Гао Сяня, но в то же время рассуждает о том, сможет ли Гао Сянь в своем искусстве достичь таких же высот, что и Чжан Сюй, каллиграф-корифей скорописного стиля раннетанского периода. Хань Юй считает, что буддийское восприятие мира – бесстрастность и свобода от внешних привязанностей – могут помешать в этом Гао Сяню, так как истинное творчество – это эмоциональный отклик творца на внешний мир [韩愈, 1997, с. 214–215; Hartman, 1986, с. 222–223].

Подробнее всего в литературном наследии Хань Юя представлены обстоятельства его общения с чаньским монахом Да Дянем. Да Дянь Бао-гун (732–824) – ученик знаменитого Ши-тоу Си-цянтя (700–790), который считался одним из наиболее влиятельных наставников школы Чань в конце VIII в. [Hartman, 1986, с. 94; Линь-цзи лу, 2001, с. 8]. Да Дянь проживал на горе Лин, недалеко от Чаочжоу [Hartman, 1986, с. 94; 卞孝萱, 1998, с. 187–190], куда в феврале 819 г. был сослан Хань Юй после подачи императору записки «О кости Будды».

Факт общения с монахом Да Дянем подтверждается самим Хань Юем. Так, среди его работ имеется письмо «Главе палаты Мэну» (与孟尚书), в котором Хань Юй повествует об этом эпизоде его жизни [韩愈, 1997, с. 193–195; Хань Юй, Лю Цзунъюань, 1979, с. 116–121]. Также исследователи признают аутентичными три письма Хань Юя, адресованные Да Дяню, в которых он трижды приглашает буддийского монаха посетить его, однако эти письма дошли до нас не в полном объеме и не включаются в собрания сочинений Хань Юя [Hartman, 1986, с. 94, 306; 许可, 1988, с. 67–68].

В письме «Главе палаты Мэну» Хань Юй пишет: «В Чаочжоу я встречался с почтенным бонзою Дадянем. Он – человек необычайно светлого ума, проникший во всеобщие законы и суть явлений и вещей. А так как в этом отдаленном крае мне не с кем перекинуться и словом, я уговорил его покинуть ненадолго горы, приехать и пожить со мной в предместьи. Он пробыл у меня дней десять с небольшим. За это время я убедился, что разум наш действительно способен взять верх над нашей брэнной оболочкой, избавить нас от всяческих соблазнов. В беседах наших мы были не во всем между собой согласны, что, впрочем, не мешало нашим излияниям» [Хань Юй, Лю Цзунъюань, 1979, с. 116–117].

Интересно отметить тот факт, что вследствие общения с монахом Да Дянем Хань Юй сам стал персонажем чаньских юйлу [Мазур, 2019]. Так, в исторически первом сборнике чаньских юйлу «Собрание из зала патриархов» (祖堂集), составленном в 952 г., истории взаимоотношений чиновника-конфуцианца Хань Юя и чаньского наставника Да Дяня посвящены пять притч (гуньяней). В этих притчах отражены обстоятельства их знакомства и общения, они имеют традиционную для гуньяня структуру и представляют собой беседу между наставником (Да Дянем) и учеником (Хань Юем). Так, Хань Юй спрашивает буддийского монаха о том, излучал ли на самом деле свет тот «кусочек кости Будды», который он отказался признать, на что похож «свет Будды» и, наконец, каковы основы буддизма. Как явствует из притч, Хань Юй уважает и ценит мнение Да Дяня, который, в свою очередь, также дает ему высокую оценку и отмечает его быстрый духовный рост [Hartman, 1986, с. 95–98].

Таким образом, анализ сочинений Хань Юя позволяет сделать следующие выводы. Хань Юй – чиновник – резко критикует буддийскую сангху. Хань Юй – поэт и философ – воспринимает незаурядные личности буддийских монахов, адресует им, а не только чиновникам-конфуцианцам свои письма, посвящения и другие произведения. С буддийскими монахами Хань Юй поддерживает контакты в различные периоды своей жизни, независимо от того, как складывается в этот момент его чиновничья карьера. Рассматривая Хань Юя как типичного представителя служилого сословия эпохи Тан, можно сделать вывод, что на уровне личности диалог между чиновником-конфуцианцем и буддистом был в это время действительно обычным явлением, что и способствовало возникновению неоконфуцианства в следующей сунской эпоху.

Литература

- Гусаров В. Ф. Некоторые положения теории пути Хань Юя // Письменные памятники Востока. 1972. М. : Наука, 1977. С. 197–203.
- Желоховцев А. Н. Литературные взгляды Хань Юя и Лю // Историко-филологические исследования. М. : Наука, 1974. С. 200–208.
- Кириченко А. Д. «Служба и затворничество»: проблема невостребованности ученого-конфуцианца в произведениях Хань Юя жанра цзэнсий // Проблемы литератур Дальнего Востока : VIII Междунар. науч. конф., 24–28 авг. 2018 г. : сб. материалов / отв. ред.: А. А. Родионов, Н. А. Сомкина. СПб. : НП-Принт, 2018. Т. 1. С. 30–39.
- Конрад Н. И. Хань Юй и начало китайского ренессанса // Запад и Восток. М. : Наука, 1966. С. 119–151.
- Линь-ци лу / вступ. ст., пер. с кит., коммент. и грамMAT. очерк И. С. Гуревич. СПб. : Петерб. Востоковедение, 2001. 272 с.
- Мазур Т. Г. Чаньский компендиум «Собрания из зала патриархов» (Цзу тан цзи) о Хань Юе // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2019. № 4. С. 25–31.
- Поэзия эпохи Тан (VII–X вв.) ; пер. с кит. / редкол.: Л. Делюсин [и др.] ; сост. и вступ. статья Л. Эйдлина. М. : Худож. лит., 1987. 479 с.
- Старостина А. Б. Конфуцианская концепция передачи Пути в работах Хань Юя // Orientalistica. 2020. № 3(1). С. 70–83.
- Терехов А. Э. Благие знамения в жизни и письменном наследии Хань Юя // Проблемы литератур Дальнего Востока : сб. материалов VIII Междунар. науч. конф., 24–28 авг. 2018 г. / отв. ред. А. А. Родионов, Н. А. Сомкина. СПб. : НП-Принт, 2018. Т. 1. С. 60–72.
- Хань Юй, Лю Цзунъюань. Избранное / пер. И. Соколовой. М. : Худож. лит., 1979. 230 с.
- Хань Юй. Юань дао. Юань син. Юань хуй. Юань жэнь. Юань гуи. Дуй Юй вэнь. Цза шо. Ду Сюнь (Истоки пути. Изначальность природы человека. Истоки хулы. Изначальное в человеке. Изначальное в духах. Вопросы относительно Юя. О разном. По прочтении «Сюнь-цзы») / пер. В. Ф. Гусарова // Письменные памятники Востока. 1972. М. : Наука, 1977. С. 203–223.
- Янгутов Л. Е. Философское учение школы хуаянь. Новосибирск : Наука, 1982. 141 с.
- Hartman Ch. Han Yü and the T'ang Search for Unity. Princeton : Princeton University Press, 1986. 459 p.
- 百度百科 . URL: <https://baike.baidu.com/item/%E7%87%95%E5%96%9C%E4%BA%AD%E8%AE%B0/22248568> (дата обращения: 25.08.2021).
- 卞孝萱. 韩愈评传 / 卞孝萱等著. 南京: 南京大学出版社, 1998. 586 页.
- 羅克典. 論韓愈. 臺北市 : 國家, 民 71[1982]. 242 页.
- 羅聯添. 韓愈研究. 臺北市 : 臺灣學生書局, 1981. 457 页.

许可. 论韩愈与佛僧交往 // 韩愈研究论文集. 广州: 广东人民出版社出版, 1988. 页. 64–74.

譚繼山. 韓愈. 臺北市: 萬盛, 民 72[1983]. 219 页.

韩愈全集. 上海: 上海古籍出版社, 1997. 390 页.

韩愈研究论文集. 广州: 广东人民出版社出版, 1988. 406 页.

中国佛教 / 中国佛教协会编. 上海: 东方出版中心, 1996, 辑 4. 394 页.

УДК 93/94

А. В. Суржко

Сибирский федеральный университет, Красноярск

**ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
В СОВЕТСКО-МОНГОЛЬСКОМ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ
СОТРУДНИЧЕСТВЕ В 1950–1970-Е ГГ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ГАЗЕТЫ)**

Аннотация. Приводится общая характеристика советско-монгольского сотрудничества в сфере высшего образования и науки через призму Иркутского государственного университета в 1950–1970-е гг. Показаны место и роль вуза в подготовке профессиональных кадров для МНР. Раскрывается исследовательский потенциал университетской газеты в качестве исторического источника.

Ключевые слова: советско-монгольские отношения, МНР, Иркутский государственный университет, наука, образование, газета «Иркутский университет».

A. Surzhko

Siberian Federal University, Krasnoyarsk

**IRKUTSK STATE UNIVERSITY IN THE SOVIET-MONGOLIAN SCIENTIFIC
AND EDUCATIONAL COOPERATION IN THE 1950–1970s.
(ACCORDING TO THE UNIVERSITY NEWSPAPER)**

Abstract. The article provides a general description of Soviet-Mongolian cooperation in the field of higher education and science through the prism of Irkutsk State University in the 1950-1970s. The place and role of the university in the training of professional personnel for the Mongolian People's Republic are shown. The research potential of the university newspaper as a historical source is revealed.

Keywords: Soviet-Mongolian relations, Mongolia, Irkutsk State University, science, education, the newspaper "Irkutsk University".

5 ноября 1921 г. были официально установлены советско-монгольские дипломатические отношения, которые в скором времени начали все-сторонне развиваться. Одним из направлений развития стала сфера науки и образования. С 1925 г. по инициативе Министерства просвещения МНР монгольское правительство начало отправлять свою молодежь на обучение в Советский Союз. Достаточно быстро одним из центров этого обучения стал Иркутск. Стоит сказать, что именно в этом городе получили высшее образование будущие многолетние руководители МНР Хорлогийн Чойбалсан и Юмжагийн Цеденбал, а также выдающийся академик Базарын Ширэндэв, основавший первый государственный университет и академию наук в Монголии.

Непосредственно в Иркутске ключевую роль в советско-монгольских научных и образовательных связях стал играть старейший в Восточной Сибири Иркутский государственный университет, носивший с 1939 по 1989 гг. имя А. А. Жданова. В советское время университет выпустил большое количество специалистов для Монголии, многие из которых в будущем стали видными государственными и политическими деятелями, а также проявили себя в науке и искусстве.

Кроме того, в 1942 г. при активном участии Советского Союза в Улан-Баторе был основан Монгольский государственный университет, ставший первым в истории страны. Практически с самого момента основания его ректор Базарын Ширэндэв установил тесные и постоянные научные и деловые связи со многими вузами СССР, а его традиционная дружба с ИГУ ежегодно крепла и расширялась [Цэвэгмид, 1971, с. 2].

После окончания Второй мировой войны советско-монгольские отношения вышли на новый этап развития, что было ознаменовано подписанием Договора о дружбе и взаимопомощи и Соглашения об экономическом и культурном сотрудничестве между СССР и МНР от 27 февраля 1946 г. Как в своем диссертационном исследовании отметил известный монголовед Е. И. Лиштованный: «Исходя из положений данных документов, были заложены специальные соглашения об обучении граждан МНР в высших учебных заведениях СССР, в которых оговаривались условия содержания учащихся, их контингент, размеры стипендий и т. д.» [Лиштованный, 1998, с. 260]. К числу таких договоренностей относятся советско-монгольские соглашения от 12 мая 1948 г. и от 30 апреля 1952 г. [Советско-монгольские ... , 1979, с. 151, 192].

В связи с этим нам представляется важным и интересным изучить практический опыт советско-монгольского взаимодействия в первые послевоенные десятилетия. Данное исследование полностью базируется на материалах университетской газеты, что позволяет отчасти раскрыть исследовательский потенциал этого исторического источника.

В 1952 г. Иркутский государственный университет, будучи одним из опорных вузов Сибири, начал издание собственной газеты с лаконичным названием «Иркутский университет». В ней достаточно подробно освещалась вся внутренняя жизнь учебного заведения – образовательный процесс, научная работа, культурные мероприятия и т. д. Достаточно внимания было уделено и международным связям университета, в частности, с Монгольской Народной Республикой.

В 1954–1955 гг. узы дружбы между коллективами Иркутского и Монгольского государственных университетов значительно окрепли, что нашло практическое выражение в постоянном обмене научной информацией и увеличении количества различных делегаций, поочередно посещавших Иркутск и Улан-Батор [Морозов, 1958, с. 2]. Так, в феврале 1958 г.

в ИГУ с визитом побывала делегация студентов и преподавателей из столицы Монголии. За время своего пребывания монгольские гости познакомились не только с жизнью и работой университета, но и посетили ряд промышленных предприятий, школ и вузов Иркутска, совершили экскурсию по историческим местам города, посетили местные музеи, а по завершению визита стороны обменялись памятными подарками [Морозов, 1958а, с. 2].

В свою очередь, менее чем через полгода, в июне 1958 г., с ответным визитом в Монголию отправилась группа студентов (8 человек) и преподавателей (4 человека) ИГУ [Морозов, 1958, с. 2]. Помимо ознакомления с Монгольским государственным университетом, его многочисленными лабораториями и аудиториями, советским гостям была предоставлена возможность познакомиться с работой возникших на базе университета сельскохозяйственного и педагогического институтов, с Высшей партийной школой, а также встретиться с выпускниками средней школы [Певзнер, 1958, с. 2]. Студенты и преподаватели из Иркутска посетили различные промышленные предприятия и культурные заведения, где могли узнать о жизни и быте монгольских граждан, а также побывали на открытии месячника монголо-советской дружбы. В дальнейшем обмен подобными визитами стал носить регулярный характер.

С 1960 г. начинается новый этап в обучении монгольских студентов, вызванный потребностями развития экономики МНР и проходящей в это время индустриализацией страны. Упор в обучении был сделан на инженерно-технические, экономические и естественно-научные специальности. Если в 1960/61 учебном году в университете обучалось 17 монгольских студентов (9 химиков и 8 юристов), то уже в последующем году – 74 (в основном математики, физики, геологи и биологи) [Хишигт, Пагма, 1981, с. 2–3].

Активно в подготовке специалистов для МНР участвовал химический факультет университета. К примеру, в 1973 г. декан химфака Н. А. Власов посетил Монголию, где встретился со многими выпускниками ИГУ, ставшими достаточно успешными учеными-химиками, которые работали по направлению аналитической химии, химии угля и многим другим [Баранский, Никулина, 1973, с. 2]. Обширностью и разнообразием отличались связи геологического факультета с МНР, выпускники которого со временем заняли видное место в монгольской геологической службе [Кузнецов, 1973, с. 2]. С начала 1960-х гг. в МНР работали многие советские геологические экспедиции, проводился традиционный взаимный обмен студентами-практикантами, оказывались различные консультации [Кузнецов, 1973, с. 2]. Старались держать высокую планку и биологи, которые не только готовили специалистов, но и вели совместные исследования в области бактериологии [Завезенова, 1990, с. 2].

Постепенно в университете сложилась определенная структура управления всем процессом подготовки специалистов для МНР. Координация и научно-методическое руководство этой работы осуществлялось общеуниверситетским методическим советом по делам иностранных учащихся под председательством ректора университета [Пархоменко, 1977, с. 2].

В 1966 г. в ИГУ начал работать подготовительный факультет для граждан МНР. В сентябре на него были зачислены первые 140 обучающихся, которых с первых дней пребывания в Иркутске «покорила любовь, ласка, уважение советских преподавателей и студентов» [Пархоменко, 1977, с. 2]. В дальнейшем факультет ежегодно принимал до 180 юношей и девушек из Монголии. В рамках обучения основной акцент делался на изучении русского языка, а также укреплении знаний по естественно-научным дисциплинам. После окончания подготовки монголы продолжали обучение в вузах и техникумах Москвы, Ленинграда, Киева, Одессы, Свердловска, Харькова, Краснодара и других научно-образовательных центров СССР [Тарнопольский, 1969, с. 2]. За первые четыре года работы факультет подготовил 608 человек, из которых 443 продолжили обучения в вузах, а 165 – в техникумах. Всего же за первые 15 лет работы подфака, т. е. к 1981 г., подготовку на нем прошли 3300 граждан МНР [Хишигт, Пагма, 1981, с. 2–3]. По мере возникающей необходимости факультет неоднократно расширялся. К примеру, в 1971 г. при подготовительном факультете ИГУ были открыты 10-месячные курсы повышения квалификации для преподавателей русского языка средних школ МНР [Пархоменко, 1977, с. 2].

Руководство ИГУ уделяло большое внимание инфраструктуре факультета. Так, в начале 1969 г. в его распоряжении имелся учебный корпус с общежитием на 200 комнат. Студенты были обеспечены аудиториями для занятий по русскому языку, кабинетами физики, химии, черчения, математики, истории, а также лингафонным кабинетом. Помимо этого, в их распоряжении имелась библиотека с двумя читальными залами [Тарнопольский, 1969, с. 2]. В 1976 г. материально-техническая база факультета была значительно улучшена в результате ввода в действие нового учебного комплекса. Он включал в себя 43 аудитории из которых 22 были специализированными. Новейшей аппаратурой «Тесла» и «ОКА-2А» были оборудованы лингафонные кабинеты, а библиотека была увеличена более чем на 15 тыс. книг на русском и монгольском языках [Хишигт, Пагма, 1981, с. 2–3].

Помимо учебного процесса, студенты подготовительного факультета вели активную общественную и культурную жизнь, чему в немалой степени способствовал постояннодействующий студенческий совет общежития, который регулярно выпускал стенгазеты, организовывал вечера отдыха, встречи, КВН, различные кружки. Особенно активным в этом плане оказался 1971 г., ознаменованный 50-летним юбилеем МНР [Монгал, 1971, с. 3].

Говоря о преподавательском коллективе и деканате факультета, стоит отметить, что они непрерывно работали над совершенствованием учебного процесса, в частности занимались подготовкой специализированных учебных пособий, переработкой и адаптацией действующих учебных программ специально под монгольский контингент [Тарнопольский, 1969, с. 2]. Через несколько лет после создания, в начале 1971 г., на факультете работали 60 преподавателей, представляющих кафедры русского языка, общественных дисциплин и естественных наук [Цэвэгмид, 1971, с. 2]. Ректорат и партийный комитет университета уделяли большое внимание подбору кадров. Для работы с монгольскими обучающимися они выделяли наиболее опытные и политически благонадежные кадры из числа профессорско-преподавательского состава. Утверждению преподавателей предшествовала их общественная аттестация [Пархоменко, 1977, с. 2].

Монгольская сторона относилась к работе профессорско-преподавательского состава университета с большим уважением. Об этом может красноречиво говорить тот факт, что высокими правительственными наградами МНР были отмечены многие преподаватели университета, такие как Н. Ф. Лосев (с 1967 по 1976 г. – ректор ИГУ), А. Н. Аксенова, С. Е. Никулина, Ю. С. Пархоменко (занимал пост проректора по работе с иностранными обучающимися) [Хишигт, Пагма, 1981, с. 2–3]. Выражением признания заслуг Иркутского университета в подготовке кадров для Монгольской Народной Республики явилось постановление Великого народного хурала МНР о его награждении орденом Трудового Красного Знамени в декабре 1972 г. [Пархоменко, 1977, с. 2].

Работа самих преподавателей не ограничивалась исключительно чтением лекций в стенах университета. Ряд специалистов отправлялся в достаточно длительные командировки в МНР на работу в Монгольский государственный университет. Они проводили открытые лекции, консультировали монгольский научно-преподавательский состав по вопросам подготовки обучающихся, оборудованию учебных кабинетов, повышению собственной квалификации, руководили практиками студентов [Кузнецов, 1973, с. 2]. Особенно в этом себя проявили сотрудники геологического факультета, среди которых были А. П. Булмасов, М. А. Солоненко, В. В. Демидов, И. А. Охотников и многие другие специалисты [Кузнецов, 1973, с. 2].

Важным аспектом работы иркутского научно-преподавательского коллектива по развитию советско-монгольских отношений было научное изучение соседнего государства. К примеру, в ИГУ были написаны работы по истории Монголии («Советско-монгольское боевое сотрудничество», И. И. Кузнецов; «Русско-монгольские связи конца XIX – начала XX века», Е. М. Даревская) и филологии («Проблемы фольклора ранней культуры в Монголии», Н.О. Шаракшинов) [Потапов, 1974, с. 2]. К изучению были представлены документы научной археологической стажировки В. В. Свирина, по сравнительной фонетике монгольского и русского языка

Н. М. Пестеревой, а под руководством начальника мастерской ИГУ А. А. Тимофеева была проведена большая работа по организации, оборудованию и пуску стеклодувной мастерской в Монгольском государственном университете [Потапов, 1974, с. 2].

Монгольские студенты активно участвовали в научно-исследовательской работе университета. Особое место в этом принадлежало советско-монгольской Хубсугульской экспедиции, которая была одним из наиболее ярких примеров обеспечения принципа единства учебно-научной и воспитательной работы в ИГУ и вузах Монголии. Совместные исследования оз. Хубсугул, находящегося на территории МНР, предполагались договором о культурном сотрудничестве между двумя государствами [Морозов, 1958б, с. 2]. 17 февраля 1970 г. ИГУ и МонГУ подписали соглашение «О совместном комплексном изучении природных условий и ресурсов бассейна реки Селенги», после чего экспедиция стала постояннодействующей и просуществовала до 1997 г. [Иркутский государственный ... , 2020]. В одном только 1973 г. в работе экспедиции приняло участие с советской стороны 40 человек, а с монгольской 21, а в летний период функционировало 10 различных отрядов (геологический, ботанический, зоологический и т. д.) [Потапов, 1974, с. 2]. По итогам первых исследований Хубсугульской экспедиции выходили научные сборники «Природные условия и ресурсы Прихубсугулья (МНР)», а многие советские студенты успешно защитили дипломные проекты и собрали материалы для будущих диссертаций [Кузнецов, 1973, с. 2]. Кроме того, немалый интерес как для монгольских, так и для советских студентов представляла советско-монгольская историко-этнографическая экспедиция в центральных аймаках МНР [Хишигт, Пагма, 1981, с. 2–3].

Общественно-политическая активность монгольских студентов также постоянно повышалась. Помимо участия в студенческих стройотрядах, активно работала группа пропагандистов в составе 15 студентов-монголов. Одной из форм политической активности монгольских студентов являлась общественно-политическая аттестация, в которую входили «Ленинский зачет, умение разбираться в сложных вопросах современной международной жизни, знания основных направлений экономического развития и сотрудничества СССР и МНР» [Пархоменко, 1977, с. 2].

В то же время в организации учебного процесса имелись некоторые заметные недостатки: в 1970-е гг. к работе в научном и студенческом сообществе монгольские студенты привлекались достаточно редко. К примеру, в 1977 г. из 86 студентов юридического факультета только семеро являлись постоянными членами кружков по юридической специальности. На филологическом факультете из 31 студента только восемь посещали кружок русского языка. В научных конференциях участвовало еще меньше [Пархоменко, 1977, с. 2].

Не стремились привлекать монгольских студентов к научным исследованиям и сами университетские кафедры, аргументируя это трудностями работы с иностранными обучающимися из-за языкового барьера [Пархоменко, 1977, с. 2]. Наравне с этим существовали такие проблемы, как посещение лекций, семинаров и практических занятий монгольскими студентами. Проректор по работе с иностранными студентами и сотрудничеству с вузами зарубежных стран Ю. С. Пархоменко объяснял это, во-первых, неумением организовывать свой режим занятий и отдыха и большой утомляемостью при обучении на малознакомом им русском языке, а во-вторых, тем, что монгольские студенты работали по скользящему графику, что являлось одним из крупных недостатков в организации учебного процесса в целом [Пархоменко, 1977, с. 2].

Несмотря на это, в середине 1970-х гг. значительно активизировалась работа с монгольскими обучающимися кафедр общественных наук. В частности, повысилось участие монгольских студентов в теоретических конференциях и конкурсах научных студенческих работ. Успеваемость монголов по этим дисциплинам не только выросла, но и поднялось качество их научно-исследовательских работ, показателем чего может служить количество наград, полученных на городских, областных, республиканских и союзных конкурсах [Пархоменко, 1977, с. 2].

В феврале 1970 г. в Улан-Баторе было подписано соглашение о сотрудничестве между Монгольским государственным университетом и Иркутским государственным университетом им. А. А. Жданова [Пархоменко, 1977, с. 2]. Подписание договора ознаменовало начало нового важного этапа в сотрудничестве двух высших учебных заведений.

Одним из основных направлений сотрудничества являлась подготовка и повышение квалификации монгольских научно-педагогических кадров. В результате к 1977 г. под руководством иркутских специалистов была подготовлена одна докторская и 11 кандидатских диссертаций, защищенных монгольскими исследователями. К этому же времени под руководством ведущих ученых ИГУ прошли стажировку около 50 человек. Монгольские стажеры повышали квалификации в области марксистско-ленинской философии, биологии, химии, почвоведения, экспериментальной физики, а также знакомились с новейшими методами исследований, изучали научную литературу, разрабатывали курсы лекций и осваивали методику проведения учебных занятий, выступали с докладами на симпозиумах и конференциях [Пархоменко, 1977, с. 2].

Совокупность этих факторов, по справедливому мнению профессора Е. И. Лиштованного, привела к тому, что к 1980-м гг. в МНР произошел значительный количественный рост специалистов с высшим и средним специальным образованием [Лиштованный, 1998, с. 264–265]. Иркутский государственный университет был одним из главных поставщиков высококвалифицированных специалистов для братской Монголии, являлся

настоящей кузницей их профессиональных кадров, а также в значительной степени способствовал становлению собственной системы воспроизводства кадров Монголии. Во многом благодаря этому Иркутск в советский период являлся не только крупнейшим научным и культурным центром Восточной Сибири, но и играл важную роль в международных отношениях СССР.

Литература

- Баранский А., Никулина С. Химики для народной Монголии // Иркутский университет. 1973. № 4. С. 2.
- Завезенова Т. Совместные исследования // Иркутский университет. 1990. № 19. С. 2.
- Здериглазов Ю. Посвящение в студенты // Иркутский университет. 1966. № 27. С. 2.
- Иркутский государственный университет. URL: <https://isu.ru/ru/news/2020/details/news-id7949/> (дата обращения: 01.09.2021).
- Кузнецов Г. Международные связи геолфака // Иркутский университет. 1973. № 10. С. 2.
- Лиштованный Е.И. Россия и Монголия в XX в.: региональный опыт взаимоотношений. На материалах Восточной Сибири : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. Иркутск, 1998. 430 с.
- Монгал С. За стенами подготовительного // Иркутский университет. 1971. № 19. С. 3.
- Морозов Е. И. С ответным визитом // Иркутский университет. 1958а. № 17. С. 2.
- Морозов Е. И. У нас в гостях // Иркутский университет. 1958б. № 5. С. 2.
- Пархоменко Ю. С. Содружество // Иркутский университет. 1977. № 19. С. 2.
- Певзнер О. Никогда не забудем // Иркутский университет. 1958. № 19/20. С. 2.
- Потапов А. А. Зарубежные связи Иркутского университета // Иркутский университет. 1974. № 3. С. 2.
- Советско-монгольские отношения 1921–1974. Документы и материалы. Т. 2. 1941–1974. Ч. 1. М. : Международные отношения, 1979. 560 с.
- Тарнопольский В. Дружбе крепнуть // Иркутский университет. 1969. № 3. С. 2.
- Томилов А. Научное содружество // Иркутский университет. 1958. № 6. С. 2.
- Хишигт И., Пагма А. Опыт содружества крепнет. Из истории подготовки монгольских специалистов в Иркутском университете // Иркутский университет. 1981. № 20. С. 2–3.
- Цэвэгмид Д. Монгольский государственный университет // Иркутский университет. 1971. № 5. С. 1.

УДК 94(571.63-25)

О. А. Трубич

Дальневосточный федеральный университет,
филиал в г. Уссурийске (Школа педагогики), Уссурийск

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ МУЗЕЙ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ВОСТОЧНОГО ИНСТИТУТА НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX В.)

Аннотация. Рассматриваются вопросы становления и развития торгово-промышленного музея в Восточном институте во Владивостоке. Раскрывается роль преподавателей в развитии музея. На основе анализа архивных материалов выявляются особенности, связанные с систематизацией коллекционных материалов.

Ключевые слова: Восточный институт, Владивосток, торгово-промышленный музей, А. М. Позднеев, В. И. Засерский, Н. Н. Дмитриев.

THE TRADE AND INDUSTRIAL MUSEUM IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF ORIENTAL INSTITUTE IN THE FAR EAST OF RUSSIA (LATE XIX – EARLY XX CENTURIES)

Abstrac. The article deals with the issues of establishing the trade and industrial museum in Oriental Institute in Vladivostok. The role of teachers in the development of the museum is shown. On the basis of the analysis of archival materials the author reveals the peculiarities connected with the systematization of collections.

Keywords: Institute of Oriental Studies, Vladivostok, trade and industrial museum, A. M. Pozdneev, V. I. Zazersky, N. N. Dmitriev.

Открытие Восточного института¹ во Владивостоке в конце XIX в. совпало с периодом, когда Россия приступила к решению масштабных внутри- и внешнеполитических задач на Тихоокеанском побережье. Последовательное заселение и развитие Приморья и Приамурья, формирование государственной системы управления восточными территориями, расширение торгово-экономических контактов со странами Азиатско-Тихоокеанского региона диктовали необходимость кадрового обеспечения специалистами со знанием восточных языков, быта, национальных особенностей ближайших соседей российского Дальнего Востока. В то же время приток китайцев, корейцев, японцев, образование их диаспор в дальневосточных городах вынуждали центральную власть принять меры по обеспечению безопасности края в целом. В определенной мере стремлением государства решить социально-экономические и политические проблемы объясняется открытие 21 октября 1899 г. Восточного института – первого высшего учебного заведения на Дальнем Востоке.

Вопросы значимости института для края активно обсуждались в прессе. В частности, 17 октября 1899 г. газета «Владивосток» откликнулась следующим образом: «Мы не можем ограничиваться здесь (на Дальнем Востоке. – *О. Т.*) классическими гимназиями и приходскими школами. Новые условия – новые задачи. Укрепление наше на берегах Тихого океана, проведение рельсового пути, заселение пустынного края стоило и будет стоить нашему государству столько усилий и жертв, что мы должны закрепить все это самым высшим и прочным цементом, какой существует для зданий социальных, – цементом просвещения, справедливости, разумной организации края, благосостоянием его обитателей»². Несколько дней спустя другой солидный информационный источник – газета «Дальний Восток», оценивая открытие Восточного института как праздник русского востоковедения, в приветственном адресе отмечала: «Открытие Восточного института явилось широким ответом на давно назревшую потребность. Восточный институт вместе с тем вступает в нашу общественную

¹ Восточный институт был открыт в 1899 г., в 1920 г. преобразован в Дальневосточный государственный университет, с 2011 г. – Дальневосточный федеральный университет.

² Владивосток. 1899. 17 октября.

жизнь, с одной стороны, просвещенным и чутким истолкователем малопонятных нам жизненных явлений народов Азиатского Востока, с другой – доброжелательным и отзывчивым проводником в среду этих народов. Благодаря ему мы приходим в культурное общение с теми историческими цивилизациями, которые на протяжении веков служили неугасимыми светочами на пространстве половины Азии – и в их опыте восполняем опыты и идеалы своей собственной общественности и государственности»¹.

Цель нового востоковедческого вуза сводилась к подготовке специалистов со знанием китайского, корейского, японского, монгольского, маньчжурского языков. Здесь обучались будущие переводчики, чиновники, предприниматели для деятельности в дипломатических, коммерческих, религиозных, военных учреждениях России, странах Восточной и Центральной Азии. Таким образом, Восточный институт становился базой для решения задач хозяйственного, торгово-финансового, инфраструктурного освоения дальневосточного региона.

Уникальность образовательного процесса заключалась в том, что многие дисциплины вводились впервые. Администрация, профессорско-преподавательский состав прикладывали усилия для обеспечения качества образования, соответствовавшего потребностям общества и государства. Педагогический коллектив самостоятельно разрабатывал учебные программы. На основе материала заграничных командировок были подготовлены пособия для изучения восточных языков, экономики, географии, истории стран Дальнего Востока и др. В подготовке кадров немалую роль сыграли учебно-вспомогательные учреждения – библиотека, типография. Важное место отводилось торгово-промышленному музею. Одним из факторов, определивших его создание, стало появление новых коммерческих предметов в академическом 1901/02 учебном году.

Важность музея осознавал первый директор Восточного института Алексей Матвеевич Поздеев, профессор Санкт-Петербургского университета, доктор калмыцкой и монгольской словесности. Он считал: «Предмет товароведения не имеет значения без наглядных пособий, а наличие музея должно отвечать практическим задачам института и знакомить слушателей с современным состоянием торговли и промышленности стран Дальнего Востока, а также России и других стран, ведущих свои отношения с Востоком» [Известия Восточного ... , т. 7, 1903, с. СXXXIV]. Таким образом, занятия в музее являлись формой дополнительного образования. Данный подход предусматривал не просто сообщения учащимся определенной информации посредством музейных экспонатов, а умение приложить полученные знания.

Своевременное приобретение коллекций являлось неотъемлемым условием эффективности проведения занятий. С этой целью по запросу

¹ Дальний Восток. 1899. 24 октября.

А. М. Позднеева в 1901 г. из бывшего департамента торговли и мануфактур были доставлены первые товары [Известия Восточного ... , т. 3, 1901, с. 8]. Основным источником поступления экспонатов стали российские промышленные предприятия, к руководителям которых обращался А. М. Позднеев, находясь в Москве, Санкт-Петербурге. В 1902 г. прислали коллекции около 60 фирм, фабрик, заводов. Представим их неполный перечень: торговый дом А. Бахрушина, Московский сахароваренный завод, Санкт-Петербургская клеенчатая мануфактура, общество Путиловских заводов, управление Императорскими фарфоровым и стеклянным заводами, Санкт-Петербургский Епархиальный завод, сахарный завод Кениг, Волжско-Невский уксусный завод, товарищество Невской ниточной мануфактуры и др. [Известия Восточного ... , т. 5, 1903, с. LXXVIII]. В результате в 1902 г. музей обогатился значительным количеством изделий (до 6000 ед.) отраслей добывающей промышленности России [Известия Восточного ... , т. 7, 1903, с. CXXXIV].

Протоколы заседаний конференции, отчеты вуза дают информацию о частных пожертвованиях. В списках дарителей значились десятки фамилий: студенты, интеллигенция, купцы. Так, для дисциплины «Товароведение» слушатель Восточного института Г. Назаров привез из Китая различные сорта чая. Образцы пород маньчжурского леса, угля передал начальник мастерских Харбина Н. И Суржин. По инициативе купца И. Г. Харчева из Санкт-Петербурга в музей появились альбомы, содержавшие изделия хлопчатобумажной промышленности. Купец Ю. И. Бринер из Владивостока доставил отдельные экземпляры тканей, изготовленных из крапивных растений, и др. Необходимо заметить, что в музее наблюдались зарубежные экспонаты. Богатым источником информации стали китайские, японские предметы отраслей добывающей, обрабатывающей промышленности [Известия Восточного ... , т. 3, 1901, с. 22, 94–95]. Они обладали национальной спецификой, существенно дополняя российские коллекции.

Руководство музеем осуществляли преподаватели коммерческих дисциплин и товароведения. В разные годы эту должность занимали Владимир Иванович Зазерский и Николай Николаевич Дмитриев, которые внесли индивидуальный вклад в становление и развитие вузовского музея.

В. И. Зазерский – выпускник Петровского коммерческого училища в Санкт-Петербурге (1892 г.), в котором он проработал шесть лет. Приказом Приамурского генерал-губернатора В. И. Зазерский с 20 июля 1901 г. был переведен на должность преподавателя коммерческих наук в Восточный институт¹. Появление столичного педагога в дальневосточном вузе стало начальным этапом в деле открытия музея. Все дело в том, что темпы сбора экспонатов в институте опережали возможности по их обработке, описанию, изучению. В условиях увеличения музейных коллекций требовался

¹ РГИА ДВ. Ф. 226. Оп.1. Д. 610. Л. 74.

особый принцип их учета. В. И. Зазерский сосредоточил основные усилия в этом направлении. Несомненно, выполняя такую детальную работу, нужно было обладать навыками. В этом отношении пополнить базу музейных знаний ему помогли заграничные командировки в Европу, которые он совершил за время службы в Восточном институте. В. И. Зазерский посетил Англию, Италию, Францию, Австрию, где в коммерческих музеях и школах познакомился с особенностями постановки и ведения музейного дела [Известия Восточного ... , т. 7, 1903, с. СХХХIV].

Вернувшись из поездки, В. И. Зазерский приступил к упорядочению музейных предметов, заложив основу систематизации и классификации. Результатом стал Обзор коллекций торгово-промышленного музея при Восточном институте (1903 г.). По форме это статистический каталог экспонатов в виде сводной таблицы объемом 83 страницы. Он имел четкую структуру из пяти блоков: 1) наименование группы; 2) внутреннее деление группы на пункты, виды, подвиды; 3) порядковый номер; 4) учетный номер; 5) количество. Автор выделил 26 групп (минералы, искусственные камни, топливо, хлопок, лен, шерсть, шелк, асбест, бумага, кожа, краски и т. д.), которые делились по определенным признакам, образуя подгруппы с сотнями изделий. Их число достигало 300 ед. Не осталась без внимания информация об источниках поступления. Описание каждой группы начиналось со сведений о том, кем доставлена та или иная коллекция [Известия Восточного ... , 1903, т. 9, с. 1–83].

Частичная инвентаризация позволила подвести определенный итог собранному музейному материалу и положить начало функционированию музея. После подробной описи на заседании Конференции 16 мая 1903 г. отмечалось: «Приветствуя в окончании работы В. И. Зазерского по разбору приобретенных институтом коллекций – фактическое открытие деятельности торгово-промышленного музея при Восточном институте» [Известия Восточного ... , т. 9, 1903, с. 76]. Тем не менее представленный сборник не являлся исчерпывающим изданием, так как из-за недостатка помещений не все коллекции были разобраны, выставленные образцы не полностью классифицированы по группам. Более того, в связи с увольнением В. И. Зазерского приостановилась практика активизации учета, хранения экспонатов. По ходатайству председателя попечительского совета Тенишевского училища (г. Санкт-Петербург) в сентябре 1904 г. В. И. Зазерский был переведен преподавателем счетоводства и коммерческих вычислений в указанное учебное заведение¹.

Музейная работа активизировалась с приходом Н. Н. Дмитриева, выпускника Санкт-Петербургского коммерческого училища (1897 г.). Послужной список указывает, что Н. Н. Дмитриев имел опыт в области педагогики и коммерции: в 1900 г. преподавал бухгалтерию и коммерческое счисление в Санкт-Петербургском коммерческом училище; с 1901 по

¹ РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 610. Л. 74.

1903 г. был помощником бухгалтера, позже бухгалтером II разряда в управлении Государственными сберегательными кассами. Вскоре Н. Н. Дмитриев вновь вернулся в сферу образования. 17 сентября 1903 г. его назначили помощником воспитателя Санкт-Петербургского коммерческого училища¹. Приказом Приамурского генерал-губернатора от 16 сентября 1904 г. Н. Н. Дмитриева перевели в Восточный институт преподавателем коммерческих наук².

В развитии вузовского музея Н. Н. Дмитриев принял активное участие, являясь инициатором «приведения коллекций музея в надлежащий порядок». Постоянные поступления новых предметов, хранение старых, ветхость мебели вызывали необходимость упорядочить запутанные коллекции [Известия Восточного ... , т. 35, прил. 1, 1910, с. 103]. Из-за указанных проблем наглядные пособия оставались недоступными для использования на занятиях³. Систематизация, ввод в оборот музейного материала стали ведущими направлениями в работе Н. Н. Дмитриева.

Тем не менее до 1910 г. ему не удалось полностью осуществить реорганизацию музея и привести его в такой вид, чтобы «он отвечал всем требованиям рационально оборудованных учреждений подобного рода»⁴. Этому предшествовали определенные события. В 1905 г. по причине начала Русско-японской войны Восточный институт переехал в Верхнеудинск, что негативно отразилось на сохранности коллекций. После возвращения института во Владивосток Н. Н. Дмитриев проверил все экспонаты. Выяснилось, что часть коллекций пропала, часть пришла в полную негодность⁵. Далее, с 15 февраля до 1 сентября 1906 г. вследствие нестабильной внутренней академической обстановки был приостановлен учебный процесс, соответственно, прекращена музейная деятельность. В последующие годы сказывалась нехватка финансов, необходимых для покупки мебели под экспонаты. Затем Н. Н. Дмитриев уехал в зарубежную командировку в Японию, по окончании которой взял отпуск по состоянию здоровья.

Все это время уникальный фонд торгово-промышленного музея оставался без надлежащего контроля. Вернувшись осенью 1909 г., Н. Н. Дмитриев отмечал, что музей нельзя было использовать для учебного процесса. Одна из проблем – ветхость мебели, при которой музей становился «бесполезным, грозившим скорым развалом» [Известия Восточного ... , т. 35, прил. 2, 1910, с. 61]. Н. Н. Дмитриев попытался предпринять возможные меры. Рождественские каникулы 1910 г. стали решающими в деле реорганизации музея⁶.

¹ РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 608. Л. 5 об.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Л. 112.

⁴ Там же. Л. 112 об.

⁵ Там же. Л. 112 об.

⁶ Там же. Л. 113.

Для намеченной цели Н. Н. Дмитриев провел инвентаризацию музейных собраний. Каждый образец он снабдил двумя ярлыками, указав группу товаров, порядковый номер с соответствующей характеристикой. Изделия разместил в восьми специально приспособленных шкафах, пяти витринах. По причине поступления новых музейных экспонатов и утраты прежних Н. Н. Дмитриев составил Дополнения и изменения к обзору коллекций торгово-промышленного музея при Восточном институте. Сборник отражал составляющие музейного собрания. Проведенная сверка показала, например, что с 1 января 1904 г. по 1 января 1910 г. поступило 386 образцов, пропало и пришло в негодность – 179. Общее количество коллекций, включая стенные таблицы, карты, испытательные приборы, ботанические коллекции составляло 3516 ед.¹

В результате кропотливой работы многие коллекционные фонды стали доступными для студентов. Об этом Н. Н. Дмитриев констатировал в своем докладе на заседании Конференции 15 февраля 1910 г.: «В настоящем своем виде торгово-промышленный музей при Восточном институте может отвечать своему прямому назначению и нуждается лишь в дальнейшем расширении его коллекций» [Известия Восточного ... , т. 35, прил. 1, 1910, с. 104]. За приведение музея в порядок Н. Н. Дмитриев получил вознаграждение в сумме 200 руб. [Известия Восточного ... , т. 35, прил. 2, 1910, с. 53].

Основное условие эффективной деятельности музея – наличие достаточно разнообразных по составу, интересных по содержанию коллекций. Для Н. Н. Дмитриева комплектование музейного фонда представляло важную задачу, так как музей обладал возможностью передачи знаний через непосредственный контакт с подлинником, что превращало его в уникальную образовательную среду. Именно предстоящая командировка в Китай (1910 г.) обещала быть полезной с точки зрения приобретения образцов китайской промышленности. В преддверии пополнения фонда директор института А. В. Рудаков в своем ходатайстве от 13 июля 1910 г. к Приамурскому генерал-губернатору отмечал: «Торгово-промышленный музей Восточного института, приведенный в текущем году в надлежащий вид и отличный порядком трудами преподавателя коммерческих наук Н. Н. Дмитриева нуждается ныне в пополнении соответствующих отделов его образцами различных производств Китая»². Требуемая сумма расхода исчислялась в 300 рублей, что включало покупку коллекций, шкафов, витрин, так как, по словам директора, «в настоящем своем виде торгово-промышленный музей размещается лишь с некоторым трудом в наличных шкафах и витринах»³. Для этих целей с разрешения Приамурского генерал-губернатора Н. Н. Дмитриев получил необходимую сумму.

¹ РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 608. Л. 112.

² Там же. Д. 330. Л. 115.

³ Там же.

Осенью 1910 г. он уехал в командировку в Китай, которая закончилась трагически. Он планировал собрать образцы продукции внешней и внутренней торговли, но его планам не удалось сбыться. Находясь в Шанхае, возможно, в результате физических перегрузок Н. Н. Дмитриев заболел, его поместили в китайский госпиталь, где он находился трое суток. По возвращении во Владивосток в сентябре 1910 г. ученый был направлен в психиатрическую больницу в г. Никольск-Уссурийск с тяжелым диагнозом¹. Согласно выписке врача, Н. Н. Дмитриев страдал душевным расстройством «на почве органического поражения головного спинного мозга, болезнью тяжелой и неизлечимой», которая не позволила ему вернуться к нормальной жизни, работать, заниматься преподавательской деятельностью. Позже, в декабре 1910 г., Е. М. Дмитриева, его жена, забрала мужа из лечебницы².

Директор Института А. В. Рудаков писал о Н. Н. Дмитриеве, что он «в высшей степени добросовестно и умело исполнял возложенные на него обязанности, много работал над окончательным устройством торгово-промышленного музея, над составлением программы по преподаванию коммерческих наук, принимал участие в упорядочении канцелярского делопроизводства»³.

С течением времени торгово-промышленный музей Восточного института не утратил своей научно-исследовательской и педагогической значимости. Его коллекции непрерывно пополнялись новыми экспонатами и материалами, их отличал высокий научный уровень, системность. Торгово-промышленный музей сыграл важную роль в изучении восточных языков и государств Восточной Азии.

Литература

Известия Восточного института. Т. 3, вып. 1. Владивосток : Тип. Т-ва Сушинский и К°, 1901. 606 с.

Известия Восточного института. Т. 5. Владивосток : Тип. Т-ва Сушинский и К°, 1903. 542 с.

Известия Восточного института. Т. 7. Владивосток : Тип. Т-ва Сушинский и К°, 1903. 407 с.

Известия Восточного института. Т. 9. Владивосток : Тип. Т-ва Сушинский и К°, 1903. 709 с.

Известия Восточного института. Т. 35. Прил. 1. Владивосток : Типо-литогр. при Вост. ин-те, 1910. 128 с.

Известия Восточного института. Т. 35. Прил. 2. Владивосток : Типо-литогр. при Вост. ин-те, 1910. 244 с.

¹ РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 608. Л. 125.

² Там же. Л. 204.

³ Там же. Л. 205.

ЯПОНСКИЙ ПОДХОД К КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Приводятся подходы США и Японии к регулированию космической отрасли, описывается текущая ситуация в сфере японских космических стартапов, ознаменовавших собой начало нового вектора космической политики японского руководства. Рассматриваются перспективные сегменты рынка космических услуг, а космическая отрасль признается в качестве движущей силы Четвертой промышленной революции.

Ключевые слова: Япония, космическая программа, «Новый космос», коммерческая космонавтика.

E. Ukhanova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg

JAPAN AND COMMERCIAL SPACE DEVELOPMENT

Abstract. Commercial space development has been an unfolding trend for the last decades, and space companies have their niche on the global market. Different states demonstrate different approaches to space regulations, the Japanese case is unique due to the growing significance of commercial space in state politics.

Keywords: Japan, space program, "New Space", commercial space.

Одним из ключевых трендов мировой космической индустрии на сегодняшний день является ее демократизация: государственные корпорации все еще остаются значимыми, но уже не основными участниками рынка космических услуг. Объем мирового рынка космических услуг растет с каждым годом (360 и 366 млрд долл. США в 2018 г. и 2019 г. соответственно), а доля государственного сектора составляет не более четверти. Значительный рост частного сектора происходит за счет инвестиций в космические стартапы – компании, получающие посевное финансирование или венчурные капиталовложения. Объемы инвестиций здесь также бьют рекорды: от 3,5 млрд долл. США в 2018 г. к 5,7 в 2019 г. и 7,6 в 2020 г. [Start-Up Space Space]. Наиболее известные примеры таких «частников» – *SpaceX* Илона Маска и *Blue Origin* Джеффа Безоса.

Ко времени зарождения и последующего стремительного развития феномена *New Space* (середина 2000-х гг.) в Японии в области коммерческого использования космического пространства и в космической отрасли в целом складывалась несколько парадоксальная ситуация: страна, занимавшая позиции мирового научно-технологического лидера, не могла похвастаться космическими достижениями. Между тем становилось очевидно, что освоение космического пространства значимо и с экономической точки зрения, и с точки зрения обеспечения национальной безопасности (начало новой «космической гонки»). С опозданием (в 2015 г.) в японской стратегии по освоению космического пространства были зафиксированы две базовые составляющие – военная и коммерческая. С тех пор

Япония официально считает эти два компонента равно важными для обеспечения своих национальных интересов. На практике это означало следующее: сначала крупные частные компании, прежде всего, занятые в аэрокосмической и оборонной промышленности (например, Mitsubishi Heavy Industries, Toshiba, NEC), получили возможность включить космос в сферу своей деятельности. Далее при всесторонней поддержке государства стали появляться новые предприятия малого и среднего бизнеса, которые могли воплощать самые разнообразные идеи, вкладываясь в развитие космических технологий. В результате количество японских космических стартапов выросло на порядок за последнее десятилетие.

Специфика японского подхода к проблемам частной космонавтики определяется ролью государства в этой сфере. В связи с известной конституционной невозможностью обладания Японией наступательного военного потенциала ее космическая программа также не могла выходить за рамки понятия «исключительно “мирных” способов освоения космического пространства». На протяжении сорока лет космическая политика Японии была сосредоточена на научно-технологической составляющей и практически не учитывала интересы частного бизнеса, так как нужды государства в тех же спутниках покрывались за счет государственных заказов, выполнявшихся крупными компаниями, и закупок американских спутников.

Такое положение было официально изменено в 2008 г. с принятием специального акта – «Основного закона о космосе», в котором японское руководство сменило вектор своей космической политики, заявив о подчинении последней интересам национальной безопасности и, что более интересно в контексте данной темы, интересам частного сектора [宇宙基]. Комплекс мер для дальнейшей коммерциализации космической деятельности включал в себя налоговые послабления, финансовую поддержку и создание благоприятной среды для частных капиталовложений в космическую промышленность. Так, государство обязалось обеспечить доступ частным компаниям к разработкам и результатам исследований госкомпаний, а также создавать спрос на частные услуги, отдавая заказы на проведение экспериментальных и исследовательских работ в частные руки. Все эти меры имели своей целью развитие внутреннего рынка космических услуг и повышение конкурентоспособности японской космической промышленности на мировом рынке.

На сегодняшний день основной целью, сформулированной для космической отрасли Японии, является «вращивание стратегической промышленности для XXI века» [Basic, 2009, p. 3]. Это означает, что к традиционным для японской промышленности отраслям (автомобильная, электронная), которые считаются стратегически значимыми, теперь отнесена и космическая. Соответственно, космические предприятия, включая частные, приоритизируются в программах государственной поддержки, которые сосредоточены как на фундаментальных исследованиях космоса, так

и на прикладных областях, касающихся деятельности человека в космосе, развития солнечной энергетики.

Однако основная масса предприятий – уже действующих и новых стартапов – занята в сфере разработки и эксплуатации спутниковых систем. Это проекты в разнообразных областях: метеорологии и экологии (системы наблюдения суши и океанов, системы наблюдения глобальных изменений окружающей среды), связи и медиа (информационные и телекоммуникационные спутники), спутниковой навигации, обороны (разведка, наблюдение). Приоритет отдается проектам по разработке, производству и орбитальным запускам малых и микроспутников как наиболее перспективному направлению. Поддержка со стороны государства здесь состоит в предоставлении доступа к экспертам, оборудованию и инфраструктуре правительственных компаний (Японского агентства аэрокосмических исследований, JAXA) – данным спутников, производственным площадкам и пусковым установкам. Кроме того, действуют специальные программы по сокращению налогообложения инвестиций и исследовательских проектов, отмены потребительского налога на экспорт пусковых услуг, предоставление таможенного «иммунитета», упрощенному порядку получения финансирования и страхования рисков.

Еще одним перспективным сегментом рынка космических услуг считаются «большие данные». Big Data, получаемые с помощью спутниковых систем дистанционного зондирования и позиционирования, используются преимущественно в системах навигации, но могут, по замыслу разработчиков программы G-spatial society, использоваться для более активной интеграции геопространственных данных в повседневную жизнь человека. С помощью созвездия квазизенитных спутников создается информационная инфраструктура, которая позволяет определять местоположение объектов внутри и снаружи помещений. Таким образом достигается точность позиционирования до сантиметра, что имеет значение в условиях плотной городской застройки, так как спутниковый сигнал не отражается от стен высотных зданий.

Частные компании получают лицензии на ведение космической деятельности через Комитет по национальной космической политике в составе Канцелярии Кабинета министров. Комитет отвечает в том числе и за выработку стратегии развития космической промышленности. В 2017 г. им был опубликован интересный документ под названием Space Industry Vision 2030, в котором отражены основные идеи и подход японского руководства к коммерциализации космической деятельности. В документе отмечено отставание Японии от лидеров «частного космоса» (США и Европа) в силу недостаточного финансирования предприятий, чья деятельность связана с рисками нехватки кадровых ресурсов, а также клиентов на стадии роста рынка. При этом космическая отрасль признается в качестве движущей силы Четвертой промышленной революции, которая должна

свершиться посредством инноваций в космических технологиях, а именно путем интеграции Big Data, искусственного интеллекта и интернета вещей за счет удешевления спутников и ракет [宇宙産]. А основу космической отрасли будущего будут составлять именно частные компании, которые гораздо более эффективны (по сравнению с государственными корпорациями) в ведении инновационной деятельности, так как обладают необходимой организационной гибкостью. На сегодняшний день развитие сферы космических услуг уже происходит преимущественно за счет стартапов, которые занимаются разработкой и производством малых спутников и ракет, а также предоставляют услуги по их техническому обслуживанию. В перспективе – проекты по освоению космических ресурсов и космический туризм.

Говоря о будущем японской космической индустрии, власти планируют развивать не только внутренний рынок, но и нацелены на высокие позиции за рубежом. В своих расчетах они исходят из происходящих на глобальном рынке космических услуг изменений, связанных с постоянным увеличением количества его участников. Отмечается, что внутренние рынки старых и новых космических держав не способны обеспечить достаточные условия и инфраструктуру для расширяющейся деятельности государственных и частных компаний. На этом фоне потенциальной нишей и источником возможностей для японских компаний является спутниковая промышленность и орбитальная доставка грузов. Зарубежные контракты в области пусковых услуг заключаются с 2009 г., основным оператором является Mitsubishi Heavy Industries, получившая от JAXA эксклюзивное право на производство и запуски ракет-носителей Н-ПА. В числе ее клиентов – страны Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, Африки.

Таким образом, государственная политика на современном этапе способствует качественному совершенствованию космической отрасли японской экономики, которая ставит целью достижение позиций мирового лидера в области космических услуг.

Литература

Basic Plan for Space Policy: Wisdom of Japan Moves Space. Tokyo : Strategic Headquarters for Space Policy, 2009. 76 p.

Start-Up Space. Update on Investment in Commercial Space Ventures. 2020. URL: https://brycetek.com/reports/report-documents/Bryce_Start_Up_Space_2021.pdf. (дата обращения: 20.08.2021).

宇宙基本法 . URL: https://www.shugiin.go.jp/internet/itdb_housei.nsf/html/housei/16920080528043.htm. (дата обращения: 20.08.2021).

宇宙産業ビジョン 2030. 第4次産業革命下の宇宙利用創造 . URL: <https://www8.cao.go.jp/space/vision/mbrlistsitu.pdf>. (дата обращения: 23.08.2021).

水墨动画：笔墨情趣之意境追求

摘要：水墨动画源于中国历史悠久的传统水墨画，独具民族艺术特色的动画艺术形式。将我国传统的写意水墨画所讲究的“笔情墨趣”，成功地在银幕上得以体现。中国水墨动画片传承了中国水墨画的传统艺术风格，呈现出优美的意境，豪迈的笔墨，表现出清新秀丽的抒情格调与气韵生动的韵律美。借助水墨画中“写意”与“神似”等传统手法，营造出意蕴深邃的境界、耐人寻味。

关键词：水墨动画 笔墨 意境

Hu Xinchen

Jiangxi University of Finance and Economics, Nanchang

INK ANIMATION: THE PURSUIT OF ARTISTIC CONCEPTION OF PEN AND INK

Abstract. Ink animation originated from the traditional Chinese ink painting with a long history, an animation art form with unique national artistic characteristics. The traditional freehand ink and wash painting of our country pays attention to the “stroke and ink taste”, which has been successfully embodied on the screen. Chinese ink and wash cartoons inherit the traditional artistic style of Chinese ink painting, presenting a beautiful artistic conception, bold pen and ink, showing a fresh and beautiful lyrical style and vivid rhythmic beauty. With the help of traditional techniques such as “freehand” and “likeness” in ink and wash painting, a profound and intriguing realm is created.

Keywords: ink and wash animation, pen and ink, artistic conception.

Ху Синьчэнь

Цзянсийский финансово-экономический университет, Наньчан

АНИМАЦИЯ ТУШЬЮ: ПОИСК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КОНЦЕПЦИИ КИСТИ И ТУШИ

Аннотация. Отмечается, что анимация тушью возникла из традиционной китайской живописи тушью, имеющей долгую историю и представляющей собой вид изобразительного искусства с уникальными национальными художественными особенностями. Описывается, как с помощью традиционных техник, таких как «се и» и «шэнь сы», под кистью аниматора рождается глубокий и загадочный мир.

Ключевые слова: анимация тушью, кисть и тушь, художественная концепция.

随着1957年上海美术电影制片厂成立，由此在世界动画领域博得崇高声誉的经典之作也随之产生。1960年的《小蝌蚪找妈妈》和1963年的《牧笛》这两部水墨动画片自问世以来，深受观众的喜爱与赞誉。其中《小蝌蚪找妈妈》曾荣获首届电影“百花奖”，并在国际性电影节上五次荣获大奖，《牧笛》也于1979年在丹麦举行的第三届欧登塞国际童话电影节上荣获金质奖。两部国产水墨动画片通过在外国的放映，曾一度引起动画界剧烈轰动与反响，诸如法国《世界报》曾如此评价：“中国水墨画，景色柔和，笔调细致以及表示忧虑、犹豫和快乐的动作，使这部影片产生了独特的魅力和诗意。”抛起一股“中国风”。文革之后相继出产了如：1982年的《鹿铃》，1988年的《山水情》、《兰花花》和1990年的《雁阵》都呈现出当时水墨动画的国际水准。特别是《山水情》，以写意的笔墨着重渲染山水间空灵的境界，以古琴曲演奏配乐，以突出和丰富该

动画短片所独有东方人文气息与悠远而深邃内在韵味，充分展现出中国水墨动画所独有的精神意韵。它一经问世就获有“中国一绝”之美名，全世界众多艺术家都为之轰动与称道。从技术较之以往水墨动画片有所突破，打破传统逐格拍摄手法，取得是先对准原副背景进行拍摄，再与逐格拍摄镜头进行合成，更加充分呈现中国水墨动画特色。¹

水墨动画源于中国历史悠久的传统水墨画，独具民族艺术特色的动画艺术形式。水墨画在中国有着悠久的历史久远，是中国传统绘画的一大画种，《辞海》所载：“水墨画——中国画中纯用水墨的画体，始于唐，成于宋，盛于元，明清以来续有发展，以笔法为主导，充分发挥墨法的功能，取得‘水晕墨章’、‘如兼五彩’的艺术效果，在中国画史上占重要地位。”中国水墨动画片充分借助传统水墨画技法与风格，创造出一种充盈浓厚水墨韵味的动画影片形式。注重水墨的渲染特效，为使活动的人物对象不呈现出边缘线，由此打破传统动画制作中所使用的“单线平涂”的制作方法，技术上在那时也算是一大创新，由此也成就了动画的辉煌时期，树立了独具风格的“中国学派”。中国水墨动画片传承了中国水墨画的传统艺术风格，呈现出优美的意境，豪迈的笔墨，表现出清新秀丽的抒情格调与气韵生动的韵律美。借助水墨画中“写意”与“神似”等传统手法，营造出意蕴深邃的境界、耐人寻味。它集中国传统的美学思想和民族风格于一体，在世界上独树一帜。²

一、水墨动画之笔墨情趣

写意水墨画是中国传统绘画画种中最具特色的，所追求的是“似与不似之间”的辩证理解，所呈现得是墨分五彩的神奇效果，是对笔墨情趣的体味，最具中国传统文化之代表。中国水墨动画则充分发挥水墨画艺术魅力，运用墨色浓淡与虚实的效果来描绘对象，借助墨与水的渲染，在笔墨与线条中营造意境，在动画制作上打破传统单线平涂手法。水墨动画中所创造的水墨形象淋漓酣畅，彰显高于自然美的艺术美。传统动画制作中的单线平涂，难于实现色彩的层次变化，其色彩趋于平整。水墨动画在制作中用笔是以墨代色勾线，并借助墨色的渲染，使之自然相融，笔为主导墨随笔出，两者相互依赖共同营造意境，以实现形神兼备的艺术魅力。通过笔法与墨法自由发挥，在物象的描绘中注入情感，最终实现单纯而又丰富，简约而又生动艺术画面。1960年的《小蝌蚪找妈妈》作为我国第一部水墨动画片，充分再现中国水墨画的艺术特性，将齐白石先生笔墨下的蝌蚪、鱼、虾等水墨形象搬上银幕，赋予其新的生命形式。影片中所呈现独有的艺术风格与鲜明的民族本土特色，标志着

¹ 墨趣——中国水墨动画的解读 姚桂萍-《声屏世界》-2012-12

² 浅析中国动画中水墨动画的发展及前景 王勇-《西北师范大学硕士论文》-2009-05-01

我国动画影片制作史上一次巨大的进步。将我国写意水墨绘画所追求的“笔墨情趣”，以崭新的形式在银幕上得到成功体现，成功地将我国传统美学中“以形写神”思想得予实践。传统水墨绘画技法在动画创作中的运用，中国民族特色得予充分体现，在表现形式独具东方艺术特色。

水墨动画中所再现的“墨趣”，是通过色调的层次变化与其效果所呈现的韵味来实现；“笔情”则是通过用笔所形成的各种笔触如：点、线、擦、皴、染等在画面中所表现的自然和谐、“天人合一”的意境。在传统单线平涂动画片中，所采取得以线勾勒形体，其线的变化自然不可能得予丰富。其色彩表现也趋于平整，色彩上的层次变化缺乏。水墨动画比较传统单线平涂动画，在表现形式上更显优越性与丰富性。水墨动画采取以墨代色，勾线与渲染墨色相互渗透。水墨动画通过线、点、面、勾、斫等运笔的变化，以及渲、泼、积等用墨法的运用，呈现出墨色中的浓淡与虚实变化，以墨色的墨分五彩描绘山光水色，创造诗情画意的境界。如：《小蝌蚪找妈妈》中小蝌蚪的形象以小黑墨点形式再现，忽略其五官表情，而采用其游行时所表现的尾巴运动的频率的变化，巧妙地将转变为这些小生灵传达情感的方式。表现欢乐时则摆动频繁，再现惆怅则移动迟缓，观众通过小蝌蚪的尾巴摆动频率的变化来体味所传达的情感信息，这是中国传统书画艺术中笔墨符号的创造性实践。其中的“物象”不再是现实中的物象，是人情感“人格化”的意象，好比“感时花溅泪，恨别鸟惊心”的意象，是气韵生动的充分体现。再如：1963年《牧笛》中的牧童和老牛的形象，其笔触的运用与墨色浓淡渲染上较《小蝌蚪找妈妈》则更为复杂，所再现是更具韵味的笔墨情趣。老牛形象中的鼻、嘴、唇部位以浓墨点染表现，牛腿则采用力透纸背的笔法，牛臀以皴笔擦出，加之牛背以淡墨补染表现等，在笔墨情趣共同营造作用下，“利满天下，物无逾者”的老牛形象跃然画面之中，充分体现“气韵生动，形神兼备”的中国传统美学神韵。以及自然环境以皴染笔法的运用，呈现出山水朦胧深远的意境，一个个场景烟波浩渺，水墨淋漓。引入人胜的意境营造，不由使观众陶醉于其中。水墨动画中的笔墨情趣运用与表现，无不使影片充盈着浓郁的情趣色彩，自然也充分再现墨趣的韵味。通过墨趣深化了影片的抒情性，以墨趣再造诗一般的境界。水墨动画始终以情趣为线来贯穿全篇，以笔墨为表现形式，充分实现了本影片的艺术主旨“艺术源于自然，但比自然更美”。¹

二、水墨动画意境之追求

传统水墨画是线条自身及其运动变化的艺术，是充满写意的艺术。强化水墨与自然的和谐统一，表现“神”、“意”、“气”的境界。是“笔墨”、

¹墨趣——中国水墨动画的解读 姚桂萍；-《声屏世界》-2012-12-01

“形神”、“写意”、“虚静”、“意笔”、“气韵”、“胸襟”的统一，由此而构成了中国传统绘画的美学范畴。“意境”自然成为中国传统艺术所追求的最高境界，作为独具民族特色的中国水墨动画，自然要运用动画电影手段营造出了情景交融、意趣幽深的意境。意境的创造最为直接的是画面空间环境的营造，而水墨动画片基本上创作手法都是以山水为描绘对象，宗白华曾论述：“山水成了诗人画家抒写情思的媒介，所以中国画和诗，都爱以山水境界作为表现和咏味的中心。”在中国传统文化中，山代表着高耸挺拔，水代表灵动柔婉，山与水间结合则为天地灵气的汇聚。中国的水墨动画艺术家们在取材选择上，充分考究水墨画的艺术特色，大量地使用了传统古典水墨画中此类古老的意象，使得影片洋溢着古朴内敛的中国诗情画意风格。《小蝌蚪找妈妈》创造灵感来源于齐白石先生的水墨名作《十里蛙声出山泉》演化而来，《牧笛》则是来源李可染先生的水墨名作《牧牛图》的启发，都出身名门，立意而高深。形成对于“竹”、“笛”、“琴”、“鱼”等意象的颇为偏爱，在《小蝌蚪找妈妈》中汲取了齐白石绘画的精华，把充溢灵气的水、虾、鱼，通过看似草草的笔墨勾勒而出，简练而不简单，所描绘形象栩栩如生，跃然纸上。《牧童》则以大的篇幅描绘山、水、竹林、天空，营造出清高、淡泊的韵味。“笛”和“琴”作为水墨的音乐声源，自然屡屡再现，营造出古色古香的优美画境。水墨动画片以极少对白，甚至无的再现，依赖于天籁之音的支撑，造就了无声胜有声、似与非似的审美意境。运用宁静致远的意境宣扬了人与自然合一，再现天人合一的佳构，在诗意画意的情境中，让观者融入了长长的水墨画卷之中，在漫步遨游于古道深幽的山涧与烟波浩渺的水云之间，顿时觉醒幡悟，涌现道法自然之感。¹

水墨动画中线条的浓淡、轻重、虚实变化，绝不是随意之作，每用笔中的落笔、起伏都有很大的讲究，因为这关系着人物的塑造、意境的创造。水墨动画中画面的空间感则凭借一虚、一实、一明、一暗的流动节奏来呈现而出。中国传统绘画历来讲究虚实相生、计白当黑的构图法则。中国传统艺术讲究“于有限中见到无限，无限中回归有限”，其意境表现不是往而不返，而是回旋往复的，是流淌运动中的生动气韵。正如《小蝌蚪找妈妈》中，在空白中填充水草轻柔地浮动，以有限的空白传达无限的画意，诗意般的手法充满了画面，意趣盎然。而《牧笛》中以水墨色彩渲染来展示高山峻岭与千尺飞瀑的宏大气韵，很好表现出借景抒情、情景交融的艺术境界。《山水情》则注重传神的人物造型，老琴师仙风道骨，眉宇间透露出深沉的忧患，让观众久久无法忘怀。人物情绪借笔墨下的山水烘托了气氛，水墨渲染下的山光水色是人物情绪的外

¹论中国水墨动画影片的艺术风格 丁珊珊;-《文艺争鸣》-2007-07-15

化。片中人物的神态、动作、以及音乐都以写意再现。特别是影片的结尾，少年端坐于崖岩边，手抚琴弦，悠长的琴声在山川江河间久久回旋，老琴师在琴声中通过水墨线条浓淡、轻重、虚实变幻，渐行渐远终于云海之中。“天人合一”的高远境界很巧妙地借助于水墨淋漓的画面与优雅的音乐体现了出来。

三、水墨动画之发展

随着计算机技术的突飞猛进，利用计算机及软件制作二维与三维动画的技术日臻完善，世界动画制作格局发生了根本性变化，传统动画制作方式收到了前所未有的冲击与挑战，中国水墨动画在这样的技术格局中的发展停滞不前。究其原因，计算机带来的动画制作技术革新只是其发展受阻的外因，而真正的内因还源于中国传统文脉在当代的延续与发展。许多动画艺术从业者文化根基不深厚，受西方艺术思想和价值理念影响较深，一味模仿和追求西方动画产业发展模式，他们对传承中国传统艺术文化缺乏理解和担当，并没有意识到传统文脉能够在他们手中的发展如火如荼的动画产业中得以传承，使得曾经经典一时的中国水墨动画陷入了发展瓶颈。

因此，中国水墨动画在新的动画时代得到发展，一方面要对传统表现方式和设计理念进行与时俱进的变革，积极吸收新的设计手法、思想、技术，让传统动画形式焕发新的生命力；另一方面也要加强动画从业者的队伍建设，不仅从技术手段进行建设，更要从思想上进行建设，让他们从学习之初就深刻认识到自己手中的画笔和电脑就是革新与发展中国传统动画形式的最佳工具，在漫长的设计道路中以传承中国传统文脉为己任。

相信，在这样的思想和行动上，中国的传统水墨动画将找寻到自己新的发展道路，并焕发出新的生命力活跃于世界动画制作舞台。

参考文献

- 姚桂萍. 墨趣——中国水墨动画的解读[J]. 声屏世界, 2012.
- 王勇. 浅析中国动画中水墨动画的发展及前景[J]. 西北师范大学硕士论文, 2009.
- 丁珊珊. 论中国水墨动画影片的艺术风格[J]. 文艺争鸣, 2007.
- 颜慧、索亚斌. 中国动画电影史[M]. 中国电影出版社, 2005.
- 宗白华. 艺境[M]. 北京大学出版社, 1989
- 刘蕊. 诗情画意, 水墨艺术[J]. 吉林艺术学院学报, 2001, (4)
- 洪明骏. 试论中国水墨画在当代动画创作中的传承和拓展[J]. 大众文艺, 2012

О. А. Шурыгина

Владивостокский филиал Российской таможенной академии
Владивосток

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ В ЯПОНИИ

Аннотация. Рассматривается понятие культурной дипломатии – элемента публичной дипломатии – как одного из основных инструментов государства для повышения привлекательности своей страны на примере Японии. Освещаются основные правительственные программы, призванные усилить влияние Японии на мировой арене с помощью ее культурных ресурсов.

Ключевые слова: культурная дипломатия, публичная дипломатия, внешняя политика, транснациональное сотрудничество.

O. Shurygina

Vladivostok Branch of the Russian Customs Academy
Vladivostok

ON CULTURAL DIPLOMACY IN JAPAN

Abstract. The article deals with the terms «public diplomacy» and «cultural diplomacy» as the main tools of Japan to increase the attractiveness of the country. There are some examples of government programs aimed at strengthening Japan's influence on the global arena with the help of its cultural resources.

Keywords: cultural diplomacy, public diplomacy, foreign policy, transnational cooperation.

В последнее время понятие «культурная дипломатия» приобретает все большее значение, привлекая интерес как ученых, занимающихся международными отношениями, так и политиков. Значение культурной дипломатии находится в рамках более широкой дискуссии о мягкой силе, которая стала одним из наиболее важных сдвигов, произошедших в понимании власти в международных отношениях после окончания холодной войны. С начала 2000-х гг. идея о том, что власть государства должна измеряться не только в материальном плане, но и с точки зрения его способности привлекать и сотрудничать с другими стала одной из самых популярных концепций в академических и политических дискуссиях. Культурная дипломатия обычно рассматривается как один из основных инструментов государства для повышения привлекательности своей страны.

Сегодня некоторые эксперты утверждают, что идеологическая убедительность и культурная привлекательность страны как факторы влияния становятся более важными, чем военная мощь и обладание ядерным оружием [Arase, 2010, с. 8]. Несмотря на то что военные действия все еще происходят в мире, существует вероятность того, что подавляющее большинство стран будут избегать использования таких методов. Военные действия не только приводят к разрушениям, но и связаны с человеческими жертвами, а также потерей имиджа. Вместо этого многие страны ищут те инструменты и подходы, которые будут работать лучше и помогут при-

влечь внимание других стран. Одним из этих инструментов является публичная дипломатия, которая в настоящее время становится все более популярной. Естественно, любое государство стремится продвигать свою культуру и язык за рубежом, пропагандировать свои достижения. Очевидно, что эта форма дипломатии становится весьма эффективным средством для государства по укреплению его положения на международной арене. В последнее время все чаще в официальных документах и научной литературе встречается данный термин, что свидетельствует о растущем интересе к этому инструменту и его элементам.

В современном мире такой широко распространенный инструмент, как публичная дипломатия, по-прежнему остается одним из наиболее дискуссионных и противоречивых в современных социальных науках. В целом публичная дипломатия призвана не только создать положительный имидж или привлечь сторонников из-за рубежа, но и наладить полноценные каналы коммуникации между населением государств с точки зрения религии, культуры и истории. Как отмечает А. В. Долинский, публичная дипломатия сегодня – это междисциплинарное направление, над которым работают дипломаты, журналисты, специалисты в области теории международных отношений, маркетологи, что приводит к широкому разнообразию взглядов и подходов [Долинский, 2011, с. 63]. В связи с этим появляется много новых производных, включая культурную дипломатию [Лебедева, 2017, с.10], и они становятся очень важными в геополитике. В то же время культурная дипломатия рассматривается как более узкое понятие, которое фокусируется на культурных мероприятиях и программах вместе с такими компонентами внешней политики, как публичная дипломатия [Cull, 2008, с. 33; Докучаева, 2016, с. 42].

С точки зрения структуры, как было определено в новаторском исследовании американских ученых и публичных дипломатов, существуют три различных способа публичной дипломатии: монолог, диалог и сотрудничество [Cowan, 2008, с. 11]. Монолог и диалог могут способствовать взаимопониманию и взаимному уважению между народами; однако большинство исследователей уделяют недостаточное внимание другому уровню публичной дипломатии, называемому транснациональным сотрудничеством. Вышеупомянутая теория подчеркивает, что каждый из этих уровней не заменяет, а дополняет друг друга. В то же время другой американский ученый Николас Калл предположил, что концепцию публичной дипломатии можно разделить на пять элементов, таких как слушание, пропаганда, культурная дипломатия, дипломатия обмена и международное вещание [Cull, 2008, с. 32].

Являясь частью публичной дипломатии, культурная дипломатия преследует те же цели, а именно: формирование благоприятного общественного мнения и положительного имиджа страны за рубежом. Более того,

процесс продвижения интересов и ценностей в другой стране осуществляется путем установления прямых [Melissen, 2005, с. 5] и долгосрочных отношений с ее населением посредством программ культурных и академических обменов, грантов и стипендий, тренингов, конференций, а также доступа к информационным каналам [Bound, 2007, с. 24]. Таким образом, культурный контакт может стать эффективным инструментом публичной дипломатии государства и способствовать повышению имиджа страны. Для достижения этих целей используются различные формы взаимодействия. Их можно увидеть посредством навязывания (монолога), поддержания (диалога) и развития международного культурного сотрудничества. Как отмечают исследователи этой теории, все три слоя не могут присутствовать одновременно, и при определенных обстоятельствах каждый тип коммуникации может либо продвигать страну за рубежом, либо, наоборот, подрывать цели и престиж государства [Cowan, 2008, с. 12]. Таким образом, можно утверждать, что применение только одного режима во внешней политике не будет способствовать достижению конкретных результатов в публичной и культурной дипломатии и, следовательно, в продвижении государства.

В наши дни концепция публичной дипломатии не считается новшеством в области международных отношений. Многие страны с различным социально-историческим прошлым, такие как Австралия, Бразилия, Китай, Франция, Германия, Великобритания, Мексика и Новая Зеландия, активно используют публичную дипломатию и ее элементы во внешней политике для достижения собственных интересов. Эта тенденция также прослеживается во многих регионах, все чаще в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и такой фактор делает эту проблему более актуальной как на международном, так и на академическом уровне. Одним из наиболее ярких примеров среди азиатских стран может быть Япония с ее специфическим подходом в проведении внешней политики, который называют мягкой силой. Джозеф Най подчеркивает, что Япония обладает одним из крупнейших ресурсов мягкой силы [Nye, 2004]. Он указывает, что это страна-лидер в мире по количеству зарегистрированных патентов и в оказании помощи зарубежным странам, а также в том, что японцы имеют самую высокую продолжительность жизни. Однако основное влияние Японии исходит от распространения ее культуры и национальных традиций по всему миру.

Привлекательность Японии с помощью ее культурных ресурсов, составляющих ее культурную мягкую силу, стала предметом многих исследований. Обсуждение было многоплановым, начиная от обсуждения японской культуры [Ogawa, 2009] до изучения японских культурных продуктов и программ [Allison, 2008] и оценки культурной дипломатии Японии [Fukushima, 2011; Lam, 2007; Nakamura, 2013]. Что касается политики, Министерство иностранных дел Японии выделило культуру в качестве ключевого аспекта японской дипломатии в своей ежегодной Дипломатической

книге [Diplomatic Bluebook, 2017]. Несмотря на то что существует множество материалов по публичной и культурной дипломатии, связанных с Японией, все еще существует необходимость в более детальном изучении в контексте применения этих двух элементов во внешних делах страны. Это необходимо, так как тема чрезвычайно актуальна на сегодняшний день, и область еще не полностью изучена, несмотря на уже предпринятые попытки ее исследования.

Для Японии акцент на культурной дипломатии не является инновационным инструментом во внешней политике. Наоборот, ее можно считать одним из пионеров культурной дипломатии в современном понимании этого термина. На протяжении всей истории Япония позиционировала себя как наиболее «европейская» из всех азиатских стран со своей гуманитарной политикой [Куланов, 2007, с. 118]. В современной истории отказ от применения силы официальными вооруженными силами и экономическая слабость страны в первые послевоенные годы вынудили японское правительство вспомнить положительный опыт прошлого [Эпова, 2014]. В частности, они сосредоточились на культурной дипломатии, которая помогла восстановить имидж страны и стать образцом экономического развития для других государств. Случай Японии особенно интересен, поскольку эти инновации привлекли особое внимание многих исследователей к инструментам и методам, приписываемым японскими экспертами в области культурной дипломатии.

Тот факт, что Япония во многих отношениях менялась и все еще меняется, вряд ли можно оспорить. Явный экономический гигант, абсолютный мировой лидер в области передовых технологий, автомобилестроения и других областях – таков образ Японии в наше время. В течение длительного времени Япония уделяла особое внимание своему экономическому развитию, что сегодня позволяет ей быть донором и кредитором экономической помощи в азиатском регионе, предоставлять экономические средства, кредиты, гранты и инвестиции другим азиатским странам. Важно отметить, что Япония на регулярной основе осуществляет официальные программы помощи развитию государств Центральной Азии, проекты в области экологии, «зеленых» и энергосберегающих технологий, а также в области сельского хозяйства, образования и здравоохранения. Успех в этой области обеспечил Японии имидж государства, содействующего и развивающего безопасность невоенными методами. Вопросы, связанные с предоставлением официальной помощи в целях развития, координируются Японским агентством международного сотрудничества (JICA), которое работает над сокращением бедности, совершенствованием систем управления, поддержкой безопасности человека и стимулированием образовательных и культурных обменов [Крячкина, 2019; Шурыгина, 2020].

В наши дни Япония пытается взаимодействовать с разными странами и регионами с помощью различных подходов и инструментов. В культурной дипломатии страна делает ставку на аниме и манга, с помощью которых привлекает людей по всему миру.

Япония давно осознала потенциал своей мягкой силы. В 2002 г. даже был введен термин Cool Japan («клевая Япония») как реакция на концепцию Cool Britannia [McGray, 2002]. Этот медиатермин используется многими авторами и даже японской стороной, чтобы описать появление нового, позитивного имиджа Японии. Но за последнее десятилетие Cool Japan широко критиковали как дома, так и за рубежом за то, что она не сумела извлечь выгоду из японского бренда.

Официальные лица Токио обеспокоены тем, что Япония проигрывает своим региональным соседям в информационной войне. Внезапный рост и популярность корейской культуры, поддерживаемые правительством, затмевают роль Японии как гиганта мягкой силы в Восточной Азии. Между тем Китай очень быстро расширяет свою сеть Институтов Конфуция – образовательных центров, расположенных в принимающих университетах, для содействия глобальному распространению китайского языка и культуры.

Страна восходящего солнца, будучи обеспокоенной тем, что подобная ситуация даст Китаю и Корее возможность создать неблагоприятное впечатление о Японии, особенно в отношении территориальных и исторических споров, взяла на себя обязательство укреплять свои усилия в области публичной дипломатии. В 2015 г. Министерство иностранных дел Японии получило крупный денежный транш в размере 500 млн долл., чтобы усилить влияние страны на мировой арене.

В результате в 2017 г. был запущен проект под названием «Японский дом» (Japan House), в рамках которого удалось создать и открыть центры/хабы в Лондоне, Лос-Анджелесе и Сан-Паулу. Хабы должны служить «универсальными магазинами» для посетителей, чтобы они могли познакомиться с различными направлениями японской культуры, регионами, образом жизни, ценностями, промышленностью и другими аспектам и Страны восходящего солнца, что, несомненно, будет способствовать более глубокому пониманию Японии.

Согласно ежегодному отчету о внешней политике Японии [Diplomatic Bluebook] Токио надеется передать правильное понимание о Японии и воспитать сторонников. Но, демонстрируя более напористый подход, «Японские дома» сосредоточиваются исключительно на культуре, а не на региональных спорах, чтобы избежать какой-либо критики их как распространителей пропаганды. Возникает закономерный вопрос об их эффективности. Япония стремится завоевать мировую аудиторию с помощью публичной дипломатии «высокого класса». «Японские дома» уходят от банальных образов традиционной японской культуры и узких представлений о

Японии как о причудливой стране аниме, вместо этого ориентируются на «элитную» аудиторию, состоящую из богатых руководителей бизнеса, городских профессионалов и любителей искусства. Считается, что если эта часть публики сможет стать поклонниками Японии, то они будут содействовать Японии на различных форумах, определяющих повестку дня. Токио делает ставку на устойчивое культурное и политическое влияние этого социально-экономического класса.

«Японские дома» и их локация были тщательно отобраны, чтобы позиционировать Японию как носителя культурного стандарта XXI в. В Лондоне, например, было выбрано здание в стиле ар-деко на престижной Кенсингтон-Хай-стрит недалеко от Музея Виктории и Альберта и Музея дизайна. Мероприятия и выставки, проводимые в рамках этого проекта, направлены на то, чтобы подчеркнуть долгую историю Японии, основанную на региональном мастерстве и изысканном дизайнерском чутье.

Но такая попытка Токио транслировать «правильное» видение Японии определенной аудитории высокого класса идет вразрез с ключевыми тенденциями в публичной дипломатии и управлении учреждениями культуры. Во-первых, потому что произошел серьезный переход от старой публичной дипломатии к новой. Если раньше публичная дипломатия характеризовалась нисходящей однонаправленной передачей идей из дипломатических представительств, то новая представляет собой динамичный и доступный подход, который привлекает множество заинтересованных сторон и побуждает их участвовать в совместном создании общей коммуникации. Возникновение негосударственных субъектов в международных делах и цифровая революция привели к тому, что правительству стало намного сложнее контролировать свои сообщения.

Если XX в. был гонкой по типу «кто первым доберется до вершины», то победителями публичной дипломатии в XXI в. будут те, кто сможет управлять этой сетью из центра. Инициатива «Японский дом» должна быть в меньшей степени сосредоточена на доведении до сведения «эксклюзивной» аудитории лидерских качеств Японии в области культуры и должна делать больше для расширения возможностей и обращения к различным заинтересованным сторонам. В противном случае проект рискует превратиться в анахроничное обращение к прошлому.

В современной японской политике все больше внимания уделяется эффективному использованию мягкой силы на международной арене. Правительство пытается расширить свое сотрудничество с международным сообществом. Так, совместно с США Япония создала Центр программ глобального партнерства, направленный на сотрудничество между Японией и Соединенными Штатами, а также на реализацию общих глобальных обязанностей и улучшение благосостояния в мире. Посредством сотрудничества в рамках этого партнерства оба государства стремятся расширить диалог и обмен между японскими и американскими гражданами и

улучшить двусторонние отношения стран. Кроме того, Япония и Соединенные Штаты разработали общий план действий по сотрудничеству в рамках глобальных совместных проектов, таких как демократизация в Сальвадоре, сохранение коралловых рифов в Тихом океане [Эпова, 2014]. В то же время Япония осознает необходимость сотрудничества со странами Тихоокеанской Азии не только в экономической сфере. В начале XXI в. Япония установила отношения с ключевыми региональными игроками: Китаем, Кореей, Сингапуром и другими странами региона [Куланов, 2007, с. 125]. Например, до пандемии правительство Японии активно работало над привлечением туристов в Японию через соглашения о воздушном сообщении с Камбоджей и Лаосом и способствовало молодежным обменам с помощью таких программ, как JENESYS (Сеть обмена между Японией и Восточной Азией для студентов и молодежи). Страна также сотрудничает с Австралией, Брунеем, Мальдивскими островами, Непалом, Новой Зеландией и Вьетнамом по проектам с широким спектром культурных вопросов. Оказывая помощь развивающимся странам в сохранении и восстановлении культурного наследия, Япония получила глобальное признание своих многочисленных памятников ООН и начала сотрудничать с такой международной организацией, как ЮНЕСКО. Совместно с ЮНЕСКО Япония установила два японских целевых фонда, а также играет ведущую роль в проектах по охране объектов Всемирного культурного наследия, таких как Ангкор в Камбодже, гробницы Касуби в Уганде и реставрации исторических объектов в Непале. Также стоит отметить важную роль Японии в области культурных грантов. Кроме того, такие крупные события, как Олимпийские и Паралимпийские игры 2021 г., несомненно привлекают внимание других стран.

В заключение следует отметить, что культурное присутствие Японии в наши дни трудно не заметить. В развитых странах японское культурное сотрудничество осуществляется посредством международных обменов и спортивных программ. С рядом развивающихся стран Япония сотрудничает, предоставляя финансовую поддержку и различные гранты. Стремясь достичь поставленных целей, Япония действует путем продвижения своих ценностей, создания позитивного имиджа, предоставления финансовой поддержки и образования, а не с помощью принудительного навязчивого сотрудничества. Такой подход становится ее главным преимуществом.

Литература

- Докучаева С. В. Аналитическая модель культурной дипломатии: перспективы уточнения исследовательского инструментария // Управление в современных системах. 2016. № 3 (10). С. 41–48.
- Долинский А. В. Дискурс о публичной дипломатии // Международные процессы. 2011. Т. 9, № 1 (25). С. 63–73.
- Крячкина Ю. А. Мягкая сила во внешней политике Японии: ключевые особенности // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 6 (57). С. 95–107.

Куланов А. Е. Культурная дипломатия Японии // Ежегодник Японии. 2007. № 36. С. 116–131.

Лебедева М. М. Публичная дипломатия: Теория и практика : науч. изд. / под ред. М. М. Лебедевой. М. : Аспект Пресс, 2017. 272 с.

Шурьгина О. А., Калинина В. В. К вопросу о научной дипломатии в Японии // IV Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в контексте трансдисциплинарного знания. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 416–422.

Эпова М. А. Культурная дипломатия Японии // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 2. URL: <https://human.snauka.ru/2014/02/5861> (дата обращения: 27.07.2021).

Allison A. The Attractions of the J-Wave for American Youth // *Soft Power Superpowers: Cultural and national assets of Japan and the United States* / eds.: Y. Watanabe, D. L. McConnell. New York : M. E. Sharpe, 2008. P. 99–110.

Arase D., Akaha T. Japanese Security Policy: from Soft to Hard Power // *The US-Japan Alliance: Balancing soft and hard power in East Asia*. New York : Routledge, 2010. P. 1–80.

Bound K., Briggs R., Holden J., Jones S. *Cultural Diplomacy*. London : Demos, 2007. URL: https://www.demos.co.uk/files/Cultural_diplomacy_-_web.pdf (дата обращения: 20.08.2021).

Cowan G., Arsenault A. Moving from Monologue to Dialogue to Collaboration: The Three Layers of Public Diplomacy // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 616, N 1. 2008. P. 10–30.

Cull N. J. *The Cold War and the United States Information Agency: American propaganda and public diplomacy, 1945–1989*. New York : Cambridge University Press, 2008. 534 p.

Diplomatic Bluebook. Ministry of Foreign Affairs of Japan. 2017. URL: <http://www.mofa.go.jp/files/000290287.pdf> (дата обращения: 20.08.2021).

Fukushima A. *Modern Japan and the Quest for Attractive Power // Public Diplomacy and Soft Power in East Asia* / eds.: S. J. Lee, J. Melissen. New York : Palgrave Macmillan, 2011. P. 65–90.

Lam P. E. Japan's Quest for 'Soft Power': Attraction and Limitation // *East Asia*. 2007. Vol. 24, N 4. P. 349–363.

McGray D. Japan's Gross National Cool // *Foreign Policy*, 2002. N 130. P. 44–54.

Melissen J. *The New Public Diplomacy: Between Theory and Practice // The New Public Diplomacy: Soft Power in International Relations* / ed. J. Melissen. Hampshire : Palgrave Macmillan, New York, 2005. P. 3–27.

Nakamura T. *Japan's New Public Diplomacy: Coolness in Foreign Policy Objectives // Media and Society*. Graduate School of Languages and Cultures, Nagoya University, Japan. 2013. URL: <https://www.lang.nagoya-u.ac.jp/media/public/mediasociety/vol5/> (дата обращения: 20.08.2021).

Nye Jr. *Soft Power. The Means to Success in World Politics*. New York : Public Affairs, 2004. 191 p.

Ogawa T. *Origin and Development of Japan's Public Diplomacy // Routledge Handbook of Public Diplomacy* / ed.: N. Snow, P. M. Taylor. New York : Routledge, 2009. P. 270–281.

РАЗДЕЛ III
ВОПРОСЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
В РУСЛЕ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ
РЕГИОНОЛОГИИ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

УДК 930.85

Н. И. Баранов, Е. Г. Эргардт

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург

ПРАЗДНОВАНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КНР
В СОВЕТСКОЙ ДЕТСКОЙ ПЕРИОДИКЕ

Аннотация. Показывается уникальное событие в истории российско-китайских культурных связей – празднование десятилетия образования КНР в советских детских журналах в 1959 г. Подробно рассматривается номер популярного в СССР ленинградского журнала для детей «Костер», который вышел в октябре 1959 г. и был подготовлен совместно с китайскими друзьями. Анализируются материалы этого номера. Отмечается, что он является уникальным примером комплексного подхода к освящению российско-китайских культурных связей и их отражению в детской периодике.

Ключевые слова: празднование десятилетия образования КНР, советская детская периодика, детский журнал «Костер».

N. Baranov, E. Ergardt

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg

THE CELEBRATION OF THE 10TH ANNIVERSARY OF THE PRC'S FORMATION
IN SOVIET CHILDREN'S PERIODICALS

Abstract. The article discusses in detail a special issue of the children's magazine Koster, which was prepared jointly with Chinese friends and was published in October 1959. The article analyzes the materials of this issue, the conclusion of which suggests that this is a unique approach to the coverage of Russian-Chinese cultural ties in children's periodicals. It is proposed to continue this tradition and to prepare an issue of the magazine Koster together with Chinese children's magazines dedicated to the 75th anniversary of the PRC.

Keywords: celebration the 10th anniversary of the formation of the PRC, soviet children's periodicals, children's magazine Koster.

Культурные связи России и Китая насчитывают не одно столетие. В XVIII в. искусство шинуазри проявилось в архитектуре [Перлин, 2016], в коллекционировании предметов китайского искусства и быта [Перлин,

2014]. Интерес к Китаю отразился и в книгоиздании. «Типографская компания» Н. И. Новикова издала переводы А. Агафонова «Джунгин, или книга о верности» [Агафонов, 1788] и «Краткое хронологическое расписание китайских ханов: из книги Всеобщего зеркала с показанием летоисчислений китайского и римского от начала Китайской империи по 1786 г.», опубликовала в журнале «Трутьень» перевод А. Леонтьева «Чензья, китайского философа совет, данный его государю». Эти издания были адресованы в первую очередь российскому императорскому окружению и были необходимы для нововведений во внутренней политике как положительный пример государственности [Коптилова, 1998]. Идеализированно-экзотический образ Китая, возникший в России в XIX в., под французским влиянием, благодаря деятельности Российской духовной миссии в Пекине, существенно изменился. Огромную роль сыграл глава миссии отец Иакинф (Н. Я. Бичурин) [Хохлов, 2002]: своими переводами китайских сочинений заложил основу страноведения. Развитие культурных связей было предпринято и со стороны Китая. В конце XIX в. Ли Хунчжан [Перлин, 2018] в качестве официального представителя прибыл в Россию. Официальным поводом послужила коронация Николая II. В середине XX в. между СССР и КНР, объявившими коммунистический курс в политике, возникли новые политические и экономические связи, сказавшиеся на культурном обмене между двумя странами. Для регулярного ознакомления народов СССР и Китая с жизнью друг друга издавались массовые периодические издания. С начала 1950-х гг. для советских читателей начали выходить журналы на русском языке «Народный Китай» (СССР, Москва, издательство «ЗиФ») и иллюстрированный журнал «Китай» (КНР, Пекин). В периодической печати КНР также широко освещалась жизнь Советского Союза. С января 1958 г. стал выходить еженедельный журнал «Советско-китайская дружба», и многие китайские газеты давали подробные рецензии на каждый номер журнала. Развитие советско-китайских связей в 1950-е гг. было ярким проявлением дружественных отношений, а десятилетие образования КНР стало одной из главных тем в периодической печати обеих стран. Именно периодические издания, в том числе детские, сыграли особую роль в развитии культурных связей. Всесоюзные детские журналы, издававшиеся в то время при ЦК ВЛКСМ, «Мурзилка» (московский) и «Костер» (ленинградский) также были вовлечены в празднование десятилетия КНР. Однако ленинградский журнал «Костер» выделяется своим целостным и всесторонним подходом.

Журнал «Костер» выпустил целый номер с произведениями китайских писателей, художников и поэтов. Издание отдельного китайского номера, несомненно, важная веха и в истории ежемесячного детского журнала «Костер», и в истории советско-китайских культурных связей. «Костер», отмечающий в 2021 г. 85-летие, – журнал со сложной судьбой [Ба-

ранов, Эргардт, 2016 а, с. 24]. В 1959 г. десятый выпуск журнала к десятилетию КНР существенно отличался своими материалами от «Пионера» и «Мурзилки» и, по сути, стал уникальным явлением, которому, к сожалению, до сих пор не уделено достойного научного внимания. Выпуск № 10 «Костра», по объему и структуре целиком адаптированный под тему десятилетия КНР и дружеских связей с СССР, – единичный случай в детской периодике. Ни один детский журнал СССР не впечатляет таким масштабом сил, привлеченных в номер: авторы и художники обеих стран, корреспонденты ТАСС, редактор китайской газеты. Примечательно, что даже обложка выполнена китайским художником Чен Цзуй-санем. Заметим, что в других всесоюзных детских журналах, превосходивших по тиражу «Костер» (180 тыс. экз.), в «Пионере» (500 тыс. экз.) о десятилетии КНР нет материалов, в «Мурзилке» (1 млн экз.) тема десятилетия КНР поместилась на нескольких разворотах с материалами советских авторов и художников. Казалось бы, по рангу изданий ЦК ВЛКСМ журнал «Костер», появившийся позже московских «Пионера» и «Мурзилки», первые номера которых увидели свет в 1924 г., не мог проявить такую инициативу. Можно лишь догадываться, что такая честь была оказана «Костру» самим ЦК ВЛКСМ как журналу, издаваемому в Ленинграде – «колыбели революции».

В духе периодической печати того времени в открывающем номер приветствии Председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Чжу Дэ выражает уверенность в значимости праздника десятилетия КНР и для всего советского народа: «Советский Союз и Китай – страны-братья, а советские и китайские дети близки, как пальцы одной руки». Довольно странно, что нет обращения ни от руководства СССР, ни от ЦК ВЛКСМ. Это очевидно осознанный подход, потому что автором следующего материала «Десять шагов Великана» о провозглашении Мао Цзэдуном 1 октября 1949 г. Декларации об образовании Китайской Народной Республики выступил не сотрудник редакции журнала «Костер», а переводчик, бывший в 30–40-е гг. специальным корреспондентом ТАСС в Китае, – Владимир Николаевич Рогов (1906–1989), человек, чья биография тесно связана с Китаем. Рогов много сделал как для изучения проблем современного Китая, так и для ознакомления китайской общественности с произведениями русских классиков, в частности, с творческим наследием М. Горького. Благодаря основанию Роговым в Шанхае журнала «Ши Дай» китайцы могли в течение пяти лет знакомиться с произведениями русских писателей. Все вышесказанное вполне объясняет не только живой непартикулярный язык очерка, емко и образно рассказывающий о жизни китайских детей до и после образования республики, но и говорит о значении, которое придавалось качеству детской периодики.

Заметим, что журнал «Костер» во все годы своего существования был примером высокохудожественной литературы, отличался тщательным подбором печатных материалов [Баранов, Эргардт, 2016 а, с. 30; Баранов,

Эргардт, 2016 в, с. 19–21]. Достаточно взглянуть на перечень имен авторов в содержании любого номера. Любопытно, в этом десятом номере 1959 г., единственном в году, как такового раздела «содержание» нет. Определяющим вектором здесь выступает очерк Владимира Рогова. Многое из упомянутого там раскрывается в отдельных материалах номера. «Десять шагов Великана» – так иносказательно автор означил первое десятилетие нового пути, в тексте даются основные вехи достижений КНР для детей.

Художественно адаптированная агитация раскладывается по рубрикам и разделам прозы и поэзии детского журнала. Так, задача о пользе народных коммун находит решение в рассказе «Дождь» Чжан Чжоу, где в живом повествовании выстраиваются новые правила жизни, коммуна становится новой народной мудростью. Чтение сыном учебников вызывает ярость отца: «Я всю жизнь вижу, что люди едят хлеб или рис, а вот ни разу еще не видел, чтобы питались иероглифами!» (с. 6). Здесь заложено начало темы объединения учебы и труда, линейно проходящей через многие материалы и рубрики журнала. Образный строй рассказа призван соединить конкретные идеи с внешними природными явлениями, создать в представлении читателя наглядную картину нового правильного мира. Юным читателям журнала оптимистично-назидательный посыл «Дождя» подается как непреложная истина.

Явлению «Большого скачка» (экономической и политической кампании в Китае с 1958 по 1960 г., направленной на укрепление индустриальной базы и резкого подъема экономики) посвящено много разножанровых материалов.

В традиционном развороте «Наша семилетка 1959–1965» (о семилетке в СССР) помещен материал о «Большом скачке» с доступным объяснением самого термина и того, почему 1958 г. называют «необыкновенным годом, годом чудес», приводятся цифры: сравнительные показатели добычи каменного угля, выплавки стали, указаны цифры предполагаемой добычи и производства в 1959 г. На рисунке видно, что для годовой прибавки добычи 135 млн т каменного угля Китаю потребовался один год, США 14 лет, Англии 37 лет. «Теперь Китай добывает угля больше, чем Англия – самая старая промышленная страна мира» – сравнение с Англией не случайно, ведь цель догнать и перегнать Великобританию по производству стали и других важнейших видов промышленной продукции за пятнадцать лет была выдвинута Мао Цзэдуном на Международном совещании представителей коммунистических рабочих партий в Москве в ноябре 1957 г. в ответ на обещание Н. С. Хрущева «догнать и перегнать Америку». О небывалом подвиге энтузиастов, строящих ирригационные каналы, через образы и сравнения, неожиданные повороты темы говорится: «Каждый день на строительство с кирками, лопатами, тачками выходили сто миллионов человек. Они вынули и переместили пятьдесят восемь миллиардов кубометров грунта. Этой земли достаточно, чтобы соорудить...

триста восемьдесят семь Великих китайских стен. Действительно, “Большой скачок” стал кампанией которой привлекалось практически все население страны, что подтверждает и эпизод из жизни делегации советских кинороботников, когда “веселая спутница” молодая киноактриса Цинь Вэнь сказала: “Сегодня я не могу поехать с вами. Я должна варить сталь”».

В рубрике «У Костра» (существующей и в настоящее время) с традиционным размещением писем от читателей – письма китайских школьников о постройке нового завода – чтобы стать «передовиками труда», о радиокружке, который решено было создать после того, как узнали новость о запущенном в СССР спутнике, – чтобы стать «передовиками науки», о том, как они, школьники, построили завод на школьном дворе.

После образования КНР изучение русского языка приобрело поистине массовый характер [Рябченко, 2010]. Здесь нельзя не упомянуть о материале В. Скоробогатова «О Воле и его друзьях из Китая» (с. 48) – очерке о ученике первого класса Воле Втюрине из Алма-Аты, решившего изучать китайский язык. Сначала с помощью китайского букваря, принесенного дедушкой-путешественником, он учился писать иероглифы, потом решил послать письмо в Пекин (рукопись письма приводится в тексте). Началась переписка, Вова получил посылку от пекинских студентов с новыми учебниками и детскими книжками, значками и пионерским галстуком. Совершенно очевидно, что письма от китайских корреспондентов были на русском языке. Об этом говорит тот факт, что в 1959 г. русский язык изучался почти во всех средних школах Северо-Восточного Китая, граничащего с СССР, а в Пекине в 59 школах. Кроме того, по всей стране создавались вечерние школы и группы. Заметим, что сразу после образования КНР была создана школа русского языка, а в конце 1951 г. образованный Всекитайский комитет по руководству изучения русского языка начал издавать журнал «Русский язык».

О новых преобразованиях говорят запоминающиеся и важные для культурного обмена вещи, такие как появление новых имен: «Кэнь-хуан, что значит «освоение целины» и Чун-чжуан, что значит «колхоз». Эти имена дали детям целинники на северо-востоке Китая, определив их как неотделимую часть нового общества, новой гармонии с окружающей средой. Буквально ниже читаем: «Приходит смерть суховеям! Это потому, что через всю страну протянулась новая Великая стена – Великая Зеленая стена. Эта гигантская лесополоса шириной полтора километра и длиной 1600 километров возведена за годы советской власти». Уже к моменту образования КНР в 1949 г. площадь лесов составляла всего 8 % от территории страны, но затем и эта цифра сократилась – при индустриализации возникла потребность в топливе. Но нам сейчас любопытно следующее: термин «Великая Зеленая стена» появился в журнале 1959 г. Термин записан Дэн Сяопином, великим архитектором китайских экономических реформ, в 1989 г. как название проекта по опустыниванию и защите от песчаных

бурь, действующего до 2050 г. Это название относится к лесозащитным полосам, протянувшимся уже на тысячи километров вдоль трех районов Китая параллельно Великой Китайской стене. А решение по созданию программы лесозащитных полос в северных районах было принято правительством Дэн Сяопина в 1978 г. Хочется отметить, что взятое за единицу измерения самое знаковое историческое сооружение – Великая Китайская стена как в примере с Великой Зеленой стеной, так и вышеописанном примере строительства и ирригационных каналов – говорит о масштабе задуманных преобразований, их стратегической значимости и постоянном обращении к исторической памяти. Это еще одна грань обращения к общей истории, не только для участников описываемых событий, но и как личное открытие для читателя в документальной рубрике «Знаешь ли ты, что...» (с. 55).

Публицистический раздел в журнале традиционно состоял из очерков о научных, производственных достижениях СССР. Номер, посвященный КНР, не стал исключением. В нем увлекательно рассказано о достижениях КНР за десятилетний период и о проектах, реализованных совместно с СССР.

Провозглашение КНР положило начало официальному сотрудничеству между странами. О новом оснащении заводов «в Шанхае и Дальнем», о построении новых судоверфей в Циндао, Тяньцзине, Кантоне рассказывается в очерке «Новые корабли Китая» (с. 29). Заводы названы «школой новой техники». Очерк иллюстрирует большая фотография океанского судна «Мир-28», сходящего со стапелей Дальнинской судоверфи, построенного за три с половиной месяца (для сравнения поясняется, что подобные корабли в Англии строят полгода). В материале упоминаются также построенные суда «Мир-25», «Демократия» и огромный океанский корабль «Скачок» (собранный за небывало короткий срок – пятьдесят восемь дней). «А как же лодки-драконы? Императорская лодка давно сдана в музей», – подводится итог краткого обзора.

Часть публицистического материала традиционно подается через заложенный в журнале С. Я. Маршаком зримый значимый образ [Баранов, Эргардт, 2016b, с. 24–40]. О битве с другим – Черным драконом – говорится в тексте Н. Максимова «Битва с Черным драконом», речь идет о совместных работах по углублению Амура (р. Черного дракона, как его называют китайцы (с. 35)) возле с. Союзного между Хабаровском и Благовещенском. В краткой и доступной для юных читателей форме рассказывается о уникальной технологии углубления. Приводится пример взаимовыручки советских и китайских рабочих и мужества китайского ледокольца Ти Тен-фына так подробно и детально, что возникает ощущение происходящего.

Традиционно журнал размещал материалы о партийных лидерах не только в рамках передовицы, но и в форме адаптированного для детей очерка. Поэтому хочется отметить тексты, посвященные конкретным личностям, оставившим в истории КПК свой след: очерк «Товарищ Цюй Цю-

бо» и отрывок из воспоминаний Тао Чэн. В очерке М. Мамедова «Товарищ Цюй Цю-бо» рассказывается о видном деятеле Коммунистической партии Китая, публицисте, прозаике и литературном критике Цюй Цю-бо (настоящее имя Цюй Шуан) в период посещения им Советского Союза. В достаточно художественной, свободной форме автор рисуется портрет китайского коммуниста, работающего в редакции газеты «Чэньбао» и прибывшего как ее корреспондент в 1920 г. в Москву, «чтобы он познакомился с жизнью молодой советской республики и рассказал о ней китайским читателя» (с. 44). Цю-бо внес значительный вклад в ознакомление китайского народа с русской, а позднее и советской литературой. В его переводах были изданы произведения Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Толстого, Чехова, Горького, Луначарского, Бедного, Гладкова, Павленко и др.

С первых строк автор очерка Мамедов создает атмосферу поздней московской осени (как известно, IV Конгресс Коминтерна проходил в Москве осенью с 5 ноября по 5 декабря 1922 г., в нем Цю-бо принимал участие, о чем далее идет речь в очерке. Однако, забегая вперед, обратим внимание на указание в конце текста на 1920 г. Возможно, автор имел в виду время первого появления Цю-бо в Москве, так как II Конгресс Коминтерна проходил в Петрограде и Москве летом 1920 г.), рисует портрет молодого журналиста, приводит цитаты из заметок Цю-бо: «...Оставим пока в стороне тот факт, что в России нечего есть, нечего надевать... что она живет в голоде и холоде... она ведь, в конце концов, первая в мире страна, совершившая социалистическую революцию...», сравнивая их с оценкой, данной Гербертом Уэллсом. Строки: «... Когда в Андреевском зале Кремлевского дворца выступает Ленин, протиснуться к трибуне невозможно. На стульях и столах – всюду стоят люди, так что яблоку негде упасть. Когда в зале зажигают огни, большая тень Ленина, образуя удивительную картину, падает на плакаты и лозунги... Этот силуэт на кумаче рождает необыкновенные чувства и становится особым символом...» – передают восторженные отношения китайского журналиста. (Вспомним, что Герберт Уэллс в своей книге «Россия во мгле» Ленина называет «кремлевским мечтателем».) Далее в тексте автор разъясняет юному читателю: «Герберт Уэллс смотрел на Москву глазами иностранца-туриста. Цюй Цю-бо – глазами друга. Он видел многое, что ускользнуло от взгляда англичанина, потому что смотрел дальше чем тот».

Любопытен эпизод о золотых часах Цюй Цю-бо. Когда журналист прочитал в газете «призыв, обращенный ко всем гражданам, – сдать золотые вещи, – государство испытывало экономические трудности, не хватало средств на восстановление хозяйства», «не задумываясь, он отнес на приемный пункт единственную свою драгоценность». Закономерен вопрос: откуда у небогатого китайского журналиста такая роскошь? Известно, что Цюй был старшим ребенком Цюй Шивэя, выходца из знатного аристократического рода, к моменту рождения первенца, пришедшего в

упадок. На смену золотым часам Цю-бо подарили другие часы «в строгом стальном корпусе – в знак единения народов России и Китая. Эти часы и сегодня можно видеть в музее истории Китайской революции».

Какой детский журнал без сказки? Традиция детской периодики до «Костра» насчитывает минимум два столетия [Хеллманн, 2016]. В журнале представлена сказка «Царь обезьян», берущая свои истоки из народных легенд, главным героем которой выступает Сунь Укун – царь обезьяньего народа. Сказка прекрасно оформлена И. Харкевичем цветной иллюстрацией на вклейке и перовыми рисунками внутри текста. Полосная иллюстрация занимает левую страницу и вместе с текстовой правой страницей образует раскрытую книжку. На цветном рисунке царь обезьян с оружием спускается с небес к ликующим подданным, а далеко на облаке видны дворцы небесного царства. Представление на страницах журнала любимого героического персонажа естественно вплетается в канву построения номера, имплицитно подкрепляя идею народной борьбы.

Полноценный культурный обмен в детском журнале сложно представить без народной мудрости, предельно сосредоточенной в пословицах. Некоторые китайские пословицы (с. 21, 52) синонимичны русским народным пословицам, например, «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», «Людей больше, решение вернее», «Одной рукой двух лягушек не поймаешь». Территориальные метафорически отличительные особенности читаются в приведенных пословицах: «Не страшен лев, которого не видишь, куда опаснее тигр, который спрятался», «Не убьешь змею сразу, потом расквасишься».

Для читателей страны, занимающей огромное пространство, важной связующей культурного обмена всегда были материалы о спорте. В этом номере границы оказались не просто расширены, но и невольно привязаны к традиционной культуре у-шу. Прочитавший сказку «Царь обезьян» юный читатель наверняка вспомнит, как Укун «повелел всем обезьянам – и старым, и молодым, и маленьким – делать гимнастику у-шу», и найдет здесь объяснение. «У-шу» – «военное искусство», «но это не бой. Это только изображение боя, в котором спортсмены соревнуются не в нанесении ударов, а в красоте движений, изобретательности, памяти».

В «Костре» неизменно были поэтические страницы. Поэзия представлена стихотворениями Лу Цзяна, перевод В. Торопыгина (с. 24–25), Луань Я-пина, перевод А. Андреева (с. 36) и Цзоу Линь-юя, перевод А. Андреева (с. 41), а также стихами китайских школьников. Практически все аспекты жизни находили поэтическое воплощение в форме панегирика (с. 56).

Взаимодействие культур – процесс зримый. В этом убеждаешься в очередной раз, открывая десятый номер «Костра» за 1959 г. Примеры в журнале китайского изобразительного искусства, с которым не был знаком юный советский читатель, наводят на мысль, что в роли поэтов зача-

стую выступали и китайские художники, поскольку в живописном полотне важное место занимала каллиграфия, которая помогала художнику полнее, часто в поэтической форме, выразить свою мысль. Октябрьский номер «Костра» 1959 г. знакомит своего читателя с искусством Китая. В статье Н. Зыкова «Что такое го-хуа» рассказывается о традиционной китайской живописи, обращается внимание на ее сложность и уникальность: «каждый мазок окончательный: больше ничего не изменишь, не поправишь.» Статья сопровождается цветной вклейкой с рисунками известного художника, лауреата Международной премии мира Ци Бай-ши: «Чиновник», «Попугай», «Цветок сливы». Отметим, что все рисунки Ци Бай-ши маркированы печатями (о чем в статье не упоминается), искусство создания которых также было очень важным в Китае: печать указывала на принадлежность какому-либо лицу, их оттиски использовали как авторскую подпись, иногда печати содержали поэтические строки, афоризмы и благопожелания. Высшим мастерством считалось умение совмещать искусство художника, поэта, каллиграфа и резчика печатей. Именно Ци Бай-ши принадлежат слова: «У меня поэзия на первом месте, гравировка в стиле чжуань – на втором, каллиграфия – на третьем, живопись – на четвертом».

Помимо цветных рисунков Ци Бай-ши, в статье даны два рисунка Сюй Бэй-хуна: «Летающий орел» и «Лошади». Как и Ци Бай-ши, художник был подлинным новатором в области «го-хуа», но его новаторские искания были направлены на использование опыта мирового реалистического искусства и внедрение его в национальную культуру. Также Сюй Бэй-хун активно пропагандировал идеи и методы советского искусства. Художник одним из первых познакомил молодых живописцев Китая с приемами масляной живописи, научил рисованию с натуры. Достаточно взглянуть на рисунки, представленные в журнале, чтобы оценить привнесенное: и летающий орел, и пасущиеся лошади расположены не в «приближенной» части пейзажа, они увидены натуралистом и нарисованы глубоко реалистично, а выразительность и легкость линейного штриха «го-хуа» – в движении травы, в силуэтах животных – говорит о принадлежности к традиции, боязни ее нарушить. Автор статьи подчеркивает «метод старый – содержание новое».

Любопытна и цветная вклейка с гравюрами: Цао Син-гао «Кормление уток», Лу Ти «Солнце село за горы» и Хэ «Строим свинарник», где все изображения посвящены детям, занятым какой-либо хозяйственной деятельностью. Первым, кто увидел гравюру как средство просвещения и сплочения был Лу Синь, который вместе с Цюй Цю-бо стремился вывести культуру своей страны из национальной замкнутости и познакомить народ с лучшими достижениями мирового, в особенности советского, искусства. По инициативе Лу Синя мастерство художников-гравюров было возрождено. На собственные средства Лу Синь издавал в Китае альбомы репродукций и сборники советских гравюр.

Нельзя не сказать о роли Советского Союза в становлении нового реалистического искусства КНР. 5 июля 1956 г. в Москве было подписано Соглашение о культурном сотрудничестве, заложившее основы для дальнейшего культурного обмена Китая и СССР. В частности, советские художники способствовали развитию нового для Китая вида искусства – масляной живописи.

Обобщая все вышесказанное, резюмируем: «Костер» № 10 1959 г. явился типичным произведением своего времени, как и другие детские периодические издания, был политизирован и направлен на воспитание юного читателя в духе идеалов коммунистического общества.

Издание отдельного номера, посвященного десятилетию КНР явление уникальное и несомненно является важной вехой не только в истории ежемесячного детского журнала «Костер», но в истории советско-китайских культурных связей. Десятый номер 1959 г. и сегодня во многом представляет интерес, не утратил значения как пример высокого профессионального комплексного подхода в сотрудничестве представителей двух стран на страницах одного выпуска. Журнал «Костер» выходит до сих пор, в КНР также выходят журналы, адресованные детской аудитории. В интересах продолжения культурного обмена было бы важным событием создание совместного номера к 75-летию российско-китайских связей.

Литература

Агафонов А. Джунгин, или книга о верности, переведенная с маньчжурского и китайского языка на Российской государственной коллегии иностранных дел переводчиком Алексеем Агафоновым. В Иркутске 1784 года, при открытии того наместничества. М. : Тип. компания. 1788. 56 с.

Баранов Н. И., Эргардт Е. Г. Костер – журнал из детства. Период альманаха. Приближение первое. Художники // Энциклопедическая практика: материалы и исследования : сб. науч. ст. и док. Вып. 3. СПб. : Скрипториум, 2016а. С. 24–40.

Баранов Н. И., Эргардт Е. Г. Художники детства (к 80-летию литературно-художественного журнала для школьников «Костер») // Энциклопедическая практика: материалы и исследования : сб. науч. ст. и док. Вып. 4. СПб. : Филол. факультет СПбГУ, 2016б. С. 18–36.

Коптилова В. В. Издание китайских произведений представителями российской общечужбинности (конец XVIII – первая половина XIX вв.) // Вестник Омского университета. 1998. Вып. 2. С. 60–64.

Перлин П. В. Первые интерьеры стиля «шинуазри» в России: Лаковый (Китайский, Японский) кабинет Монплезира // Энциклопедическая практика: материалы и исследования : сб. науч. ст. и док. Вып. 3. СПб. : Скрипториум, 2016. С. 101–108.

Перлин П. В. «Китайский домик» в усадьбе Репниных Воронцово // Энциклопедическая практика: Материалы и исследования : сб. науч. ст. и док. СПб. : Филол. факультет СПбГУ, 2014. С. 106–109.

Перлин П. В. Ли Хунчжан и его визит в Россию в 1896 году // Теория и практика регионоведения. Т. 2 : тр. I Междунар. науч.-практ. регион. конф. Санкт-Петербург, 7 дек. 2018 г. / сост. и гл. ред. В. В. Яковлев ; отв. ред. Т. В. Вольская. СПб. : Изд-во РГПУ, 2018. С. 61–92.

Рябченко О. Н. Из истории советско-китайских культурных связей (50-е гг. XX в.) // Россия и АТР. 2010. № 2. С. 134–139.

Хохлов А. Н. Н. Я. Бичурин и его труды о цинском Китае // Н. Я. Бичурин. Статистическое описание Китайской империи. М. : Вост. дом, 2002. С. 5–29.

Хеллманн Б. Сказка и быль. История русской детской литературы. М. : Нов. лит. обозрение, 2016. 560 с.

ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С КНР В ИНТЕРЕСАХ УГЛУБЛЕНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ С ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКОЙ

Аннотация. Анализируется поиск новых инструментов стимулирования роста российско-латиноамериканских связей, одним из которых является трансфер передовых отечественных технологий в страны региона. Отмечается, что участие в этом процессе КНР подкрепило бы его материальную базу.

Ключевые слова: технологии, фонд, инвестиции, цифровизация, инновации.

Ia. Burlaiy

Moscow State Linguistic University, Moscow

COLLABORATION OPPORTUNITIES WITH THE PRC FOR THE ENHANCEMENT OF THE RUSSIAN – LATIN AMERICAN COOPERATION

Abstract. The article is dedicated to the search of new instruments that could stimulate Russian – Latin American relations. The transfer of Russian advanced technologies to the region is one of them. The involvement of the PRC in this process could strengthen its material basis.

Keywords: technologies, fund, investments, digitalization, innovations.

Отношения Российской Федерации с латиноамериканскими государствами в политической области развиваются довольно успешно. В том, что касается большинства актуальных международных проблем, наши позиции совпадают или близки. Благоприятные возможности для дальнейшего расширения взаимопользованных связей открываются благодаря конструктивной деятельности российских и латиноамериканских дипломатов в рамках ООН, Группы 20 и БРИКС.

Однако применительно к материальной сфере сотрудничества такого рода оптимизма не наблюдается. Во внешнеторговом обороте России Латинская Америка занимает последнее место. Мало того, в последние годы объем товарооборота со странами региона уменьшается. Российский экспорт на 80% состоит из удобрений, нефти и нефтепродуктов, железа и стали [Школяр, 2020, с. 7]. Удельный вес в российском экспорте поставок машин и оборудования составляют лишь 1,5 % [Там же].

Причем такая ситуация наблюдается уже в течение последних двадцати лет. Богатый интеллектуальный и экономический потенциал России никоим образом не сказывается на торгово-экономическом сотрудничестве с Латинской Америкой. Думается, что пришла пора дать объективную оценку состоянию российско-латиноамериканских связей на современном этапе и заняться поиском новых путей для стимулирования их качественного изменения на всех направлениях. На наш взгляд, упор при этом необходимо сделать на резком увеличении объема научно-технического со-

трудничества, в том числе с использованием его новых форм и с привлечением иностранных партнеров, имеющих разветвленные деловые связи и контакты в регионе.

Как известно, в некоторых сферах науки Россия занимает лидирующие мировые позиции. В свою очередь, страны Латинской Америки проявляют интерес к использованию в своей экономике созданных у нас передовых технологий. Говоря о продвижении на рынке латиноамериканских государств созданной в России наукоемкой продукции, следует назвать в первую очередь информатику, биотехнологию и робототехнику. По мнению специалистов, большие возможности открываются в сфере цифровизации, основными компонентами которой являются цифровое правительство, интернет-банкинг и электронная торговля [Соглашение между Правительством ...].

Помимо этого, продвижение российской наукоемкой продукции могло бы затронуть следующие традиционные сферы экономики государств региона:

1. Топливо-сырьевой комплекс. Трансфер технологий должен быть направлен на внедрение новых методов разведки запасов сырья, повышение уровня его разработки и создание безопасных систем транспортировки.

2. Энергетика. Особую актуальность приобретает в последнее время создание эффективных энергоустановок, использующих возобновляемые источники энергии. Кроме того, здесь может быть востребован российский опыт создания паросиловых блоков с применением новейших технологий сжигания топлива и парогазовых установок для электростанций на газообразном топливе.

3. Металлургия. Инновационная политика может быть ориентирована на создание сквозных циклов производства, которые обеспечивают максимальное ресурсо- и энергосбережение, а также повышение качества металлопродукции.

4. Химическая промышленность. Технологическое сотрудничество может развиваться в сфере материало- и энергосберегающих технологий, широкого спектра синтетических материалов новых поколений и автоматизированных блочно-модульных систем.

5. Машиностроение. Первостепенное внимание предлагается уделить автоматизации изготовления машиностроительной продукции, механизации и автоматизации сборочных процессов, применению прогрессивных методов высокоточной обработки материалов.

6. Транспорт. Важное значение имеет использование транспортных средств с водородными топливными элементами. Использование водорода в качестве энергоносителя позволяет сократить потребление ископаемого топлива и продвинуться в решении проблемы загрязнения атмосферы вредными для здоровья человека выхлопными газами автомобилей и тепловозов.

7. Агропромышленный комплекс. Здесь применим российский опыт в сфере биотехнологии, борьбы с эрозией почв, производстве современной техники и оборудования для пищевой и перерабатывающей промышленности.

Одним из инструментов для решения практических вопросов расширения сотрудничества мог бы стать совместный трастовый фонд развития науки и технологий, соглашение о создании которого следовало бы подписать правительствам России и стран Латинской Америки. Целями такого фонда были бы «финансирование операций по передаче российских технологий латиноамериканским странам, их практического внедрения и возможной коммерциализации на мировом рынке» [Актуальные вопросы ...].

Важную роль может сыграть и установление связей между технопарками, действующими в России и в государствах субконтинента, например Научного парка Московского государственного энергетического института с Национальной ассоциацией учреждений, поддерживающих инновационную деятельность (Бразилия). Создание совместных с латиноамериканскими компаниями предприятий в сфере высоких технологий служило бы основной формой взаимодействия, обеспечивающей разработку и коммерциализацию инновационных проектов.

В этих целях можно было бы использовать учрежденный в 2019 г. в Москве Международный фонд технологического развития. В соответствии с Соглашением между Правительством Российской Федерации и Международным банком экономического сотрудничества (МБЭС) фонд был создан в целях содействия трансферу передовых технологий, в том числе посредством финансирования проектов по их внедрению [Соглашение между Правительством ...]. Средства фонда могут быть использованы для содействия экспорту стран-членов Банка.

В настоящее время готовится презентация возможностей фонда главам дипломатических миссий стран Латинской Америки в России. На втором этапе речь могла бы идти о переговорах членов наблюдательного совета фонда с руководством секретариата Латиноамериканской ассоциации интеграции и послами стран-членов, аккредитованными при ней в Монтевидео, по вопросам активизации взаимовыгодных научных связей. В перспективе было бы желательно провести в Москве по этой же теме форум «Россия – Латинская Америка» на уровне вице-президентов и вице-премьеров, координирующих международную деятельность с участием министров и государственных секретарей по делам науки и техники.

Как представляется, комплекс такого рода мероприятий явился бы серьезным стимулом для развития научно-технического сотрудничества между заинтересованными сторонами.

Развитие интеграционных связей между Россией и странами Латинской Америки в сфере науки и техники должно осуществляться, без сомнения, в рамках согласованной политики научно-технического сотрудниче-

ства заинтересованных государств. Для этого необходимо будет определить приоритетные направления сотрудничества, выработать единые стандарты и методологию организации научных исследований, исключить дублирование в проведении исследований и разработок.

Сотрудничество должно строиться на долговременной основе и предусматривать конкретные шаги на каждой стадии жизненного цикла научной идеи. Необходимо стремиться привлекать зарубежный венчурный капитал и частных иностранных инвесторов к финансированию практического использования результатов НИОКР.

Для повышения эффективности взаимодействия необходимо создать Центр научно-технического и инновационного сотрудничества России и стран Латинской Америки со штаб-квартирой в одной из столиц государств региона. Центр будет выявлять препятствия для развития партнерства и кооперации в области высоких технологий, наукоемких товаров и подготавливать с учетом зарубежного опыта предложения о совершенствовании соответствующих механизмов.

В России и латиноамериканских странах исторически сложились различные правовые нормы, регулирующие научно-техническую деятельность. Для организации гармоничного сотрудничества необходимо будет внести поправки в законодательные нормы и договорно-правовую базу двусторонних отношений. Потребуется разработка лицензионных и иных соглашений (о коммерческой тайне, использовании товарных знаков и т. д.), в частности, в сфере цифровизации, производства биоматериалов и технологий, которые имеют свою специфику. Необходима разработка предложений по учету и контролю за передачей интеллектуальной собственности гражданского назначения, которая будет создаваться в рамках международных проектов.

Важным направлением деятельности по существенному усилению научно-технического сотрудничества России с Латинской Америкой должно стать привлечение к ней организаций-грантодателей, частных и государственных фондов промышленно развитых стран. Особое место при этом должно занимать, по нашему мнению, взаимодействие с КНР, позиции которой на латиноамериканском рынке в последнее время заметно окрепли. Естественно, участие в таких проектах должно быть коммерчески весьма привлекательно для наших партнеров. В противном случае желаемого эффекта добиться не удастся. Этот вопрос заслуживает обстоятельной проработки на консультациях, которые регулярно проводятся между Латиноамериканским департаментом МИД РФ и партнерским подразделением МИД КНР, с выносом практических рекомендаций на рассмотрение соответствующей Межправительственной российско-китайской комиссии.

Убежден, что немалые усилия, которые предстоит приложить для кардинальной трансформации материальной базы российско-латиноамери-

канских отношений, окупятся сторицей. Важно, чтобы их плоды были реально осязаемы и выгодны для всех участников этого процесса. Опыт российско-китайского взаимодействия в Латинской Америке невелик. Он ограничивается пока лишь совместным участием в реализации проекта ГЭС «Тоачи-Пилатон» в Эквадоре. Уверен, что более активное использование трехсторонних сделок помогло бы осуществить прорыв консолидации материального фундамента отношений России с Латинской Америкой.

Литература

Актуальные вопросы научно-технического и инновационного сотрудничества России и стран Латинской Америки. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/torgovlya-rossii-so-stranami-latinskoj-ameriki-orientiry-na-trete-desyatiletie/> (дата обращения: 29.09.2021).

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Международным банком экономического сотрудничества об учреждении Международного фонда технологического развития. URL: <https://docs.cntd.ru/document/563970624/> (дата обращения: 29.09.2021).

Школяр Н. А. Внешняя торговля России с ЛКА: состояние и перспективы // Латинская Америка. 2020. № 5. С. 6–17.

УДК 808.5

О. Ю. Вербицкая

Иркутский государственный университет, Иркутск

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ГЛОБАЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

Аннотация. Рассматривается влияние особенностей современной коммуникации на формирование глобального мышления. В связи с этим дается характеристика современного информационного ландшафта и анализируется его взаимосвязь с индивидуальным и национально-культурным менталитетом.

Ключевые слова: коммуникация, информационный контент, глобализация, глобальное мышление, национально-культурный менталитет, симплификация.

O. Verbitskaya

Irkutsk State University, Irkutsk

TOWARDS THE QUESTION OF GLOBAL THINKING FORMATION

Abstract. The purpose of this article is to consider the influence of modern communication peculiarities on global thinking formation. In this connection not only the characteristic of contemporary information landscape is given, but its correlation with individual and national cultural mentality as well.

Keywords: communication, information content, globalization, global thinking, national cultural mentality, simplification.

На данный момент несложно увидеть, насколько значимым стало производство, потребление и распространение информационного контента, однако недостаточно изученным представляется то, как коммуникационные технологии влияют на общественное сознание в целом. Очевидно, что

сегодня происходит сдвиг в способах коммуникации: от массовой (которую устанавливали средства массовой информации) к персонифицированной (которую продвигают цифровые платформы). В этом сдвиге контроль над контентом может иметь не такое большое значение, как знание интересов пользователей, их предпочтений и технической инфраструктуры для инициирования вовлечения пользователей в определенные типы контента.

Аудитория во многих случаях становится главным двигателем того, что публикуется. В настоящее время вовлечение аудитории является ключевым маркером информационного авторитета и основной ценностью. В результате происходят изменения не только в типе и диапазоне создаваемого и потребляемого контента, но в формировании особых ценностных установок и, следовательно, особого типа менталитета.

Благодаря технологическим инновациям потребление информации резко меняется. Путь распространения информации становится все более широким. Однако, несмотря на все это изобилие, модели потребления и привычки остаются плохо понятными. Как пишет Джозель Сварт: «Современный информационный ландшафт характеризуется обилием цифровых средств массовой информации и расширенными возможностями для пользователей самостоятельно ориентироваться в новостях. Тем не менее до сих пор неясно, как люди воспринимают эту изменчивую среду, каким образом решают, какие средства массовой информации выбрать, а какие игнорировать» [Swart, 2017]. Для сегодняшних потребителей информация доступна, упрощена и часто бесплатна. Часто она индивидуализирована и персонализирована. Данные свойства информации, безусловно, способствуют формированию личностного менталитета, что находит отражение в национальном сознании и менталитете представителей определенной культуры.

Согласно теории Лесли Уайта, способность придавать символическое значение мыслям, действиям или предметам, а также восприятие символов присуще только человеку [Уайт, 2004, с. 286]. Концепция культуры Лесли Уайта включает три компонента: идеологический, социальный (где рассматривается коллективное поведение и его типы) и технологический (где последнее он считал основанием возникновения и развития культуры). Концепцию культуры Лесли Уайт предлагает изучать посредством трех принципов: исторического (исторический подход затрагивает временные процессы, т. е. последовательности каких-то уникальных событий); функционального (функциональный анализ существует для изучения функциональных и структурных аспектов развития культуры) и эволюционный (т. е. интерпретацию формально-временных процессов, что подразумевает явления, представляющие собой временную последовательность форм).

Следует учесть и тот факт, что цивилизация не может существовать без эффективной коммуникации, потому что трудно представить, как могли бы существовать без них современная коммуникация, международ-

ная торговля или культурный обмен. Очевидно, что мир становится единым целым, «единой сущностью», разделенной, скорее, часовыми поясами, чем естественными географическими границами, и эта «единая сущность» коррелирует с утверждением Маршалла Маклюэна о создании «глобальной деревни» [Архангельская, 2011, с. 54]. Маклюэн полагал, что применение новых средств коммуникации в жизни людей не только принесет изменения в способе общения людей друг с другом, но также воздействует на все сферы человеческой активности. Он полагал, что до изобретения письменности человек жил «в акустическом пространстве, которое имеет основной характер сферы, чей фокус или центр симулирован везде, а граница – нигде» [Там же, 2011, с. 78]. Это пространство «без направления, без горизонта» [Там же, 2011, с. 79]. Маклюэн утверждал, что человек в любой момент коммуникации осознает все свои чувства одновременно. Любая попытка передать этот уникальный опыт от одного человека другому требует как искажения, так и упрощения. Поэтому, когда человек пытается общаться через любую среду, возможность получения и передачи информации с соответствующей точностью зависят от способности среды включать все соответствующие человеческие чувства. Человек отказывается от акустического пространства ради визуального. В результате XXI в. – век информации, мгновенного поиска и тотального вовлечения – это время, характеризующееся тем, что оно обладает средствами стабильности, с одной стороны, далеко превосходящими все, что возможно для визуального или цивилизованного и фрагментированного мира, с другой стороны, ведущими к симплификации человеческого сознания. В данном аспекте прослеживается мысль Маклюэна о том, что новые технологии электронного будущего уносят человечество назад в «пещеры прошлого», где люди поклоняются объектам своих собственных изобретений. По мнению Маклюэна, если люди не понимают природу новых электрических средств массовой информации, они рискуют потерять все традиционные ценности грамотности и цивилизации [Архангельская, 2011, с. 142] в связи с тем, что информация распространяется в «глобальной деревне» с такой скоростью, что каждое человеческое действие или событие будет учитывать фактор тотальной вовлеченности каждого индивида в жизнь и действия всего человечества. В эпоху автоматизации и электричества земной шар становится «сообществом непрерывного общения, единым кампусом, в котором каждый, независимо от возраста, вовлечен в процесс» [Архангельская, 2011, с. 149]. В этой «глобальной деревне», где коммуникация является непрерывной, а участие в человеческом диалоге – частичным, «проблема развития состоит в том, чтобы расширить само сознание» [Архангельская, 2011, с. 163].

Наиболее ярко идеи Маклюэна о «глобальной деревне» можно наблюдать в журналистике. Журналистика не стоит на месте, она менялась и до

появления цифровых платформ, однако цифровые платформы оказали значительное влияние на производство информации, и журналистике не осталось ничего другого, как адаптироваться. Прежде всего, журналисты воспринимают вовлеченность аудитории как основную ценность, имеющую как положительные, так и отрицательные последствия. Одно из последствий заключается в том, что более короткий и эмоциональный контент имеет гораздо большую распространенность. Цифровые платформы также оказали значительное влияние на потребление информации. Потребители все чаще получают доступ к своим новостям через социальные сети. Столкнувшись с беспрецедентным выбором и удобством, сегодняшние потребители привыкли получать информацию «бесплатно», и во многих случаях потребители могут стать частью процесса распределения и производства. Они могут делиться информацией, реагировать и комментировать. Они могут создавать контент. Безусловно, индивидуальные особенности менталитета адресата, так же как и национально-культурные, отражающиеся в языке (в выборе языковых единиц и графических символов), влияют на качество информации. Поскольку выбор языковых средств передачи информации упрощен, а процесс передачи информации происходит мгновенно, можно наблюдать «цепную реакцию» языковой симплификации. Однако воздействие технологий носит комплексный характер. Очевидным является факт, что с фундаментальными, продолжающимися изменениями в информационном ландшафте языковые отличительные особенности становятся размытыми, влияя тем самым на формирование современного типа мышления, глобального мышления и, соответственно, менталитета.

Литература

Архангельская И. Б. Маршалл Маклюэн: Путь к теории медиа. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 384 с.

Уайт Л. Теория эволюции в культурной антропологии. Избранное: Эволюция культуры. М. : РОССПЭН, 2004. 586 с.

Swart J., Peters C., Broersma M. Navigating Cross-Media News Use: Media repertoires and the value of news in everyday life 2017. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/1461670X.2015.1129285> (дата обращения: 20.07.2021).

В. Г. Дацышен

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Красноярск

ВКЛАД РУССКИХ РЕЭМИГРАНТОВ В РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Рассматривается вклад реэмигрантов из Китая в развитие советского китаеведения. Большинство русских реэмигрантов и членов смешанных русско-китайских семей приехали в СССР в первой половине 1950-х гг. на освоение целинных и залежных земель в Сибирь и Северный Казахстан, но вскоре многие из них переселились в города. Показывается, что деятельность их была разносторонней – от работы в научно-исследовательских институтах и заведывания кафедрами до преподавания китайского языка в кружках. Отмечается, что реэмигранты восстановили и создали новые китаеведческие центры по всему Советскому Союзу.

Ключевые слова: реэмиграция из Китая, советское китаеведение.

V. G. Datsyshen

Institute for Demographic Research – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS, Krasnoyarsk

CONTRIBUTION OF RUSSIAN REEMIGRANTS TO THE DEVELOPMENT OF SOVIET CHINESE STUDIES AFTER THE SECOND WORLD WAR

Abstract. The article examines the contribution of reemigrants from China to the development of Soviet Sinology. Most of the Russian reemigrants and members of mixed Russian-Chinese families arrived in the USSR in the first half of the 1950s for the development of virgin lands in Siberia and Northern Kazakhstan, but soon many of them moved to cities. The reemigrants received a higher education in the Soviet Union and filled the community of Soviet Sinologists. Their activities were diverse, from working in research institutes and managing departments, to teaching Chinese in language clubs. The reemigrants restored and established new Sinology centers throughout the Soviet Union, including those in Chita and Novosibirsk.

Keywords: reemigration from China, Soviet Sinology.

Победа Советского Союза во Второй мировой войне подняла престиж страны среди русских эмигрантов во всем мире, а оккупация советскими войсками Северо-Восточного Китая привела к советизации большей части русской эмиграции в регионе. После образования КНР исчезла всякая перспектива сохранения и развития существовавшей уже почти полвека экономически и культурно автономной русской общины. В условиях новых политических, экономических и культурных реалий и под давлением советских и китайских властей подавляющее большинство русских жителей Китая вынуждены были покинуть КНР. Большая часть русских эмигрантов стали реэмигрантами, согласившись добровольно репатрироваться на свою историческую родину. В числе русских репатриантов в Сибирь приехали и члены смешанных русско-китайских семей. Большинство реэмигрантов ехали в СССР на освоение целинных и залежных земель.

Развитие советско-китайских отношений зависело от множества факторов. Но важнейшим из них было состояние Китаеведения в стране. В середине XX в. в Советском Союзе полноценное Китаеведение сохранилось только в Москве и Ленинграде. На просторах огромной страны встречались отдельные Китаисты, работавшие в спецслужбах, либо ссыльные, либо выпускники востоковедных вузов, не нашедшие работу по специальности. Однако соседство с огромным Китаем, активно развивавшееся в 1950-х гг. сотрудничество и не менее активно развивавшиеся в 1960-х гг. противостояние между странами требовали присутствия Китаеведов в разных регионах страны, ускоренного развития советского Китаеведения. Массовая реэмиграция из Китая и потребности развития отношений с Китаем обусловили участие русских реэмигрантов и членов смешанных семей в развитии Китаеведения.

Тема участия реэмигрантов в развитии советского Китаеведения привлекает внимание отечественных историков. Исследователь М. В. Кротова пишет: «Кроме В. С. Таскина из Маньчжурии в СССР в середине 1950-х гг. вернулись известные востоковеды-переводчики: И. Я. Незнайко, С.Н. Усов, И.Г. Баранов, А.И. Галич и др. Многие из вернувшихся в СССР “харбинцев” благодаря знанию восточных языков стали востоковедами и переводчиками. Так, картотека известного Китаеведа и библиографа П. Е. Скачкова под названием “Харбинские Китаисты”, которую он постоянно пополнял, содержит 101 карточку. На многих карточках надписаны адреса харбинцев в СССР в начале 1960-х гг.: В. М. Афонин проживал в Петродворце; И. Г. Баранов, С. С. Большакова, В. А. Жилин, Я. Г. Магафонов, В. Н. Паздников – в Алма-Ате; Т. П. Верижская – в г. Фрунзе; А. И. Галич – в г. Чимкент; Жуковская – в г. Караганда; Л.Г. Зайцева – в Иркутске; А. М. Кайгородов, М. Сорокина – в Москве; Э.К. Каттай – в Риге; В. М. Кузнецов – в Прокопьевске; Н. И. Литвиненко – в Киеве; Т. В. Мыслина (Панова) – в Новосибирске; А. И. Рычков – в Барнауле; С. Н. Усов – в Рязани. Следует добавить, что востоковедов из харбинцев было гораздо больше: В. С. Таскин, Г. В. Мелихов, Л. И. Чугуевский, А. Г. Малявкин, С. В. Неверов, Г. Г. Пермяков, О.П. Фролова и многие другие» [Кротова, 2017, с. 82]. В действительности же реэмигрантов из Китая, оставивших след в истории российского Китаеведения, было еще больше. И деятельность их была разносторонней – от работы в научно-исследовательских институтах и заведывания кафедрами до преподавания китайского языка в домах пионеров и чтения публичных лекций по разным проблемам Китая.

Реэмигранты из Китая в подавляющем большинстве прибыли в сельские районы Сибири и Казахстана на освоение целинных и залежных земель. Но почти сразу же многие переселенцы стали перебираться в города. В докладе начальника Управления КГБ по Курганской области «Об отрицательных проявлениях отдельных реэмигрантов, прибывших из Китай-

ской Народной Республики» от 17 ноября 1955 г. говорилось: «В Курганскую область на освоение целинных земель в 1954–1955 гг. из Китайской Народной Республики прибыло реэмигрантов 565 семей – 2076 человек. С момента прибытия и размещения некоторые из них, в частности инженерно-технические работники, бывшие служащие и в прошлом не занимавшиеся физическим трудом, начали изыскивать возможности переезда на жительство в другие области, главным образом в промышленные города Советского Союза, устанавливая в этих целях письменную связь с проживающими там родственниками и знакомыми. В результате чего, с июля 1954 года по ноябрь 1955 года из сельской местности выбыло реэмигрантов около 35 % на жительство в города: Свердловск, Челябинск, Курган, Казань, Ворошиловград, Ленинград, Ташкент, Алма-Ата и другие» [Земля-кормилица, 2009, с. 102]. Реэмигранты нашли работу по специальности или поступили учиться в вузы. Исследователь Л. П. Черникова пишет: «Со временем все без исключения репатрианты из сельской местности переехали в города Сибири (Новосибирск, Иркутск, Тюмень, Кемерово, Красноярск и др.), а некоторая их часть – и в европейскую часть СССР. Это было связано с тем, что репатрианты были «людьми следующего этапа развития», стремящимися в города, и активными акторами истории» [Черникова, 2021, с. 145]. Успешная карьера реэмигрантов в промышленности, науке и образовании была обусловлена особенностями русской культуры в эмиграции и хорошим образованием, полученным в Харбине.

Многие русские реэмигранты владели китайским языком. И речь идет не только о тех, кто стал известным ученым или преподавателем. Например, в 1958 г. в поселок Козулька Красноярского края переехал Г. Е. Сидоренко, который в поселке Мулинь закончил китайскую школу и владел китайским языком. В 1961 г. в Красноярский край из Муданьцзяна по приглашению реэмигрантов-родственников переехала русско-китайская семья Ван Хайдуна (Михаила). В Красноярск приехала Валентина Васильевна Сун-Казакова, которая работала в агентстве Синьхуа в Пекине. Среди приехавших в другие регионы Восточной и Западной Сибири реэмигрантов также были знатоки китайского языка и культуры. Вообще, несмотря на то что русские эмигранты получали в Китае образование, как правило, на русском языке, во многих учебных заведениях преподавался и китайский язык. Директор Общественной Русской гимназии в Циндао И. А. Дьяков писал в 1934 г.: «Программы русской школы, в частности русской эмигрантской школы в Китае, должны быть построены таким образом, что по окончании ее дети должны знать в совершенстве, кроме русского языка, английский и китайский, что достигается преподаванием некоторых предметов на этих языках, а также соответствующих дисциплин, имеющих практическое значение» [Китайский, 1934, с. 43]. Китайский язык в 1940-х гг. преподавался в Первой Российской гимназии в Тяньцзине.

В числе русских реэмигрантов были профессиональные китаеведы, были вчерашние студенты Харбинского политехнического института, а многие приехали детьми и получили востоковедное образование уже в Москве и Ленинграде.

Крупный советский исследователь-китаевед Всеволод Сергеевич Таскин (1917–1995) изучал китайский язык на восточно-экономическом факультете Юридического факультета в Харбине, работал переводчиком в различных организациях. В 1952 г. он с семьей переехал в СССР, работал на Северном Кавказе и в Подмоскowie, а с 1957 г. был принят на работу в Институт востоковедения.

Георгий Васильевич Мелихов (1930–2019) приехал в СССР в 1955 г., имея за спиной два курса Харбинского политехнического института и опыт преподавательской работы. Известный китаевед В. Ц. Головачев написал о нем: «В январе 1950 г. уехал с группой молодых харбинцев в Пекин, чтобы преподавать русский язык китайским студентам. Наряду с преподаванием, все пять с половиной лет жизни в Пекине Мелихов активно занимался самообразованием, изучал Китай и китайский язык “как вол”, в результате чего стал, по его собственным словам, “наполовину китаеведом”. Работая в Народном университете, Георгий Васильевич постепенно превратился в хорошего преподавателя... Через полтора года Мелихов перешел в Пекинский университет, где продолжил преподавание на факультете русского языка, которым руководил известный китайский русист, профессор Цао Цзин-хуа» [Головачев, 2020, с. 314–315]. После нескольких месяцев жизни в Казахстане Г. В. Мелихов переехал в Москву, где занялся переводами с китайского, а в 1959 г. молодого китаиста пригласили работать в Институт китаеведения АН СССР как специалиста по Китаю и переводчика. Вскоре он поступил в Институт восточных языков при МГУ, который окончил в 1964 г.

Анатолий Макарович Кайгородов (1927–1998) в 1952 г. окончил восточно-экономический факультет Харбинского политеха и в 1954 г. выехал в СССР на освоение целины. В заметке «Памяти земляка-писателя» было отмечено: «С детства Анатолий Макарович проявил способности к иностранным языкам и, еще обучаясь в институте, уже преподавал китайский язык в школе. С окончанием института он в совершенстве владел китайским, японским и монгольским языками...» [Перминов, 1998, с. 7]. Приехав в СССР, вскоре он перебрался в Москву, где работал библиографом Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы, а также занимался переводами с китайского.

Выпускник ХПИ 1950 г. Леонид Иоакимович Чугуевский (1926–2000) после возвращения в СССР поселился в Ленинграде, работал в Ленинградском филиале Института востоковедения АН СССР, где заведовал Архивом востоковедов, изучал документы Дуньхуанского фонда. В 1955 г. переехал в Ленинград после кратковременного пребывания в Челябинской

области воспитанник восточно-экономического факультета Института ориентальных и коммерческих наук в Харбине Владимир Сергеевич Стариков (1919–1987). В 1974 г. он защитил докторскую диссертацию на тему «Современная материальная культура китайцев в Маньчжурии, ее истоки и развитие».

Благодаря реэмигрантам было восстановлено преподавание китайского языка в Ташкенте. На сайте кафедры китайского языка Ташкентского государственного университета востоковедения указывается, что на восстановленном в 1944 г. факультете востоковедения Ташкентского государственного университета: «С 1951 года благодаря старшему преподавателю М. И. Моложатовой впервые начали преподавать китайский язык» [Кафедра китайской филологии].

В воспоминаниях Э. В. Ртвеладзе, учившегося в 1960-х гг. в Ташкентском университете, говорилось, что курс «Археология Китая и Юго-Восточной Азии» читала дочка белоэмигранта Мария Ивановна Моложадова – прекрасный специалист по китайским древностям, которая, окончив университет в Шанхае, работала в антикварных магазинах. В воспоминаниях говорится: «Она великолепно знала китайский язык и письменность и собрала превосходную коллекцию селадона и фарфора эпох Хань, Тан, Цин и Минг. Когда многим эмигрантам разрешили вернуться на родину, Мария Ивановна поселилась в Ташкенте, сумев перевезти часть своей коллекции. Она работала в Музее искусств» [Шахназарова].

Несколько Китаеведов из числа реэмигрантов приехали в Алма-Ату. Воспитанник Владивостокского Восточного института Ипполит Гаврилович Баранов (1886–1972) заведовал кафедрой китайского языка в Харбинском Политехе до 1955 г. В 1958 г. он переехал в Алма-Ату, где преподавал китайский язык аспирантам АН КазССР. В Алма-Ату также переехал воспитанник Харбинского юридического факультета историк-китаевед Анатолий Гаврилович Малявкин (1917–1994). Позднее он перебрался в Новосибирск, в 1970-х гг. преподавал китайский язык в университете и работал в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР.

В 1950-х гг. нигде на востоке России не было китаеведческого образования. Однако развитие советско-китайского сотрудничества привело к росту интереса советской общественности к китайскому языку. Благодаря русским реэмигрантам в СССР появились различные кружки по изучению китайского языка. Наиболее активно это направление развивалось в Иркутске. Профессор Иркутского государственного университета В. Кудрявцев писал в местной газете: «В иркутских вузах успешно работают кружки по изучению китайского языка. Молодежь упорно овладевает разговорным китайским языком и иероглифической письменностью» [Восточно-Сибирская ... , 1959]. Китайский язык в Иркутске преподавали реэмигранты из Китая Е. С. Березовский и К. А. Железняков. В опубликованной

в иркутской газете заметке под названием «Мы будем говорить по-китайски» говорилось: «Однажды наше фабричное радио объявило: на фабрике организуется кружок по изучению китайского языка... Желающих оказалось немало. Из нашего цеха записалось шестнадцать человек... Наши занятия вел преподаватель Е. С. Березовский. Он сумел заинтересовать нас. Мы полюбили новый язык, много занимались и вскоре могли между собой говорить по-китайски» [Советская молодежь, 1959, 14 июня]. Известный новосибирский востоковед С. А. Алкин писал: «Мой доклад я посвящаю памяти Константина Афанасьевича Железнякова, знакомство с которым в 1985 г. определило мой интерес к жизни и трудам наших соотечественников, заложивших основу изучения древнейшей истории Северо-Восточного Китая... После репатриации в Россию он... воспитал много учеников» [Алкин, 1998].

Первым в Сибири центром китаеведческого образования стал Читинский педагогический институт. Ближайшими помощниками основателя кафедры китайского языка А. Ф. Никитина в деле создания этой кафедры были приехавшие из Шанхая семейная пара китаистов Тын – Виктор Алексеевич и Калерия Вениаминовна. В истории университета отмечено: «С 1961 года на кафедре китайского языка работали В. А. Тын и К. В. Тын, вклад которых в преподавание китайского языка в нашем институте трудно переоценить. Будучи носителями языка, супруги Тын преподавали практически все аспекты языка и, кроме того, вели преподавание теоретических дисциплин» [Забайкальский, 1998, с. 73]. Калерия Вениаминовна Тын вскоре возглавила кафедру китайского языка. Ее учебники по китайскому языку для средней школы и методические пособия для учителей выходили в Москве и Чите в течение нескольких десятилетий [Тын, 1972; Тын, 1989].

В конце 1960-х гг. началось формирование первого в Сибири центра университетского китаеведения. Основателем новосибирского китаеведения стала Ольга Павловна Фролова (Черных) (1931–2018), изучавшая китайский язык в Харбинском политехническом институте. Переехав в 1954 г. в СССР, на целину, в 1955 г. она поступила на факультет иностранных языков Новосибирского государственного педагогического института, который успешно окончила в 1960 г. В начале 1968 г. О. П. Фролова устроилась работать на кафедру общего языкознания. В том же году были опубликованы две ее научные статьи по китайскому языкознанию. В начале 1969 г. впервые для студентов гуманитарного факультета был поставлен факультатив китайского языка. В интервью О. П. Фроловой говорится: «Я стала первым преподавателем вначале китайского, а затем и японского языков» [Кавалер, 2010, с. 5]. В 1978 г. О. П. Фролова защитила в Институте востоковедения АН СССР кандидатскую диссертацию по теме «Словообразование в терминологической лексике современного китайского языка».

Известными российскими китаеводами стали многие реэмигранты, приехавшие в СССР в детском возрасте. В 1947 г. с родителями приехал в Советский Союз из Пекина будущий заведующий кафедрой китайской филологии Санкт-Петербургского университета Николай Алексеевич Спешнев (1931–2011). Он родился в Пекине в 1931 г., где и получил среднее образование на английском и китайском языках. Семья Спешневых была размещена в Оренбургской области, но позже переехала в Ленинград, где Н. А. Спешнев закончил Восточный факультет ЛГУ и начал в середине 1950-х гг. преподавать китайский язык в университете. В числе первых новосибирских китаеведов кроме О. П. Фроловой и А. Г. Малявкина была уроженка Харбина Татьяна Ивановна Кашина. В 1963 г. она закончила Восточный факультет ЛГУ и работала в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР, где защитила диссертацию по истории Китая. С 1973 г. Т. И. Кашина работала на кафедре всеобщей истории НГУ по совместительству. Например, в 1977 г. под ее руководством защитили дипломные работы будущие лидеры новосибирского китаеведения С. А. Комиссаров («Вариант мяодигоу культуры яншао») и А. В. Варенов («Культура мацзяо»).

Вклад реэмигрантов из Китая в развитие китаеведения не был ограничен работой реэмигрантов-китаеведов. Многие реэмигранты, занимая высокие посты, способствовали становлению и развитию китаеведческого образования в разных городах России. Известный китаевед Г. В. Мелихов написал о своем друге: «Сергей окончил ХПИ (с дипломом “инженера-механика путей сообщения с правом строительства зданий и сооружений не выше 5 этажей”) и после возвращения в Союз обосновался в Красноярске... Став проректором Красноярского университета... 14 раз побывал в разных городах Китая, в том числе, конечно, и в Харбине. По его инициативе в университете введено изучение китайского и японского языков» [Мелихов, 2003, с. 16].

Таким образом, реэмигранты-китаеведы в 1950-х гг. дополнили научное сообщество в Москве и Ленинграде, значительно усилили советское китаеведение. Кроме того, благодаря выходцам из Китая во второй половине XX в. началось преподавание китайского языка в Ташкенте, Алма-Ате, Иркутске, Новосибирске и других городах Советского Союза. В частности, выходцы из Китая внесли решающий вклад в становление развития китаеведения в Чите, силами реэмигрантов была создана первая в Сибири университетская и академическая школа китаеведения в Новосибирске.

Литература

- Алкин С. В. Материалы к изучению деятельности русских археологов в Маньчжурии // 100-летие города Харбина и КВЖД : материалы конф. Новосибирск 1998. С. 7–12. URL: <http://nature.web.ru:8002/db/msg.html?mid=1187208> (дата обращения: 10.09.2021).
Восточно-Сибирская правда. 1959. 1 окт. С. 2.

Головачев В. Ц. «Конечно, я все же был “другой”». Памяти Китаевода Георгия Васильевича Мелихова (1930–2019) // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 2. С. 313–323.

Забайкальский государственный педагогический университет им. Н. Г. Чернышевского. История и современность. К 60-летию юбилею вуза. 1938–1998. Чита, 1998. С. 73.

Земля-кормилица // Архивы Урала. Ежегодный научно-популярный журнал. № 13. 2009. С. 102.

Кавалер двух орденов // Наука в Сибири. 2010. № 30-31. С. 5.

Кафедра китайской филологии. URL: <https://tsuos.uz/ru/xitoy-filologiyasi-kafedresi/> (дата обращения: 10.09.2021).

Китайский Благовестник. 1934. № 5–6. С. 43.

Кротова М. В. Востоковеды-переводчики на КВЖД // Восток (Oriens). 2017. № 2. С. 72–83.

Мелихов Г. В. Белый Харбин середина 20-х. М. : Русский путь, 2003.

На сопках Маньчжурии. № 81. декабрь 2000. Новосибирск, 2000. С. 7.

Перминов В. Анатолий Макарович Кайгородов // На сопках Маньчжурии. № 55. 1998. Июль. С. 7.

Советская молодежь. 1959. 14 июня.

Тын К. В. Учебное пособие по китайскому языку. 2-й класс. (Макет) Чита : Читинский государственный педагогический институт, 1972.

Тын К. В. Учебник китайского языка. Для 2-го класса школ с углубленным изучением китайского языка. Второй год обучения. 2-е изд. М. : Просвещение, 1989. 160 с.

Черникова Л. П. Репатрианты из Китая: размещение в советских сибирских городах и селениях и проблемы адаптации // Сибирь в фокусе исторических, востоковедных и правовых исследований : материалы первой Всерос. науч. конф., посвящ. памяти Александра Владимировича Старцева. Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2021. С. 137–145.

Шахназарова Л. Эдвард Васильевич Ртвеладзе о Михаиле Евгеньевиче Массоне. URL: <https://mytashkent.uz/2019/07/22/rtveladze-masson/> (дата обращения: 10.09.2021).

П. П. Дерюгин

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет, Санкт-Петербург

Е. В. Кремнёв

Иркутский государственный университет, Иркутск

О. В. Ярмак

Севастопольский государственный университет, Севастополь

Е. А. Камышина

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
Санкт-Петербург

Юй Ян

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

ТРАНСРЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: СТРАТЕГИЯ ДИАГНОСТИКИ И УПРАВЛЕНИЕ (ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РОССИЙСКИХ, КИТАЙСКИХ И ЕВРОПЕЙСКИХ КОРПОРАЦИЙ)¹

Аннотация. Раскрываются подходы к диагностике единства деловых и личных (человеческих) качеств сотрудников корпораций как индикатора успешности формирования человеческого капитала в условиях национальных корпораций. На основе анализа концептуальных идей Г. Зиммеля, посвященных исследованиям двойственной природы результата труда – материального и идеального, разработана и сконструирована сетевая методика диагностики, позволяющая оценивать единство деловых и личных (человеческих) качеств сотрудников корпораций. Показана стратегия диагностики единства деловых и личных качеств. Представлен вариант социологической диагностики единства деловых и личных качеств-ценностей как основы анализа человеческого капитала. Сделаны выводы о перспективности представленного подходов к анализу процесса формирования человеческого капитала в рамках единой диагностической процедуры. Проведен сравнительный анализ единства деловых и личных (человеческих) качеств в российских, китайских и европейских корпорациях.

Ключевые слова: человеческий капитал, ценности, стратегии диагностики, национальные особенности человеческого капитала.

P. P. Deryugin

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg State
Electrotechnical University, St. Petersburg

E. V. Kremnyov

Irkutsk State University, Irkutsk

O. V. Yarmak

Sevastopol State University, Sevastopol

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07443/19 «Научно-образовательные центры как фактор формирования человеческого капитала России: формат создания научно-образовательных центров мирового уровня согласно Указа Президента «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»

TRANS-REGIONAL RESEARCH OF HUMAN CAPITAL: DIAGNOSTIC STRATEGY AND MANAGEMENT (EXPERIENCE OF EMPIRICAL RESEARCH OF RUSSIAN, CHINESE AND EUROPEAN CORPORATIONS)

Abstract. The study was supported by the RFFR in the framework of the scientific project No. 19-29-07443 / 19 "Scientific and educational centers as a factor in the formation of human capital in Russia: the format for creating world-class scientific and educational centers according to the Presidential Decree "On National Goals and Strategic Tasks of the Development of the Russian Federation for the period until 2024""

The article reveals approaches to the diagnosis of the unity of business and personal (human) qualities of corporate employees as an indicator of the success of the formation of human capital in the conditions of national corporations. Based on the analysis of G. Simmel's conceptual ideas devoted to the research of the dual nature of the result of labor – material and ideal, a network diagnostic method has been developed and constructed that allows evaluating the unity of business and personal (human) qualities of corporate employees. The strategy of diagnosing the unity of business and personal qualities is shown. A variant of the sociological diagnosis of the unity of business and personal qualities-values as the basis for the analysis of human capital is presented. Conclusions are drawn about the prospects of the presented approaches to the analysis of the process of human capital formation within the framework of a single diagnostic procedure. A comparative analysis of the unity of business and personal (human) qualities in Russian, Chinese and European corporations is carried out.

Keywords: human capital, values, diagnostic strategies, national characteristics of human capital.

Актуальность. История массового движения российских корпораций насчитывает немногим более 30 лет. К настоящему периоду в России действует около 4 млн корпоративных экономических организаций, в которых работает около 44 млн россиян. Это немногим более половины всего трудоспособного населения страны, подчеркнем, самой активной и действующей его части. Поэтому роль и влияние корпораций на формирование личного человеческого капитала сотрудников и в целом на социальную ситуацию в России трудно переоценить: корпорации – признанные локомотивы рыночного общества. В то же время многие исследователи и практики считают, что проблематика человеческого капитала – это «заезженная» и «избитая» тема. Однако, на самом деле, настоящий вопрос никогда не может быть освещен в научном плане «навсегда», сущность и содержание человеческого капитала меняется вместе с изменяющейся социальной-экономической ситуацией в стране, регионе. Поэтому проблема остается актуальной и требует постоянной систематизации новых данных и постоянного выхода на новые горизонты исследования. В частности, важно погружение в глубокий научный анализ ценностей, которые направляют и формируют стратегический курс реализации потенциалов человеческого капитала, в чем и заключается научная актуальность настоящего исследования.

Проблемность. Еще недавно, в 1990-е гг., призывы и аналитические обоснования важности копирования преимущественно американского и

европейского подходов к формированию человеческого капитала корпоративных организаций звучали повсеместно. Основным социальным актором формирования человеческого капитала были многочисленные совместные предприятия, где, как казалось, россияне непосредственно смогут осваивать азы и принципы рыночного труда. Престижной для российской молодежи считалась работа в совместных предприятиях, где научению «корпоративному имиджу», «корпоративному гимну», «дресс-коду» уделялось немало непривычного, но привлекающего внимания. Ведущие позиции в поставке прямых инвестиций и создании совместных предприятий в России занимали США (около 14 %) и Германия (около 12 %). Довольно высокую активность проявляли Китай (5,1 %) и Япония (3,3 %), в которых трудились тысячи россиян. Помимо непосредственного участия россиян в деятельности корпоративных организаций и освоении новой корпоративной культуры, предпринимались активные меры по формированию класса менеджеров, которому предписывалось осуществление скорой «менеджерской революции» по возвращению нового человеческого капитала. Это считалось важным путем решения проблемы приобретения нового знания как базового компонента человеческого капитала в условиях рынка. Напомним, что в 90-е гг. конкурс на обучение менеджменту был высоким, он доходил до 25 и более человек на место в некоторых вузах. Этому же должна была поспособствовать Болонская система обучения. Как подчеркивалось в ряде исследований, Болонская система позволяла «разрушить местечковые штампы и стереотипы» советской системы образования, часто прикрываемые рассуждениями о «национальной российской самобытности», позволяла российской системе образования «выйти из национальной заводи» на просторы конкуренции в образовании, что само по себе формировало новые знания, которые влекли за собой появление человеческого капитала с рыночными признаками. Seriously обсуждалась идея о создании электронных распределенных университетов, объединяющих учебные структуры различных стран, где в он-лайн режиме планировалось готовить управленцев.

Сейчас наступили другие времена. Совместные предприятия сворачивают свою деятельность в России, и этот процесс начался еще до кризиса 2008 г. Так, за 2008–2009 гг. из РФ ушли 34 торговых бренда. За 2014–2015 гг. – еще 60 компаний и известных брендов прекратили свою деятельность. В аналитическом докладе журнала Retail.ru «Кто ушел и кто пришел в 2020 г. на российский рынок?» В. Миронова показывает типичную ситуацию, когда в 2014 г. на российском рынке было зарегистрировано 6 тыс. компаний с немецким участием, а сейчас их остается 4661, т. е. число немецких компаний уменьшилось более чем на тысячу. В частности, из России ушла General Motors, закрыв здесь производство автомобилей марки Chevrolet и Opel [Миронова]. Причинами такой ситуации выступает

множество факторов, включая кризисы и санкции. В том числе это происходит по причинам социального порядка – проблемам восприятия/невосприятия новых ценностей, тех ценностей, на основании которых формируется новый человеческий капитал в рамках корпоративных организаций. Построению методик исследования человеческого капитала уделяется немало внимания в самых различных областях науки [Кузьменко, 2015; Коротков, Онишко, Редченко, 2010; Современные подходы ... , 2015; Хромцова, Бураншина, 2011]. Результаты прошедшего периода требуют новых подходов к анализу проблемы «портирования – внедрения» ценностей корпоративной культуры в массовое сознание россиян с позиций глубокого социального осмысления, прежде всего, с позиций ценностного восприятия новых подходов к пониманию человеческого капитала. Проведение такого анализа составляет **цель нашего исследования**.

Гипотеза исследования заключалась в проверке предположения о том, что в российских корпоративных организациях единство ценностей делового порядка и ценностей личного (человеческого) порядка окажется ниже, чем в европейских и китайских корпоративных организациях. Такой разрыв, в свою очередь, является свидетельством конфликта ценностей делового и личного (человеческого) порядка. Самой высокой связью будет характеризоваться единство ценностей делового и личного порядка у сотрудников китайских корпораций.

Материалы и методы

Теоретико-методологическую основу исследования составил мультипарадигмальный подход, включающий:

- возможность показать ценности в структурах иерархий и упорядоченности (позитивизм П. Бурдьё, К. Тейлора, Х. Бергсона, С. Люка, М. Дугласа, Х. Ньютона, Р. Белла, Д. Блура и Р. Коллинза);

- возможность рассмотреть ценности как установки личности, соответствующие развитию социальной системы и изменяющиеся вместе с ней (понимающая социология М. Вебера, Л. фон Мизеса, Г. Лукача, Т. Адорно, Дж. Хабермаса, К. Касториадиса, Л. Лахманна, К. Поланьи);

- идеи культурологического подхода, позволяющего рассматривать ценности различных социальных групп и людей различных социальных статусов и ролей (П. Сорокин, В. Джеффрис, Н. Д. Кондратьева и Н. Н. Моисеева);

- положения теорий, показывающих различные по виду и типам ценности (М. Рокич, Н. Смелзер, М. Грановеттер);

- возможности сравнения ценностей социальных групп, разделенных как в пространстве, так и во времени (Н. И. Лапин).

Центральное место в методологии исследования занимает теоретическая концепция Г. Зиммеля во взглядах на ценности как на ориентирующее, побуждающее и мотивирующее начало проявления любых форм от-

ношений личности и окружающей среды, включая знания, навыки и умения – основы человеческого капитала. Наиболее важные идеи концепции Зиммеля, которые раскрывают единство ценностей-целей и ценностей-средств трудовой деятельности, могут быть сведены к следующим положениям [Зиммель, 1996]:

– *понимание ценности и их значения для жизни человека.* Ценностью может быть что угодно: материальные и духовные феномены, цель, средство, результат деятельности и пр. Это «что-то» привлекает интерес, побуждает волю к действию, то, что оценено в опыте человека как принятое и как значимое, важное, ориентирующее деятельность и определяющее выбор в ситуации альтернативы. Это базовое фундаментальное отношение, предопределяющее любые другие отношения и действия, включая направленность знаний, навыков и умений, важных для реализации выбора;

– *идеальные ценности человека выстроены в иную иерархию чувств и стремлений, нежели те реалии вещей, на которые они направлены и которые есть в материальном мире.* Двойственность мира ценностей и мира вещей объединяется через продукты труда, которые «служат мостом из мира действительности в мир ценностей» [Зиммель, 1996, с. 466]. Таким образом, с точки зрения Зиммеля, мир вещей есть мир реализованных ценностей, а единственным носителем ценностей человека выступают материальные и духовные результаты труда;

– *растущее массовое производство отрывает ценности производителя от произведенного продукта, производство становится обезличенным, а главным фактором производства становится массовость, требующая профессионализации и способности производить все больше и больше.* На определенном этапе разделения труда (массовое производство, индустриализация, капитализм) мир произведенных вещей перестает отражать субъективный мир ценностей производителя;

– *массовое производство окончательно разрывает связи между субъектом и объектом труда, отчуждает ценности производителя от средств и результатов его труда.* Это сказывается на всей системе межличностных отношений человека. Как отмечает А. И. Кравченко: «В этой онтологии сфера человеческого «Я» и личной свободы ограничивается, а сфера объективированных вещей расширяется. И, хотя Зиммель говорит, что с ростом отчуждения индивидуальная свобода увеличивается, но это уже иная свобода – не персонализированная, анонимная. Это свобода одинокого человека в толпе, который свободен потому, что ни с кем не связан родственно-личными, доверительными отношениями, ни от кого не зависит. Это свобода в отчуждении, свобода как прямое следствие замены личных отношений денежными» [Кравченко, 2020, с. 55]. Это ситуация, в которой то, что создает капиталы, и то, что человек считает человечески важным, отторгается, отчуждается и теряет ценностный смысл.

Здесь очевидны различия в понимании сущности категории «человеческий капитал» исследователями различных научных дисциплин. Если для экономической науки это совокупность любых потенциалов человека (знаний, навыков и т. п., главное назначение которых производить, приносить прибыли, увеличивать ренту, то для социологов человеческий капитал это только часть многочисленных характеристик личности, интегрированных в единую систему личностных характеристик. Любые элементы человеческого капитала следует рассматривать во взаимосвязи со множеством других характеристик личности как части этой системы.

Методика эмпирического исследования выстраивалась на выявлении связей ценности деловых качеств личности и ценности человеческих качеств в характеристике окружающих людей, т. е. выполнение респондентами процедуры опроса позволяло выявить степень связи в характеристиках других людей между деловыми и личными качествами. К деловым качествам отнесены прагматичность, лидерство, властность, расчетливость, целеустремленность, преуспевание, прагматичность. К личным (человеческим) качествам – скромность, открытость, терпимость, адекватность, свободолюбие, правдивость. Более подробно методика исследования описана в [Ценности и человеческий ... , 2020].

Объект исследования составляли сотрудники корпораций, которые представлены странами Россия, Китай и Испания. Технологическая часть методики осуществлялась как интернет-опрос. Предмет исследования – ценности сотрудников. Сотрудники корпораций были подобраны случайным образом по принципу доступных случаев. Опросы проводились в мае 2021 г. Общее число респондентов составило 634 человека, примерно поровну из каждой страны. Итоговый результат обобщен в виде таблиц и сетевых диаграмм на базе программного обеспечения Ucinet. Визуализация данных проведена с помощью Netdraw, а также в результате разработки специальной программы, созданной студентами Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета им. В. И. Ульянова (Ленина). Ограничение исследования состоит в небольшой выборке, а также некоторых трудностях и несовпадениях перевода, что снижает достоверность полученных данных.

Результаты и обсуждение

Итоговые сетевые графики представлены на рис. 1–3. Сплошными линиями показаны положительные связи между индикаторами, пунктирными – отрицательные. Толщина линий говорит о силе связей – чем толще линия, тем связь значимее.

Первый результат. Наибольшее единство ценностей зафиксировано в китайских корпорациях. Восточно-азиатское восприятие ценностей во многих отношениях напоминает отношения семьи, а между деловыми и человеческими ценностями выявлено высокое групповое единство, гармо-

ния и лояльность. Это означает, что в представлениях сотрудников китайских корпораций быть «деловым» означает одновременно быть «хорошим человеком», и наоборот. Здесь ценности делового порядка не противопоставлены ценностям человеческим. Преуспевание, прагматичность и лидерство являются ведущими деловыми ценностями и высоко оцениваются в системе связей с другими качествами. В китайских корпорациях ценность властности среди деловых качеств играет системообразующую роль [Кремнёв, 2020].

Второй результат. В представлениях сотрудников испанских корпораций положительный эталон личных (человеческих) качеств конструируется четче и весомее, чем эталон деловых качеств. При этом связи между группами этих качеств менее неустойчивые и более противоречивые, чем это было зафиксировано в китайских корпорациях. Например, качества скромности и властности оказались взаимоисключающими друг друга. Не стыкуются с представлениями о деловых качествах такие характеристики личности, как скромность, открытость и свободолюбие.

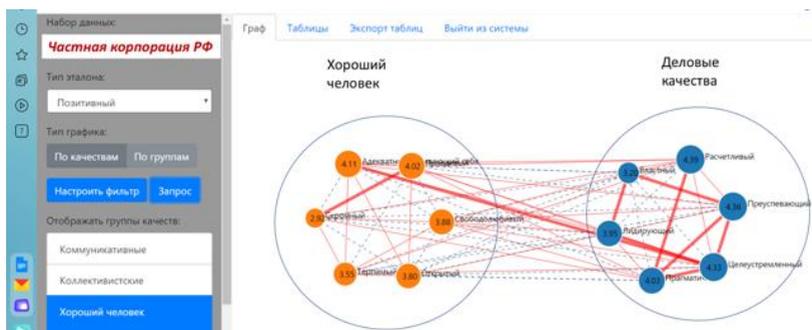

Рис. 1. Сетевые связи ценностей среди сотрудников российских корпораций

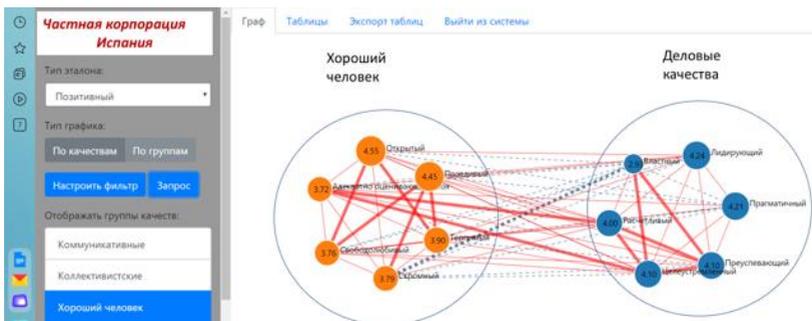

Рис. 2. Сетевые связи ценностей среди сотрудников испанских корпораций

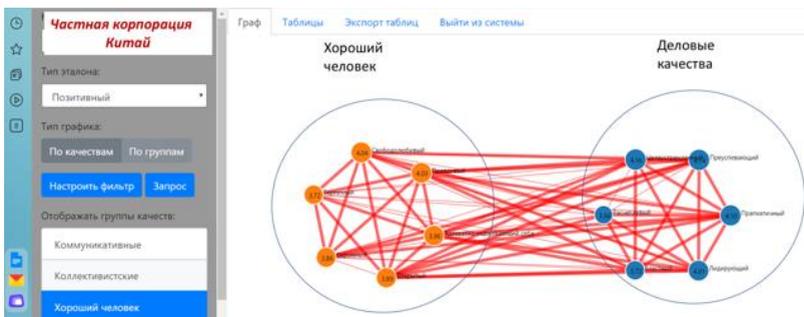

Рис. 3. Сетевые связи ценностей среди сотрудников китайских корпораций

Третий результат. В системе ценностей сотрудников российских корпораций представления о качествах хорошего человека оказались самыми размытыми, в подсистеме человеческих качеств здесь выявлена всего одна сильная положительная связь. Эталон делового человека, напротив, оказался более четко сформирован. Связи между ценностями делового и личного порядка оказались слабыми, неустойчивыми. Это говорит о том, что в российских корпорациях идет сложный и во многом противоречивый процесс освоения рыночных ценностей.

Таким образом, в отношении значимых сетевых связей было зафиксировано, что намного больше значимых связей между деловыми и личными ценностями складывается в представлениях сотрудников в корпорациях КНР. Полученные результаты позволяют прийти к эмпирическому выводу о том, что сплоченность сотрудников в китайских корпорациях выше, чем в европейских и российских корпорациях. Тем самым гипотеза нашего исследования нашла подтверждение.

Заключение

Подводя итоги следует сказать, что в корпорациях России, Китая и Испании складывается значительное своеобразие в понимании деловых качеств, обеспечивающих фактическую реализацию человеческого капитала. Противоречия, связанные с пониманием роли и смысла человека и его деловых качеств, по-разному решаются в рамках национальных культур. Хорошо известно, что этот факт представляет собой серьезную трудность, с которой сталкиваются представители разных стран в рамках единых (глобальных) корпораций. Тем более безнадежны замыслы быстрого освоения принципов и ценностей корпоративной культуры – новой формы организации трудовой деятельности для россиян в условиях частных организаций.

Вектор возможностей «напрямую» портировать – переносить – стратегии и социодинамику развития организационной культуры между и внутри глобальных корпораций, действующих в России, Китае и Европе, начинает вызывать неопределенность и крушение перспектив достижения

быстрого ценностного единства. Мир рыночной экономики лишает сотрудников корпораций знакомых ценностей, а сами ценности становятся текучими, неустойчивыми, изменяя границы идентичности и нормативного порядка. Поэтому еще недавно «универсальные» ценности западной, как и ценности восточной корпоративной культуры «со своим лицом», все чаще остаются непонятыми в социальном пространстве россиян как сотрудников корпораций, так и людей за пределами корпораций. Не учитывать существенную «эволюционность» в формировании ценностей в корпоративных организациях нельзя.

Научная новизна исследования заключалась в систематизации теоретических подходов социологии к изучению ценностей сотрудников корпораций РФ, Европы и КНР; в определении основных ценностных сходств и различий среди сотрудников корпораций различных стран; в концептуализации ключевых ценностей сотрудников корпораций, использованных в эмпирической методике; в разработке теоретико-методологических положений методики сетевой диагностики ценностей сотрудников. **Практическая значимость исследования выразилась** в трех моментах. Во-первых, была разработана процедура, которую можно использовать для мониторинга текущего состояния ценностей сотрудников корпоративной организации. Во-вторых, информация о ценностях современных сотрудников может использоваться, с одной стороны, органами трудовых учреждений при разработке программ трудовой деятельности. С другой стороны, полученные данные важны для потенциальных работодателей при формировании стратегий кадрового набора персонала. В-третьих, разработанный инструментарий может быть предложен для дальнейшего изучения ценностей в корпорациях, а также в рамках преподавания курсов организационной культуры и человеческого капитала.

Литература

- Бураншина Н. А. Человеческий капитал в современных междисциплинарных исследованиях // КЭ. 2011. № 10.
- Зиммель Г. Философия труда. Избранное. Т. 2. М., 1996. С. 466.
- Коротков А. В., Онишко Е. В., Редченко А. И. Индикативный анализ в исследованиях человеческого капитала // Вестник МГИМО. 2010. № 6.
- Кравченко А. И. Социофилософская концепция труда Георга Зиммеля // Sciences of Europe. 2017. № 14-2 (14).
- Кремнёв Е. В. Властно-управленческие концепции китайской марксистской социологии начала XX века: традиции и революция // Социологические исследования. 2020. № 5. С. 102–112.
- Кузьменко Ю. В. Эволюция взглядов на понятие «Человеческий капитал» в научных исследованиях // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2015. № 2.
- Миронова В. Кто ушел и кто пришел в 2020 году на российский рынок? URL: <https://www.retail.ru/articles/kto-ushel-i-kto-prishel-v-2020-godu-na-rossiyskiy-rynok/>
- Современные подходы к исследованию человеческого капитала // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2015. № 19.
- Хромцова К. И. Исследование человеческого капитала: комплексный подход // Актуальные вопросы экономических наук. 2011. № 20.
- Ценности и человеческий капитал сотрудников корпорации: опыт сетевой диагностики / П. П. Дерюгин, Л. А. Лебединцева, О. В. Ярмак, Р. А. Травин // Научный результат. Социология и управление. 2020. № 4. С. 10–25.

С. О. Иванова, И. В. Шалина

Иркутский государственный университет, Иркутск

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА НА ТРАДИЦИИ ЯПОНИИ

Аннотация. Анализируются японские традиции, а также изменения в них, связанные с распространением в стране новой коронавирусной инфекции. Показывается, что появление в мире нового вируса не могло не повлиять на различные сферы нашей жизни, однако традиционность Японии остается незыблемой. На примере традиций рассматриваются некоторые методы их адаптации к текущему положению. В качестве примера взяты традиции празднования Нового года, любования цветами и церемония поступления на работу.

Ключевые слова: Япония, традиция, COVID-19, японское общество.

S. Ivanova, I. Shalina

Irkutsk State University, Irkutsk

THE CORONAVIRUS PANDEMIC INFLUENCE ON JAPANESE TRADITION

Abstract. This article focuses on Japanese traditions, as well as changes in them associated with the spread of a new coronavirus infection in the country. The emergence of a new virus in the world could not but affect various areas of our life. However, the traditionalism of Japan remains unshakable. On the example of traditions, some methods of their adaptation to the current situation are considered. As an example, the traditions of celebrating the New Year, admiring flowers and the ceremony of starting a job are taken.

Keywords: Japan, tradition, COVID-19, Japanese society.

Изучение культур стран Дальнего Востока – актуальная проблематика [Кобжицкая, 2007; Кузнецова, 2017], интерес к которой только повышается в наблюдении за их трансформациями в условиях пандемии. Культура Японии издавна вызывала интерес как у исследователей, так и у людей, не имеющих отношения к японоведению. Особое внимание привлекают уникальные традиции страны, имеющие долгую историю и являющиеся мостом между прошлым и настоящим. Современные японцы продолжают бережно относиться к культурному наследию, во многом влияющему на современный уклад жизни.

На протяжении долгих лет Япония сталкивалась с многочисленными испытаниями и вызовами, что отразилось в ее культуре, политике, научной сфере [Кремнёв, 2020]. Все это способствовало появлению и осмыслению новых традиций, а также трансформации уже существующих.

В последние годы одним из сложнейших испытаний для японского общества стала пандемия новой коронавирусной инфекции. Пандемия COVID-19 затронула все отрасли общественной жизни страны, нанесла урон многим из них. Определенное влияние данная ситуация оказала и на некоторые традиции.

С давних пор большое значение в японской культуре имеет празднование Нового года 正月 *сё:гацу*. Данный праздник имеет официальный

статус и отмечается 1 января. С празднованием Нового года в Японии связано множество традиций, касающихся подготовки к празднику, украшения дома, подготовки праздничного стола. Например, важным элементом подготовки является уборка дома и подготовка новой одежды. Большое значение придается выбору подарков, а также обмену особыми новогодними открытками 年賀状 *нэнгадзё*.

Новый год всегда считался исключительно семейным праздником. Важным элементом являлось возвращение в родные места в период празднования. Считалось, что в это время родственники могли простить друг другу старые обиды и укрепить семейные связи. Однако в связи с пандемией новой коронавирусной инфекции соблюдение этих традиций для многих японцев стало невозможным.

Согласно результатам опроса, проведенного NHK, количество японцев, принявших решение вернуться на Новый год в родные места и отдать дань всем традициям, составило лишь 5 %. Более 80 % японцев в период пандемии приняли решение воздержаться от поездки домой в целях обеспечения безопасности как своей, так и своих родных [元気にしていますか?].

Многие жители Японии полностью отказались от посещения публичных мест в период празднования Нового года, они предпочли провести этот праздник в одиночестве в собственной квартире. В связи с таким решением многие компании по оказанию услуг населению ввели различные новые сервисы для одиноких японцев. Так, появилась возможность заказать наборы традиционной праздничной еды 御節料理 *осэти-рё:ри* для одного человека на дом.

Помимо этого, приобрело популярность периодическое издание «Специально для одиноких людей» 『おひとりさま専用 Walker2021』, рассчитанное на одиноких японцев. Несмотря на то что оно издавалось и ранее, особенно востребованным данное издание стало именно в период распространения инфекции.

Изменения затронули и традицию, связанную с открытками *нэнгадзё*. Еще до начала пандемии популярность традиционных новогодних открыток постепенно снижалась, в связи с развитием технологий и широким распространением интернета, на смену им пришли поздравления по электронной почте и через социальные сети. Так, по данным Japan Post, в прошлом году открыток было выпущено на 17 % меньше, чем в позапрошлом. Наряду с открытками с традиционными изображениями (например, изображением животного-символа года по восточному календарю) выпускались и открытки с иллюстрациями, так или иначе связанные с коронавирусом и борьбой с ним.

На фоне ухудшения ситуации с коронавирусом мнения японцев касательно новогодних открыток разделились. Некоторые жители Японии опасались того, что открытка может стать переносчиком инфекции. Однако

другие отмечали, что в условиях, когда малый процент населения имеет возможность вернуться домой и провести праздник с близкими людьми и друзьями, новогодняя открытка воспринимается как способ передачи искренних чувств [元気にしていますか?].

В продолжение разговора о традициях необходимо отметить, что важную роль в культуре Японии играют традиции, направленные на формирование эстетического вкуса. Корни таких традиций уходят глубоко в синтоизм, японскую религию, основанную на поклонении многочисленным божествам и воспевании природы. Примером является «ханами» (花見 *ханами*) – национальная традиция любования цветами. Истоки данной традиции были заложены примерно в III в., однако окончательно она сформировалась в эпоху Хэйан (794–1185) в результате проникновения на территорию Японии дзэн-буддизма и его синтеза с синтоизмом. Данная традиция не теряет своей актуальности и в настоящее время.

Одним из важных направлений работы японского метеорологического агентства является ежегодное составление прогнозов относительно периода цветения сакуры: от его начала в южной части Японии на о. Окинава и до окончания на северном о. Хоккайдо. Данная информация востребована у жителей Японии, они внимательно следят за сообщениями синоптиков.

Традиционно японцы выезжали в места цветения сакуры целыми семьями, большими компаниями. В связи с распространением новой коронавирусной инфекции эта устоявшаяся традиция также претерпела изменения. В восьмидесяти трех столичных парках, включая такие крупные, как Йойоги, Уэно и Инокасира, был введен запрет на проведение пикников. При посещении парков обязательным являлось ношение масок. Посетителям было рекомендовано соблюдать социальную дистанцию, чтобы снизить риск заражения.

В этих же целях были отменены некоторые популярные фестивали, например, фестиваль ночного любования сакурой 中目黒桜まつり *накамэгуро сакура мацури*, проводимый в токийском районе Мэгуро, и фестиваль 河津桜まつり *кавадзу дзакура мацури*, ежегодно собиравший более девятистот тысяч человек в префектуре Сидзуока [お花見行っているの?].

Вместо этого жителям Японии было предложено насладиться красотой сакуры посредством интернета. Любопытно, что любой желающий мог бесплатно получить доступ к видеороликам с изображениями цветущих деревьев из разных регионов Японии.

Наряду с периодом любования цветами весна в Японии также знаменуется началом нового учебного года в образовательных учреждениях и нового трудового года на предприятиях и в компаниях. В связи с этим в начале апреля традиционно проводятся такие мероприятия, как 入学式 *ню:гакусики* церемония открытия нового учебного года в школах и университетах и 入社式 *ню:сясики* церемония поступления на работу.

Если такой праздник, как начало учебного года, отмечается и в других странах мира, то церемония поступления на работу является уникальной японской традицией. Она призвана заинтересовать молодых сотрудников в работе, а также сплотить компанию, что, безусловно, способствует ее успешной деятельности и поддержанию престижа. Однако распространение COVID-19 в Японии внесло коррективы и в эту область.

В феврале 2021 г. среди 545 японских компаний был проведен опрос, касающийся планов на проведение церемонии поступления на работу. Несмотря на то что 35 % планировали полностью сохранить данную традицию в неизменном виде, другая часть компаний задумалась над способами изменения формата проведения такого мероприятия.

Так, множество компаний, участвовавших в опросе, не отказавшись от личного участия работников в церемонии, тем не менее задумалось об уменьшении количества участников непосредственно присутствующих на мероприятии, обеспечив участие остальных иными способами, например, с помощью онлайн-трансляции.

Менее 10 % компаний планируют проводить церемонию поступления исключительно в онлайн-формате. Однако такой вариант пока не получил широкого одобрения, поскольку идет вразрез с устоявшейся в обществе традицией [入社式はなぜ続く?].

В заключение необходимо отметить, что пандемия новой коронавирусной инфекции, несомненно, повлияла на уклад жизни японцев, однако, несмотря на это, общество прилагает многочисленные усилия для сохранения своих традиций, пусть и в измененном виде.

Литература

お花見行っているの? // ネットワーク報道部 記者 小宮理沙 目見田健 藤島新也 田隈佑紀. URL: https://www3.nhk.or.jp/news/html/20210323/k10012930891000.html?utm_int=news_contents_netnewsup_005 (дата обращения: 03.09.2021).

元気にしていますか? ~コロナ禍の年賀状事情~ // ネットワーク報道部記者 玉木香代子・小倉真依 / スポーツ情報番組部ディレクター 小笠原信哉 / 盛岡局ディレクター 河村直宏 . URL: https://www3.nhk.or.jp/news/html/20201201/k10012740971000.html?utm_int=news_contents_netnewsup_001 (дата обращения: 03.09.2021).

入社式はなぜ続く? 変革する独自文化リアル重視根強く // ネットワーク報道部記者 小倉真依 井手上洋子 秋元宏美 . URL: https://www3.nhk.or.jp/news/html/20210401/k10012947761000.html?utm_int=news_contents_netnewsup_003 (дата обращения: 03.09.2021).

Кобжицкая О. Г. К вопросу о терминологии и понятийном аппарате в курсах по истории и культуре Востока // Преподавание истории и культуры стран Азии в средней и высшей школе России: исторический опыт и современные проблемы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Красноярск – Железнодорожск, 14–16 марта 2007 г. / редколл.: В. Г. Дашышев (отв. ред.), Н. Н. Носков, Ф. Н. Денисенко. Красноярск, 2007. С. 68–72.

Кремнёв Е. В. Региональные исследования в Японии : монография / [под науч. ред. Е. Ф. Серебrenниковой]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 181 с. (Трансдисциплинарная регионалогия).

Кузнецова О. В. К вопросу о роли пищи в корейских праздниках и обрядах годового цикла // Готлибовские чтения: Азиатско-Тихоокеанский регион в контексте глобального развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 18–20 окт. 2017 г. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. С. 176–183.

Ю. В. Козлова

Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород

ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ МОДЕЛИ «БЕРЕЖЛИВОЕ УПРАВЛЕНИЕ»

Аннотация. Рассматривается модель «бережливое управление», дается характеристика ее возможностей для оптимизации регионального управления, содержится обоснование платформизации городского и муниципального управления. Отмечается, что центральным элементом объединения направлений жизнедеятельности региона является интеграция всех жизнеобеспечивающих коммуникаций в динамичную обучающуюся цифровую систему, эффективность которой поддерживает виртуальную составляющую локальной идентичности жителей региона.

Ключевые слова: бережливое управление, бережливый регион, бережливый город, платформизация регионального управления.

Yu. Kozlova

Nizhny Novgorod State Linguistic
University named after N. A. Dobrolyubov, Nizhny Novgorod

LOCAL IDENTITY AS A FACTOR OF REGIONAL MANAGEMENT EFFICIENCY IN THE CONTEXT OF THE “LEAN MANAGEMENT” MODEL

Abstract. The article considers the “lean management” model, describes its capabilities for optimizing regional management, and provides a justification for the platformization of urban and municipal management. The central element of combining all areas of the region's life activity is the integration of all life-supporting communications into a dynamic learning digital system. The effectiveness of this system supports, according to the developers, the virtual component of the local identity of the residents of the region.

Keywords: lean management, lean region, lean city, platformization of regional management.

Переход «от культуры войны к культуре мира», произошедший во второй половине XX в., принес такие достижения, как ослабление европоцентризма в мире, сглаживание экономических и культурных различий между социальными классами [Пригожин, 2002]. А начало XXI в. с его информационной трансформацией привело к кризису идеи преимущества какой-то одной социальной модели и, по сути, даже к кризису идеи глобализации. Открытие новых производственных технологий, материалов, способов передачи данных незамедлительно приводит и к социальным изменениям. Мир стремительно превращается в интерактивную конструкцию, в которой каждый из нас принимает участие. Социум становится более сложным, стираются границы между личным и публичным, социальным и частным, работой, межличностным общением, игрой, хобби.

В этой связи меняются акценты и в управленческих схемах, так в ряде сфер производства и социального обеспечения в последние годы активно интегрируются принципы бережливости, что позволяет включить всех сотрудников в непрерывное совершенствование трудовой деятельности [Кайдзен, 2017].

Согласно Распоряжению Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «О концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» приоритетом региональной политики становится сбалансированное развитие регионов и устранение тех структурных ограничений, которые препятствуют такому развитию. В соответствии с этим документом в регионах создаются новые центры экономического роста, происходит выравнивание уровня и качества жизни населения, более эффективно координируются региональные инфраструктурные инвестиции. В период до 2020 г. внедрялись инновации в области экологии, технологий и маркетинга, энергосбережения, развития человеческого потенциала.

К основным компонентам бережливой модели в государственной региональной сфере относятся: 1) система технического обеспечения; 2) инфраструктура управления; 3) образ мышления и способы принятия решений.

Основные новации бережливого управления в региональной сфере определяются:

1) конструированием процессов (цепочек) создания ценности с минимальными потерями;

2) равномерным распределением ответственности между всеми уровнями управления, инвестициями в людей и конструктивную групповую динамику;

3) разработкой приемов вовлечения, формирования эффективных моделей мышления и поведения;

4) консультационным сопровождением решения возникающих проблем, планированием нужных навыков;

5) приоритетом общественной миссии в организации управления и взаимодействия с общественностью.

Такой набор ориентиров требует гибридной методологии и мониторинга эффективности внедряемых методов, поэтому бережливые технологии управления внедряются в российскую практику более двух десятилетий и этот процесс идет непросто. Еще в 2014 г. lean-технологии применяли не более 5 % российских компаний с государственным участием, такие как Сбербанк, «РЖД», «Газпромнефть», «Росатом» [Албастрова, Хашева, 2014]. В этот же период бережливое управление стало осуществляться и на уровне отдельных регионов в виде пилотных проектов (например, «Бережливый регион» в Ханты-Мансийском автономном округе, Татарстане, Белгородской, Ижевской, Орловской области) [Волкова, 2018]. А с 2017 г. началась унификация на федеральном уровне таких проектов, как «Бережливая поликлиника» и «Бережливый регион», в центре которых клиентоориентированный подход, в том числе и по отношению к «внутренним клиентам», сотрудникам региональных управленческих структур.

Улучшение процессов работы органов исполнительной власти в соответствии с концепцией бережливости предполагает стимулирование персонала, занятого в обслуживании населения, переход к «клиентоориентированному мышлению», совершенствование стандартизированных процессов путем устранения шагов, которые не создают ценность или расходуют ресурсы.

В 2021 г. при поддержке «Росатома» уже 17 «атомных городов» внедряют проект «Умный бережливый город» на базе цифровой платформы АО «Русатом Инфраструктурные решения», ориентированный на высокотехнологичные способы реализации потребностей города/региона. Приоритетами этого проекта являются эффективное управление городской инфраструктурой, повышение уровня жизни и обеспечение безопасности и высоких экологических стандартов удовлетворенности граждан, а также повышение инвестиционной привлекательности региона.

Долгосрочными ориентирами являются создание комфортной городской среды и устойчивое развитие человеческого капитала. Интеграционная платформа «Умный город», будучи единой информационной цифровой системой, обеспечивает безопасность, обмен данными, отчетность, аналитику и проектирование бизнес-процессов, в том числе в сфере управления ресурсами и услугами, вовлечения горожан, управления и развития человеческого капитала [Царенко, Гусельникова, 2019].

Платформа задает единые стандарты инфосистем и сервисов, интегрирует базы данных, бизнес-процессы, эксплуатационные элементы технологических систем и является основой системной цифровой трансформации на уровне региона.

Центральной темой платформизации является вовлечение основных заинтересованных сторон, в том числе административных, гражданских и бизнес-структур, частных лиц, научного и профессионального сообщества региона, а также некоммерческих организаций. Платформа строится с учетом основных потребностей и приоритетов этих категорий, допускает включение и развитие новых направлений, т. е. в социальном плане служит целям самоидентификации основных социальных групп в виртуальном пространстве региона. Одним из принципов платформизации, по замыслу разработчиков, является равномерное развитие территорий и отчасти преодоление социального и цифрового неравенства, быстрое тиражирование удачных практик (бережливых процессов и образцов).

Корпорация «Росатом», объединяя опыт регионов, акцентирует в развитии цифрового региона стратегическую направленность и возможности масштабирования, а также систематизацию региональных функций и их распространение на муниципалитеты. Кроме того, проект «Умный бережливый регион» позволяет вести потоковый сбор данных по взаимодействию с жителями, обеспечивать исполнение национальных проектов и

поручений, анализировать деятельность отраслевых и ведомственных систем.

Перспективным в управлении взаимодействием с внешними и внутренними клиентами является создание так называемого цифрового образа региона, в котором деятельность всех региональных министерств, их сотрудников анализируется по установленным показателям.

В Нижегородском регионе в последние годы идет сотрудничество «Росатома» и правительства Нижегородской области для реализации проекта «Эффективная губерния». В 2019 г. был создан управляющий совет «Комплексная оптимизация производства», координирующий промышленные предприятия, учреждения здравоохранения, образования и местные органы власти (например, оптимизация производства на заводе «Красное Сормово», создание системы лицензирования «Электронный инспектор», проект Lean Smart City, объединивший элементы бережливого производства и «умного города» в Сарове). Помимо апробации цифровых технологий, проект предусматривал оптимизацию работы госкорпорации и позволил, несмотря на высокий уровень затрат, сэкономить 7,5 % муниципального бюджета. Впоследствии этот опыт был реализован в других «атомных городах», в Мурманской и Саратовской области, а в дальнейшем предполагается широкое тиражирование данной технологии.

Нужно отметить, что в основе проекта – реализация ценностей местных жителей в форме процессов, технологий, организации пространств и коммуникаций в процессе решения жизненных задач. Социально-психологическое исследовательское сопровождение таких амбициозных задач, как создание в Нижегородской области передовой городской агломерации, производящей актуальные модели бережливого управления в разных сферах для их последующего тиражирования, также представляется актуальным и необходимым.

Литература

Албастова Л. Н., Хашева И. А. Технология бережливого производства как фактор повышения эффективности деятельности органов власти // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2014. № 2. С. 85–96.

Волкова И. А. Управление малым и средним бизнесом в рамках концепции «бережливый регион» // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2018. № 1(68). С. 99–106.

Имаи М. Кайдзен Ключ к успеху японских компаний. М. : Альпина Паблишер. 2017. 274 с.

Пригожин И. Р. Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М., 2002. С. 15–21.

Царенко А. С., Гусельникова О. Ю. Проекты «Бережливый регион», «Бережливая поликлиника», «Бережливый город» как шаги на пути к созданию «Бережливого Правительства»: оценка реализации инициатив в государственном секторе РФ // Государственное управление. 2019. № 73. С. 167–203.

О. В. Кузнецова

Иркутский государственный университет, Иркутск

Л. А. Лебединцева

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

Е. В. Кремнёв

Иркутский государственный университет, Иркутск

В. О. Коробко

Иркутский государственный университет, Иркутск

**ВКЛАД АМЕРИКАНСКОЙ ШКОЛЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУКИ
В СТАНОВЛЕНИЕ РЕГИОНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ:
УПРАВЛЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫМ РАЗВИТИЕМ**

Аннотация. В рамках подхода трансдисциплинарной регионологии рассматривается, каким образом происходило становление регионологических исследований в Республике Корея. Выявляется, что на этот процесс оказали значительное влияние США, страна, являющаяся родоначальником региональной науки. Перечисляется ряд факторов, повлиявших на то, что исследования регионов в Корее стали осуществляться именно по американской модели, приводятся некоторые концепции, зародившиеся в США и активно используемые корейскими учеными в настоящее время. Кроме того, предпринимается попытка выделения отличительных особенностей южнокорейского подхода к исследованиям регионов.

Ключевые слова: регионология, регион, региональная наука, региональные исследования, трансдисциплинарность, корееведение.

O. Kuznetsova

Irkutsk State University, Irkutsk

L. Lebedintseva

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg

E. Kremnyov

Irkutsk State University, Irkutsk

V. Korobko

Irkutsk State University, Irkutsk

**AMERICAN REGIONAL SCIENCE SCHOOL OF THOUGHT CONTRIBUTION
TO THE FORMATION OF REGIONAL STUDIES IN THE REPUBLIC OF KOREA:
REGIONAL DEVELOPMENT MANAGEMENT**

Abstract. The authors of the article study the process of regional studies formation in South Korea. The research is carried out within the framework of transdisciplinary regionology. The authors are of the opinion that the USA influenced greatly the formation of regional studies in Korea. They enumerate main factors that contributed to the prevalence of the American model of regional studies in the region. Some concepts that originated in the USA and are actively practised by Korean scientists nowadays are mentioned in the article. The authors try to single out some specific features of South Korean approach to regional studies.

Keywords: regionology, region, regional science, regional studies, transdisciplinarity, Korean studies.

В настоящее время ученые располагают достаточно обширным арсеналом методов для проведения регионологических исследований, подходы к исследованиям подобного рода варьируются в рамках различных

научных школ, что зачастую вызывает значительные трудности, в том числе и терминологического характера. Так, в одной из работ авторами статьи была предпринята попытка определения структуры регионологического знания в различных страновых школах [Кремнёв, Кузнецова, Лесниковская, 2020].

Особый интерес представляет и вопрос о влиянии определенных научных школ на развитие регионологии в других регионах. Какие факторы позволяют школе той или иной страны диктовать направления развития мировой регионологической мысли? Трансформируются ли подходы, заимствованные из другой научной школы, под воздействием специфических региональных характеристик? При каких условиях происходит смена доминирующего подхода? В настоящее время вопросы подобного рода находятся в фокусе внимания регионологов всего мира.

Целью данной статьи является изучение процесса проникновения и трансформации подходов к регионологическим исследованиям на примере двух высокоразвитых стран – США и Республики Корея. Примечательно, что выбранные страны являются яркими примерами разных культур – западной и восточной, расположены на значительном удалении друг от друга, что тем не менее не помешало активному распространению американской региональной науки среди представителей корейского научного сообщества. Исследование проводится в русле концепции трансдисциплинарной регионологии, разрабатываемой авторами [Kremnyov, Lesnikovskaya, Kuznetsova, 2019].

Прежде всего, поясним, почему изучение влияния американской школы региональной науки нам представляется достаточно важным. Безусловно, ошибочным будет утверждать, что регионологические исследования появились в США, более ранние работы подобного рода в большом количестве обнаруживаются у европейских ученых, которые, собственно говоря, и оказали решающее влияние на становление данного научного направления в молодом североамериканском государстве. История изучения регионов насчитывает не одно столетие, однако именно в середине XX в. окончательно оформилась мысль о необходимости отдельной научной дисциплины, изучающей регионы, – региональной науки, основателем которой принято считать выдающегося американского регионолога Уолтера Айзарда.

Важно, что почва для появления нового научного направления была подготовлена в США за сравнительно короткий период, что нашло отражение как в значительном увеличении интереса к гуманитарным наукам в целом, так и в появлении осознания необходимости формирования междисциплинарного подхода к исследованию регионов.

Во «Введении в региональную науку» У. Айзард приводит 13 определений региональной науки, однако, по мнению ученого, «такое разнообразие определений указывает на то, что ни одно из них не может считаться

лучшим или наиболее полным. После изучения основополагающих научных трудов каждый исследователь должен синтезировать свое собственное определение» [Isard, 1975]. Однако при анализе всех определений мы можем легко вывести общие черты – все они делают акцент на междисциплинарности новой науки. Действительно, современная региональная наука объединяет экономистов, географов, планировщиков, архитекторов, инженеров, экологов, социологов, политологов, психологов, юристов и других ученых – представителей всех отраслей знаний, считающих необходимым изучение регионального контекста при решении профессиональных задач. В региональной науке Айзарда отчетливо преобладает экономический компонент, что объясняется рядом причин, во-первых, сам ученый был экономистом по образованию, во-вторых, основные национальные интересы в период возникновения региональной науки в первую очередь включали изучение экономического потенциала различных регионов страны.

По нашему мнению, корейские ученые не принимали особенно активного участия в самом процессе институализации региональной науки. Они, скорее, посчитали это новое направление «пригодным к использованию» и эффективным для стимулирования экономического развития страны. Нам представляется возможным выделить несколько факторов, повлиявших на то, что формирование регионологической мысли в Республике Корея происходило под значительным воздействием американской школы:

1. Прежде всего нельзя не отметить влияние американской школы и лично Айзарда на популяризацию идеи комплексного изучения регионов во всем мире. Летом 1960 г. ученый начал предпринимать активные шаги по распространению региональной науки в Европе, где, как уже было сказано ранее, исследованиями регионов занимались в течение нескольких веков, однако в основном это происходило в рамках отдельных гуманитарных дисциплин. К 1962 г. идеи Айзарда распространились на Латиноамериканский регион и Дальний Восток. В 1962 г. была сформирована Японская секция Ассоциации региональной науки, начавшая достаточно активно развиваться, а первая Дальневосточная конференция состоялась в сентябре 1963 г. Корейская ассоциация региональной науки была основана значительно позже – 22 августа 1983 г., примечательно, что на организационном собрании присутствовал сам У. Айзард [Кузнецова, 2020 а].

2. Как известно, изучением Кореи долгое время не занимались в западных странах, практически полностью игнорируя эту сферу регионоведческих исследований. Можно сказать, что активный обмен научными знаниями между Кореей и Западом начался сравнительно недавно – в середине XX в. Благодаря упрочению своей позиции на мировой геополитической арене после разделения Кореи на Северную и Южную в 1945 г.

именно США получили возможность активно участвовать в развитии нового государства: начиная с 1950-х гг. США стали принимать активное участие в оказании экономической помощи Южной Корее.

3. В этот же период американцы занимались активным консультированием корейских специалистов по экономическим вопросам. Как пишет Карл Москович, в 1990-е гг. занимающий пост представительного директора Ассоциации корееведения в Гарварде, американские экономисты и специалисты по девелопментологии обучили целое поколение корейских экономистов, безусловно, обучение в значительной степени строилось на основе трудов представителей американской школы регионологии.

Вполне закономерно, что именно представители научных кругов США активнее ученых других стран стали заниматься анализом экономического развития Кореи. Еще большую закономерность для исследователя представляет тот факт, что второй группой лиц, не менее активно изучающей феномен корейского экономического роста, были корейские ученые, получившие теоретическую подготовку в США.

Таким образом, первый научный проект по анализу особенностей экономического развития Южной Кореи был реализован американскими и корейскими учеными. Американскую группу возглавлял экономист Эдвард Сейджендорф Мэйсон, основатель Консультативной службы по развитию в 1963 г., позднее переименованной в Институт международного развития в Гарварде. В начале 1970-х гг. обе группы объединились для проведения комплексного анализа развития Кореи за последнее время.

Цель данного исследовательского проекта заключалась в том, чтобы изучить показатели, лежащие в основе выдающегося роста корейской экономики, и распределение плодов этого роста, а также изменения, произошедшие в обществе и правительстве; дать оценку тому, насколько зарубежная, в особенности американская, экономическая поддержка способствовала этим изменениям. В рамках этого проекта десятки специалистов по девелопментологии – не только экономисты, но и выдающиеся специалисты по демографии, урбанизации, образовательным процессам – провели крупное исследование [Moskowitz, 1982].

4. В качестве еще одной причины столь тесного научного взаимодействия можно назвать и то, что и среди американских специалистов произошло осознание того факта, что они обладают недостаточным количеством знаний о Корее. В процессе работы над проектом американская сторона столкнулась с неожиданными трудностями: пришлось рассматривать целый комплекс исторических, социологических и политических вопросов, о которых они имели весьма слабое представление. Только несколько членов команды могли читать и говорить по-корейски, как следствие, корейские коллеги оказали бесценную помощь, предоставляя необходимые для изучения материалы и давая комментарии.

Представляется возможным утверждать, что именно во время этого проекта зародилась традиция, которая сохраняется и поныне: западные ученые, занимающиеся корееведением, но не знающие корейского языка или истории страны, просят корейских коллег выступить в качестве экспертов по Корее.

5. Оказал влияние на преобладание американских подходов к региональным исследованиям в Корее и феномен научной миграции, начавший активно распространяться со второй половины XX в. В данном случае мы считаем возможным говорить о том, что это повлекло за собой и рост интереса к изучению Кореи за ее пределами. Многочисленные корейские ученые, начинавшие работать на кафедрах американских вузов, в качестве объекта своих региональных исследований выбирали наиболее знакомый регион – Корею, а следовательно, об этом регионе больше узнавали и их американские коллеги. И в настоящее время многие научные статьи по региональным исследованиям пишутся корейцами на английском языке в соавторстве с западными учеными [Кузнецова, 2020 б].

В настоящее время региональные исследования по-прежнему находятся в центре внимания корейских специалистов, которые активно занимаются изучением следующих актуальных проблем:

- устойчивое развитие отдельных городов;
- политика государства по лучшей организации пространства и достижению регионального развития;
- взаимосвязь урбанистики и экологии;
- особенности городского планирования с целью достижения устойчивого развития и регенерации городов;
- стимулирование регионального развития с помощью внедрения инновационных научных разработок и др.

Немаловажно отметить, что при анализе работ современных корейских ученых отчетливо прослеживается влияние американских подходов к решению региональных проблем и исследованию регионов. Безусловно, формат статьи не позволяет рассмотреть все имеющиеся примеры, приведем лишь несколько.

Так, в Ю. Корее чрезвычайно распространены исследования, в которых уровень развития высоких технологий региона выступает в качестве решающего фактора, стимулирующего экономическое развитие региона. В видении автора многочисленных работ по городскому планированию, профессора Национального университета Чунгнам (Тэджон) О Доксонг эффективным способом повышения уровня развития высоких технологий региона является создание центров высоких технологий. В понимании ученого центр высоких технологий – это определенная городская застройка, иногда появляющаяся при городском перепланировании, цель которой заключается в облегчении и ускорении роста высокотехнологичных

фирм путем передачи технологий и взаимобмена совместно с каким-либо высшим учебным заведением или исследовательским центром. Различают два вида центров: научные парки и технополисы [Technopolis. Best Practices, 2014].

Примером реализации данной стратегии является создание Национального научного городка в Тэдоке, начавшееся еще в 1973 г. Сейчас этот научный кластер составляют более 20 крупных исследовательских институтов и более 40 корпоративных исследовательских центров. За последние несколько лет в этом регионе возникло несколько венчурных ИТ-компаний, в которых высока концентрация докторов наук в области прикладных наук. Важно, что за основу был взят опыт развития технополисов в США и Японии.

Как известно, родиной технопарков принято считать США, где в начале 1950-х гг. был организован первый научный парк Стэнфордского университета, который положил начало знаменитой Кремниевой долине. Это крупнейший в США и самый известный в мире технопарк, производящий 20 % мирового объема средств вычислительной техники и компьютеров.

Безусловно, тема технопарков активно разрабатывается в США и в настоящее время, в качестве примера приведем исследования профессора Калифорнийского университета в Беркли Анны Ли Саксениан, известной своими работами по технологическим кластерам и социальным сетям в Кремниевой долине. Успехи данного технопарка в развитии наукоемкой промышленности она объясняет тем, что там используется сетевая форма промышленной структуры. Хотя и Шоссе 128 в Бостоне, и Кремниевая долина являлись центрами высоких технологий в электронике в 1970-х гг., только последней удалось справиться с региональной рецессией в 1980-е гг. и стать международным лидером в наукоемкой промышленности. При изучении причин двух различных траекторий роста Саксениан приходит к выводу, что различия, прежде всего, заключаются в сущности структуры промышленности в двух регионах. Производство Силиконовой долины характеризовалось плотными социальными сетями, основанными на гибкой специализации. Шоссе 128, наоборот, контролировалось небольшим количеством иерархически интегрированных предприятий, на которых ценились конфиденциальность и независимость [Saxenian, 1994].

Большое внимание в Ю. Корее уделяется созданию и реализации стратегий по достижению сбалансированного регионального развития. Стоит пояснить, что центральное правительство играет ведущую роль в экономическом и пространственном развитии, например, посредством введения трех последовательных десятилетних планов комплексного национального освоения земель с 1972 по 2011 г. Эти планы способствовали расширению физической инфраструктуры и улучшению социального и экономического положения Кореи. И уже в их тексте встречается идея о необходи-

мости выбора оптимальных мест размещения (полюсов роста) и расширение физической инфраструктуры для промышленного и городского развития [Кузнецова, 2020b].

Эта же концепция полюсов роста легла в основу стратегии по сокращению регионального неравенства, суть которой заключается в создании городов инновационного типа не в столичном регионе для реорганизации существующей регионально несбалансированной национальной пространственной структуры. Подобные города обладают своими характеристиками и функциями, а среди положительных эффектов их создания специалисты отмечают следующие [Там же]:

- децентрализация административных функций;
- уменьшение роста населения в столичном регионе;
- улучшение возможностей для региональных инноваций; рост региональных экономик.

С 2005 г. в Корее было построено десять городов инновационного типа, примерно по одному в каждой провинции, в данную инициативу правительство вложило 9,5 млрд долл. Инновационный город представляет собой разновидность полюса роста, который генерирует и распространяет инновации в соседние районы через инновационные кластеры. При строительстве городов соединились три компонента: научно-исследовательские институты, университеты, государственные учреждения [Lee Hyun-kyung, Kim Hong-bae, 2019].

Говоря о концепции полюсов роста, необходимо отметить, что именно американская экономическая школа в лице экономистов Альберта Хиршмана и Милтона Фридмана внесла значительный вклад в ее развитие. Так, Хиршман высказывал предположения, что поляризованное развитие может принести пользу как растущему региону, так и примыкающим зонам. Ученый выдвинул идею о том, что экономический рост в развитом регионе оказывает благоприятный эффект «просачивания» в отстающий регион, так как товары, произведенные в отстающем регионе, покупаются, а рабочая сила нанимается в развитом регионе. В то же время рост может привести к неблагоприятным эффектам «поляризации» из-за конкуренции и торговых барьеров, установленных развитым регионом [Кузнецова, 2020a].

В 1966 г. М. Фридман выдвинул схожую идею «модель – центр – периферия». Кроме того, экономист отметил, что регионы могут различаться в зависимости от того, насколько сложности с поставками ограничивают возможность региона отвечать увеличившемуся спросу на экспорт. По его мнению, крупные городские зоны обладают исходным преимуществом в конкуренции за рост из-за уменьшения рентабельности урбанизации экономики. Таким образом, все эти факторы работают в пользу ключевых регионов. Регионы, расположенные за пределами ядра, различаются по степени региональной экономической автономии. Помимо ключевых регио-

нов, Фридман выделяет «ресурсные границы» – неразвитые регионы, основная привлекательность которых заключается в больших запасах неиспользованных природных ресурсов; а также «нисходящие транзитные зоны» – сельские местности, находящиеся в ловушке структурной бедности, прежде всего, из-за их структурной зависимости от близлежащих ключевых регионов [Кузнецова, 2020а].

В целом, по нашему мнению, в современных корейских региональных исследованиях отчетливо заметен переход от регионального к глобальному компоненту. Большинство университетских образовательных программ по региональным вопросам объединяет подход, заключающийся в том, чтобы соединить изучение глобальных мировых процессов, будь то экономические, культурные или политические, с изучением корееведения и места Кореи в мире, возможности ее успешной интеграции в глобальное сообщество.

Если проанализировать сайты ведущих факультетов, занимающихся подготовкой специалистов по региональным проблемам, становится очевидно, что свою миссию они видят в подготовке специалистов, являющихся гражданами мира, способными решать глобальные вопросы и хорошо ориентирующимися в глобальных проблемах мирового сообщества.

Кроме того, большое количество ученых занимается исследованием феномена глобализации и его влияния на развитие регионов. Так, сотрудники Научно-исследовательского института по изучению населенных пунктов (Сеул) Ким Ёнгунг и Ми Сукча стремятся определить, какие стратегии пространственного развития эффективнее применять в эру глобализации.

По мнению специалистов, глобализация экономики – необратимая и неизбежная тенденция, вызывающая фундаментальные трансформации в социально-экономической системе всего мира. Самой главной стратегической задачей для Кореи является эффективное приспособление к этим изменениям. Так как глобализация приводит к изменениям всей социально-экономической структуры, сложно выделить ее отдельные последствия и пытаться с ними справиться в индивидуальном порядке. В связи с этим пространственная политика и планирование должны быть нацелены на улучшение различных аспектов городского и регионального развития, нежели на улучшение в нескольких определенных областях. В фокусе внимания должно находиться формирование институциональных и организационных структур по продвижению технологических инноваций, образование новых предприятий и создание местного нетворкинга для обмена информацией. Одной из важных миссий политики пространственного развития должно быть создание приемлемого социокультурного окружения, такого как социальные службы высокого качества, досуговые центры, культурная среда, соответствующие глобализированному обществу [Kim Yong Woong, Cha Mi Sook, 1994].

Постоянно меняющаяся природа региональной науки – достаточно распространенная тема среди работ американских регионологов. Так, американский географ Лэй Джеймс Гибсон совместно со своим французским коллегой Антуаном Байи говорит о том, что такие дисциплины, как физика, французский язык и экономика, меняются со временем, но все же остаются физикой, французским или экономикой. Уникальность региональной науки в том, что она постоянно истолковывается по-новому. Специалисты выделяют три периода в развитии региональной науки:

- период регионального мышления;
- период глобального мышления;
- период устойчивого мышления.

Региональная наука стала бурно развиваться в послевоенный период, пространственные специалисты, такие как планировщики и управленцы, были чрезвычайно востребованы. Период 1950–70-х гг. прошлого века был продуктивным для региональной науки, однако в 1980-е «региональное мышление» стало меняться на «глобальное». Соответственно, в образовательных учреждениях стали закрываться некоторые программы по региональной науке, а на их месте появлялись многочисленные направления подготовки по глобальным исследованиям. В настоящее время все большую востребованность приобретают концепции устойчивого развития, широко разрабатываемые регионологами по всему миру [Bailly, Gibson, 2004].

Несмотря на то что корейские ученые активно пользуются в своих разработках накопленным западным опытом, можно выделить и то, что отличает корейские исследования от ряда других. Прежде всего, речь идет о том, что зачастую в представлении корейцев региональные исследования отождествляются с корееведением.

Поясним, что изначально корееведами в Корее считались иностранные специалисты, занимающиеся изучением Кореи. Корейские же ученые предпочитали называть себя лингвистами, социолингвистами, историками, но не корееведами. Исключением были случаи, когда корейский ученый получал образование за рубежом и публиковал свои научные работы не только на корейском, но и на других языках, в первую очередь на английском. В середине 2000-х гг. одной из тенденций высшего образования в Корее явилось увеличение количества университетских дисциплин, преподаваемых на английском языке, результатом чего стало то, что большое количество корееведов, обучавшихся за рубежом, было принято на работу в корейские университеты.

В настоящее время в Республике Корея функционирует большое количество учреждений, занимающихся сохранением и распространением корейской культуры. Например, Академия корееведения рассматривает корееведение как комплексное изучение Кореи, ее истории, философии, литературы, фольклора, политики, социологии, а также корейского языка.

Следует отметить, что очень большое внимание уделяется изучению, анализу и интерпретации культуры Кореи. Данный раздел понимается специалистами чрезвычайно широко, и в некоторых случаях термины «корейские исследования» и «исследования культуры Кореи» используются как синонимичные [Кузнецова, 2020 b].

Преобладающее большинство работ корейских авторов, проанализированных нами, посвящено изучению Кореи как региона, представляющего наибольший интерес. Такие крупные подразделения, как Институт корееведения и Корейский фонд также нацелены на содействие изучения Кореи по всему миру, распространение информации о Корее и сохранение культурного наследия страны. Подобное стремление к сохранению своей культуры легко объяснимо историческими перипетиями этой страны – долгим периодом изоляции и не совсем лестной оценки со стороны Запада, считающего Корею «страной-отшельницей» и «страной варваров», периодом колониализма, при котором в политике Японии прослеживаются отчетливые попытки уничтожения корейской культуры, идеей «кореецентризма», возникших на полуострове достаточно давно. В качестве одной из приоритетных задач в области развития региональных исследований Республика Корея видит продвижение корейского направления. Самой распространенной образовательной программой по региональным исследованиям является «Корееведение», или «Мировое корееведение».

Известный американский историк, специалист по странам Восточной Азии Брюс Камингс причину стремительных экономических успехов Южной Кореи видит в особом внешнем контексте, под которым он подразумевает взаимоотношения сначала с Японией, а потом с США [Cumings, 1984]. По нашему мнению, и в сфере регионологических исследований страна предпочла модель «заемщика» разработанных научных подходов. Тем не менее стоит отметить стремление и готовность корейских ученых тестировать и трансформировать заимствованные методы и подходы. Неслучайно Республика Корея долгое время занимала лидирующую позицию в рейтинге инновационных стран. Инновации являются одной из ключевых тем корейских региональных исследований: построение технополисов, создание инновационных городов и др.

Роль внешнего контекста была замечена нами и в стратегии подготовки корейских научных кадров. Речь идет о том, что многие корейские специалисты-региологи в XXI в. получают профессиональное образование в западных странах, прежде всего в США, что, естественно, накладывает определенный отпечаток на формирование их научной картины мира. Оказал влияние на преобладание западных подходов к региональным исследованиям в Корее и феномен научной миграции, начавший активно распространяться со второй половины XX в.

Однако идея сохранения корейской традиционной культуры и ее распространения в мире является одной из доминирующих тенденций в корееведении. Зачастую корейцы отождествляют корееведение с культурой Кореи. В настоящее время большинство корейских региональных исследований посвящено изучению Кореи и способов стимулирования ее регионального и национального развития, а также решению проблемы неравномерного развития регионов внутри страны.

Литература

Кремнёв Е. В., Кузнецова О. В., Лесниковская Е. В. Трансдисциплинарная регионология: теория и методология : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 155 с.

Кузнецова О. В. Региональные исследования в США : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020а. 363 с.

Кузнецова О.В. Корейские региональные исследования: мир о Корее и Корея о мире : монография. Иркутск : Изд-во Изд-во ИГУ, 2020б. 193 с.

Bailly A., Gibson L. J., Regional Science: Directions for the Future // Papers in Regional Science. 2004. N 83. P. 127–138.

Cummings B. The Origins and Development of the Northeast Asian Political Economy: Industrial Sectors, Product Cycles, and Political Consequences // International organization. 1984. N 38. P. 1–40.

Isard W. Introduction to Regional Science. Englewood Cliffs, NJ. : Prentice-Hall, 1975.

Kim Yong Woong, Cha Mi Sook, Korea's Spatial Development Strategies for an Era of Globalisation // Habitat International. 1994. N 4. P. 531–551.

Kremnyov E. V., Lesnikovskaya E. V., Kuznetsova O. V. Modern Transdisciplinary Regionology: The Goal and the Objectives // Journal of SibFU. Humanities & Social Sciences (Pre-publication). 2019. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/111803>

Lee Hyun-kyung, Kim Hong-bae. Regional Preferences for the Living Environment and Mobility of Researchers and General Workers: The Case of Korea // The Annals of Regional Science. 2019. N 62. P. 169–186.

Moskowitz K. Korean Development and Korean Studies A Review Article // Journal of Asian Studies. 1982. N 1. P. 63–90.

Saxenian A. Regional Advantage: Culture and Competition in Silicon Valley and Route 128. Harvard University Press, Cambridge, MA, 1994.

Technopolis. Best Practices for Science and Technology Cities. London ^ Springer-Verlag, 2014.

Е. В. Лесниковская, Е. Ф. Серебренникова

Иркутский государственный университет, Иркутск

П. П. Дерюгин

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет, Санкт-Петербург

Е. В. Кремнёв, О. В. Кузнецова

Иркутский государственный университет, Иркутск

ТЕОРИЯ НАУЧНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ РЕГИОНОЛОГИИ: НАУЧНЫЕ КРИЗИСЫ И УПРАВЛЕНИЕ ИМИ

Аннотация. Рассматриваются теории научных революций и ее применимости к современной регионологии, в которой назрел ряд парадигмальных кризисов. Также делается предположение о необходимости управления и координации процесса трансдисциплинаризации науки со стороны научного сообщества.

Ключевые слова: научные революции, трансдисциплинарная регионология, управление кризисом.

E. Lesnikovskaya, E. Serebrennikova

Irkutsk State University, Irkutsk

P. Deryugin

St. Petersburg State University,
St. Petersburg State Electrotechnical
University, St. Petersburg

E. Kremnyov, O. Kuznetsova

Irkutsk State University, Irkutsk

THEORY OF SCIENTIFIC REVOLUTIONS IN THE CONTEXT OF FORMATION OF THE CONCEPT OF TRANSDISCIPLINARY REGIONOLOGY: SCIENTIFIC CRISES AND THEIR MANAGEMENT

Abstract. The purpose of the article is to review the theory of scientific revolutions and its applicability to modern regional studies, in which a number of paradigmatic crises have matured. The authors also make an assumption about the need to manage and coordinate the process of transdisciplinaryization of science by the scientific community.

Keywords: scientific revolutions, transdisciplinary regionology, crisis management.

Довольно длительное время регионологию ассоциировали с аккумуляцией и классификацией знаний о регионах. «Региональные исследования в рамках университетской науки в России имеют тридцатилетнюю историю развития в русле такой академической дисциплины, как регионоведение. Регионоведение в самом широком смысле и на заре открытия соответствующих учебных специальностей определялось как знание о регионе. Более того, сами корни этого направления, а именно образцы описательной географии, посвященные новым, исследуемым территориям, предпо-

лагают скрупулезное накопление разнообразных знаний о территориальной общности. Таким образом, в истории регионологического знания можно четко проследить кумулятивную составляющую. Полагаем, что на ранних стадиях развития этой дисциплины данная функция была основной. В понятии «регионология», в отличие от регионоведения, «логос» подчеркивает необходимость именно научного знания, научного начала, акцентирует логику и дух науки, дифференцируя ее от процесса накопления фактов и данных, систематизации и организации знания о регионе» [Кремнёв, 2020, с. 11].

Вместе с тем из трудов по истории и теории научного знания можно заключить, что науку не следует расценивать только как процесс аккумуляции знаний. В частности, в фундаментальном труде Т. Куна «Структура научных революций» демонстрируется, что, кроме продвижения кумулятивной модели развития науки, в ней параллельно идут и иные процессы [Кун, 1977, с. 19]. «Кумулятивная модель развития науки играет важную роль: уточнение, прояснение, конкретизация и дополнение к уже известным фактам, постепенное расширение поля знаний в рамках существующей научной парадигмы составляет основу того, что Т. Кун определил как “нормальную науку”» [Кремнёв, 2020, с. 12]. В попытках уточнить этот несколько неясный термин С. Р. Микулинский и Л. А. Маркова пишут, что под ним можно понимать типичную, характерную науку. Тем не менее «научные революции», которые Т. Кун противопоставляет «нормальной науке», – это тоже ее неотъемлемая часть, но не типичная, а специфическая, переломная, меняющая парадигму. Таким образом, «нормальная наука» более точно может быть охарактеризована как этап «спокойного, эволюционного развития» науки [Кун, 1977, с. 287].

В частности, переломным моментом во многих науках становится их трансдисциплинарный сдвиг. Например, современные исследования в сфере социологии, осуществляемые на стыке с регионологией, предполагают широкое привлечение методов и инструментария истории, политологии, аксиологии, культурологии, экономики [Дерюгин, 2020]. Кроме того, социология уже давно стала полем изучения переломных моментов науки и научных революций: историк и социолог науки С. Шейпин привлек внимание научного сообщества к важности понимания и отслеживания этих процессов. Он указывает на то, что «революции» – изначально научный термин, который впоследствии переключался в политический дискурс: «Понимание революции как эпохальной и необратимой перемены, скорее всего, сначала утвердилось, приняв форму систематической оценки, в науке, а потом уже было перенесено как структура опыта на политические события. Поэтому мы смеем сказать, что первыми революциями были научные...» [Деар, 2015, с. 318].

То, как менялось понимание термина «революция», требует отдельного осмысления, на это также указывает С. Шейпин. До Нового времени

под революцией понимали периодичное, циклическое явление. В знаковом труде Н. Коперника 1543 г. *De revolutionibus orbium coelestium* термин обозначал вращение небесных сфер. *Revolutio* на поздней латыни – это «обращение, поворот, переворот». Англоязычный термин *revolution* и сегодня может отсылать к таким значениям, как «кругооборот, ротация, цикл, виток», что также указывает на определенную повторяемость, цикличность. По-прежнему в ходу и обозначение движения в обратную сторону – периодическое вращение. Что касается политического переворота, т. е. употребления термина «революция» для указания на общественно-политическое событие, то первые попытки можно датировать концом XVI – началом XVII в.: впервые он появляется в этом значении у Н. Макиавелли, возможно, ненамеренно, а в активный дискурс он попадает благодаря Ф. Бэкону [Шульц, 2016, с. 89]. Таким образом, изменение значения слова произошло не в латыни, а уже в английском языке [Шульц, 2016], из чего можно сделать вывод, что более поздняя трактовка термина «революция» заключается во внезапном разрушении прежнего и трансформации во что-то абсолютно новое, но слово также содержит отсылку и к своему первоначальному значению – цикличности и периодичности. Социология пытается дать ответ на вопрос о причинах распространения этого нового смысла: по мнению С. Шейпина оно стало возможным благодаря внедрению в общественное сознание понятия времени как чего-то линейного [Депар, 2015, с. 317], что способствует пониманию революции как явления, меняющего все безвозвратно. Восприятие научной революции в том же самом ключе происходит под влиянием западного цивилизационного концепта. О том, насколько такое понимание правомерно относительно науки, размышляет Т. Кун: признавая риторичность этих вопросов, он тем не менее спрашивает, насколько представление о линейной эволюции отражает то, что происходит в науке, каков вектор этой эволюции и ее предел [Кун, 1977, с. 223–224].

Знаменитый советский и российский теоретик науки В. С. Степин указывает на то, что при постепенном переходе от одной парадигмы к другой параллельно меняются установки познания, идеалы и нормы науки. В своем фундаментальном труде «Теоретическое знание» он доказывает, что существовавшие до XIX в. базовые установки научного познания были заложены еще в XVII в. [Степин, 2003, с. 556]. Это позволяет оценить ту плавную трансформацию осмысления окружающего мира (природы в естественных науках), которая произошла благодаря пониманию важности полного изменения философской базы науки, изменения основополагающих установок в научной среде. Как полагает В. С. Степин, в классический период развития научного знания исследователи практически игнорировали общественный контекст познавательной деятельности, а сам ученый представлялся отстраненным от объекта исследования и не влия-

ющим на акт познания. Отсюда вытекала единственно допустимая трактовка фактов, что в значительной степени обуславливалось и ведущей в то время механистической парадигмой. Теоретик пишет, что «...особую роль в системе обоснования отмеченных установок в качестве “единственно возможных” идеалов и норм научности сыграл метафизический механистический материализм, принципы которого вплоть до XIX столетия выступали в качестве методологической базы естественнонаучного исследования» [Степин, 2003, с. 557]. Первой необходимостью трансформации методологических норм осознала философия, что постепенно привело к более глубокому пониманию сути процесса познания: пришло осознание того, насколько важна роль исследователя; какое серьезное влияние на процесс и результат познания оказывают исторические и общественные факторы; в какой глубокой степени субъект познания и его деятельность зависят от норм и установок науки в текущий исторический период. Все это, в свою очередь, детерминировало трансформацию норм процесса познания: теперь исследователю все чаще стала требоваться гипотеза, теоретические обоснования для объяснения явлений действительности стали более вариативными; иначе стала обосновываться выбранная методология; были концептуально пересмотрены такие базовые вещи, как принципы относительности, инвариантности и наблюдаемости [Степин, 2003, с. 557–559]. Так появилась и получила обоснование совершенно новая научная картина мира – неклассическая рациональность, в которой *управляемость* научного процесса со стороны субъекта познания стала ответом на парадигмальный кризис.

Социолог С. Шейпин соглашается с тем, что зарождение и развитие научных революций следует рассматривать в более широком контексте – общественном, культурном, философском, поскольку большая часть трансформаций в научном процессе и его методах в XVII в. напрямую зависела от изменения самого жизненного пространства – пространства веры, политики, экономики [Депар, 2015, с. 319]. Можно согласиться с ученым в том, что современная наука следует тенденции вписывания объекта изучения в широкий общественный и культурный контекст, как того требуют нынешние научные нормы. И особых успехов в этом достигает трансдисциплинарная регионология.

Трансдисциплинарная регионология, в развитие ранее предложенных дефиниций [Макеева, 2018; Kremnyov, 2020], сегодня может быть определена как «наука интегративного плана, изучающая экономико-географическое, культурно-историческое, социально-политическое, языковое и иное своеобразие регионов, выявляющая закономерности регионального развития и межрегионального взаимодействия и опирающаяся на комплексную теоретико-методологическую базу, разработанную в регионах – объектах исследования» [Кремнёв, 2020]. Концепция трансдисциплинарной регионологии – ответ науки на современный кризис дисциплинарности, которая

не может дать исчерпывающего ответа на вопросы о сущности региона, его многомерности и о расстановке сил в комплексе факторов, ускоряющих и тормозящих региональное развитие, а также ответ на то, насколько эти процессы управляемы. Переход регионологии в трансдисциплинарную форму связан со многими составляющими: «как внутренними, исходными факторами (междисциплинарность, мультидисциплинарность регионологии; включенность неакадемического знания; необходимость интеграции «инсайдерского» взгляда), так и внешними, текущими причинами (повышение сложности управления региональным развитием; растущее неравенство между регионами; накопившиеся «парадоксы», неразрешенные задачи; концептуальный кризис регионального знания на рубеже веков)» [Кремнёв, 2020].

Вышеописанные факторы в значительной степени отражают сформулированные Т. Куном и В. С. Степиным признаки надвигающейся научной революции не только в регионологии, но и в других социогуманитарных науках, регионология же лишь оказывается на передовой этого фронта, поскольку именно регион, в его многообразии и многоплановости, требует одновременных усилий различных наук для осмысления региональной специфики в широком общественном, политическом, экономическом, языковом, культурном и иных контекстах. Очевидно, что такая комплексность требует координации научного процесса. Насколько же он управляем?

В современной науке можно отследить две тенденции, влияющих друг на друга: «трансдисциплинарзация регионологии как объективный процесс, который является реакцией на внутренний кризис этого направления» [Кремнёв, 2020], и активное продвижение трансдисциплинарности конкретными научными школами, т. е. попытки сделать этот процесс координируемым и управляемым. Это управление со стороны научного сообщества представляется нам необходимым элементом пути к преодолению парадигмального кризиса регионологии. Насколько эти усилия будут успешны в части его разрешения, станет видно уже в ближайшем будущем.

Литература

- Депар П., Шейпин С. Научная революция как событие / пер. с англ. А. Маркова. М. : Нов. лит. обозрение, 2015. 576 с.
- Дерюгин П. П., Лебединцева Л. А., Макеева С. Б. Социально-культурное пространство проекта «Один пояс, один путь»: региональная солидарность и конфликты в Китае, России, Казахстане, Узбекистане // Миграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политические, социально-экономические и демографические эффекты : сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 5–6 нояб. 2020 г. М. : Знание-М, 2020. С. 46–55.
- Кремнёв Е. В., Кузнецова О. В., Лесниковская Е. В. Трансдисциплинарная регионология: теория и методология : монография / [под науч. ред. Е. Ф. Серебrenниковой]. Иркутск : Изд-во Изд-во ИГУ, 2020. 155 с. (Трансдисциплинарная регионология).
- Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями 1969 г. М. : Прогресс, 1977. 300 с.

Макеева С. Б. Исследования развития регионов в рамках трансдисциплинарной регионологии // Теория и практика регионоведения. Т. 2 : тр. I Междунар. науч.-практ. регионвед. конф. Санкт-Петербург, 7 дек. 2018 г. / гл. ред. В. В. Яковлев ; отв. ред. Т. В. Вольская. СПб., 2018. Кн. 2. С. 6–14.

Степин В. С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.

Шульц Э. Э. «Революция»: к вопросу о возникновении термина // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2016. № 24 (2455), вып. 38. С. 87–93.

Kremnyov E. V., Lesnikovskaya E. V. Regional Studies Schools In Global Science Through The Prism Of Transdisciplinary Regionology // The European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. Volume 102. NININS 2020, International Scientific Forum “National Interest, National Identity and National Security” (10–12 March, 2020). European Publisher, 2021. P. 560–566. URL: <https://www.europeanproceedings.com/proceedings/EpSBS/volumes/vol102-ninins-2020>.

УДК 327

В. Ф. Печерица

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток

АРКТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ КИТАЯ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С РОССИЕЙ

Аннотация. Показана роль и место Арктики во взаимодействии Китая с Россией, так как правительство КНР по всем линиям и направлениям развернуло двусторонний формат сотрудничества с арктическими и неарктическими странами. Проанализированы интересы и геополитические расчеты КНР в этом регионе мира, арктическая стратегия КНР.

Ключевые слова: Россия, Китай, арктическая стратегия, Северный морской путь, Ледовый Шелковый путь.

V. Pecheritsa

Far Eastern Federal University, Vladivostok

CHINA'S ARCTIC STRATEGY IN INTERACTION WITH RUSSIA

Abstract. The purpose of this article is to show the role and place of the Arctic in China's interaction with Russia. The Chinese government has launched a bilateral format of cooperation with Arctic and non-Arctic countries in all areas and directions. There are analyzed interests and geopolitical calculations of China in this region of the world. China's Arctic strategy, its specific implementation program is an integral part of the country's socio-economic process.

Keywords: Russia, China, Arctic strategy, Northern Sea Route, Polar Silk Road.

Участие Китая в освоении Арктики длится уже более 20 лет с конца XX в. В первые годы этого периода Пекин в отличие от России не сформулировал свою арктическую политику в официальных документах, тем не менее он решал для себя следующие фактические задачи [Печерица, Лэй, 2019, с. 9]:

- 1) накопление разнообразной информации об Арктике;
- 2) изучение, геологоразведка и технологии промышленного освоения природных ресурсов Арктики;

3) освоение Северного морского пути и увеличение транспортных перевозок в арктическом регионе, с последующим встраиванием в инициативу «Один пояс, один путь». Северный морской путь – транспортная магистраль мирового значения, ее роль в XXI в. резко возрастает;

4) полярные исследования внутри Китая и через арктические экспедиции. Их цель – изучение арктической морской среды и ее влияния на мировой климат и климат КНР, изучение морских ресурсов и атмосферы Арктики;

5) участие в международных научно-экспериментальных дискуссиях по проблемам Арктики;

6) международно-правовая деятельность по уточнению и институализации юридического статуса Арктики;

7) первые дипломатические и внешнеполитические усилия Китая по продвижению своих интересов в Арктике.

На первом этапе Китай осторожно и в то же время настойчиво присматривается к этому региону, накапливает знания о нем. И только после того как в 2013 г. Китай получил формальное признание своих арктических интересов и был принят в Арктический совет на правах наблюдателя, Пекин начинает разрабатывать многоаспектную арктическую стратегию. Вооружившись этой стратегией, Пекин более активнее и увереннее стал участвовать в Арктической гонке. С 2013 по 2017 г. Госсоветом КНР разработана обширная программа практических мер по китайскому проникновению в Арктику, которая нашла реализацию в опубликованной в январе 2018 г. Белой книге по Арктической политике Китая. В этом официальном документе КПК и правительством сделана недвусмысленная высокая заявка руководства страны на активное участие Китая в управлении обширным северным регионом.

Это подтверждает и общее стремление Пекина участвовать в глобальном управлении, в том числе в мировой экономике, финансах, экологии и т. д. Эти претензии Китая стоят в одном ряду с инициативой Си Цзиньпина построить «Сообщество единой судьбы человечества». Это китайский сценарий перехода мира к глобализации, или глобализация по-китайски.

В США, Европе, Японии, Индии и других странах Арктическая политика Китая, его успешное устремление на Север вызывают беспокойство, а где-то даже резкое отрицание. Многие аналитики утверждают, что дальнейшие активные действия Китая в Арктике могут вызвать не только опасения подъемом алармистских настроений в мире, но и резкую антикитайскую политику.

Российские оценки активной китайской политики в Арктике более сдержаны. Официально Москва пока никак не комментирует эту политику КНР. Такая позиция России в отношении возросших китайских интересов определяется, с одной стороны, резким ухудшением отношений между Москвой и странами Евросоюза, а также санкционной политикой США в

отношении РФ, с другой стороны, России крайне необходимы китайские инвестиции, которые Запад не может предоставить, а Китаю все больше нужен российский газ. Кроме того, российские эксперты отмечают, что развитие конструктивного диалога между Россией и Китаем в энергетической сфере и «постепенное вовлечение китайских компаний в разработку ресурсов Арктики позволяет нам избежать энергетического кризиса и укрепить деловые контакты между Китаем и странами Северной Европы» [Тарасов, 2014].

По мнению китайских экспертов, Северный морской путь может сыграть ключевую роль в развитии двусторонних отношений России и Китая. «Развитие арктических морских коммуникаций будет способствовать не только китайско-российскому энергетическому сотрудничеству, но и развитию торговых отношений со странами северной Европы. В этой связи коммерческая ценность арктических магистралей для КНР очевидна» [Тарасов, 2014].

Вместе с тем ученые и эксперты из России дают различные оценки этой китайской политики в Арктике. Одни критикуют, другие призывают сотрудничать с Китаем. Позиция многих российских экспертов сводится к следующему: «Все действия Китая в Арктике, включая и новую официальную Арктическую политику, нужно понимать в контексте его претензии на роль важнейшего двигателя, сторонника, драйвера глобализации в современном мире, в том числе в Арктике». Автор статьи в целом разделяет эту точку зрения. В действительности как глобальная держава и крупнейшее в мире торговое государство КНР нуждается в открытии новых энергетических ресурсов и новых перспективных морских транспортных маршрутов. А это все может дать открывающаяся Арктика.

Итак, обнародованная в Белой книге по Арктике в 2018 г. арктическая стратегия КНР ознаменовала новый качественный этап в освоении Китаем этого обширного региона. Из намерений эта политика воплощается в практические дела. За короткий период уже сделано немало практических дел в ее реализации. В Арктике с тесным взаимодействием с Россией появляются первые инфраструктурные объекты, строятся новые полярные станции, идет широкое коллективное изучение льдов и атмосферы Арктики.

В тесном сотрудничестве с Россией идет освоение Северного морского пути. Начато освоение КНР Северо-Западного прохода. Китайские научные, транспортные организации и компании не только ведут интенсивную проработку арктических транзитных путей, но и оценивают выгодность маршрутов по российскому СМП, а также через железнодорожные маршруты севера России.

Северный морской путь стимулирует арктический экономический рост Китая, так как сокращает время транзита между Востоком и Западом на 40 %, а также уменьшает расход топлива и выбросы углерода. За по-

следние годы арктические морские пути уже испытали существенное увеличение трафика движения судов. Трафик Северного морского пути переживает рост в 53 %. Эта тенденция сохранится, так как арктические государства и коммерческие компании продолжают спонсировать арктическое судоходство и строительство ледоколов [Conley, 2014, p. 32].

В Пекине отчетливо осознают, что Северный Ледовитый океан и воздушное пространство над ним представляют собой уникальное коммуникационное поле, способное связать практически все наиболее развитые и динамичные регионы нашей планеты, что является принципиально важным для современной интенсивно развивающейся экономики Китая, чьи интересы носят глобальный характер [Сунь, Тю, 2015]. Северный морской путь (Россия) и Северо-Западный проход (Канада) – транспортные магистрали, которые имеют не только уникальное региональное, но и мировое значение, они связывают самым коротким путем Китай с развитыми странами Европы и Северной Америки. По прогнозам к 2030 г. Арктика может оказаться практически свободной ото льдов [Лукин, 2010], в результате чего станет возможным круглогодичное использование арктических транспортных путей. Уже сегодня китайские товары начали перевозиться по Северному морскому пути. Так, в конце лета 2013 г. началась китайская навигация по СМП. Первый китайский коммерческий контейнеровоз Yong Sheng из Шанхая прибыл в Роттердам в сентябре 2013 г. [Сунь, Тю, 2015]. За 8 лет уже десятки китайских контейнеровозов и танкеров прошли по СМП и объем перевозок по этому маршруту из года в год возрастает.

Осваивая СМП, руководство КНР учитывает следующие преимущества этого маршрута: экономичность этого маршрута, его меньшая протяженность в сравнении с традиционными южными маршрутами: расстояние, проходимое судами из порта Мурманск в порт Йокогаму (Япония) через Суэцкий канал, составляет 12840 морских миль, а Северным морским путем – только 5770 морских миль, т. е. в 2 раза меньше.

В пользу СМП свидетельствует и перегруженность в Суэцком и Панамском каналах, что напрямую угрожает безопасности межконтинентального судоходства и повышает себестоимость международной торговли. Сохраняется и проблема пиратства в Персидском заливе, Ормузском проливе, Южно-Китайском море и Малаккском проливе.

Успешное освоение Арктики Китаем требует современного флота (ледоколы, различные суда ледового класса и т. д.). Таких современных плавательных средств в стране пока очень мало. Несколько лет уже работает ледокол «Сюэлу» (Снежный дракон), построенный на Украине. В начале 2019 г. по финскому проекту на китайской верфи построено еще одно научно-исследовательское судно ледового класса «Сюэлу-2».

В настоящее время Госсоветом КНР разрабатывается и реализуется программа строительства собственных ледоколов и покупки их за рубежом.

В этом вопросе китайские судостроители успешно сотрудничают с финской компанией Aker Arctic Technology [China.org.cn, 2011]. Проявляется интерес к судостроению Республики Корея и Российской Федерации, где накоплен хороший опыт создания ледоколов. Вкладывая большие инвестиции в строительство ледоколов, Китай фактически создает сегодня свой современный арктический флот [Морозов, Клименко, 2015, с. 42]. Строится и первый атомный ледокол Китая.

Согласно прогнозам, к 2022 г. по СМП пойдет от 10 до 15 % китайского внешнеторгового грузопотока, в основном в виде контейнерных перевозок. Что соответствует примерно 800 млрд евро [Гриняев, 2015, с. 76–77]. По оценке экспертов, один «северный» рейс контейнеровоза или сухогруза может сэкономить от 0,5 до 3,5 млн долл. Для КНР данный вопрос крайне важен: экономика Китая как крупнейшей страны-экспортера на 46 % зависит от международного судоходства [Печерица, Лэй, 2019, с. 10].

В Пекине отчетливо осознают, что тот, кто получит в XXI в. контроль над арктическим маршрутом, будет существенно влиять на глобальную экономику. Освобождение арктического региона ото льда придает импульс судоходству КНР по пути в Европу. Потому, помимо собственной базы, Пекин арендует у КНДР два порта – Чонгкинг и Райан. Китай также надеется на расширение транспортного сотрудничества с РФ по использованию портов Дальнего Востока [Печерица, 2021, с. 210–211].

В конце 2017 – начале 2018 г. Китай и Россия приступили к реализации крупных инвестиционных проектов в Арктике в рамках «Морского Шелкового пути XXI века». Запущен крупнейший в мире современный завод «Ямал-СПГ». Для Китая и для России он имеет принципиальное значение. Это первый опыт масштабного взаимовыгодного сотрудничества в освоении Арктики на новых хозяйственных принципах. Пуск этого совместного предприятия – это не только закрепление наших стран на мировом рынке сжиженного газа (что очень важно в санкционной войне КНР и РФ с США), но это важно и для России, получившей крупный источник формирования грузовой базы для СМП. Эта база в ближайшие годы превратится в опорную зону в освоении российской Арктики [Санкции США ... , 2014].

В уставном капитале проекта «Ямал-СПГ» Китаю принадлежит 29,9 % и 63 % всего финансирования. Кроме того, Китай поставляет на этот объект огромное количество газового оборудования и новейшие технологии. При этом Китай имеет большие полномочия на закупку готовой продукции (СПГ). Китайская государственная нефтяная компания (CNPC) покупает ежегодно 3 млн т ямальского сжиженного природного газа [Китай может сократить ... , 2020].

Китайские заводы в Ланьчжоу, Шанхае и других городах поставляют на этот объект современные теплообменники для установок сжиженного газа (85 % всех моделей) [Криворотов, 2019, с. 20].

Проект «Ямал-СПГ» – один из первых в России получил масштабные налоговые и административные льготы: освобождение от НДС и экспортных пошлин, право самостоятельно экспортировать 100 % своей продукции, сооружение порта, портового и ледокольного флота и аэропорта, в том числе и за счет бюджетных средств. Как отмечают аналитики, размер государственной поддержки для этого проекта беспрецедентен для России. Он хороший пример не только для китайских инвесторов, но и всех других, которые пока робко и осторожно вкладывают свои капиталы в инфраструктурные проекты России (порты, заводы, дороги и т. д.). Оценивая этот совместный с КНР проект, президент России В. В. Путин заявил, что «Шелковый путь дотянулся до самого Севера. Объединим его с Северным морским путем, и будет то, что нужно, и СМП сделаем Шелковым» [Путин надеется ... , 2017].

7 июня 2019 г. компания ПАО «Новатек» подписала договоры купли-продажи в отношении 20 % доли участия в проекте «Арктик СПГ-2» с китайскими компаниями CNPC и CNODC [Пресс-релизы и мероприятия ... , 2019]. Соглашение предусматривает приобретение CNODC 10 % доли участия в проекте «Арктик СПГ-2». Подписание данного соглашения является продолжением сотрудничества между CNPC и «Новатек» после успешной реализации проекта «Ямал-СПГ».

В ноябре 2017 г. запущен первый сухопутный проект «Одного пояса, одного пути» в Северной Европе. Открыто регулярное железнодорожное сообщение из г. Сиань (КНР) через Казахстан и Центральную Россию в Финляндию. Оттуда грузы направляются в другие Скандинавские страны до норвежского незамерзающего порта Нарвик, связанного контейнерными линиями с США и Канадой.

Россия и Китай рассматривают и вопрос о расширении китайского транзита по азиатскому «плечу» Транссибирской магистрали, которое пока недостаточно задействовано в реализации мегапроекта «Один пояс, один путь».

Еще одним направлением сотрудничества Китая и России в Арктике является активное их участие в различных в международных научно-экспертных дискуссиях по проблемам Арктики. Это различные форумы, советы, конференции, симпозиумы, на которых наши страны апробируют свою арктическую стратегию, знакомят мировую общественность со своими арктическими программами. Это Арктический совет; Международный научный арктический комитет; Тихоокеанская арктическая группа (Pacific Arctic Group); Ny-Ålesund Science Managers Committee (NySMAC); Арктический сектор и другие площадки. Кроме изучения проблем климата, на этих форумах китайские ученые обсуждают и проблемы охраны окружающей среды. Как известно, эта глобальная проблема остро стоит и в Китае, и в России, а наши ученые вместе с учеными из других стран пытаются

выработать научные рекомендации по защите северной природы, по созданию безопасных условий, в том числе по техническому оснащению судоходства в акватории Северного Ледовитого океана и т. д. [Xu Shijie, 2013].

Важнейшей для себя задачей правительство КНР считает международно-правовую деятельность по уточнению и институционализации юридического статуса Арктики. Китай в своей арктической политике основывается на положениях Конвенции по морскому праву 1982 г., где закреплён статус общего наследия человечества за Мировым океаном, что даёт основания китайской стороне настаивать на расширительном толковании данного положения. Кроме того, в этих вопросах КНР ссылается на Договор по Антарктике, считая, что полярные зоны должны находиться в одинаковом международно-правовом статусе. Свою позицию Пекин отстаивает, опираясь, прежде всего, на международное право [Asian Players ... , 2016].

Активная политика Пекина по интернационализации Арктики усилилась после 2013 г., когда Китай был принят в Арктический совет в качестве наблюдателя. С этого момента авторитет КНР в решении арктических проблем заметно вырос. Пекин активно стал убеждать мировое сообщество, что политика арктических государств, стремящихся поделить Арктику между собой, является недальновидной и дестабилизирующей ситуацию в регионе. Совместное изучение вопросов использования Северного морского пути между Китаем и другими мировыми державами может привести их к длительному международному сотрудничеству.

При этом в Пекине полагают, что по своему географическому положению КНР находится в Арктике ближе, чем остальные неарктические страны. И это даёт ему право на особые привилегии в арктическом пространстве. Такие требования Поднебесной подкрепляются активным освоением Пекином морских путей, которые приведут к резкому росту экономики КНР.

Активная политика Пекина по интернационализации Арктики усилилась после 2013 г., когда Китай был принят в Арктический совет в качестве наблюдателя. С этого момента авторитет КНР в решении арктических проблем заметно вырос. Пекин активно стал убеждать мировое сообщество, что политика арктических государств, стремящихся поделить Арктику между собой, является недальновидной и дестабилизирующей ситуацию в регионе. Совместное изучение вопросов использования Северного морского пути между Китаем и другими мировыми державами может привести их к длительному международному сотрудничеству.

При этом в Пекине полагают, что по своему географическому положению КНР находится к Арктике ближе, чем остальные неарктические страны. И это даёт ему право на особые привилегии в арктическом пространстве. Такие требования Поднебесной подкрепляются активным освоением Пекином морских путей, которые приведут к резкому росту экономики КНР.

Китайское руководство придерживается позиции глобального управления Арктикой (за пределами суверенной юрисдикции арктических государств) и расширения прав неарктических государств на участие в арктических делах. Не имея прямых инструментов воздействия на арктическую повестку, Пекин пытается реализовать арктические интересы путем «проталкивания» (push-in): активного лоббирования своих интересов и прав в Арктическом совете, выгодных договоренностей в рамках двусторонних отношений, а также специфической риторики, основанной на продвижении понятия «околоарктических (jinbeiji) государств» для обоснования притязаний КНР на участие в арктических делах [Wu, 2016, с. 118–126; Печерица, 2021, с. 219].

Сегодня Пекин многое делает для решения этой общей глобальной проблемы. Открываются новые исследовательские центры по изучению Арктики, организовываются полярные экспедиции и т. д.

Основываясь на этой стратегии, Китай реализует свои интересы в Арктике в следующих практических делах:

- добыча углеводородов;
- добыча биоресурсов;
- использование Северного морского пути;
- исследование климатических и экологических проблем;
- решение вопросов геополитики и безопасности;
- реализация военно-стратегических интересов;
- уточнение, окончательное определение и институционализация международно-правового статуса Арктики.

Для реализации этих амбиций и интересов Китай проводит активную арктическую дипломатию, которая проявляется в развитии как двухстороннего формата взаимодействий с арктическими и неарктическими государствами, так и в многостороннем формате. Первым крупным достижением этой дипломатии стало получение КНР в 2013 г. статуса постоянного наблюдателя в главном коллективном органе арктических стран – Арктическом совете [Печерица, Лэй, 2019, с. 13].

Итак, современная арктическая стратегия Китая основывается на следующих геополитических и геоэкономических положениях [Печерица, 2021, с. 206–207]:

- Китай в своей арктической политике делает акцент на общечеловеческих интересах и ценностях, считая этот регион достоянием всех людей мира. Пекин надеется, что в ближайшем будущем арктические страны при окончательном определении границ своего континентального шельфа примут «мудрые» компромиссные решения с учетом интересов международного сообщества и согласно нормам международного права;
- одновременно Пекин ведет осторожную и вместе с тем сложную дипломатическую игру в Арктике, в которой он, с одной стороны, пытается

провести среди неарктических стран идею интернационализации арктического региона, а с другой – стремится заручиться поддержкой малых арктических стран (инвестируя в их арктические проекты огромные суммы);

- основная причина усиления китайского интереса к Арктике – геэкономическая. Китай интересуется не только инвестициями и развитием торговых отношений (освоением северных морских путей), но и стремится обеспечить себе новые геополитические условия для экономической экспансии;

- Пекин осуществляет в Арктике конструктивную политику в области охраны окружающей среды. Он учитывает, что северные страны не допустят Китай к разработке ресурсов, если это будет угрожать хрупкой экосистеме Арктики. Сегодня Пекин много делает для решения этой общей глобальной проблемы: открываются новые исследовательские центры по изучению Арктики, организовываются полярные экспедиции и т. д.

Западные страны, в первую очередь США, Япония, обеспокоены быстрым продвижением Китая в Арктику, сближением с Россией в том числе в военно-стратегическом направлении. Вернувшись в Арктику и успешно освоив этот перспективный регион, в том числе создание на новой научно-технической базе всей инфраструктуры Северного морского пути, Россия привлекает для этого инвестиции Китая. Одновременно Москва по всем направлениям укрепляет свою национальную безопасность в Арктике, в том числе стратегические военные базы на своей арктической территории. Арктическая зона России крайне обширна и требует защиты национальных интересов нашего государства.

У Китая как глобального игрока существуют свои интересы в Арктике, в том числе военно-стратегические. Но пока мы не можем говорить о милитаризации Китая в Арктике, так как КНР не арктическая страна. Но возможно все. Если коллективный Запад во главе с США будет втягивать Арктический регион в гонку вооружений и провоцировать военный конфликт РФ с КНР, то, вероятно, усилится и военно-стратегическое сотрудничество Москвы с Пекином, в том числе и в Арктике.

С тревогой следят за усилением арктического сотрудничества России и Китая в Японии, рассматривая это как угрозу управления полярным маршрутом. Япония, Республика Корея считают, что Китай нарушает арктические стандарты с точки зрения защиты окружающей среды, технологий и гуманитарной силы. Столкнувшись с требованиями стандартов защиты окружающей среды Арктического совета, Япония и Южная Корея заявили, что все их морские суда, проходящие через Арктику, экологически чистые, с нулевыми выбросами, а у Китая пока нет экологически чистых судов. В Токио и Сеуле полагают, что их страны могут предоставить высококачественные полярные научно-исследовательские приборы и оборудование для России и Норвегии, такие как ледоколы, круизные лайнеры противообледенительного типа и поисково-спасательное оборудование. А у Китая нет такой возможности.

Кроме того, с гуманитарной точки зрения в Японии и Южной Корее считают, что Китай придает большее значение взаимодействию с российским правительством, государственными предприятиями и обращает мало внимания на интересы коренных народов и частные предприятия.

Подобные мнения можно опровергнуть, если Китай и Россия смогут сформулировать долгосрочные стратегии и совместные планы по защите полярной окружающей среды, усилить мониторинг и предотвращение различных источников загрязнения морской среды, таких как выбросы судов, сбросы отходов в море и загрязнение воздуха, особенно мониторинг и контроль разливов нефти и опасных материалов в Арктике, создать механизм быстрого реагирования для предотвращения и уменьшения загрязнения окружающей среды и угроз Северному Ледовитому океану в результате освоения полярных ресурсов, строительства инфраструктуры и морского транспорта. Уже сегодня Россия и Китай объединяют ресурсы, обмениваются информацией и усиливают обучение навыкам аварийного реагирования, морского поиска и спасения во время посадок судов на мель, аварий арктических скважин и т. д.

В контексте растущей открытости и глобализации управления Арктикой, когда конфликты между сторонами не могут быть устранены в краткосрочной перспективе, продвижение китайско-российского сотрудничества в области развития Арктики имеет больше возможностей, однако сталкивается с рядом вызовов и ограничений.

Китай не является арктической страной. Хотя в Белой книге уточняется статус Китая как «приарктической страны» с постоянным расширением его возможностей в арктическом регионе, внешний мир все еще сомневается в участии Китая в арктических делах. Аргумент о том, что Китай «захватывает ресурсы Арктики и разрушает арктическую среду», также препятствует участию Китая в арктических делах. Для всеобъемлющего участия в арктических делах Китаю следует укреплять отношения с арктическими странами, прежде всего с РФ как самой арктической страной, и участвовать в сотрудничестве с соответствующими международными организациями, действуя согласно с правилами Конвенции ООН по морскому праву. Как самая большая страна в Арктическом регионе Россия имеет более прочную материальную основу и политическое влияние, чем другие страны. Россия, несомненно, занимает лидирующее положение в китайско-российском арктическом сотрудничестве. Стратегические соображения и ожидания России в отношении сотрудничества определяют широту и глубину китайско-российского сотрудничества в Арктике.

Суровые природные условия и слабая инфраструктура в Арктике требуют высоких затрат на разработку и сильной технической поддержки. С точки зрения технологий и безопасности Правила, сформулированные Меж-

дународной морской организацией, содержат высокие требования и ограничения в отношении технических гарантий и стандартов защиты окружающей среды для судов, пересекающих полярные воды.

У России достаточно опыта и технологий в строительстве ледоколов и навигации, однако не хватает ресурсов и инвестиций для полномасштабных работ в Арктике, в так называемом Северо-Западном проходе Китай может оказать помощь.

Вместе с тем существует ряд серьезных проблем, с которыми сталкиваются при освоении Арктики:

1) суровые климатические условия, позволяющие осуществлять транспортировку лишь в летнее время на данный момент;

2) недостаток собственных транспортных средств передвижения по Арктике;

3) отсутствие современных глубоководных портов и центров поиска и спасения;

4) высокая страховка ввиду очень высокой чувствительности к экологической деятельности, сопряженной с высокими рисками;

5) низкая развитость прибрежных северных регионов России.

В выстраивании своих международных связей Китай традиционно придерживается сугубо прагматичного подхода. После того как в мае 2015 г. на фоне повторяющихся заявлений о выходе российско-китайских отношений на беспрецедентно высокий уровень и начала политики «поворота России на Восток» президент России В.В. Путин и председатель КНР Си Цзиньпин выступили с совместным заявлением о сопряжении Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути», многие ожидали колоссального роста китайских инвестиций в российские экономические проекты. Китайский бизнес же продемонстрировал готовность инвестировать (несмотря на четкую политическую поддержку увеличения масштабов российско-китайского экономического сотрудничества) главным образом в хорошо проработанные экономические проекты, с реально или высоковероятно значимыми экономическими показателями, по большей части обеспеченные государственными гарантиями.

В случае с арктическим вектором российско-китайских отношений, несмотря на их принцип всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, по-прежнему остаются нереализованными многие амбициозные планы, в том числе по строительству «Белкомура» с китайским участием.

Что касается конкретно потенциала СМП как транспортной артерии для доставки китайских грузов, Китай не устраивает тарифная политика России по использованию СМП и фрахта ледоколов. По его мнению, высокая стоимость транспортировочных услуг может значительно снизить коммерческую рентабельность и, соответственно, конкурентное преимущество этого маршрута.

Многие факторы, такие как высокая стоимость разработки и транспортировки, определяют сложность и долгосрочный характер освоения Арктики. Освоение Арктики требует огромных инвестиций на ранней стадии. На фоне санкций от западных стран против России Китай должен стать основным инвестором в освоение российской арктической зоны. В условиях, когда рентабельность инвестиций трудно прогнозировать, степень риска значительно возрастает.

Итак, взаимодействие России и КНР по вопросам развития Арктического региона является одним из важных направлений российско-китайских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. Основная сфера сотрудничества – экономическая, хотя на обе стороны повлияло изменение геополитической ситуации в 2014 г.: на Россию – введение санкций, а на КНР – стремление обеспечить новые возможности для своей экономической «экспансии» в глобальном масштабе.

Очевидно, что некоторые важнейшие положения китайской и российской стратегий в Арктике обладают большим материальным и социальным наследием, несмотря на то что у Китая сегодня и в обозримой перспективе гораздо больше ресурсов (экономических, финансовых, технологических), чем у России, и динамика развития возрастает в пользу Китая. Пока КНР активно наступает, Россия стремится удержать свои позиции – суверенитет, территориальную целостность, национальный контроль над судоходством, приоритет международного права (т. е. межгосударственных соглашений) над некими универсальными правилами, которым все должны подчиняться в новых исторических условиях.

Очевидно, что Москва и Пекин не акцентируют внимание на некоторых важнейших расхождениях китайской и российской стратегий в Арктике. Расхождений и столкновений наши страны избегают в практической политике. Более того, Китай и Россия все теснее взаимодействуют друг с другом в Арктике на прагматической основе совпадающих интересов.

Литература

Гриняев С. Н. Экономические, технологическое и морское сотрудничество в Арктике // Право и инвестиции. 2015. № 1-2. С. 76–77.

Китай может сократить импорт СПГ из-за коронавируса // Ведомости. 2020. 6 февр. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/02/06/822366-kitai-mozhet> (дата обращения: 23.09.2021).

Криворотов А. К. Неравный раздел пополам: к подписанию российско-норвежского Договора о разграничении в Арктике // Вестник Московского университета. Серия 25, Международные отношения и мировая политика. 2011. № 2. С. 62–91.

Лукин Ю. Ф. Великий передел Арктики. Архангельск : Сев. (Аркт.) федер. ун-т, 2010.

Морозов Ю. В., Клименко А. Ф. Китай и другие государства Северо-Восточной Азии в «арктической гонке» // Китай в мировой и региональной политике: (история и современность). Т. 20, вып. 20. М., 2015.

Печерица В. Ф. Открывающаяся Арктика в мировой политике и международных отношениях : монография. Владивосток : Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2021. 338 с.

Печерица В. Ф., Лэй Шуан. Основные направления китайской политики в Арктике // Российско-китайские исследования = 俄中研究 = Russian & Chinese Studies. 2019. Т. 3, № 4. С. 7–16.

Пресс-релизы и мероприятия «НОВАТЭК» и CNPC подписали договор купли-продажи доли в проекте «Арктик СПГ 2» // НОВАТЭК. 2019. 7 июня. URL: https://www.novatek.ru/ru/press/releases/index.php?id_4=3244 (дата обращения: 23.09.2021).

Путин надеется, что РФ и Китай совместно сделают Северный морской путь Шелковым // Информационное агентство ТАСС. 2017. 9 дек. URL: <https://tass.ru/ekonomika/4797575> (дата обращения: 23.09.2021).

Санкции США ударили по 90 % российских нефтегазовых компаний // РБК. 2014. 12 сент. URL: <https://www.rbc.ru/economics/12/09/2014/570422199a794760d3d41721> (дата обращения: 23.09.2021).

Сунь К., Тю Т. Управление арктическим морским путем и участие Китая // Вестник Морского университета Китая : общественно-научный выпуск. 2015. № 13.

Тарасов А. Мы пойдем Севморпутем? // Эксперт. 2014. 10 марта. URL: <https://expert.ru/siberia/2014/11/myi-пойдем-sevmorputem/> (дата обращения: 22.09.2021).

Asian Players in the Arctic: Interests, Opportunities, Prospects / A. N. Fedorovsky, L. V. Filippova, T. A. Makhmutov, H. Nadarajah, V. E Petrovsky, O. A. Popadiuk, D. V. Strelson. Moscow : NPMP RIAC, 2016. 56 p.

China to launch new polar icebreaker in 2013 // China.org.cn. June 22, 2011. URL: http://www.china.org.cn/china/2011-06/22/content_22832591.htm (дата обращения: 22.09.2021).

Conley H. Arctic Destination and Trans-Shipping // Arctic Economics in the 21st Century. Rowman & Littlefield Publ., 2014.

Wu F. China's Accent in Global Governance and the Arctic // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6, Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2016. № 2. С. 118–126.

Xu Shijie Head Division of Policy and Planning, Chinese Arctic Administration, State Oceanic Administration Cooperation and Development in Arctic // Арктическая политика в XXI веке. СПб., 2013.

УДК 811.161.1'1(075.8)

А. К. Саакян

Ереванский филиал Российского экономического университета
им. Г. В. Плеханова, Ереван

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЕЗИДОВ В АРМЕНИИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Аннотация. Описываются этнокультурные особенности езидов как одного из крупных этнических меньшинств Армении. Раскрываются сущности, содержание и основные закономерности этногеополитических и социальных структур этноса. Проанализированы основы вероучения, элементы сложной обрядовости и быта езидов.

Ключевые слова: этнос, культура, этнокультурная идентичность, этнокультурные ценности.

A. K. Sahakyan

Yerevan Branch
of Russian University of Economics. G. V. Plekhanov, Yerevan

ETHNOCULTURAL FEATURES OF YEZIDIS IN ARMENIA: SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Abstract. The article is devoted to the description of the ethnocultural features of the Yezidis as one of the largest ethnic minorities in Armenia. The essence, content, and basic laws of ethnogeopolitical and social structures of the ethnos are revealed and described. The foundations of the doctrine, elements of complex rituals, and life of the Yezidis are analyzed.

Keywords: ethnos, culture, ethnocultural identity, ethnocultural values.

Постановка проблемы. В современном мире в целом и в частности в Армении принципиальное значение приобретают вопросы гармоничного существования гражданского общества в связи с процессами глобализации, урбанизации, распространением массовой культуры, а также проблемы сохранения самоидентичности малочисленных народов.

В Армении сегодня проживают около двадцати национальностей, основными из которых являются езиды, русские, греки, ассирийцы (или айсоры), украинцы, поляки, немцы, евреи, курды, грузины. Основная часть перечисленных народов имеет свои государства-метрополии, исключение составляют езиды, ассирийцы и курды.

В рамках социологических наук проблемы этнокультурной идентичности разрабатывались представителями классической западной социологии М. Вебером, Э. Дюркгеймом, Г. Спенсером, Г. Тардом и др. Подробный анализ процессов идентификации проведен в современной зарубежной социологии Х. Абельсом, З. Бауманом, П. Бергером, П. Бурдьё, Т. Лукманом, Р. Мертоном, С. Московичи, Т. Парсонсом, П. Призом, Н. Смелзером, П. Сорокиным, Э. Фроммом, Ю. Хабермасом и др.

Этнокультурная идентичность в контексте этнологии, этносоциологии и этнолингвистики рассматривается в работах таких исследователей, как С. А. Арутюнов, Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов, С. М. Широкогоров, М. А. Аствацатурова, Л. М. Дробижева, В. Ю. Зорин, В. К. Малькова, Л. Н. Гумилев, В. Н. Телия, В. А. Маслова, А. В. Костина. В работах указанных авторов понятие этнокультурной идентичности рассматривается как отождествление себя с этнической общностью на основе самоопределения личности, включающее в себя принятие ценностей культуры этноса, понимание, оценивание и переживание своего членства в данной этнической общности.

Терминологическую базу настоящего исследования составляют следующие основные общенаучные понятия: культура (от лат. *cultura* – возделывание, позднее – воспитание, образование, развитие, почитание); этнос – этническая общность (от греч. *ethnos* – племя, народ), исторически сложившаяся группа людей, обладающих общим самосознанием и самоназванием, единством происхождения и культуры, при своем возникновении этнос связан с определенной территорией.

В современной научной парадигме значение термина «этнос» до сих пор остается неоднозначным. Один из главных теоретиков этноса, крупнейший советский этнолог Ю. В. Бромлей рассматривает этнос как социокультурное явление, как общность, обладающую этническим самосознанием, т. е. обладающую общими чертами, стабильными особенностями культуры и психологического склада, сложившимися на определенной территории, и самосознанием [Бадмахалгаева, 2005]. Ю. В. Бромлей полагает, что любому этносу присуща антитеза: «мы» – «они», «свои» – «чужие» [Бромлей, 1983]. Поэтому, по мнению ученого, этнос представляет только та

культурная общность людей, которая осознает себя как таковую, отличая себя от других аналогичных общностей.

Л. Н. Гумилев определяет понятие «этнос» как биологическое, своего рода феномен биосферы, целиком относящийся к явлениям природы. Основным критерием вычленения этноса по его теории выступает не язык, не государственность, не экономика, а естественно сформировавшийся стереотип поведения [Гумилев, 1992].

Словарь по этнологии определяет *этнос* (греч. *ethnos* – народ) как исторически сложившуюся на определенной территории устойчивую совокупность людей, обладающих общими чертами, стабильными особенностями культуры и психологического склада, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксируемым в самоназвании в этнониме.

Понятие «культура» является фундаментальным понятием для гуманитарных наук, и ее изучение имеет давнюю историю. Сложно назвать другое такое слово, которое имело бы такое множество смысловых оттенков. По последним исследованиям, существует более 500 определений культуры.

Главное назначение культуры – быть средством духовного обогащения личности. Человек погружается в «мир культуры», осваивая множество языков, специфичных для материальной и духовной культуры. Национальная культура аккумулирует многовековой социокультурный опыт человечества. Высшей ее ценностью и образным звучанием является человек. Именно это, по словам Н. Ф. Алефиренко, определяет национальную культуру живительным духовным источником знаний о человеческой природе и душе народа способствует преемственности поколений и обогащению культуры [Алефиренко, 2020].

Этнокультура фиксируется в этнических константах (ценностях), представляющих собой «парадигмальные формы этнического сознания», включающие религию, мировоззренческие установки, язык, практику, исторические закономерности, общность предков и Родины. Н. М. Бадгалахаева рассматривает этнокультурные ценности как «совокупность ценностей материальной и духовной жизни этноса: природы, народного быта, праздничной культуры, истории, традиций образования и воспитания, народного искусства, народных идеалов» [Бадмахахаева, 2005].

Этнокультурные ценности включают в себя два основных аспекта – материальный и духовный. Материальный включает язык, обычаи и традиции, историю, литературу, народные промыслы, танцевальную и музыкальную культуру, исторические памятники, устное народное творчество и т. д. Духовный строится на таких понятиях, как историческая память, историческое наследие, нравственные идеалы, примеры для подражания, уважения к предкам, труду, любовь к природе, Родине и др.

Этнокультурные ценности обладают потенциалом преодоления культурных проблем, порожденных процессом глобализации, этнокультура

зидется на ценностях, которые охватывают религиозное мировоззрение, этикет, культ, этику, обычаи и традиции, народное художественное искусство, архитектуру, быт, формы межличностного общения [Маслова, 2001].

Значение и роль этнодифференцирующих и этноинтегрирующих признаков в восприятии членов этноса меняется в зависимости от особенностей исторической ситуации, от стадии консолидации этноса, от особенностей этнического окружения. Этнодифференцирующие и этноинтегрирующие признаки отражают чаще всего элементы духовной культуры, и это отражение может быть более или менее адекватным, более или менее искаженным, даже ложным [Алефиренко, 2020]. Иными словами, этническая общность – это, прежде всего, общность представлений о каких-либо признаках, а не сама по себе культурная отличительность.

Цель данного исследования – выявление этнокультурных особенностей езидов как одного из крупных этнических меньшинств Армении.

Обсуждение. Численность езидов во всем мире около двух миллионов. В основном они проживают в Сирии, Иране, Ираке, Турции, Армении и других странах. В Армении проживает около 40 тыс. езидов. Езидская община Армении стала складываться во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Это была первая волна миграции езидов в Восточную Армению. Езидская община Армении проживает преимущественно в селах областей Арагацотн, Армавир, Арарат, Ширак, а также в городах Ереван, Гюмри, Ванадзор, Абовян, Дилижан и Ташир. Сфера их занятий в основном распространяется на скотоводство (овцеводство), садоводство и земледелие.

Среди езидов есть три касты – пиры, шейхи и мриды. Пиры и шейхи – это высшие касты, их составляют религиозные служители. «Пиры» в переводе на русский – наставники. Мриды – это мирская каста, основа народа. Мир-шейх – глава езидов. Никакого различия между людьми разных каст нет, однако во главе стола всегда садятся шейхи и пиры. Есть пиры, которые обладают священными знаниями древних молитв, без их участия невозможно провести ритуалы по случаю рождения ребенка, свадьбы, похорон. Эти знания передаются из поколения в поколение. Функции членов этих каст передаются по наследству, браки можно заключать только внутри своей касты.

История езидских праздников восходит к древним незапамятным временам. Каждый из езидских праздников посвящен воспоминанию какого-либо важного события в жизни народа. Почти все езидские праздники начинаются с поста и заканчиваются торжеством. Сообразно этому устроена и вся жизнь езидов в праздничные дни: празднику предшествует трехдневный пост. Пост начинается во вторник утром – до восхода солнца – и длится до заката. На четвертый день, который приходится на пятницу, начинается торжество (Айд). Люди накрывают праздничные столы, ходят в гости и поздравляют друг друга.

Езидские праздники не имеют постоянной даты, у каждого праздника ежегодно перемещается дата празднования в зависимости не от цифры, а от дня недели. Праздник должен совпадать с определенным расположением солнца или луны. По своей сути езидский календарь расходится с григорианским и является подвижным.

Çarsema Sor или Красная среда – это самый главный для езидов праздник посвященный сотворению мира. По езидскому календарю мир был сотворен 6766 лет назад. Согласно мифологии Бог создал мир с помощью семи ангелов: *«Вначале Бог создал семь ангелов, а затем с их помощью приступил к сотворению мира. Бог с помощью ангелов начали сотворение мира в субботу и завершили в среду. После сотворения мира Бог поставил во главе ангелов Малик Тауса и заветал ему быть покровителем езидов»*. С этого дня езиды отсчитывают летоисчисление. Езидский Новый год начинается со среды. Дата его празднования приходится на третью среду апреля. Перед этим праздником в семьях пекут кулич (Kiloç), красят яйца во все цвета радуги и украшают свои дома свежими цветами.

Айда Езид (Eyda Êzîd) – великий праздник езидов, посвященный Богу – Творцу. Праздник приходится на третью пятницу декабря. Semaу Lalişê (Джамаи Лалиш) – 6 октября (по григорианскому календарю) начинается неделя паломничества езидов в святыню Лалиш. Каждый езид по мере возможности считает своим долгом поклониться святым местам и быть освященным святой водой Kanya Spi.

Айда Хидирнаби Хидрилиас (Eyda Xidirnebi Xidiriliyas) – праздник любви и исполнения желаний. Хидир Наби считается покровителем влюбленных, воссоединяет любящие сердца и исполняет их заветные желания. Через него и при его содействии исполняется божественное веление и предначертание судьбы. Согласно преданию, если в этот день молодые люди обратятся с молитвой к Хидирнаби и съедят на ночь соленую лепешку, то во сне могут увидеть своего суженого. Хидрилиас считается защитником больных, путников и невинно заключенных. Праздник отмечается в первую пятницу февраля.

Кроме перечисленных выше праздников, существует множество других праздников: Чиле Хавине – праздник отмечается в июле после окончания летнего сорокадневного поста. Чиле Звестане – праздник отмечается в январе после окончания зимнего сорокадневного поста. Батезми в честь Пир Али – у езидов Турции. Джамайа Шарфадин – у езидов Шангала.

Есть день в году, посвященный памяти усопших. Айда Беленде празднуется езидами Ирака в декабре – январе. Езиды Армении, Грузии и России не отмечают этот праздник. В отличие от остальных езидов они отмечают этот день летом, он попадает на второй четверг июня. В этот день езиды посещают могилы родственников и делают пожертвование в виде еды, напитков, денег и других вещей. Считается, что эти жертвования передаются усопшим.

Об этнической принадлежности езидов есть разные версии. Существует три основные версии: езиды – прямые потомки вавилонян; езиды – прямые потомки шумеров; езиды – выходцы из Индии, из Бумбаи (Бомбея), перекочевавшие на север Ирака. Сами езиды считают себя уникальным этносом. Езидский народ имеет многовековую историю, которая берет свое начало в 6-м тысячелетии до н. э. Исторической родиной езидов считается междуречье рек Тигр и Евфрат под названием Месопотамия. Однако сейчас там проживает меньшая часть населения, поскольку гонения и истребления со стороны мусульман, навязывающих ислам, вынудили их покинуть родину. Ряд ученых связывают езидов с курдами, но эта версия категорически отвергается самими езидами. Но некоторые из езидов называют себя курдами.

Одним из составных компонентов этнокультурных ценностей является язык как неотъемлемая часть культуры народа. Так, этническая самоидентификация выражена более высоко, когда человек хорошо владеет родным языком. Язык является внутренним связующим звеном человека с его этнической культурой, способствует усилению его стремления к интеграции с родным этносом. Диалект езидского языка – *курманджи* или *езидики*. Язык этот относится к северо-западной ветви иранской группы индоевропейской семьи. Как известно, каждая группа племен курдов говорит на своем диалекте (лури, сорани, гурани, заа и т. д.).

С давних времен многие востоковеды предполагали существование езидской письменности со своим собственным алфавитом. Некоторые исследователи говорят о существовании множества езидских трактатов, однако в настоящее время известны лишь две священные книги, где были использован езидский алфавит. Исконные окончания езидских фамилий заканчиваются на -и. Однако исторически езидские фамилии были ассимилированы под армянские и сейчас в основном оканчиваются на -ян или -ев.

В течение веков письменность и литература были утрачены по самым разным причинам, а вера, язык и культура передаются до сих пор только устно. Язык родители передают своим детям также в устной форме. Практически все езиды его знают, но уже есть молодежь, которая языком не владеет. Во всем мире езиды говорят на одном языке – езидском. Но на разных диалектах. Считается, что езиды в постсоветском пространстве говорят на так называемом материнском языке – самом правильном.

Каждая национальная культура отличается набором специфических языковых образов, символов, образующих особую систему кодов, с помощью которой, как пишет В. А. Маслова, носитель языка описывает окружающий его мир, используя ее в интерпретации не только внешнего, но и своего внутреннего мира [Маслова, 2001]. Одним из вербальных и невербальных кодов культуры езидов выступают праздничные обрядовые действия. Так, езидские свадьбы проводятся с обязательными национальными

обрядами, песнями и танцами, которые можно трактовать как коды культуры. Например, бросание яблок в невесту: жених поднимается на возвышенное место и оттуда бросает яблоки, чтобы попасть невесте по голове. Яблоко – это символ плодородия и девственности. А меткость жениха – символ мужественности. Ни одного несчастного случая на свадьбах не было – свидетели прикрывают голову невесты подносами.

Другой обряд – «Дерево счастья»: за день до свадьбы наряжают ветку дерева фруктами, конфетами, денежными купюрами. На свадьбе свидетель жениха должен потрясти эту ветку над молодыми. Это символ совместной жизни в любви и достатке.

Перед тем как начнется трапеза, проводят несколько обрядов. Шаль, которая есть у девушки, и шаль, которую преподнес ей в подарок будущий муж, связывают вместе. Невеста должна надеть этот импровизированный наряд. Она не имеет права снять связанные шали до того, как закончится этот торжественный день. Сама трапеза длится примерно три часа. Девушка уйдет из родного жилища только после того, как родные проведут несколько важных обрядов. Во-первых, родной брат невесты должен обвязать и развязать вокруг талии молодой девушки ленточку. Это нужно сделать три раза. Во-вторых, жених обязан дать родственникам своей будущей супруги выкуп за ее подушку. Если он справился с этой задачей, то девушку отпускают из родного дома. Затем все направляются в дом молодого человека. Поездка сопровождается веселой мелодией, которую играют музыканты.

Молодые не войдут в дом, пока будущая свекровь невесты не осыплет их конфетами и печеньем. Она держит сладости на большом подносе. Затем молодой человек становится на ступеньку или другую возвышенность, чтобы положить на голову своей будущей невесте яблоко. Это символ плодородия и знак того, что нужно размножаться.

Традиционный костюм езидов (тараз) и сегодня встречается в поселениях, где проживает народ. Женщины носят белые шальвары (хэвалкрас), рубаху (крас), поясную одежду, состоящую из двух фартуков (дейра), передник (шалэк), безрукавку (элак). Зимой надевают куртку из бархата (колк), пояс из шерсти (бане пште), головной убор конусообразной формы, обшитый серебряными монетами. Украшают одежду серебряными поясами (камарами). К своему традиционному костюму езиды относятся очень уважительно. Мужчины носили длинную бороду, заплетали волосы в косу.

Важную роль в развитии культуры этноса всегда играла религия. Каждая из религий (католицизм, православие, ислам, буддизм и др.) становилась основой духовной культуры народов, исповедующих ее. Религия езидов опирается на устную традицию и две священных книги с описанием канонов и традиций. Как и у всех представителей религиозных конфес-

сий, у них есть своя святыня – Лалеш (храм в Ираке, недалеко от г. Мосул). Существует два священных источника, один из них связан с Малак Тавусом. Согласно езидскому преданию мир был сплошным океаном, Малак Тавус с другими ангелами спустился на это место, опустил туда закваску и создал камень, в итоге там появился святой источник. В 2019 г. в Армавирской области Армении, рядом с д. Акналич, был открыт езидский храм Зиарат.

Езиды верят в существование единого Бога, проявляющего себя в виде Святой Троицы. Первое – это Малак Тавус (Ангел-павлин), второе – Шейх Ади (почтенный старец), третий Султан Езид (в облики молодого человека). Интересно то, что Малек Тавус проявляется в виде павлина. По преданию он отказался подчиняться человеку, так как он был предан Богу как своему Создателю. Другими словами, он мог поклониться только Творцу, а не Адаму, за это Бог наказал ангела, изгнал его из рая и назначил его править адом и томиться 7000 лет. Все время он плакал и смотрел на ужасы ада, в итоге Бог простил его и возвысил его на небо, а ад перестал существовать. Малак Тавус был прощен своим Создателем. Малак Тавус предстает в виде павлина, поскольку павлин по древним представлениям был райской птицей, воплощением достоинства и гордыни. Согласно преданию павлин был любимой птицей Бога, но изгнан из рая из-за своего высокомерия.

Мусульмане считают езидов неверными, так как езидская вера гласит, что езидами не становятся, а рождаются. В 2014 г. езиды подверглись геноциду со стороны террористической организации ИГИЛ.

Немаловажным является факт, что во время Русско-турецких войн курды воевали на стороне турок, почувствовали в геноциде армян в 1915–1918 гг., езиды были на стороне армян и воевали против турок. Так езидский кавалерийский отряд под командованием Джангир-ага действовал в составе армянской армии и принимал участие в знаменитой Апаранской битве.

После Октябрьской революции в Армении были созданы все благоприятные условия для езидов, издавались газеты, журналы, книги, газеты, в Педагогическом университете был факультет, где готовили учителей по езидской истории и езидскому языку. Среди известных езидов можно назвать Надию Мурад, иракская правозащитница езидского происхождения, лауреат Нобелевской премии мира 2018 г., также Зара – российская певица, Светлана Косян – российская оперная певица и др. Во времена СССР езиды и курды жили как один народ, всех называли курдами. Но после развала СССР начали различать езидов и курдов. Было проведено социологическое исследование, чтобы определить степень грамотности езидов, около 80 % не имеют высшего образования.

В настоящее время Армения является единственным государством, где есть более двадцати образовательных учреждений, изучающих езидский язык. В стране несколько издательств выпускают учебники и художественную литературу на езидском языке. Действует фонд, способствующий развитию езидской науки и искусства.

Выводы. Таким образом, проведенное исследование вероучения и ритуалов религии езидов указывает, что езиды относятся к курдской этноконфессиональной группе, говорящей на диалекте курдского языка – курманджи. Езидики принадлежит к северо-восточной подгруппе иранской ветви индоевропейской семьи языков. Результаты исследования кастового деления езидского общества и его влияния на особенности религиозного вероучения позволяют рассматривать езидизм как национальную религию, последователем которой можно стать только по праву рождения. Важными задачами современности езидов является повышение грамотности, сохранение обычаев и традиций.

Литература

Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка : учеб. пособие. 6-е изд. М. : Флинта, 2020. 288 с.

Бадмахагаева Н. М. Формирование этнокультурных ценностей у старшеклассников в процессе обучения русскому языку : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Чебоксары, 2005. 22 с.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М. : Наука, 1983. 418 с.

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М. : ДИ-КАРТ, 1992. 456 с.

Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб., заведений. М. : Академия, 2001. 208 с.

УДК 316.43

И. А. Савченко

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород

Нижегородский государственный педагогический университет
им. Козьмы Минина, Нижний Новгород

Московский городской педагогический университет
Нижегородская Академия МВД России, Москва

Ю. В. Козлова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н. А. Добролюбова, Нижний Новгород

КОНЦЕПТ БЕРЕЖЛИВОГО УПРАВЛЕНИЯ В ФОКУСЕ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Аннотация. Обоснована социальная востребованность исследовательского обеспечения формирования бережливой личности в пространстве современного российского региона. Представленные идеи и аргументы формулируются в контексте научного сопровождения реализации государственных национальных стандартов и региональных программ бережливого производства.

Ключевые слова: бережливое управление, бережливая личность, бережливое производство, бережливый процесс, бережливый образец, бережливый поток, бережливый регион, умный бережливый город.

I. A. Savchenko

Linguistics University of Nizhny Novgorod
Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University
Moscow City University, Moscow
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia
Moscow City Pedagogical University, Nizhny Novgorod

Yu. V. Kozlova

Linguistics University of Nizhny Novgorod

THE CONCEPT OF LEAN MANAGEMENT IN THE FOCUS OF REGIONAL DEVELOPMENT

Abstract. There is substantiated in the article the social relevance of research support for the thrifty personality formation in the space of the modern Russian region. The presented ideas and arguments are formulated in the context of scientific support for the implementation of state national standards and regional lean production programs.

Keywords: lean management, lean personality, lean manufacturing, lean process, lean sample, lean flow, lean region, smart lean city.

Актуальность проблемы. Современные тренды социального управления ориентированы на два ключевых вектора. С одной стороны, это эффективность, стандартизация, программируемое (устойчивое) развитие. С другой – творчество, поиск идентичности, гуманистическая направленность. В сознании многих людей эти два вектора управления производством и общественными отношениями являются полярными по отношению друг к другу и несовместимыми. Особенно в плане их общественного и личного восприятия.

Ядром концепта бережливого управления становится интеграция обозначенных векторов, реализуемая в системном единстве творчества и программируемого развития. Интегральным компонентом системы бережливого управления является бережливая личность, в которой интериоризированы основные ценности бережливого управления и продолжен внутренний конфликт несовместимости стандартизации и творчества.

В основе идеи бережливого управления – идея реализации ценностей жителей региона (города) в форме процессов, технологий, организации пространств и коммуникаций в фокусе решения жизненных вопросов социальных общностей и отдельных людей [Козлова, Савченко, Ротанова, 2021, с. 135].

Социально-психологическое исследовательское сопровождение таких амбициозных задач, как создание передовых городских агломераций, производящих актуальные модели бережливого управления в разных сферах для их последующего тиражирования, представляется актуальным и необходимым.

История вопроса. Элементы практики бережливого управления мы находим у создателей классической теории управления – Г. Форда и

Ф. У. Тейлора. Более ста лет назад именно конвейер описывался как «новая технология бережливости». Тем не менее уже сто лет назад в рамках теории человеческих отношений (Э. Мэйо) высказывались сомнения в «человечности» системы Форда. Можно сказать, что именно Э. Мэйо создал первую истинно бережливую технологию управления производством, поскольку попытался интегрировать понятия производственной эффективности и личностной самореализации.

Особое продолжение концепция человеческих отношений (и более поздний ее вариант – концепция человеческого капитала: Дж. Минсер, Т. Шульц, Г. Беккер) получила в практике управления концерном «Тойота», где корпоративная солидарность была возведена в абсолют, и преданность своей организации обрела для личности внутреннюю ценностно-рациональную природу. Именно благодаря особой корпоративной философии азиатские концерны смогли обеспечить в высокой степени эффективное бережливое производство. Такой же опыт продуктивно используется в настоящем в городских и региональных пространствах ряда азиатских государств (Индонезия, Сингапур, Япония [Кремнёв, 2020, с. 22], Корея [Кузнецова, 2020, с. 89], частично Китай [Вербицкая, 2016, с. 376]).

Параллельно на Западе, в особенности в Соединенных Штатах, начиная с 1950-х гг. становится популярным понятие корпоративной культуры [Schwartz, Davis, 1981]. Теоретики корпоративной культуры полагали, что она формирует уникальную систему артефактов, отношений и действий [Вейлл, 1993, с. 127]. Ряд авторов подчеркивает, что в Европе начиная с позднего Средневековья такие системы способны были выдерживать испытание временем и развивать у членов профессионального сообщества особую объединяющую их психологию [Кириллова, 2007, с. 32].

Однако в Новейшее время западным обществам не удалось достичь эффективности азиатского опыта построения корпоративной солидарности: ценности организации (города, региона) не становились личностными ценностями для людей с индивидуалистическими установками; меняя работу или место жительства, эти люди легко меняли свой образ мыслей.

Некоторые ученые высказывали предположение, что западный человек в отличие от восточного, несмотря на стремление к стабильности, тяготеет к изменениям. Такая внутренняя дихотомия предполагает особый подход к экономичному (бережливому) управлению. Появляются концепции «управляемых изменений», «управления изменениями», «программируемого (устойчивого) развития» [Коттер, 2008].

Концепция бережливого производства возникла и разрабатывается именно в России, однако в ней в той или в иной степени применены элементы концепций, речь о которых шла выше.

Принципы бережливости стали применяться в российской практике управления с 2000 г. [Об утверждении ... , 2008], а с 2014 г. началась реализация соответствующих программ в разных сферах уже на

государственном и региональном уровнях [Бережливое производство ... , 2015]. Устранение потерь является комплексной задачей, которая в каждой практической области решается с учетом социальной и личностной специфики субъектов и объектов управленческого процесса.

Ряд отечественных авторов полагает, что российские практики управления в плане бережливого подхода на данный момент уступают зарубежным. С. Г. Тяглов и М. В. Такмашева выявляют «серьезные трудности» на пути конструирования и внедрения бережливых систем в российских условиях. Среди таких «трудностей»: недостаточное внимание к устранению потерь; частичное, а не полное применение всех инструментов бережливого производства; несформированность научного подхода к системе мотивации сотрудников; ориентация исключительно на количественные показатели роста производства в ущерб качественным [Тяглов, 2019, с. 110].

В Российской Федерации сегодня активно развивается проект «Бережливый город» (инициатор – российская государственная корпорация «Росатом») в сфере городского хозяйства, образования и администрирования в целом, базирующийся на создании максимально эффективной социальной среды на локальном уровне, где личностные ресурсы используются рационально и вариативно (куратор программы – Н. Давыдова).

В задачи проекта «Бережливый город» входят повышение эффективности процессов государственного и муниципального управления; улучшение качества и доступности инфраструктуры; повышение уровня удовлетворенности граждан работой ЖКХ, транспорта, дорожного хозяйства и других сфер.

Проект реализуется по следующим направлениям: оптимизация процесса организации пребывания детей в детском саду; оптимизация процесса реализации мероприятий на уровне начального общего образования, не связанных с ведением урока; оптимизация процесса водоотведения городского округа; оптимизация процесса обслуживания уличного освещения городского округа; оптимизация процесса организации закупочной деятельности; оптимизация процесса документооборота; оптимизация процесса размещения нестационарных торговых объектов; оптимизация процесса организации подготовки и направления ответов на обращения граждан; усовершенствование контроля и оптимизация процесса уборки городских улиц; сокращение времени на оказание услуг инвалидам, детям-инвалидам и пенсионерам, выступающим в роли клиентов и покупателей. Формы работы с руководителями и сотрудниками муниципалитетов по внедрению проекта: обучение инструментам бережливого производства; проведение стартовых совещаний и консультаций, выявление проблемных зон; проведение картирования и хронометража потоков, выявление текущего состояния и разработка целевого состояния потоков; коллективная разработка планов по достижению целевого состояния.

В Нижегородской области в последние годы идет активное взаимодействие «Росатома» и правительства области в рамках проекта «Эффективная губерния». В 2019 г. был создан управляющий совет «Комплексная оптимизация производства», координирующий взаимодействие промышленных предприятий, учреждений здравоохранения, образования и местных органов власти. На основе бережливых технологий проведена оптимизация производства на заводе «Красное Сормово», создана система лицензирования «Электронный инспектор», разработан проект *Lean Smart City*, объединивший элементы бережливого производства и «умного города» в Сарове. Помимо апробации цифровых технологий, проект предусматривал оптимизацию работы госкорпорации «Росатом» и позволил, несмотря на высокий уровень затрат, сэкономить 7,5 % муниципального бюджета. Впоследствии этот опыт был реализован в других «атомных городах» (в Мурманской и в Саратовской областях), в дальнейшем предполагается широкое тиражирование данной технологии.

Несмотря на очевидные успехи в реализации концепции бережливого управления, мы до сих пор наблюдаем ситуации, когда не только рядовые граждане и работники-исполнители, но и многие руководители не рефлексируют смыслы бережливого управления. Концепт бережливости на данный момент еще не интериоризирован большинством людей на индивидуальном-личностном уровне.

Перспективы исследовательской работы. В складывающихся условиях становится востребованным исследовательское обеспечение фундаментальных и прикладных основ формирования бережливой личности в пространстве современного российского региона. Данная цель формулируется в рамках научного сопровождения реализации государственных национальных стандартов и региональных программ бережливого производства, ориентированных на создание проектов бережливого управления. Особое внимание уделяется сферам общественной жизни, где производство ценностей, смыслов, представлений и состояний является приоритетным (образование, наука, культура, творческая деятельность, работа с детьми и молодежью).

На данный момент в Российской Федерации выработан комплекс инструментов эффективного внедрения бережливых технологий в практику управления. Тем не менее данная практика будет намного более продуктивной в случае, если концепт бережливости будет принят гражданами на личностном уровне. Иными словами, если концепт будет интериоризирован на уровне личности.

Процесс формирования бережливой личности может сопровождаться рядом особенностей, сложностей и противоречий, которые необходимо выявлять и анализировать. В данном случае будут востребованы прикладные методы социологического исследования.

Литература

Бережливое производство основные методы и инструменты. Lean production. Basic methods and tools. Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 56407-2015 Группа Т59 ОКС 03.120.10 ОКСТУ 0025 Дата введения 2 июня 2015 г. : утв. и введен в действие Приказом Федерального агентства по техн. регулированию и метрологии от 27 мая 2015 г. № 448-ст.

Вейлл П. Искусство менеджмента: Новые идеи для мира хаотических перемен : [пер. с англ.]. М. : Новости, 1993. 220 с.

Вербицкая О. Ю. К вопросу о важности понятия «культурная среда» в регионоведении // Азиатско-Тихоокеанский регион: диалог языков и культур : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2016. С. 374–378.

Кириллова Е. Н. Корпорации раннего Нового времени: ремесленники и торговцы Реймса в XVI–XVIII веках. М. : Наука, 2007. 341 с.

Козлова Ю. В., Савченко И. А., Ротанова М. Б. Глобальный город в пространстве социальных потоков современного мира // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 1. С. 133–137.

Коттер Дж. Наш айсберг тает, или Как добиться результата в условиях изменений : [пер. с англ. М. Поповой, А. Кушниренко]. М. : Эксмо, 2008. 128 с.

Кремнёв Е. В. Региональные исследования в Японии : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 181 с. (Трансдисциплинарная регионология).

Кузнецова О. В. Корейские региональные исследования: мир о Корее и Корея о мире. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 193 с. (Трансдисциплинарная регионология).

Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Собр. законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

Тяглов С. Г. Развитие бережливого производства в условиях трансформации региональной экономики // Journal of Economic Regulation. 2019. Т. 10, № 1. С. 107–119.

Schwartz H., Davis S. Matching Corporate Culture and Business Strategy // Organizational Dynamics. 1981. Summer. P. 33–45.

УДК 274/278:322(73)

А. В. Степанов

МБОУ г. Иркутска СОШ № 18, Иркутск

Т. В. Федорова

Иркутский государственный университет, Иркутск

ЗНАЧЕНИЕ ПРОТЕСТАНТСКОЙ ЦЕРКВИ США В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ГОСУДАРСТВА

Аннотация. Описывается падение традиционных христианских ценностей в Соединенных Штатах Америки начала XXI в., которое породило феномен протестантского фундаментализма. Освещается взаимосвязь ранней американской политики с религией посредством институционального, а также культурного подхода на примере протестантской церкви. Проанализирована роль протестантских консервативных организаций и их лидеров, готовых участвовать в политических процессах, пропагандируя свои взгляды и возвращая тем самым утраченные народом ценности. Делается вывод о влиянии и перспективах взаимодействия государства и религии в США.

Ключевые слова: США, религия, протестантизм, мессианство, политика.

**THE IMPORTANCE OF THE PROTESTANT CHURCH OF THE USA
IN THE POLITICAL LIFE OF THE STATE**

Abstract. At the beginning of the XXI century the fall of traditional Christian values in the United States, gave rise to the phenomenon of Protestant fundamentalism, the formation of Protestant conservative organizations ready to participate in political processes, promoting their views, as well as candidates for high political positions capable of promoting their interests, thereby returning the values lost by the people. This article analyzes the process of perspectives of interaction between the state and religion in the United States, through an institutional as well as a cultural approach on the example of the Protestant Church.

Keywords: USA, religion, Protestantism, messianic, politics.

В условиях мировой нестабильности и геополитического кризиса наиболее актуально встает проблема взаимодействия государственных и религиозных структур. Несмотря на существование в США межконфессиональной толерантности, религиозную основу составляют евангелистские организации, сформировавшиеся еще в период становления американской государственности. Исторически сложилось, что вера и политика в США неразрывно связаны друг с другом. Религия является полноценным игроком в сфере политики, влияя на процессы принятия политических решений, обуславливая это культурными основами американского общества. Протестантская вера эпохи основателей наложила на современную политическую жизнь США отпечаток избранного народа, миссионеров, способных изменить мир.

Идея исключительности породила высокий уровень самоидентичности американского народа и, как следствие, формирование определенных ценностей, диктуемых религией, нарушение которых не могло не найти реакцию в обществе. США являются страной, созданной на религиозном национальном патриотизме, проектом воплощения нового, идеального государства, где изначально основополагающей силой была религия. Ранние американские политики также несли на себе отпечаток религиозности, которая оказала влияние на тех, кто возглавлял американскую революцию и написал Конституцию. Религия выступает в качестве силы, влияющей на сознание народа, как связующий элемент многокультурного государства, как идеология.

Религия здесь существует не только в качестве личной веры, но и как элемент политической культуры, которую формирует общество. Характерной в этом контексте является знаменитая Декларация независимости 1776 г., написанная Томасом Джефферсоном. Самое часто цитируемое предложение из которой звучит так: «Мы считаем, что эти истины самоочевидны, что все люди созданы равными, что они наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, правами на жизнь, свободу и стремление к счастью» [Dick de Vos, 1997, p. 36].

Эта декларация имеет два способа интерпретации. Человеческая жизнь, свобода и индивидуальное стремление к счастью гарантированы Богом и являются «самоочевидной истиной», что не может быть опровергнуто ни одной формой разума.

На первый взгляд, это утверждение может показаться тоталитарным. Но с другой стороны, эти «самоочевидные истины» выступают как коллективное решение: «мы считаем, что эти истины самоочевидны...» [Dick de Vos, 1997, с. 36], что означает, мы верим в них, мы держимся за них. Таким образом, можно говорить о том, что истины имеют смысл только тогда, когда являются коллективно заслуживающими доверия.

Если рассматривать американскую внешнюю политику и политику безопасности с этой точки зрения, это, прежде всего, попытка исполнения «естественного» социального и политического порядка на глобальном уровне, в котором должны быть гарантированы равенство, свобода и индивидуальное стремление к счастью в качестве неотъемлемых прав человека. Это, однако, довольно часто подразумевает, что естественный социальный порядок будет образован автоматически без принятия каких-либо культурных усилий.

Намерением отцов Конституции было передать волю Творца в положениях Конституции. Но, как известно, Бог – не только Творец, но и Искупитель, который принял жертвенную смерть. Существует взаимосвязь жизни и смерти, они переплетаются между собой, связывая мир мертвых и общество.

В США существует идея мессианского искупителя (фигуры, которая олицетворяет жизнь, свободу и стремление к счастью), который отделился от религиозных контекстов, был перенесен в политическую жизнь, определил модель поведения США на мировой политической арене. Мессианская мечта о свободе, соблюдении прав человека, о мире во всем мире в конечном счете сводится к «цивилизации» и совершенствованию всего мира, а не только отдельного государства [Putnam, Campbell, 2012, p. 75].

Мессианская мечта, проводя прямую аналогию с жертвенной смертью Христа, определяет политическую убежденность в том, что должна существовать крепкая связь между теми, кто может жить в свободе, и теми, кто умер за эту свободу. Во время гражданской войны, при битве под Геттисбергом, президент Линкольн произнес слова, которые по сей день являются образцом этой стороны американского мессианства: «Они отдали свои жизни, чтобы нация могла жить. Те, кто умер – умерли не напрасно; что эта нация – под защитой Бога, которая вправе иметь новое рождение свободы, где власть – в руках народа и для народа. Это нация, которая никогда не исчезнет с планеты Земля» [Moltmann, 2003, p. 161–172].

Сам Линкольн позже был сравнен с Иисусом и, в конце концов, тоже был убит в Страстную пятницу. С тех пор его именовали как «президент-мученик». Убийство президента Кеннеди или общественного деятеля

М. Лютера Кинга иллюстрирует рождение свободы через жертвенную смерть. Всех американских солдат, погибших в военных действиях, принято вспоминать в День памяти.

Другая теологическая основа образования США кроется в Исходе, что обычно означает «отход» в контексте библейского Ветхого Завета – отток населения израильских племен из египетского рабства фараонов. Для первых пуританских поселенцев в Америке этот исторический факт был моделью и своеобразным планом для образования их собственной идентичности. Для этих первых американцев Европа была некоторым прототипом Египта, континентом варварства и коррупции, местом религиозной нетерпимости, центром войн, воплощением страданий и беспорядка. Исход стал формирующим элементом американской идентичности, проявляющимся не только в области внешней политики, но и в бытовой сфере жизни американцев.

По сей день Исход остается формирующим и актуальным принципом американской точки зрения на Европу. В основном Европа всегда оставалась «Старой Европой», неспособной сохранить мир или восстановить его. Если в настоящее время и существует образ «Новой Европы» в глазах американцев, то это только потому, что европейцы осмеливаются на новый политический старт вместе с США.

Еще один библейский мотив, относящийся к Ветхому Завету, – признание Израилем Яхве как Бога своего. Израиль получает землю, Святую землю; в свою очередь, берет на себя обязательство подчиниться и соблюдать законы завета и, таким образом, быть святым и избранным народом. Положение первых американских поселенцев было аналогичным. Эксперимент пуритан на американской земле заключался в превращении в жизнь их понятия священного завета, а также в образовании общины святых и избранных людей, живущих в политической реальности [Steven, Abrutyn, 2015, p. 33].

Этот эксперимент был крайне проблематичным, ибо это означало с точки зрения социальной практики, что создание политических прав (например, права голоса), а также экономических прав (например, прав на приобретение земельных участков) зависит от религиозной квалификации, т. е. от официального свидетельства о дисциплинированном и благочестивом поведении в жизни. Это сразу же вызвало две реакции. Первая касается взаимоотношений между человеком и обществом, вторая – отношений между прошлым и будущим, что должно было быть принято во внимание.

Жизненно важные экономические и политические интересы отдельных лиц не могли быть подавлены на длительное время. Никто не мирился с постоянным исключением из политической и экономической жизни на основании нехватки необходимой степени благочестия и святости. Соответственно, это привело к первым компромиссам. Социальное давление

было снижено, как и планка благочестивого поведения. Прежде всего, все люди, имеющие волевой характер, амбиции, готовые трудиться, получили статус религиозной избранности. В обществе преобладало убеждение, что американец-протестант по факту принятой им веры является богоизбранным. Избранность уже не дифференцировала святых и грешников. Вставал другой вопрос: «Имеет ли смысл становиться богатым с Божьей помощью только для того, чтобы в конечном счете быть проклятым? Нет, экономический успех должен быть свидетельством того, что Бог по-прежнему имеет на меня дальнейшие планы». И по сей день экономический успех в США имеет отпечаток религиозного помазания. Американцы хотят заработать больше денег, а не иметь более продолжительные отпуска. В настоящее время можно услышать на религиозных каналах в США то, что не может быть услышано нигде в мире: «Бог хочет, чтобы вы были богаты». Но даже для тех, кто не хочет принадлежать идее индивидуализма, т. е. бескомпромиссному стремлению к удовлетворению собственных интересов, успех оправдывает жизнь, является ее смыслом и гарантирует высокую оценку в обществе. Концепция избранности американской нации в преследовании своих собственных интересов сильно повлияла на американскую внешнюю политику и политику безопасности. В концепции американской исключительности преобладает понятие, что Америка находится за пределами хода мировой истории и имеет особый статус, статус *Specialis*, который не достижим другими народами. Кроме того, погоня за удовлетворением собственных интересов сопровождается известным девизом «Америка прежде всего», а также одержимостью национального суверенитета [Wolfe, Katznelson, 2010, p. 15].

Идея завета также отвечает за другой аспект самовосприятия образа Америки. Американцы должны отстаивать завет. Америка как страна иммиграции процветает от готовности иммигрантов отказаться от старых связей и принять новые. В свое время президент Джонсон сказал: «Они пришли сюда как изгнанники и пришельцы, смелые, но испуганные, чтобы найти место, где человек может быть себе хозяином. Они заключили завет с этой землей. Эта земля была зачата в справедливости, написана в свободе, соединенная в союзе и была задумана, чтобы вдохновлять надежды всего человечества; и она обязывает нас к этому и сегодня. Если мы будем соблюдать условия, то будем процветать». Политическое послание этого текста ясно: Америка не просто страна, Америка является своего рода проектом, и этот проект процветает на религиозном национальном патриотизме, который стал всемирным, способным вдохновлять человечество.

Ранние американские политики несли на себе отпечаток религиозности. Например, пуритане были ненасытными читателями Писания. Согласно пуританской вере люди не нуждаются в посреднике между собой и словом Божиим, поэтому божественное руководство искалось в Писании.

Историк Дональд Лутц предполагает, что библейская традиция также оказала влияние на тех, кто возглавлял американскую революцию и написал Конституцию [Lutz, 1998, p. 113]. В своих исследованиях, изданных с 1760 по 1805 г., Лутц обнаружил, что Библия была единственной наиболее часто цитируемой книгой в Конституции, что позволяет говорить о том, что Библия была своего рода «учебником отцов основателей», а также объясняет, почему политические аргументы обычно выдержаны в стиле библейского языка и почему библейские аналогии используются для объяснения политических ситуаций.

Основываясь на вышесказанном, можно говорить о том, что отпечаток протестантского христианства на эпоху основателей, на современную политическую жизнь США проявляется в нескольких аспектах. От пуританства сохранились три элемента, оказывающихся особенно важными для последующей американской политической практики: теологическая основа, акцент на общей порочности человечества и концепция избранного народа. Пуританский образ человеческой греховности определил лучший сценарий для поддержания стабильного правительства. А идея избранности призвала американцев думать о своей нации как о нации миссионеров. Несмотря на то что прошло несколько столетий, эти идеи продолжают отбрасывать длинную тень на образ американской политической жизни.

Литература

Dick de Vos *Rediscovering American Values: The Foundations of Our Freedom in the 21st Century*. New York : The Penguin Group. 1997. 36 p.

Lutz S. D. *Colonial Origins of the American Constitution: A Documentary History*. Indianapolis : Liberty Fund, 1998. 256 p.

Moltmann J. *Journal of International Peace and Organization*. 2003. 172 p.

Putnam R. D., Campbell D. E. *American Grace: How Religion Divides and United Us*. New York : Simon & Schuster, 2012. 720 p.

Steven B. G., Abrutyn S. *Who's Right About the Right? : Comparing Competing Explanations of the Link Between Conservative Protestants and Conservative Politics in the United States // Journal for the Scientific Study of Religion*. Vol. 68, N 1. 2015. 175 p.

Wolfe A. Katznelson I. *Religion and Democracy in the United States: Danger or Opportunity?* Princeton University Press, 2010. 30 p.

А. В. Степанов

МБОУ г. Иркутска СОШ № 18, Иркутск

Т. В. Федорова

Иркутский государственный университет, Иркутск

ДЕМОКРАТИЯ СЕГОДНЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕМОКРАТИИ И РОЛЬ США В ДАННОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Анализируется процесс распространения демократии как политического режима, который соблюдает баланс между потребностями народа и государства и имеет ряд преимуществ перед другими режимами. Дается историографический анализ исследования процесса распространения демократии, раскрываются причины демократизации в современном мире. Выявляются причины влияния США на процессы демократизации в условиях глобализации.

Ключевые слова: США, демократия, демократизация, проблемы демократизации, политика, глобализация.

A. Stepanov

MBOU of Irkutsk school № 18, Irkutsk

T. Fedorova

Irkutsk State University, Irkutsk

DEMOCRACY TODAY: METHODOLOGICAL ASPECTS OF FORMATION OF DEMOCRACY AND THE ROLE OF THE USA IN THIS PROCESS

Abstract. Currently, the spread of the democratization process is quite relevant. Democracy is considered a political regime that balances the needs of the people and the state and has a number of advantages over other regimes. Now the spread of democracy is an important direction in the policy of some countries, in particular, the United States of America. This article provides a historiographic analysis of the study of the spread of democracy, reveals the reasons for democratization in the modern world. The reasons for the influence of the United States on the processes of democratization in the context of globalization are revealed.

Keywords: USA, democracy, democratization, problems of democratization, politics, globalization.

В настоящее время все большее количество стран переходят к демократическому режиму правления. В условиях современной глобализации демократия считается одним из самых устойчивых и развитых политических режимов. Лишь демократия способствует созданию диалога между гражданами и представителями власти. Это позволяет решать многие вопросы с пользой и учетом мнения обеих сторон. Также демократия сохраняет и укрепляет мир на международной арене, устанавливает равенство всех перед законом, следит за соблюдением прав и свобод граждан. Перечисленные преимущества улучшают качество жизни в демократических странах.

«Идея народной власти» давно посещала человечество, хотя для большинства древних государств она выглядела скорее утопией, чем реальностью. Тем не менее первые попытки демократизации были предприняты еще в XIX в. в европейских странах, когда стало уходить классовое разде-

ление. Некоторые развитые страны повернули в сторону демократии в течение XX в., ощутив последствия разрушительных мировых войн, практически все государства мира пришли к осознанию необходимости становления на путь демократизации.

В XXI в. распространение демократии носит в большей степени приоритетный характер. В некоторых странах уже сформировались демократические институты правления, в других же они претерпевают различные изменения, находясь в длительном процессе демократизации. А такое государство, как Соединенные Штаты Америки, даже провозгласили демократизацию одним из главных направлений в своей внешней политике. Известно, что США помогали ряду стран Ближнего Востока, а именно Сирии, Ливии, Ираку, встать на тропу сложных, но необходимых демократических преобразований в данных государствах. Несмотря на это, гражданские войны, смена политической элиты, экономическая нестабильность на Ближнем Востоке показывают неоднозначность результатов демократизации. Возможно, это связано с тем, что общественно-политическая ситуация в данных странах не была достаточно подготовлена для начала демократических изменений внутри государств.

Впервые термин «демократизация» был употреблен в 1888 г. английским юристом, историком и политиком Джеймсом Брайсом. Он охарактеризовал демократизацию как «процесс становления демократии». Историк отнес данный политический процесс к Французской революции (1789 г.). Он считал, что первыми ощутили это на себе Европа (в частности, Франция) и Соединенные Штаты Америки (в 1790-х гг.) [The Concise Oxford ... , 2016].

Патрик Бернхаген в своем труде, посвященном демократизации, дал два определения, отражая этими формулировками две разные концепции. Первая дефиниция выглядит следующим образом: «Демократизация – это замена недемократической политической системы на демократическую» [Харпфера, 2015, с. 49]. Данное определение отображает идею, что страна может быть только демократической или недемократической. Вторая формулировка связана с противоположным представлением, согласно которым «демократизация – процесс превращения политической системы в более демократическую» [Там же, с. 49]. В этой градационной концепции все страны могут быть расположены от менее демократических режимов к более демократическим. Необходимо отметить, что определения, приведенные П. Бернхагеном, очень схожи с первоначальным значением демократизации у Дж. Брайса.

В статье «Демократия и демократизация в развивающихся странах» автором С.В. Самарасигне дается более глубокое объяснение сущности исследуемого явления. Он пишет, что «демократизация – процесс изменения политической системы любого общества в такую систему управления государством, которая обеспечивала бы конкурентоспособность в полити-

ческой сфере и гарантировала бы гражданские и политические права и свободу» [Samarasinghe, 1994, p. 14]. В данном определении видны некоторые характеристики демократии, включая свободную конкуренцию и гарантию прав и свобод для граждан общества.

Ученые занялись исследованиями в области демократизации примерно в 1960-х гг. Было выдвинуто основное предположение, что переход к демократии в любой стране представляет собой долгий и последовательный процесс изменений. Очевидным считалось и то, что демократизация представляет собой широкое явление, затрагивающее не только политическую, но также экономическую и социальную сферы человеческой жизни. На протяжении следующих десятилетий, вплоть до конца XX в., исследователи осваивали этот сравнительно новый, но сложный процесс. Теоретики наблюдали за процессами демократизации в различных странах, стараясь выявить причины и предпосылки данного явления. Выдвигались различные подходы, давались все новые и новые определения демократизации. В работе Л. Уайтхеда «Демократизация: теория и опыт» нет четкой дефиниции, но указывается, что это «сложный длинный динамичный процесс с открытым концом» и «нет никаких особых критериев, чтобы назвать демократизацию демократизацией» [Whitehead, 2002, p. 27].

На настоящий момент имеется множество исследований, посвященных вопросам демократизации, а также политике США по продвижению демократии. Существует достаточно много статей в научных журналах, но не так много монографий. К историографии исследуемой проблемы относятся самые ранние работы, посвященные изучению демократии, ее особенностей. Это труды Н. Боббио, Дж. Кеннана, Дж. Брайса, которые затрагивают характерные черты и последствия демократии. Начинает формироваться понимание демократизации как сложного комплексного процесса. Также необходимо упомянуть работу С.М. Липсета о социальных, политических и экономических предпосылках демократии. Работы М. Липсета, Б. Рассета, Р. Даля, С. Хантингтона затрагивали темы причин, последствий демократизации. Кроме того, в исследованиях С. Хантингтона проводится анализ и систематизация периодов («волн») изучаемого процесса. Его работы систематизируют всю имеющуюся теоретическую информацию, накопленную исследователями ранее. Стоит отметить, что с начала XXI в. количество работ, рассматривающих проблемы демократизации, становится гораздо больше. Именно в этот период были написаны первые работы Т. Карозерса, М. А. Моусави, Е. Дэвиса о продвижении демократии Соединенными Штатами. Помимо этого, множество исследований касались проблематики демократизации в глобальном и региональном контекстах. Также появились труды, посвященные демократическому опыту отдельных стран.

Следующим критерием анализа являются предпосылки, которые способствуют формированию процесса демократии. Их наиболее точно излагает ученый Р. А. Даль в своем труде «О демократии». Он говорил о первостепенных и о второстепенных предпосылках для демократизации. В качестве необходимых предпосылок выступают следующие:

1. Осуществление строгого контроля над военной силой и полицией, данная процедура ведется выборными лицами. Американский политолог аргументирует это тем, что лидеры, сосредоточившие в своих руках власть над армией и полицией, имеют силу и авторитет. Если чиновники-демократы не смогут добиться уважения и послушания представителей военных сил в стране, то последние уйдут под контроль антидемократических организаций или группировок. Этот факт неизбежно приведет к насильственной смене власти. В Центральной Америке 1950–1980-х гг. приход к власти в 60 % (из 47 правительств) был реализован через военный переворот [Даль, 2000, с. 142–143].

2. Распространение демократических убеждений, верований. Более того, необходимо преодолеть коллективизм и патриархат, который был заложен в обществе достаточно давно. Политические лидеры должны сами строго придерживаться главных принципов демократии. И граждане должны придерживаться соответствующих идей в обществе. В противном случае, при слабом развитии и отсутствии должной поддержки демократических институтов, государство будет не в состоянии пережить сложные или долгие кризисы. В эти периоды власть с большой вероятностью перехватят авторитарные или деспотичные лидеры.

Также Р. А. Даль упоминал две желательные предпосылки для формирования демократии. Первая, и самая главная из них, – создание современной рыночной экономики. Исторически сложилась следующая тенденция: в тех странах, где уклад экономики предполагает, что предприятия принадлежат не государству, а частным лицам, наблюдается экономический рост, который, в свою очередь, обеспечивает благополучие граждан. В качестве второй предпосылки Даль предположил слабый субкультурный плюрализм, под которым понимал важность того, чтобы население страны в культурном отношении было приблизительно однородно.

При исследовании демократизации далее необходимо выявить причины, по которым протекает этот процесс. Причины в данном случае можно охарактеризовать как совокупность особых условий, при которых возможна демократизация.

Выяснением причин ученые занялись еще в середине XX в. В 1959 г. С. М. Липсет написал очень значимую в данной области работу, в которой была выдвинута гипотеза о том, что модернизация провоцирует процесс прихода общественных масс к демократии. Он исследовал это путем составления специальной таблицы, где была отражена взаимосвязь между

развитием и демократией в группе стран [Lipset, 1959, p. 69–105]. В последние десятилетия способов и техник анализа стало значительно больше, также возросло количество доступной информации. Все это позволило специалистам заняться поисками других причин демократизации (опираясь на исторические примеры). Позже множество других ученых подтвердило наличие взаимосвязи между развитием и демократизацией [Geddes, 2009, p. 312]. В работе «Эндогенная демократизация» авторы К. Боа и С. Стокс приводят множество доказательств, что развитие страны является причиной начала демократических процессов внутри нее. Причем, как они отмечают, развитие является как внешней причиной демократизации, так и внутренней [Boix, Stokes, 2003, p. 521]. Таким образом, неоспоримым фактом является то, что развитие и демократизация неразрывно связаны между собой.

Кроме того, достаточно значимым фактором является образование граждан, как и вышеназванные причины. Образование как «социальная причина», будучи совмещенной с предыдущим экономическим аспектом, дает большую вероятность, что граждане будут стремиться к проявлению политической свободы. Говоря другим языком, нации, способные улучшить качество своей жизни и уровень образования, сами создают почву для становления демократии [Vanhanen, 2003, p. 7]. Так, Э. Алеман и Е. Ким приводят следующие аргументы в пользу образования. Во-первых, образование воспитывает в гражданах толерантность, и поэтому велика доля того, что они одобряют демократические принципы. Во-вторых, людей обучают выражать свою позицию, принимать участие в жизни своей страны, что в будущем толкнет их к активному политическому участию [Aleman, Kim 2015, p. 2].

Следующая причина, о которой необходимо упомянуть – политические протесты. Данная форма несогласия может быть определена как демонстрации, бойкоты и митинги, направленные на политические изменения [Lee, 2002, p. 830]. Обычно участники требуют политических прав или же смены правительства. А в контексте демократизации зачастую речь идет о недовольстве диктатурой. Все вышеперечисленные условия не являются единственными. С. Хантингтон говорил, что причины, спровоцировавшие демократизацию, не могут быть одинаковыми [Хантингтон, 2003, с. 49]. Во всех случаях речь идет о совокупности причин, и они всегда разные. Также Т. Л. Карл и Ф.К. Шмиттер – американские политологи, изучающие процессы демократизации при авторитаризме – утверждали, что определенное обстоятельство может лишь помочь, упростить или ускорить переход страны к демократии [Карл, Шмиттер, 1993, с. 29–45].

Можно упомянуть факторы, которые тоже играют определенную роль в некоторых случаях. Как одна из причин демократизации может быть названа интервенция и внешние факторы. Страны, граничащие с демократическим режимом, с большой вероятностью будут подтягивать своего

«отстающего» недемократического соседа в развитии экономики и, что важнее, политических институтов. В подтверждение этого суждения Р. А. Даль привел следующую статистику. 14 из 29 стран (бывших демократиями в 1970 г.) пришли к такому политическому режиму во время правления иностранцев либо при обретении независимости от иностранных правителей. Страны-интервенты могут ускорить процесс демократизации в ближайших странах, если им это выгодно. Однако необходимо помнить, что они могут начать его слишком рано, когда экономика или общество еще не готовы к таким переменам. К примеру, деколонизация привела к ускоренным процессам создания в колониях политических институтов, подобным тем, что существуют у их «бывших хозяев». Но при этом, бывшие колонии по своему уровню развития еще не готовы к демократизации, поэтому сейчас они находятся в непростой ситуации [Хантингтон, 2003, с. 99].

Еще заслуживает упоминания и культурный фактор. Интересен и тот факт, что религия может в той или иной степени оказать влияние на демократизацию. Если брать во внимание христианство, то эта религия имеет больше всего общего с демократией. Можно считать, что известная нам демократия появилась в христианских странах раньше, чем в других. В качестве краткого обзора из истории: в 1988 г. христианская религия присутствовала в жизни граждан 39 демократических стран из 46. Западных христианских стран в целом было 68. Это означает, что более 50 % стран были и христианскими, и демократическими одновременно [Там же, с. 87]. Также существует достоверная информация, что первые демократические государства сформировались в результате революции именно пуритан [Там же]. Кроме того, основополагающими элементами демократии следует выделить такие, как всеобщее равенство, свобода, защита меньшинства. Все это отчасти напоминает христианские мотивы о равенстве всех перед лицом Господа, о свободе выбора и о защите слабых. Поэтому можно говорить об определенной взаимосвязи между религией и современной демократией.

Справедливо утверждение, что едва установившаяся власть народа в стране может пошатнуться или пасть. Из истории известны случаи, когда процесс перехода к демократии не удался, и государства снова вернулись к авторитарному режиму. Это означает, что существуют некоторые препятствия, проблемы для демократизации.

Ранее нами рассматривалась проблема субкультурной и этнической разнородности в рамках одного государства. Ее можно отнести как к препятствиям культурного, так и социального плана. Властям необходимо всячески избегать сильных межэтнических конфликтов внутри государства. Сложность состоит в дифференциации всех групп, что, как следствие, порождает разные политические, культурные притязания и приводит к уменьшению национального единства в обществе. А это, без сомнений, вызывает замедление или даже прекращение демократических процессов.

Кроме того, за социальными проблемами следует еще одно важное испытание на пути демократии, связанное с культурным аспектом данного вопроса. Во-первых, ученый Дж. Кеннан поддерживает мнение, что западная культура больше подходит для развития там демократических институтов. Он аргументирует это появлением и распространением демократии в XVIII–XIX вв. сначала в регионах Северной и Центральной Европы, откуда впоследствии она распространилась в Северную Америку. В тот временной период ее населяли люди из Северо-Западной Европы, осевшие там. В результате он приходит к выводу, что демократия больше близка для центра, запада, севера Европы и их «преемников» [Kennan, 1977, p. 41–43].

Одним из серьезных препятствий для демократизации может стать экономический кризис. Он влечет за собой такие последствия, как снижение доходов, бедность и инфляция, что, в свою очередь, становится причиной массовых недовольств. Американский политолог С. Хантингтон утверждает, что «все факторы, мешающие экономическому развитию, являются препятствием и для распространения демократии. Большинство бедных обществ останутся недемократическими до тех пор, пока будут оставаться бедными» [Хантингтон, 2003, с. 338].

Следующим препятствием для развития демократизации можно считать возникновение войн в странах, которые еще проходят через процесс изменения политического режима. Американский политолог Филипп К. Шмиттер выделяет следующие угрозы («дилеммы») для демократии, разделяя их на внутренние и внешние, к внутренним следует отнести власть олигархии и политическую апатию [Баранов, 2007, с. 177–178].

Определяя внешние угрозы, можно выделить главный компонент – опора на опыт демократии в других странах. Зарубежный опыт не всегда может привести к желаемым результатам. Очень редки случаи, когда страны смогли с первого раза построить демократию, опираясь на опыт своих «соседей». С. Хантингтон также подчеркивал, что в той или иной мере препятствием для демократизации является отсутствие необходимого демократического опыта правления [Хантингтон, 2003, с. 87].

Насажение демократии «сверху» также может стать большой проблемой. Сильные и опытные демократические державы могут заниматься продвижением своего политического режима в слабой стране. Необходимо принимать во внимание, что процесс введения демократизации может провалиться из-за неучтенных политических, экономических, социальных особенностей региона [Luckham, 2009].

Роль Америки как распространителя демократии и мира встречает как поддержку, так и критику. У противников продвижения демократии есть целая группа доводов, почему Америке не стоит брать на себя такую ответственность. Их точка зрения может быть выражена следующими идеями [Fukuyama, 2007, p. 6–8]:

1. Стремление к демократии должно проистекать из исторического опыта страны. Демократия должна быть культурной ценностью для граждан. Примером подтверждения данной теории может служить ситуация в Азии. Далеко не все государства в Азии можно полноценно назвать демократиями. Исторический опыт данного региона показывает, что многие века азиатские государства имели авторитарное правительство. По этой причине они менее склонны к демократии.

2. Демократия не может быть навязана сверху, так как этот процесс сам по себе противоречит либеральным ценностям, свободе выбора. Следовательно, это противоречие самой демократии.

3. Демократические реформы должны являться результатом политического развития в государстве. Результатом последовательного развития. Страна сама должна дойти до фазы демократизации.

Существует ряд причин, согласно которым Америка считает своим долгом придерживаться данного направления внешней политики:

1. Американские национальные интересы [Там же, р. 2–3]. Ни одна страна в мире не выигрывала от продвижения демократии повсеместно так, как это делают США. Трансформация автократий в демократии отвечает национальным интересам США в сфере международной безопасности. Во время мировых войн изменения политических режимов в Германии, Японии и Италии пошли на руку Соединенным Штатам. Они почувствовали себя безопаснее. В конце XX в., во время распада Советского Союза, основного противника США, мир стал безопаснее для Америки и его союзников. В настоящий момент их деятельность на Ближнем Востоке направлена на развитие демократии. Связано это с тем, что активность террористов представляет собой угрозу для граждан США и безопасности в мире.

2. Американские ценности. Уинстон Черчилль говорил, что демократия ужасна, но все же лучше, чем все остальные существующие режимы [Там же, р. 4]. Система управления в демократическом государстве больше ориентирована на участие и поддержку граждан. Кроме того, благосостояние жителей в автократиях значительно ниже. А также в демократии власть избегает любой опасности для каждого человека. Общественные опросы показывают, что преобладающая часть земного шара, включая и некоторые страны Ближнего Востока, поддерживают демократию [Там же, р. 5]. Демократия неразрывно связана со свободой и равенством для всех граждан. Те же самые ценности заложены в сердце каждого американца.

3. Исторический опыт. Весь мир видит, что Америка представляет собой хороший пример демократии. В настоящее время США – самая развитая в экономическом и социальном плане страна. Кроме того, эта страна имеет высокий уровень развития гражданского общества. Эффективность демократического правительства также говорит в пользу США. Таким образом, демократия считается самым лучшим вариантом для любого государства и сами США подтверждают это. Именно по этим причинам у Америки есть «нематериальный, а моральный интерес» в распространении демократии.

Политика продвижения демократии в США имеет давнюю историю. Она взаимосвязана с теорией демократического мира. Сама концепция такого мира возникла в 1795 г. И. Кант, в своей работе «Вечный мир» говорил о некоторых предпосылках к так называемому вечному миру. Одной из них, по мнению философа, считалась республиканская конституция в каждом государстве [Kant, 1903, р. 9]. Также он верил, что есть три важных момента в республиканской форме правления для существования «мира без войны». Во-первых, человек должен иметь право на свободу. Во-вторых, все люди должны быть равны. В-третьих, все обязаны соблюдать закон.

Затем разработкой концепции «мира во всем мире» занялся М. Дойл. В 1983 г. он написал статью о значении распространения либералистических идей в международных отношениях [Doyle, 1983]. В своей работе Дойл полагал, что демократии могут быть агрессивны по отношению к авторитариям, но не к демократиям. Причина кроется в наличии у демократических государств одних и тех же либеральных ценностей. Идея, что государство с демократическим режимом с меньшей вероятностью может быть втянуто в войну, лежит в основе «идеи демократического мира».

Гарри Трумэн (президентский срок – 1945–1953 гг.) являлся автором новой доктрины, которая носила антикоммунистический характер. На тот период времени коммунисты считались противниками демократии. Они мешали ее развитию в коммунистических странах. Следовательно, мешали продвижению демократии. Линдон Джонсон (президентский срок – 1963–1969 гг.) характеризовал войну во Вьетнаме как войну за свободу. Американцы приняли участие в ней в качестве борцов за свободу. Рональд Рейган стремился к миру и продвигал либерализацию в некоторых государствах.

Однако до президентства Буша в 2001 г. продвижение демократии не являлось первостепенным направлением внешней политики. События данного года стали отправной точкой для изменения внешнеполитического курса в сторону демократизации мира. Речь идет об известном террористическом акте, произошедшем 11 сентября 2001 г. Эта трагедия унесла жизни многих американцев. После нее стало очевидным, что возникла новая угроза безопасности для Америки и всего мира. Во время своей второй инаугурации президент Дж. Буш младший сказал следующее слово: «Америка – это нация с особой миссией, и эта миссия проистекает из наших убеждений. Именно Соединенные Штаты должны распространять и поддерживать рост демократических движений и институтов в каждой нации и культуре» [Carothers, 2007, р. 3]. Согласно его мнению, именно недостаток политической свободы в некоторых странах, особенно на Ближнем Востоке, привел к политическому экстремизму и терроризму. Предполагается, что продвижение демократии в данном регионе истребит террористическую деятельность. При Буше началась война с терроризмом, и демократизация мира представляла собой главный компонент для борьбы с ним [Carothers, 2007, с. 4]. Таким образом, распространение демократии стало одной из приоритетных целей внешней политики США.

Нами было установлено, что демократизация стала актуальна в рамках процесса глобализации. Стоит отметить, что совокупности причин демократизации не существует, и для каждой страны с ее уникальным опытом набор причин и факторов будет различен. В некоторых случаях причины могут быть схожими для стран одного региона. Кроме того, в процессе демократизации могут возникнуть определенные трудности, угрозы, проблемы, которые, в свою очередь, уникальны для каждой страны. Они могут происходить из особенностей государства, а также идти в одной связке с причинами демократизации.

Литература

- Баранов Н. А. Современная демократия: эволюционный подход. СПб., 2007. 208 с.
- Даль Р. А. О Демократии. М. : Аспект Пресс, 2000. 208 с.
- Карл Т. Л., Шмиттер Ф. К. Пути перехода от авторитаризма к демократии в Латинской Америке, Южной и Восточной Европе // Международный журнал социальных наук. 1993. № 3. С. 29–45.
- Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2003. 368 с.
- Харпфера К. В., Вельцеля К., Инглхарта Р. Ф. Демократизация. М. : Высш. шк. экономики, 2015. 708 с.
- Alemán E. and Kim Y. The democratizing effect of education // *Research and Politics*, 2015. P. 1–7.
- Boix C., Stokes S. Endogenous Democratization // *World Politics*. 2003. N 55. P. 517–549.
- Carothers T. Democracy Promotion During and After Bush // *Carnegie Endowment for International Peace*, 2007. 35 p.
- Democratization // *The Concise Oxford Dictionary of Politics* URL: <http://www.oxfordreference.com/view/10.1093/acref/9780199207800.001.0001/acref-9780199207800-e-337?rskey=pOR2yP&result=365> (дата обращения: 10.08.2021).
- Doyle M. W. Kant, Liberal Legacies and Foreign Affairs // *Philosophy and Public Affairs*. 1983. Vol. 12, N 3. P. 205–235.
- Fukuyama F. Should Democracy Be Promoted or Demoted? // *Bridging the Foreign Policy Divide*. 2007. P. 1–16.
- Geddes B. What causes democratization? // *The Oxford Handbook of Comparative Politics* / eds.: C. Boix, S. C. Stokes, 2009. P. 317–339.
- Kant E. *Perpetual Peace. A Philosophical Essay*. New York : Macmillan, 1903. 204 p.
- Kennan G. F. *The Cloud of Danger: Current Realities of American Foreign Policy*. Boston : Little, Brown & Company, 1977. 234 p.
- Lee J. Primary causes of Asian Democratization: Disspelling conventional Myths // *Asian Survey*. 2002. Vol. 42, N 6. 17 p.
- Lipset S. M. Some social requisites of democracy: Economic development and political legitimacy // *American Political Science Review*. 1959. Vol. 53, N 1. P. 69–105.
- Luckham R. Democracy and Security – Shotgun Marriage? // *Global Consortium on Security Transformation Working Paper*. 2009. N 8. P. 1–10.
- Samarasinghe S. W. R. de A. *Democracy and Democratization in Developing countries*. The American University & Institute for International Research Washington, DC and International Centre for Ethnic Studies Kandy, Sri Lanka, 1994. 49 p.
- Vanhanen T. *Democratization: A Comparative Analysis of 170 Countries*. New York : Routledge, 2003. 302 p.
- Whitehead L. *Democratization: theory and experience*. New York : Oxford University Press Inc., 2002. 300 p.

А. В. Чайкисова

Иркутский государственный университет, Иркутск

МИФ КАК ИНСТРУМЕНТ МАНИПУЛЯЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫМ МНЕНИЕМ В ПУБЛИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ США

Аннотация. Рассматривается манипуляция общественным мнением посредством мифов в публичном пространстве США. Приводится анализ наиболее распространенных мифов, используемых в современном американском политическом дискурсе и массовой культуре для достижения определенных целей.

Ключевые слова: манипуляция, миф, политический дискурс, американская исключительность.

A. Chaykisova

Irkutsk State University, Irkutsk

MYTH AS A TOOL OF PUBLIC OPINION MANIPULATION IN THE USA

Abstract. The article discusses manipulation through myths in American public space. It presents the analysis of the most popular myths used in political discourse and mass culture for achieving certain goals.

Keywords: manipulation, myth, political discourse, American exceptionalism.

Манипуляция как способ социального управления сознанием людей претерпевает определенные трансформации в связи с изменениями в обществе. Развитие новых технологий приводит к внедрению новых способов, приемов манипуляции. Наряду с этим такие хорошо известные инструменты манипуляции, как мифы, продолжают использоваться и в настоящее время.

Являясь неотъемлемым элементом культуры, мифы поддерживают определенные установки в сознании людей и типы их поведения, так как они основаны на коллективных архетипических структурах, иррациональных механизмах и глубоко укорененных подсознательных образах. Мифы могут выполнять функции как созидательного, так и разрушающего характера. С одной стороны, они способствуют сплочению индивидов в группы, помогают в формировании национальной идентичности. С другой стороны, они применяются и в манипулятивных целях: чтобы оправдать действия властей, приукрасить социальную действительность, скрыть проблемы, контролировать эмоции масс и даже стимулировать радикальные изменения в обществе.

В американском обществе мифы традиционно использовались для продвижения идей демократии. Ключевой миф, на основе которого строилась американская нация и американская идентичность, – концепция американской исключительности. Она представляет собой идею о том, что США – единственная, превосходящая всех, благословленная Богом страна в международном сообществе. С самого начала истории нации американцы были вынуждены демонстрировать и удерживать культурную и политическую независимость, поэтому эта идея помогала им выстраивать

национальную идентичность, некое внутреннее единство. В то же время политические лидеры стали использовать эту идею в собственных интересах как внутри страны, так и в на международной арене. Считается, например, что заявления об особом статусе США использовались для того, чтобы способствовать присоединению ряда территорий западной части современных США при Джеконе (так называемая идея явного предначертания, ориг. Manifest Destiny), оправдать атомные бомбардировки в Японии, а также Доктрину Буша [Gilmore, 2015, p. 4]. В настоящее время данный миф продолжает активно использоваться, в том числе чтобы легитимизировать гегемонию США в мире. Для этого в публичном дискурсе в том или ином виде циркулируют следующие формулировки: *The USA has a special mission on earth, it stands as the world's exceptional power, it is a global power, it is innocent, it never commits crimes, but is a victim, it is a nation saving others.* Это способствует упрочнению в сознании людей веры в то, что США имеют право вмешиваться во внутренние дела других государств, оказывать влияние на другие страны в контексте подписания соглашений, поддерживать мир между воюющими сторонами и при этом свободны от контроля международных организаций. Политические лидеры также прибегали к манипуляции общественным мнением посредством данного мифа, чтобы оправдать участие Соединенных Штатов в войнах в Ираке и Вьетнаме и обосновать отказ принимать участие в Киотском протоколе.

Миф об американской исключительности тесно связан с другими мифами и поэтому может рассматриваться как «зонтиковый». Нельзя не отметить его связь с мифом об американской мечте, который, в свою очередь, соотносится со следующими идеями: *the self-made man* (человек, сделавший себя сам), *from rags to riches* (быстро разбогатеть, из грязи в князи), *equality of opportunity* (равенство возможностей), *expressive individualism* (индивидуализм самовыражения), *meritocracy* (меритократия, согласно которой власть должна осуществляться людьми, отличающимися своими достижениями, способностями и профессиональной компетентностью, а не социальным происхождением или приписываемым статусом). Данный миф обычно ассоциируется с обещаниями лучшей жизни для всех, кто приезжает в США, и считается мифом иммигрантов [Heike, 2014, p. 16]. Среди наиболее известных и часто эксплуатируемых в публичном пространстве образов американцев, которые «сделали себя сами», можно назвать медийную личность Опру Уинфри и 44-го президента США Барака Обаму. Последний, в свою очередь, нередко прибегал к манипуляции общественным сознанием посредством данного мифа в своих публичных выступлениях. С одной стороны, кажется, что нет ничего плохого в том, что люди надеются на достижение успеха посредством усердного труда. С другой стороны, вера в американскую мечту заставляет их стремиться к материальному успеху во чтобы то ни стало, брать займы, которые они не состоянии выплатить, а стремление к счастью приравняется к погоне за

собственностью. Кризис 2008 г. показал, что для среднего класса американцев поддержание комфортного уровня жизни зависит не столько от усердной работы, сколько от глобальных экономических факторов, вроде цены на нефть или миграции рабочих мест. Есть данные о том, что в реальности американцам практически невозможно преодолеть бедность: 95 % детей, рожденных в бедности, остаются бедными на протяжении всей своей жизни [Colombo, 1995]. Таким образом, рассмотренные выше мифы и идеи могут использоваться для того, чтобы оправдать социальное неравенство в американском обществе и американскую экономическую систему в целом.

Исследователи отмечают, что миф об американской исключительности – это излюбленная тема в дискурсе американских президентов. Например, Барак Обама прибегал к этой мысли в обращении к американскому народу 10 сентября 2013 г. для того, чтобы оправдать военные действия в Сирии. В настоящее время Джо Байден регулярно обещает восстановить американское лидерство в мире. Дональд Трамп также эксплуатировал идею об американской исключительности, но другим способом: с целью возвысить не нацию, а себя лично. Вместо того чтобы по традиции отстаивать американскую исключительность, он изобразил американскую нацию как находящуюся в «неисключительной неразберихе» и нуждающуюся в спасителе [Gilmore, 2021]. Этим единственным возможным спасителем мог, по его мнению, стать он сам, поэтому его предвыборным лозунгом послужило выражение «Вернем Америке былое величие» (англ. Make America Great Again).

В настоящее время мифы внедряются в сознание американцев не только через такие традиционные каналы, как церковь, школа, СМИ, но и посредством массовой культуры. Утверждается, что американская киноиндустрия активно способствует распространению различных мифов и стереотипов. Есть ряд исследований, посвященных анализу роли киноиндустрии в формировании американской идеологии. В ряде мультипликационных фильмов студии Pixar, например, можно найти воплощение определенных мифов: мифа об американской мечте в картине *Ratatouille*, мифа о фронтире в фильме *WALL-E*, мифа об американской исключительности в мультфильме *Toy Story 3* [Meinel, 2016]. Центральным и самым устойчивым национальным мифом, который распространяется в американских фильмах, считается миф об американском успехе [Levinson, 2012].

Данные исследований общественного мнения показывают, что в целом современные американцы продолжают твердо верить в то, что американский образ жизни и американская культура превосходят все остальные. Более половины (53 %) американцев говорят, что мир стал бы лучше, если бы другие страны активнее перенимали американские ценности и образ жизни [After the ballots ...]. Интересно отметить, однако, что молодежь становится все более ориентированной на международное взаимодействие, более благосклонной к представителям других стран и культур и менее

подверженной вере в исключительность США [U.S. Millennials ...]. Значительную разницу во мнениях относительно американской исключительности у представителей разных поколений можно объяснить целым рядом факторов. С одной стороны, считается, что в американском высшем образовании распространены левые взгляды и даже антиамериканизм [My generation ...]. С другой стороны, несмотря на это, американским колледжам удается привить студентам чувство гордости за свою страну. Так, 75 % выпускников колледжа гордятся тем, что они американцы, по сравнению с теми, кто получил только школьное образование [I&I/TIPP Poll]. Другим объяснением может послужить клишированное мнение о том, что с возрастом люди начинают придерживаться более правых взглядов [Why Millennials ...]. Результаты опроса действительно подтверждают, что люди старшего поколения более патриотично настроены. Кроме того, такие события, как теракты 11 сентября 2001 г., война в Ираке, экономический кризис 2008 г., пандемия не способствовали тому, чтобы у молодых американцев сформировалось или закрепилось чувство национальной гордости. Нельзя не согласиться с тем, что все вышеперечисленные факторы не могли не сказаться на определенной доле скептицизма относительно статуса США среди американской молодежи. Тем не менее ключевым фактором, на наш взгляд, является то, у молодых людей формируется другой тип идентичности из-за того, как они общаются и получают информацию в цифровой среде. Во-первых, они имеют доступ к разным каналам СМИ, значительную часть времени проводят онлайн, используют социальные сети в качестве основного источника информации, а значит, лучше понимают, как международное сообщество относится к США, у них развивается некий «глобальный взгляд». В связи с этим они менее одержимы американскими национальными идеями. Во-вторых, в интернет-пространстве молодежь подвергается другим типам пропаганды, дезинформации и манипуляции. В качестве инструмента манипуляции общественным сознанием в современном политическом интернет-дискурсе, например, активно используются мемы. Интересно, что интернет-мемы часто коррелируют с мифами. Так, интернет-мем с героем из фильма «Вилли Вонка и его шоколадная фабрика» гласит: Oh so you believe in the American dream // I'm sure thousands of unemployed Americans do too, подразумевая, что американская мечта – всего лишь миф, служащий для успокоения тех, кому не удалось разбогатеть на волне экономического роста [Carter, 2016, p. 36].

Проведенный анализ показал, что в современном американском обществе мифы продолжают активно использоваться в качестве инструмента манипуляции общественным мнением, особенно в политическом дискурсе, а также в массовой культуре. В интернет-пространстве, однако, они могут вступать во взаимодействие или даже вытесняться мемами и другими формами цифровой пропаганды, что требует дальнейшего исследования.

Литература

After the ballots are counted: Conspiracies, political violence, and American exceptionalism: Findings from the January 2021 American Perspectives Survey. URL: <https://www.americansurveycenter.org/research/after-the-ballots-are-counted-conspiracies-political-violence-and-american-exceptionalism> (дата обращения: 10.08.2021).

Carter J. Enchanting Memes: Memetic Politics in the Face of Technocratic Control : PhD diss. University of Nebraska, Lincoln, 2016. 300 p.

Colombo G., Gullen R., Lisle B. Rereading America: Cultural contexts for critical thinking and writing. Boston : Bedford Books of St. Martin's Press, 1995. 894 p.

Gilmore J. American exceptionalism in the American mind: Presidential discourse, national identity and U.S. public opinion // Communication Studies. 2015. Vol. 66, N 3. P. 301–320.

Gilmore J. Exceptional Me: How Donald Trump Exploited the Discourse of American Exceptionalism / J. Gilmore, Ch. Rowling. New York : Bloomsbury Publishing, 2021. 256 p.

Heike P. The myths that made America: An Introduction to American Studies. Bielefeld : transcript Verlag, 2014. 450 p.

I&I/TIPP Poll: Just 36% of Young People Are Proud To Be American. URL: <https://tippinsights.com/i-i-tipp-poll-just-36-of-young-people-are-proud-to-be-american/> (дата обращения: 20.08.2021).

Levinson J. The American Success Myth on Film. New York : Palgrave Macmillan, 2012. 232 p.

Meinel D. Pixar's America The Re-Animation of American Myths and Symbols. London : Palgrave Macmillan, 2016. 240 p.

My generation is being raised to hate America – it's time to stand up for our history. URL: <https://www.usatoday.com/story/opinion/voices/2020/09/23/1619-project-american-history-education-trump-patriotic-column/5864265002/> (дата обращения: 13.08.2021).

U.S. Millennials tend to have favorable views of foreign countries and institutions – even as they age. URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/07/08/u-s-millennials-tend-to-have-favorable-views-of-foreign-countries-and-institutions-even-as-they-age> (дата обращения: 25.08.2021).

Why Millennials and Gen Z Aren't Proud to Be American. URL: <https://www.newsweek.com/patriotism-gap-millennials-gen-z-baby-boomers-gen-x-1611749> (дата обращения: 30.07.2021).

УДК 349-1.[470+571]

Т. Н. Чунихина

Кубанский государственный технологический университет, Краснодар

ПОРЯДОК ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ГРАЖДАН РОССИИ КАК ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. Выявляются мероприятия, направленные на защиту персональных данных граждан государственных организациях. Раскрываются особенности защиты персональных данных граждан на основе анализа деятельности по реализации законодательства о защите персональных данных в Российской Федерации.

Ключевые слова: персональные данные, защита человеческого капитала, законодательство о персональных данных, граждане Российской Федерации.

**PROCEDURE FOR THE PROTECTION OF PERSONAL DATA OF CITIZENS OF RUSSIA
AS THE BASIS FOR THE FORMATION OF THE HUMAN CAPITAL OF A STATE
ORGANIZATION**

Abstract. The purpose of the article is to identify measures aimed at protecting the personal data of citizens of state organizations. For this purpose, the features of the protection of personal data of citizens were disclosed on the basis of an analysis of the implementation of the legislation on the protection of personal data in the Russian Federation.

Keywords: personal data, protection of human capital, legislation on personal data, citizens of the Russian Federation.

В соответствии с законодательством РФ о защите персональных данных любое юридическое лицо, а с 2017 г. и индивидуальные предприниматели должны позаботиться о сохранности персональных данных граждан любым избранным методом, перечень методов они избирают сами. Тем не менее к государственным организациям требования по защите персональных данных более жесткие, их сфера ответственности выше. В Федеральном законе № 152-ФЗ «О персональных данных» не указано, что работу с персональными данными граждан можно осуществлять на основании лицензии на право осуществления такой деятельности. ФЗ № 152-ФЗ предписывает приостановление лицензии или ее аннулирование органом по защите прав субъектов персональных данных [О персональных данных; п. 6. ч. 3. ст. 23]. В Федеральном законе от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» и в Постановлении Правительства РФ от 03.03.2012 «О лицензировании деятельности по разработке и производству средств защиты конфиденциальной информации» содержится требование о лицензировании как технических средств защиты информации, так и технической защиты информации [О лицензировании отдельных ... , 2011; Положение о лицензировании ... , 2012]. Технической защитой информации называется система мероприятий и (или) услуг по защите от несанкционированного доступа, от любого воздействия, которое способно принести порчу, утрату, искажение, блокировку, в том числе по техническим каналам и специальным каналам связи.

Все избранные мероприятия можно разделить на две группы: технические и документационные. Технические способы защиты от утечки, безусловно, внедрить проще и быстрее. Они являются необходимым этапом перехода к защищенному режиму работы с персональными данными. Технические методы могут выражаться во введении пропускного режима в организации, установке турникетов и проведении досмотров, фиксации документов посетителей и установлении дежурств. К техническим мероприятиям, направленным на защиту информации персонального характера, отнесем общие способы, снижающие вероятность утечки любой защищаемой информации: внедрение пропускной системы, фиксация всех

приходящих в организацию граждан; рациональное размещение работников на рабочих местах в зависимости от значимости должности в системе защиты информации; внедрение технических средств защиты информации и средств видеонаблюдения; применение программ защиты информации для безопасности внутренней компьютерной сети организации; регулирование количества лиц, имеющих доступ к работе с персональной информацией граждан; организация учебы персонала организации, направленной на освоение законодательства по защите персональных данных и методов работы в защищенных системах.

Оператор персональных данных наделен обязанностью инициировать те или иные меры, обеспечивающие режим защищенной работы с персональными данными, к ним относятся следующие: правовые, организационные и технические мероприятия, которые должны обезопасить персональные данные от уничтожения, изменения, блокирования, копирования, распространения и другого неправомерного доступа.

Работы по обеспечению защиты персональных данных начинают с получения лицензии и сертификата на средства технической защиты информации: Федеральной службы безопасности (ФСБ) и Федеральной службы по техническому и экспертному контролю (ФСТЭК). Обязанность заниматься этими работами возлагается на назначенного приказом руководителя администратора информационной безопасности.

Этапом, предшествующим началу работы назначенного администратора, является проведение полной инвентаризации информационных ресурсов, имеющихся в наличии в организации, и последующее получение согласия работников на обработку их персональных данных.

На этапе инвентаризации следует учесть все потенциальные информационные массивы, содержащие персональные данные, которые существуют в организации. Это могут быть распространенные офисные программы, с помощью которых можно хранить файлы с личными делами сотрудников (в малой организации), в больших государственных структурах это возможные программные пакеты 1С: «Бюджет», «Зарплата и кадры», а также информационные системы, применяемые в различных сферах деятельности организации: информационные библиотечные системы (ИБС), электронные документы учебных процессов, реестры, сводки, отчеты, где можно обрабатывать информацию персонального характера. После этого администратор защиты персональных данных должен по согласованию с руководителем организации подать на согласование Концепцию защиты персональных данных в соответствии с политикой информационной безопасности организации. Для дальнейшей работы необходимо все программные положения концепции внести в Положение о защите персональных данных организации. В Положение о защите персональных данных организации вносят дату составления и отправления уведомления контролирующим органам о начале обработки персональных данных [О персональных данных, ст. 22].

Уведомление представляет собой документ, оформленный на бумажном или электронном бланке оператора, подписанный уполномоченным лицом – администратором или главным инженером. Документ оформляется на бланке оператора и отправляется в территориальное отделение Роскомнадзора Министерства связи и массовых коммуникаций РФ. В уведомлении содержатся сведения об обработчике персональных данных, цели обработки, к какой категории относятся персональные данные, категории субъектов, данные которых подлежат обработке, правовая основа обработки, начало и период обработки персональных данных. Современные сервисы позволяют скачать бланк уведомления на сайте Роскомнадзора или заполнить его в электронном виде в системе обратной связи. Уведомление о начале обработки персональных данных не требуется в случае необходимости работы с персональными данными, получение которых продиктовано целью трудоустройства [О персональных данных, п. 2 ст. 22].

В Положении о защите персональных данных организации должен найти отражение факт наличия протокола соответствия системы защиты персональных данных требованиям уполномоченных органов (а если этого нет, то привести систему в полное соответствие с требованиями); данные об аттестации и сертификации системы защиты персональных данных. Сертификация системы персональных данных подтверждает ее соответствие требованиям принадлежности условий безопасности 1-го или 2-го класса.

Для получения сертификата соответствия следует проделать несколько последовательных технических операций: создать проект системы обеспечения информационной безопасности организации; в проекте отразить место объектов вычислительной техники; создать и реализовать техническое задание на информационное обеспечение безопасности объектов вычислительной техники; регламентировать порядок резервирования средств защиты информации. Все эти меры определяют наличие инструкции правил эксплуатации и контроля безопасности работы с персональными данными.

На этом этапе необходимо составить модель возможных угроз безопасному обращению персональных данных с точки зрения состава и количества подразделений, работающих с персональными данными. Важно учесть имеющиеся средства технической защиты. Простые меры безопасности могут не сработать, основные угрозы связаны с использованием сетевых ресурсов, что было рассмотрено нами в связи с изменением правового статуса личности в информационной среде [Чунихина, 2020].

Для тех типов угроз, которые перечислены в модели, защита может быть использована в виде межсетевой экран и антивирусных программ. При этом межсетевой экран и антивирусные программы должны быть обеспечены сертификатами соответствия от 5-го класса защиты в соответствии с требованиями, изложенными в приказе ФСТЭК России № 21 [Об утверждении состава ...].

Стандартным оборудованием государственной организации являются компьютеры сотрудников, маршрутизаторы, серверы объемной внутренней сети. Именно эта сеть является основным хранилищем конфиденциальной информации с большим массивом персональных данных. Сеть организации подключена к интернету, и потому является потенциальным источником угрозы, который может использовать злоумышленник с целью кражи персональных данных. Для защиты внутренней сети применяются сетевые экраны – программы или адаптированные к этой цели устройства для контроля границ внутренней корпоративной сети. Принцип работы сетевого экрана (брандмауэра) состоит в фильтрации входящего и исходящего сетевого трафика. Он определяет источник, время, частоту трафика. После проведенного анализа программный модуль принимает решение о пропуске трафика, решение зависит от типа настройки, которую задал сетевой администратор. Экраны корпоративных сетей имеют дополнительные настройки, позволяющие работать с персональными данными, избегая ситуации их утечки, за счет создания дополнительных программных протоколов, имеющих разрешения для использования различных приложений. Сетевой экран не изучает содержимое передаваемых данных, не ищет коды, не расшифровывает их, он только фиксирует части, из которых состоит соединение, поэтому его настраивают таким образом, чтобы параметры соединения были безопасны.

ФСТЭК сформировала и утвердила следующие документы, которые служат базой создания надежной системы информационной защиты: базовую модель угроз безопасности персональных данных при их обработке; методику определения актуальных угроз безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных.

В состав подразделений, работающих с документами, содержащими сведения персонального характера, обязательно войдут отдел кадров, бухгалтерия, библиотека, делопроизводственные службы, подразделения, работающие с распределением учебной нагрузки (в учебных заведениях), научные и медицинские подразделения.

Для проекта системы безопасности конфиденциальной информации следует предпринять следующее: создать перечень применяемых средств защиты персональной информации; создать положение и подразделение информационной защиты; создать и утвердить план мероприятий, направленных на защиту персональных данных.

Актуальной проблемой является небольшое число лицензионных компаний, которые занимаются предоставлением услуг технической защиты информации, в том числе конфиденциальной информации. Число таких компаний увеличивается. Но среди широко известных производителей зарубежной сертифицированной продукции, полностью соответствующей требованиям законодательства РФ, наибольшим спросом пользуется продукция компаний Fortinet, Checkpoint, Cisco. Компания Fortinet

полностью завершила сертификацию 4-го класса защиты оборудования по защите персональных данных еще в 2016 г. Checkpoint также сертифицировала оборудование для российского рынка. Оборудование Cisco также прошло процедуру обязательной сертификации в соответствии с российским законодательством.

Один из способов защиты информации, содержащей персональные данные, – это контроль внутри системы над подразделениями однородной информации. Кроме того, это позволяет снизить расходы, выделяемые на оборудование, необходимое для контроля. При приобретении дорогостоящей сертифицированной техники информационную сеть можно построить таким образом, чтобы хранимые в главной офисной системе персональные данные можно было исправить ответственному сотруднику, имеющему доступ к системе. Для этого необходимо внести сведения о доступе к устройству системы конфиденциальной информации в нормативные акты организации. Для разграничения прав доступа необходимо использовать специальную систему паролей, с помощью которой система сможет идентифицировать пользователя.

Федеральный закон «О персональных данных» возлагает на оператора обязанности принимать всевозможные меры по информационной безопасности. Поэтому следующим шагом должно быть создание высокотехнологичных приемов и способов хранения массивов персональных данных. Целесообразным решением было бы создание специального помещения для хранения информации, содержащей персональные данные, оборудованное системой персональной идентификации. Ограничение доступа – это естественная составляющая часть способов защиты персональных данных. Допуск к обработке персональных данных должен быть обоснован выполнением функциональных обязанностей.

Создав систему безопасности конфиденциальной информации, в которую входят и персональные данные, необходимо правильно эксплуатировать и следить за ее эффективностью. Для этого надо разработать план проверок системы и сформировать электронный журнал обращений пользователей информационных систем персональных данных на основе приказа о Положении об электронном журнале обращений пользователей информационных систем персональных данных, регламентированном ФЗ № -152 [О персональных данных ...]. Форма этого журнала может быть разработана организацией самостоятельно.

Для повышения ответственности за сохранность и защищенность персональных данных можно предусмотреть ознакомительную документацию для соблюдения алгоритма использования средств системы информационной защиты. В случаях несоблюдения условий, средств хранения или эксплуатации системы информационной защиты следует проводить служебные разбирательства и составлять акты и заключения по всем выявля-

мым фактам. Необходимо изучать реакцию ответственных лиц на проверки сохранности персональных данных в системе информационной защиты с целью отбора действительно высокопрофессиональных и ответственных работников.

Литература

О лицензировании отдельных видов деятельности : федер. закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_113658/ (дата обращения: 22.08.2021).

О персональных данных : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/12148567/paragraph/24880/doclist/12090/showentries/0/highlight/персональные%20данные:2> (дата обращения: 22.08.2021).

Об утверждении состава и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных: приказ ФСТЭК от 18.02.2013 № 21. URL: <https://fstec.ru/normotvorcheskaya/akty/53-prikazy/691-prikaz-fstek-rossii-ot-18-fevralya-2013-g-n-21> (дата обращения: 22.08.2021).

Положение о лицензировании деятельности по технической защите конфиденциальной информации (не содержащей сведения, составляющие государственную тайну, но защищаемой в соответствии с законодательством РФ) : утв. Постановлением Правительства РФ от 03.02.2012 № 79. URL: <https://fstec.ru/litsenziionnaya-deyatelnost/tekhnicheskaya-zashchita-informatsii/75-postanovleniya/225-postanovlenie-pravitelstva-rossijskoj-federatsii-ot-3-fevralya-2012-g-n-79> (дата обращения: 22.08.2021).

Чунихина Т. Н. Трансформация правового статуса личности в условиях цифровизации общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 2. С. 199–207.

УДК 316.42

В. В. Яковлев, П. В. Перлин

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург

ЗАТЯНУВШЕЕСЯ «ПУТЕШЕСТВИЕ НА ЗАПАД» ИЛИ ЭКСПАНСИЯ?

Аннотация. Исследуется феномен «обратной колониальной экспансии» Китая, которая в настоящее время является не столько теоретическим вопросом, сколько практической проблемой. Данная проблема рассматривается в исторической перспективе и представляется неразрывно связанной с событиями почти двухвековой давности. Делается вывод о необходимости подробного осмысления феномена «обратной колонизации» и перспективного планирования мер для обеспечения неколониальной модели развития экономической и культурной ситуации в некитайском мире.

Ключевые слова: Китай, обратный колониализм, инициатива «Один пояс, один путь», Ли Хунчжан, китайская экспансия на Запад.

V.Yakovlev, P. Perlin

Herzen State Pedagogical University of Russia, St.-Petersburg

A LONG 'JOURNEY TO THE WEST' OR EXPANSION?

Abstract. The article deals with the phenomenon of China's "reverse colonial expansion", which currently presents a direct and imminent practical challenge. From this point of view becomes obvious the need for detailed

understanding of the phenomenon of "reverse colonization" and long-term planning of measures to ensure a non-colonial model for the development of the economic and cultural situation in the non-Chinese world.

Keywords: China, reverse colonialism, Belt and Road Initiative, Li Hongzhang, Chinese expansion to the West.

Во второй половине XIX в. европейские державы насильственным образом вскрыли скорлупу самоизоляции Китая. В результате так называемых опиумных войн был нарушен внутренний уклад жизни огромного государства. История этого процесса хорошо изучена и описана, новые исследования могут разве что добавить колоритные нюансы к общей картине произошедшего [Fay, 1975; Lovell, 2011]. Итогом этих событий было то, что экономическая игра на огромном рынке огромной страны стала вестись по правилам, которые определялись за ее пределами. Сейчас настало время встречать последствия событий почти двухсотлетней давности. Китай – не так грубо, правда, как западные страны тогда – проникает на рынки и в жизнь остального мира, привнося свои правила игры, и уже многими на Западе, прежде всего в Европе, это проникновение представляется вторжением. В последнее время эта экспансионистская политика Китая была сформулирована в широко разрекламированной концепции «Один пояс, один путь» (далее – ОПОП) [Перлин, Яковлев, 2020].

Несмотря на внешнюю симметричность этих двух процессов (в XIX в. Запад стремился в Китай, в XXI в. Китай расширяется на Запад, и движущей силой обоих процессов было и есть стремление к расширению жизненного пространства и получению материальных благ, обретению влияния на мировые процессы и политического веса), имеются серьезные различия в подходах, обусловленные менталитетом, традициями и историческими особенностями развития экспансионистов и объектов экспансии.

Запад исторически действовал довольно прямолинейно, основным инструментом экспансии западных держав была военная сила. В случае Китая конкретные особенности экспансионистской (читай – колониальной) политики держав были вызваны не только экономическими причинами (Китай был источником востребованных в западных странах товаров – чая, шелка, фарфора и другой экзотической продукции, а также потенциально и рабочей силы), но и политическим соперничеством между западными странами, стремившимися взять под собственный контроль хотя бы часть огромной территории Китая. При невозможности эксклюзивного контроля они приходили к соглашениям о разделении оккупационных зон, сфер влияния, о коммерческих преференциях и т. д. В результате Китай к концу XIX в. превратился, по словам Сунь Ятсена, в «субколонию» (次殖民地) [Sun Zhongshan, 2011], т. е. страну, которая подчиняется не одному, а сразу нескольким государствам.

Китай в очередной раз демонстрирует характерную особенность своей культуры – поглощать внешний импульс и использовать к собствен-

ной выгоде инородные явления. Проникновение Китая на Запад – постепенный, ненасильственный процесс. Тем не менее в этом процессе уже сейчас можно усмотреть черты, роднящие его с колониальной экспансией. Немецкий историк Ю. Остерхаммель определяет колониализм [Osterhammel, 1997] как отношения между местным большинством и меньшинством иностранных захватчиков; основные решения, затрагивающие жизнь населения колонии, принимаются и исполняются местной администрацией в интересах метрополии; отсутствие компромисса с культурными особенностями местного населения; уверенность колонизаторов в собственном превосходстве и высшем праве на управление территорией. И согласно этим признакам мы можем определить действия китайских эмиссаров в некоторых странах Юго-Восточной Азии, Африки и Европы (прежде всего на Балканах) как колониальные [Перлин, Яковлев, 2020, с. 374].

В качестве примера одного из первых разведчиков этой экспансионистской армии можно привести Ли Хунчжана, одного из высших чиновников Цинской империи, который в 1896 г. совершил поездку по России, странам Западной Европы и США, и информация об этой поездке стала достоянием сравнительно широких читающих кругов в самом Китае.

Еще с сунских времен китайские чиновники обязаны были предоставлять двору отчеты о своих дипломатических поездках [Алимов, 2021]. Такой документ представлял собой нечто среднее между дневником, мемуарами и шпионским донесением. Однако в случае Ли Хунчжана ввиду уникальности самого вояжа (первая поездка чиновника такого ранга по практически всем значительным странам Запада) и задач, которые он решал (фактически определение стиля общения с западными партнерами на будущее), материалы об этой его поездке стали чем-то большим, чем простой отчет в вышестоящие инстанции. Во-первых, отчет Ли Хунчжана оказался адресован гораздо более широкой аудитории, нежели чиновничий аппарат императора. Во-вторых, совершенно в духе китайского избегания прямолинейности и сокрытия истинных намерений, он приобрел черты мифа.

Главными свидетельствами этого «путешествия на Запад» стали два документа (оба созданы не самим Ли): «Записки о дипломатическом путешествии Ли Хунчжана по Европе и Америке», изданные Цай Эрканом и Джоном Алленом Янгом [Cai Erkang, 1982] и американская подделка 1913 г. [Li Hung Chang, 1913].

Первый источник, изданный в Китае, донес отчет о масштабной поездке и встречах (впервые в истории) китайского вельможи с главами самых мощных держав мира – на их территории – до широкой китайской общественности.

Второй, полностью сфабрикованный американским авантюристом Уильямом Мэнниксом, представил широкой западной общественности (трудно поверить, но до сих пор на него иногда ссылаются как на аутен-

тичный источник, настолько хороша подделка – вполне, кстати, в китайской традиции) образ экзотического китайского владыки (а о Ли Хунчжане на Западе всерьез говорили, что он единственный в мире человек, располагающий собственной частной армией). Мэнникс, как и всякий профессиональный обманщик, хорошо чувствовал то, что должно было захватить интерес западного читателя, и нарисовал образ экзотического, загадочного и притягательного – нет, не чиновника, но самого Китая. Именно этим во многом определялся интерес западной публики ко всему китайскому (дальневосточному) в дальнейшем. И в этом смысле он «сработал» на общую программу взаимоотношений с Западом, негласно принятую Китаем в позапрошлом веке и успешно осуществленную в веке нынешнем: «бусы и зеркальца в обмен на высокие технологии» [подробнее об этом см.: Перлин, 2017].

Высокопоставленные лица, встречавшиеся с Ли Хунчжаном, отчетливо понимали прагматический характер его отношений с Западом. В этом отношении не было никаких иллюзий. Партнерских, равноправных отношений и быть не могло. Китай не мог заинтересовать Запад ничем таким, что Запад уже не нацелился взять сам принуждением. Путь сопротивления силе силой – не для Китая. Так, первой опиумной войне 40 кораблей и 4000 солдат англичан нанесли поражение Китаю, обладавшему 880-тысячной армией, хотя из-за безалаберной организации управления войсками в конфликте участвовало «всего» 90 000 китайских служивых.

И Ли заложил следующий режим взаимоотношений с западными партнерами: 1) игра на противоречиях между странами Запада; 2) посулы крупных заказов на заводах (кстати, во время того визита известный немецкий промышленник и крупнейший поставщик оружия Ф. А. Крупп так и не дождался военного заказа, которого очень ждал); 3) снятие ограничений на передвижение/миграцию китайцев на Запад (в особенности в Америку), в то же время для европейцев Китай был далеко не так открыт.

В конце XIX – начале XX в. имела место очередная волна синофилии, которой не только европейцы и американцы, но и русские обязаны в том числе и Ли Хунчжану. Китай поставлял Западу шелк, фарфор, веера, экзотическую еду и экзотическую физкультуру. Таким образом, со временем Китай смог найти нечто такое (те самые «бусы и зеркальца»), чем он стал помахивать перед лицом Запада, одновременно залезая к нему в карман, как это делают с туристами профессиональные воры на улицах больших городов.

Китайская экзотическая культура на протяжении последующих полутора веков успешно завоевывала место китайцам в западном мире. Философия, кухня, изобразительное искусство и боевые искусства. Экспортный продукт, конечно, часто уступал, а то и не имел ничего общего с продукцией для домашнего потребления (и по сей день трудно, а то и невозможно найти китайский ресторан с едой, сравнимой по вкусу с тем, что можно отведать в самом Китае, то же и с остальным).

Китайские торговцы, проникающие в самые захолустные поселения по всему миру, несут местному населению не только дешевую одежду и обувь, но и китайские амулеты-обереги, лягушек с монетками во рту и пузатых улыбающихся болванчиков, и все это создает образ загадочной, но жизнерадостной, простодушной и доброжелательной нации. Лишь в сравнительно недавнее время разразилась череда скандалов, связанных с промышленным шпионажем в пользу китайских компаний, в прессе появились многочисленные сообщения с подробностями масштабных инфраструктурных проектов в разных уголках мира, благодаря которым в долговую кабалу к китайским финансовым учреждениям попали целые страны; все это наконец заставило западный мир по-новому взглянуть на бывшую жертву колониальной экспансии, которая незаметно поменялась ролями с бывшим агрессором.

Китай, нарастивший немалый экономический потенциал, может позволить себе цветистую риторику об «общем благе», «общей судьбе», «одном поясе и одном пути» [Wang Yiwei, 2021]. И неудивительно, что либеральный Запад уже неоднократно попадался на эту удочку и воспринимал подобные слова за чистую монету. Тем временем «заимствования у варваров» происходили как в форме прямого воровства китайскими компаниями технологий и научных материалов, так и в форме «утечки мозгов на Восток» – от выдающихся ученых, за большие деньги согласившихся работать на китайские научные центры, до массы преподавателей английского языка, хлынувших в Китай с начала нулевых годов. Около пяти лет назад западных специалистов вежливо, но твердо стали просить «на выход», в ситуации изоляции в связи с COVID-19 этот процесс ускорился в разы. Но, отхлынув, эта волна оставила на китайском берегу немало ценностей. Именно благодаря такой политике наука в Китае совершает много знаковых прорывов в областях, требующих гигантского финансирования. Миссия на Марс, лунный зонд «Чанъэ-5», пилотируемый глубоководный подводный аппарат «Фэньдоучжэ», который совершил погружение на глубину 10 909 м, разработка технологии атомного реактора третьего поколения «Хуалун-1», геномная инженерия и биотехнологии (первый в мире атлас клеток человеческого организма), космическая программа, мощнейший научно-исследовательский флот, мощнейший радиотелескоп «Тяньянь» в провинции Гуйчжоу, около половины всех мощнейших суперкомпьютеров мира (в том числе квантовый «Цзючжан»), финансирование исследований в Антарктике.

Хотя необходимо отметить серьезные проблемы в китайской науке (как и в создании чего-либо принципиально нового вообще, в западном понимании), связанные со спецификой китайской культуры и исторической традиции. Китай тысячелетиями развивал способность к копированию и подражанию, что до сих пор еще находит отражение в современном

китайском школьном образовании. Европейская наука идет по пути конкуренции научных школ, критики и эксперимента. Китайская, скорее, принимает творческий импульс извне, адаптирует его к местным условиям и предлагает многообразие вариантов применения. Исторически случилось так, что уже в XVIII в. в Китае сложился стабильный политико-экономический уклад, который значительно снизил стремление к развитию за счет порождения новых идей, снизил количество стимулов к развитию новых технологий, в частности, производственных. Кроме того, вообще китайская интеллектуальная элита традиционно мало интересовалась наукой вообще, а централизованная структура власти на огромной территории лишала смысла одну из движущих сил технического прогресса – региональную конкуренцию. И это дает надежду на то, что в будущем мире, принявшем новый китайский порядок, останется место для западного образа жизни, мышления, научной и деловой практики. Однако пускать дело на самотек представляется недальновидным. Так же как случается с перспективными рынками, которые китайцы в своей жажде скорой наживы превращают в вытоптанную пустошь, может случиться и с миропорядком в целом. В стремлении навязать всему миру путь «единой судьбы» Китай способен, пусть и ненароком, уничтожить то, что на протяжении нескольких тысяч лет давало западной цивилизации импульс к развитию.

В этой ситуации некитайским странам необходимо ясно понимать не только возможные цели и задачи экспансионистской политики Китая, неуклонно стремящегося к расширению своего влияния на весь мир, а также перспективы мира в случае успешной реализации этих целей и задач (которые будут иметь катастрофические последствия для жизненного уклада, экономики и культурной жизни до недавних пор некитайских стран), но и осознать необходимость противопоставления собственной (общей или множества национальных) программы защиты ценностей и культурного уклада.

Литература

Алимов И. А. Бюрократия в движении: китайские путевые дневники X–XIII вв. // MONGOLICA. Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований. 2021. Т. 24, № 3. С. 93–101.

Перлин П. В. Западноевропейские, американские и китайские источники о кругосветном вояже Ли Хунчжана: Европа и Америка // Энциклопедическая практика: Материалы и исследования : сб. науч. ст. и док. / Энцикл. отдел Ин-та филол. Исслед. С.-Петерб. гос. ун-та. СПб. : Скрипториум. 2017. С. 94–104.

Перлин П. В., Яковлев В. В. Инициатива «пояса и пути»: китайская экспансия на Балканах, проблемы и перспективы // IV Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение азиатско-тихоокеанского региона в контексте трансдисциплинарного знания : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 7–9 дек. 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; отв. ред. Е. Ф. Серебренникова. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 369–376.

Li Hung Chang. *Memoirs of Li Hung Chang* / ed. by W. F. Mannix. 1913. 343 p.

Jurgen Osterhammel. *Colonialism: A Theoretical Overview*. Princeton, N. J. : Markus Wiener Publishers, 1997. 146 p.

Fay, Peter Ward. *The Opium War, 1840–1842: barbarians in the Celestial Empire in the early part of the nineteenth century and the war by which they forced her gates ajar* (Univ of North Carolina Press, 1975). 440 p.

Lovell Julia. *The Opium War: Drugs, Dreams, and the Making of Modern China*. 2011. 458 p.

Wang Yiwei 王义桅, 《高质量共建“一带一路”的突破口》《经济日报》2021 年 4 月 21 日 10 版

Sun Zhongshan 孙中山 三民主义 中国长安出版社 2011-3 ISBN: 9787510703973 313 页

Cai Erkang 李鸿章历聘欧美记- 蔡尔康, 林乐知编译; 张英宇点; 张玄浩校 - 湖南人民出版社, 1982, 3260 页

鸦片战争. 上海人民出版社, 1972. 84 页

РАЗДЕЛ IV

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРАХ РЕГИОНОВЕДЕНИЯ И ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

УДК 378.147

М. А. Куратченко

Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ
Новосибирск

СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ВТОРОГО ИНОСТРАННОГО МЕЖДУ КИТАЙСКИМИ И РОССИЙСКИМИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯМИ

Аннотация. Описываются аспекты сотрудничества вузов с Институтами Конфуция, которые расширяют возможности по привлечению к учебному процессу китайских преподавателей. Анализируются наиболее общие проблемы, способные снизить эффективность учебного процесса, устанавливаются их причины и варианты решения. Предлагаются рекомендации для преподавателей, работающих в паре с носителем языка.

Ключевые слова: преподавание китайского языка, носитель языка, второй иностранный язык, современное высшее образование

M. Kuratchenko

Siberian Institute of Management – the Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Novosibirsk

COOPERATION BETWEEN CHINESE AND RUSSIAN TEACHERS IN THE SPHERE OF TEACHING THE CHINESE LANGUAGE AS A SECOND FOREIGN LANGUAGE

Abstract. Cooperation between universities and Confucius Institutes gives good opportunities for attracting chinese teachers for the educational process. However, except the benefits, there are problems that can reduce effectiveness of the educational process. The article analyzes the reasons for such problems, offers recommendations for teachers working in tandem with a native speakers.

Keywords: Chinese language learning, native speaker, second foreign language, modern higher education.

Изучение китайского языка в нашей стране стало не просто популярным, рост количества желающих овладеть «китайской грамотой» – это очевидный тренд, который год от года лишь усиливается. Китайский язык изучают в школах, вузах, на языковых курсах, при этом зачастую выбор делается в пользу китайского как второго иностранного языка.

Преподавание китайского языка как второго иностранного в вузе имеет ряд особенностей, которые не сводятся к меньшему, чем на филологических специальностях, количеству аудиторной нагрузки (от 4 до 8 часов в неделю), отсутствию аспектности в преподавании и пр. Основное отличие, как представляется, находится в сфере мотивации студентов, а также специфики построения учебного плана. Например, согласно ФГОС ВО 41.03.05 Международные отношения, языковая подготовка формирует УК ОС-4 «Способность осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном и иностранном(ых) языках» и ОПК-1 «Способен осуществлять эффективную коммуникацию в мультикультурной профессиональной среде на государственном языке» [ФГОС ВО]. Таким образом, предполагается, что обучение второму иностранному языку – это обучение деловой и профессиональной коммуникации на иностранном языке, т. е. в среднем за 6 ч в неделю студент должен освоить базовую фонетику, грамматику, обрести навыки иероглифического письма, а затем, если останутся силы, приступить к изучению особенностей профессиональной коммуникации в китайской культуре.

При этом совсем необязательно, что у студента был курс на русском языке, посвященный специфике культуры страны изучаемого региона. Под культурой здесь подразумевается нечто большее, чем список праздников, речь идет о системе ценностей, определяющей деятельность представителей данной культурной общности. Иными словами, просветительская деятельность также оказывается включена в рамки преподавания второго иностранного (китайского) языка, потому что без знания данных ценностей и культурных стратегий обучение языку не невозможно, но бессмысленно.

Также нельзя забывать о мотивации студентов, которая весьма различна. Ежегодные опросы, проводимые в сентябре, показывают, что студенты экономических, юридических, менеджерских специальностей приходят на китайский язык, потому что «всегда интересовались Дальним Востоком», «любят аниме и хотят понимать его лучше», «планируют связать свою дальнейшую деятельность с Китаем». При таких исходных данных отдельной задачей становится формирование и поддержание мотивации к изучению китайского языка.

Оправдано ли в такой ситуации привлечение к занятиям носителя языка? Нужно ли отдавать 2 ч из 6 на то, чтобы китайский преподаватель общался с плохо подготовленной в языковом плане аудиторией на темы, указанные в учебном плане? Представляется, что нужно и именно с первого курса. Ведь преподаватель-носитель китайского языка не только говорит по-китайски (как раз студентов первого курса устроит и речь записанная), он является носителем ценностей культуры китайского общества, без освоения которых немислимо осуществление коммуникации с представителями Китая: стандарты отношения к учебе, способы обращения к преподавателю, адекватное восприятие критики и похвалы и т. д.

Также необходимо учесть, что преподаватели, рекомендованные Институтами Конфуция для работы в России, делятся на несколько категорий и проходят строгий отбор. Так, в разделе 3 «Требования к кандидатам» Рекомендаций 2021 г. по набору преподавателей для работы за рубежом [2021 年国家公派出国教师招聘简章], разработанных Центром китайско-инострannого языкового обмена и сотрудничества министерства образования КНР (教育部中外语言交流合作中心) указано, что претенденты на должность преподавателя должны иметь степень бакалавра и выше в области преподавания китайского языка как иностранного, иностранного или китайского языков, а также не менее двух лет опыта работы в профессиональной сфере. Кроме того, отлично владеть нормативным китайским и иностранным языками. В соответствии с разделом 6 «Отборочные испытания» кандидаты должны сдать экзамен, в котором оцениваются профессиональные знания, навыки преподавания, межкультурные компетенции, уровень владения иностранным языком и психологические качества [2021 年国 ...].

Согласно Уведомлению об организации и осуществлении международного проекта преподавателей-волонтеров зарубежных Институты Конфуция Цзилиньского университета [关于组织实施 2021 年吉林大学海外孔子学院国际中文教师志愿者项目选派工作的通知] претенденты на должность преподавателя-волонтера должны не только отлично владеть китайским и иностранным языком, иметь высокую адаптивность, знать китайскую культуру и традиции, но и владеть специальными навыками – каллиграфией, ушу, игрой на традиционных музыкальных инструментах и пр. [关于组 ...]. Кроме того, перед поездкой в Россию преподаватели-волонтеры проходят специальную подготовку в сфере преподавания китайского языка как иностранного.

Таким образом, предполагается, что китайские преподаватели, рекомендованные для работы в России, – это специалисты, которые знают не только китайский язык, но и особенности китайской культуры, специфику преподавания китайского языка как иностранного. И даже если под культурой здесь подразумевается плетение узлов счастья и вырезание из бумаги, это то, что поможет привлечь и на какое-то время удержать молодую аудиторию, выбравшую китайский язык как второй иностранный.

Вообще, в рамках участия в подготовке и проведении мероприятий, организованных Институтами Конфуция, решается множество образовательных, организационных и воспитательных задач, способствующих развитию soft skills. Сама подготовка, например, к конкурсу песни не ограничивается заучиванием и исполнением песни. Студентам необходимо самостоятельно или совместно с преподавателем выбрать песню, оценить ее

шансы на успех в конкурсе (с учетом состава жюри), решить организационные вопросы, связанные со съемкой клипа, и пр. Таким образом, подготовка к подобным мероприятиям – это комплекс мер, направленных на развитие всех обозначенных выше компетенций, зачастую остающихся недооцененными российскими преподавателями в силу их «несерьезности».

Сами же занятия с носителем языка относятся к нетрадиционным формам обучения, имеющим преимущества перед традиционными, среди которых указываются положительный эмоциональный настрой студентов, возможность проявить себя, высокую степень независимости [Крутько, Бойко, 2021, с. 162]. Тем не менее организация и проведение данного вида занятий – это сложный процесс, требующий детальной проработки и контроля со стороны ведущего русскоязычного преподавателя. Эта проблема усилилась в ситуации пандемии COVID-19, вследствие чего занятия были выведены в дистанционный формат. По результатам опроса, проведенного в сентябре 2021 г. среди 200 студентов г. Новосибирска, изучающих китайский язык в вузах и имеющих опыт занятий с преподавателем-носителем китайского языка, 95 % студентов занятия с носителем языка нравятся. Среди положительных сторон 70,6 % студентов указывали возможность слышать аутентичную речь, 11,8 % – возможность познакомиться с жизнью страны из «первых рук», 10 % – радость от того, что их понимает носитель языка.

В то же время большинство проблем, возникающих в процессе обучения (58,8 %), оказались связаны с плохим качеством связи при работе в дистанционном формате (использовались платформы DingTalk, Mikrosoft-Teams, Zoom), 17 % студентов главной проблемой указали страх, что их не поймет преподаватель, и лишь 11 % – непонимание материала, излагаемого преподавателем.

Таким образом, важным для студентов оказывается непосредственное общение с носителем языка и культуры, в ситуации которого раскрываются аспекты, связанные с осуществлением коммуникации, остающиеся за рамками работы с русским преподавателем. Кроме того, уже начиная со 2-го курса для абсолютного большинства студентов (67 %) важно, чтобы на занятии с носителем русский преподаватель или отсутствовал вообще, или присутствовал лишь при выполнении определенного типа заданий (устный последовательный перевод). Среди основных причин указывают, что будут еще больше стесняться и не будут полагаться на собственные силы.

В такой ситуации совместная подготовка занятий российским и китайским преподавателями для студентов, изучающих китайский язык как второй иностранный, становится критически важной. Необходимо, чтобы общими были не только требования, но и транслируемые ценности, мировоззрение. Очевидно, недостаточно сообщить приехавшему преподавателю название учебника и пройденную тему, спланировать общий ход урока (10 мин на разговор на общие темы, 15 мин на проверку домашнего

задания и т. д.). Преподавателя-иностранца также необходимо адаптировать к нашим учебным реалиям, как адаптируют иностранных студентов, ведь создание доверительных профессиональных отношений – залог успешной учебной деятельности. Студенты должны знать, что и российский, и китайский преподаватель «смотрят в одну сторону»: предъявляют одинаковые требования, одинаково исправляют ошибки, ставят одинаковые учебные цели и задачи.

Таким образом, можно сделать вывод, что проведение занятий преподавателями-носителями языка для студентов, изучающих китайский язык как второй иностранный, является не только хорошим маркетинговым ходом со стороны университета. При должной организации занятия с преподавателем-иностранцем в первую очередь будут способствовать повышению мотивации к изучению языка, расширению кругозора, совершенствованию навыков коммуникации и, скорее всего, улучшат уровень владения иностранным языком у студентов.

Литература

Крутько Е. А., Бойко Е. Н. Организация и проведение языкового обмена с носителем языка у студентов направления подготовки высшего образования «Международные отношения» (на примере СИУ – филиала РАНХГИС) // Профессиональное образование в современном мире. 2021. Т. 11, № 2. С. 160–166.

ФГОС ВО (бакалавриат) 41.03.05 Международные отношения (утв. Приказ Министерства образования и науки РФ от 15 июня 2017 г. N 555 с изм. и доп. от 26.10.2020). URL: https://www.ranepa.ru/images/standarty/VO/FGOS_VO_plus_plus/410305_555_15-06-2017.pdf (дата обращения: 09.09.2021).

关于组织实施 2021 年吉林大学海外孔子学院国际中文教师志愿者项目选派工作的通知. URL: <http://oic.jlu.edu.cn/info/1334/7461.htm> (дата обращения: 09.09.2021).

2021 年国家公派出国教师招聘简章. URL: <https://www.163.com/dy/article/GBAK22460534KRZJ.html> (дата обращения: 09.09.2021).

УДК 37.012.8

А. А. Сергеева

Институт стран Азии и Африки МГУ, Москва

КИТАЙСКИЕ СТУДЕНТЫ В ИСАА МГУ: ОПЫТ ПРЕПОДАВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Аннотация. Исследуется процесс преподавания иностранным студентам и влияние пандемии коронавируса на образовательную сферу на примере ИСАА МГУ. В связи с этим рассматриваются социальный портрет китайского студента, методика преподавания и последствия изменений, повлиявших на процесс обучения иностранных студентов, что заставило преподавателей в срочном порядке не только осваивать различные онлайн-площадки, но и адаптировать методику и учебные программы под новую реальность.

Ключевые слова: современные китайские студенты, методика преподавания, социокультурный портрет, онлайн-образование.

TEACHING CHINESE STUDENTS DURING THE COVID-19 PANDEMIC

Abstract. The number of Chinese students in Russia has grown steadily. There are some challenges facing in teaching foreign students, especially in pandemic. These issues are examined below: the socio-cultural portrait of Chinese students, the challenges of learning process during the pandemic, adaptation to online education.

Keywords: modern Chinese students, socio-cultural portrait, teaching methods, online education.

Правительство КНР всегда поощряло учебу молодежи за рубежом, рассматривая подготовку высококвалифицированных кадров как одно из приоритетных стратегических направлений в модернизации страны. Китайское руководство продолжает реализацию специальной политики (льгот и преференций) для создания особых условий, направленных на возвращение на родину так называемых *хайгуи* – китайских студентов, получивших образование за рубежом. Помимо указанных факторов, большую роль в принятии решения получения диплома иностранного вуза играют чрезвычайно высокая конкуренция среди абитуриентов и жестко регламентированная система высшего образования КНР (особенно китайского ЕГЭ), а также дальнейшее повышение доходов городских семей, знакомство китайцев и взаимодействие их с внешним миром.

Сегодня в России обучаются около 48 тыс. студентов из Китая [Россия и Китай ...]. Пика популярности изучение русского языка в Китае достигло в 50-х – начале 60-х гг. XX в., когда после создания КНР между молодой республикой и Советским Союзом установились тесные партнерские отношения. Сейчас мы наблюдаем вторую волну активного интереса к русскому языку.

В последние годы в МГУ им. М. В. Ломоносова осуществляется широкомасштабная работа по привлечению китайских бакалавров, магистров и аспирантов на различные факультеты, в том числе в Институт стран Азии и Африки. По данным иностранного отдела, в институте насчитывается 110 обучающихся из Китая (на сентябрь 2021 г.). Безусловно, китайские аспиранты и стажеры появлялись в ИСАА ранее и исчислялись единицами, а масштабный характер этот процесс приобрел в последние 3–4 года. В настоящее время большая дополнительная нагрузка легла на кафедру китайской филологии ИСАА МГУ, что объясняется переходом почти всех китайских студентов с других языковых кафедр (например, японского или корейского языков) в связи с непреодолимыми для них трудностями усвоения иностранных языков посредством обучения на русском языке. Сложившуюся ситуацию можно считать уникальной среди других вузов страны, где китайцы в основном учатся на факультете РКИ или же на разных специальностях (но не на кафедре китайской филологии).

Востребованность обучения в российских вузах, их привлекательность для студентов из Китая объясняется рядом причин: традиционно

большой научно-образовательный потенциал и международная конкурентоспособность российской высшей школы, географическая доступность, относительно низкие расходы на обучение и проживание, несложные вступительные экзамены, возможность трудоустройства в связи с интенсификацией торгово-экономических отношений двух стран, общее положительное представление о стране, нашедшее свое отражение в китайских СМИ и др. Однако, планируя новые высокие показатели и перспективы сотрудничества, нельзя обойти вниманием тот факт, что преподаватели принимающих факультетов сталкиваются с рядом практических системных вызовов и вопросов, ответы на которые невозможно получить в индивидуальном порядке лишь в рамках новых научно-методических разработок. Например, практика принятия вступительных экзаменов свидетельствует о, как правило, невысокой языковой подготовленности китайских студентов для поступления в российский вуз, что связано не столько с трудностями в усвоении русского языка, сколько с недостаточностью по времени проведения предварительных языковых курсов (примерно около года) [Сергеева, 2021].

С началом нового учебного года и приходом новых студентов проводился опрос, целью которого являлось изучение социального портрета иностранного студента, поступающего в ИСАА. Данное исследование по мере реализации позволяет выявить особенности китайского студенческого сообщества, что создает возможности для корректировки и обновления учебной программы. Цифры показывают, что 50 % студентов приезжают из северо-восточных и восточных регионов, остальные из южных, центральных и западных провинций КНР. Почти 90 % участников опроса приезжают из крупных и средних городов, 70 % используют *путунхуа* в качестве языка общения с родными и близкими. Большинство студентов – из полных семей со средним или выше среднего материальным достатком, уровень образования родителей достаточно высокий (для Китая): примерно у 70 % опрошенных один из родителей имеет высшее или средне-специальное образование. 45 % китайских обучающихся относят себя к средним слоям и не испытывают серьезных финансовых затруднений, 100 % учатся за счет собственных средств, из них 10 % планируют подавать на университетские гранты или субсидии на обучение от китайского правительства. Более половины опрошенных хотели бы после окончания вуза вернуться в Китай, остаться же в России или уехать в другие страны планирует примерно 20 %.

Все иностранные студенты проходят языковое тестирование перед началом занятий для определения среднего уровня в группе. Исходя из объема изученного русского языка, преподаватель уже сам выстраивает программу и подбирает учебные материалы. В рамках программы ОВЯ с китайскими студентами занимаются, прежде всего, двусторонним устным и письменным переводом на темы, связанные с историей и культурой, а

также общественно-политическим и экономическим развитием России и Китая. Обобщая существующий на кафедре опыт обучения китайских студентов, можно сказать, что основной проблемой стал вопрос адаптации и выработки новой образовательной программы, которая бы включала в себя различные аспекты обучения иностранному языку. Практика показала, что наиболее эффективным для китайских студентов является использование двуязычных лингвострановедческих мультимедийных курсов, посвященных географии, истории, литературе, административно-территориальному делению, современной политической ситуации в России – «*俄罗斯国情多媒体教程*», выпущенный в 2017 г. Данный курс отличается тщательной подборкой тем, множеством фотографий и фрагментов из кинофильмов. Также активно применяются российские учебники и пособия, в том числе разработанные на кафедре: «*Практический курс китайского языка для продолжающих*» (авторы: С. А. Кондрашевский, Г. Я. Дашевская, Мяо Чунь), «*Китайский язык для делового общения*» (авторы: Г. Я. Дашевская, А. Ф. Кондрашевский), «*Общественно-политический перевод*» (авторы: А. Ф. Кондрашевский, И. В. Войцехович), «*Китай. История и современность*» (авторы: В. В. Круглов, А. А. Сергеева). Для студентов первого курса бакалавриата используется учебник *汉语听力速成 (提高篇)* Пекинского университета иностранных языков с бытовой, повседневной лексикой. В качестве вспомогательных материалов можно использовать тренировочные тесты по русскому языку как иностранному. Особенный интерес среди китайских студентов вызывают интерактивные семинары по истории русского языка и литературы с последующим посещением Государственного литературного музея. По впечатлениям от посещения тематических музеев и художественных галерей Москвы студенты с интересом пишут эссе на русском языке на заданную тему. В конце каждого учебного года среди китайских обучающихся проводится опрос с целью узнать, что же актуально и полезно в изучении русского языка на занятиях по переводу. Ребята активно высказывают свои пожелания: подготовка к экзамену по русскому языку, введение новой современной лексики, особенно экономического характера. Основной упор в работе с китайскими студентами делается на приобретение навыка устного перевода с китайского на русский язык, и в меньшей степени с русского на китайский язык. При обучении студентов-бакалавров особое внимание уделяется общей, бытовой лексике, темп подачи материала не должен быть очень высоким. На этапе обучения в магистратуре упор ставится на введение общественно-политической лексики и терминологии по культуре, экономике, истории, науке. Предусматриваются итоговые контрольные работы после прохождения каждой темы в устной и письменной формах.

В сложившейся ситуации пандемии единственно возможным и адекватным ответом на внешний вызов был временный полный переход на дистанционное обучение (со второго семестра 2020 г.). Важными требованиями к данной системе стали ее надежность и доступность интернет-платформ для преподавателей и обучающихся, простота создания и размещения контента, пропускная способность интернет-каналов. Большинство занятий проходит на китайской платформе Tecent (VooV Meeting), в меньшей степени по Zoom. Быстрая коммуникация и пересылка домашнего задания и ссылок на лекции осуществляется через социальную сеть WeChat.

Нельзя сказать, что переход на дистанционное обучение абсолютно негативно отразился на этой категории учащихся. Большинство из опрошенных отмечает наличие ряда удобств данного формата: это минимальный риск заражения коронавирусом (в КНР приняты достаточно жесткие карантинные меры), домашняя атмосфера, налаженный быт, отсутствие необходимости тратить средства на завышенный по цене авиабилет (в условиях ограниченного количества рейсов из Китая), на аренду жилья и ряд других факторов. Студенты не отрываются от китайских реалий и требований китайского рынка труда, имеют возможность параллельно с учебой приобретать практику в китайских компаниях. Однако иностранные студенты, получающие онлайн-образование на родине, лишены языкового и культурного погружения, возможности налаживания личных контактов с преподавателями и однокурсниками, а также получения опыта в стране обучения. Большинство студентов говорят об ухудшении своего уровня владения русским языком, а также о необходимости наличия высокой самодисциплины и мотивации для того, чтобы в полной мере усваивать предложенный материал. Около 40 % опрошенных считают, что качество образования в онлайн-формате в целом хуже традиционного очного. Из технических моментов также отмечают не всегда качественную интернет-связь, что приводит к обрывам связи, плохой слышимости и низкой скорости. Вызывает ряд неудобств и разница между часовыми поясами двух стран, многие занятия в ИСАА МГУ заканчиваются, когда в Китае уже полночь. Студентам не хватает дополнительных занятий по специальности, а также презентаций и других визуальных форм коммуникации с преподавателем. Некоторым преподавателям не хватает навыков работы в цифровой среде, времени на освоение новых инструментов и перестройку образовательного процесса. Со стороны студентов наметилась, к большому сожалению, тенденция к активному использованию различных голосовых интернет-переводчиков и иных способов списывания и подглядывания в учебные материалы во время проверочных и контрольных работ в формате онлайн.

В перспективе это отчасти может привести к тому, что некоторые семьи и студенты откажутся или уже отказались от возможностей международного образования. Ситуацию также усугубляет общее падение платежеспособности, опасения по поводу здоровья, а также отдельные случаи расизма по отношению к азиатам в некоторых регионах.

Литература

Россия и Китай достигли уровня академической мобильности в 100 тысяч человек: URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=26080&sphrase_id=178289

Сергеева А. А. Опыт преподавания китайским студентам (на примере кафедры китайской филологии ИСАА МГУ : тез. М. : МГИМО, 2021.

УДК 378.147

金玲

朝阳师范高等专科学校 朝阳

基于 POA 理论浅谈高职院校大学俄语教学现状与发展

摘要: 以产出导向法为指导, 针对高职院校转向应用型的需求, 分析大学俄语课程的现状, 提出构建“线上+线下+实践”教学模式, 在教学材料中增加中国文化知识和课程思政内容, 探讨大学俄语课程未来发展的可能性, 旨在培养具有国际视野的高质量应用型人才。

关键词: POA; 高职; 大学俄语; 教学

Jin Ling

Chaoyang Teachers College, Chaoyang

ON THE STATUS AND DEVELOPMENT OF RUSSIAN TEACHING IN HIGHER VOCATIONAL COLLEGES BASED ON POA THEORY

Abstract. Guided by the output-oriented approach, aiming at the need for higher vocational colleges to turn to application-oriented, analyze the status quo of Russian courses, propose the construction of an “online + offline + practice” teaching model, and add Chinese cultural knowledge and courses to the teaching materials Ideological and political content, exploring the possibility of the future development of Russian courses, aiming to cultivate high-quality applied talents with an international perspective.

Keywords: POA, Higher Vocational, Russian, Teaching.

Цзинь Лин

Чаянский специальный педагогический колледж высшей ступени, Чаоян

О СОСТОЯНИИ И РАЗВИТИИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ВЫСШИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОЛЛЕДЖАХ НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ POA

Аннотация. Руководствуясь результат-ориентированным подходом, направленным на необходимость перехода высших профессиональных колледжей к ориентированным на приложения подходам, анализируется нынешнее состояние курсов русского языка и предлагается внедрение модели обучения «онлайн + оффлайн + практика».

Ключевые слова: POA, высшее профессиональное обучение, изучение русского языка в вузах, обучение.

近些年来,我国不断加大职业教育改革力度。2019年,国务院发布了《国务院关于印发国家职业教育改革实施方案的通知》,要求职业院校从传统型教学转向应用型教学,提出了产教结合,1+X证书等模式,并希望到2022年,建设50所高水平的高等职业院校。这一《通知》对职业技术教育教学发展提出了新的任务,这不仅对专业俄语的人才培养提出了要求,对公共俄语的教学也提出了更高的要求。

1. 高职院校大学俄语教学现状

《大学俄语》是高职院校的一门公共基础课程,大多数高职院校学习《大学俄语》的人数并不多,通常学校会把所有高考考俄语的学生组成一个新的班级。由于学生覆盖专业广,俄语水平参差不齐,导致教师无法因专业施教,很难在教学中加入一些与某专业相关的俄语知识,只能按部就班讲授基础知识。

目前在传统的大学俄语教学中主要是“以教师为中心”,存在大量的“学与用相分离”的情况,学生觉得自己的专业和所学的俄语一点关系都没有,俄语学了也没用,学习只是单纯的为了应付期末考试,学生学习动力明显不足。毕业时学生的俄语水平往往达不到用人单位的要求,会说俄语不仅没有成为俄语生的亮点,反倒因为英语不好俄语也不够好而成为了弱势。

2. POA 理论依据

为解决上述问题,北京外国语大学博士生导师文秋芳教授结合中国学生的实际情况,提出的一套全新的教学理论体系——“产出导向法”(Production-oriented approach,简称POA)。

POA借鉴了Krashen的输入假设、Swain的输出假设和Long的互动假设二语习得领域的研究成果,以“输出驱动--输入促成假说”为基础,不断完善最终成型,对提高学生完成真实、具有交际价值的任务产生能力具有重大意义^[1]。POA的最新理念包括“学习中心说”“学用一体说”“文化交流说”和“关键能力说”^[2],并提出“驱动——促成——评价”三个教学环节,以达到学用无缝对接。POA理论已经在国内诸多高校的英语教学中进行了大量的实践,颇有成效,现在很多日俄等小语种以及对外汉语教学的教师也在探索POA在课程上的应用。

POA理论中的“全人教育说”强调教学不但要重视语言的工具性原则,还要实现语言的人文性目标,即在教学中增加学生跨文化交际能力和自主学习能力的培养,旨在为国家培养具有中国文化自信和国际视野的人才。因此POA理论可以作为高职院校大学俄语教学的基础理论,帮助高职院校培养具有国际视野的高质量应用型人才。

3. 构建“线上+线下+实践”教学模式

以 POA 理论中的“驱动——促成——评价”教学环节和“以学习为中心”为支架，建立“线上+线下+实践”教学模式，内容结合“传授俄语知识+融入思政价值+俄语能力应用”，配合教学内容设置多样化考核形式。

目前绝大多数高校均开通了网课平台，教师和学生均有线上上课的经验，教师可以在网课平台或者俄语学习软件中录制微课，学生根据自己的时间自行学习、交作业和考试。把基础性知识的学习迁移到课外，学生利用碎片化时间反复学习，有效解决了学生俄语水平参差不齐，掌握新知识速度不一致，以及学时有限的问题。另一方面，教师可利用网络资源，向学生提供大量俄语文化背景等资料作为学习的补充材料，激发学生学俄语的兴趣。

线下授课时主要考察学生对基础知识的掌握情况，内容以学生反馈学习材料，师生互动、生生互动为主。学生对教师、自己和同学进行评价，以评促学。评价不应该只是粗暴的给一个分数或者有及格和不及格之分，评价最好是陈述事实、告知学生言语的不合理之处。教师在课堂上掌控大局，引导学生自己解决问题，自我探索，帮助学生通过语言打开世界的打开，了解自己，了解世界，形成自己的世界观。

实践环节主要促进学生学以致用，以用促学，俄语的实践环节可根据具体授课内容和学生专业具体设计，实践过程有时需要独立完成，有时需要小组作业。在实践过程中教师一定要留心观察、监督和指导，引导学生自己解决问题，培养学生应用俄语的自信心。教师应负责帮学生寻找实践机会，比如联系用人单位实习，或利用学校的国际合作关系，联谊中国学生和俄罗斯学生，给中国学生找俄罗斯朋友。有些学校受条件限制，暂时无法找到真正实践的机会，可以采用虚拟实践的方式，制作网络虚拟交友或工作场景。

4. 教学材料的补充

教学材料包括教科书和其他补充资料，它是教学中的重要载体，是学生学习知识的最主要来源。

4.1 增加中国文化知识

目前的大学俄语教材中主要介绍的都是俄罗斯的文化与习俗，很少有课程和材料是用俄语介绍中国文化的。但是在跨文化交际的实际应用中，往往需要学生用俄语介绍我国的文化。用俄语表达中国文化、传播中国文化，这也是高质量俄语人才的必备技能，是我国学生文化自信的体现。

中国文化内容可包括：中国人文地理、传统节日、饮食文化、餐桌礼仪、中国历史、传统建筑、十二生肖等。教学中培养学生将中俄两国文化进行对比，并向他人讲解中俄文化差异的能力。在评价环节，为了增加跨文化交际的真实性，教师可以帮助学生真实场景再现，让学生身历其境体验到语言与文化的魅力，为日后职场中的国际交往工作打下基础。

4.2 课程思政

在学校思想政治理论课教师座谈会上，习近平总书记指出，“思政课是落实立德树人根本任务的关键课程”；习近平总书记还说：“各类课程都要与思想政治理论课同向同行，形成协同效应”。

思政能培养学生的逻辑思维、辩证能力、道德素养、职业素养、通过现象看本质的能力等，这些同样是高质量的外语人才需要具备的能力。因此，思政内容要融入到大学俄语的教学中，培养学生的爱国主义精神和职业道德意识，帮助学生树立正确的世界观和价值观。

5. 结语

随着经济的发展和高职院校的转型，“大学俄语”课程未来发展空间还很大。文秋芳教授在 POA “关键能力说”中指出，在外语教育中要重点培养学生的六种关键能力，分别为语言能力、学习能力、文化能力、思辨能力、创新能力和合作能力^[3]。未来，POA 理论可能会广泛应用于高职院校的大学俄语课程中，帮助高职院校培养具有这六种能力的、具有国际视野的高质量应用型人才。

参考文献:

- 杨岑, 郭遂红. 产出导向法 (POA) 研究综述 (2015-2019): 回眸、现状与展望. 宁波工程学院学报, 2020(12):82-89
- 文秋芳. “产出导向法”与对外汉语教学 [J]. 世界汉语教学, 2018(03): 387 - 400
- 文秋芳. 新时代高校外语课程中关键能力的培养: 思考与建议[J]. 外语教育研究前沿, 2018(01):3-11
- 高德毅, 宗爱东. 课程思政: 有效发挥课堂育人主渠道作用的必然选择[J]. 思想理论教育导刊, 2017(1): 31 - 34.

РАЗДЕЛ V

НАЧИНАЮЩИЙ ВОСТОКОВЕД / РЕГИОНОВЕД

УДК 323.2

К. С. Коваленко
Д. А. Табакова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва

СПЕЦИФИКА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ В КНР В XXI В.

Аннотация. Рассматриваются меры правительства КНР по борьбе с домашним насилием. Особое внимание уделяется выявлению особенностей политики страны в данном вопросе. Показаны характерные черты не только положительного характера, но и негативного.

Ключевые слова: домашнее насилие, внутренняя политика КНР.

K. Kovalenko
D. Tabakova

National Research University Higher School of Economics, Moscow

SPECIFIC STATE POLICIES REGARDING DOMESTIC VIOLENCE IN THE PRC IN THE XXI CENTURY

Abstract. This article examines the PRC government's response to domestic violence. The paper focuses on identifying the characteristics of the state's policies on this issue. The article has demonstrated distinctive features not only of a positive kind, but also of a negative one.

Keywords: domestic violence, PRC's domestic policy.

По данным Всекитайской женской федерации, около четверти замужних женщин в Китае сталкивались с домашним насилием [В Китае готовятся ...]. Данная проблема поднималась женским сообществом в Китае еще на рубеже XX–XXI вв. Первое упоминание о домашнем насилии в законодательных актах появилось в 2001 г. в поправках к Закону КНР о браке (中华人民共和国婚姻法). Принятие новых поправок стало важным этапом в истории борьбы против домашнего насилия в Китае. Однако вплоть до 2016 г. полноценная законодательная база, способная защитить жертв домашнего насилия, не сложилась. Только 27 декабря 2015 г. ПК ВСНП публикует Закон о борьбе против домашнего насилия (中华人民共和国反家庭暴力法), который вступает в силу 1 марта 2016 г. Этот закон

являлся первым самостоятельным законодательным актом, регулирующим борьбу с домашним насилием.

На сегодняшний день термин «домашнее насилие» все еще новый для китайского общества, а практика борьбы с домашним насилием продолжает формироваться. В сентябре 2020 г. председатель КНР Си Цзиньпин заявил на конференции ООН по положению женщин, что «защита прав и интересов женщин должна стать национальным обязательством». 1 марта 2021 г. Закону КНР о борьбе с домашним насилием исполнилось 5 лет. Авторы данной работы считают, что к этому времени борьба с домашним насилием в Китае достигла некоторых результатов и приобрела свою национальную специфику. Таким образом, объектом нашего исследования выступила специфика государственной политики в отношении домашнего насилия в КНР в XXI в. Целью исследования являлся анализ политики государства по защите от домашнего насилия. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

- 1) изучить историю развития законодательства КНР в области домашнего насилия;
- 2) проанализировать законодательные акты в области домашнего насилия на специфику взыскания;
- 3) проанализировать статистические данные по случаям домашнего насилия с 2000 до 2021 г.

В качестве источников были взяты Закон КНР о борьбе против домашнего насилия, Уголовный кодекс КНР, официальные сайты Верховного народного суда КНР и Национального бюро статистики Китая. Также источниками послужили китайские и зарубежные СМИ (人民日报, The New York Times).

История правового регулирования случаев домашнего насилия в КНР

Первое упоминание термина «домашнее насилие» возникло в Законе о браке (2001 г.). Так появилась новая ст. 11, которая гласила, что лицо, подвергшееся принуждению, имеет право на аннулирование брака. В статье 32 среди обстоятельств, разрешающих расторжение брака, впервые было названо домашнее насилие, а также жестокое обращение и злонамеренное оставление одним из супругов другого. Глава 5 Закона КНР о браке, именуемая «Меры помощи и правовая ответственность», полностью посвящена проблемам насилия в семье (ст. 43 «Домашнее насилие и жестокое обращение», ст. 45 «Преступления домашнего насилия, жестокого обращения, злонамеренного оставления и т. д.»). Согласно поправкам 2001 г. ответственность за медиацию случая домашнего насилия возлагалась на комитеты городского и сельского населения, проведение расследования и назначение взысканий ложилось на органы общественной безопасности, а народная прокуратура должна предъявить публичное обвинение. Также за жертвой домашнего насилия закреплялось право на требование

компенсации ущерба. В 2021 г. в силу вступил Гражданский кодекс КНР, который включил в себя положения Закона о браке 2001 г.

1 марта 2006 г. вступило в силу Положение Китайской Народной Республики о взысканиях за нарушение общественного порядка, четвертый пункт ст. 22 данного положения закреплял, что при жестоком обращении с членами семьи лицо, совершившее правонарушение, должно быть задержано на срок менее 15 суток и/или оштрафовано в размере 200 юаней. В феврале 2012 г. Народный суд в Сянчжоу (Гуандун) впервые выдал охранный ордер (人身安全保护令) женщине по имени Чэнь Юань с целью обеспечения ее безопасности [Court tries woman ...].

В 2016 г. Закон о борьбе против домашнего насилия (中华人民共和国反家庭暴力法) официально вступил в силу. С того момента дела о домашнем насилии квалифицировались как самостоятельные дела; они не были больше связаны с делами о разводе и опеке [专题报道]. Одной из важнейших статей данного закона считается ст. 4 «Судебный приказ о защите личной безопасности» (人身安全保护令), которая предусматривала использование охранных ордеров. Также было важно введение ст. 18, которая предусматривала создание приютов для жертв домашнего насилия.

Определение понятия «домашнее насилие»

Согласно Закону о борьбе против домашнего насилия под домашним насилием в КНР понимается физическое и психологическое причинение вреда, совершаемое членами семьи в форме избиения, связывания, нанесения увечий, ограничения личной свободы, регулярной брани. Однако в Китае домашнее насилие не распространяется на сексуальное насилие. На данный момент Законом предусматривается принятие заявления о домашнем насилии по причине сексуального насилия от одной из сторон только в случаях, когда брак признан принудительным или купленным; когда сексуальное насилие совершается в период разлуки или во время бракоразводного процесса. В остальных случаях судебные органы испытывают трудности в идентификации сексуального насилия как домашнего.

С момента внесения поправок в Закон о браке домашним насилием считалось только насилие между членами одной семьи: официальные супруги, дети, родители, что оставляло огромную часть населения незащищенной, так как не решало проблемы домашнего насилия между партнерами, проживающими вместе, но не состоящими в официальном браке. Закон о борьбе против домашнего насилия распространяется и на супругов, не находящихся в официальном браке.

Деятельность правительства в отношении домашнего насилия

Закон о домашнем насилии защищает законные права и интересы членов семьи, а также способствует семейной гармонии и социальной стабильности. Гармония в семье содействует гармонии в государстве, поэтому государство ставит своей обязанностью осуществление пропаганды

семейной этики и борьбы с домашним насилием через профсоюзы, молодежные движения, ассоциации женщин и инвалидов, радио, телевидение, печатные издания, интернет, учебные заведения. Государство ставит своей обязанностью осуществление пропаганды семейной этики и борьбы с домашним насилием через профсоюзы, молодежные движения, ассоциации женщин и инвалидов, радио, телевидение, печатные издания, интернет, учебные заведения. Ответственность за выявление случаев домашнего насилия и их разрешение лежит на народных конфликтных организациях (人民调解组织), домовых комитетах (居民委员会), сельских комитетах (村民委员会), отделениях охраны общественного порядка и работодателях. Таким образом, в борьбу с домашним насилием в КНР включаются как государственные органы всех уровней, так и городские и сельские общины.

Одной из важных проблем в процессе борьбы с домашним насилием является высокий стандарт доказательств. Домашнее насилие носит скрытый характер и редко совершается при свидетелях, поэтому жертвам домашнего насилия очень трудно доказать, что они подверглись или подвергаются домашнему насилию. Во избежание проблем с доказательством виновности в законе о борьбе против домашнего насилия должны быть выработаны специальные правила доказательств и стандарты в интересах жертв, которые позволят провести оценку риска домашнего насилия как можно скорее [孙晓梅].

Мерами наказания за домашнее насилие являются судебный приказ о защите личной безопасности заявителя (запрет на приближение, охранный ордер), штраф в размере от 1000 юаней, заключение под стражу на срок не более 15 суток, уголовная ответственность. Классической практикой в борьбе с домашним насилием является вынесение постановления о выдаче охранный ордера в день подачи ходатайства заявителем. По истечении срока охранный ордер суд выносит постановление о продлении или удовлетворяет ходатайство о разводе и выплате компенсации за причинение морального вреда. За два года, с 2016 по 2017 г., Пекинский городской суд вынес 17 463 решения первой инстанции по делам о разводе, среди которых 11 % составляли дела о домашнем насилии (1867 дел) [北京市 ...].

Лицам, совершившим акт домашнего насилия, отказывается в опеке над несовершеннолетними детьми. Даже при условии неравного экономического положения родителей факт домашнего насилия является основным при решении вопроса об опеке [反家暴案件审理...].

Некоторые практические результаты по борьбе с домашним насилием

1 декабря 2020 г. в провинции Шэньси были введены Меры провинции Шэньси по осуществлению закона КНР, направленного против домашнего насилия. Они предусматривают, что информация об уголовных

наказаниях за домашнее насилие будет размещаться на общественной платформе о кредитной информации (公共信用信息平台). Также в данных мерах указано, что несовершеннолетние, ставшие свидетелями домашнего насилия, тоже считаются жертвами домашнего насилия.

В том же году в г. Иу (пров. Чжэцзян) было опубликовано Заключение о создании системы запросов на регистрацию брака для лиц, обвиненных в домашнем насилии 关于建立涉家庭暴力人员婚姻登记可查询制度的意见, с помощью которого можно проверить наличие записей о домашнем насилии в деле партнера. Данная программа сможет внести свой вклад в предотвращение появления потенциальных жертв домашнего насилия.

В 2021 г. Всекитайская федерация женщин внесла предложение о создании отдельного пункта «домашнее насилие» (家庭暴力) в системе аварийной сигнализации 100 (полиция) в качестве специального статистического показателя и регистрации информации данных звонков. Данную меру предлагается ввести с целью повышения осведомленности о борьбе с домашним насилием и повышения способностей рядовых сотрудников общественной безопасности. Авторы данного исследования считают важным отметить, что данная инициатива при ее утверждении послужит источником первой государственной статистики по случаям домашнего насилия. На сегодняшний день отдельная статистика по домашнему насилию государством не ведется.

Эффективность работы государства в области борьбы с домашним насилием можно проследить по статистическим данным. Число заявок на получение охранный ордера с момента вступления в силу закона о борьбе против домашнего насилия росло с каждым годом. В 2016 г. было выпущено 687 охранных ордеров, в 2017 г. – 1469, в 2018 г. – 1589, в 2019 г. – 2004, в 2020 г. – 2169 [人民日报金台锐评: 对家暴必须...]. В общей сложности в период с 2016 по 2020 г. было выдано 7918 охранных ордеров для защиты жертв домашнего насилия. Выдача охранных ордеров повлияла на сокращение числа жалоб на домашнее насилие. Доказательством этого тезиса может послужить статистика данных Всекитайской федерации женщин. В 2018 г. в систему этой федерации поступила 39 371 жалоба на домашнее насилие. В 2019 г. поступили уже 36 002 заявки, что означало снижение на 8,4 % в сравнении с прошлым годом [人民日报人民时评: 厚植反家庭...].

Заключение

Данное исследование выявило некоторые специфические особенности практики по борьбе с домашним насилием в КНР: высокий стандарт доказательств случаев домашнего насилия, включение в борьбу против домашнего насилия центральных и местных органов управления, а также общественных организаций, сельских и городских общин, отсутствие статистических данных о случаях домашнего насилия. Из последнего следует,

что оценить эффективность деятельности по борьбе с домашним насилием в полной мере невозможно, однако можно сделать вывод, что в последние годы государство признает существование данной проблемы и планирует дальнейшее развитие законодательной и статистической базы.

Литература

В Китае готовятся к принятию законы по борьбе с домашним насилием. URL: <http://russian.people.com.cn/31516/7817682.html> (дата обращения: 24.05.2021).

Court tries woman protection program. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2012-02/23/content_14678191.htm (дата обращения: 24.05.2021).

北京市妇联联合北京市高级法院发布反家庭暴力典型案例. URL: http://www.bjwomen.gov.cn/fnw_2nd_web/static/articles/catalog_ff808081641b3fa901641b43c565000b/article_ff80808161e6f3f201626625b1960801/ff80808161e6f3f201626625b1960801.html (дата обращения: 24.05.2021).

[专题报道]剖析中国《反家暴法》的立法与实践—专访公益律师吕孝权. URL: <https://news.un.org/zh/story/2020/12/1072862> (дата обращения: 24.05.2021).

人民日报人民时评：厚植反家庭暴力的法治土壤. URL: <http://opinion.people.com.cn/n1/2021/0112/c1003-31996346.html> (дата обращения: 24.05.2021).

人民日报金台锐评：对家暴必须“零容忍”. URL: <http://opinion.people.com.cn/n1/2020/0813/c1003-31820350.html> (дата обращения: 24.05.2021).

孙晓梅：反家庭暴力一直在行动. URL: <http://society.people.com.cn/n1/2021/0227/c1008-32038274.html> (дата обращения: 24.05.2021).

反家暴案件审理，这四个要点很重要. URL: http://www.women.org.cn/art/2021/3/17/art_9_165869.html (дата обращения: 24.05.2021).

УДК 82.035 (470:520)

Е. А. Оробьева

Иркутский государственный университет, Иркутск

К ВОПРОСУ О КАЧЕСТВЕ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С РУССКОГО НА ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ А. П. ЧЕХОВА)

Аннотация. Исследуется качество перевода художественных произведений с русского на японский язык. Используется классификация переводческих ошибок В. Н. Комиссарова, классификация степеней эквивалентности и уровней единиц перевода, монография М. Г. Новиковой и учебное пособие Ю. П. Солодуба с целью выявления норм и стандартов перевода, а также для уточнения такого феномена, как оценка качества перевода.

Ключевые слова: перевод, единица перевода, переводческие ошибки, японский язык.

E. Orobyova

Irkutsk State University, Irkutsk

TO THE ISSUE OF TRANSLATION QUALITY OF FICTION FROM RUSSIAN INTO JAPANESE (ON THE MATERIAL OF TRANSLATIONS OF SHORT STORIES BY A.P. CHEKHOV)

Abstract. This article is devoted to studying of translation quality of fiction from Russian into Japanese. Our study is based on the classification of translation mistakes by V. N. Komissarov, classifications of levels of equivalence and levels of translation units. We also used the monograph by M. G. Novikova and the manual by

Y. P. Solodub to reveal the standards and norms of translation as far as to define the phenomenon of translation quality assessment. The main methods of the research include comparative analysis, meaning-changing transformation and systematization. The study is held on the material of translations of short stories by A. P. Chekhov from Russian into Japanese.

Keywords: translation, translation unit, translation mistakes, Japanese.

Новейшие подходы к осуществлению переводческой деятельности диктуют постоянный пересмотр переводческих текстов [Хамаева, 2016], переводческая критика в этой области способствует как дальнейшему преодолению переводческих ошибок, так и формированию критического мышления в среде специалистов [Дюндик, 2019]. Особое место в этих процессах занимает художественный перевод.

Художественный перевод является особым видом коммуникативной деятельности и представляет собой творческое преобразование текста оригинала на язык перевода (ПЯ) с использованием всех возможностей этого языка и наиболее полной передачей литературных особенностей языка подлинника.

Изначально художественные тексты создаются с ориентацией на аудиторию исходного языка (ИЯ), тем не менее после этого при помощи художественного перевода для расширения аудитории и развития международной коммуникации переводчику необходимо создать особый вид текста, который призван представлять исходное художественное произведение в иноязычной культуре.

При художественном переводе типичны отклонения от максимальной смысловой точности с целью того, чтобы добиться наибольшей художественности текста на ПЯ [Новикова, 2012, с. 20–21]. Достижение данной цели позволит читателю максимально погрузиться в процесс прочтения иностранного произведения.

Основным критерием качества выполненного художественного перевода считают адекватность эстетического воздействия оригинала и перевода. К переводу неприменимы такие оценочные критерии как «плохой» и «хороший», «удачный» и «неудачный». Он делится на «адекватный» и «неадекватный» [Солодуб, 2005, с. 7].

Под адекватностью, являющейся первостепенным требованием к переводу, понимают качество переводческого решения как процесса, соответствие текста перевода цели перевода, соответствие подлиннику по функции и оправданность выбора средств, используемых при переводе.

Эквивалентность также является неотъемлемым критерием качественного перевода, который, по мнению В. Н. Комиссарова, заключается «в максимальной идентичности всех уровней содержания текстов оригинала и перевода» и включает в себя не только соотношение единиц ИЯ и ПЯ, но и цель перевода.

Выделим следующие степени эквивалентности перевода:

- 1) лакуны (непереводимые единицы, у которых отсутствует отражение в переводе);
- 2) единицы, которые могут быть частично переданы в переводе;
- 3) единицы, имеющие максимальную степень близости содержания оригинала и перевода.

Поскольку у начинающих переводчиков в связи с разнородностью языков, объемом словарного запаса и различием лексических единиц возникает сложность корректно выделить ту или иную единицу перевода, то рассмотрим, что представляет собой это понятие.

Ведущие советские ученые, такие как Л. С. Бархударов, Л. К. Латышев, В. Н. Комиссаров, Я. И. Рецкер, полагают, что единица перевода может быть представлена в виде любой единицы языка, а ее размер может варьироваться от фонемы до целого текста. Она является минимальной языковой единицей в тексте ИЯ, которая имеет соответствие в тексте ПЯ.

Существуют следующие уровни единиц перевода:

- 1) фонемный – передача звукового состава слова;
- 2) морфемный – перевод морфем;
- 3) лексемный – перевод слов;
- 4) словосочетаний – перевод идиоматических сочетаний слов;
- 5) предложений – перевод предложений;
- 6) текста – перевод цельного текста (чаще встречается в поэзии).

Неверное выделение единиц перевода приводит к появлению переводческих ошибок, под которыми понимается любое отклонение от текста оригинала при его переводе.

Рассмотрим классификацию переводческих ошибок [Комиссаров, 2011, с. 243]:

1. Искажения – ошибки, которые представляют собой грубое искажение содержания оригинала. Они возникают из-за неправильного понимания переводчиком содержания оригинала, незнания каких-либо грамматических или лексических явлений ИЯ и приводят к тому, что перевод указывает на другую ситуацию или фактически дезинформирует реципиента.

2. Неточности – ошибки, которые приводят к неточной передаче смысла оригинала, но не искажают его полностью, в целом ситуация остается той же. Они возникают из-за неточного понимания значения некоторых слов в оригинале или неверной оценки переводчиком степени соответствия терминов.

3. Буквализмы – ошибки, возникающие при попытке перевода смысловых элементов более высокого уровня эквивалентности, без обеспечения передачи содержания на предыдущих уровнях. Возникают при строгом соблюдении плана выражения в ущерб плану содержания.

4. Вольности – ошибки, возникающие при переводе на более низком уровне эквивалентности, чем тот, которого возможно достичь при данных условиях переводческого акта.

5. Стилистические – ошибки, которые не нарушают общего смысла оригинала, но снижают качество текста перевода из-за отклонения от стилистических норм.

6. Нарушения обязательных норм ПЯ не влияют на эквивалентность перевода, но свидетельствуют о том, что переводчик недостаточно владеет языком или не умеет преодолеть влияние языка оригинала.

Наличие различных переводческих ошибок указывает на необходимость рассмотрения практического материала для изучения качества перевода художественных произведений. На основе примеров, взятых из переводов рассказов А. П. Чехова («Дядя Ваня», «Житейская мелочь», «Гусев», «Медведь») на японский язык, будет проведен анализ, в котором рассмотрим следующие пункты:

- 1) уровень перевода, единица перевода, взятая из ИЯ и ПЯ;
- 2) наличие или отсутствие переводческих ошибок;
- 3) уровень эквивалентности перевода, согласно распределению, приведенному в данной статье;
- 4) оценка качества перевода;
- 5) предложение собственного варианта перевода языковых единиц с русского на японский язык.

Из произведения «Дядя Ваня» и его перевода 「ワーニヤ伯父さん」 *Ва: ня одзи-сан* взят следующий пример: «Возился я целый день, не присел, маковой росинки во рту не было, а приехал домой, не дают отдохнуть» [Чехов, 1986]. 朝から晩まで、のべつ立ち通して、休むまもありゃしない [チエーホフ, 1967]。 *Аса-кара бан-мадэ, нобэцу татито:ситэ, ясуму ма-мо арясинай:*

1. Уровень словосочетаний, «Маковой росинки во рту не было» のべつ立ち通す *нобэцу татито:су.*

2. Присутствуют искажение, вольность и стилистическая ошибка.

3. В тексте используется лагуна, которую невозможно перевести с достаточным уровнем эквивалентности.

4. Русская фразеологическая единица (ФЕ) «маковой росинки во рту не было» означает быть очень голодным, ничего не пить, не есть. Переводчик не использовал данного фразеологизма, используя только のべつ立ち通す *нобэцу татито:су*, что буквально можно перевести как «беспременно стоять на ногах». Переводчик опустил часть о маковой росинке, поскольку данная реалия не характерна для японского языка. Тем не менее, на наш взгляд, можно было заменить данный фразеологизм, используя сочетание 何も食べなかった *нани-мо табэнакатта* «ничего не ел». Переводчик же безосновательно опустил его и часть предложения, где говорится о приезде домой. Таким образом, изменяется восприятие ситуации, из перевода японского предложения мы можем предположить, что отдох-

нуть герою не дали не дома, а в том месте, из которого он приехал. В данном случае переводчик совершил стилистическую ошибку, убрав эмоциональную составляющую, содержащуюся главным образом в ФЕ, а также опустил важную информацию, которая может привести к искажению смысла предложения.

5. 朝から晩まで、のべつ立ち通して、何も食べなかったが、帰ってきてもう休むまもありゃしない。アサ-カラ バン-マデ, ノベツ タ-チト:シテ, ナニ-モ タベナカッタ-ガ, カエツテキテ モ: ヤス ム マ-モ アリヤシナイ。

Из произведения «Житейская мелочь» и его перевода 「小波瀾」 *кохаран* взят следующий пример: «Я попал как кур во щи, и я же оказываюсь виноватым!» [Чехов, 1976а, с. 21]. この俺はまるで、鶏が味噌汁の中に跳びこんだような態だ。おまけに罪は俺にあるんだそうさ [チーホフ, 1960б]。 *Коно орэ-ва марудэ, ниватори-га мисосиру-но нака-ни тоби-конда ё:на тайда. Омакэ-ни цуми-ва орэ-ни арунда со:да:*

1) уровень словосочетаний, «кур во щи» 鶏が味噌汁の中に *ниватори-га мисосиру-но нака-ни*;

2) присутствуют неточность и буквализм;

3) в тексте использована лакуна, что осложняет процесс перевода;

4) ФЕ «кур во щи» имеет значение «попасть в неожиданную неприятность» [Федоров, 2008]. Тем не менее эквивалента в японском языке не имеется, поскольку реалия «щи» не характерна для Японии. Автор передал значение, используя авторский фразеологизм, переводимый буквально, как «курица в мисо-суп». Однако она не может быть использована, так как смысл будет утерян. В данном случае вместо использованного словосочетания можно воспользоваться ФЕ 辛い目に遭う *цурай мэ-ни ау* (букв. «встретиться с тяжелым глазом») «натерпеться, попасть в трудную ситуацию», таким образом, оставив и экспрессивность, и смысл, который будет легко понят носителями японского языка.

5) 只さえ辛い目に遭ったのにおまけに罪は俺にあるんだそうさ。 *Тада сэ цурай мэ-ни атта-но-ни омакэ-ни цуми-ва орэ-ни арунда со:да.*

Из произведения «Гусев» и его перевода 「グーセフ」 *Гу:сэфу* взят следующий пример: «– Ну, что ты его по зубам кружкой колотишь? – сердится Гусев. – Нешто не видишь, голова садовая?» [Чехов, 1977]. 「まあさ、なんだって水差しなんか齒にぶつけるんだ」とグーセフが怒る。「まだわからねえのか、冬瓜頭まめ」 [チーホフ, 1960а]. *Ма:са, нан-даттэ мидзусаси нанка ха-ни буцукэрунда то Гу:сэфу-га окуру. Мада ва-каранэ:-но-ка, то:ган атама мамэ:*

– уровень словосочетаний, голова садовая 冬瓜頭まめ *то:ган атама мамэ*

– присутствует буквализм;

– при использовании лексической единицы можно частично передать слово в переводе так, чтобы ФЕ сохранила свою семантику;

– ФЕ «голова садовая» использовалась еще на Руси. Изначально это словосочетание употребляли для названия огородного пугала, голова которого была сделана из кочана капусты. В метафорическом значении его стали применять к дуракам или растяпам, людям глупым и несообразительным. В японском языке при анализе данной единицы не выявлено никаких фразеологизмов, встречены только варианты в прямом значении слова 冬瓜 *то:ган*, что означает «восковая тыква». Тем не менее данный овощ по форме не похож на русскую тыкву, и он не применялся при изготовлении пугала, следовательно, у японцев отсутствует связь «дурака» и «восковой тыквы» и читатель упустит то, что хотел передать автор. Перевод можно было осуществить с помощью лексической единицы 愚者 *гуся* «глупец», и хотя исчезнет образность, которая в первом случае возникает в результате сравнения головы с капустой, однако смысл будет ясен всем без исключения, а так как единица содержит в себе негативное значение, то останется необходимая экспрессия.

まあさ、なんだって水差しなんか歯にぶつけるんだ」とグーセフが怒る。「まだわからねえのか、愚者。」*Ma:sa, нандаттэ мидзусаси нанка ха-ни буцукэрунда то Гу:сэфу-га окору. Мада вакаранэ:-но-ка, гуся.*

Интересным оказался перевод еще одного предложения из этого рассказа: «Понимаешь ли, тут на пароходе существуют только первый и третий классы, причем в третьем классе дозволяется ехать одним только мужикам, то есть хамам» [Чехов, 1977]. この船には一等と三等しかないんだ。しかもその三等へは、農民——つまり下層民しきや乗せないんだ。 *Коно фунэ-ни-ва итто:-то сика найнда. Сикамо соно санто:-э-ва, но:мин – цумари касо:мин сикя нокосэнайнда [チエーホフ, 1960 a]:*

1) лексемный уровень, «хам» 下層民 *касо:мин*;

2) присутствуют искажение, вольность;

3) в русском тексте использована единица, которая может быть переведена максимально близкой по эквивалентности единицей;

4) слово 下層民 *касо:мин* с японского переводится как «низший класс людей». В данном контексте под словом «хамы» подразумевались именно «грубые, невоспитанные люди», поэтому переводчику следовало не изменять слово на свой вкус, допуская вольность, а перевести имеющимся в японском языке словом «хам» 下劣 *гэрэцу*.

この船には一等と三等しかないんだ。しかもその三等へは、農民——つまり下劣しきや乗せないんだ。 *Коно фунэ-ни-ва итто:-то сика найнда. Сикамо соно санто:-э-ва, но:мин – цумари гэрэцу сикя нокосэнайнда.*

Из произведения «Медведь» и его перевода 「熊」 *кума* взято следующее предложение: «Горничная и кухарка пошли по ягоды, всякое дыхание радуется, <...>» [Чехов, 1976 б, с. 301]. 小間使も、おさんどんも、イチゴを採りに行きましたし、およそ息のあるものは、結構みんな楽しんでおりますよ [チエーホフ, 1960 б]. *Комадзукай-мо, осандон-мо, итиго-о тори-ни икimasитаси, оёсо ики-но ару моно-ва, кэкко: минна таносиндэ оримасу-ё:*

- лексемный уровень, ягоды *イチゴ* *итиго*;
- присутствует неточность;
- в русском тексте использована единица, которая может быть переведена максимально близкой по эквивалентности единицей;
- семантическое значение слова «ягоды» в русском языке шире, чем японское слово *イチゴ* *итиго*, переводящееся как «клубника». Переводчик немного сузил понятие, что было необязательно. Несмотря на то что данная ошибка не является строгой, мы предлагаем еще один вариант перевода, а именно эквивалент *ベリー* *бэри*.

小間使も、おさんどんも、ベリーを採りに行きましたし、およそ息のあるものは、結構みんな楽しんでおりますよ。 *Комадзукай-мо, осандон-мо, бэри:-о тори-ни икimasитаси, оёсо ики-но ару моно-ва, кэкко: минна таносиндэ оримасу-ё.*

В соответствии с проведенным анализом единиц перевода было выявлено, что, несмотря на качественное выполнение многих переводов, возникают ситуации, в которых возможно допущение ошибок по разным причинам, к ним можно отнести как незнание переводчиком различных реалий, так и неверное понимание смысла, заложенного автором оригинала.

При соотношении единиц перевода со степенями эквивалентности выявлено, что сложности у переводчиков чаще всего вызывает перевод лакун, к которым мы можем отнести многие фразеологизмы. Также в анализе были использованы лексические единицы, которые имели эквиваленты в языке перевода, но по различным причинам были переданы иначе, что привело к переводческим ошибкам.

Среди ошибок перевода, в связи с рассмотренным практическим материалом, наиболее частотными оказались следующие: искажение (2), вольность (2), неточность (2), буквализм (2) и стилистическая ошибка (1).

Таким образом, рассмотрев качество перевода художественных произведений, можно предположить, что переводческое мастерство невероятно важно для передачи содержания текста с ориентацией на конкретную аудиторию. Поскольку в данном случае переводчики ориентировались на японского потребителя, их задача состояла в адаптации русских художественных произведений для японцев. Тем не менее в переводах до сих пор

можно выявить некие ошибки, поэтому переводчикам необходимо продолжать развивать определенные навыки для того, чтобы приблизиться к максимально возможному уровню эквивалентности.

Литература

Дюндик Ю. Б., Кузнецова О. В. Совершенствование навыков критического мышления посредством анализа новостного контента современных СМИ: из опыта работы // Гуманитарные науки и образование. 2019. Т. 10, № 2 (38). С. 57–62.

Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М. : Валент, 2011. 410 с.

Новикова М. Г. Меры смысла, актуальное членение и адекватность перевода : монография. М. : Флинта : Наука, 2012. 208 с.

Солодуб Ю. П., Альбрехт Ф. Б., Кузнецов А. Ю. Теория и практика художественного перевода : учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2005. 304 с.

Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М. : Астрель : АСТ, 2008. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/fc/slovar-202-2.htm#zag-5116> (дата обращения : 08.09.2021).

Хамаева Е. А., Шишмарева Т. Е., Кремнёв Е. В. Транслингвографический перевод как способ экспертного перевода (на материале переводов «Шань хай цзин» и «Эръя») // Crede Experito: транспорт, общество, образование, язык. 2016. № 4. С. 69–79.

Чехов А. П. Гусев. М. : Наука, 1977. URL: <http://chehov-lit.ru/chehov/text/gusev.htm> (дата обращения: 04.09.2021).

Чехов А. П. Дядя Ваня. М. : Наука, 1986. URL: <https://ilibrary.ru/text/972/p.1/index.html> (дата обращения: 04.09.2021).

Чехов А. П. Житейская мелочь. М. : Наука, 1976 а. С. 317–322.

Чехов А. П. Медведь: Шутка в одном действии. М. : Наука, 1976 б. С. 293–311.

チーフ・アントン 「グーセフ」. URL: https://www.aozora.gr.jp/cards/001155/files/51424_40573.html (дата обращения: 05.09.2021) (翻訳者 神西清)

チーフ・アントン 「ワーニャ伯父さん」. URL: https://www.aozora.gr.jp/cards/001155/files/51862_41345.html (дата обращения: 03.09.2021.2021) (翻訳者 神西清)

チーフ・アントン 「小波瀾」. 1960 а. URL: https://www.aozora.gr.jp/cards/001155/files/51353_39674.html (дата обращения: 03.09.2021) (翻訳者 神西清)

チーフ・アントン 「熊」. 1960 б. URL: https://www.aozora.gr.jp/cards/001155/files/52239_42204.html (дата обращения: 05.09.2021) (翻訳者 神西清)

В. А. Перцева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

СОТРУДНИЧЕСТВО ЯПОНИИ И КИТАЯ В РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ «ОБЩЕСТВО 5.0»

Аннотация. Обобщаются совместные китайско-японские проекты, связанные с осуществлением стратегии «Общество 5.0». Дано определение «Общества 5.0», показаны его особенности и области, связанные с ним. Раскрывается значимость деятельности Японии и Китая для развития общества.

Ключевые слова: «Общество 5.0», Китай, Япония, высокие технологии, сотрудничество.

V. Pertseva

Kazan Federal University, Kazan

COOPERATION OF JAPAN AND CHINA IN IMPLEMENTATION OF THE SOCIETY 5.0 STRATEGY

Abstract. The article is a generalization of joint Sino-Japanese projects related to the implementation of the society 5.0 strategy. The definition of society 5.0, its features and areas related to it is given. The article reveals the importance of the activities of Japan and China for the development of society.

Keywords: society 5.0, China, Japan, high technologies, cooperation.

На сегодняшний день человечество находится на четвертой ступени своего развития. Мы прошли долгий путь от охотников и собирателей (общество 1.0), сельскохозяйственного (общество 2.0) с его жесткой социальной иерархией, индустриального (общество 3.0), которое появилось благодаря автоматизации производства, и, наконец, достигли текущей стадии в виде информационного общества (общество 4.0). Судя по времени, затраченному на переход к новой ступени развития, уровень прогресса общества растет в геометрической прогрессии. Так, в 2016 г. в Японии появляется стратегия развития человеческого капитала под названием «Общество 5.0», основанная на немецкой концепции Четвертой промышленной революции, или «Индустрия 4.0» [邱錦田, 2017]. «Общество 5.0» стало реакцией на создание стратегий другими странами, таких как американская Industrial Internet, немецкая High-Tech Strategy 2025, китайская «Сделано в Китае 2025». Все это сподвигло Японию разработать свой собственный путь развития, который, несмотря на целенаправленное создание с учетом специфики японского общества, имеет определенные принципы, подходящие под рамки любой страны.

Стратегия «Общество 5.0» подразумевает под собой комплексный план, целью которого является устойчивое развитие и «смартизация» общества с помощью технологических инноваций [Society 5.0 for ... , 2019]. В таком обществе высокий уровень жизни благодаря эффективному распределению людей, товаров и средств за счет горизонтального разверты-

вания цифровой трансформации. Кроме того, реализуются цели энергетической политики «3E + S»¹, которая позволяет обеспечить баланс между энергетикой, экономической эффективностью и экологией, основываясь на безопасном обращении с каждым из составляющих. Также полным ходом идет интеграция киберпространства и физического пространства. В прошлом информационном обществе обычной практикой был сбор информации через сеть и ее анализ людьми. Однако в Society 5.0 люди, вещи и системы связаны в киберпространстве, и оптимальные результаты, полученные с помощью искусственного интеллекта, превышающего возможности человека, передаются обратно в физическое пространство [张伟伦, 2017]. Этот процесс приносит новые ценности промышленности и обществу способами, которые ранее были невозможны.

В условиях крайне нестабильных международных отношений, например конфронтация США и Китая, Япония будет активно развивать частную экономическую дипломатию, совершенствовать способность общаться и выполнять, решать вопросы политики и стремиться построить динамичное экономическое общество в рамках концепции «Общество 5.0». Несмотря на сложившуюся ситуацию, Китай активно сотрудничает с Японией в области высоких технологий. Так, в 2016 г. был запущен китайско-японский проект стратегического сотрудничества по мерам защиты общества от старения, который длился до 2020 г. [中日携手, 2019]. В настоящее время индустрия медицинского обслуживания и ухода в Китае все еще находится на стадии развития, и большинство услуг, предоставляемых учреждениями по уходу за пожилыми людьми, включали в себя только первичный уход. Сотрудничество в области медицинской помощи в качестве отправной точки поможет двум странам достичь дополнительных преимуществ в области человеческих ресурсов, промышленности и технологий, а также принесет больше пользы пожилым людям в Китае и Японии. В то же время Китай сможет извлечь уроки из успешного развития медицинской индустрии в Японии, углубить интеграцию технологических инноваций в отрасли медицинского обслуживания, тем самым способствуя технологическому прогрессу, повысить промышленные инновации и конкурентоспособность [Japan's International ... , 2018]. Благодаря роботизации в Японии возможен уход за пожилыми людьми с помощью роботов, специализирующихся также на оказании услуг медицинской помощи. Данное нововведение поможет сформировать в КНР новый формат оказания медицинской помощи пожилым людям.

Китайско-японское сотрудничество затрагивает не только социальную сферу, но и сферу охраны природы. Например, с 1990 г. Японское

¹ Energy security, Economic efficiency, Environmental protection + Safety.

агентство международного сотрудничества¹ оказывает содействие по охране окружающей среды в Китае. JICA финансирует такие проекты, как борьба с загрязнением воздуха (39 городов), улучшение сточных вод (59 городов), улучшение обработки отходов (30 городов) и облесение (13 провинций). Благодаря JICA было реализовано 9 проектов и 5 партнерских программ в сфере экологии [Там же]. В одном из проектов² была задета проблема электронных отходов (e-waste), которые причиняют огромный ущерб окружающей среде, так как выброшенная электроника выделяет множество вредных веществ, например, свинец (Pb), ртуть (Hg), бензол (C₆H₆) и т. д. Поэтому так важно развивать человеческие ресурсы по контролю за выбросами опасных отходов, в чем и заключалась суть проекта по развитию потенциала планирования контроля за загрязнением O₃ (озон) и PM_{2.5}³. В рамках данного проекта китайским экспертам было предоставлено обучение в Японии, что несомненно демонстрирует высокий уровень сотрудничества этих стран.

Также каждый год проводится круглый стол по проблемам экологической промышленности между Японией, Китаем и Кореей. В 2009 г. страны-участницы подписали «Заявление об устойчивом развитии». В качестве области для укрепления сотрудничества на первом месте было развитие «зеленой» экономики, продвижение совместной программы научно-исследовательского сотрудничества, а также развитие инноваций в науке и технологиях с решением общих проблем и экономическое развитие. В рамках круглого стола по экологической промышленности эксперты, исследователи, правительственные чиновники участвуют в обсуждениях по вопросам взаимной сертификации экологических этикеток, экологически чистых закупок, управления окружающей средой, обмена технологиями в экологической отрасли и т. д. Участники делятся своим опытом и обсуждают способы совместной работы в этих областях.

На основании меморандума, подписанного во время визита премьер-министра Японии Синдзо Абэ в Китай в октябре 2018 г., в апреле в Пекине был проведен первый диалог о сотрудничестве между Японией и Китаем в области инноваций [令和 2 年 ... , 2020]. В мае Японское агентство по науке и технологиям и Министерство науки и технологий Китая провели Японско-китайскую университетскую ярмарку и форум в Китае 2018 в Чэнду, а в сентябре Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий и Китайская академия наук проводили научные мероприятия. В области науки и технологий были проведены различные обмены между

¹ Japan International Cooperation Agency (JICA).

² Проект построения экологически чистого общества.

³ Загрязнитель воздуха, состоящий как из твердых микрочастиц, так из мельчайших капель жидкостей размером до 2,5 микрон.

Японией и Китаем, в том числе 12-й Семинар по японо-китайской политике в области науки и технологий, в г. Коти (префектура Коти, Япония) при совместном спонсорстве Японской организации по продвижению технологий. Кроме того, с марта 2019 г. началась поддержка программы стратегических международных совместных исследований¹ в области окружающей среды и энергетики Китая.

В 2021 г. Исследовательский институт Номура с Китайским институтом информации и коммуникаций запускают проект «Международное совместное исследование цифрового социального капитала и умных городов» [株式会社 ... , 2021]. Исследовательский институт Номура² вместе с Китайским научно-исследовательским институтом информации и коммуникаций представляют собой «цифровое общество». Институтом промышленного регулирования, который является широко известным аналитическим центром в области ИКТ³ в Китае, в мае было подписано Международное соглашение о совместных исследованиях между столицей и «умным городом» и был запущен совместный исследовательский проект. В этом проекте исследуются возможности цифрового социального капитала, одним из которых являются «умные города» как примеры передовых решений социальных проблем с помощью цифровых технологий Японии и Китая. Благодаря исследованиям возможно найти способ решения проблем и продвигать международное сотрудничество в направлении цифровизации. Летом этого года состоялось совещание по обсуждению таких исследовательских тем, как реализация здорового общества за счет использования цифровых технологий, решение социальных проблем, в том числе старение и региональное возрождение, а также цифровое управление. В стартовой конференции приняли участие более двадцати исследователей из Японии и Китая. Эксперты из различных областей, таких как промышленность и наука, присоединятся к этому проекту, чтобы продвигать передовые тематические исследования по развитию устойчивого цифрового социального капитала и «умных городов». При этом будут приниматься во внимание препятствия и проблемы как в рамках Японии, так и Китая. В конце концов, две организации совместно подготовят отчет и представят его на международном симпозиуме в следующем финансовом году.

Китайские высокотехнологичные компании постепенно приходят в Японию, и их приветствуют японские партнеры и потребители. Например, компании Китая, представленные Huawei, создали центры исследований и разработок в Японии и наняли технический персонал из местных специалистов. В то же время продукция Huawei также завоевала очень хорошую

¹Strategic International Collaborative Research Program (SICORP).

²Nomura Research Institute, Ltd.

³ Информационно-коммуникационные технологии.

долю рынка в Японии. Кроме того, обмен талантами между двумя странами участился. Начиная с 2016 г. по приглашению Министерства науки и технологий Китая Япония начала направлять в Китай молодых научных и технических специалистов из государственных учреждений и университетов. Число делегаций в Китай за три года почти удвоилось: с 78 в 2016 г. до 150 в 2018 г. [华义, 2018]. Все больше и больше молодых японских исследователей подают заявки на участие в программе обмена между Японией и Китаем. Под влиянием старшего поколения экспертов, таких как Кенки Окимура, Японское агентство по развитию науки и технологий в последние годы реализовало Проект науки и технологий Сакуры для молодежи в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В 2018 г. около 2500 молодых людей из Китая были приглашены в японские школы и научно-исследовательские институты, чтобы лично пообщаться с компаниями и учеными, в том числе с лауреатами Нобелевской премии.

В конце августа 2018 г. в Токио состоялось 16-е заседание Китайско-японского совместного комитета по сотрудничеству в области науки и технологий, на котором стороны подписали меморандум о взаимопонимании по созданию совместной научно-исследовательской платформы. В будущем Япония и Китай будут и дальше укреплять совместные исследования в таких ключевых областях, как охрана окружающей среды и энергетика, включая обмен персоналом из исследовательских институтов с обеих сторон. Министр науки и технологий Китая Ван Чжиган, присутствовавший на встрече, отметил, что сотрудничество Китая и Японии в области научно-технических инноваций в значительной степени дополняет друг друга и имеет большой потенциал развития. Укрепление равноправного и взаимовыгодного сотрудничества в области научных и технологических инноваций является важным консенсусом лидеров двух стран, который отвечает общим интересам.

Таким образом, Япония и Китай активно развивают всевозможные области, непосредственно связанные с «Обществом 5.0». Результаты сотрудничества этих экономических гигантов доказывают, что человечество прямо сейчас вступает в новую эру. Технологии не стоят на месте, заставляя нас двигаться навстречу к уже ясному будущему. Как однажды сказал бывший министр образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии и президент Токийского университета: «XXI век – это век Азии».

Литература

Japan's International Cooperation. Looking Back over 40 Years of ODA to China // White Paper on Development Cooperation, 2018. P. 77.

「Society 5.0 for SDGs」で新たな時代を切り拓く // 一般社団法人 日本経済団体連合会. 2019年5月30日. URL: <https://www.keidanren.or.jp/policy/2019/045.html> (дата обращения: 03.09.2021).

邱錦田. 日本實現超智慧社會（社會 5.0）之科技創新策略 // Research Portal. 2017 年 12 月 25 日. URL: <https://portal.stpi.narl.org.tw/index/article/10358> (дата обращения: 02.09.2021).

张伟伦. “社会 5.0”：中日企业合作空间巨大. // 中国贸易报-中国贸易新闻网. 2017 年 11 月 28 日. URL: <https://www.chinatradenews.com.cn/content/201711/28/c6780.html> (дата обращения: 02.09.2021).

中日携手合作，共同应对人口老龄化挑战. URL: <http://www.cciee.org.cn/Detail.aspx?newsId=16669&Tid=231> (дата обращения: 02.09.2021).

令和 2 年版科学技術白書. 第 7 章 科学技術イノベーションの推進機能の強化. 5 諸外国との協力 // 科学技術・学術政策局企画評価課. 2020 年. URL: https://www.mext.go.jp/b_menu/hakusho/html/hpaa202001/detail/1421221_00017.html (дата обращения: 02.09.2021).

株式会社野村総合研究所. 野村総合研究所、中国信息通信研究院と「デジタル社会資本とスマートシティの国際共同研究」プロジェクトを開始. 2021 年 07 月 09 日. URL: https://www.nri.com/jp/news/info/cc/1st/2021/0709_1 (дата обращения: 04.09.2021).

华义. 综述：中日科技合作走过 40 年 // 新华网. 2018 年 10 月 26 日. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2018-10/26/c_1123619166.htm (дата обращения: 04.09.2021).

УДК 811.521

В. С. Тимофеева

Университет Канадзавы, Канадзава

ПРОБЛЕМАТИКА СОЗДАНИЯ ОНЛАЙН-СЛОВАРЯ С ЯПОНСКОГО ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА НА ЯПОНСКИЙ ЯЗЫК

Аннотация. Рассматриваются проблемы, возникшие в ходе работы над онлайн-словарем с японского жестового языка на японский язык, и предлагаются способы их решения. Также внимание уделяется выбору наиболее подходящей для базы данных словаря системы нотации жестового языка.

Ключевые слова: японский жестовый язык, система нотации жестового языка, базы данных, словари.

V. Timofeeva

Kanazawa University, Kanazawa

THE PROBLEMS OF CREATING AN ONLINE DICTIONARY FROM THE JAPANESE SIGN LANGUAGE TO THE JAPANESE LANGUAGE

Abstract. The purpose of this article is to review the problems that have arisen in the course of work on the online dictionary from the Japanese sign language to the Japanese language and to suggest ways to solve them. Close attention is also paid to the choice of the most suitable sign language notation system for the database of the dictionary.

Keywords: the Japanese sign language, sign language notation system, database; dictionary.

В современную эпоху стремительно развивающихся технологий проблемы коммуникации стоят особенно остро. Более того, проблемы возникают не только между разными странами, говорящими на разных языках, но и даже в пределах одной страны. В настоящее время все больше людей с нарушениями слуха стремятся жить и работать вместе со слышащими

людьми, в связи с чем возрастает количество людей, желающих начать изучать жестовый язык, благодаря чему возникает необходимость в создании разнообразных учебных пособий.

Несмотря на то что разных словарей и учебных пособий с японского языка на японский жестовый язык много, учебных материалов с японского жестового языка на японский язык на данный момент в Японии очень мало. Люди, изучающие жестовые языки, входя в среду жестового языка, неизменно сталкиваются с незнакомыми словами, и именно в такие моменты становится нужен словарь с жестового языка на звучащий.

Процесс создания словаря был разделен на два этапа. Первый этап включает в себя анализ существующих систем нотации жестовых языков и подбор оптимальной системы для онлайн-словаря. Второй этап подразумевает создание базы данных для будущего словаря, основываясь на нескольких словарях с японского языка на японский жестовый язык и выбранной системе нотации. В качестве лексической базы для нашего словаря был взят словарь *すぐに使える手話パーフェクト辞典* авторства Ёнаияма Акихиро [米内山, 2012].

Система нотации жестового языка – это система, позволяющая зафиксировать в письменном виде жестовый язык с помощью различных знаков. Всего для словаря было рассмотрено три системы нотации: нотация Уильяма Стоуки, система HamNoSys, разработанная исследователями Гамбургского университета, и оригинальная система нотации Такэмура Сигэру. Все рассмотренные системы нотации разбивают жест на несколько основных компонентов: локализация, движение и конфигурация (в системах Стоуки и HamNoSys также выделяется ориентация). Целевой аудиторией словаря мы считаем людей, владеющих японским жестовым языком на начальном или среднем уровне, не обладающих глубокими познаниями в лингвистике, что оказало влияние на выбор наиболее подходящей для нашей цели системы нотации.

Нотация Стоуки была разработана для американского жестового языка, в связи с чем она содержит слишком много конфигураций, не существующих в японском жестовом языке, что затрудняет ее использование в японском словаре [Hochgesang, 2007]. HamNoSys [Hanke, 2004] же была разработана с целью создать систему нотации, применимую ко всем жестовым языкам мира, что указывает на возможность ее использования в нашем словаре, однако гибкость этой системы означает, что она содержит множество конфигураций и нюансов движения, полезных для более точной передачи жеста, но затрудняющих понимание для обычного пользователя. Третья система нотации, разработанная Такэмура Сигэру для словаря *Syuwa-Nihongo Daijiten* (рис. 1) [竹村茂, 1999], была создана специально для японского языка, однако в ней также много конфигураций, часть из

которых заимствованы из американского языка жестов (например, конфигурация Q) и не используются в японском жестовом языке (рис. 2), при этом системе недостает систематичности, что в совокупности также затрудняет использование этой системы нотации неподготовленными пользователями. Также особенностью системы Такэмура Сигэру является то, что в ней нет категории ориентации (направления конфигурации), поскольку конфигурации в ней существуют уже в наклоненном виде, что имеет как преимущество в виде сравнительной легкости освоения пользователем, так и недостаток в виде большего количества конфигураций, нежели, к примеру, в системе Стоуки.

Рис. 1. Конфигурации в системе Такэмура Сигэру

Рис. 2. Пример конфигурации Q из словаря Такэмура Сигэру и американского языка жестов (слева). Примеры жестов японского жестового языка, отнесенных Такэмура к категории Q

Необходимая нам система нотации должна иметь еще один критерий: она должна быть легко конвертируемой в интерфейс сайта, что позволит нам пожертвовать точностью передачи жестов или выражения лиц в пользу легкости восприятия для пользователей. Таким образом, в ходе данного исследования было принято решение взять за основу систему Такэмура Сигэру и модифицировать ее для более легкого восприятия. Взав за идею классификацию конфигураций HamNoSys, мы разбили конфигурации на категории по количеству выпрямленных пальцев и общей форме: кулак, 1–5 выпрямленных пальцев, круг. Категории движения и локализации также были взяты из словаря Такэмура Сигэру. Категории движения: вверх-вниз, влево-вправо, взад-вперед, круговые движения, движение на месте, без движения. Категории локализации: нейтральное пространство, над головой, сбоку головы, голова, виски, лоб, уши, глаза, нос, щеки, рот, перед лицом, подбородок, шея, горло, плечи, грудь, перед грудью, живот, перед животом, подмышки, ноги. Таким образом, нам удалось сделать систему более легкой как для восприятия пользователями, так и для будущей переработки в интерфейс сайта словаря.

Рис 3. Пример смешивания результатов поиска. Оба жеста будут результатом поиска по тэгам «жест одной руки», «локализация: нейтральное пространство», «конфигурация: ладонь вниз», «движение: вверх-вниз»

Тем не менее в процессе составления базы данных возникли следующие проблемы:

1. В системе нотации Такэмура Сигэру ограниченное количество направлений движения, из-за чего жесты с одинаковой конфигурацией смешиваются, что увеличивает количество результатов поиска и, соответственно, затрудняет нахождение необходимого жеста (рис. 3).

2. Движения носителей языка менее четкие, что затрудняет как классификацию жеста, так и распознавание его реципиентом.

3. Носители языка склонны сокращать жесты, выполняемые двумя руками, до одной руки с целью экономии речевых усилий или ради удобства, что также затрудняет распознавание жеста реципиентом.

4. Несмотря на то что в системе нотации Такэмура Сигэру нет категории ориентации, а конфигурации уже закреплены в определенном

направлении, конфигураций не хватает. Некоторые жесты приходится относить к конфигурации, отличной по направлению, поскольку более подходящей конфигурации нет.

5. При перенесении слов из словаря Ёнаияма стало очевидно, что часть жестов составные, что также затрудняет их распознавание реципиентом.

Таким образом, были предприняты следующие способы решения данных проблем. Чтобы сократить количество нерелевантных результатов поиска, было решено добавить несколько дополнительных категорий: для жестов, имитирующих форму буквы, символа или иероглифа, – «письмо в воздухе» (空書, ку:сё), для иных жестов, которые сложно отнести к определенной категории, – «иные» (その他, соно та) (рис. 4). Недостаток конфигураций вынуждает нас придумывать свои конфигурации, например, более подходящий японскому языку аналог конфигурации Q. Также наличие составных слов вынудило нас ввести соответствующую категорию 複合語 (фукуго:го) в базе данных, найдя все пересечения с другими словами, что должно сократить ресурсы при переработке базы данных в форму сайта.

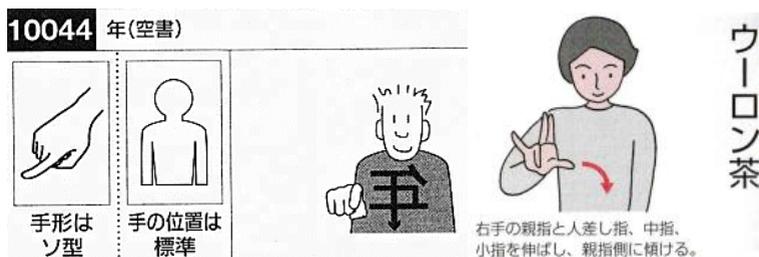

Рис. 4. Пример жестов дополнительных категорий 空書 иその他

Вторую и третью проблему можно попытаться решить добавлением нескольких видео для каждого жеста: медленное и четкое выполнение жеста как «словарную форму» и более быстрое и естественное как «народную форму». Однако подобное решение требует больших финансовых вложений, что затрудняет его воплощение.

Литература

- 竹村茂 (1999) 「手話・日本語大辞典」東京：廣済堂出版
 米内山明宏 (2012) 「すぐに使える手話パーフェクト辞典」東京：ナツメ社
 Hanke T. HamNoSys - representing sign language data in language resources and language processing contexts // Streiter, Oliver, Vettori, Chiara (eds): LREC 2004, Workshop proceedings : Representation and processing of sign languages. Paris : ELRA, 2004. P. 1–6.
 Hochgesang J. A. Quick Guide to Stokoe. URL: https://figshare.com/articles/journal_contribution/Quick_Guide_to_Stokoe_Notation/7379939 (дата обращения: 09.09.2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Афанасьева Марина Петровна, старший преподаватель кафедры иностранных языков и лингводидактики Педагогического института Иркутского государственного университета.

Баранов Николай Иосифович, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института образовательного регионоведения, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

Баум Екатерина Павловна, ассистент кафедры японского языка Института иностранных языков Московского городского педагогического университета.

Благодер Юлия Гариевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и психологии Кубанского государственного технологического университета.

Бурляй Ян Анастасьевич, Чрезвычайный и полномочный посол, профессор Московского государственного лингвистического университета, директор Центра ибероамериканских программ МГЛУ.

Ван Сюэцзяо, переводчица отдела международных связей Ляонинского университета, г. Шэньян, КНР, штатный преподаватель Института Конфуция / 王雪娇, 中国辽宁大学, 国际交流处翻译/孔子学院专职教师.

Вербицкая Ольга Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

Верченко Алла Леонидовна, старший научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН.

Ворошилова Виктория Александровна, магистрант Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета по направлению «Зарубежное регионоведение», профиль «Комплексные исследования стран Азиатско-Тихоокеанского региона» (научный руководитель: И. В. Шалина, кандидат исторических наук, доцент).

Гартунг Стелла Рудольфовна, ассистент кафедры языковой подготовки Морского государственного университета им. адмирала Г. И. Невельского, аспирант Иркутского государственного университета (научный руководитель: Т. Е. Литвиненко, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии Иркутского государственного университета).

Дацышен Владимир Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета, профессор кафедры всеобщей истории Красноярского государственного педагогического университета.

Дерюгин Павел Петрович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии Санкт-

Петербургского государственного университета, профессор кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета.

Дудин Павел Николаевич, доктор исторических наук, директор центра изучения государства и права стран Восточной Азии Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления.

Е Хуэй, магистр филологии, штатный преподаватель Цзянсийского финансово-экономического университета, г. Наньчан, КНР / 叶慧, 文学硕士, 专职教师, 江西财经大学.

Жихарева Татьяна Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры английской филологии и перевода Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета.

Иванова Светлана Олеговна, магистрант Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета по направлению «Зарубежное регионоведение», профиль «Комплексные исследования стран Азиатско-Тихоокеанского региона» (научный руководитель: И. В. Шалина, кандидат исторических наук, доцент).

Имамулиева Эльмира Эльмановна, старший преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», младший научный сотрудник Института востоковедения РАН.

Каверина Оксана Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

Калихман Аркадий Давидович, доктор физико-математических наук, профессор, заслуженный путешественник России, ФГБУ «Заповедное Прибайкалье».

Калихман Татьяна Петровна, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории картографии, геоинформатики и дистанционных методов Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН.

Камышина Елена Александровна, аспирант и ассистент кафедры социологии и политологии гуманитарного факультета СПбГЭТУ.

Карапетьянц Артемий Михайлович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета, заслуженный профессор Московского университета.

Карпенко Елена Васильевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского Федерального университета.

Кобжицкая Ольга Германовна, кандидат философских наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

Коваленко Кристина Сергеевна, студент (научный руководитель: М. В. Ефименко, старший преподаватель школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ).

Коваль Владимир Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры русского, общего и славянского языкознания Гомельского государственного университета им. Франциска Скорины.

Козлова Юлия Владиславовна, кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник научной лаборатории «Технологии социально-гуманитарных исследований», Нижегородский государственный лингвистический университет.

Кондакова Кристина Сергеевна, студент (научный руководитель: Э. Э. Имамкулиева, старший преподаватель Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», младший научный сотрудник Института востоковедения РАН).

Коробко Виолетта Олеговна, преподаватель кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

Кремнёв Евгений Владимирович, кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

Круглов Владислав Владиславович, директор Центра языков стран Европы и Азии Школы ЦПМ (г. Москва), главный тренер сборной Москвы к Всероссийской олимпиаде школьников по китайскому языку, преподаватель кафедры китайского, вьетнамского, лаосского и тайского языков МГИМО МИД России, старший преподаватель кафедры ЮНЕСКО «Востоковедение и африканистика: современные методы изучения и преподавания» ИСАА МГУ.

Кузнецова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

Кульгавова Лариса Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

Куратченко Марина Анатольевна, кандидат философских наук, и. о. заведующего кафедрой социальной антропологии и межкультурной коммуникации, директор Центра китайского языка, Сибирский институт управления, филиал РАНХиГС при Президенте РФ.

Курдюмов Владимир Анатольевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры китайского языка Института иностранных языков Московского городского педагогического университета.

Лебединцева Любовь Александровна, доктор социологических наук, доцент, доцент кафедры экономической социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Лесниковская Екатерина Викторовна, кандидат социологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

Мазур Татьяна Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Меркулова Елизавета Алексеевна, студентка гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета направления «Лингвистика», профиль «Перевод и переводоведение в сфере экономики и финансов» (научный руководитель: Т. А. Пруцких, кандидат филологических наук).

Новоселова Маргарита Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

Оробьева Екатерина Александровна, магистрант ИГУ (научный руководитель: Н. Ю. Тразанова, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета).

Перлин Петр Валерьевич, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института образовательного регионоведения, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

Перцева Виктория Андреевна, студентка Казанского (Приволжского) Федерального университета, Институт международных отношений, направление «Востоковедение и африканистика», профиль «Экономика стран АТР (Япония)» (научный руководитель: Д.М. Ан, преподаватель).

Печерица Владимир Федорович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политологии Восточного института, Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета.

Пруцких Татьяна Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра восточных языков Гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Русак Дмитрий Васильевич, студент Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД РФ, направление подготовки «Экономика» (научный руководитель: В. В. Круглов, соискатель степени кандидата наук, преподаватель кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков МГИМО (У) МИД России).

Саакян Армен Коляевич, доктор социологических наук, профессор, профессор Ереванского филиала Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова.

Савченко Ирина Александровна, доктор социологических наук, профессор кафедры философии, социологии и теории социальной коммуникации Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова; профессор кафедры психологии и

педагогике Нижегородской академии МВД РФ; Нижегородский государственный педагогический университет им. Козьмы Минина (Мининский университет), Московский городской педагогический университет.

Сагатчук Светлана Петровна, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Московского областного казачьего института технологий и управления Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского.

Сергеева Александра Александровна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры китайской филологии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета.

Серебrenникова Евгения Федоровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романо-германской филологии Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

Степанов Александр Викторович, учитель истории МБОУ СОШ № 18 г. Иркутска.

Суржко Антон Валерьевич, ассистент кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Гуманитарного института Сибирского федерального университета (научный руководитель: В. Г. Дацышен, доктор исторических наук, профессор).

Сюй Цзин, доктор наук (PhD) в области филологии, Цзянсийский педагогический университет, Гуманитарный институт / 徐静, 文学博士, 江西师范大学文学院.

Табакoва Диана Александровна, студент (научный руководитель: М. В. Ефименко, старший преподаватель школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ).

Тимофеева Валентина Сергеевна, магистрант (научный руководитель: Таки Ватару, доктор наук в области специального образования, профессор университета Канадзава, Высшей школы гуманитарных и социально-экологических исследований / 武居渡, 博士, 心身障害学, 金沢大学 人間社会環境研究科, 地域創造学専攻).

Титова Мария Алексеевна, младший научный сотрудник отдела «Наследие Рерихов» филиала Государственного музея искусства народов Востока «Музей Рерихов».

Тразанова Наталья Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

Трубич Ольга Анатольевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры образования в области романо-германских языков Дальневосточного федерального университета (ДФУ), филиала в г. Уссурийске (Школы педагогики).

Уханова Эркелей Владимировна, кандидат исторических наук, ассистент кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

Федорова Татьяна Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

Хамаева Елена Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры китайского, вьетнамского, бирманского, лаосского и тайского языков Московского государственного института международных отношений (университета).

Хо Ольга Александровна, кандидат филологических наук (докторская степень PhD, Хэйлунцзянский университет, КНР; специальность «Китайская филология»), доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Иркутского государственного университета.

Ху Синьчэнь, магистр, Цзянсийский финансово-экономический университет, преподаватель / **胡新辰**, 硕士, 江西财经大学, 教师.

Цзинь Лин, Чаоянский специальный педагогический колледж высшей ступени, преподаватель / **金玲**, 朝阳师范高等专科学校, 教师.

Чайкисова Анна Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

Чжу Юлунь, доктор наук (PhD) в области филологии, Цзянсийский финансово-экономический университет / **朱佑伦**, 文学博士, 江西财经大学.

Чунихина Татьяна Николаевна, кандидат политических наук, доцент Кубанского государственного технологического университета.

Шалина Ирина Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета.

Шурыгина Ольга Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент, Российская таможенная академия, Владивостокский филиал.

Энх-Амгалан Сандаг, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Исследовательского института географии и геоэкологии Монгольской академии наук.

Эргардт Елена Гаррьевна, научный сотрудник Научно-исследовательского института образовательного регионоведения Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Юй Ян, студент Санкт-Петербургского государственного университета (научный руководитель: П. П. Дерюгин, доктор социологических наук, профессор).

Яковлев Владимир Васильевич, кандидат исторических наук, директор Научно-исследовательского института образовательного регионоведения, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена.

Ярмак Ольга Валерьевна, кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социальных коммуникаций Севастопольского государственного университета.

РАЗДЕЛ I. СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЯЗЫКА,
КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВА

Афанасьева М. П. Интерпретация «сакрального» как ценностной составляющей китайского лингвокультурного сообщества (на материале фразеологических единиц)	4
Баум Е. П. Сайт посольства как инструмент создания имиджа страны (на материале сайта Посольства Японии во Франции)	11
Ван Сюэцзяо. Лингвокультурологический анализ концепта «здоровье» в русской языковой картине мира	17
Гартунг С. Р. Конфликтные ситуации в американском коммуникативном пространстве	22
Е Хуэй. Анализ функций дискурса передовых статей / 叶慧. 社论语篇的功能分析	28
Жихарева Т. Ю. Даосская символика в поэзии китайских поэтов эпохи Тан (唐) в контексте пространственно-временного восприятия мира	34
Каверина О. А. Проявление социальной напряженности в период вакцинации от COVID-19 в США (на примере анализа сообщений в сети Instagram).....	37
Карапетьянц А. М. Вопросы интерпретации текстов Сюй Шэня, сопряженных с ключами словаря Шовэнь	45
Карапетьянц А. М. Формирование китайской письменной традиции (памяти О. М. Готлиба)	51
Кобжицкая О. Г., Хо О. А. Трудности при переводе антропонимов в китайских фразеологизмах / 汉语熟语中的人名翻译难点	62
Коваль В. И. Китайские фразеологизмы со «скрытой» внутренней формой в «Китайско-русском фразеологическом словаре»	67
Круглов В. В., Русак Д. В. Издания А. П. Хионина как источник сведений об общественно-политической лексике официального китайского языка первой трети XX века	76
Кульгавова Л. В. <i>Mustard</i> в американской лингвокультуре: динамика языковых и концептуальных смыслов	83
Курдюмов В. А. Метафора на стыке китайского и европейского миров. Введение в проблему	88
Курдюмов В. А. Китайский язык и лингвистические идеологии.....	94
Новоселова М. В. Анализ экологического медиадискурса: экология как источник социальной напряженности в США	105

Пруцких Т. А., Меркулова Е. А. Влияние традиции «сохранения лица» на китайскую систему образования	111
Сагатчук С. П. Нравственные ориентиры творческого поиска В. М. Шукшина	118
Сюй Цзин. Изучение личных местословий в диалекте Юнсю провинции Цзянси / 徐静. 江西永修方言人称代词研究	128
Титова М. А. Исследование металлической скульптуры Гуаньинь эпохи династии Мин из фонда наследия Рерихов Государственного музея Востока	145
Тразанова Н. Ю. В начале было слово, или Концепция котодама в японской лингвокультуре	152
Хамаева Е. А. Семантическая мотивированность фамилии и имени в китайской и русской ономастических системах	161
Хо О., Кобжицкая О. Г. Анализ идиоматических выражений с компонентом «любовь» в китайском языке /汉语中包含“爱”的成语研究	166
Чжу Юлунь. Изучение феномена «и вэнь вэй би» периода Южных династий / 朱佑伦. 南朝以文为笔现象略谈	172

РАЗДЕЛ II. ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Благодар Ю. Г. Судьба памятников старины в Китае (конец XIX – начало XX в.)	176
Верченко А. Л. Китайские студенты КУТК: реконструкция одной биографии (вера, надежда, любовь Надежды Неверовой).....	181
Ворошилова В. А., Шалина И. В. Феномен хикикомори как социальная проблема Японии	192
Дудин П. Н. «Дай Цин хуэйдянь»: место в структуре законодательства империи Цин и отражение в трудах отечественных и западных исследователей	196
Имамкулиева Э. Э., Кондакова К. С. Суэцкий канал и альтернативные маршруты в системе международных грузоперевозок (на примере КНР – ЕС)	206
Калихман А. Д., Калихман Т. П. Манзы и хунхузы в дневниках Бенедикта Дыбовского.....	213
Калихман Т. П., Энх-Амгалан С. Территориальная охрана природы в Сибири и Монголии	221
Карпенко Е. В. Восприятие русскими путешественниками санитарно-эпидемиологического состояния монголов эпохи Цин	233
Мазур Т. Г. Об отношении Хань Юя к буддийской сангхе и монахам	239
Суржко А. В. Иркутский государственный университет в советско-монгольском научно-образовательном сотрудничестве в 1950–1970-е гг. (по материалам университетской газеты).....	245

Трубич О. А. Торгово-промышленный музей в контексте развития Восточного института на Дальнем Востоке России (конец XIX – начало XX в.)	252
Уханова Э. В. Японский подход к коммерциализации космической деятельности	260
Ху Синьчэнь. Анимация тушью: поиск художественной концепции кисти и туши / 胡新辰. 水墨动画: 笔墨情趣之意境追求	264
Шурыгина О. А. К вопросу о культурной дипломатии в Японии	269

РАЗДЕЛ III. ВОПРОСЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В РУСЛЕ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ РЕГИОНОЛОГИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Баранов Н. И., Эргардт Е. Г. Празднование десятилетия образования КНР в советской детской периодике	277
Бурляй Я. А. Перспективы взаимодействия с КНР в интересах углубления сотрудничества России с Латинской Америкой	287
Вербицкая О. Ю. К вопросу о формировании глобального мышления	291
Дацышен В. Г. Вклад русских реэмигрантов в развитие советского Китаеведения после Второй мировой войны	295
Дерюгин П. П., Кремнёв Е. В., Ярмак О. В., Камышина Е. А., Юй Ян Трансрегиональные исследования человеческого капитала: стратегия диагностики и управление (опыт эмпирических исследований российских, китайских и европейских корпораций)	303
Иванова С. О., Шалина И. В. Влияние пандемии коронавируса на традиции Японии	312
Козлова Ю. В. Локальная идентичность как фактор эффективности регионального управления в контексте модели «бережливое управление»	316
Кузнецова О. В., Лебединцева Л. А., Кремнёв Е. В., Коробко В. О. Вклад американской школы региональной науки в становление регионологических исследований в Республике Корея: управление региональным развитием	320
Лесниковская Е. В., Серебrenникова Е. Ф., Дерюгин П. П., Кремнёв Е. В., Кузнецова О. В. Теория научных революций в контексте формирования концепции трансдисциплинарной регионологии: научные кризисы и управление ими	331
Печерица В. Ф. Арктическая стратегия Китая во взаимодействии с Россией	336
Саакян А. К. Этнокультурные особенности езидов в Армении: социологический анализ	348
Савченко И. А., Козлова Ю. В. Концепт бережливого управления в фокусе развития региона	356
Степанов А. В., Федорова Т. В. Значение протестантской церкви США в политической жизни государства	361

Степанов А. В., Федорова Т. В. Демократия сегодня: методологические аспекты формирования демократии и роль США в данном процессе	367
Чайкисова А. В. Миф как инструмент манипуляции общественным мнением в публичном пространстве США	377
Чунихина Т. Н. Порядок защиты персональных данных граждан России как основы формирования человеческого капитала государственной организации	381
Яковлев В. В., Перлин П. В. Затянувшееся «путешествие на запад» или экспансия?	387

РАЗДЕЛ IV. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРАХ РЕГИОНОВЕДЕНИЯ И ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Куратченко М. А. Сотрудничество в сфере преподавания китайского языка как второго иностранного между китайскими и российскими преподавателями	394
Сергеева А. А. Китайские студенты в ИСАА МГУ: опыт преподавания в условиях пандемии	398
Цзинь Лин. О состоянии и развитии преподавания русского языка в высших профессиональных колледжах на основе теории РОА / 金玲. 基于 ROA 理论浅谈高职院校大学俄语教学现状与发展	403

РАЗДЕЛ V. НАЧИНАЮЩИЙ ВОСТОКОВЕД / РЕГИОНОВЕД

Коваленко К. С., Табакова Д. А. Специфика государственной политики в отношении домашнего насилия в КНР в XXI в.	407
Оробьева Е. А. К вопросу о качестве перевода художественных произведений с русского на японский язык (на материале рассказов А. П. Чехова).....	412
Перцева В. А. Сотрудничество Японии и Китая в реализации стратегии «Общество 5.0»	420
Тимофеева В. С. Проблематика создания онлайн-словаря с японского жестового языка на японский язык	425
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	430

Научное издание

V ГОТЛИБОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**ВОСТОКОВЕДЕНИЕ И РЕГИОНОВЕДЕНИЕ
АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА
В РУСЛЕ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ
РЕГИОНОЛОГИИ**

Материалы
Международной научно-практической конференции,
посвященной 70-летию со дня рождения
Олега Марковича Готлиба
Иркутск, 19–21 октября 2021 г.

ISBN 978-5-9624-2002-8

Редакторы: Н. А. Михайлова, А. Н. Шестакова

Подписано в печать 24.12.2021. Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. 26,7. Усл. печ. л. 27,5. Тираж 100 экз. Заказ 311

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664082, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124
e-mail: izdat@lawinstitut.ru